

МАРГАРИТА
НАВАРРСКАЯ

МАРГАРИТА
НАВАРРСКАЯ

ГЕПТАМЕРОН

ГЕПТАМЕРОН

la feü reine de nague
marguente

МАРГАРИТА НАВАРРСКАЯ

ГЕПТАМЕРОН

*Перевод с французского
АЛЕКСЕЯ ШАДРИНА*

ЛЕНИНГРАД
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

1982

ББК 84.4 Фр
М 25

Вступительная статья
А. МИХАЙЛОВА

Комментарии
Э. ГУКОВСКОЙ

Оформление
Л. ЯЦЕНКО

М 4703000000-079 без объявл.
028(01)-82

© Вступительная статья, оформление.
Издательство «Художественная литература», 1982 г.

КНИГА НОВЕЛЛ КОРОЛЕВЫ НАВАРРСКОЙ

«В царствование короля Франциска Первого...» — так начинаются очень многие новеллы «Гептамерона», и действительно в книге Маргариты Наваррской отразились существенные черты этого переменчивого тридцатилетия (1515—1547), полного надежд, свершений, разочарований и утрат.

Время крутой ломки стародавних представлений, обычаев, этических норм, первая половина шестнадцатого столетия во Франции была эпохой поразительно пестрой и динамичной. Тогда старое и новое не только легко уживались друг с другом, но и причудливо переплетались, образуя неповторимый синтез. Новое выросло на прочном фундаменте старого.

Ярким символом этого времени могут служить знаменитые французские замки, эти подлинные жемчужины Ренессанса. Многие из них как раз в эти десятилетия были перестроены в новом вкусе из старых средневековых твердынь: остались в неприкосновенности массивные башни с узкими бойницами, сложное плетение готических сводов, стремительно взмывающие ввысь шпили, но были прорублены широкие итальянские окна, появились классические карнизы и пилястры, фронтоны и картуши с изображением античных мифологических сцен. Эта замысловатая эклектика вылилась в своеобразный художественный стиль, стиль Франциска Первого, в котором соединение, казалось бы, несочетаемого и составляет его неподдельную прелесть.

Несмотря на стойкую живучесть средневековых черт, культура эпохи была культурой открытой. Открытой творческим импульсам, идущим извне, а также — развивающейся, ориентированной в будущее. Широким потоком хлынули во Францию, прежде всего из Италии, новые, ренессансные произведения искусства, книги, всяческая домашняя утварь, наряды, иные диковинки. И конечно, новые идеи. Но и они вплетались в сложную систему старых представлений. Переходная эпоха, каковой было это время, она породила и людей импульсивных, ломких и противоречи-

вых, для которых были так характерны постоянные душевные метания и поиски, смелые прозрения и, казалось бы, ничем не оправданная осторожность.

Осторожными и неторопливыми были и первые шаги французского гуманизма, то есть новой, ренессансной учености, опиравшейся на изучение античности. Французский гуманизм в своем развитии был тесно связан с успехами книгопечатания, его нуждами и проблемами. Но в отличие от первых книгоиздательских опытов, относящихся еще к концу XV века, теперь с печатного станка начинают сходить не одни лишь религиозные тексты — Священное писание и сочинения отцов церкви, и не только редкие памятники отечественной средневековой словесности, но и произведения писателей античности, прочитанные, прокомментированные и понятые уже по-новому.

Однако священные тексты все еще остаются в центре внимания. Лишь подход к ним заметно изменился. Его можно было бы назвать «филологическим». С догматической неприкосновенностью текста. Писания было покончено, началась его филологическая критика, то есть очищение от ошибок и искажений, накопившихся за долгие века средневековья. Это потребовало, конечно, восстановления в правах классической латыни, но также обращения и к другим языкам античности — древнегреческому и древнееврейскому.

В развитии французского гуманизма вот что примечательно: столица, Париж долгое время не был его центром, хотя там находилось немало типографий, там был королевский двор, покровительствовавший первым гуманистам. Подобно ренессансным замкам, гуманизм выросал на старой, средневековой основе.

Речь в данном случае идет не только о том, что все начиналось с толкования религиозных текстов; гуманизм выросал из старого и чисто организационно: в монастырях составлялись кружки богословов, мыслящих по-новому; эти кружки разрастались, вступали в переписку между собой, затем начинали заочный диалог с таким непререкаемым авторитетом, каким стал к этому времени во всей Европе Эразм Роттердамский. Кончалось же обычно тем, что члены этих монастырских кружков покидали монашью келью, сбрасывали рясу и находили иное применение своим знаниям и энергии. Таким, между прочим, был жизненный путь Рабле, современника Маргариты Наваррской и короля Франциска.

Отличительной особенностью раннего французского гуманизма был евангелизм, то есть не только стремление следовать предписаниям Евангелия, но и отказ от ряда положений Ветхого завета, и, главное, — пересмотр церковной догматики с точки зрения евангельских текстов, удаление из религиозного обихода всего того, что этими текстами не оказывается подкрепленным. Евангелизм был предтечей Реформации, более радикальной и смелой по своим задачам, отрицавшей непререкаемый

авторитет папы, а также такие краеугольные камни католицизма, как монашество, инквизиция, индульгенции и т. п., и тем самым открыто бросившей вызов господствующей церкви и освященным ее авторитетом феодальным обычаям и порядкам. Видным деятелем евангелистского движения был епископ Гийом Брисонне, оказавший решающее влияние на формирование мировоззрения королевы Маргариты. Возможно, не без ее воздействия сочувствовал этому движению и Франциск Первый, ее брат.

Его нередко называли отцом изящной словесности. Вступив на трон в 1515 году, этот представитель младшей ветви династии Валуа (так называемые Валуа-Ангулемы), которая не очень-то могла рассчитывать на королевский престол, Франциск с присущей ему энергией, увлеченностью и размахом продолжил как внешнюю, так и внутреннюю политику своих предшественников — Карла VIII и Людовика XII. Он подхватил эстафету их военных авантур, не прекратив бесперспективной борьбы с Испанией и Империей из-за Северной Италии, что порой приводило к жестоким поражениям французских войск (например, в битве при Павии в 1525 году, когда Франциск попал в испанский плен). С еще большей настойчивостью, чем его предшественники, Франциск насаждал у себя ренессансные обычаи и нравы. Он широко приглашал к своему двору итальянских правоведов, политиков, врачей, военачальников, инженеров — вообще людей, сведущих в своем деле, и, конечно, писателей и художников. И если значительных итальянских писателей залучить к себе ему не удалось, то художники приезжали во Францию отменные — Приматиччо, Леонардо да Винчи, Андреа дель Сарто, Бенвенуто Челлини.

Приглашая архитекторов и живописцев, возводя новые роскошные резиденции — Шамбор, Фонтенбло, Анэ, Франциск все-таки оставался прежде всего «отцом словесности». Он ободрял переводчиков и издателей, покровительствовал писателям и поэтам. Он был щедрым меценатом и добрым другом: и Рабле, и замечательный лирик Клеман Маро неизменно находили у него и стол, и кров. Последнее, пожалуй, было куда важнее первого: молодые французские гуманисты имели бесчисленных врагов среди представителей старой науки, этой послушной «служанки богословия». Франциск не раз вставал на защиту своих друзей. Он противопоставлял свой еще далеко не абсолютный авторитет короля многовековому авторитету церкви. В этом поединке королевская власть не всегда оказывалась победительницей, ей нередко приходилось маневрировать и отступать, тем самым предавая писателей и ученых, которым не оставалось ничего другого, как скрыться. Иногда Франциск просто пугался все возрастающего размаха реформаторского движения, как, например, в 1534 году, когда рьяными католиками в Лувре были расклеены листовки, обвиняющие двор и самого короля если не в прямой ереси, то в попустительстве ей. Он не всегда достаточно

быстро заставлял замолчать врагов его любимой сестры Маргариты, он даже порицал ее за увлечение идеями Реформации. А в 1535 году этот «отец словесности» запретил в стране книгопечатание (впрочем, ненадолго).

И все же Франциск сделал для французской словесности и гуманистической науки немало. Так, он всячески содействовал издательской деятельности семьи Этьенов, по его заказу Жак Амю принял за перевод Плутарха, а Эрбере Дез Эссар — романа об Амадисе Гальском. Специальным эдиктом Франциск ввел в делопроизводство и отчасти в юриспруденцию французский язык вместо устаревшей латыни, учредил учебное заведение нового типа — Коллегию королевских лекторов, ставшую рассадником новых знаний и противопоставившую себя Сорбонне. Обладавший в большей степени хорошим вкусом, чем обширными знаниями, Франциск, однако, умел ценить их в других и стремился окружить себя учеными и поэтами. Король хотел быть главой французского Ренессанса, и, хотя эти его претензии были явно чрезмерными, он делал для французской культуры все, что мог и умел. И действительно, царствование его, особенно первые два десятилетия, может рассматриваться как пора торжествующего Ренессанса, когда казалось, что перед человечеством открываются новые горизонты, что готовы сбыться провидческие слова Платона (их не случайно повторяет Рабле): «Государства только тогда будут счастливы, когда цари станут философами или же философы — царями». К «поколению Франциска» относятся такие видные гуманисты, как Гийом Бюде и Этьен Доле, такие поэты, как Клеман Маро, Морис Сев, Антуан Эроэ, такие писатели, как Никола де Труа, Бонавантюр Десперье, как Рабле. Далеко не последнее место занимает среди них «единственная и возлюбленная сестра короля Франциска» Маргарита Наваррская.

«Она была благородна, добродетельна и хороша собою и умела увлекательно рассказать какую-нибудь веселую историю и посмеяться сама, когда рассказывали другие». Это самохарактеристика Маргариты (новелла 62-я). Действительно, все мемуаристы неизменно отмечают ее покладистый и общительный характер, доброту, тонкий ум и образованность.

Маргарита родилась в 1492 году в семье графа Карла Ангулемского, принца крови, но из боковой, захудалой ветви. Мать Маргариты, честолюбивая и волевая Луиза Савойская, обладала характером практическим и суховатым, и дети — старшая, Маргарита, и младший, Франсуа, не знали материнской ласки. Карл Ангулемский скончался рано, в 1496 году, оставив молодую вдову с двумя детьми на руках. Но у сестры и брата нашлись неплохие наставники, изучавшие с ними не

только латынь и катехизис, но и античных классиков. Не были забыты и французские средневековые поэты. С увлечением занималась молодая Маргарита древними языками, а также языком новой, ренессансной культуры — итальянским. В замке Блуа, где прошли юные годы сестры и брата, хранилась превосходная библиотека, и она была целиком в их распоряжении. Как писал позднее известный мемуарист Брантом, Маргарита «с юных лет отдалась чтению». Но такова уж была эпоха: рядом с рано проснувшимися литературными интересами в душе Маргариты заметное место заняла глубокая религиозность, весьма далекая от религиозности ортодоксальной. Религия была для будущей писательницы поддержкой в ее беспокойной и трудной жизни, она учила ее добру и состраданию, самопожертвованию и справедливости. Вот почему идеи евангелизма нашли очень скоро у Маргариты полное понимание и поддержку.

Любимая сестра короля, постоянно окруженная лучшими умами своего времени, богато одаренная и умеющая наслаждаться всеми разнообразнейшими благами бытия, Маргарита в личной жизни не была счастлива. Нежно привязанная к брату, она не всегда встречала с его стороны такую же любовь и доверие. Оба ее брака были продиктованы политическими соображениями, и в них она не обрела простого женского счастья. В семнадцать лет ее выдали за герцога Карла Алансонского, с которым у нее не могло быть духовной близости: он был бесконечно далек от литературных интересов жены. Впрочем, они и редко жили вместе. Как и большинство дворян той эпохи, герцог Алансонский был военным, но не прославился на поле брани. Не один год одиноко прожила Маргарита в мрачном и холодном Алансонском замке, вдали от друзей, от книг, от любимого брата. Жизнь ее резко изменилась после вступления Франциска на престол. На какое-то время она стала вторым человеком при дворе, оттеснив в тень некрасивую и болезненную королеву, ее невестку.

В это первое десятилетие правления брата Маргарита пыталась играть заметную политическую роль. Она помогала матери управлять страной в то время, когда король находился в походе или в плену в Мадриде, она сама отправилась в испанскую столицу и вела там переговоры (безуспешные) об условиях освобождения Франциска. Но с годами ее влияние при дворе начинает падать. Этому способствовал и ее второй брак.

После смерти мужа (Карл Алансонский умер от плеврита, простудившись во время бегства из Италии после павийского разгрома) в тридцать пять лет Маргарита вторично выходит замуж, на этот раз за короля Наварры Генриха д'Альбре. Но и тут она не нашла семейного счастья. Генрих (он был моложе жены на одиннадцать лет) уделял мало внимания Маргарите, весь отдавшись политическим интригам и многочисленным любовным авантюрам. Впрочем, теперь Марга-

рита узнала радость материнства, хотя и здесь не обошлось без настоящего горя. В 1528 году у нее родилась дочь Жанна (будущая мать Генриха IV), в 1530 году — сын Жан, который не прожил и шести месяцев. Дочь была не очень близка с матерью, к тому же ее рано призвали к парижскому двору, где держали почти как заложницу (и ее уделом стал брак по политическим соображениям), в то время как Маргарита и Генрих д'Альбре оставались в своих владениях, безуспешно стараясь сохранить независимость маленького Наваррского королевства.

Как уже говорилось, Маргарита хотела бы играть значительную политическую роль. Во-первых, потому, что она была натурой деятельной и энергичной. Но также — из любви к брату, считая его дело своим делом. И если в международную политику Франции вклад ее был невелик, то значительно больше сделала королева Наваррская в области культуры. Она постоянно поддерживала гуманистов в их смелых начинаниях и проектах, давала у себя приют преследуемым и гонимым, используя свое влияние на брата, чтобы оградить их от нападков «сорбоннагров». Впрочем, подобным нападкам подвергалась и она сама. На богословском факультете Парижского университета у нее были только враги. В 1533 году они вынесли вердикт, осуждающий и запрещающий книгу спиритуалистических стихов Маргариты «Зерцало грешной души». Здесь на защиту венценосной поэтессы встал король Франциск, и запрещение было аннулировано, а его инициатор Ноэль Беда изгнан из Парижа. Куда труднее удавалось Маргарите защищать своих друзей и единомышленников. Далеко не всегда ей оказывал в этом поддержку король. А в поддержке ее, в ее материальной и моральной помощи нуждались многие, ибо вокруг Маргариты уже в первые годы царствования Франциска начал складываться кружок самых передовых мыслителей и поэтов. Близок к ней был Клеман Маро — бесспорно, самый талантливый представитель французской поэзии той эпохи. Внезапная и таинственная смерть Маро в 1544 году была для Маргариты тяжелым ударом. Один из самых смелых и радикальных умов первой половины столетия, Бонавантюр Десперье, в 1536—1541 годах состоял при ней секретарем. Именно в это время он создал свой «Кимвал мира» (тут же осужденный Парижским парламентом) и сборник смешных и озорных новелл «Новые забавы и веселые разговоры». Секретарем Маргариты был также Антуан Ле Массон, сделавший по ее указанию новый перевод «Декамерона» (1545). К Маргарите был близок Рабле, посвятивший ей в 1546 году свою «Третью книгу». В ее окружение входили или были близки к нему видные поэты своего времени, а также вожди Реформации, ее идеологи, — Жак Лефевр д'Этапль, переводчик Библии на французский язык, Гийом Брисонне, основатель евангелистского движения, и многие другие.

Последние годы жизни Маргариты были скорбными. Она потеряла любимого брата, потеряла многих близких друзей. Начиналось новое царствование, и в его политике ей уже не было места. Начиналась совершенно новая эпоха французской литературы: в год смерти Маргариты (она скончалась 31 декабря 1549 года) появился манифест молодой «Плеяды» — «Защита и прославление французского языка» Жоашена Дю Белле, ставивший перед поэзией новые задачи, и это было символично.

Творческое наследие Маргариты Наваррской очень пестро по составу и очень неравноценно по своим литературным достоинствам. В период безраздельного господства «Плеяды», да и позже оно было прочно забыто. Произведения писательницы стали привлекать внимание исследователей лишь сравнительно недавно, вот почему все еще продолжают появляться критические издания отдельных сочинений Маргариты, более четырех веков пролежавших в архивах. Она писала стихи, длинные аллегорические поэмы (вдохновляясь примером Данте), сатирические и дидактические пьесы, вела обширную переписку. На фоне этой интересной для своего времени, но все-таки рядовой продукцией выделяется сборник новелл королевы Наваррской, по своей внешней структуре повторяющий «Декамерон» Боккаччо, одну из ее любимейших книг.

«За десять дней наберется сотня таких рассказов», — сказано во Вступлении к «Гектамерону». Как видим, королева Маргарита хотела написать свой собственный «Декамерон», и книга Боккаччо, безусловно, служила ей образцом.

Об обстоятельствах работы Маргариты над ее сборником новелл нам известно немного. По свидетельству современников (среди них наиболее надежен Брантом, чьи бабка и мать состояли какое-то время в свите королевы Наваррской), Маргарита писала сама или же диктовала свои новеллы секретарям в пору медлительных путешествий в носилках из одного своего замка в другой (кареты тогда еще не вошли в моду, да и дороги были для них непригодными). В «Жизнеописаниях знаменитых французских женщин» Брантом сообщает: «Она сочиняла свои новеллы, или большинство из них, путешествуя по своим землям в носилках, так как у нее было много дел, хотя она и удалилась от света. Мне рассказывала об этом бабушка; она, будучи придворной дамой, постоянно находилась в носилках рядом с королевой и держала ее чернильницу; королева писала так легко и быстро, как будто ей диктовали эти новеллы». Отсюда, возможно, необработанность стиля новелл, на которую обычно указывают исследователи, и присущие этому стилю сказовые интонации.

Неточны наши сведения и о времени написания сборника. Всего вероятнее, его основные новеллы были созданы между 1542 и 1547 го-

дами, то есть в период наибольшего отдаления Маргариты от парижского двора, от «большой» политики ее брата, в период погружения в «малую» политику ее крошечного королевства и в семейные дела. Впрочем, некоторые новеллы могли быть набросаны и раньше, но составлена книга, видимо, была в эти годы больших философских и религиозных исканий и раздумий писательницы.

К сожалению, ее книга новелл осталась незавершенной. Маргарита написала семь «дней» и начала восьмой. Поэтому издатели и назвали книгу произвольным названием «Гептамерон», то есть «Семидневник». Однако мы в точности не знаем, сколько именно новелл успела написать Маргарита. Наверняка больше, чем те 72 новеллы, что входят в канонический текст книги. Отметим, что после смерти писательницы книга продолжала жить как бы двойной жизнью — ее печатали и одновременно переписывали от руки (в этом еще одно свидетельство переходности эпохи, когда со средневековыми представлениями и обиходом еще не было покончено). Шестнадцатое столетие оставило нам два издания «Гептамерона» (правда, второе было затем несколько раз повторено, перепечатывалось оно и в следующем веке) и пятнадцать списков. И в изданиях, и в рукописях не всегда соблюдается последовательность новелл, тем более их число, деление на «дни» и т. д. Есть там и «лишние» новеллы или не вполне надежные варианты. Так, в первое издание книги, появившееся в 1558 году, под очень надуманным названием «Истории счастливых любовников», вошло лишь 67 новелл и не было деления на «дни». Более точным стало издание 1559 года, подготовленное Клодом Грюже. В нем последовательность новелл, их распределение по «дням» соответствовали наиболее авторитетным рукописям. Однако осторожный Грюже в пору нарастания религиозной полемики, что, как известно, вскоре привело к многолетним гражданским войнам, самые резкие антимонашеские новеллы (11-я, 44-я, 46-я) заменил другими, более нейтральными текстами. Происхождение этих текстов неясно — их нет ни в одной известной нам рукописи. Написала ли эти три новеллы сама Маргарита, предназначая их для следующих «дней» своей книги, сочинил ли их сам Грюже, заказал ли какому-нибудь литературному поденщику — мы не знаем. С большим основанием можно приписать королеве Наваррской новеллу о глупом кюре из Оверни, текст которой встречается в трех списках «Гептамерона». Но место этой новеллы в сборнике остается неясным.

Итак, нет подлинных рукописей «Гептамерона», неясна его хронология, мы не знаем ничего ни о возникновении замысла сборника, ни о ходе работы над ним. Но есть сама книга, пользовавшаяся популярностью (Монтень назвал ее в «Опытах» «книгой прелестной по содержанию»), часто переиздававшаяся и не оставшаяся незамеченной писателями второй половины века (Брантом, вне всяких сомнений, находился под влиянием как ее тематики, так и стилистики).

Внешне книга повторяет структуру «Декамерона» Боккаччо. Есть здесь десять рассказчиков, поочередно развлекающих остальных своими новеллами, есть обрамление, в которое вписываются пестрые истории книги. Но «общество» «Гептамерона» вряд ли напоминает кружок молодых флорентийцев, бежавших из родного города из-за свирепствовавшей там чумы. Идиллии, прекраснородушной утопии, по законам которой жило «общество» «Декамерона», в книге Маргариты Наваррской нет. Нет здесь пленительных долин, очаровательных загородных вилл, где так хорошо проводить время в пении, танцах, в рассказывании забавных историй. В «Гептамероне» все значительно будничней и проще: вместо апокалиптических картин страшной эпидемии — осенняя распутица, ничтожные грабители с большой дороги, к тому же тут же несущие заслуженную кару; вместо богатых вилл и замков — небольшой монастырь в горах, на неделю-другую отрезанный от внешнего мира; вместо обильных пиршеств — скромная монастырская пища, вместо песен и танцев — утренняя и вечерняя молитва в церкви да чтение Писания. Впрочем, тенистая лужайка, где каждый день собирается маленький кружок рассказчиков, уютна и мила, но это, конечно, не те роскошные рощи, где развилось «общество» «Декамерона». Рассказчики французской книги не отделены столь решительно от окружающей действительности, не противостоят ей, как это было с их итальянскими предшественниками. Они не бегут от действительности, как это было в «Декамероне», они от нее только временно отрезаны и всячески стараются в нее поскорее вернуться.

Тем самым в книге Маргариты нет противопоставления новелл и обрамления, как это было у Боккаччо. Ведь рассказчики «Гептамерона» обязуются повествовать только о том, что имело место в жизни, что они сами видели и пережили или о чем, на худой конец, слышали (во Вступлении Парламента предлагает «не писать ни одной новеллы, которая не была бы истинным происшествием», и эта установка соблюдается довольно строго).

Для средневековой литературы, когда достоинства произведения определялись степенью его мнимой достоверности, также были характерны ссылки на правдивость рассказа. У Маргариты — иначе. Это не литературный прием или не очень удачная уловка. Это определенная творческая позиция, продиктованная, между прочим, и условиями возникновения книги.

Вспомним, при каких обстоятельствах писался «Гептамерон». У Маргариты уже почти все было позади — молодость, светская жизнь, политическая деятельность. Наступала пора разочарований, отрезвления, подведения итогов. И книга новелл стала для писательницы своеобразными «поисками утраченного времени», столь понятными у природы впечатлительной и активной. Отметим: почти все новеллы начинаются с точного указания на время, когда происходят описываемые в них события. При

этом отсылки к годам царствования не только Карла VIII и Людовика XII, но даже Франциска звучат как упоминания о каком-то бесконечно далеком, чуть ли не эпическом прошлом. Это и есть воспоминания о прошлом, о прожитом и пережитом, им лишь придана форма забавных «новостей». Недаром, как установили исследователи, сюжеты многих новелл «Гептамерона» оказываются рассказами о подлинных событиях из жизни самой Маргариты, ее окружения или светского общества двух предшествовавших правлений. А может быть, таких подлинных историй еще больше, просто мы о них ничего не знаем, так как они не упоминаются в других источниках?

И вот что примечательно: Маргарита совсем не прибегает для своих новелл к тем бродячим сюжетам и мотивам (например, о «побитом, но довольном муже», «съеденном сердце», о «мошеннике, обманутом другим мошенником»), из которых столь охотно черпали все рассказчики средневековья и Возрождения, в том числе и столь чтимый ею Боккаччо. Комментаторы немало потрудились, чтобы отыскать литературные параллели новеллам «Гептамерона», и в тех случаях, где им это удалось, перед нами совсем не обязательно пересказ старого сюжета: сходная ситуация, несмотря на свою «литературность», могла встретиться писательнице и в жизни. Лишь однажды королева Наваррская пересказывает сюжет известной средневековой повести (новелла 70-я), но это в книге специально отмечено.

Итак, автобиографическая основа большинства рассказов сборника несомненна. Автобиографизм книги наложил печать и на образы ее десяти рассказчиков. Существует мнение, что их условные имена — это анаграммы имен самой Маргариты, ее близких и людей из ее окружения. Так, Уазиль — это мать писательницы Луиза Савойская, Парламента — сама Маргарита, Ирган — ее муж Генрих д'Альбре и т. д. Иногда полагают, что как раз Уазиль — это сама Маргарита, Ирган — молодой дофин, будущий король Генрих II, Парламента — его жена Екатерина Медичи. Но можно посмотреть и иначе: не наделила ли писательница всех своих персонажей или некоторых из них чертами своего характера, не нарисовала ли она сразу несколько автопортретов в разные периоды своей жизни? Тогда можно предположить, что Уазиль — это постаревшая Маргарита, когда ей уже за пятьдесят, то есть как раз в пору работы над «Гептамероном»; что Лонгарина — это все та же Маргарита, только молодая, недавно потерявшая своего первого мужа герцога Карла Алансонского; что Парламента и Ирган — это королевская чета, владеющая маленьким Наваррским королевством, то есть опять-таки сама Маргарита и Генрих д'Альбре.

Итак, автопортрет Маргариты расщепляется, двоятся и троятся, и это создает причудливую перспективу развития женского характера, где рядом с некоторой показной бравадой молодости соседствуют возвышенные идеалы зрелых лет и мудрая трезвость и уравновешенность старости. Но писательница идет еще дальше: иные из сво-

их мыслей она передает и другим персонажам обрамления (прежде всего Дагусену), и тогда споры рассказчиков книги становятся внутренними спорами, раздиравшими душу самой Маргариты, отражением ее колебаний и сомнений, но не в синхронном, а, так сказать, в историческом аспекте. Подобная повернутость к личности автора придает «Гептамерону» не просто автобиографический, но исповедальный характер.

Эта игра в собственные автопортреты приобретает под пером Маргариты порой и иную форму. Писательница заставляет своих рассказчиков повествовать о ней самой, она говорит о себе, но как бы смотрит на себя немного чужими глазами, судит себя, оценивает свои собственные поступки. А во Вступлении Парламента, то есть, бесспорно, сама Маргарита, рассказывает, как «единственная и возлюбленная сестра короля Франциска» собиралась вместе с другими придворными путем ежедневного обмена забавными историями составить книгу новелл, тем самым намекая на то, что, кто знает, может быть, перед нами и впрямь плод этих веселых литературных упражнений кружка светской молодежи. Это — еще одно обрамление «Гептамерона», но не только никак не развитое, а, напротив, свернутое до предела. Однако писательница наделила и себя, и своих воображаемых оппонентов целым комплексом индивидуальных черт, что делает из них живых людей, представителей определенных социальных кругов своей эпохи.

Будем ли мы видеть в рассказчиках книги плод некоей автобиографической игры, будем ли рассматривать их как вымышленных персонажей, созданных воображением автора, — и в том, и в другом случае отметим известную временную «глубину» каждого из этих характеров. Ведь все они обладают своей собственной предысторией. Далекой, о чем говорится мельком и которую можно реконструировать по отдельным фразам обсуждений и по самим рассказываемым новеллам, и недавней, о чем кратко, но красочно и драматично говорится во Вступлении. Они разного возраста, несколько разного общественного положения, но главное — у них разные взгляды и разные характеры.

Тут Уазиль, «женщина уже пожилая и умудренная опытом»; для нее характерно высокое представление о человеческом долге, глубокая религиозность, что, однако, не делает из нее ханжу, которой были бы чужды веселая шутка и светские забавы. Уазиль ненавязчиво руководит всем обществом, не позволяет легкомысленным молодым людям преступать границы благонравия, не дает вспыхнуть ссорам. Ее жизненный опыт сочетается с несомненным умом и пронизательностью, трезвость суждений — с поисками этического идеала. Роль ее в выработке положительной программы человеческого поведения велика, но все-таки не она является тем стержнем, вокруг которого разворачивается действие обрамления, не Уазиль наделяет полемической

остротой обсуждения рассказываемых историй. В центре всех споров — Парламента (и поэтому ее отождествление с самой Маргаритой напрашивается само собой, лежит на поверхности). Достаточно тонко изображены ее совсем не простые взаимоотношения с мужем, Ирканом, несколько грубоватым скептиком и гедонистом. Парламента любит мужа, хотя ей вовсе не безразличны галантные ухаживания Симонто и Сафредана, но боится показать свою любовь, скрывая ее под ироническим подтруниванием и напускной холодностью. Маргарита изображает Парламента женщиной глубоко несчастной, обделенной мужским вниманием и теплом, хотя внешне Иркана вряд ли в чем-нибудь можно упрекнуть: он постоянно говорит о своей любви к жене, о желании быть ее вернейшим кавалером. Парламента выслушивает эти утверждения не без кокетливого равнодушия, внутренне же она — как натянутая струна: она напряженно вслушивается в рассказываемые мужем любовные истории, стремясь и боясь узнать из них невольное признание в ветрености и легкомыслии. Эта внутренняя собранность и затаенное горе придают тирадам Парламента страстную убежденность и взволнованность.

Рядом с ней другие персонажи обрамления обрисованы значительно более скупо и монохромно. Впрочем, стоит приглядеться к Лонгарине, еще одной возможной ипостаси самой Маргариты. Ее можно было бы упрекнуть в жестокосердии: ведь она только что потеряла мужа, но развлекается и оживленно спорит вместе со всеми. Да и рассказываемые ею новеллы (8-я, 15-я, 25-я, 38-я, 50-я, 59-я, 62-я), как правило, лишены трагического напряжения и возвышенности, чем отличаются рассказы Парламента, да и ряда других собеседников. Лонгарина обычно рассказывает о любви низкой, недостойной высоких чувств: о мужьях, предпочитающих своим благородным и красивым женам простых служанок, о любовных интрижках знатных сеньеров с обыкновенными горожанками и т. д. И вот что полезно отметить. Почти всегда в «Гептамероне» (в пяти случаях из семи) соседнюю с новеллой Лонгарины рассказывает Дагусен. Это их тайный диалог, их личный спор об истинной благородной любви. В душе Лонгарины также накопилось немало горечи из-за обыденности, приземленности мужских побуждений. К тому же, вероятно, у нее не было духовной близости с мужем (как ее не было у самой Маргариты с герцогом Карлом Алансонским), вот почему она не производит впечатления безутешной вдовы. Здесь все наоборот, все как бы в зеркальном отражении по сравнению с ситуацией Парламента. Лонгарина не верит в возвышенную любовь и готова подсмеиваться над ней, и этот ее скепсис уравнивается идеализирующими воззрениями ее поклонника Дагусена. Напротив, возвышенные идеалы Парламента постоянно корректируются скептической иронией Иркана. Противопоставление этих двух пар проходит через всю книгу, начиная со Вступления.

Не будем подробно останавливаться на других рассказчиках «Геп-

тамерона». Отметим лишь, что Номерфида, самая молодая из всей компании, рассказывает порой весьма рискованные по своему содержанию новеллы (две из них осторожный Клод Грюже, как уже говорилось, не решился напечатать); что Симонто, как правило, повествует о человеческой глупости, о плутнях и подвохах, о комических ситуациях, в которые попадают его герои, поэтому персонажи его новелл — обычно люди низкого общественного положения: городские ремесленники, купцы, слуги, приходские священники и т. п.; что Иркиан и Сафредан выступают в книге сторонниками чувственных увлечений, о чем с удовольствием рассказывают в своих новеллах и что с большим красноречием отстаивают при их обсуждении. Наиболее смазан, неиндивидуализирован образ Эннасютты — веселой, кокетливой молодой девушки.

При всем разнообразии характеров и темпераментов рассказчицы «Гептамерона» — это люди одного круга, одного воспитания, сходных убеждений. Все они принадлежат к высшему обществу и с высокомерным безразличием относятся к своим слугам, гибель которых вызывает у них лишь досадливое раздражение — надо искать новых. Этот подчеркнутый аристократизм может вызвать удивление: эпоха Возрождения обычно воспринимается нами как время ломки сословных перегородок и растущего демократизма. Между тем аристократизм этот понятен; объяснение его — в самой природе книги Маргариты Наваррской. Писательница обещала быть правдивой в своих новеллах. Правдива она и в обрамлении, то есть и тут рассказывает лишь о том, что видела и знала. И еще: книга эта обладает определенной дидактической установкой, и ее адресатами являются прежде всего представители аристократических кругов.

Эта социальная избирательность объединяет обрамление с самими новеллами. Впрочем, здесь картина жизни значительно шире. Однако Маргариту Наваррскую вряд ли стоит считать дотошным бытописателем своего времени. По ее книге можно, конечно, судить о том, как жили люди того времени, но в значительно большей степени она рассказывает, как они чувствовали и любили. Поэтому в книге нет новых героев — лихих авантюристов, смелых путешественников, оборотистых купцов. Нет и столь обычного для новеллистики Возрождения персонажа — ловкого плута, надувающего всех окружающих. В героях новелл Маргарита ценит не предприимчивость и находчивость, а силу чувства, его благородство и возвышенность, богатую внутреннюю жизнь. Поэтому-то так мало в «Гептамероне» уличных сцен, изображения городского люда, его забот и забав. Куда чаще действие происходит в замке, причем не в бальной зале, а в укромном кабинете, оранжерее, спальне, на безлюдной террасе, и участвуют в нем обычно двое — дама и ее кавалер. Конечно, есть в книге и иные новеллы — с иным местом действия и иными героями, но указанное смещение акцентов в выборе ситуаций и действующих лиц, безусловно, отличает сборник

Маргариты Наваррской от других новеллистических книг эпохи Возрождения.

Вот почему в «Гептамероне» интерес заметно перемещается с новелл на их обсуждения, и без последних сами новеллы теряют многое в своей занимательности: они и рассказываются-то только для того, чтобы проиллюстрировать ту или иную мысль рассказчиков, служить убедительным аргументом в их спорах.

Именно в обсуждениях — ключ к пониманию основного замысла «Гептамерона», жанрового своеобразия книги. Не приходится удивляться, что именно здесь литературное мастерство Маргариты обнаруживает себя особенно отчетливо. Заявление во Вступлении о том, что «погоня за риторическими красотами может в какой-то мере повредить жизненной правде», не вполне соответствует действительности. Если текст самих новелл отмечен определенной стилистической небрежностью (что, впрочем, хорошо передает словесную ткань устного непринужденного рассказа), то в диалогах-обсуждениях писательница более экономна и точна. Именно в обсуждениях мы находим дефиниции и формулировки, передающие взгляды спорящих и самой Маргариты. Традиции литературного диалога, «спора» были очень устойчивы на протяжении всего средневековья, но писательница опирается, безусловно, не только и не столько на средневековый опыт. Основной ее образец — это, конечно, Платон и его итальянские последователи пятнадцатого и начала шестнадцатого столетия. В обсуждениях Маргарита умело сочетает живость и безыскусственность обыденной речи, передавая неприхотливое и непредсказуемое течение спора, с тщательно взвешенными, отточенными сентенциями, превосходящими своей емкой обобщенностью моральные максимы, которые мы затем найдем у Монтеня и ряда писателей следующего столетия.

Так, книга Маргариты оказывается не только циклом пестрых новелл, но и своеобразным трактатом на моральные темы, написанным в форме живых и динамичных диалогов. «Гептамерон» — это трактат об идеальном придворном и — шире — об идеальном человеке эпохи. В этом отношении несомненно родство книги королевы Наваррской с таким значительным памятником ренессансной этической мысли и литературы, каким был «Придворный» Бальдассара Кастильоне. Эту книгу Маргарита, бесспорно, читала как в оригинале, после ее выхода в свет (1528), так и по-французски, после того как близкий к ее окружению Жак Колен напечатал свой перевод «Придворного» (1537).

Появление книги Кастильоне оживило старый «спор о женщинах», начало которому было положено еще в тринадцатом веке. Для Маргариты, в отличие от ряда поэтов, ее современников, «спор» этот выходил за рамки привычной литературной игры, выливаясь в дискуссию о подлинной любви и о личном достоинстве человека.

В «Гептамероне», естественно, нет единого взгляда на любовь и на человеческие отношения. Скептическим суждениям Иркана, Сафредана и ряда других рассказчиков противостоит не одна, а по крайней мере две им противоположные точки зрения.

Носительницей одной из них, наиболее гармоничной и, если угодно, реалистической, является Уазиль, которая считает, что любовь — «это такая сила, что даже трусливейший из людей, если он одержим ею, способен совершить то, что заставит призадуматься самого отменного храбреца» (новелла 16-я). Уазиль — за полнокровную любовь со всеми ее радостями, но и со всеми моральными обязанностями, которые она накладывает на человека. Уазиль (и сама Маргарита) не против плотских наслаждений, но она убеждена, что подлинная возвышенная любовь может на какое-то время подчинить себе вожделение.

Несколько иной точки зрения придерживается Парламанта, а с ней и Дагусен. Для Парламанти также нет антиномии между любовью чувственной и любовью возвышенной, духовной. Но приоритет последней для нее очевиден. Вполне сообразуясь со своими взглядами, Парламанта заключает: «Настоящая, совершенная любовь, по-моему, приходит тогда, когда влюбленные ищут друг в друге совершенства, будь то красота, доброта или искренность в обхождении, когда эта любовь неустанно стремится к добродетели и когда сердце их столь благородно и столь высоко, что они готовы скорее умереть, чем дать волю низменным побуждениям, несовместимым ни с совестью, ни с честью» (новелла 19-я). Здесь уже не самозабвение, растворение в любви вплоть до отказа на какое-то время от чувственного удовлетворения страсти, а безусловное отрицание последнего.

Далеко не случайно многие новеллы книги (едва ли не абсолютное их большинство) посвящены любовным отношениям героев. Все почти персонажи Маргариты одержимы любовью, они домогаются успеха — кто хитроумными уловками, кто грубым насилием, кто терпеливым, молчаливым «служением». Любовная страсть знакома всем — и принцам крови, и знатым дворянам, и простым горожанам. В ее незримые сети попадают и опытные придворные кокетки, и простодушные девушки, и благочестивые монашки. Но это не привычное нам ренессансное «раскрепощение плоти». Писательница полагала, что в сфере любовных отношений наиболее всесторонне и полно раскрываются характеры, именно здесь обнаруживает себя подлинное лицо персонажа. Истинная любовь, глубокая и чистая, — это удел сердец возвышенных и благородных; те же, кем движет грубая чувственность, способны на подлые поступки и даже на преступление, хотя они могут принадлежать и к самому древнему аристократическому роду. Но для одних такая низкая страсть — лишь временное постыдное заблуждение, для других же — само существо их натуры.

Наиболее крайних позиций придерживается Дагусен. Как он полагает, «есть люди, чья любовь так велика и так совершенна, что они предпочли бы умереть, лишь бы не дать волю желанию, от которого может пострадать честь и совесть их возлюбленной — они стараются всячески скрыть эти желания и от всех и от нее самой». Это, бесспорно, отзыв неоплатонических воззрений, горячо разделявшихся Маргаритой, согласно которым любовь есть в конечном счете приобщение к красоте и совершенству мира и пути к познанию божества.

Для самой Маргариты и для тех рассказчиков «Гептамерона», кто в той или иной степени выступает рупором ее идей (а их порой высказывает даже скептик и циник Сафредан; лишь Ирман твердо держится своей роли, хотя и ему не чуждо рыцарское отношение к своей даме), свойственно возвышенное представление о любви, вообще о жизни человеческого духа. Примерам такой любви, таких высоких душевных качеств человека посвящено немало рассказываемых историй. Здесь и короткие «примеры», и длинные романтические повести (их особенно любит Парламанга).

Но вот на что полезно обратить внимание. Среди этих любовных историй не так уж много повествований со счастливым концом. Герои многих повестей, горячо (и подчас тайно) любящие друг друга, становятся жертвами либо враждебных им обстоятельств, либо собственной гордыни, собственного превратного представления о добродетели и чести. Таковы, например, протагонисты рассказанных Парламантой историй Флориды и Амадура (новелла 10-я) или Роландины и бастарда (новелла 21-я). И напротив, нередко приходят к счастливой развязке те новеллы, где изображены человеческие заблуждения и пороки, — например, новелла 38-я (ее рассказывает Лонгарина), в которой говорится о муже, по достоинству оценившем свою красавицу жену и отказавшемся от интрижек с простыми крестьянками.

В «Гептамероне» немало новелл, исполненных то тонкой иронии, то озорной шутки. Но многие из собранных в книге историй печальны. Как много новелл повествует об исковерканных судьбах, о людской черствости, о невосприимчивости к высоким и благородным порывам! И одновременно сколько в книге историй о низости и жадности, о сластолюбии и вероломстве, коварстве и глупости! Маргарита не только не скрывает того факта, что в мире много несправедливости и зла, но, напротив, показывает это зло в сгущенном, концентрированном виде. Ощущение царящих в жизни насилия и неправды подготовлено уже сценами Вступления, где с буйством стихии соперничает человеческое коварство и жестокость. Этот мотив подхвачен и развит в новеллах, на страницах которых мы постоянно сталкиваемся с убийствами, с грубым попранием обычных человеческих норм. Тема эта звучит уже в первой новелле книги, продолжена во второй и так далее. Герои некоторых новелл не только необузданны и импульсивны в проявлениях своих страстей, они

способны и на изощренную, долго подготавливаемую жестокость (например, в новелле 32-й).

Маргариту очень заботит место в обществе женщины, поэтому она так много пишет о женской порядочности, чистоте, благородстве. В «Гептамероне» встречаются, конечно, героини лукавые, ветреные, глупые, но почти никогда — распутные или жестокие. Положительный идеал писательницы, бесспорно, связан с женскими характерами, поэтому подлинными героями (как носителями позитивных душевных качеств) большинства новелл сборника оказываются женщины. Но именно они обычно больше всех и страдают. В общем осуждая любовь вне брака, Маргарита не очень-то верит в брак как в надежное прибежище для любящего сердца. Это и заставляет героинь целого ряда новелл отказываться от возможного счастья.

В книге королевы Наваррской нет безответственных утопий, каких было немало на заре Ренессанса; в «Гептамероне» доминирует трезвый взгляд на жизнь, на светское общество эпохи, к которому, собственно, и обращен сборник новелл, и в изображении этого общества нет идеализирующих красок. В этом обществе, каким его рисует писательница, господствует лицемерие, ложная гордыня, тщеславие, сословная спесь, а на периферии этого общества — в среде зажиточной городской буржуазии — эти пороки приобретают нередко уродливые формы, к тому же к ним присоединяются и иные недостатки.

Принято считать, что наиболее сатирически резко изображены в «Гептамероне» служители церкви. Однако это не вполне так. Если сравнить книгу Маргариты Наваррской со средневековыми фавлю и фарсами, с предшествующей новеллистикой, то станет очевидным, что антиклерикальная сатира занимает в книге вспомогательное, второстепенное место. Единственно кто из церковников вызывает у писательницы нескрываемую неприязнь, так это монахи-францисканцы. Этому вряд ли следует удивляться. В монахах этого нищенствующего ордена Маргариту и ее героев отталкивает прежде всего лицемерие, то есть один из основных, по ее представлению, человеческих пороков. А также — их полная беспелезность.

Добавим также, что Маргариту, приобщившуюся гуманистической учености, друга и покровителя гуманистов, не могло не отталкивать крайнее невежество францисканцев, которое высмеивали столь многие писатели эпохи Возрождения. Поэтому религиозность Маргариты не находится в противоречии с ее антимонашескими настроениями. И вовсе не в этом, как иногда полагают, противоречивость книги. Она — в сочетании высокого представления о достоинствах человека с трагическим осознанием тщетности поисков гармонии в мире и в человеческой душе. Этим «Гептамерон», созданный в кризисный момент французского Ренессанса, кое в чем предвещает произведения, которые появятся на его позднем этапе.

Но большое историко-литературное значение книги не только в этом. Она стоит на переломе в эволюции французской новеллы. В «Гептамероне» происходит ее заметная трансформация. Маргарита, конечно, не ломает новеллистического канона. В большей степени опираясь на него, чем от него отталкиваясь, она создает свою книгу.

Но это уже не просто цикл новелл. В книге, как уже говорилось, легко обнаружить черты философского диалога, трактата на этические темы, а также мемуаров и эссе; от нее прямой путь и к любовно-психологической повести и барочной новелле, которые получают распространение во французской литературе уже в конце века и особенно в следующем столетии.

Но «Гептамерон» — и просто увлекательная для чтения книга, в чем совсем не трудно убедиться.

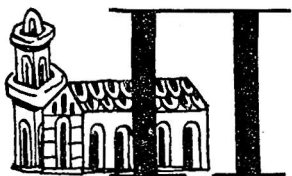
А. Михайлов

ГЕПТАМЕРОН

ВСТУПЛЕНИЕ

Первого сентября, когда обычно начинается лечебный сезон, в местечке Котерэ, в Пиренеях, собралось небольшое общество, состоявшее из людей, которые приехали сюда из Испании и из Франции; одни прибыли для того, чтобы пить целебные воды, другие — чтобы принимать ванны, иные же — чтобы лечиться грязями, столь чудодейственными, что больные, от которых отказались все доктора, возвращались после этого лечения совершенно здоровыми. Однако я отнюдь не собираюсь рассказывать вам о местоположении или о целебных свойствах этих купаний. Я хочу без промедления перейти к тому, что является непосредственным предметом моего рассказа.

Все больные, собравшиеся в этом местечке, провели там более трех недель, по истечении коего времени они убедились, что поправились окончательно и могут возвратиться домой. Но как раз в эту пору хлынули дожди и были столь обильны, что казалось, господь забыл о своем обещании, данном Ною, больше не посылать на землю потопа. Все домики местечка Котерэ залило водою, так что оставаться в них долее было нельзя. Больные, приехавшие из Испании, вернулись к себе на родину по горам, кто как сумел, причем избежать опасности было, разумеется, легче всего тем, кто хорошо знал дороги. Что же касается сеньеров и дам из Франции, то они решили, что возвратиться в Тарб им будет так же легко, как легко было приехать сюда. Однако расчет

их не оправдался: все горные ручейки настолько разлились, что перебраться через них стоило теперь большого труда. Когда же путники попробовали перейти Беарнский ручей, глубина которого в обычное время не превышала двух локтей, то оказалось, что ручей этот превратился в целую реку со столь стремительным течением, что им оставалось только вернуться назад. Они принялись было искать переправы, но мосты все были деревянные, их сорвало и унесло потоком. Отдельные смельчаки попытались было, держась за руки, переправиться вброд, но их так стремительно отбросило течением, что у приятелей их, оставшихся на берегу, пропала всякая охота испытывать свои силы. И вот, отчасти оттого, что между ними не было согласия, а отчасти и оттого, что приходилось искать новые переправы, вся компания разделилась на несколько групп и разбрелась в разные стороны. Одни, перевалив через горы и миновав Арагон, поехали в графство Руссильон, а оттуда в Нарбонну, другие же направились прямо в Барселону, а там уже морем кто в Марсель, кто в Эг-Морт.

Некая же вдова по имени Уазиль, женщина уже пожилая и умудренная опытом, забыв всякий страх, решила идти по самой плохой дороге, лишь бы как-нибудь добраться до монастыря Серранской божьей матери. При этом она была вовсе не настолько благочестива, чтобы думать, что пресвятая дева могла оставить свое место одесную сына и сойти на эту пустынную землю. Ей просто очень хотелось увидеть святую обитель, о которой она столько слыхала. К тому же она была уверена, что, если только вообще существует какая-либо дорога, монахи во всяком случае должны ее знать. И намерение свое она исполнила, хотя для этого и пришлось пробираться по очень крутой тропинке с частыми подъемами и спусками, по которой в обычное время никто не ходил. И, невзирая на свой возраст и полноту, госпожа Уазиль проделала весь этот путь пешком. Прискорбнее всего было то, что почти все ее слуги погибли за время пути, а лошади пали. И вот, в сопровождении одного только слуги и одной служанки, оставшихся в живых, она добрела до Серранса, где ее приветливо встретили монахи.

Среди прочих французов были также два дворянина, которые отправились на купанья не столько для того, чтобы поправить здоровье, сколько для того, чтобы сопутствовать двум замужним дамам, по которым они вздыхали. Кавалеры эти, видя, что компания расстроилась и что мужья увезли своих жен, решили следовать за ними поодаль — так, чтобы никто их не видел. Когда же однажды вечером обе

супружеские четы остановились на ночлег в доме некоего крестьянина — который в действительности оказался просто разбойником, — молодые люди расположились неподалеку от них, на мызе.

И вот около полуночи они слышат вдруг страшный шум. Они вскакивают с постелей, а за ними и слуги, и спрашивают мызника, что случилось. Бедняга и сам не может прийти в себя от испуга и говорит, что это явились бандиты и требуют, чтобы их сообщник отдал причитающуюся им часть добычи. Дворяне сразу же схватили шпаги и вместе со слугами поспешили выручать дам, ибо больше всего на свете боялись их потерять и готовы были отдать за них жизнь.

Прибежав в дом, они видят, что наружная дверь сломана и оба сеньера и слуги их мужественно сражаются с негодьями. Но так как тот и другой были ранены, а многие слуги убиты и к тому же разбойники превосходили их числом, они были вынуждены отступить. Заглянув в окна, молодые люди увидели несчастных дам: они заливались слезами и громко зывали о помощи. Охваченные безумной жалостью, кавалеры почувствовали в себе такую отвагу, что ринулись на врагов подобно двум разъяренным горным медведям и были столь неистовы, что те не смогли устоять. Большинство разбойников было убито, а остальные, не желая, чтобы их постигла та же участь, бежали и скрылись.

Разделавшись с грабителями (хозяин оказался в числе убитых), молодые люди пришли к убеждению, что хозяйка еще более коварна, чем ее муж, и тут же прикончили ее ударом шпаги. Войдя в низенькую комнату, они обнаружили, что один из сеньеров мертв, а другой цел и невредим, и только платье на нем разодрано, а шпага сломана. Обняв своих спасителей, он горячо поблагодарил и стал просить, чтобы они их не покидали. Те, разумеется, были счастливы эту просьбу его исполнить. Похоронив убитого и всячески стараясь утешить его жену, путники двинулись дальше, но верной дороги они не знали и целиком положились на волю божью. Если вам угодно узнать имена этих трех дворян, то вот они: сеньера звали Ирман, жену его — Парламанта, вдову — Лонгарина, а двоих молодых людей — Дагусен и Сафредан. Путники проехали целый день верхом. Когда же стало смеркаться, вдали показалась колокольня монастыря, и они прищиприли коней, чтобы добраться туда до наступления ночи, что сделать было не так-то легко. Там их гостеприимно встретили аббат и монахи. Это было аббатство Сен-Савен. Аббат, происходивший из очень благородной семьи, оказал им самый любезный прием. Он велел приготовить им комнаты и,

проводив их туда, стал расспрашивать, как они попали в эти края. Когда они рассказали ему, что с ними приключилось в пути, он сообщил им, что у них есть товарищи по несчастью и что в соседней комнате находятся две молодые дамы, которые избежали подобной же опасности и даже, пожалуй, еще большей, ибо им пришлось иметь дело не с людьми, а с диким зверем. В расстоянии полумили от Пьерфита бедняжки натолкнулись на медведя, спустившегося с горы. Увидав его, они пришпорили коней и неслись столь быстро, что у ворот монастыря оба коня под ними пали; две служанки, явившиеся уже много времени спустя, сообщили, что всех остальных слуг загрыз медведь. Все пятеро вновь прибывших направились к ним и к изумлению своему увидели, что заливавшиеся слезами женщины были Номерфида и Эннасюита. Они кинулись им в объятия и рассказали о постигшей их беде. Несчастные возрадовались этой неожиданной встрече и, согретые напутствиями доброго аббата, стали понемногу успокаиваться. Наутро же все они присутствовали на мессе и благочестиво молились, воздавая хвалу господу за то, что он уберег их от смерти.

И вот в то время, когда они слушали мессу, в церковь врывается какой-то человек в одной рубахе, спасаясь от погони и громко призывая на помощь. Ирган и другие сеньеры тотчас же кинулись к нему и увидели, что за ним гонятся двое мужчин с обнаженными шпагами. Столкнувшись с таким большим обществом, разбойники испугались и пытались скрыться. Но Ирган и его товарищи догнали их и убили. Когда же Ирган обернулся, он увидел, что человек в ночной рубахе не кто иной, как один из их спутников. Жебюрон — так звали несчастного — рассказал им, что он остановился на ночлег в одном из домиков в Пьерфите и, когда он уже лежал в постели, туда ворвались трое мужчин. Но, хотя он и был раздет и при нем была только шпага, он так сильно ранил одного из разбойников, что тот уже не смог и подняться. Когда же двое других стали поднимать его с полу, Жебюрон, сообразив, что он гол и бос, а те хорошо вооружены, решил, что ему остается только одно — спастись бегством: бежать-то ведь всегда сподручнее тому, кто легче одет. И он возблагодарил бога и своих спасителей, которые за него отомстили.

После того как месса закончилась и все пообедали, один из слуг был послан узнать, можно ли переправиться через горный поток. Вернувшись, он сказал, что переправы никакой нет, после чего присутствующие долго не могли решить, как им быть. Аббат настойчиво уговаривал их погостить

в монастыре до тех пор, пока вода не схлынет, и в конце концов они вняли его просьбам и решили остаться там еще на день. Вечером же, когда они собрались ложиться спать, в монастырь пришел старый монах, который из года в год ходил в сентябре на богомолье в Серранс. Они стали расспрашивать его, как он добирался до дому, и он рассказал, что реки настолько разлились, что ему пришлось карабкаться по горам и что такой трудной дорогой он в жизни еще никогда не хаживал. Он рассказал также, что случайно сделался очевидцем страшной картины: некий дворянин по имени Симонто, которому надоело ждать, пока вода пойдет на убыль, решил перебраться через реку, собрал всех своих слуг и верхом на коне вместе с ними ринулся в водоворот. Но едва только они оказались на середине, как все его слуги вместе со своими лошадьми были унесены стремительным течением и утонули. Оставшись один, сеньер этот пытался повернуть коня назад, но сделать это было так трудно, что он не удержался в седле и свалился в воду. Однако господь оказался к нему милостив: изрядно нахлебавшись воды, Симонто наконец с большим трудом на четвереньках выбрался на берег и, совсем уже измученный и ослабевший, упал на голые камни. И случилось так, что пастух, гнавший вечером стадо домой, нашел его там, на камнях, промокшего до костей и глубоко опечаленного потерей слуг, которые погибли у него на глазах.

Пастух, услышав о постигшей путника беде и увидев, в сколь жалком состоянии он находится, взял его под руку и отвел в свою убогую хижину; набрав щепы, он развел огонь и помог ему согреться и высушить одежду. В тот-то самый вечер господь и привел туда старика-монаха, который рассказал молодому человеку, как пройти в монастырь Серранской божьей матери. Старик заверил его, что там он сможет отдохнуть лучше, чем где бы то ни было, и сказал, что там сейчас гостит пожилая вдова Узиль, которая, так же как он, попала в беду. Когда вся компания услышала, что их милая Узиль, а также благородный Симонто нашлись, все несказанно обрадовались и возблагодарили Создателя, который, не пощадив, правда, слуг, смилостивился над их господами. Особенно же обрадована была Парламанта, ибо Симонто с давних пор был ее верным кавалером.

После того как они подробно разузнали от старика, каким путем им следует идти в Серранс, они решили пойти туда. И сколько монах ни предупреждал их о трудностях этой дороги, на следующий же день все отправились в путь. Аббат снабдил их самыми лучшими лошадьми и обеспечил вином и всяческим провиантом. И они были так хорошо снаряжены,

что не испытывали ни в чем никакой нужды. К тому же, чтобы они не заблудились в горах, он дал им хороших проводников. Изнемогая от усталости, компания хоть и с большим трудом, но добралась до монастыря Серранской божьей матери. Настоятель этого монастыря был человеком недобрым, но он не посмел отказать им в ночлеге, боясь навлечь на себя гнев короля Наваррского, ко всем им весьма благоволившего. Лицемер этот встретил их с притворной любезностью и повел к госпоже Уазиль и сеньеру Симонто.

Радость друзей, оттого что они нашли наконец друг друга, была так велика, что всю ночь они провели в церкви, благодаря господу за то, что он был к ним столь милостив. Под утро они немного отдохнули, а потом отправились слушать мессу и все приобшились святых тайн, как подобает истинным христианам, прося того, кто собрал их вместе, помочь им благополучно завершить свое путешествие. После обеда они послали узнать, не спала ли вода, и когда им сказали, что река разлилась еще шире и нет никакой надежды перейти ее в ближайшие дни, они решили перебросить мост с одной скалы на другую в том месте, где расстояние между двумя берегами было всего короче. Там и посейчас еще лежат доски, положенные для пешеходов, которые, следуя из Олерона, не хотят переходить реку вброд. Узнав об их намерении, аббат очень обрадовался: он был уверен, что после этого число паломников и паломниц, прибывающих в монастырь, возрастет еще больше. Он дал им рабочих, но сам он был чрезвычайно скуп и не затратил на эту постройку ни одного денье. Рабочие объявили, что мост будет построен не раньше чем через десять — двенадцать дней, и известие это весьма опечалило всех, как кавалеров, так и дам. Но жена Иркана, Парламента, не привыкла сидеть сложа руки и предаваться унынию; испросив позволение супруга, она обратилась к почтенной Уазиль со следующими словами:

— Госпожа моя, вы столь опытны в жизни, что годились бы всем нам в матери. Неужели же вы не придумаете какого-нибудь времяпрепровождения, чтобы разогнать скуку, которая, разумеется, будет одолевать нас эти дни? Ведь если у нас не окажется на это время занятия приятного и благостного, мы легко можем даже захворать от тоски.

— И что того хуже,— добавила молодая вдова Лонгарина,— мы впадем в уныние, а это недуг неизлечимый. А у каждого из нас есть свои утраты и достаточно причин, чтобы предаваться печали.

— Но ведь не у каждой же из нас,— смеясь, заметила Эннасюнта,— как у тебя, погиб муж, а что касается гибели слуг,

то это не должно никого особенно огорчать, ибо не столь уж трудно достать себе новых. Я все же считаю, что нам следовало бы придумать какое-нибудь приятное занятие, чтобы скоротать эти дни, не то мы завтра же пропадем от скуки.

Ее поддержали и кавалеры, и все стали просить госпожу Уазиль, чтобы она посоветовала им, чем себя занять.

— Дети мои, вы задали мне очень трудную задачу, — ответила она, — придумать занятие, которое бы избавило вас от скуки. Такого средства я искала всю свою жизнь, и вот оказалось, что единственное средство от всех печалей — Священное писание; оно дает истинную и совершенную радость духу, от которой проистекает покой и здравие телесное. И если вы спросите меня, благодаря чему я в мои столь преклонные годы всегда здорова и весела, то знайте, что утром, едва только встав с постели, я беру Библию и, читая ее, каждый раз умиляюсь доброте господя нашего, ради нас пославшего на землю сына своего возвестить людям его святое слово, ибо сын божий, возлюбивший нас и ради нас понесший страдание, обещает нам прощение всех грехов и оставление всех долгов наших, даруя нам любовь свою. Созерцание это вселяет в душу мою такую радость, что я беру потом псалтырь и с величайшим смирением повторяю в сердце своем и шепчу губами прекрасные псалмы и песни, которые святой дух вдохнул в творения Давида и других песнопевцев. И мне от этого бывает так хорошо на душе, что все горести, которые могут постичь меня в течение дня, кажутся мне благословенными, ибо в сердце моем всегда жив тот, кто ради меня перенес такие жестокие муки. То же самое я делаю и передужином: ухожу к себе и всегда предаюсь каким-либо назидательным размышлениям. А перед тем как лечь спать, я вспоминаю все, что я делала в этот день, чтобы испросить прощения у господя за мои проступки и возблагодарить его за все его милости. А потом, в любви, в страхе божьем и в мире, оградив себя от всех печалей, я вкушаю отдых. Вот, дети мои, то времяпрепровождение, которое я себе избрала, после того как долго искала, чем бы себя занять и ничто не давало душе моей истинного покоя. Мне думается, что, если вы каждое утро стали бы в течение часа читать Священное писание, а затем во время мессы благоговейно повторяли бы ваши смиренные молитвы, вы в этих пустынных местах обрели бы ту красоту, которой полны города, ибо для тех, кто познал бога, прекрасным становится все то, что озарено его присутствием, без которого все и пусто и уныло. Вот почему я и прошу вас, если вы хотите жить в радости, последуйте моему совету.

— Госпожа моя,—возразил ей Иркан,—каждый, кто читал Священное писание,—а я убежден, что все мы его читали,—должен будет признать истинность ваших слов. Только не следует забывать, что мы еще молоды и не хотим отказывать себе в развлечениях и всякого рода телесных упражнениях; живя дома, мы, например, постоянно охотимся, и охота отвлекает нас от множества сумасбродных мыслей. Что же касается наших дам, то у них для этого есть рукоделие и хозяйство, а порою и танцы, которые нередко самым благородным образом их развлекают. Словом, от имени мужчин я хочу просить вас, чтобы, как самая старшая, вы читали нам по утрам про жизнь господина нашего Иисуса Христа и про великие дела, которые он творил ради нас, с тем чтобы на остальное время мы избрали себе какое-нибудь занятие, которое, не будучи вредным для души, было бы приятным для тела, и, таким образом, каждый день был бы для нас радостным.

Госпожа Уазиль сказала, что она настолько уже отошла от светской суеты, что вряд ли сумеет сама выбрать такого рода развлечение, и что следовало бы по этому поводу посоветоваться со всеми. Первым она попросила высказать свои мысли Иркана.

— Что до меня,—сказал он,—то если бы я был уверен, что выбранное мною развлечение будет столь же приятно кому-то из нас, как и мне, я назвал бы его сразу. Но покамест я лучше промолчу и послушаю, что скажут другие.

Жена его Парламента, решив, что он намекает на нее, покраснела и, полусердясь, полушутя, ответила:

— Иркан, может быть, та, которую вы больше всего боитесь огорчить, нашла бы чем вознаградить себя, если бы захотела. Но не стоит сейчас вспоминать о развлечениях, доступных только двоим, поговорим лучше о тех, которые могут быть интересны для всех нас.

— Раз моя жена верно поняла мой намек,—сказал Иркан, обращаясь к дамам,—и подобного рода развлечения ее не прельщают, я полагаю, что она лучше всех сумеет найти нечто такое, что могло бы понравиться каждому. С этой минуты я всецело доверяюсь ее выбору. Для меня существует только одна ее воля, своей у меня нет.

Решение его было одобрено всеми. Парламента же, видя, что жребий пал на нее, сказала:

— Если бы я была столь же хитроумна, как древние, которые изобрели все искусства, то, чтобы исполнить возложенную на меня обязанность, я непременно придумала бы какое-нибудь занятие или игру. Но, хорошо зная, что способности

мои и умение позволяют мне только хранить в памяти то хорошее, что совершали другие, я почла бы себя счастливой, если бы могла следовать по стопам тех, кто некогда уже умел развлечь вас. Между прочим, я думаю, что все вы читали сто новелл, написанных Боккаччо, которые совсем недавно были переведены с итальянского на французский и которые король Франциск Первый, монсеньер Дофин, его супруга и королева Маргарита так расхваливали, что, если бы Боккаччо мог сейчас узнать, сколь велика оказанная ему честь, он бы непременно воскрес из мертвых. Мне довелось услышать, что совсем недавно две упомянутые выше дамы вместе с несколькими придворными решили написать нечто подобное этой книге, позволяя себе разойтись с Боккаччо только в одном: не писать ни одной новеллы, которая не была бы истинным происшествием. Таким образом, обе эти дамы решили написать по десяти новелл каждая, и к ним присоединился господин Дофин. Впоследствии же они решили довести число рассказчиков до десяти и выбрать для этого тех, у кого будет что рассказать. Заправских писателей они решили не приглашать: монсеньер Дофин не хотел, чтобы в эту затею вмешивались люди, хорошо владеющие пером. К тому же он боялся, что погоня за риторическими красотами может в какой-то мере повредить жизненной правде. Но случилось так, что последовавшие вскоре после этого события — мир, который наш король заключил с королем английским, разрешение от бремени супруги Дофина и многие другие, достаточно значительные, чтобы занять внимание всего двора, — заставили их позабыть об этом намерении. И вот мы сейчас как раз могли бы осуществить его, воспользовавшись для этого тем досугом, который выдался нам на долю в ожидании, пока мост через реку будет построен. И если вам будет угодно, мы каждый день от полудня и до четырех часов можем проводить на этой прелестной лужайке на берегу горного ручья, где листва так густа, что солнечные лучи не в силах пробраться туда и помешать нам насладиться прохладой. Там каждый расскажет какую-нибудь историю, свидетелем которой был сам или которую слышал от человека, заслуживающего доверия. За десять дней у нас наберется сотня таких рассказов, и если господь сочтет, что труд наш достоин быть прочитанным упомянутыми дамами и господами, мы по возвращении из путешествия преподнесем его им, как принято подносить молитвенники и образки. Но впрочем, если кто-нибудь из вас изобретет нечто более занимательное, чем то, что я предлагаю, я охотно соглашусь с его выбором.

Все воскликнули, что лучшего ничего не придумать и что им не терпится поскорее приняться за игру, начать которую решено было на следующий же день.

Весь остаток дня общество провело очень весело, каждый вспоминал и рассказывал другому то, что когда-то видел. А на следующее утро все собрались в комнате госпожи Уазиль, которую они застали уже за молитвой. После этого они в течение часа слушали ее чтение, а потом со всем подobaющим благочестием присутствовали на мессе. В десять часов они пообедали и каждый удалился к себе в комнату и занялся своими делами. В полдень же все они встретились на лужайке, которая была так хороша, что нужно было бы искусство Боккаччо, чтобы ее описать. Надеюсь, однако, все мне поверят, если я скажу, что это был уголок неслыханной красоты. Когда все общество расположилось на зеленой траве, такой мягкой и нежной, что не потребовалось ни ковров, ни подушек, Симонто спросил:

— Кто же из нас начнет?

— Раз вы первый заговорили, — ответил Иركان, — то вы теперь нами и распоряжайтесь. Ведь в игре этой мы все равны.

— Я ничего не хотел бы другого в жизни, — сказал Симонто, — как распоряжаться этой компанией!

При этих словах Парламента, которая хорошо поняла их смысл, вдруг раскашлялась. Это помешало Иргану заметить, как она покраснела, и он попросил Симонто начать свой рассказ.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

В ПЕРВОМ ДНЕ СОБРАНЫ РАССКАЗЫ О ТОМ, КАКИЕ ПРОДЕЛКИ СОВЕРШАЛИ ЖЕНЩИНЫ, ЧТОБЫ ОБМАНУТЬ МУЖЧИН, И МУЖЧИНЫ — ЧТОБЫ ОБМАНУТЬ ЖЕНЩИН.

НОВЕЛЛА ПЕРВАЯ

Жена прокурора, за которой настойчиво ухаживал епископ Сейский, не отказала ему ни в чем, но потом, увидев, что ей с ним не веселее, чем с собственным мужем, сумела утешиться с сыном алансонского военного губернатора. Через некоторое время она, однако, сама выдала своего любовника мужу, и тот жестоко расправился с ним, после чего убийцу, несмотря на то, что преступление это ему было прощено, отправили на каторжные работы вместе с колдуном по имени Галлери, и все это случилось из-за коварства его жены.

Благородные дамы, меня так плохо отблагодарили за всю службу, которую я нес в течение долгих лет, что теперь, для того чтобы отомстить за мою любовь той, которая обращалась со мной столь жестоко, я возьму на себя труд припомнить все козни женщин, которые пришлось вытерпеть нам, несчастным мужчинам, и могу заверить вас, что все, что я здесь расскажу, будет сущюю правдой.

В городе Алансоне во времена герцога Карла, последнего герцога Алансонского, жил прокурор по имени Сент-Эн्यान, женившийся на женщине из хорошего рода, в которой было больше красоты, нежели добродетели. За женщиной этой, соблазненный ее прелестями и ее кокетством, весьма настойчиво ухаживал епископ Сейский. Чтобы лучше достичь своей

цели, сей пастырь так сумел обойти ее супруга, что тот не только не заметил преступной любовной связи, в которую вступила жена, но даже пренебрег своим долгом перед герцогом и герцогиней, которым дотеле он ревностно служил. Из верного слуги он превратился в их тайного врага и в конце концов даже стал искать человека, который бы помог ему чарами умертвить герцогиню. Словом, епископ довольно долго разделял ложе с нечестивой женой прокурора, которая отвечала на его ласки скорее из корыстолюбия, нежели из любви, а также и потому, что супруг ее сам невольно потворствовал этой связи.

Но в Алансоне жил один молодой человек, сын военного губернатора, к которому женщина эта воспылала безумной страстью. И она нередко просила епископа послать ее мужа куда-нибудь с поручением, дабы в это время увидеться с этим юношей, имя которого было дю Мениль. И так они жили долгое время: связь с епископом ей была выгодна, а утехами любви ее дарил упомянутый дю Мениль. И она клялась своему юному любовнику господом богом, что дарит епископу свою благосклонность ради того лишь, чтобы им обоим было легче встречаться, что в награду за все услуги, которые он ей оказал, святой отец получает одни только обещания и больше ничего не получит.

Однажды, когда муж ее отправился к епископу, она попросила его позволить ей уехать в деревню, сумев убедить его, что городской воздух ей вреден. А едва только она очутилась у себя в поместье, она написала дю Менилю, прося его непременно приехать к ней около десяти часов вечера. В назначенный час юноша явился. Но та самая служанка, которая обычно его впускала, открыла ему дверь и сказала:

— Друг мой, ступайте назад, место ваше занято.

Будучи уверен, что это вернулся муж, несчастный юноша спросил ее, как это могло случиться. Добрая женщина жалась над ним и, видя, что этот красивый и благородный молодой человек так страстно любит и так мало любим, рассказала ему про легкомыслие своей госпожи, ибо надеялась, что, когда он узнает обо всех ее проделках, он излечится от своей безумной страсти. Не скрыла она и того, что епископ Сейский приехал сюда и теперь улегся с ее госпожою спать. Та в этот день его никак не ждала, ибо по уговору он должен был явиться сюда только завтра. Оказалось же, что епископ задержал у себя ее мужа, а сам приехал еще ночью, чтобы ее увидеть. Кто был огорчен, так это дю Мениль! Отказавшись верить всему, что слышал, юноша спрятался в со-

седнем доме и караулил там до трех часов ночи, пока наконец не увидел своими глазами, как епископ выходит от его возлюбленной переодетый, но не так, чтобы его нельзя было узнать.

В отчаянии он вернулся в Алансон, куда вскоре возвратилась и его неверная подруга. Считая, что ей и на этот раз удалось обмануть любовника так же, как она обманывала его раньше, она, как ни в чем не бывало, заговорила с ним. Но юноша сказал, что, прикоснувшись к святине, она вобрала в себя столько святости, что ей не подобает теперь разговаривать с таким грешником, как он, сам же он так глубоко раскаялся во всем, что надеется получить прощение за свой грех. Когда она поняла, что ее тайна раскрыта и что ни мольбы, ни клятвы, ни обещания ей уже не могут помочь, она пожаловалась на юношу своему епископу. А после того, как они все вдвоем обсудили, женщина эта сказала мужу, что не может больше жить в городе Алансоне, ибо сын военного губернатора, которого она почитала своим другом, докучает ей своими домогательствами. И она попросила мужа увезти ее в Аржантан, чтобы ни у кого не было никаких подозрений. Муж, привыкший во всем ее слушать, согласился. Но вскоре после того, как они переселились туда, эта вероломная женщина велела сказать дю Менилю, что он вел себя как самый последний негодяй, что она узнала, что он публично возводил хулу на нее и на епископа, и что она заставит его в этом раскаяться.

Молодой человек, который и вообще-то не говорил об этом ни с кем, кроме нее самой, и который паче всего боялся попасть в немилость к епископу, отправился в Аржантан, захватив с собою двух слуг, и нашел свою даму за вечерней в доминиканском монастыре. Он опустился возле нее на колени и сказал:

— Сударыня, я приехал сюда, чтобы поклясться перед господом богом, что никогда ни с кем не говорил о том, что касается вашей чести, кроме вас самих. Вы так коварно поступили со мной, а я еще не высказал вам половины той обиды, которая у меня накопилась. И если нашелся какой-нибудь человек, будь то женщина или мужчина, который утверждает, что я что-либо говорил о вас, то я здесь для того, чтобы изболтать их в вашем присутствии во лжи.

Дама эта, видя, что в церкви много народу и что молодой человек явился в сопровождении двух надежных слуг, принудила себя говорить с ним очень любезно, уверив его, что нимало не сомневается в его порядочности и знает, что

он вообще неспособен дурно говорить ни о ком на свете, тем более о ней самой,— ведь она была к нему так добра. Но она сказала, что сплетни эти дошли до ее мужа, и попросила его прийти к ним, чтобы оправдаться и во всем его разуверить. Дю Мениль охотно на это согласился и, собираясь проводить ее домой, хотел взять ее под руку. Однако она этому воспротивилась, сказав, что ему лучше не приходить домой вместе с ней, так как тогда муж ее может подумать, что все это сделано по ее настоянию. После чего, схватив за рукав одного из слуг, она сказала:

— Отпустите его сейчас со мной, а когда придет время, я его за вами пришлю. А покамест идите и отдыхайте.

Ни о чем не подозревая, молодой человек вернулся к себе.

Она же накормила слугу ужином и, сколько тот ни спрашивал, не пора ли идти за господином, каждый раз отвечала ему, что еще рано. А когда стало совсем темно, она тайком послала за дю Менилем одного из своих собственных слуг. Молодой человек, который представить себе не мог, что против него что-то замышляют, сейчас же отправился к дому Сент-Эньяна, где дама эта все еще держала у себя его другого слугу, так что при нем находился только один. Когда же они вошли в дом, приведший его слуга сказал ему, что его госпожа хочет поговорить с ним раньше, чем он встретится с ее мужем, что она сейчас дожидается его в комнате и что там, кроме нее и его собственного слуги, никого нет. Другого же слугу он посоветовал ему отослать домой. Молодой человек послушался этого совета и отпустил слугу. А когда он стал подниматься по узенькой темной лестнице, прокурор Сент-Эньян, скрывавшийся в засаде со своими людьми, услышал шум и спросил:

— Кто там?

Ему ответили, что кто-то забрался в дом. В то же мгновение Том Герен, наемный убийца, которого для этой цели и нанял прокурор, выскочил из засады и нанес молодому человеку столько ударов шпагой, что, как тот ни защищался, он изнемог и упал замертво. Слуга, разговаривавший в это время с хозяйкой дома, воскликнул:

— Я слышу на лестнице голос моего господина! Я пойду туда!

Но та удержала его, сказав:

— Не беспокойся, он сейчас придет сюда сам.

Немного спустя, когда слуга услышал, как его господин закричал: «Я умираю и предаю дух мой господу богу!»,— он хотел кинуться ему на помощь, но коварная женщина снова его удержала.

— Не беспокойся,— сказала она,— это муж мой выговаривает ему за его легкомыслие, пойдем посмотрим, что там такое.

И, перегнувшись через лестничные перила, она спросила:

— Ну что, готово?

— Иди посмотри,— ответил муж,— наконец-то я отомстил за тебя тому, кто столько времени тебя позорил.

С этими словами он нанес еще десять или двенадцать ударов кинжалом человеку, на которого, пока тот был жив, он никогда не осмелился бы напасть.

После того как совершилось это убийство, слуги дю Мениля убежали, чтобы уведомить обо всем несчастного отца. Сент-Эньян стал бояться, что преступление его будет раскрыто. Однако слуги убитого свидетелями быть не могли, а в доме никто ничего не видел, кроме самих убийц, пятнадцатилетней девочки и старой служанки. Сент-Эньян решил потихоньку разделаться со старухой, но этой столь опасной для него свидетельнице удалось убежать и найти убежище в доминиканском монастыре. Молодая девушка оставалась еще несколько дней в их доме. Однако, по наущению Сент-Эньяна, один из убийц соблазнил ее и увез в Париж, где поместил в публичный дом, дабы свидетельству ее не было веры. Чтобы скрыть все следы своего преступления, Сент-Эньян велел сжечь труп несчастного. Кости же, которые не сгорели, он распорядился бросить в кадку с известью, приготовленной им для постройки дома. После этого он отправил к королевскому двору со своим посланным просьбу о помиловании. Он писал, что ему приходилось не раз уже защищать свой дом от некоего человека, который был у него на подозрении: человек этот преследовал его жену с самыми низкими побуждениями и, невзирая на то, что та отказала ему, забрался ночью к ним в дом, дабы склонить ее на измену. Вот почему, обнаружив его у дверей ее комнаты, он в пылу гнева убил его, хорошенько не подумав о том, что творит. Однако еще до того, как это письмо было доставлено канцлеру, несчастный отец успел известить герцога и герцогиню обо всем случившемся, и те сообщили канцлеру об обстоятельствах преступления. Сент-Эньян, видя, что его теперь уже не помилуют, бежал в Англию, захватив с собой жену и кое-кого из родных. Прежде чем уехать, он сказал убийце, которого нанял, что есть приказ короля схватить его и умертвить, но в благодарность за оказанную услугу он хочет спасти ему жизнь. Поэтому он дает ему десять экю и советует покинуть пределы Франции. Послушавшись совета прокурора, убийца скрылся, и сколько его ни искали, найти не могли.

Как слуги убитого, так и старая служанка, удалившаяся в доминиканский монастырь, подтвердили, что имело место убийство, были обнаружены спрятанные в кадке с известью кости, и таким образом следствие было доведено до конца и виновность Сент-Эньяна и его жены установлена. Их судили заочно и обоих приговорили к смертной казни. Имущество его постановили конфисковать и передать в казну, отцу же убитого возместить полторы тысячи эку судебных издержек.

Сент-Эньян, находившийся в это время в Англии, узнав, что французский суд вынес ему смертный приговор, через посредство влиятельных вельмож и родственников жены добился того, что английский король обратился к французскому с просьбой помиловать его и возвратить ему состояние и звание. Французский же король, узнав, сколь чудовищно совершенное им преступление, послал все дело королю английскому, дабы тот мог убедиться, что виновный не заслуживает снисхождения, и добавил при этом, что право миловать в герцогстве принадлежит одному только герцогу Алансонскому. Но король английский на этом не успокоился, продолжал упорно настаивать, чтобы прокурора помиловали, и в конце концов добился, что просьба Сент-Эньяна была удовлетворена. Прокурор вернулся домой и, в довершение своих злых умыслов, обратился еще к колдуну по имени Галлери, рассчитывая, что с помощью его чар он сможет быть избавлен от уплаты полутора тысяч эку, причитавшихся отцу убитого.

С этой целью они вместе с женой, переодетые, отправились в Париж. Сент-Эньян подолгу запирался там с Галлери и не говорил жене, что они делают там вдвоем. Однажды утром она подглядела за ними и увидела, что колдун показывает ее мужу пять деревянных человеческих фигурок и что у трех из них руки опущены, а у двух подняты. Она слышала, как Галлери сказал прокурору: «Нам надо будет сделать точно такие же из воска — с опущенными руками для тех, кого надо будет умертвить, и с поднятыми — для тех, у кого вы хотите быть в милости». А прокурор ответил: «Пусть это будет фигура короля, чью любовь я хочу снискать, а это вот — моего господина, канцлера Алансонского Бринона». Тогда Галлери сказал ему: «Надо будет положить эти изображения под алтарь перед началом мессы и произнести те слова, которые я вам укажу».

И, перебирая фигурки, у которых руки были опущены, прокурор сказал, что одна из них будет господином Жилем дю Менилем, отцом убитого, ибо хорошо знал, что тот, пока жив, будет неминуемо его преследовать. А одна из женских

фигурок с опущенными руками будет герцогиней Алансонской, сестрой короля, ибо та очень привязана к отцу убитого, своему преданному слуге, и, кроме того, знает о нем столько всего худого, что если он не умертвит ее, то ему лучше не жить; другую женскую фигурку с опущенными руками он предназначил для собственной жены, первопричины всех его зол, ибо уже больше не надеялся на ее исправление. Когда молодая женщина, подглядывавшая сквозь замочную скважину, увидела, что и она сама попала в число жертв Сент-Эньяна, она подумала, что первое, что ей следует сделать,— это его упредить. И, притворившись, что идет взять взаймы денег у своего дяди, некоего Нофля, служившего сборщиком податей у герцога Алансонского, она рассказала тому все, что видела и слышала. Нофль был человеком уже немолодым и очень порядочным. Он тут же отправился к канцлеру Алансонскому и рассказал ему всю эту историю. А так как герцога и герцогини Алансонской в этот день при дворе не было, канцлер поведал эту удивительную историю госпоже регентше, матери короля и означенной герцогини, и та сразу же послала туда парижского прево по имени Ля Барр, дабы все расследовать. Тот арестовал прокурора и колдуна Галлери, причем не понадобилось ни пыток, ни принуждения, чтобы заставить их сознаться в преступлении, которое они замыслили. Делу был дан ход. Доложили обо всем королю. У обвиняемых нашлись заступники, которые, дабы спасти их жизнь, утверждали, что все это чародейство было затеяно затем, чтобы снискать милость короля. Но король, которому жизнь сестры была столь же дорога, как и его собственная, приказал судье вынести виновным приговор не менее строгий, чем если бы они замыслили против его собственной особы. Однако, несмотря ни на что, сестра короля, герцогиня Алансонская, обратилась к брату с просьбой даровать прокурору жизнь, заменив ему смертную казнь каким-либо другим тяжким наказанием. Просьба эта была исполнена: Сент-Эньян и Галлери были отправлены в Марсель на галеры Сен-Бланкара, где они оставались в неволе до конца своих дней и где у них было достаточно времени, чтобы поразмыслить о тяжести содеянного ими преступления. Жена же его, оставшись одна, продолжала вести распутную жизнь и умерла смертью грешницы.

— Подумайте только, благородные дамы, какое зло может причинить дурная женщина и причину скольких бед явилась греховная жена Сент-Эньяна. Вы увидите, что, с тех

пор как Ева ввела во искушение Адама, все женщины присвоили себе право всячески мучить мужчин, они бывали причиной их смерти и губили их души. Что же касается их жестокости, то я знаю, что причиной моей смерти и ожидающих меня загробных мук будет то отчаяние, в которое меня повергла одна из них. А я, в безумии своем, еще считаю, что ад, который она для меня готовит, милее для меня, чем рай, дарованный мне другой женщиной.

Парламента, стараясь не показать виду, что слова эти относятся к ней, сказала ему:

— Если ад так приятен вам, как вы говорите, вам не следует бояться и дьявола, который вас туда ввергнул.

— Если бы мой дьявол явился во всей черноте того зла, которое он мне причинил,— гневно ответил Симонто,— то все наше общество испытало бы при виде его страх не меньший, чем то удовольствие, с каким я на него гляжу. Только пламя моей любви заставляет меня позабыть о пламени ада. Но, чтобы прекратить этот разговор, я прошу госпожу Уазиль взять слово и рассказать вторую новеллу, ибо уверен, что, ежели она захочет поведать нам о женщинах все, что знает, рассказ ее явится подтверждением моих взглядов.

Вся компания сразу повернулась к почтенной даме, и все стали просить ее поскорее приступить к своему рассказу, что она и не замедлила сделать.

И, засмеявшись, она начала так:

— Мне кажется, благородные дамы, что тот, кто мне сейчас предоставил слово, после того как сам рассказал нам истинное происшествие, случившееся с одной несчастной, наговорил столько всего худого о женщинах вообще, что я должна теперь перебрать в памяти далекие годы и вспомнить какую-нибудь одну, чья добродетель могла бы опровергнуть то дурное мнение, которое у него сложилось. И мне как раз вспоминается одно происшествие, оно стоит того, чтобы о нем не забыли. Сейчас я вам его расскажу.

НОВЕЛЛА ВТОРАЯ

Жена амбуазского погонщика мулов отказалась удовлетворить низменные желания своего слуги и предпочла жестокую смерть.

В городе Амбуазе жил некий погонщик мулов. Он был на службе у королевы Наваррской, сестры короля Франциска Первого, которая в то время жила в Блуа и у которой только что родился сын. Туда-то и отправился погонщик мулов, что-

бы получить свое жалованье за три месяца, жена же его осталась одна в Амбуазе по другую сторону реки.

Один из их работников давно уже был до безумия влюблен в нее и в конце концов как-то раз не выдержал и открыл ей свою любовь. Но, как и подобает женщине целомудренной, она встретила его весьма нелюбезно и даже пригрозила, что скажет об этом мужу и попросит, чтобы тот его побил и выгнал из дому.

После этого он ей больше ни слова не говорил о своем чувстве и ничем его не выказывал. Огонь этот он хранил втайне в своем сердце до того самого дня, когда хозяин его уехал, а хозяйка отправилась к вечерне в церковь Святого Флорентина при королевском замке, находившуюся довольно далеко от их дома. Когда разгоряченный страстью работник остался один, ему пришло в голову, что он может силою овладеть той, которая была глуха ко всем доказательствам его любви и ко всем его мольбам. И он проломал дыру в деревянной перегородке, отделявшей его комнату от спальни хозяйки. А так как в этой спальне стена возле кровати была прикрыта занавесью и в комнате работника стена была точно так же занавешена, то сделанный им пролом остался никем не замеченным, и, вернувшись из церкви, хозяйка и жившая вместе с нею девочка одиннадцати-двенадцати лет спокойно улеглись спать. Едва только ничего не подозревавшая женщина уснула, как работник, в одной ночной рубашке и держа в руке обнаженную шпагу, проник в комнату и забрался в кровать к своей хозяйке. Увидав его около себя, та сразу же соскочила с постели и, будучи женщиной честной, старалась его образумить, как только могла. Ему же язык мулов был бы в эту минуту понятнее самой разумной человеческой речи — он был до такой степени охвачен плотской страстью, что стал еще большим скотом, чем те животные, с которыми он столько времени пробыл. Видя, что женщина бегаёт вокруг стола и никак не дается ему в руки и что она достаточно сильна, так как ей два раза удавалось вырваться из его рук, он отчаялся завладеть ею живой и решил использовать для этого последнее средство: он изо всей силы ударил ее шпагою по спине, думая, что, если он ни страхом, ни силой никак не мог ее одолеть, жестокая боль принудит ее все-таки сдаться. Случилось, однако, совсем другое. Точно так же, как истый воин, увидев кровь, разгорается еще больше и хочет отомстить врагам и стяжать себе славу, так и у этой целомудренной женщины словно прибавилось сил: она вырывалась из рук негодяя, убегала от него и продолжала с еще

большим рвением увещевать его, стараясь, чтобы он понял всю низость своих побуждений. Однако тот был так разъярен, что, не слушая ее слов, нанес ей еще несколько жестоких ударов. До тех пор, пока несчастная женщина держалась на ногах, она все еще старалась от него ускользнуть. А когда наконец она уже совсем ослабела и почувствовала, что смерть близка, она воздела очи к небесам, сложила руки и обратилась с молитвою к богу, наделившему ее силою, добродетелью, целомудрием и терпением, моля его узреть ту кровь, которая была пролита, дабы не ослушаться его велений и в память о крови, пролитой его сыном, способной, как она твердо верила, смыть всякое зло. И со словами: «Господи, прими душу, искупленную милосердием твоим»,— она упала на землю лицом вниз. Негодяй нанес ей еще несколько ударов, а потом, когда она уже не в состоянии была ничего сказать и совсем ослабела, отнял у нее силою то, что защитить она уже не могла.

Едва только работник удовлетворил свое мерзкое вожделение, он бежал — и с такой поспешностью, что, сколько его потом ни искали, найти никак не могли. Девочка, спавшая в той же комнате, до того испугалась, что спряталась под кровать. Но едва только она уверилась, что насильник убежал, она кинулась к своей хозяйке и увидела, что та уже ничего не говорит и еле дышит. Тогда она высунулась в окно и стала звать на помощь соседей, которые любили и уважали ее хозяйку, как женщину порядочную, и тут же все сбегались, приведя с собою хирургов. И эти, осмотрев ее, обнаружили у нее на теле двадцать пять ран, оказавшихся смертельными. Они пытались всячески помочь ей, но старания их были напрасны. Несчастная протомилась еще около часу, так и не вымолвив ни слова. И только по тому, что она делала какие-то знаки то глазами, то рукой, можно было видеть, что сознание она не потеряла. Когда вызванный к ней священник стал спрашивать, верит ли она и надеется ли на то, что Иисус Христос один может даровать ей спасение души, она отвечала ему знаками, изъяснявшими едва ли не лучше, чем то могли бы сделать слова, что умирает она настоящей христианкой. Вот так, с радостью на лице, с глазами, воздетыми к небесам, она отдала свое целомудренное тело земле, а душу — господу. И только когда ее уже одели и положили в гроб, а гроб в ожидании погребения поставили перед домом, явился несчастный муж. И первое, что он увидел, прежде чем успел что-либо узнать, — была покойница в гробу. Когда же ему рассказали, что послужило причиною ее смерти, он так опе-

чалился, что чуть было не отдал богу душу. А мученицу целомудрия погребли в церкви Святого Флорентина, и все порядочные женщины этого города собрались отдать ей последний долг и чувствовали себя счастливыми, что именно в их числе оказалась столь добродетельная жена. Женщины же легкомысленные и ветреные, видя, сколько почестей воздают ее телу, прониклись уважением к ней и решили с тех пор вести себя иначе.

— Вот, благородные дамы, истинное происшествие, которое должно еще больше побудить всех нас беречь добродетель и целомудрие, ибо им нет цены. И мы, женщины благородного происхождения, должны бы сгореть со стыда, когда в сердце нашем рождается вожделение, видя, как несчастная жена погонщика мулов не побоялась столь жестокой смерти, чтобы только этому вожделению не поддаться. А есть ведь среди нас и такие, которые считают себя женщинами порядочными, в то время как им еще не пришлось испытать, что значит заплатить за честь свою кровью. И нам следует смириться, ибо милость господня дается не только людям богатым и благородным, а всем тем, кого господь возлюбит в своей доброте; он ведь не принимает в лоно свое кого попало, а избирает сам угодных ему, а избранник его творит ему хвалу добродетелями своими. Избирает же он нередко людей простых и незаметных, чтобы не слишком возгордились те, кому благородство и высокое положение приносят почести в свете. Ведь и в Писании сказано: не будем радоваться добродетели нашей, возрадуемся только тому, что имена наши занесены в Книгу Бытия, где их не сотрет ни Смерть, ни Ад, ни грехи наши.

Не было ни одной дамы, которая бы не прослезилась от жалости к несчастной, сумевшей умереть столь достойно. И каждая в душе думала, что, если с ней приключится нечто подобное, она постарается последовать примеру мученицы.

Тогда госпожа Уазиль, видя, что все напереерыв восхищаются этой женщиной и воздают ей хвалу, сказала Сафредану:

— Вы должны сейчас же рассказать что-нибудь, чтобы рассмешить нашу компанию, вы один только можете заглаживать ошибку, которую я совершила, заставив всех плакать. Передаю вам слово, чтобы вы рассказали третью новеллу.

Сафредан, который горел желанием рассказать что-нибудь, что доставило бы удовольствие всей компании, а в особенности одной из дам, вначале стал было отговариваться тем, что среди присутствующих есть люди и старше, и опытнее его, которым надлежало бы быть первыми, но потом сказал, что, коль скоро уж ему выпал этот жребий, он поторопится исполнить то, чего от него хотят, ибо, если ему придется говорить после них, он окажется в еще более трудном положении.

НОВЕЛЛА ТРЕТЬЯ

Королева Неаполитанская отомстила супругу своему, королю Альфонсу, который ей изменял, изменив ему сама с мужем своей соперницы, и любовная связь ее с ним продолжалась до конца их дней, причем король никогда о ней не подозревал.

Благородные дамы, поелику я сам не раз завидовал счастьем того, о ком будет сейчас идти речь, я должен сказать вам, что в городе Неаполе в царствование короля Альфонса, известного своим распутством, жил некий молодой человек, столь красивый, обходительный и благородный, что один весьма почтенный дворянин выдал за него замуж свою дочь, которая не уступала ему ни в добродетели, ни в красоте; и жили они очень дружно до дня карнавала, когда король, надев маску, по обыкновению ходил из дома в дом и каждый старался принять его как можно лучше. И вот, когда он зашел в дом того молодого дворянина, о котором я только что говорил, его встретили там еще более радушно, чем в других домах, потчевали самыми изысканными яствами и услаждали слух его пением и музыкой. Принимала же его такая красавица, какой король не видывал в жизни. А когда празднество окончилось, она вместе со своим мужем спела такую прелестную песенку, что красота ее стала как будто еще притягательнее. Видя столько совершенств, соединившихся вместе в ней одной, король пленился этою женщиной и, в душе нисколько не радуясь тому, что супруги нежно любят друг друга, стал думать, как бы отбить красавицу у мужа. Однако это было делом нелегким. И вот король затаил в своем сердце страсть и от всех ее самым тщательным образом скрывал.

Чтобы чаще видеть предмет своей любви, он стал устраивать празднества для неаполитанских синьоров и дам и каждый раз приглашал на них молодого дворянина и его супру-

гу. А когда человек чего-либо сильно хочет, он готов поверить тому, что желание его исполнится. Так вот и королю казалось, что взгляды этой красавицы уже начинают ему отвечать и единственное, что мешает им обоим, это присутствие мужа. Чтобы удостовериться, что это действительно так, он дал ее мужу какое-то поручение в Рим и услаал его туда недели на три. Едва только тот уехал, жена, у которой еще свежа была память о нем, стала по нем тосковать. Видя это, король принялся утешать ее, обращаясь к ней с ласковыми речами и поднося ей бесчисленные подарки. И дело кончилось тем, что женщина эта не только позабыла о своем горе, но даже была как будто довольна тем, что муж ее далеко. Не прошло и трех недель, как она со всею страстью влюбилась в короля и мысль о возвращении ее супруга стала для нее таким же источником огорчений, каким в первые дни была разлука с ним. А чтобы любовники могли встречаться и впредь, они условились, что, как только муж уедет к себе в поместье, жена тут же даст знать королю, который явится к ней тайком, и таким образом доброе имя ее — а им красавица дорожила больше, чем совестью, — будет вне подозрений.

Надежда эта наполняла сердце ее радостью, и, когда муж ее вернулся, она так ласково его приняла, что, хотя он уже прослышал о том, что во время его отсутствия король не раз навещал его жену, он был далек от того, чтобы в чем-либо ее заподозрить. Но все тайное становится явным: начав сомневаться в честности жены, муж принялся тщательно ее выслеживать, и то, что он узнал, только подтвердило его догадки. Однако, опасаясь, что, если он выдаст себя, виновник его несчастья найдет нужным расправиться с ним, молодой дворянин почел за благо не подавать виду, что узнал о своей беде, и решил, что лучше уж сносить ее молча, чем рисковать жизнью из-за женщины, которая его нисколько не любит.

Глубоко огорченный всем, что узнал, он решил воздать королю по возможности тем же. Он знал, что обида имеет больше власти над женщиной, чем любовь, особенно если у этой женщины благородное и гордое сердце. И вот, явившись как-то раз к королеве, он взял на себя смелость сказать ей, что сожалеет о том, что король, ее муж, не любит ее так, как она этого заслуживает. Королева, до которой уже дошли слухи об увлечении короля женою этого дворянина, ответила:

— Я не могу одновременно и пользоваться почестями и вкушать наслаждение. Я отлично знаю, что, хотя меня и ок-

ружают почести, наслаждение достается не мне, а другой. Но зато у той, которая его вкушает вместо меня, нет не только никаких почестей, но не осталось и чести.

Хорошо понимая, кого она имеет в виду, молодой человек сказал ей:

— Государыня, почет, который все воздают вам, родился вместе с вами. Вы приходите из такого знатного дома, что, будь вы не только королевой, но даже императрицей, и это бы ничего не прибавило к вашему исконному благородству. Но красотой своей, обаянием и возвышенностью души вы заслужили право вкушать наслаждение, и женщина, которая отнимает у вас то, что принадлежит только вам, больше всего вреда наносит этим себе самой. Ибо во имя сомнительной славы, которая в действительности является ее позором, она лишает себя таких наслаждений, каких ни одна из ваших подданных никогда не вкушала, да и сами вы, может быть, тоже. И уверяю вас, государыня, что если бы король снял с головы своей корону, то в глазах женщины у него не было бы ни малейшего преимущества передо мной. Даже больше: для того чтобы усладить такую благородную даму, как вы, он, пожалуй, был бы не прочь поменяться со мною наружностью.

— Хотя король, может быть, и не так крепко сложен, как вы, — рассмеялась королева, — любовь его доставляет мне такую радость, что я предпочитаю ее всему на свете.

— Государыня, — возразил молодой дворянин, — если бы это действительно было так, вы не внушали бы мне ни малейшей жалости, ибо я знаю, что любовь ваша, нашедши отклик в сердце короля, удовлетворила бы вас сполна. Но господь вас сохранил от этого, ведь если бы вы нашли в своем супруге все, что хотели, он стал бы вашим богом здесь на земле.

— Должна вам признаться, — сказала королева, — что любовь моя к нему так велика, что другой такой ему нигде не найти.

— Простите меня, государыня, — отвечал ей молодой дворянин, — но вы ведь не измеряли силу чужой любви. Осмелюсь сказать, что есть сейчас на свете человек, который вас любит, и любовь его столь сильна и столь велика, что ваша не может с нею сравниться. И оттого что он видит, что ваша любовь к королю обманута, чувство его к вам все растет и растет, и стоит вам только снизойти к нему, как вы будете вознаграждены за все, что вы потеряли.

Слушая его слова и видя, как он переменился в лице, королева начала догадываться, что все, что он говорит, идет из

самых глубин его сердца. Теперь она поняла, почему он всегда так старался чем-нибудь услужить ей, поняла, что настоящей причиной его постоянной грусти, которую она приписывала одному только горю, была его страсть к ней самой. Какое-то внутреннее чувство, которое всегда сопутствует любви, если это настоящая любовь, убедило ее в том, что было скрыто от всех.

И глядя на молодого дворянина, который был гораздо стройнее и красивее ее мужа, и зная, что он брошен женой, точно так же как она брошена королем, томимая тоскою и ревностью к мужу и тронутая любовью несчастного, она вздохнула и, заплакав, сказала:

— О, господи! Неужели же жажда мести сделает со мною то, что было не под силу сделать ничьей любви!

Услыхав эти слова, молодой человек ответил:

— Государыня, сладка не та месть, которая убивает врага, а та, которая несет жизнь истинному другу. По-моему, пора уже вам узнать правду и забыть о напрасной и неразумной любви, которую вы питаете к тому, кто сам вас несколько не любит. Только подлинная любовь способна избавить вас от постоянных опасений, которым не должно быть места в сердце возвышенном и благородном. Давайте же позабудем сейчас о вашем высоком положении и подумаем лучше о том, что никто на свете не был так предательски обманут самым любимым человеком, как вы и я. Отомстим им обоим, и не столько для того, чтобы им воздать по заслугам, сколько для того, чтобы предаться любви, которую я уже больше не в силах сдержать. И я думаю, что, если только сердце у вас не такое, как камень или алмаз, не может быть, чтобы вы не ощутили хоть самой малой искорки от огня, который разгорается во мне тем больше, чем больше я стараюсь от вас его скрыть. И если жалость к человеку, который умирает от любви к вам, не может заставить вас возгореться к нему такой же любовью, то пусть тогда это будет жалость к самой себе. Ужели красота ваша не достойна любви всех самых благородных людей на свете,— а ведь человек, ради которого вы отвергли всех остальных, жестоко пренебрег вами.

Слова эти сильно взволновали королеву, и, боясь, что краска на лице выдаст ее душевное смятение, она позволила молодому дворянину взять себя под руку, и они вышли с ним в сад и долго потом гуляли вместе. Но она так и не сказала ему ни слова. Видя, однако, что она уже начинает поддаваться его влиянию, молодой человек дождался, пока они вышли в глухую аллею, где никто их не мог увидеть.

Там-то он и высказал ей всю свою любовь, которую столько времени вынужден был таить в сердце. Королева уступила его настояниям, и оба они насладились сладостью мести, ибо сдерживать себя далее у них уже не было сил. И они решили, что теперь, когда молодой дворянин поедет в свое поместье и заметит, что король отправляется из замка в город, он каждый раз будет возвращаться в замок, чтобы свидеться с королевой. Так они сумеют обмануть обманщиков, и в то время как те будут думать, что наслаждению предаются только они одни, двое других точно так же вкусят это наслаждение в полной мере. Условившись обо всем, они растались; королева вернулась в свои покои, а молодой дворянин — к себе домой; оба были так всем довольны, что позабыли о своих прежних невзгодах. И если раньше каждый из них боялся встреч короля с его любовницей, то теперь страх этот уступил место желанию, чтобы они непременно встречались, и молодой дворянин все чаще стал теперь уезжать в свое поместье, которое было в расстоянии получаса езды от дома. Едва только король узнавал об этом, он сразу же отправлялся к его жене, а муж, дождавшись наступления темноты, прокрадывался в замок и проводил там ночь с королевой, причем умел быть настолько осторожным, что попрежнему оставался никем не замеченным. И жили они так очень долго. Но король был человеком слишком известным для того, чтобы любовь его могла оставаться скрытой, в конце концов его тайна сделалась достоянием всех и многие стали жалеть обманутого супруга. Кое-кто из молодых людей не прочь был иногда, правда, посмеяться над его смешным положением, настаивая ему зади рога. Он отлично это замечал, но ему это было даже приятно, ибо рога эти в его глазах стояли королевской короны. Как-то раз, когда король был в доме своей возлюбленной, оба они взглянули одновременно на висевшую на стене оленью голову и, смеясь, сказали друг другу, что голове этой как нельзя лучше пристало быть в этом доме. Молодой дворянин, оказался, однако, достаточно находчивым и сделал под этой оленьей головой надпись:

Io porto le corna, ciascun lo vede;
Ma tal le porta, che non lo crede¹.

Когда королю довелось снова побывать в их доме, он обратил внимание на только что сделанную подпись и спросил, что означают эти слова. Тогда хозяин дома сказал ему:

¹ Я ношу рога — все это видят; но есть человек, который носит их, не подозревая об этом (итал.).

— Если тайна короля сокрыта от оленя, не следует и тайну оленя раскрывать королю. Но только знайте, что не у всех, кто носит рога, они бывают заметны, ибо рога эти подчас так нежны, что не могут испортить ничьей прически, легче же всего их носить тому, кто не обращает на них никакого внимания.

Король понял из этих слов, что его подданный о чем-то уже догадался, но ему и в голову не пришло, что тот наслаждается ласками королевы.

Ведь чем больше та была довольна жизнью, которую вел ее муж, тем больше она притворялась огорченной и грустной. Так вот все они и прожили долгие годы — до тех пор, пока старость не вернула их на свои места.

— Вот, благородные дамы, история, которую я с большой охотой рассказываю вам здесь, чтобы впоследствии, если мужья наставят вам вдруг козлиные рога, вы сами бы им наставили оленьи.

Эннасюита засмеялась и сказала:

— Сафредан, я убеждена, что если бы вы полюбили кого-нибудь сейчас так, как умели любить когда-то, вам непременно в конце концов нацепили бы рога величиною с развесистый дуб, чтобы отплатить вам той же монетой. Но теперь, когда волосы у вас седеют, страстям вашим пора бы угомониться.

— Сударыня, — ответил Сафредан, — хотя та, кого я люблю, уже лишила меня моей последней надежды, а годы лишили меня прежнего пыла, желания мои остаются такими же, какими были. Но коль скоро вы решились попрекнуть меня чувством столь благородным, я передаю вам слово, для того чтобы четвертую новеллу рассказали вы сами, — тогда все мы воочию увидим, с помощью какого примера вы докажете мне, что я был не прав.

Во время этого разговора одна из присутствующих засмеялась, ибо знала, что Сафредан в действительности не настолько уж сильно любит ту, которая приняла все эти слова на свой счет, и отнюдь не собирается носить из-за нее рога и терпеть огорчение и позор. А когда Сафредан заметил, что та, которая смеялась, догадалась обо всем, он остался очень доволен и замолчал, предоставив слово Эннасюите, которая начала так:

— Благородные дамы, для того чтобы Сафредан и все наше общество знали, что далеко не все дамы походят на королеву, о которой он только что нам рассказал, и что не все

дерзкие любовники достигают своей цели, а также чтобы не скрыть от вас, как вела себя одна женщина, которая решила, что для человека, посягнувшего на ее честь, неудача сама по себе страшнее смерти, я расскажу вам одну историю, участников которой я не назову, потому что все это было совсем недавно и я боюсь огорчить их родных, которые до сих пор еще живы.

НОВЕЛЛА ЧЕТВЕРТАЯ

Один молодой дворянин, познакомившись с сестрой своего сеньера, знатнейшей дамой Фландрии, женщиной ни от кого не зависимой, которая была дважды замужем и уже дважды овдовела, решил попытаться счастья, предложив ей свою нежную дружбу. Получив от нее отказ, он попытался завладеть ею силой, но она решительно этому воспротивилась. Никому ничего не сказав о намерениях и поступках молодого человека, она последовала совету своей придворной дамы и перестала оказывать ему то внимание, к которому он привык. Таким образом, молодой дворянин поплатился за свою дерзость и лишился возможности встречаться с любимой женщиной, что ему раньше удавалось чаще, чем кому бы то ни было.

Во Фландрии жила одна дама, происходившая из самого знатного рода этой страны. Она похоронила двоих мужей и, будучи бездетной, жила одиноко. Овдовев, она переехала к брату, который ее очень любил. Брат ее был женат на дочери короля. Молодой принц проводил жизнь в удовольствиях, любил охоту, всевозможные развлечения и женщин, как это свойственно юности, что, разумеется, не могло быть по вкусу его жене. Поэтому он всячески старался, чтобы жена его проводила побольше времени в обществе его сестры, которая была женщиной очень общительной и веселой и в то же время добродетельной и благоразумной. В доме этого принца находился один дворянин, который знатностью своей, красотой и хорошими манерами превосходил всех остальных. Дворянин этот, видя, что принцесса, сестра его сеньера,— дама с живым и веселым характером, решил предложить ей нежную дружбу, но в ответ получил от нее самый решительный отказ. Ответ ее был вполне достоин принцессы и женщины целомудренной, но, так как юноша был красив и благороден, она простила ему его неслыханную дерзость. Она дала ему понять, что беседа с ним ей приятна,

но вместе с тем несколько раз повторила, чтобы он никогда больше не обращался к ней с подобными предложениями. Боясь окончательно потерять ее расположение и честь, которую она ему оказывала, принимая его у себя, он обещал ей, что никогда больше не заговорит с ней об этом.

Однако страсть его все больше разгоралась, и в конце концов он позабыл о своем обещании. Он, правда, не отважился обратиться к ней снова с теми же просьбами, ибо ему памятен был тот жестокий урок, который он от нее получил. Но он подумал, что если только он застанет ее где-либо в укромном месте, то ее молодость и пышущее здоровьем тело, может быть, окажутся его союзниками и она пожалеет и его и себя.

Чтобы добиться успеха, он сказал как-то принцу, что неподалеку от его поместья есть отличные леса и если с наступлением весны у него будет желание поохотиться на оленей, то лучшего места ему не сыскать. Принц, который питал большую симпатию к молодому дворянину и к тому же был страстным охотником, принял его приглашение и приехал к нему в его замок, который был очень красив и содержался в большом порядке, ибо дворянин этот был самым богатым человеком в округе. В одном крыле дома он поселил принца с супругой, а в другом — ту, которая была ему дороже всего на свете. Отведенную для нее комнату он постарался отделать как можно лучше, стены ее были завешены гобеленами, а пол устлан коврами, под которыми невозможно было заметить устроенный возле самой кровати люк. Люк этот вел в нижнюю комнату, где жила его мать, которой было уже много лет и которая постоянно болела. Старушка сильно кашляла и, боясь, что может побеспокоить своим кашлем принцессу, помещавшуюся над ней, перешла на это время в комнату сына, предоставив ему свою. По вечерам она обычно заходила к принцессе и приносила ей варенье и разные сласти. В эти часы туда обычно поднимался и сам хозяин дома. А так как он пользовался особым расположением принца, то ему разрешалось присутствовать при утреннем и вечернем туалете принцессы, что с каждым разом все больше разжигало его страсть.

Однажды вечером молодой дворянин так долго пробыл в комнате принцессы, что ее стало уже клонить ко сну, и она его отпустила. Придя к себе, он переделался в свою самую парадную рубашку, надушил ее, а на голову надел щегольской ночной колпак. Поглядев на себя в зеркало, он решил, что он неотразим и что нет такой женщины, которая бы ус-

тояла перед его обаянием и красотой. И, уже предвкушая удачный исход задуманного им предприятия, он улегся в постель, не собираясь, однако, оставаться в ней особенно долго, ибо и желание и надежда подсказывали ему, что ночь эту он проведет в другой постели, что будет для него и приятнее и почетнее. После того как слуги его отправились спать, он встал и запер за ними дверь. И он долго прислушивался к каждому шороху, стараясь узнать, все ли затихло в комнате, где жила принцесса. Удостоверившись, что она мирно поживает, он принялся осуществлять свой заветный план и потихоньку приотворил люк, края которого были так искусно обиты сукном, что он открывался без малейшего шума. И, поднявшись по лестнице в комнату своей любимой, которая уже спала, он очутился у самой ее постели. В одну минуту, забыв о благородном происхождении этой дамы и о том, как он ей обязан, не испросив ее позволения и пренебрегши всякой учтивостью, он улегся возле нее и, раньше чем она успела обнаружить его присутствие, крепко сжал ее в своих объятиях. Но она была женщиной сильной: высвободившись из его рук, она принялась кричать, спрашивая, кто он такой, принялась его бить, кусать и царапать. Боясь, что она будет звать на помощь, он попытался заткнуть ей рот простынею, что ему, однако, не удалось, ибо, как только она увидела, что он не щадит сил, чтобы ее обесчестить, она не пожалела своих, чтобы справиться с ним, и стала громко звать придворную даму, спавшую в той же комнате, пожилую и достойную женщину, которая тут же вскочила с постели и, как была, в одной рубашке кинулась к своей госпоже.

Молодой дворянин, увидев, что замысел его не удался, и очень боясь, что принцесса его узнает, поспешил скрыться, спустившись по той же лесенке вниз. Пылкие желания и надежды, с которыми он поднимался вверх, сменились отчаянием. Он зажег свечу, посмотрел на себя в зеркало и, увидев, что лицо его покрыто следами укусов и царапинами и залито кровью, так же как и его рубашка, на которой крови теперь было больше, чем золотых вышивок, подумал:

«О, моя красота! Ты теперь получила сполна по заслугам, ведь это ты ввела меня в соблазн, ты внушила мне мысль совершить невозможное, и, вместо того, чтобы вкусить еще большую радость, я теперь повергнут в несказанное горе. Я ведь уверен, что если только она узнает, что я нарушил данное ей обещание и позволил себе совершить это безрассудство, я потеряю все ее расположение и то предпочтение, которое она всегда мне оказывала, принимая меня у себя в доме чаще, чем всех остальных. Что делать, я все это заслу-

жил: мне ведь вовсе не следовало добиваться ее любви тайком и пытаться овладеть силой ее целомудренным телом. Вместо этого я должен был смиренно и терпеливо ожидать, пока любовь моя одержит победу и принцесса оценит по достоинству и красоту мою, и мое обращение с нею. Ибо если нет любви, то никакие достоинства человека вообще ничего не стоят». Так он провел всю ночь в слезах, в скорби и в безмерном раскаянии. А поутру, понимая, что с таким исцарапанным лицом он не может появиться к столу, он притворился больным и, велел сказать, что у него нестерпимо болят глаза от света, выждал, пока гости его уехали.

Принцесса, вышедшая из борьбы победительницей, была уверена, что никто из придворных не осмелился бы совершить столь дерзкий поступок, и не сомневалась, что это был именно он, любимец ее брата, который однажды уже признавался ей в своей страсти. Обыскав вместе со своей придворной дамой все уголки комнаты и не обнаружив никаких следов, она в гневе воскликнула:

— Уверю вас, что это не кто иной, как хозяин этого дома. Пусть же завтра брат мой увидит на его лице доказательства моего целомудрия.

Видя ее негодование, придворная дама сказала:

— Ваша светлость, это хорошо, что вы так дорожите своей честью и для того, чтобы еще больше укрепить ее, готовы принести в жертву того, кто не пожалел ее именно потому, что так сильно вас любит. Но нередко человек думает, что сохраняет свою честь, в то время как в действительности он ее теряет. Поэтому прошу вас, госпожа моя, расскажите мне все от начала и до конца.

Когда же принцесса рассказала ей обо всем, что произошло, придворная дама спросила ее:

— А вы уверены, что он ничего не получил от вас, кроме царапин и тумачков?

— Разумеется,— заверила ее принцесса,— и, если он не обратится к хорошему хирургу, я убеждена, что завтра же следы их выступят на его лице.

— Ну, раз так, ваша светлость,— сказала придворная дама,— мне думается, что скорее всего вам следует благодарить бога, а не помышлять об отмщении. Можете не сомневаться в том, что, коль скоро он нашел в себе смелость пуститься на такой рискованный шаг и сейчас терпит огорчение от постигшей его неудачи, любая смерть была бы для него только избавлением от страданий. А уж если вы хотите отомстить ему, то лучше, чем вы, это сделает сама его любовь к вам и тот позор, который его сейчас постиг! Остерегайтесь

следовать в этом его примеру, ибо, вместо того чтобы обрести величайшее из наслаждений, он получил самые ужасные неприятности, какие только могут выпасть на долю благородного человека. Так вот и честь ваша, которую вы думаете этим возвеличить, напротив, легко может пострадать. Ведь стоит вам только на него пожаловаться, как все узнают то, что сейчас знаете только вы и он. А вы можете быть совершенно спокойны — сам он никому ничего не расскажет. Если же брат ваш велит его судить, как вы того хотите, и беднягу приговорят к смертной казни, сразу же распространится молва, что он сумел склонить вас к взаимности. Вряд ли люди поверят, что мужчина отважился на подобный поступок, если женщина сама не дала ему к этому повод. Вы молоды, хороши собой и ведете открытую светскую жизнь. Нет такого придворного, который бы не заметил, как радушно вы принимаете у себя того самого дворянина, которого сейчас подозреваете в этом недобром умысле. И каждый про себя рассудит, что если он дерзнул на такой опасный шаг, то дело здесь не обошлось и без вашей вины. И тогда честь ваша, которая позволяет вам сейчас ходить с высоко поднятой головой, будет поставлена под сомнение всеми теми, кто об этом узнает.

Слушая все разумные доводы, которые ей приводила придворная дама, принцесса должна была признать, что та права и что ее действительно могут легко осудить за то радушие и внимание, которое она все время оказывала молодому дворянину. И она попросила придворную даму посоветовать ей, как поступить. Тогда та сказала:

— Ваша светлость, коль скоро, зная мою преданность вам, вы соизволили выслушать мой совет, мне кажется, вы должны в сердце своем возрадоваться тому, что самый красивый и самый благородный из дворян, какого мне только приходилось видеть за всю мою жизнь, не сумел ни любовью своей, ни силой столкнуть вас со стези истинной добродетели. И вы должны теперь возблагодарить господа и признать, что в этом отнюдь не ваша заслуга. Ибо немало есть женщин более строгой жизни, нежели вы, которые уступали настояниям мужчин, менее достойных любви, чем он. И теперь вы должны особенно остерегаться всяких новых излиятий любви, ибо есть среди женщин и такие, кому в первый раз удастся справиться с искушением, но кто во второй раз ему поддается. Помните, ваша светлость, что любовь слепа и она способна ослепить человека так, что дорога, которая кажется ему наиболее надежной, оказывается наиболее скользкой.

И мне думается, что вы не должны говорить ни слова о том, что было, ни ему, ни кому-либо другому. И даже если бы он сам захотел что-нибудь вам сказать, сделайте вид, что не слышите. Этим вы избежите сразу двух опасностей: во-первых, вы перестанете кичиться в душе победой, которую вы над ним одержали; во-вторых, вы не будете поддаваться невольному соблазну, возвращаясь мыслями к вещам столь приятным для плоти, а ведь даже самым целомудренным женщинам подчас бывает трудно потушить в себе искорки этой плоти, как они ни стараются это сделать. И сверх этого, ваша светлость, для того чтобы он не возомнил, что поведение его вам доставило удовольствие, я считаю, что вам больше не следует быть к нему такой благосклонной, какой вы бывали раньше. Пусть он поймет, что поступком своим он вас прогневил и что только вашей безмерной доброте он обязан тем, что вы удовлетворились победой, которую вам даровал господь, и не стали мстить своему обидчику. Да поможет вам господь пребывать и впредь в этой чистоте душевной, которую он вам ниспослал, и вы, зная, что он — источник всякого блага, будете еще больше его любить и служить ему еще лучше, чем вы служили прежде.

Решив последовать совету своей придворной дамы, принцесса уснула, и сон ее был безмятежен, в то время как молодому дворянину горе его не давало смежить очей.

На другой день, когда принц собрался уезжать и вызвал к себе своего любимца, чтобы с ним проститься, ему сказали, что он так плохо себя чувствует, что не может вынести яркого света и звуков человеческой речи. Принц был сильно этим обеспокоен и решил его проведать. Однако, узнав, что тот уснул, будить его не стал и так и уехал, не простившись с ним и увезя с собою жену и сестру. Когда принцесса узнала, что хозяин дома объявил себя больным и даже не вышел попрощаться ни с принцем, ни с дамами, она окончательно уверилась, что не кто иной, как он, причинил ей ночью столько волнений и теперь боится показать следы царапин, оставшихся у него на лице. И хотя после этого принц несколько раз посылал узнать, поправился ли он от своей болезни, молодой человек все еще не решался явиться ко двору, пока не успел залечить все свои раны, кроме одной — той, которую любовь и горе нанесли его сердцу. Когда же он наконец вернулся ко двору и предстал перед посрамившей его красавицей, лицо его залилось краской, и он, слывший человеком отменной храбрости, смущался теперь каждый раз, когда виделся с нею. Это лишний раз убедило принцессу, что она была права в своих подо-

зрениях, и понемногу она стала удалять его от себя, причем достаточно явно, чтобы он это мог заметить. Он же, боясь, как бы с ним не поступили еще хуже, старался сделать вид, что не замечает, как она к нему охладела, и, затаив любовь свою в сердце, терпеливо сносил заслуженную им кару.

— Я рассказала вам, благородные дамы, историю, которая может вселить страх в сердца тех, кто зарится на чужое, в то время как добродетель этой молодой принцессы и здравый смысл ее придворной дамы могут послужить примером для всех женщин и придать им уверенность в своей силе. Если с кем-либо из вас случится нечто подобное, вы теперь уже знаете, как надо себя вести.

— А мне кажется,— возразил Иركان,— что герой вашего рассказа был до такой степени малодушен, что о нем не стоило бы даже и вспоминать. Ведь коль скоро ему представился подобный случай, ни присутствие старухи, ни упорство принцессы не должны были заставить его отказаться от своего замысла; и надо сказать, что и любовь-то его, должно быть, была недостаточно сильна, если в сердце оставалось еще место для страха и стыда.

— А что же было делать этому несчастному, если против него были две женщины? — спросила Номерфида.

— Убить старуху,— сказал Иركان.— И если бы молодая увидела, что помощи ей ждать больше неоткуда, она в конце концов была бы вынуждена ему отдаться.

— Убить! — воскликнула Номерфида.— Вы что же, хотите, чтобы любовник сделался убийцей? Раз вы такого мнения, то вы человек опасный.

— Если бы я очутился на его месте,— вскричал Иركان,— я счел бы для себя позором остановиться на полпути.

— Неужели вам кажется странным, что принцессе, воспитанной во всей строгости, удалось защитить себя от мужчины, который был один? — сказал Жебюрон.— Раз так, то вас, должно быть, еще больше удивит другой случай, когда простая женщина спасла себя от преследования двоих мужчин.

— Жебюрон,— сказала Эннасюита,— прошу вас, возьмите на себя труд рассказать нам пятую новеллу. Вы ведь, должно быть, можете сообщить нам кое-что интересное об этой несчастной женщине.

— Что же, если вы избираете меня рассказчиком,— ответил Жебюрон,— я расскажу вам одну историю, которую знаю, потому что сам был в местах, где она приключилась, и всех там об этом расспросил; из рассказа моего вы увидите, что разумом и добродетелью наделены не одни только принцессы и что настоящая любовь и изобретательность свойственны иногда вовсе не тем, в ком мы рассчитываем их найти.

НОВЕЛЛА ПЯТАЯ

Двое монахов-францисканцев из Ниора, переезжая реку возле порта Кулон, решили с помощью силы овладеть лодчицею, которая их перевозила. Но женщина эта оказалась честной и достаточно хитрой и, сделав вид, что соглашается на то, чего они от нее хотят, очень ловко их обманула и отдала в руки судьи, который отправил их к настоятелю монастыря, чтобы они понесли там заслуженное наказание.

В Кулонском порту, неподалеку от Ниора, жила некая лодчица, которая во всякое время перевозила людей с одного берега на другой. И вот однажды ей пришлось перевозить двух монахов из Ниорского монастыря, и, кроме них троих, в лодке никого больше не было. А так как переправа эта — одна из самых длинных во всей Франции, то, чтобы не дать своей спутнице соскучиться, монахи стали уговаривать ее разделить их любовь, на что та отвечала так, как и следовало ожидать, — отказом. Но ни усталость после долгого пути, ни холод, которым веяло от воды, ни стыдливый отказ этой женщины не охладили их страсти, и они решили завладеть ею силой, а если она воспротивится их ласкам, столкнуть ее в реку. Но женщина, которая была столь же добродетельна и разумна, сколь оба они бесстыдны и коварны, сказала:

— Поверьте, что я вовсе не так упряма, как вам это показалось; я попрошу вас только исполнить две мои просьбы, и тогда вы увидите, что исполнение вашей доставит мне не меньше радости, чем вам обоим.

Монахи тут же поклялись именем своего патрона, Святого Франциска, что готовы исполнить все, о чем она их просит.

— Прежде всего дайте мне клятвенное обещание, что вы никому об этом не расскажете, — потребовала она.

Монахи ей это пообещали и, не задумываясь, поклялись. Тогда она сказала:

— Развлекаться со мною вы будете по очереди, мне ведь стыдно показываться вам обоим вместе. Решите только, кто из вас будет первым.

Монахи нашли, что просьба ее совершенно законна, и тот из них, кто был помоложе, согласился, чтобы старший был первым. И как только они пристали к маленькому островку, женщина сказала младшему из монахов:

— Святой отец, читайте покамест ваши молитвы, а мы с вашим приятелем поедем сейчас на другой островок. И если он вернется оттуда довольный мною, мы потом оставим его здесь и поедем туда с вами.

Младший соскочил на землю и стал ждать возвращения своего товарища, которого лодчица повезла на другой островок. Когда лодка подошла к берегу, женщина сделала вид, что привязывает ее к дереву, и сказала монаху:

— Друг мой, подите-ка выберите местечко поудобнее.

Святой отец сошел на берег и стал искать, где бы им было поудобнее прилечь. Но едва только женщина увидела, что он ступил на землю, как она мгновенно оттолкнула лодку ногой и уплыла в ней дальше по реке, оставив и того и другого монаха на пустынных островках, и только крикнула что есть мочи:

— Ждите теперь, пока ангел господень придет вас утешить, от меня вы уже ничего не дождетесь.

Несчастные монахи, сообразив, что их обманули, стали на колени у самой воды и молили не срамить их. Они заверили свою спутницу, что, если она довезет их до места, они ни о чем ее больше просить не будут. Она же, отъезжая от них все дальше, крикнула им в ответ:

— Это уж было бы верхом глупости с моей стороны: вырваться из ваших рук, а потом опять к вам вернуться.

Возвратившись в деревню, она позвала своего мужа и судейских, чтобы те схватили этих двух разъяренных волков, к которым она чуть было не попала в пасть и от которых сам господь бог ее спас. Мужчины отправились на островки, и за ними последовала вся деревня, ибо всем жителям от старого до малого хотелось непременно принять участие в этой ловле.

Перепуганные монахи, видя, сколько на них двинулось народу, спрятались на островках, причем каждый напоминал собой Адама, представшего нагим перед очами господа. От

стыда за совершенный ими грех и от страха перед расплатой они были едва живы и тряслись будто в лихорадке. Но это не помешало прибывшим схватить их и посадить в тюрьму под одобрительные возгласы и хохот толпы.

— Вот что за люди эти святые отцы,— говорили одни,— они проповедуют нам целомудрие и честь, а потом бесчестят наших собственных жен.

Другие же говорили:

— Это гробы повапленные, которые внутри полны мерзости и гнили.

А еще кто-то крикнул:

— Истинно, дерево познается по плоду своему.

И должно быть, все тексты Евангелия, где говорится о лицемерах, были пущены в ход, чтобы опозорить этих захваченных в плен насильников. И так продолжалось до тех пор, пока не прибыл настоятель монастыря, который уговорил судью выдать их ему, обещав, что накажет обоих негодяев так, как лица светские наказать не посмели бы. Он обещал, что они отслужат столько месс и прочтут столько молитв, сколько он их заставит. Судья исполнил его просьбу и выдал ему арестованных, которых тот препроводил к себе в монастырь и так хорошо их проучил, что с тех пор они каждый раз, переезжая реку, осеняли себя крестным знаменем и направляли помыслы свои к господу богу.

— Прошу вас, благородные дамы, подумайте, если простая лодчица оказалась настолько сообразительной, что обманула двух столь коварных мужчин, то насколько же умнее должны быть те, кто прочел множество книг и у кого перед глазами был достойнейший образец. Достаточно ведь уже тех примеров женской добродетели, которые они видели, чтобы для женщины благородного воспитания добродетели эти стали не заслугой, а простою привычкой. Ведь коль скоро даже те женщины, которые ничего этого не знают, кому за целый год не приходится и двух раз сходить в церковь, чтобы послушать хорошую проповедь, чья жизнь уходит целиком на то, чтобы заработать себе кусок хлеба,— коль скоро даже такие находят в себе силу sobлюсти целомудрие, то это означает, что добродетель всегда пребывает в их простых сердцах, ибо дух божий творит свои высокие дела в сердцах людей слабых и неразумных. Несчастлива та из женщин, которая не хранит своего сокровища: сбереженное, оно несет ей великую честь, растраченное — покрывает позором.

— Мне думается, Жебюрон,— сказала Лонгарина,— что отвергнуть любовь монаха — это не такая уж большая заслуга. Гораздо труднее было бы его полюбить.

— Лонгарина,— ответил Жебюрон,— женщины, которые не привыкли иметь таких поклонников, каких, например, имеете вы, не станут пренебрегать и монахами. Среди них ведь есть люди статные, сильные, живется им привольно и они от этого здоровее, чем, например, такие, как мы, которые всю жизнь бегают в упряжке. Они обольстительны, как ангелы, и наглы, как дьяволы. Поэтому женщины, которые другого ничего не видели, поистине добродетельны, если они умеют вырваться из их лап.

— Вы можете говорить что вам угодно,— воскликнула Номерфида,— но я бы скорее бросилась в реку, чем согласилась лечь спать с монахом.

— Вы, должно быть, хорошо плаваете,— смеясь, сказала Уазиль.

Номерфиде это замечание показалось дерзким, и, решив, что Уазиль отнеслась к ней неуважительно, она гневно сказала:

— Я знаю женщин, которые отказывали мужчинам гораздо более приятным, чем какой-нибудь монах, и не трубили об этом по всему свету.

— Они еще меньше трубили тогда, когда уступали их просьбам,— добавила Уазиль, которую этот гнев рассмешил.

— Я вижу, что Номерфиде не терпится что-нибудь рассказать,— вступился Жебюрон,— и я хочу предоставить ей это право, чтобы она поделилась с нами тем, что знает.

— Все, что здесь говорилось,— сказала Номерфида,— так мало меня трогает, что не вызывает во мне ни радости, ни зависти. Но уж коль скоро вы предоставили мне слово, я попрошу вас выслушать мой рассказ, чтобы вы знали, что если, как мы только что видели, находятся женщины, которые не дают себя соблазнить, есть и другие, которые легко поддаются соблазну. А так как мы поклялись говорить только правду, я не хочу ничего скрывать, ибо точно так же, как добродетель этой лодчицы не приносит чести другим женщинам, если они не следуют ее примеру, так и порочность какой-либо другой особы женского пола никак не может служить к посрамлению всех остальных.

НОВЕЛЛА ШЕСТАЯ

Старый камердинер герцога Алансонского, кривой на один глаз, предупрежденный о том, что жена его вступила в любовную связь с одним молодым человеком, решил узнать, действительно ли это так. Он сказал жене, что уезжает из города на несколько дней, а сам меж тем неожиданно вернулся. Однако жена догадалась, что муж ее возвратился, и таким образом он, думая, что ему удалось обмануть ее, был сам обманут.

У Карла, покойного герцога Алансонского, был старый камердинер, кривой на один глаз. Он был женат на женщине значительно моложе его. А так как его господа были к нему очень привязаны, он не мог особенно часто отлучаться из дворца и видаться с женой столько, сколько ему хотелось. И вот женщина эта, забыв честь и стыд, полюбила одного молодого человека. Молва об этом распространилась по городу; дошла она в конце концов и до мужа. Однако он не хотел верить сплетням, потому что жена неизменно встречала его ласкою и любовью.

Но однажды он все-таки решил убедиться, действительно ли это так,— и, если это будет в его силах, отомстить той, которая ввергла его в такой позор. Для этого он сказал жене, что уезжает куда-то на два-три дня. Едва только он уехал, та позвала своего возлюбленного, но не прошло и получаса, как муж вернулся и стал отчаянно стучать в дверь. Она догадалась, что это он, и сказала об этом своему другу, который так испугался грозившей ему опасности, что стал проклинать и виновницу его беды и свою любовь к ней. Но женщина успокоила его, сказав, что она сумеет помочь ему выйти сухим из воды, и попросила только, чтобы он поскорее оделся. Тем временем муж продолжал колотить в дверь и громко звать жену. Она же, притворившись, что не узнает его стук, закричала, как будто обращаясь к слугам: «Что ж это вы не угомоните людей, там за дверью? Разве в такой поздний час ходят в порядочные дома? Будь здесь мой муж, уж он бы вам показал!»

Муж, услышав голос своей жены, стал еще громче кричать:

— Жена, открывай! Неужели ты заставишь меня проторчать тут до самого утра!

Когда она увидела, что друг ее совсем одет, она открыла дверь и встретила своего супруга словами:

— Ах, милый мой муженек, как я рада, что ты вернулся! Мне приснился чудесный сон, и мне было так хорошо, как никогда еще не бывало. Мне приснилось, что ты стал видеть обоими глазами.

А сама в это время, обнимая и целуя его, закрыла ему рукой здоровый глаз и стала спрашивать:

— Посмотри-ка, может быть, и в самом деле ты лучше стал видеть?

И пока муж ее пребывал в полной темноте, она успела выпроводить своего возлюбленного на улицу. Однако старик сразу же сообразил, что здесь дело нечисто, и сказал ей:

— Клянусь тебе, жена, теперь я больше никогда не буду тебя выслеживать. Я ведь хотел тебя обмануть, а вышло, что обманула меня ты, да еще как здорово. Ну, да бог тебе судья. Ни одному мужчине на свете все равно никогда не совладать с женским коварством. Разве только убить негодницу на месте. Но коль скоро вся моя ласка ничему тебя не научила, может быть, тебя исправит то презрение, которое я отныне буду к тебе питать.

С этими словами он покинул дом, оставив жену в большом горе, и вернулся только много времени спустя, когда за нее вступились друзья и родные и сама она пролила много слез, моля его смириться над нею.

— Теперь вы видите, благородные дамы, до чего ловка и хитра становится женщина, когда ей надо бывает избежать опасности. А если она так быстро нашла способ скрыть содеянное ею зло, то, по-моему, для того чтобы уберечься от зла или чтобы сотворить добро, она может стать еще более хитроумной. Ибо мне не раз приходилось слышать, что сильнее всего бывают те, кто направляет свои силы на добрые дела.

— Вы можете сколько хотите рассуждать о хитрости и об уме,— сказал Иркин,— но я уверен, что если бы подобный случай произошел с вами, вы не сумели бы так ловко спрятать своего друга.

— Ну где же мне это суметь, скажите уж прямо, что вы считаете меня самой глупой женщиной на свете.

— Этого я не говорил,— возразил Иркин,— я просто считаю, что вашей натуре свойственно скорее прийти в смятение от скандала, чем проявить находчивость и как-нибудь его замять.

— По-вашему, у всех, как у вас, только и дела что думать о том, как одно перекрыть другим...— сказала Номер-

фиды.— Но в конце-то концов, если все чем-то перекрывать, то получится крыша на крыше, а на той еще одна крыша. А от такой тяжести как бы и весь дом не развалился! Но если вы думаете, что вы, мужчины, в таких случаях похитрее женщин, я уступлю вам свое место, чтобы седьмую новеллу рассказали вы. И уж если примером вы выберете себя, то я уверена, что вы научите нас многим хитростям.

— Я здесь вовсе не для того,— сказал Иркэн,— чтобы изображать себя хуже, чем я есть на самом деле. И без этого ведь находятся люди, которые болтают про меня всякие небылицы.

И он поглядел при этом на жену, которая сразу же воскликнула:

— Пожалуйста, рассказывайте все так, как оно есть, и ради меня ничего не изменяйте. Мне ведь легче выслушать рассказ о ваших уловках, чем испытывать все эти хитрости на самой себе, хоть ни одна из них не может сколько-нибудь повлиять на мою любовь к вам.

— Поэтому я и не жалею, когда вы бываете ко мне несправедливы,— ответил Иркэн.— Ведь чем лучше мы узнаем друг друга, тем крепче будут узы нашей любви. И все же я не настолько глуп, чтобы начать рассказывать что-нибудь такое из своей жизни, что могло бы вас огорчить. А то, что я расскажу, действительно приключилось с одним моим другом.

НОВЕЛЛА СЕДЬМАЯ

Один ловкий и хитрый купец обманывает старуху и спасает честь ее дочери.

В городе Париже жил некий купец, который был влюблен в дочь своей соседки. Впрочем, на самом деле влюблена была она, а он только делал вид, что души в ней не чаёт, чтобы отвлечь внимание окружающих от той, кого он действительно любил любовью возвышенной и благородной. А девушка, которую он обманывал, до такой степени была от него без ума, что, не в пример многим другим, которые знали, как вести себя с мужчинами, не считала возможным ни в чем ему отказать. Вначале купец этот сам искал встреч с ней, но потом она уже готова была приходить туда, где он назначал ей свидание. Мать ее, женщина очень строгих правил, заметила это и раз и навсегда запре-

тила ей даже разговаривать с ним, сказав, что иначе она отдаст ее в монастырь. Но чувство этой девушки к своему возлюбленному пересилило ее страх перед матерью, и она только еще больше стала томиться по своему любимому. И вот однажды, когда, придя к ней в дом, он застал ее одну в гардеробной, он решил, что это весьма подходящее место для их свидания, и завел с ней самые нежные разговоры. Но одна из служанок, увидав, что они уединились вдвоем, побежала сообщить об этом матери, которая пришла в ярость и тотчас же кинулась туда. Дочь ее, услышав, что она идет, залилась слезами и сказала своему возлюбленному:

— Увы, друг мой, сейчас ты поймешь, как дорого обходится мне моя любовь к тебе. Матушка увидит сейчас своими глазами то, чего она всегда опасалась и что подозревает уже давно.

Купец, однако, нимало не растерялся и, выпустив девушку из своих объятий, сразу же направился навстречу ее матери и со всем жаром страсти, которую в нем только что пробудила ее дочь, обнял недоумевающую старуху и повалил на кушетку. Та была несказанно этим поражена:

— Что с вами такое? — пробормотала она.— Да вы с ума сошли!

Но он продолжал обнимать ее и прижимать к себе, как будто это была самая пленительная девушка на свете. И если бы старуха не кричала так громко и все слуги немедленно не кинулись ей на помощь, ее, несомненно, постигла бы та самая участь, от которой она больше всего на свете старалась уберечь свою дочь. Только силой ей удалось вырваться из рук купца, и она до конца жизни так и не узнала, что заставило его так ее мучить. А тем временем дочь ее убежала в соседний дом, где в это время справляли свадьбу, и впоследствии, вспоминая этот случай, она не раз хохотала со своим другом над недогадливою матерью.

— Таким образом, благородные дамы, купец этот оказался достаточно хитер, чтобы обмануть эту почтенную особу и спасти доброе имя ее дочери. Но если бы вы только знали, о ком идет речь! И если бы вы видели, как выглядел соблазнитель и сколь велико было изумление старухи, вам нелегко было бы удержаться от смеха. Мне же хочется только доказать этим, что мужчины бывают в нужную минуту не менее хитры и сообразительны, чем женщины, чтобы вы, благородные дамы, не боялись им иногда довериться.

Заметьте же, что иногда вы сами не догадаетесь, что надо сделать, чтобы спасти вашу честь, а мужчина сообразит все гораздо скорее.

— Право же, Иркан, история ваша очень забавна и купец ваш необычайно сообразителен,— сказала Лонгарина,— только нехороший это пример для девушек. Правда, среди них, может быть, и есть такие, которые сочтут его достойным подражания, но, надеюсь, сами вы не настолько глупы и не захотите, чтобы жена ваша или женщина, честь которой вам дорога, играла в такую игру. А я думаю, что никто ведь так близко не знает женщин и так ревниво не оберегает их честь, как вы.

— Клянусь вам,— сказал Иркан,— что если бы нечто подобное приключилось с моей женой — и так, что я бы ничего об этом не знал,—я бы продолжал ее уважать, как уважал раньше. И я поистине не знаю, удалось ли кому-нибудь поступить столь умело и так ловко спрятать концы в воду, что дело обошлось без больших неприятностей.

Парламанта не удержалась и сказала:

— Разумеется, человек, известный своими дурными поступками, всегда будет на подозрении. Но блажен тот, кого ни в чем нельзя заподозрить.

— Иногда не бывает огня без дыма, но зато дым мне много раз пришлось видеть и там, где не было никакого огня,— возразила ей Лонгарина.— Ведь люди дурные готовы искать зло где угодно, только не там, где оно есть на самом деле.

— Вот что, Лонгарина,— воскликнул Иркан,— вы так хорошо говорили, отстаивая честь женщин, которых понапрасну в чем-то подозревают, что я предоставляю вам право рассказать восьмую новеллу. Надеюсь, что вы не заставите нас плакать так, как это сделала госпожа Уазиль, столь горячо хвалившая добродетельных женщин.

— Если вы непременно хотите, чтобы я вас рассмешила, как это не раз бывало,— сказала Лонгарина, заливаясь смехом,— то знайте, что посмеяться над женщинами вам не придется. Я расскажу вам, как легко всегда бывает их обмануть, когда они начинают ни с того ни с сего ревновать своих мужей, но при этом воздам должное их здравому смыслу, который порой толкает их самих на обман.

НОВЕЛЛА ВОСЬМАЯ

Некий Борне, задумав изменить жене, которая была ему всегда верна, и решив поразвлечься со служанкой, рассказал об этом намерении своему другу, который пожелал принять участие в этой забаве. И вышло так, что Борне был убежден, что спит со служанкой, тогда как в действительности это была его собственная жена, и он, ничего не подозревая, поделился со своим приятелем удовольствием, на которое только он один имел право, и сам наставил себе рога, уберегши, однако, свою жену от позора.

В графстве Алэ жил некий молодой человек по имени Борне, который женился на женщине весьма добродетельной и всегда высоко ценил ее ничем не запятнанную честь, как, я полагаю, ценят ее в своих женах и все присутствующие здесь мужья. Но хоть он и желал, чтобы жена оставалась ему верна, он нисколько не считал себя обязанным отвечать ей тем же и прельстился собственной служанкой, причем удовольствия от этого он, по всей вероятности, мог испытать не больше, чем людям приносит подчас небольшое разнообразие в пище. У него был сосед, человек одинакового с ним положения, по имени Сандра, портной и любитель играть на барабанах, и между ними была такая дружба, что они делили все, кроме жен. Само собой разумеется, Борне посвятил приятеля в свои намерения относительно служанки, и тот их не только одобрил, но и постарался помочь осуществлению его планов, надеясь впоследствии получить и свою долю. Служанка же решительно отказалась уступить просьбам своего господина и, видя, что тот никак не дает ей прохода, рассказала обо всем его жене и попросила ту отпустить ее к родителям, ибо она не в силах больше терпеть подобную муку.

Госпожа ее, которая очень любила своего супруга и не раз уже подозревала его в измене, очень обрадовалась, что ей удастся наконец поймать его с поличным. И вот что она сказала служанке:

— Будь с ним добрее, моя милая, поговори с моим муженьком поласковее, а потом назначь-ка ему ночью свидание у меня в гардеробной. А как только он придет, дай мне знать, да смотри, чтобы никто ничего не проведал.

Служанка исполнила в точности все, что велела ее госпожа. Супруг ее был так счастлив, что ему захотелось на радостях отблагодарить приятеля, а тот упросил его поделиться с ним удовольствием, которое его ожидало. Обещание

было дано, и назначенный час настал. Хозяин отправился в гардеробную, чтобы свидеться там, как он полагал, со служанкой. Но жена его, отказавшись от прав хозяйки ради удовольствия послужить, расположилась в гардеробной на том самом месте, где должна была находиться служанка, и встретила вошедшего с притворным удивлением и страхом, свойственным девушкам, так что супруг ее ни о чем не мог догадаться.

И уж не знаю, кто из них двоих чувствовал себя счастливее,— он ли, считая, что обманывает свою жену, или она при мысли, что проучила мужа за его неверность. Пробыв с нею не столько, сколько ему хотелось, но столько, сколько он мог выдержать, ибо был он уже не очень молод, Борне вышел из дома и, увидев приятеля, стал хвастаться перед ним тем, что нашел товар лучше, чем ожидал.

Тогда приятель его сказал:

— А обещание ты свое помнишь?

— Беги туда поскорее,— сказал Борне,— а то она поднимется и уйдет, или, чего доброго, жена моя ее позовет.

Приятель его сразу же разыскал мнимую служанку, которая все еще лежала на прежнем месте и, думая, что это возвращается ее муж, не отказала ему в том, о чем он ее просил (я имею в виду, что он просил молча, ибо заговорить с ней он не решился). И задержался он там дольше, чем ее муж; женщина осталась очень довольна и приятно удивлена, так как не слишком-то ее баловали такими ночами. У нее, однако, хватило выдержки промолчать, ибо она задумала на следующий день напомнить мужу обо всем и как следует над ним посмеяться. На рассвете приятель Борне поднялся с кровати и напоследок поиграл с ней еще немного, а уходя, снял у нее с пальца обручальное кольцо. А в этих краях женщины очень суеверны и почитают тех, кто свято хранит обручальное кольцо до самой смерти. Если же одна из них случайно его потеряет, то это считается большим позором, как будто она действительно изменила мужу. Поэтому женщина эта очень обрадовалась, что в эту ночь муж снял у нее с пальца кольцо, решив, что у нее есть теперь против него улика.

— Ну что? — спросил Борне, когда приятель его возвратился.

Тот ответил, что он тоже очень доволен и что, если бы не страх, что с наступлением утра его там обнаружат, он остался бы у нее и подольше. Оба мужчины легли

отдыхать и проспали долго. А на следующий день, одеваясь, Борне заметил вдруг на пальце приятеля кольцо, как две капли воды похожее на то, которое он подарил жене в день свадьбы, и спросил, откуда оно у него взялось. Когда же он услышал, что тот снял его с пальца служанки, изумлению его не было границ. В отчаянии он стал биться головой об стенку, восклицая:

— Черт побери! Неужели это я сам себе умудрился наставить рога, жена ведь ничего даже и не знает?

Тогда приятель, стараясь его успокоить, сказал:

— Но, может быть, твоя жена просто почему-нибудь отдала кольцо в этот вечер служанке?

Муж ничего на это не ответил и сейчас же отправился домой. Там он нашел жену похорошевшей, помолодевшей и такой веселой, какой он никогда ее не видел. Она была довольна тем, что спасла честь служанки и убедилась в неверности супруга и все это ей удалось сделать за одну ночь. Видя на лице ее такую радость, муж подумал: «Если бы она знала, как мне сегодня повезло, ей, пожалуй, было бы не до веселья». И, поговорив с ней о том, о сем, он взял ее за руку и обнаружил, что на ней нет кольца, которое она раньше никогда не снимала. Он обомлел и дрожащим голосом спросил ее:

— Куда ты дела кольцо?

Она же, очень довольная тем, что сразу навела его на разговор, который ей не терпелось с ним завести, сказала:

— Ах ты, негодяй этакий! Скажи-ка мне лучше, у кого ты снял его с пальца? Ты думал, что у моей служанки, ты ведь расточал ей столько любви, сколько я в жизни от тебя не видала. В первый раз, когда ты пришел и лег со мной в постель, ты возгорелся к ней такой страстью, что, казалось, сильнее любить уже невозможно. А после того, как ты выходил и вернулся снова, ты стал уже настоящим дьяволом и не знал ни удержу, ни меры. О, несчастный! Подумай только, как ты был ослеплен, что пришел в такой восторг от моего тела, которое уже столько лет принадлежит тебе и которому ты до этого времени никогда не отдавал должного. Выходит, что ты наслаждался вовсе не красотой служанки и не телом ее, а тем вождением, которое ты в себе разжег и которое ослепило и оглушило тебя так, что ты бы, наверное, и козу в чепчике принял за красивейшую девушку на свете. Пора бы тебе, муженек, взяться за ум и получать удовольствие от ласки жены, женщины какникак порядочной, и не меньше, чем ты его получил, будучи

уверен, что перед тобой какая-то поганая девка. Все это подстроила я, для того чтобы отвадить тебя от твоих проказ и чтобы в старости мы могли жить с тобою в дружбе и в душевном покое. А если ты и впредь намерен вести себя так, как вел до сих пор, мне легче будет навек расстаться с тобой, чем видеть, как день ото дня гибнет твоя душа, твое тело и твои лучшие силы. Если же ты признаешь, что ошибался, и станешь с этих пор жить, как велит нам господь, выполняя все заветы его, я прощу тебе все твои прежние грехи, ибо хочу, чтобы господь простил и меня, неблагодарную, за то, что я люблю его не так горячо, как должна бы.

Несчастный супруг был в отчаянии от того, что он предпочел ей, женщине такой красивой, умной и целомудренной, другую, которая несколько его не любила, и — что еще того хуже — заставил жену согрешить так, что она даже об этом не знала, приобщив другого к наслаждению, которое принадлежало только ему одному, и, наставив себе сам рога, сделался теперь навек посмешищем в глазах всех. Но, видя, что жена его и так уже достаточно огорчена и его изменой, и страстью, которую пробудила в нем служанка, он решил не говорить ей о своей вероломной проделке. Вместо этого он попросил у нее прощения и, обещав, что больше никогда не будет ей изменять, отдал ей кольцо, которое ему вернул приятель, а того попросил, чтобы он никому никогда не рассказывал о постыдном происшествии, которое с ним приключилось. Но так как все тайное рано или поздно становится явным, истина все равно очень скоро всплыла, и за Борне так и осталось прозвище рогоносца, которое он стяжал, хоть репутация его жены несколько от этого не пострадала.

— Мне кажется, благородные дамы, что, если бы каждому, кто наносит жене такое оскорбление, грозило такое же наказание, Иркану и Сафредану пришлось бы призадуматься.

— Вот как! — воскликнул Сафредан. — Скажите на милость, Лонгарина, неужели в нашей компании нет больше женатых людей, кроме меня и Иркана?

— Разумеется, есть и другие, но на такие проделки способны только вы двое.

— Где же это вы видели, чтобы мы приставали с любовью к служанкам?

— Если бы те из них, кого это близко коснулось, захотели рассказать всю правду, нашлась бы, верно, не одна, которой именно из-за этого пришлось оставить службу раньше положенного срока.

— Нечего сказать,— вмешался Жебюрон,— вы очень любезны: обещав рассмешить нас всех, вы вместо этого только рассердили наших бедных друзей.

— Мне это все равно,— сказала Лонгарина,— пусть только они не хватаются за шпаги. Чем сильнее будет их гнев, тем больше мы потом посмеемся над ними.

— Но подумать только,— воскликнул Иркан,— если бы наши жены на минуту поверили этой даме, она способна была бы перессорить самых нежных супругов, какие только есть среди нас.

— Я отлично знаю, кому я все это говорю,— сказала Лонгарина,— жены ваши настолько умны и так вас любят, что надели вы их даже оленьими рогами, они все равно будут убеждать и весь мир, и самих себя, что это веночек из роз.

Слова эти до того рассмешили всю компанию и даже тех, к кому они относились, что к этому никто уже больше ничего не мог добавить.

Но Дагусен, который за все это время не вставил ни слова, не стерпел и сказал:

— Как, однако, неразумен человек, когда от добра, которое он имеет, он еще ищет другого. Мне не раз приходилось видеть, как, не довольствуясь тем, что у него есть, и гоняясь за бóльшим, человек терял и то, что имел, и люди эти ни в ком не вызывали жалости, ибо непостоянство всегда достойно осуждения.

— Ну, а что же тогда делать человеку, который так и не нашел себе жены по вкусу? — вмешался в разговор Симонто.— Неужели, если он будет искать ее, где только может, вы назовете это непостоянством?

— Поелику никому не дано знать, где находится та счастливая половина, которая способна слиться с другой так, что их нельзя будет отличать друг от друга,— сказал Дагусен,— надо, чтобы каждый умел упрочить тот выбор, который сделала за него любовь. И так, чтобы потом никакая случайность не могла поколебать ни сердца его, ни воли. Ведь если окажется, что та, кого вы полюбили, как две капли воды похожа на вас и хочет всего того, что хотите вы, в действительности вы будете любить не ее, а только себя.

— Вы не правы, Дагусен,— возразил Иркин,— это заблуждение — думать, что мы должны любить женщин независимо от того, любят они нас или нет.

— Иркин,— ответил Дагусен,— я хочу только сказать, что, если, любя, мы обольщаемся красотой, добронравием и благосклонностью женщины и гонимся за наслаждением, почетом или корыстью, такая любовь долго длиться не может. Ведь если исчезнет то, на чем зиждется наша любовь, и от самой этой любви тотчас же не останется и следа. Но я твердо убежден, что если у того, кто любит, одна только цель — любить, то чувство это будет жить всегда в его сердце и ему легче будет умереть, чем перестать любить.

— Клянусь честью,— воскликнул Симонто,— вы, должно быть, никогда не были влюблены, ведь если бы вы сами ощутили в сердце огонь любви, как другие, вы не стали бы нам живописать сейчас «Республику» Платона, которая существует только в книге, а в жизни себе не находит места.

— Нет, я любил,— вскричал Дагусен,— люблю и сейчас и буду любить всю жизнь. Но я очень боюсь, что если я буду выказывать перед вами мою любовь, это может сделать ее менее совершенной, и я не хочу, чтобы та, чьей взаимности я ищу, узнала о моем чувстве. Я не смею даже об этом думать — из страха, что глаза мои выдадут мою тайну. И чем тщательнее я скрываю это пламя в сокровенных глубинах сердца, тем больше наслаждаюсь сознанием того, что любовь моя совершенна.

— Готов поклясться,— сказал Жебюрон,— что вам действительно очень хочется, чтобы вас полюбили.

— Не стану этого отрицать,— ответил Дагусен,— но ведь, когда меня полюбят так, как сам я люблю сейчас, любовь моя не сможет от этого возрасти; так может ли она уменьшиться из-за того, что сейчас я не любим так сильно, как сам люблю?

В это время Парламанта, которая догадалась, о ком идет речь, сказала:

— Берегитесь, Дагусен! Я знала таких, как вы, которые готовы были скорее умереть, чем выдать то, что у них на сердце.

— По-моему, это самые счастливые люди на свете,— сказал Дагусен.

— Разумеется,— согласился Сафредан,— и достойные того, чтобы их причислили к лику праведников, о которых

поется в церкви: «Non loquendo, sed moriendo confessi sunt»¹. Мне столько раз приходилось слышать о людях, которые умирают от любви, но за всю жизнь я не видел, чтобы кто-нибудь из них действительно умер. И притом, коль скоро сам я благополучно избежал смерти, несмотря на все мучения, которые причинила мне моя любовь, я никогда не поверю, что и кто-либо другой может от нее умереть.

— Эх, Сафредан! — воскликнул Дагусен. — Подумайте только, в ком ищите вы эту любовь? Да, это верно: тот, кто думает так, как вы, не умирает от любви. Но я знаю немало людей, которые умерли не от какого-либо другого недуга, а только оттого, что любили кого-то великой любовью.

— Ну, раз вам известны такие истории, — сказала Лонгарина, — я передаю вам слово, чтобы вы рассказали нам какую-нибудь из них поинтереснее, и пусть она будет девятой новеллой этого дня.

— А для того, чтобы вы уверовали, что те чудеса, о которых я собираюсь вам рассказать, не вымысел, а сущая правда, — сказал Дагусен, — я буду говорить о том, что случилось всего три года тому назад.

НОВЕЛЛА ДЕВЯТАЯ

Некий дворянин, без памяти влюбленный в молодую девушку, скрывает от нее свое чувство и в конце концов погибает, к большому огорчению предмета своей любви.

Между Дофинэ и Провансом жил некий дворянин, у которого не было иного богатства, кроме красоты, благородства и чести. Он любил одну девушку, имя которой я не хочу называть, чтобы не причинить огорчения ее родителям, людям весьма почтенным и знатным, но поверьте, что все, о чем будет здесь говориться, действительно было. Будучи ниже ее по происхождению, молодой человек не решался открыть ей свою любовь. А любовь эта была так возвышенна и самозабвенна, что он скорее согласился бы умереть, нежели чем-либо задеть ее честь. Понимая, что он ее недостоин, он запретил себе думать, что когда-либо сможет

¹ Не словами, но смертью своей исповедуют [бога] (лат.).

на ней жениться. И, ничего от нее не добиваясь, он продолжал втайне любить ее самой высокой любовью, на какую только был способен. И длилось это так долго, что в конце концов девушка не могла об этом не догадаться. Видя, как он беззаветно предан ей и сколько в его чувстве бескорыстия и прямоты, она была польщена любовью столь достойного человека и относилась к нему с таким расположением, что он чувствовал себя счастливым и на большее не рассчитывал.

Но злобе человеческой, которой ненавистен всякий покой, захотелось разрушить эту благочестивую и счастливую жизнь. Нашлись злонамеренные люди, которые сказали матери этой девушки, что они боятся, как бы молодой человек не навлек на их дом беду, ибо дочь ее, вероятно, очень к нему привязана, если позволяет себе так часто с ним встречаться. Мать, нисколько, впрочем, не сомневавшаяся в порядочности этого дворянина, в котором она была уверена так же, как и в своих собственных детях, крайне огорчилась, услышав, что о нем так дурно говорят, и в конце концов, опасаясь, что все эти сплетни не доведут до добра, попросила его на какое-то время перестать бывать у них в доме. Молодому человеку было нелегко на это согласиться, ибо он отлично видел, что ему не в чем себя упрекнуть и он никак не заслуживает подобной кары. Однако, чтобы заставить злые языки замолчать, он уехал и не появлялся у них в доме до тех пор, пока поднявшийся вокруг него шум окончательно не улегся. Тогда он вернулся и стал снова бывать в доме своей любимой, где его принимали столь же приветливо, как и раньше. Но однажды, будучи там, он услышал, что молодую девушку собираются выдать замуж за человека, который, как он полагал, ничуть его не богаче, и подумал, что это несправедливо, ибо сам он знает ее гораздо дольше, чем ее жених. Он опечалился и стал просить своих друзей поговорить с девушкой, считая, что если выбор зависит от нее самой, то во всяком случае она отдаст предпочтение ему. Однако и мать этой девушки, и все родные решительно выбрали другого, ибо тот все же оказался намного его богаче. Известие это очень огорчило несчастного молодого человека, который был уверен, что вместе с ним страдает и его возлюбленная. Он занемог от тоски, стал с каждым часом хиреть и вскоре переменялся так, что его невозможно было узнать. Его красивое лицо стало бледным, как у покойника, и видно было, что дни его сочтены и он ждет только смерти.

Но, несмотря ни на что, он старался возможно чаще видеться с любимой девушкой, а когда силы совсем его оставили и он уже больше не мог подняться с постели, он не захотел, чтобы возлюбленная его об этом знала, дабы не причинять ей лишних страданий. И, предаваясь так в одиночестве отчаянию и скорби, он перестал пить и есть, лишился сна и покоя и так похудел, что стал на себя не похож. Мать девушки от кого-то проведала об его болезни. Сама она была женщиной очень доброй и к тому же искренне его любила, и если бы все родные девушки держались того же мнения, что и она, то они несомненно предпочли бы честность и благородство этого молодого человека всем богатствам другого. Но родственники со стороны отца не хотели об этом и слышать. И все же она вместе с дочерью навестила несчастного. Тот уже еле дышал и в то самое утро исповедовался и причастился, считая, что умирает и больше никого не увидит. И вот, когда он действительно был уже на волосок от смерти, к нему явилась та, которая была для него жизнью, и за миг словно воскресила его. Он почувствовал такой прилив сил, что соскочил с постели и воскликнул:

— Что заставило вас прийти сюда, зачем вы явились к тому, кто одной ногой уже в могиле и в чьей смерти виновны вы!

— Подумайте, что вы говорите! — изумилась мать девушки. — Возможно ли, чтобы мы были причиной смерти того, кого мы так любили! Прошу вас, объясните нам, как вы решились произнести такие страшные слова.

— Сударыня, — сказал он, — полюбив вашу дочь, я скрывал свое чувство сколько мог. Сказав, что я хочу жениться на ней, родители мои сказали больше, чем я хотел, а теперь вот беда, которая со мною стряслась, лишила меня последней надежды. А ведь, мечтая об этой женитьбе, я больше всего мечтал отнюдь не о радости, которую она бы доставила мне. Просто я был уверен, что никто на свете не будет так холить и любить вашу дочь, как я. Видеть, как она теряет то благо, которое могла бы иметь от лучшего и преданнейшего друга, для меня мука еще более тяжкая, чем мысль о грозящей мне смерти. Ведь жить мне хотелось только ради нее. А раз жизнь моя не может быть употреблена ей на пользу, то потерять эту жизнь не столь уж большое несчастье.

Услыхав эти речи, мать и дочь принялись утешать его. Мать сказала ему:

— Мужайтесь, друг мой, я обещаю вам, что, если господь возвратит вам здоровье, дочь моя станет вашей женой. Сама она тоже здесь, и я велю ей поклясться, что это будет так.

Дочь ее, заливаясь слезами, старалась заверить его, что исполнит данное матерью обещание. Однако несчастный хорошо понимал, что, если бы вдруг здоровье вернулось к нему, она все равно никогда бы не стала его женой и все, что говорится в эту минуту, говорится только для того, чтобы немного его подбодрить. И он сказал, что, если бы ему довелось услышать эти слова месяца три назад, он был бы самым здоровым и счастливым человеком во всей Франции. Но сейчас уже поздно: ему больше не во что верить и не на что надеяться. А когда он увидел, что они все же стараются вселить в него веру, он им сказал:

— Коль скоро вы обещали мне счастье, которого я теперь никогда не смогу вкусить, даже если бы я хотел от всей души, ибо сейчас я уже совсем ослабел, я попрошу вас о чем-то гораздо меньшем, о чем при иных обстоятельствах никогда бы не дерзнул просить.

Обе женщины поклялись, что исполнят все, что он захочет, и стали уговаривать ничего от них не таить.

— Умоляю вас,— сказал он,— позвольте мне заключить в свои объятия ту, кого вы мне обещаете в жены, и велите ей обнять меня и поцеловать.

Девушка, не привыкшая к подобного рода ласкам, смутилась и стала было отказываться. Но мать, видя, что и чувства и силы стали уже оставлять его, приказала ей немедленно исполнить все, о чем он просил.

Дочь ее подошла к постели умирающего и сказала:

— Будьте счастливы, друг мой!

Несчастный простер к ней свои исхудавшие руки и, собрав последние остатки сил, обнял ту, которая была причиной его смерти. А потом, запечатлев своими бескровными холодными губами на ее губах долгий поцелуй, прошептал:

— Любовь, которую я питал к вам, так велика и так чиста, что вне брака я не мечтал ни о каком ином блаженстве, чем то, которое ныне вкушаю. Именно потому, что я обрел его и расстаюсь с ним, я с радостью отдаю душу свою Творцу, который сам есть совершенная любовь и совершенное милосердие, который знает, сколь высока эта моя любовь и сколь праведно мое желание. И сейчас вот, держа в руках то, что мне дороже всего на свете, я молю его, чтобы он принял дух мой в свои руки.

С этими словами он снова ее обнял, и с такою страстью, что его ослабевшее сердце уже не выдержало последнего напряжения и силы его окончательно оставили. Радость любви была столь безгранична, что душа его вместе с нею покинула свою оболочку и улетела к Творцу. И, несмотря на то, что бездыханное тело становилось все холоднее и холоднее, любовь, которую девушка всегда скрывала ото всех, вспыхнула вдруг в ней с такою силой, что матери и слугам стоило большого труда вырвать девушку из объятий ее возлюбленного, которого они потом похоронили со всеми подобающими почестями. А на похоронах несчастная так плакала, так рыдала, так иступленно кричала, что казалось, она только теперь поняла, как его любила, и хотела вознаградить его после смерти за те муки, которые причинила ему при жизни. И потом, как мне довелось узнать, хотя ее и выдали замуж, чтобы она хоть сколько-нибудь утешилась в своем горе, сердце ее больше уже никогда не вкушало радости.

— Мне думается, господа, что этого примера более чем достаточно, чтобы вы поверили, что настоящая любовь, когда она остается скрытой и держится в тайне, может привести человека к гибели. Вы все отлично знаете родственников обоих этих влюбленных. Поэтому сомневаться в истинности того, что я рассказал, не приходится, и в то же время человеку, который сам не испытал ничего подобного, поверить этому трудно.

При этих последних словах дамы прослезилась.

— Свет еще не создавал такого дурака! — воскликнул Ирган.— Что же, по-вашему, нам следует погибать из-за женщин, в то время как они созданы исключительно для нашего блага? Мы еще, оказывается, должны бояться потребовать от них то, чем сам господь бог велит им услаждать нас. Я не говорю уже о себе самом и о людях женатых. С меня, например, женщин хватает, у меня их даже больше, чем надо. Я говорю о тех, кто в этом нуждается, кто, на мой взгляд, настолько глуп, что боится женщин, вместо того чтобы внушить им страх. Посмотрите, как эта несчастная девушка жалела о совершенной ею глупости! Ведь уж раз она способна была обнимать мертвое тело (что, вообще говоря, отвратительно) и раз ее так растрогал умирающий, она бы ни за что не оттолкнула его здорового и цветущего, если бы в свое время у него нашлось достаточно смелости, чтобы овладеть ею.

— И все-таки,— заметила Уазиль,— любовь этого юноши была так высока, что заслуживает всяческой похвалы. Быть влюбленным и сохранить целомудрие — это же просто чудо.

— Госпожа моя,— сказал Сафредан,— для того чтобы подтвердить слова Иркана, с которыми я вполне согласен, прошу вас, помните, что Фортуна всегда помогает смельчакам и что нет ни одного мужчины, любимого женщиной — пусть только он домогается этой любви настойчиво и умело,— который в конце концов не получил бы не только то, на что он рассчитывал, но и гораздо больше. И лишь невежество и безрассудный страх заставляют мужчин упускать множество удобных случаев, оправдывая малодушие, которым вызваны все эти неудачи, добродетелью своих возлюбленных. А ведь стоит только по-настоящему напасть, и самая неприступная крепость сдается.

— Послушайте,— сказала Парламанта,— меня, право, удивляет, как вы смаете говорить такие вещи. Или ваши возлюбленные не бывали к вам привязаны, или вы обращались к недостойным предметам любви. Иначе вы никогда бы не стали думать, что все женщины одинаковы.

— Сударыня,— ответил Сафредан,— что касается меня, то в любви мне всю жизнь так не везет, что и похвалиться-то мне совершенно нечем. Но, однако, я был бы не прав, если бы во всех неудачах моих винил одну только женскую добродетель и забыл о том, что сам я подчас бывал недостаточно ловок и осторожен. Людям же ученым я объясню мою мысль словами «Романа о Розе»:

Нам дозволено судьбою
Счастье с женщиной люблю.

Вот почему я совершенно уверен, что мужчина, которого полюбила какая-нибудь женщина, если он достаточно сообразителен, всегда сумеет добиться того, чего хочет.

— А что, если я вам расскажу,— возразила Парламанта,— о женщине, которой хотел овладеть один мужчина? Она по-настоящему его любила, но, несмотря на то, что он очень настойчиво добивался победы над нею, она сохранила честь, победив сердце свое, и плоть, и самую любовь, и волю своего возлюбленного. Смотрите, не придется ли вам тогда признать, что такие вещи на самом деле случаются в жизни.

— Ну, разумеется, придется,— ответил Сафредан.

— Право же, все вы были бы совсем малoverными, если бы подвергли сомнению то, о чем я сейчас расскажу.

— Сударыня,— попросил тогда Дагусен,— я показал вам всем на примере, какую бывает любовь добродетельного мужчины, а теперь, умоляю вас, если вы знаете также и женщину, которая может соперничать с ним в добродетели, расскажите нам о ней, чтобы мы закончили этим наш день, и не смущайтесь, если рассказ ваш окажется слишком длинным,— мы ведь еще располагаем достаточным временем, чтобы рассказать немало интересных историй.

— Раз вы мне даете возможность говорить сегодня последней,— сказала Парламанта,— я не стану тратить времени на лишние разговоры. Повесть, которую я хочу рассказать, настолько достоверна и настолько хороша, что мне не терпится, чтобы вы ее узнали. И несмотря на то, что сама я не была очевидицей событий этой повести, я узнала о них из уст моего самого большого и близкого друга; он рассказал ее, чтобы прославить ею человека, которого он очень любил. Но он просил меня, ежели мне доведется кому-нибудь рассказывать эту историю, изменить в ней все имена. Итак, все, о чем будет идти сейчас речь,— сущая правда, кроме имен участников и названий мест и страны, где все это произошло.

НОВЕЛЛА ДЕСЯТАЯ

Флорида воспротивилась бесстыдным домогательствам Амадура, который очень настойчиво ее преследовал, и, после того как добродетель ее восторжествовала, овдовев, постриглась в монахини.

В графстве Аранда, в Арагоне, жила некая дама. Она была женою графа Арандского и овдовела, еще будучи совсем молодой, оставшись с сыном и дочерью, которую звали Флоридой. Дама эта приложила все старания, чтобы из своих детей сделать людей достойных и благородных, какими и полагается быть знатым сеньорам. К тому же род ее по праву считался одним из знатнейших во всей Испании. Ей нередко приходилось ездить в Толедо, где в то время находился испанский король, а, приезжая в Сарагосу, город, близ которого она жила, она подолгу оставалась при дворе королевы, где ее окружали всегда уважением и почетом. Однажды, когда дама эта по обыкновению направилась к королю, который пребывал в Сарагосе, в своем замке Альхаферия, ей пришлось проезжать деревней, принадлежавшей вице-королю Каталонии. Затянувшаяся война, которую

Испания вела тогда с Францией, не позволяла ему покинуть Перпиньян — город, расположенный на самой границе.

Но как раз в это время был заключен мир, и вице-король вместе со своими полководцами счел возможным поехать к королю, дабы засвидетельствовать ему свое почтение. Зная, что графиня Арандская будет проезжать через его земли, вице-король выехал ей навстречу — не только потому, что она была родственницей короля, но и потому, что его связывала с ней многолетняя дружба. В свите же вице-короля Каталонии было немало доблестных дворян, которые участием в продолжительных войнах приобрели такую известность, что каждый почитал за счастье познакомиться с ними. Вместе с другими там оказался некий Аматур, и, хотя ему было не больше восемнадцати или девятнадцати лет, это был человек такого обаяния и такого ума, каких из тысячи рождается только один. Способности его были так велики, что ему уже можно было доверить государственные дела. Надо сказать, что ум его сочетался с такою необычайной и подкупающей красотой, что люди просто не сводили с него глаз. Сверх этого он обладал таким даром речи, что никто не знал, чему отдать предпочтение: манерам его, красоте или красноречию. Но еще большее уважение он заслужил своей отвагой, молва о которой распространилась повсюду, хоть он был совсем еще молод. Он столько раз уже имел случай показать свою доблесть, что не только в Испании, но и во Франции и в Италии чтили его заслуги — он ведь уже был участником самых кровопролитных битв, а когда на родине его воцарялся мир, он не успокаивался и тут же отправлялся в чужие страны, где он пользовался уважением и любовью друзей и врагов.

Юноша этот был очень привязан к своему военачальнику и остался с ним в том месте, куда теперь приехала графиня Арандская. И вот, увидев, до чего хороша собою ее дочь Флорида, которой тогда было всего лишь двенадцать лет, он подумал, что это самая замечательная девушка, какую он когда-либо видел, и что за ее благосклонность он охотно отдал бы все блага и все радости, которыми его наделяли другие женщины. Он долго не мог оторвать от нее глаз и влюбился в нее, несмотря на все доводы разума, говорившего ему, что она для него слишком знатна и так еще молода, что с ней рано говорить о любви. Однако надежда все же одержала верх над его нерешительностью, и он пришел к убеждению, что время и терпение помогут ему добиться успеха. Чувство, которое столь неожиданно и властно

воцарилось в сердце Амадура, обещало помочь ему отыскать все средства для осуществления этой цели. А чтобы преодолеть самое значительное затруднение — большое расстояние, отделявшее Флориду от местности, где он жил, и невозможность часто видаться с нею, — юноша решил жениться и этим раз и навсегда порвать все связи с барселонскими и перпиньянскими дамами, которые ему всегда воздавали должное, стараясь ни в чем ему не отказывать. Беспрепятственные войны заставили его так часто бывать на этой границе, что он стал больше походить на каталонца, чем на испанца, хотя родом он был из Толедо. Происходил он из богатого и довольно знатного дома и сам не имел большого состояния только потому, что был младшим сыном в семье. Может быть, именно по этой причине Амур и Фортуна, видя, что родные его о нем позабыли, решили вознаградить его, чтобы с помощью своих дарований он обрел наконец то, в чем отказывали ему законы страны. Он был настолько искусен в военном деле, пользовался такой любовью всех сеньоров и принцев, что чаще, чем просить о какой бы то ни было милости, ему приходилось отказываться от тех, которыми его осыпали.

Графиня, о которой я говорил, тоже приехала в Сарагосу и была там приветливо встречена королем и всеми придворными. Вице-король Каталонии не раз приезжал выразить ей свое почтение, и Амадур никогда не упускал случая сопутствовать ему только ради того, чтобы увидеться с Флоридой, ибо без этого у него не было ни малейшей возможности поговорить с нею. И чтобы в этом обществе о нем узнали, он обратился к дочери одного старого дворянина, жившего по соседству с домом графини. Девушку эту звали Авантурада, и она была в такой близкой дружбе с Флоридой, что отлично знала все, что творится у нее в сердце. Амадур видел, что имеет дело с девушкой очень порядочной, у которой к тому же было три тысячи дукатов годового дохода, и стал вести себя так, как будто хочет на ней жениться. Авантурада готова была согласиться, но, зная, как беден молодой человек и как богат ее отец, решила, что последний никогда не согласится на этот брак, если только графиня Арандская им в этом не поможет. Она пришла к Флориде и сказала:

— Взгляните на этого испанского дворянина: он часто заговаривает со мной. Я убеждена, что он хочет на мне жениться. А вы ведь знаете моего отца, он ни за что на это не согласится, если только графиня, ваша мать, и вы сами не употребите все силы, чтобы его уговорить.

Флорида, горячо любившая свою подругу, обещала ей, что возьмет все хлопоты на себя и поступит так, как будто дело касается ее самой. Тогда Авантурада представила ей Амадура, и, когда тому довелось поцеловать ей руку, он едва не упал в обморок от счастья. И оказалось, что у того, кто славится своим красноречием на всю Испанию, в присутствии Флориды язык словно присох к небу, что несказанно поразило молодую красавицу, ибо, несмотря на свои двенадцать лет, она уже слыхала, что во всей стране нет человека, который был бы красноречивей Амадура. И видя, что он не в силах вымолвить ни слова, она заговорила с ним первая, сказав:

— Ваша слава, сеньор Амадур, так велика, что вы хорошо известны и в этом обществе. А каждому, кто вас знает, хочется доставить вам какое-либо удовольствие. Поэтому, если только я в силах что-либо для вас сделать приятное, я готова исполнить любую вашу просьбу.

Амадур был до такой степени восхищен красотой девушки, что не мог даже как следует поблагодарить ее за эти слова. Но как Флорида ни была изумлена, не получив никакого ответа, она приписала это молчание отнюдь не силе его любви, а скорее, пожалуй, какой-то глупой причуде и рассталась с ним, не сказав ему больше ни слова.

Зная, что даже в столь юные годы Флорида являет уже собою образец добродетели, Амадур сказал влюбленной в него девушке:

— Не удивляйтесь, если присутствие Флориды лишило меня дара речи. Добродетели этой девочки и ее разумные речи до такой степени поразили меня, что я не знал, что сказать. Вы ведь, наверное, знаете, Авантурада, все ее тайны, так скажите мне, есть ли среди придворных хоть один, кто не пленен ею, ибо знать ее и оставаться к ней равнодушным могут только тупые животные или люди с каменным сердцем.

Авантурада, которая уже любила Амадура больше всего на свете, не стала ничего от него скрывать и сказала ему, что действительно Флорида всеми любима, но обычаи этой страны таковы, что мало кто решится заговорить с ней. Однако до сих пор никто еще не пытался свататься к ней, если не считать двух испанских принцев, которые оба имели намерение на ней жениться. Это были сын Энрике Арагонского Альфонс и юный герцог Кардонский.

— Скажите мне, пожалуйста, кому же из них двоих она отдает предпочтение? — спросил Амадур.

— Она настолько скромна, — ответила Авантурада, — что никогда не захочет в чем-либо послушаться своей матери:

однако, по всей видимости, сын Энрике Арагонского нравится ей гораздо больше. Но матери ее не хочется, чтобы дочь так далеко от нее уезжала, и ей хотелось бы, чтобы она вышла замуж за герцога Кардонского. Я знаю, что вы человек рассудительный, и поэтому, если бы вы захотели, вы могли бы сегодня же сами проверить истинность моих слов. Сын Энрике Арагонского получил воспитание при этом дворе, он очень хорош собой, и среди всех принцев мира не сыскать более достойного юноши. И нам, молодым девушкам, кажется, что, если бы он попросил руки Флориды, свадьба эта состоялась бы и они стали бы самой блестящей парой во всей Испании. Знайте, что, хотя оба они еще совсем юны — ей всего двенадцать лет, а ему пятнадцать, — любят они друг друга уже три года. Поэтому, если вы хотите завоевать ее расположение, советую вам сделаться его другом и служить ему верой и правдой.

Амадур очень обрадовался, узнав, что его даме сердца кто-то нравится, и в нем пробудилась надежда, что когда-нибудь он станет если не мужем ее, то во всяком случае кавалером, ибо добродетель ее сама по себе его не смущала и он боялся только, что она вообще никого не полюбит. После этого разговора Амадур стал искать случая увидеться с сыном Энрике Арагонского и, будучи ему представлен, очень скоро завоевал его расположение, ибо был очень искусен во всех забавах, которым предавался принц. Особенно же он был ловок в верховой езде, фехтовании и прочих играх, знать которые надлежит каждому юноше.

Война в Лангедоке возобновилась, и Амадур должен был со своим военачальником возвратиться туда. Он очень огорчился, ибо теперь у него уже не было надежды вернуться в эти места и вновь увидеть Флориду. И вот перед самым отъездом он решил поговорить со своим братом, который был мажордомом испанской королевы. Он рассказал ему, что в доме графини Арандской он встретил молодую девушку по имени Авантурада и полюбил ее, и, уезжая, попросил брата сделать все от него зависящее, чтобы свадьба эта совершилась, прибегнув для этого к помощи королевы и короля, которые были к нему расположены, а также всех своих друзей. Мажордом, горячо любивший брата и ценивший его большие заслуги, обещал ему, что сделает все, что может. Обещание свое он исполнил, и в конце концов старик отец, как он ни был упрям и скуп, внял просьбам графини Арандской, в особенности же прелестной Флориды, которые непрерывно расхваливали достоинства Амадура. К ним присоединился и подраставший брат Флориды,

который уже научился воздавать должное людям доблестным. После того как родители жениха и невесты согласились на брак, мажордом послал за своим братом, прося его воспользоваться наступившим перемирием и приехать ко двору короля.

Как раз в это время король Испании переехал в Мадрид, решив, что климат этого города более полезен для его здоровья, и там, вняв совету своих приближенных и просьбе графини Арандской, он дал свое согласие на брак наследницы герцогов де Мединасели и юного графа Арандского. Помимо того, что союз этот был в интересах королевского дома, король хотел этим показать свое расположение к графине Арандской. Свадьба была назначена в Мадриде, в королевском дворце. На ней присутствовал и Амадур, настойчиво ухаживавший за Авантурадой и в конце концов женившийся на этой девушке, которая любила его до безумия, но к которой сам он не испытывал никаких чувств, кроме благодарности, ибо брак этот для него был удобнейшим поводом видеться с настоящею избранницей его сердца, о которой он думал и день и ночь. После женитьбы он получил возможность запросто бывать в доме графини Арандской, и никто уже не обращал на это внимания, не считая его посторонним мужчиной. И хотя ему в то время было всего-навсего двадцать два года, он был так умен, что графиня Арандская посвящала его во все свои дела и требовала, чтобы сын и дочь принимали его и слушали во всем его совета. Добившись такого влияния в доме графини, молодой человек продолжал вести себя очень благоразумно и осмотрительно, ничем не выдавая своих чувств, так что даже та, кого он любил, ничего не подозревала. Но так как она была очень близка с его женой и любила ее больше всех остальных подруг, она стала вполне откровенной и с ним и не скрывала от него своих мыслей. И вот однажды она рассказала ему, как страстно она любит сына герцога Арагонского. Амадур же хотел только одного — быть с нею как можно больше — и для этого готов был все время выслушивать ее признания. Ему было все равно, о чем она ему станет рассказывать, лишь бы разговор их тянулся подольше. Но после свадьбы ему удалось пробыть там всего лишь месяц, а потом он снова должен был возвращаться на войну и больше чем на два года расстаться с женой, которая за все это время ни разу не покинула родных мест.

Амадур часто ей писал, и больше всего в его письмах было обращений к Флориде, которая постоянно ему отвечала, вставляя своей рукою несколько слов в письма

подруги, что каждый раз побуждало Амадура в свою очередь отвечать ей. Но при этом Флорида ничего не подозревала и любила его, как брата. Амадур несколько раз приезжал домой, но всегда ненадолго, и в течение пяти лет ему не удалось даже и двух месяцев видеться с Флоридой. Но, несмотря на дальность разделявшего их расстояния и на длительную разлуку, чувство его все росло. И вот однажды, когда он приехал повидаться с женою, он не застал графини в Мадриде. Оказалось, что король Испании отправился в Андалузию и увез с собою юного графа Арандского, который к этому времени вырос уже настолько, что мог носить шпагу. Графиня же Арандская жила тогда у себя в поместье на границе Арагона и Наварры. Она очень обрадовалась приезду Амадура, с которым не виделась больше трех лет. Все встретили его очень приветливо, и графиня распорядилась, чтобы за ним ухаживали, как за ее собственным сыном. В беседах с ним она рассказала ему обо всех домашних делах и во многом испрашивала его совета. Очень скоро он завоевал в ее доме такой авторитет, что всюду, куда бы он ни поехал, его встречали с распростертыми объятиями, а мудрость и сдержанность его были таковы, что люди могли доверить ему любую тайну, точно он был ангел или святой. Флорида, питавшая самые дружеские чувства к его жене и к нему самому, старалась увидеться с ним каждый раз, когда к этому представлялся случай, ничего не подозревая о его намерениях. Она нисколько не смущалась его присутствием, ведь в сердце у нее не было никакого чувства к нему и общество его ей было просто приятно. Амадур был в большом затруднении, он боялся, как бы кто-нибудь из людей искусственных не догадался об его любви, прочтя эту любовь в его взгляде. Ибо, когда Флорида бывала наедине с ним и ей не приходило в голову никаких дурных мыслей, скрытое в его сердце пламя бушевало так, что лицо его заливалось густою краской, а из глаз сыпались искры. И вот в конце концов, для того чтобы никто ничего не мог заметить, он принялся ухаживать за одной блистательной дамой по имени Полина, которая в то время почиталась такой красавицей, что не было, пожалуй, мужчины, который не поддался бы ее чарам. Красавица эта, до которой дошли вести о том, каким успехом пользовался Амадур у перпиньянских и барселонских дам и как он завоевал сердца самых красивых и самых знатных из них, особенно же о его победе над графинею Паламосской, которая считалась красивейшей из испанок, и над многими другими, сказала ему, что очень сожалеет о том, что после столь блестящих успехов он выбрал себе такую

некрасивую жену. Убедившись, что она хочет помочь этой беде, Амадур стал очень ласково разговаривать с нею, дабы притворными речами скрыть свое настоящее чувство. Но женщина эта была хитра и очень опытна в делах любви, и признания Амадура ее не удовлетворили. Догадавшись, что сердце его в этом не участвует, она заподозрила, что он решил воспользоваться ею как удобной ширмой для сокрытия своих истинных чувств, и стала выслеживать его шаг за шагом, стараясь прочесть в его взгляде то, что таилось у него в сердце. Но глаза его так хорошо умели хранить тайну, что все ограничилось одним только скрытым подозрением. Амадуру, впрочем, нелегко было себя сдерживать, ибо Флорида, которая даже не подозревала обо всех этих хитростях и обманах, нередко совершенно запросто обращалась к нему в присутствии Полины, и влюбленному стоило каждый раз большого труда не выдать себя. И вот для того, чтобы это не могло случиться, он как-то раз, когда они стояли с Флоридой у окна, спросил ее:

— Дорогая моя, умоляю вас, посоветуйте мне, что лучше сделать: сказать или умереть.

Флорида, не задумываясь, ответила:

— Я всегда советую моим друзьям говорить, а не умирать, ибо сказанное словом можно еще бывает исправить, а потеряв жизнь, вернуть ее уже невозможно.

— Значит, вы мне обещаете, — сказал Амадур, — что не огорчитесь тем, что услышите от меня, и, как бы слова мои вас ни удивили, не станете перебивать меня, пока я не до скажу всего до конца?

— Говорите все, что хотите, — ответила Флорида, — ведь если слова ваши меня поразят, все равно никто, кроме вас, не сумеет меня успокоить.

Тогда он начал так:

— Сеньора, если я до сих пор еще не рассказал вам о моей безграничной любви к вам, то на это есть две причины: во-первых, мне хочется доказать вам эту любовь, служа вам долгие годы; во-вторых, боюсь, что вы сочтете неслыханной дерзостью, если я, простой дворянин, обращусь с этими словами к девушке столь высокого звания. К тому же, даже если бы я сделался принцем и сравнился бы с вами, ваше благородное сердце не позволило бы, чтобы с подобным заверением любви к вам обращался кто-нибудь другой, кроме юного сына Энрике Арагонского, которому уже принадлежит ваше сердце. Но знайте, сеньора, что точно так же, как во время войны необходимость вынуждает иногда сжигать дома, уничтожать свои же собственные посеы, чтобы

только не дать врагу ими завладеть, так же вот и я беру на себя смелость сорвать еще не совсем созревший плод, который я берег до поры, чтобы наши с вами враги не овладели им и не употребили его во зло вам. Знайте, сеньора, что тогда, когда вы были еще девочкой, я решил посвятить свою жизнь служению вам и что с тех пор прилагаю все усилия, чтобы заслужить вашу благосклонность. Только ради этого я и женился на девушке, которая, как я знал, была вашей самой близкой подругой. А зная вашу любовь к сыну Энрике Арагонского, я постарался служить ему, чем только мог, и не упустил случая быть ему полезным. Я хотел сделать все, что только будет в моих силах, чтобы угодить вам. Вы видите, что я сумел завоевать расположение вашей матери и молодого графа, вашего брата, и всех тех, кто вам дорог, вплоть до того, что у вас в доме меня принимают не как слугу, а как родного сына. И все мои усилия в течение целых пяти лет были направлены только на то, чтобы я мог всю жизнь прожить под одной кровлею с вами. Поймите, сеньора, я не из тех, кто хотел бы этим путем добыть от вас что-то иное, кроме высокой радости видеть вас. Я знаю, что сделать вас своей женой я не могу, а если бы даже и мог, то не хотел бы, ибо знаю, что любите вы другого и только он один должен стать вашим законным супругом. И я настолько далек от мысли склонить вас на порочную связь, как делают те, кто хочет за свою долгую службу получить эту позорную для всякой женщины награду, что я предпочел бы видеть вас мертвой, нежели недостойной любви. И я ни за что не хотел бы, чтобы добродетель ваша хоть сколько-нибудь умалилась, какое бы наслаждение мне от этого ни довелось испытать. Единственная награда, о которой я собрался просить вас, — это быть по-прежнему ко мне благосклонной, не лишать меня ваших милостей и верить мне, как никому другому. Я прошу вас помнить, что, если ради спасения вашей чести или ради чего бы то ни было вам понадобится жизнь дворянина, я от чистого сердца готов отдать вам свою и вы можете быть всегда уверены во мне: все хорошее, что я совершу в моей жизни, будет совершено из любви к вам. А если ради женщин менее достойных, чем вы, я уже совершил немало деяний, за которые заслужил уважение людей, то будьте уверены, что, когда я буду делать что-либо ради вас, я найду в себе столько сил, что даже самое невозможное станет для меня легким. Если же вы оттолкнете меня от себя, мне остается только бросить мое оружие и отказаться от доблести, которая мне тогда ни на что не будет нужна. И вот

сейчас я молю вас, сеньора, исполнить эту мою справедливую просьбу и поступить так, как подскажет вам ваша честь и совесть, которые не могут в ней отказать.

Это неожиданное признание как громом поразило молодую девушку. Она покраснела и опустила глаза. Но потом, поразмыслив, она сказала:

— Амадур, для чего это вам понадобилось произносить сейчас такую длинную речь? Не для того ли, чтобы просить то, что у вас уже есть? Я боюсь, что за всеми вашими высокими словами скрывается какой-то хитрый план и что, воспользовавшись моей неопытностью, вы хотите меня обмануть. Поэтому я просто не знаю, что вам на это ответить. Отказать вам в дружбе, которую вы мне предлагаете, значило бы совершенно изменить мое отношение к вам, ибо до сих пор я доверяла вам так, как никому на свете. Ни совесть моя, ни честь не противятся вашей просьбе, ни даже та любовь, которую я питаю к сыну Энрике Арагонского,— я ведь собираюсь выйти за него замуж, а вы далеки от мысли сделать меня своей женой. В самом деле, ведь нет ничего, что помешало бы мне удовлетворить ваше желание, кроме опасения, вкравшегося сейчас в мою душу. И опасение это вызвано тем, что я не знаю, что побудило вас обратиться ко мне с такими речами. Ведь у вас уже есть то, чего вы хотите, почему же вы говорите об этом так горячо?

Амадур не остался в долгу и ответил:

— Сеньора, речь ваша исполнена благоразумия, и своим доверием ко мне вы оказываете мне такую большую честь, что если бы я не удовольствовался этим благом, то я был бы недостоин всех остальных. Но поймите, сеньора, тот, кто хочет воздвигнуть прочное здание, должен прежде всего заложить надежный фундамент. Вот почему, стремясь служить вам до гробовой доски, я должен не только изыскивать средства, чтобы оставаться всегда подле вас, но и воспрепятствовать тому, чтобы кто-либо узнал о той безумной любви к вам, которая таится у меня в сердце. Хоть любовь эта так чиста, что о ней можно было бы рассказать всем на свете, всегда найдутся люди, способные превратно толковать самые высокие чувства. И тогда те же самые чувства становятся поводом для низких сплетен. Я рассказал вам сейчас обо всем этом и поторопился сделать это оттого, что Полина, которая почувствовала, что я не могу разделить ее любовь, стала относиться ко мне с большим подозрением и следить за каждым моим шагом. Когда же вам случается неожиданно говорить со мной в ее присутствии, я каждый

раз боюсь, что выдам себя вдруг каким-нибудь движением и это даст ей потом повод заподозрить то, чего между нами на самом деле нет, и я прихожу в еще большее смущение, от которого хотел бы себя уберечь. Поэтому я решил просить вас, чтобы в ее присутствии, равно как и в присутствии других таких же злонамеренных женщин, вы не заговаривали со мною столь неожиданно; мне ведь легче умереть, чем узнать, что кто-то разгадал мою тайну. И я никогда не стал бы говорить вам об этом, если бы сердцу моему не была дорога ваша честь, ведь я и так все это время счастлив тем, что вы меня любите и доверяете мне. И я прошу только, чтобы вы и впредь дарили мне это счастье.

Флорида осталась очень довольна его объяснением, и при этом в сердце ее прокралось какое-то новое, дотоле ей неизвестное чувство. Выслушав его до конца и увидев все благородство его побуждений, она ответила, что честь ее и добродетель подсказывают ей правильный ответ и что она соглашается исполнить его просьбу. Каждый, кто когда-либо любил, поймет, как был обрадован Амадур. Но, следуя его совету, Флорида зашла слишком далеко, она начала опасаться не только Полины, но и других женщин и стала поэтому совсем избегать встреч с Амадуrom. Вместе с тем, пребывая в этой вынужденной разлуке с ним, она с огорчением замечала, сколь часто он видится с Полиной, которая была так хороша собой, что естественно было думать, что он ее любит. И чтобы чем-нибудь развеять свою печаль, она проводила долгие часы с Авантюрадой, которая уже сильно ревновала мужа к Полине. Она жаловалась на него Флориде, и та старалась утешить ее, как могла, но вместе с тем сама страдала от того же недуга. Амадур очень скоро заметил странное поведение Флориды и решил, что она отдаляется от него не только по его просьбе, но и потому, что на него за что-то сердита. И вот однажды, вернувшись из монастыря, где он был за вечерней службой, он спросил ее:

— Сеньора, почему вы так переменились ко мне?

— Очевидно, потому, что вы этого хотели,— ответила Флорида.

Догадавшись об истинной подоплеке этой обиды и решив проверить свою догадку, он сказал:

— Сеньора, я сделал все, что мог, для того чтобы Полина ни в чем вас не могла заподозрить.

— Вы нашли отличный способ служить и своим и моим интересам,— ответила она,— сами вы получаете удовольствие, и одновременно это помогает вам оберегать мою честь.

Из этих слов Амадур понял, что она считает, что встречи с Полиной ему приятны. Он пришел в отчаяние и, не будучи в силах сдержать своего гнева, воскликнул:

— Ах, сеньора, не ожидал я, что вы так скоро начнете терзать меня и разрывать мне сердце! Ведь нельзя было придумать для меня худшее наказание, чем заставить меня проводить долгие часы в разговоре с той, которая мне совсем не мила! Но коль скоро вы недовольны тем, что я делал ради вас одной, я больше ни за что не стану говорить с ней, и будь что будет! А для того, чтобы скрыть мой гнев,— так, как я прежде скрывал мою радость,— я куда-нибудь уеду и не вернусь до тех пор, пока настроение ваше не изменится. Впрочем, я надеюсь, что получу какие-нибудь распоряжения от моего военачальника, и, вернувшись на войну, постараюсь сражаться до тех пор, пока вы не поймете, что, кроме вас одной, у меня здесь нет никого, кто был бы мне дорог.

Сказав эти слова, он не стал дожидаться ответа и тут же уехал. Флорида была всем этим несказанно опечалена и ни в чем не могла найти утешения. Любовь, которую она гнала от себя, вспыхнула в ней с новой силой, и, раскаяваясь в своих словах, она стала беспрестанно писать Амадuru письма, прося его поскорее вернуться. И через несколько дней, когда гнев его немного утих, он возвратился в поместье графини.

Я не сумею сейчас в точности передать вам все, что они с Флоридой говорили друг другу, чтобы рассеять возникшие подозрения, но, так или иначе, Амадур вышел победителем из этого спора,— Флорида дала ему слово, что впредь не будет верить никаким рассказам о его любви к Полине, и призналась, что теперь хорошо поняла, какую нестерпимую мукой было для него часами говорить с этой женщиной или с любою другой — и все только для того, чтобы защитить честь единственной, которую он любил.

Когда любовь победила эту взаимную подозрительность и оба влюбленных стали еще больше радоваться каждой своей встрече, пришло известие, что король Испании двинул все свои войска в Сальс. Разумеется, Амадур, привыкший всюду быть первым, не замедлил отправиться туда же. Но надо сказать, что на этот раз уезжал он с необычными для него сожалением и тоскою. Он был огорчен разлукой с любимой и боялся, что к его возвращению в доме могут произойти перемены: он видел, что немало принцев и родовитых вельмож домогалось любви Флориды, которой к тому времени исполнилось уже пятнадцать или шестнадцать лет.

Он невольно думал о том, что за время его отсутствия она может выйти замуж и тогда он уже не будет иметь случая с ней видеться, если только графиня Арандская не предложит его жене Авантураде стать компаньонкой ее дочери. Он так умело повел дело, что Флорида обещала ему, что, за кого бы она ни вышла замуж и куда бы ни уехала, она всюду возьмет с собой Авантураду, и графиня дала на это свое согласие. А так как в это время шел разговор о том, чтобы выдать Флориду в Португалию, то было решено, что Авантурада поедет туда вместе с нею и никогда ее не покинет. С этим Амадур и уехал, оставив жену свою в обществе графини и до глубины души опечаленный разлукой с любимой. Флорида же после отъезда своего верного слуги старалась жить самой добродетельной и чистой жизнью, надеясь этим завоевать репутацию благороднейшей дамы и быть достойной такого доблестного кавалера, каким был Амадур.

Как только Амадур прибыл в Барселону, его, по обыкновению, окружили местные дамы, но все они нашли в нем большие перемены и дивились, что женитьба может так до неузнаваемости изменить человека. Все, что раньше привлекало его внимание, теперь вызывало в нем одно раздражение. Даже графиню Паламосскую, женщину, которая прежде очень ему нравилась, он на этот раз не удостоил своим посещением и пробыл в Барселоне совсем недолго — как будто он все время спешил куда-то, где ждут только его одного. Когда же он прибыл в Сальс, началась долгая и кровопролитная война между двумя королями. Но я не собираюсь сейчас рассказывать ни об этой войне, ни о славных подвигах Амадура, ибо иначе рассказ мой затянется и я не успею окончить его до самого вечера. Знайте только, что доблестью он превзошел всех своих соратников. Герцог Нахера, прибывший в Перпиньян с двумя тысячами людей, просил Амадура принять командование его войском, и тот так хорошо справился с порученной ему обязанностью, что во время сражений то и дело слышны были крики «Нахера!».

В это время король Туниса, долгое время воевавший с испанцами, услышав, сколь ожесточенно короли Испанский и Французский сражались на границах Перпиньяна и Нарбонны, решил, что сейчас настал самый удобный момент, чтобы ударить по врагу, и двинул к берегам Испании множество судов, чтобы успеть побольше всего разграбить и разрушить. Когда в Барселоне заметили, сколько мавританских кораблей вышло в море, об этом сразу же сообщили в Сальс вице-королю Каталонскому, который тут же направил герцо-

га Нахеру в Паламос. Когда мавры увидели, как сильно укреплен этот город, они сделали вид, что прошли мимо, а потом, около полуночи, возвратились и высадили на берег столько солдат, что им удалось окружить герцога Нахеру и захватить его в плен.

Амадур, который был все время настороже, услышав шум, сразу же собрал столько войска, сколько мог, и так стойко защищался, что врагам не скоро удалось сломить его. Но под конец, когда он узнал, что герцог Нахера взят в плен и что турки приняли решение поджечь Паламос и сжечь его, Амадура, живым вместе с его воинами в доме, где он укрепился, предпочел сдаться в плен, чтобы тем самым сохранить жизнь многих достойных людей, которые оказались с ним там. К тому же он надеялся, что впоследствии его выкупят из плена и когда-нибудь он еще сможет увидеть Флориду. Он сдался в плен некоему турку по имени Дорлин, военачальнику тунисского короля. Тот отвел его к самому королю, который хорошо его принял, но вместе с тем приказал очень зорко стеречь, ибо он понимал, что в руках его настоящий испанский Ахилл.

Амадур провел на службе у короля Тунисского около двух лет. Вести об их пленении долетели до Испании, и родные герцога Нахеры горько его оплакивали. Но для тех, кто превыше всего ставил честь своей страны, потерять Амадура значило больше. О постигшей его участи узнали и в доме графини Арандской. Жившая там несчастная Авантурада была в это время тяжело больна. Графиня подозревала, что Амадур любит ее дочь, но в душе уже примирилась с этой любовью и старалась не подавать виду, что догадывается о ней, ибо была очень привязана к Амадуру, считая его образцом благородства и чести. Узнав о его несчастной участи, она позвала Флориду и потихоньку рассказала ей о случившемся. Флорида отлично владела собой и только ответила, что, конечно, это большая потеря для всего их дома и что ей особенно жаль его бедную жену, которая сейчас к тому же больна. Но, видя, что мать заливается слезами, она решила, что и сама должна немного поплакать вместе с ней, дабы притворное равнодушие не выдало ее настоящих чувств. После этого графиня еще не раз заговаривала с ней об Амадуре, но так и не могла узнать, что творится у нее в сердце. Я не стану рассказывать о том, сколько раз Флорида отправлялась в святые места, сколько времени она проводила в постах и молитвах за Амадура. Находясь в Тунисе, Амадур пользовался каждым случаем, чтобы писать о себе своим друзьям, и через одного

очень надежного человека известил Флориду о том, что он здоров и надеется ее увидеть; для несчастной весть эта была единственным утешением в ее тоске. Но знайте, что ей было также позволено писать ему, и ее частые письма вселяли в Амадура бодрость и силу.

Вскоре графиню Арандскую потребовали в Сарагосу, куда в это время прибыл король со своим двором. Там на­ходился и юный герцог Кардонский, который так настой­чиво уговаривал короля и королеву помочь ему, что оба они обратились к графине, прося ее дать согласие на брак гер­цога с ее дочерью. Графиня ни в чем не хотела ослушаться королевской семьи и согласилась, полагая, что дочь ее на­столько молода, что во всем покорится матери. Когда приго­товления уже были сделаны, графиня сказала Флориде, что выбрала для нее эту партию, ибо считает ее наиболее под­ходящей. Девушка, зная, что — коль скоро решение уже принято — отказываться нельзя, ответила матери, что, еже­ли господь того хочет, она готова исполнить его волю, и ре­шила, что самое лучшее для нее не оплакивать свою участь, а повиноваться материнскому желанию, оказавшемуся для нее столь неожиданным. За этой бедой последовала и дру­гая — она узнала, что сын Энрике Арагонского смертельно болен. Однако она не дала почувствовать, как ей это тяжело, ни матери, ни кому другому, и ей стоило такого труда сдер­жать проступавшие слезы, что у нее хлынула кровь из носа; ей сделалось совсем плохо, и жизнь ее какое-то время висе­ла на волоске. Однако, несмотря ни на что, ее выдали замуж за нелюбимого человека, жизнь с которым ей была хуже смерти. После свадьбы Флорида уехала с мужем в герцог­ство Кардонское и увезла с собой Авантураду, которой она не раз, сетуя на суровость матери, изливала свою тоску по любимому. Что же касается Амадура, то, если она и говорила о нем, то единственно для того, чтобы утешить свою напер­сницу. Сама же в душе решила не думать ни о чем, кроме господя бога и своей чести, и так хорошо умела скрывать свое горе, что никто даже не заметил, что супруг ее был ею не любим.

Так прошло много времени. Жизнь для Флориды была тягостнее смерти. Она написала об этом верному Амадуру. Зная, сколь благородна и чиста душою Флорида и как она любила сына Энрике Арагонского, Амадур решил, что дол­го ей теперь не прожить, и оплакивал ее так, как оплаки­вают тех, чьи дни сочтены. Это новое горе переполнило чашу его страданий. Он охотно бы согласился всю жизнь

оставаться в рабстве, лишь бы Флорида вышла замуж за того, кого она полюбила. И, думая о том, как она страдает, он забывал свое собственное страдание. Через одного из своих новых друзей он узнал, что король Тунисский намеревается посадить его на кол или заставить отказаться от своей веры, ибо хочет сделать из него правоверного мусульманина и оставить потом при своем дворе. Он тут же рассказал об этом своему господину, и тот отпустил его на волю под честное слово, назначив, однако, за него одного такой огромный выкуп, что сам не был уверен, что Амадур, будучи человеком небогатым, сумеет его внести. И, отпустив его, он скрыл это от своего повелителя. Явившись ко двору короля Испании, Амадур стал разыскивать своих прежних друзей, прося их заплатить обещанный выкуп, и сразу же вслед за тем отправился в Барселону, где в это время находился приехавший по какому-то делу юный герцог Кардонский вместе со своею матерью и Флоридой. Едва только жена Амадура Авангурада услышала о возвращении мужа, она рассказала об этом Флориде, которая очень обрадовалась, но сделала вид, что радуется только за свою подругу. Однако, боясь, чтобы кто-нибудь не заметил перемены в ее лице и чтобы люди, которые ее не знают, не подумали о ней чего-либо дурного, она отошла к окну и стала смотреть на дорогу, откуда он должен был появиться. А как только она заметила его приближение, она выбежала вниз, на лестницу, где было так темно, что никто не мог увидеть, как зарделось ее лицо. Там она встретила Амадура, обняла его, повела в свои покои и представила его там своей свекрови, которая его никогда не видела. И стоило ему прожить у них два дня, как семья герцога и все домочадцы полюбили его не меньше, чем его любили в доме графини Арандской.

Я не стану пересказывать вам все то, чем Флорида поделилась тогда с Амадуrom, и перечислять те обиды, которые она претерпела за время его отсутствия и на которые ей было теперь кому пожаловаться. Поплакав вволю над тем, что ее выдали замуж против ее желания, и над потерей любимого человека, которого уже не вернуть, она решила искать утешения в любви своей к Амадуру и в верности ему, — вначале, правда, не осмеливаясь ему об этом сказать. Но Амадур обо всем уже догадывался сам и постарался сразу же воспользоваться случаем и снова напомнить о своей великой любви к ней. И вот, когда он уже почти добился того, что она стала считать его не столько своим слугой, сколько верным и преданным другом, произошло неожиданное событие, окончившееся весьма печально: король вызвал

к себе Амадур по какому-то делу. Испугавшись близкой разлуки, жена его потеряла сознание и упала на лестнице, причем так сильно расшиблась, что заболела и больше уже не встала. Флорида, потерявшая с ее смертью свое последнее утешение, плакала по ней так, как плачут, когда лишаются сразу всех родных и друзей. Но еще больше опечалился сам Амадур — он ведь не только потерял подругу жизни; ее смерть лишала его возможности видеться с Флоридой. Мысль эта повергла его в безутешную печаль, и он стал думать о том, что ему остается только умереть. Старая герцогиня Кардонская часто его навещала и приводила ему рассуждения различных философов о смерти, с тем чтобы он мог терпеливо перенести свою утрату. Однако ничто не могло ему помочь, ибо страдания от смерти Авантурады превращались в настоящую пытку, когда он думал о том, что ему грозит теперь новая разлука с любимой. После того как Амадур похоронил жену, у него больше уже не было причин медлить с выездом к королю, и его охватило такое отчаяние, что он едва не потерял рассудок. Флорида думала, что может утешить его, но в действительности после каждой встречи с ней он только еще больше страдал. И вот однажды, проговорив с ним несколько часов подряд, она постаралась успокоить его и обещала устроить все так, что они будут видеться часто. На следующий день Амадур должен был уже уезжать, а он был еще настолько слаб, что не мог встать с постели. И он умолил ее прийти к нему вечером, после того как все разойдутся. Флорида обещала, не подозревая даже, до каких крайностей может дойти обезумевшая любовь. Прослужив ей верой и правдою столько лет и не получив от нее ничего взамен, кроме сдержанности, о которой я уже рассказывала, Амадур был доведен до отчаяния. Он весь исстрадался от любви, которую ему все время приходилось скрывать, и теперь, потеряв последнюю надежду, которая у него доселе еще оставалась, решил поставить на карту все и либо навсегда расстаться с Флоридой, либо овладеть ею и вознаградить себя за все свои муки счастливыми минутами, которые, как ему казалось, он заслужил. Он велел завесить свою постель, так что те, кто приходил к нему в комнату, не могли увидеть его лица, и в этот вечер, вопреки обыкновению, так жаловался всем на свои страдания, что окружающие были убеждены, что он не проживет более суток.

Вечером, после того как все посетители уже разошлись, явилась Флорида, которую даже муж ее уговаривал пойти навестить больного. Она надеялась, что принесет ему утеше-

ние, признавшись в своей любви и заверив, что будет любить его, насколько ей это позволит ее честь. Но вместо этого, едва только она села в кресло у его изголовья и увидела на лице его слезы, она залилась слезами сама. Видя, как молодая женщина удручена предстоявшей разлукой, Амадур решил, что, пока она пребывает в смятении, ему будет легче совершить то, что он задумал, и поднялся с кровати. Полагая, что он еще слишком слаб, Флорида попыталась ему помочь. А он стал перед ней на колени и сказал:

— Неужели я должен теперь потерять вас навеки?

И, произнеся эти слова, он совсем обессилел и упал в ее объятия. Флорида подняла его и старалась его поддержать, делая все, что могла, чтобы его успокоить. Но средство, которое она употребила, чтобы облегчить его страдание, заставило его страдать еще больше. Продолжая притворяться еле живым и не говоря ни слова, он стал тянуться к тому, что ревниво оберегает женская честь. Разгадав его намерения, Флорида сначала не верила своим глазам, ибо знала его как человека благородного. Она только спросила, что он такое задумал. Но Амадур боялся высказать свою просьбу вслух, чтобы не услышать в ответ исполненные целомудрия слова, и молча продолжал свое дело. Флорида, которая все еще никак не могла поверить, что это посягательство на ее честь, решила, что он просто помутился умом. Поэтому она громко позвала одного из придворных, находившегося в это самое время в соседней комнате. Тогда Амадур, обезумевши от отчаяния и совершенно лишившись сил, упал на кровать, и произошло это все так стремительно, что вошедший придворный решил, что он уже испустил дух.

— Укусную примочку, скорее,— закричала Флорида, поднявшись с кресла.

И когда придворный вышел, она обратилась к Амадuru с такими словами:

— Амадур, вы, должно быть, сошли с ума! Что это вы задумали сделать?

Амадур, которого любовь совершенно лишила рассудка, ответил:

— Неужели за всю мою долгую службу вы платите мне такой жестокостью?

— Так вот, значит, как вам дорога моя честь, о которой вы столько всего говорили! — сказала она.

— Ах, сеньора,— воскликнул Амадур,— можно ли было любить вашу честь больше, чем любил ее я, ведь до тех пор, пока вы не вышли замуж, я сумел заставить замолчать свое сердце и не дать вам почувствовать всей силы моих

желаний. Но теперь вы замужем, и все так легко можно скрыть. Неужели я и теперь должен просить у вас то, что принадлежит мне по праву? Ибо и сами вы полюбили меня за эту мою любовь. Тот, кому первому досталось ваше сердце, так мало уделял внимания вашему телу, что потерял и то и другое. Тот же, кто владеет сейчас вашим телом, недостойно владеть вашим сердцем, а раз так, то, значит, у него нет прав и на ваше тело. А ведь я, сеньора, целых шесть лет переносил ради вас столько страданий и столько горя! Разве не мне по праву принадлежат и тело и сердце той, ради которой я забывал о себе самом и о своем собственном сердце? Если же вы хотите сделать вашей защитницей совесть, то помните, что, когда и тело и сердце охвачены любовью, в них нет места греху. И даже если отчаяние заставит влюбленного лишить себя жизни, грехом это считать нельзя, ибо страсть может сделать человека безумцем. Самые тяжкие муки — это муки любви, и ничто так не ослепляет нас, как любовь. А раз так, то можно ли почитать грешником того, кем движет неукротимая сила? Я покидаю вас — и без надежды когда-либо вас увидеть. Но если перед моим отъездом я получил бы все то, что заслужил моей безграничной любовью, я увез бы с собою достаточно сил, чтобы терпеливо снести всю горечь этой долгой разлуки. Если же вам не будет угодно исполнить сейчас мою просьбу, вы очень скоро будете иметь случай убедиться, что ваша суровость стала причиной моей несчастной и самой жалкой смерти.

Флорида, опечаленная, пораженная тем, что слышит такие речи от человека, в котором она не могла даже заподозрить подобного безумия, сказала ему, заливаясь слезами:

— Увы, Амадур, где же все те благородные чувства, о которых вы говорили мне, когда я была еще девушкой? Неужели в этом-то и состоит честь и совесть, которые вы превозносили при мне столько раз, убеждая меня, что лучше умереть, чем потерять их? Разве вы забыли о добродетельных женщинах, противостоявших бурной страсти, которых вы сами же приводили мне в пример, и о презрении, с каким вы всегда говорили о тех, кто поддается безумству? Я никак не могу представить себе, Амадур, что вы настолько переменились и в вашем сердце не осталось больше ни бога, ни совести, ни уважения к моей чести. Но если вы действительно так, как вы говорите, то я должна только благодарить господу бога за то, что его доброта предупредила несчастье, которое мне сейчас грозило, и ваши слова открыли мне ваше сердце, которое я за столько лет так и не су-

мела узнать. Ибо, расставшись с сыном Энрике Арагонского не потому только, что он женился на другой, но потому, что я знала, что он любит другую, и выходя замуж за человека, полюбить которого я не могу, как бы я ни старалась это сделать, и который остается для меня совершенно чужим, я думала о вас и мечтала отдать безраздельно вам одному и сердце мое и любовь, дабы наша дружба ожидалась на том высоком достоинстве, которое я видела в вас и которого, как мне казалось, я с вашей помощью достигла сама: любить свою честь и совесть больше, чем жизнь. И, положившись целиком на благородство ваше, которое я считала каменной твердыней, я пришла сюда в уверенности, что камень этот незыблем. И что же, Амадур, за единое мгновение вы открыли мне глаза: оказалось, что здание свое я строила не на гладком и прочном камне, а на зыбком песке и на куче отвратительной грязи. А немало ведь уже сил было положено на то, чтобы воздвигнуть обитель, в которой я собираюсь жить всю мою жизнь, и вот вы пришли и сразу разрушили все. Что же, теперь вы должны навсегда расстаться с надеждой, которую я столько времени поддерживала в вас, и понять, что, где бы я ни была, вы не только не должны более искать встречи со мною, но даже и писать мне — и не должны ожидать, что я когда-либо изменю это мое решение. Мне очень горько вам это говорить, но я пришла сюда, чтобы поклясться вам в самой чистой дружбе, а сейчас, после всего того, что случилось, в сердце моем для вас больше нет места. К тому же обман ваш так жестоко меня сразил, что теперь жизнь моя неминуемо станет короче и конец моих дней будет отмечен печалью. А сейчас мне остается только сказать вам: прощайте — и навсегда!

Я не берусь передать вам, какой мукой было для Амадура выслушивать эти слова, ибо представить себе его горе может только тот, кто сам нечто подобное испытал. Когда он увидел, что, произнеся свой жестокий приговор, она хочет уйти, он схватил ее за руку: он знал, что если сейчас не заставит ее изменить то дурное мнение, которое у нее сложилось о нем, он потерял ее навсегда. И, придав своему лицу напускную торжественность, он сказал:

— Сеньора, всю жизнь мне хотелось встретить женщину, которая была бы достойна моей любви. И так как мне все время не удавалось найти такую, я решил испытать вас, чтобы узнать, заслуживаете ли вы не только моей любви, но и моего уважения. Сейчас я в этом убедился, и я благодарю за это господу, который научил меня любить истинное совершенство, и прошу вас простить мне мою дерзкую и

безрассудную выходку — ведь, в конце концов, она прославила вашу честь; я же, к своему великому удовольствию, удостоверился в том, в чем мог еще сомневаться.

Флорида теперь только начинала понимать, сколь коварны мужчины. Но как ей ни было трудно поверить в порочность Амадура, которая в ней, увы, уже не вызывала сомнений, ей было еще труднее поверить в его благие намерения, которых в действительности он не имел, и она сказала:

— Дай бог, чтобы в словах ваших была правда! Но я ведь уже замужем и достаточно всего знаю, чтобы ясно понимать, на какой поступок толкнула вас страсть, которая вас ослепила. Ведь если бы господь не поддержал меня, я уверена, что вы довели бы свое дело до конца. А так не может поступить тот, кто хочет испытать добродетель. Но не будем больше говорить об этом. Если раньше я по своему легкомыслию считала вас человеком честным, то хорошо, что я узнала наконец настоящую правду и теперь эта правда избавила меня навсегда от вашего общества.

С этими словами Флорида вышла из комнаты и, вернувшись к себе, всю ночь провела в слезах. Перемена, происшедшая в Амадуре, причинила ей безмерную боль, и сердце ее разрывалось от муки, в которую его повергла любовь. Ибо, несмотря на то, что разум заставлял ее отказаться от него и навеки позабыть об этой любви, сердце, распоряжаться которым мы не вольны, никак с этим не могло согласиться. И вот, видя, что она все равно не может любить его меньше, чем любила прежде, и зная, что не что иное, как любовь, было причиной его недостойного поведения, она решила, что, вняв голосу любви, будет по-прежнему любить его всем сердцем, но вместе с тем, повинувшись велению чести, скроет в своем сердце эту любовь и от него самого, и от всех на свете.

На другой день Амадур уехал, глубоко опечаленный всем, что случилось. Однако мужество его, которому равного не было в мире, не позволило ему впасть в отчаяние, и он стал думать о том, как увидеться еще раз с Флоридой и добиться ее прощения. Направившись к королю Испанскому, который в то время находился в Толедо, он поехал туда через графство Арандское, чтобы по дороге проведать графиню. Прибыв в замок поздно вечером, он застал графиню совершенно больной, и причиной ее болезни была разлука с дочерью. Увидев Амадура, она обняла его и поцеловала, как родного сына, ибо была очень к нему привязана. Давно уже догадавшись, что он любит Флориду, графиня стала расспрашивать его о дочери, и он постарался рассказать ей

все, что мог, — умолчав, однако, о том, что между ними только что произошло. Он даже признался ей в своей привязанности к Флориде, о которой та никогда ничего ей не говорила, и попросил графиню как можно чаще писать ему о ней и взять ее поскорее к себе. На следующий день он уехал и, побыв у короля столько, сколько этого потребовали дела, отправился на войну. Но он настолько переменялся и так плохо выглядел, что местные дамы, равно как и военные и все те, с кем он постоянно встречался, его просто не узнавали. Одевался он во все черное, и одежда его была сшита из фризского сукна, слишком грубого для обычного траура, который он носил по жене, в то время как в сердце его таилась другая печаль. Так Амадур прожил года три, а может быть и четыре, больше не возвращаясь ко двору короля. А графиня Арандская, до которой дошли слухи, что Флорида вся исхудала от тоски, послала за ней и стала просить ее к ней приехать. Но Флорида уже узнала, что Амадур рассказал ее матери о своей любви и что та, будучи женщиной благонамеренной, разумной и преисполненной доверия к Амадuru, одобрила его чувство. Флориду это привело в смущение: она увидела, что мать ее настолько уважает Амадур, что, если она ей расскажет всю правду, это может изменить ее отношение к нему, чего она ни за что не хотела, ибо чувствовала себя достаточно сильной, чтобы самолично наказать его за его безумство, не прибегая для этого к помощи кого-либо из родных. С другой стороны, она понимала, что, если вести себя при всех так, как будто Амадур не совершил ничего дурного, и мать ее и все друзья поставят ее в такое положение, что ей придется ласково его принимать, а этим она может дать ему повод дурно думать о ней. Но, узнав, что Амадур далеко, она не стала особенно препятствовать желанию матери и по ее просьбе написал ему несколько писем. Однако это были письма, в которых ясно сквозила покорность и меньше всего было собственной воли. Поэтому насколько он раньше радовался каждому новому ее письму, настолько теперь читать их стало для него мукой.

Года через два, через три, после того как он совершил столько подвигов, что их невозможно было бы все описать, Амадур придумал новую хитрость, чтобы овладеть Флоридой. О сердце ее он уже не мечтал, считая его потерянным навсегда, — речь шла о том, чтобы одержать победу над врагом, каковым теперь для него она стала. Страсть его была так велика, что он не слышал голоса рассудка и даже позабыл о страхе смерти, ибо жизнь свою он ставил на карту. И вот что сделал Амадур. Он был в большой чести у вер-

ховного главнокомандующего, и тот послал его к королю, чтобы обсудить с ним тайный план нападения на местечко Левкату; Амадур решил, что еще до переговоров с королем расскажет об этом предприятии графине Арандской и испросит у нее совета.

И он направился прямо в поместье графини, где, как ему было известно, в то время находилась Флорида; перед этим же послал к графине одного из своих друзей, чтобы известить ее о своем приезде, причем просил ее принять его у себя тайком и ночью — так, чтобы никто ничего не узнал. Графиня очень обрадовалась и тотчас же рассказала об этом Флориде, велев ей уйти в спальню мужа, раздеться и лечь в постель, для того чтобы можно было отослать всю прислугу, и сказала, что потом сама ее позовет. Флорида еще не вполне оправилась от страха, который ее однажды заставил испытать Амадур, но она ничего не сказала матери, а сразу же пошла в молельню, где она помолилась господу нашему и, прося помочь ей сохранить сердце от злых помыслов, вспомнила, что Амадур нередко восхищался ее красотой, которая нисколько не уменьшилась и теперь, несмотря на то, что она так долго болела. И вот, решив, что лучше нанести урон своей собственной красоте, лишь бы не дать ей разжечь нечистое пламя в сердце столь благородного человека, взяла находившийся в молельне камень и, с силою ударив им себя по лицу, обезобразила свои черты. А для того, чтобы не подумали, что она сделала это нарочно, она, выходя из молельни, будто бы споткнувшись, упала и ударилась об пол лицом. Она стала громко кричать, и явившаяся на ее зов графиня увидела синяки у нее под глазом и под губой. Флориду тут же перевязали, и повязка закрыла ей все лицо.

Потом графиня отвела ее к себе и попросила, пока она еще занята делами, принять Амадура у нее в кабинете. Флорида повиновалась, полагая, что Амадур не один. Но когда двери за ней затворились и она увидела, что осталась вдвоем с ним, она обезумела от испуга. Он же был вне себя от радости, решив, что теперь-то он наконец осуществит свое давнее желание и сумеет добиться ее любви, а если она ему откажет, то захватит ее силой. Он немного поговорил с ней и, когда увидел, что она столь же неприступна, как и была, и ничто на свете не может заставить ее изменить однажды принятое решение, в отчаянии воскликнул:

— Флорида, клянусь богом, все ваше упорство бесполезно. Если любовь, терпение, смирение и мольбы мои бессильны сломить вас, то, клянусь, я не пощажу сил, чтобы овладеть тем, без чего я все равно потеряю всю мою силу.

Взглянув на него, Флорида ахнула: глаза его были безумны, лицо, на котором всегда играл только нежный румянец, было налито кровью. Взгляд его был неистов и страшен. Казалось, что какое-то пламя вспыхнуло у него в сердце и перекинулось на лицо. Охваченный яростью, он сжал своими крепкими могучими руками нежные и слабые руки Флориды. А та, видя, что она теперь пленница, что бежать ей некуда и нечем себя защитить, сделала последнюю попытку спасти себя, воззвав к истокам его прежней любви и надеясь, что во имя этой любви он оставит свои жестокие замыслы.

— Амадур,— воскликнула она,— пусть даже вы считаете меня своим врагом, именем той благородной любви, которая, как я когда-то думала, теплилась в вашем сердце, прошу вас, прежде чем подвергать меня мучениям, выслушайте меня!

Когда она увидела, что он ее слушает, она продолжала так:

— Ах, Амадур, скажите же, что заставляет вас так домогаться того, что все равно не удовлетворит вас, а мне причинит только безмерное горе? В дни моей ранней юности, в пору расцвета моей бывшей красоты, ваша страсть могла еще находить себе оправдание. Но мне становится страшно при мысли, что теперь, когда я уже не девочка, когда со мной случилась беда и я так на себя не похожа, вы снова добиваетесь того же самого, хоть и знаете, что ничего не добьетесь. Я ведь уверена, что вы нисколько не сомневаетесь в том, что решение мое бесповоротно. А раз так, то вы и силой не добудете того, чего вам от меня хотелось. Взгляните только на мое лицо, оно ничем не напомнит вам о своей бывшей красоте, и вам даже не захочется подойти к нему ближе. А если в вас еще сохранилась крупинка прежней любви, то можно ли себе представить, чтобы ваша бешеная страсть не сменилась самой простою жалостью? К этой-то жалости и к вашему благородству, которое я столько раз имела возможность испытывать, я и взываю сейчас и молю вас: пощадите меня, не мешайте мне жить спокойной и чистой жизнью, которую по вашему же совету я себе избрала. А если ваша белая любовь уже превратилась в ненависть и вы хотите сделать меня несчастнейшей из женщин не из любви ко мне, а из жадности мести, то, могу вас уверить, этому все равно никогда не бывать. Этим вы добьетесь только того, что о вашем злом умысле узнает та, которая пока еще о вас самого высокого мнения. Если же это случится, то поверьте — вам, может быть, придется ответить за все жизнью.

Не дав ей договорить, Амадур вскричал:

— Пусть же смерть наконец избавит меня от этой муки!

Что же касается вашего лица, то, если не ошибаюсь, вы сами этого пожелали. А мне это не помешает хотеть того, чего я хочу. Ведь если бы мне достались одни только ваши кости, я бы до гроба не расставался с ними.

Когда Флорида увидела, что ни разумные речи, ни мольбы, ни слезы ни к чему не приводят и что он настолько упорен и злобен в своей жестокости, что у нее уже не хватает сил, чтобы с ним бороться, она решила прибегнуть к помощи, которой она боялась больше, чем смерти, и жалобным, полным отчаяния голосом, громко, как только могла, стала призывать графиню. Та, слыша, что дочь ее кричит не своим голосом, до смерти перепугалась и тотчас же прибежала. Амадур, которому в действительности вовсе не так уж хотелось умирать, как он говорил, вовремя успел отскочить, и вошедшая в комнату графиня нашла его уже около двери и довольно далеко от Флориды.

— Что случилось, Амадур? — спросила графиня. — Скажите мне правду.

На это изобретательный Амадур, который был бледен и весь оцепенел от страха, ответил:

— Ах, сеньора, посмотрите только, что случилось с Флоридой! Я никак не могу опомниться от ужаса. Как вы уже знаете, я надеялся на ее благосклонность ко мне. Теперь я понял, что все надежды мои были напрасны. Мне кажется, сеньора, что раньше еще, с самого детства, она была всегда и добродетельной и скромной. Но ведь раньше она никогда не считала за грех взглянуть на мужчину и поговорить с ним. А сейчас она не допустила даже, чтобы я на нее взглянул. А когда я все-таки заглянул ей в лицо и увидел, как оно изменилось, мне показалось, что я все это вижу во сне. Когда же я попросил разрешения поцеловать ей руку так, как это у нас принято, она почему-то мне отказала. Должен вам признаться, сеньора, что я поступил нехорошо, и прошу вас простить меня за эту вольность — я кинулся к ней, схватил ее руку и поцеловал ее, больше ни о чем ее не прося. А она, как видно, решила меня за это казнить, если вдруг начала так громко вас призывать на помощь. Я не знаю, что заставило ее это сделать, — должно быть, она испугалась, подумав, что я домогаюсь большего, чем хочу показать. Но, что бы то ни было, графиня, я признаю, что во всем виноват я сам. Судьбе было угодно, чтобы из числа всех ее слуг я, самый преданный, лишился вдруг ее милостей. Но я и с вами и с ней останусь таким, каким был, и прошу вас, коль скоро я столь незаслуженно потерял ее расположение, теперь не лишать меня вашего.

Графиня, которая то верила его словам, то начинала в них сомневаться, подошла к дочери и спросила ее:

— Почему ты стала звать меня так громко?

На это Флорида ответила, что она испугалась,— и, сколько потом графиня ни расспрашивала ее об этом, она больше ничего не сказала, ибо считала, что, если она сумела ускользнуть из рук своего врага и замысел его не удался, он этим одним за все уже наказан сполна.

После того как графиня долго говорила сама с Амадуrom, ей захотелось узнать, как он теперь будет держать себя, и она предоставила ему возможность поговорить при ней с Флоридой. Но долго с ней разговаривать он не стал, дав ей понять, что благодарен ей за то, что она не рассказала обо всем матери, и попросил только, чтобы теперь, когда она изгнала его из своего сердца, она по крайней мере не допустила бы, чтобы место это занял кто-либо другой. На это она ответила:

— Если бы я располагала каким-либо другим средством защиты, кроме крика,— поверьте, никто бы не услышал моего голоса. Вместе с тем я этого никогда бы не сделала, если бы вы не вздумали применить силу. Что же касается вашей второй просьбы, то не бойтесь, что я смогу полюбить кого-то другого. Ведь если я разочаровалась в сердце, которое я считала самым благородным на свете, я теперь уже никогда не поверю, что благородство это можно найти в ком-то другом. И приключившаяся со мною беда будет порокой тому, что впредь я буду свободна от всех волнений, которые вселяет в сердце любовь.

Сказав это, она ушла. Мать, которая все это время пристально на нее смотрела, ничего не могла понять. Уразумела она только одно — что у дочери ее не осталось больше никаких чувств к Амадуру, что она возненавидела все, что любила. В глазах графини это было верхом безрассудства, и с этого дня она решительно изменила свое отношение к Флориде: целых семь лет она с нею не разговаривала. За это время Флорида, которая прежде боялась оставаться в обществе мужа, перестала избегать его,— настолько сурова была к ней мать. Но, видя, что ничто не помогает, Флорида решила обмануть Амадура. Для этого она на день или два притворилась необычно милостивой к нему и посоветовала ему завязать дружбу с одной дамой, которой она, по ее словам, рассказывала об их любви. Лоретта — так звали эту даму — состояла при королеве Испании. Амадур поверил обманщице и, надеясь, что таким путем он сможет вернуть себе ее расположение, стал ухаживать за Лореттой, которая

была замужем за одним из больших военачальников испанского короля. Лоретта, крайне польщенная тем, что приобрела столь прославленного в боях кавалера, не стала скрывать своей радости, и молва об этом разнеслась повсюду. Услыхала обо всем и графиня Арандская, приехавшая в то время ко двору короля, и с этих пор перестала гневаться на Флориду. Но вот однажды Флорида узнает, что военачальник, муж Лоретты, воспылаал такою ревностью, что решил во что бы то ни стало убить Амадура. А так как, несмотря на все свое притворство, она не хотела ему никакого зла, она тотчас же предупредила его о грозящей ему опасности. Но тот сразу же вернулся к своим прежним помыслам и ответил Флориде, что, если только ей будет угодно каждый день проводить по три часа в его обществе, он больше не скажет Лоретте ни единого слова. Однако Флорида на это не могла согласиться.

— Но если вы не хотите дать мне жизнь, то зачем же вы предоерегаете меня от смерти? — спросил Амадур. — Или только для того, чтобы терзать меня мучениями, которые для меня страшнее, чем тысяча смертей? Так знайте, сколько бы раз мне ни удавалось избежать смерти, я буду искать ее и в конце концов найду, ибо только тогда сердце мое обретет покой.

В это время пришло известие, что Гранада затевает войну с Испанией. И случилось так, что испанский король отправил воевать принца, своего сына, и вместе с ним коннетабля Кастильского и герцога Альбу, двух старых и умудренных опытом вельмож. Герцог Кардонский и граф Арандский не захотели оставаться в стороне и попросили короля, чтобы он их отправил на войну. Король оказал им должное уважение и удовлетворил их просьбу, а сопровождать их на поле брани поручил Амадуру, который за время войны прославил себя великими подвигами и являл настоящие чудеса храбрости. В заключение должна вам сказать, что за свою величайшую отвагу он заплатил жизнью: ибо мавры сначала завязали бой, а потом, увидав, сколь велико войско христиан, сделали вид, что обратились в бегство. Испанцы бросились их преследовать. Но старик коннетабль и герцог Альба, подозревая, что со стороны мавров это не что иное, как военная хитрость, воспротивились намерению принца перейти реку и удержали его от этого рискованного поступка. Однако граф Арандский и герцог Кардонский, несмотря на запрещение, погнались за врагами. Когда мавры увидели, что преследователи их не столь уж многочисленны, они перешли в наступление и, ударив одновремен-

но с двух сторон, уложили наповал герцога Кардонского, а графа Арандского так тяжело ранили, что он остался на поле битвы без признаков жизни. В это время подоспел Амадур. Он был в такой ярости, что стал крушить врага направо и налево; отбив бездыханные тела обоих военачальников, он приказал отвезти их в стан принца, который оплакивал их, как родных братьев. Когда тела освидетельствовали, оказалось, что граф Арандский еще дышит. Тогда его положили на носилки и отвезли в его замок, где он потом еще долго лежал больной, но в конце концов поправился. Тело же герцога было отвезено в Кардону. И в то время, когда Амадур старался вырвать эти два тела из рук врага, он так мало думал о себе самом, что дал себя окружить большому числу мавров. И, памятуя о том, что возлюбленная его не захотела отдаться ему, он также не захотел сдаваться врагу живым. А поелику однажды он уже нарушил из-за нее законы чести, он не захотел изменять чести своей и христианской вере, ибо знал, что, если его пленником приведут к королю Гранады и он не откажется от веры своих отцов, его ждет жестокая казнь. И он решил, что ни живым, ни мертвым не сдастся врагу. И вот, поцеловав крест на рукоятке шпаги, он поразил себя этой шпагой насмерть. Так погиб бедный Амадур; все скорбели о нем, и скорбь эту он вполне заслужил. Слух об его смерти облетел всю Испанию. Узнала об этом и Флорида, которая в это время была в Барселоне, ибо муж ее, герцог Кардонский, завещал похоронить себя именно там. А после того, как она подобающим образом похоронила мужа, она, ничего не сказав ни матери, ни свекрови, приняла монашество, избрав себе в супруги того, кто спас ее от чрезмерно страстной любви Амадура и от тоски, которая не покидала ее в замужестве. И отныне помыслы свои она устремила к богу и полюбила его столь горячо, что после долгих лет монашеской жизни вручила ему душу свою в той превеликой радости, которую вкушает жена, готовясь после разлуки свидеться с мужем.

— Я отлично знаю, благородные дамы, что эта длинная новелла придется кое-кому из вас не по вкусу. Но тот, кто мне ее рассказал, был бы доволен, если бы она была еще длиннее и если бы я попросила вас, следуя примеру добродетельной Флориды, не быть столь жестокосердными, как она, и не считать, что мужчины столь уже добродетельны, дабы, убедившись в обратном, не обрекать их потом на жестокую смерть, а себя самих — на лишенную радости жизнь.

После того как все внимательно ее слушали и долго потом молчали, Парламанта сказала Иркану:

— Разве вам не кажется, что женщина эта была прижата к стене и что она оказала достойное сопротивление?

— Нет,— ответил Иркан,— ибо когда женщина кричит, это еще не значит, что она сопротивляется. А вот если бы они очутились в таком месте, где крика ее никто бы не услышал, неизвестно еще, как бы она тогда поступила. К тому же, если бы любовь Амадура была сильнее, чем его страх, он бы так поспешно не отступил. Я и сейчас остаюсь при твердом убеждении, что какой угодно мужчина, по-настоящему любящий женщину и любимый ею, неизменно достигнет удачи, если только он как надо берется за дело. Вместе с тем я должен похвалить Амадура за то, что, как-никак, он частично исполнил своей долг.

— Какой долг? — недоуменно спросила Уазиль.— Неужели же тот, кто вместо того чтобы выказывать своей возлюбленной послушание и уважение, хочет завладеть ею силой, исполняет свой долг?

— Госпожа моя,— сказал Сафредан,— когда возлюбленные наши наподобие судей сидят в какой-нибудь гостиной или зале, мы преклоняем перед ними колена; мы боязливо приглашаем их на танцы, бережно ухаживаем за ними, мы стараемся предвосхитить каждое их желание. Мы так боимся чем-либо их огорчить и так хотим всем, чем можем, служить им, что те, кто нас видит со стороны, преисполняются жалости к нам и нередко даже считают, что мы попросту глупы, что мы совсем обезумели и себя не помним, и воздают должное нашим дамам, которые выглядят такими смелыми и с таким достоинством разговаривают с нами, что одним видом своим внушают мужчинам страх, почтение и любовь. Но стоит нам остаться с ними наедине, когда все решает только любовь, как мы видим, что они — женщины, а мы — мужчины. И тогда возлюбленная становится сразу подругой, а кавалер превращается в друга. Не об этом ли говорят известные стихи:

Тому, кто ловек, ей служа,
Служанкой станет госпожа.

У них не больше чести, чем у мужчин, ибо мужчинам дано и укреплять в них эту честь, и совсем их ее лишать. Они равнодушно глядят на то, с каким терпением мы переносим наши любовные муки. Но именно за эти-то муки нам следует вознаградить себя, когда честь уже ни при чем.

— Но вы позабываете о настоящей чести,— возразила

Лонгарина, — когда человек сам бывает удовлетворен собою. Ибо пусть даже все на свете твердят мне, что я женщина честная, — если я знаю, что на самом деле это не так, всякая хвала способна только усугубить мой стыд и повергнуть меня в еще большее смущение. Вместе с тем, если уделом моим станет хула и я буду знать, что я ни в чем не виновна, сама хула эта станет для меня источником радости, ибо главное — это то, как человек сам оценивает свои поступки.

— Послушайте, — сказал Жебюрон, — вопреки тому, что все вы сейчас говорили, мне кажется, что Амадур был честнейшим и благороднейшим из людей, и, хотя имена в вашем рассказе вымышлены, мне кажется, я догадался, о ком шла речь. Впрочем, коль скоро Парламанта не захотела сообщить нам его настоящего имени, я тоже не стану его называть. Но ежели это действительно тот, кого я имею в виду, то знайте, что сердце его никогда не ведало страха и всегда было преисполнено любви и отваги.

— Мне кажется, что мы так интересно провели сегодняшний день, — сказала Уазиль, — что, если все остальные принесут нам столько же радости, время пройдет совсем незаметно. Взгляните, солнце уже на закате, в монастыре давно уже звонят в колокол, призывая нас к вечерней службе, а я вам об этом даже не стала напоминать, видя, что вам больше хочется дослушать последнюю часть этого рассказа, чем слушать вечерню.

После этих слов все поднялись и, придя в монастырь, увидели, что монахи ждут их уже более часа. Прослушав вечерню, они пошли ужинать и в течение всего вечера продолжали еще обсуждать слышанные днем истории, и каждый старался извлечь из потаенных уголков своей памяти то, что знал, чтобы сделать следующий день столь же занимательным, как и этот. А потом, поиграв на лугу в различные игры, все отправились спать веселые и довольные своим первым днем.

Конец первого дня

ДЕНЬ ВТОРОЙ

ВО ВТОРОЙ ДЕНЬ КАЖДЫЙ РАССКАЗЫВАЕТ ТО, ЧТО ЕМУ ПРИШЛО НА УМ.

ВСТУПЛЕНИЕ

На следующее утро, как только все встали, нашей компании захотелось поскорее вернуться туда, где накануне они получили столько удовольствия. У каждого был уже приготовлен свой рассказ, и ему не терпелось поделиться с остальными тем, что он знает. После того как они прослушали чтение и толкование госпожи Уазиль и мессу, во время которой каждый возносил помыслы свои к богу, прося его помочь им осуществить задуманное, они отправились обедать, вспоминая многое из того, что рассказывали друг другу накануне.

Пообедав, они отдохнули в отведенных им комнатах и в назначенный час пришли на ту же лужайку. День был такой ясный, что казалось, само солнце благоприятствует их затее. И когда вся компания расселась на зеленом ложе, Парламента сказала:

— Вчера я рассказывала последняя, и поэтому сегодня выбирать рассказчика должна я. А так как вчера мы начали с госпожи Уазиль, как с самой почтенной и самой мудрой из нас, я предоставляю сейчас слово самой юной — я вовсе не хочу сказать самой безрассудной, — и я уверена, что, если все мы последуем ее примеру, мы не задержим начало вечерни так, как это случилось вчера. Итак, Номерфида, сегодня распоряжаться нами будете вы. Только, прошу вас, не заставляйте нас начинать этот день слезами.

— Просить меня об этом не приходится,— ответила Номерфида,— ибо одна из нас уже подсказала мне мой выбор, и теперь история эта так крепко засела у меня в голове, что при всем желании я не могла бы рассказать ничего другого. Если же случится так, что рассказ мой вас опечалит, то это будет значить, что сами вы по своей натуре склонны предаваться грусти.

НОВЕЛЛА ОДИННАДЦАТАЯ

Госпоже де Ронсекс, гостившей в Туарском монастыре, так спешно понадобилось пойти в известное место, что, не успев разглядеть, прибрано там или нет, она второпях угодила прямо в нечистоты и перепачкала и зад свой и платье. Рассчитывая, что кто-нибудь из женщин поможет ей, она стала звать на помощь. Но вместо дам явились их кавалеры, которые застали ее обнаженной и в таком непривлекательном виде, в каком ни одна женщина ни за что не захотела бы показаться мужчине.

В доме госпожи де ла Тремойль жила некая дама по имени Ронсекс. И вот однажды, когда вместе с хозяйкой дома они гостили во францисканском монастыре в Туаре, даме этой понадобилось незамедлительно пойти туда, куда вместо себя никто не может послать другого. Она позвала было с собою одну молодую девушку, Ламот, но та была столь скромна и стыдлива, что не решилась составить ей компанию. И таким образом госпоже Ронсекс пришлось одной войти в это довольно темное помещение, которым пользовались все монахи, причем так усердно, что и само сиденье, и пол вокруг были запачканы возлияниями Бахусу и плодами Цереры, принявшими несколько измененный вид, после того как они побывали в желудках монахов. Бедная дама так спешила, что едва успела поднять юбку перед тем, как сесть, и по несчастной случайности попала в самый грязный угол этого помещения. Она перепачкала нечистотами и бедра и зад и со всех сторон была так облеплена этой гадостью, что не решалась не только сойти с места, но даже и пошевелиться, боясь, что от малейшего ее движения все станет еще хуже. И она принялась изо всех сил кричать:

— Ламот, милая, беда со мной! Пропала я!

Девушка, которая еще раньше слыхала о злонамеренных проделках монахов этого монастыря, решила, что кто-нибудь из них спрятался там в темноте и теперь напал на несчаст-

ную даму, и побежала туда со всех ног, зовя за собою всех, кого встречала дорогой, и громко крича:

— Бегите скорее спасти госпожу Ронсекс, она в отхожем месте, и на нее напали там монахи!

Все поспешили за ней и увидели несчастную госпожу Ронсекс, которая действительно звала на помощь, ожидая, что кто-нибудь из женщин поможет ей обтереть налипшую грязь. Боясь перепачкать платье, она подняла его, и весь зад ее был обнажен. На крик ее сбежались все приехавшие с ними в монастырь кавалеры, которые и увидели это необычайное зрелище: вместо насильников-монахов глазам их предстал вымазанный в нечистотах зад. Сколько тут было смеха, и сколько ей пришлось натерпеться стыда! Ведь вместо женщин, которые очистили бы ее от грязи, на помощь ей прибежали мужчины, которые увидели ее обнаженной, в самом позорном для женщины виде. И стыд перед мужчинами оказался сильнее страха перед вонючими нечистотами, и она опустила платье, отчего перепачкала в испражнениях и свое белье, которое до этого было еще чисто. А едва только она выбралась из этого отвратительного места, ей пришлось все с себя снимать и переодеваться во все чистое, прежде чем начать собираться в дорогу. Она очень была рассержена той услугой, которую ей оказала Ламот, но, узнав, как бедная девушка перепугалась, думая, что со спутницей ее случилось нечто гораздо худшее, перестала сердиться и посмеялась над этим происшествием вместе со всеми.

— Не правда ли, благородные дамы, рассказ этот и не длинен и вовсе не грустен,— вы сейчас услышали от меня как раз то, чего вы хотели.

Все стали весело смеяться.

— Хоть в этом рассказе и много всякой гадости и грязи,— сказала Уазиль,— достаточно знать тех, о ком идет речь, чтобы увидеть, что ничего непотребного в нем нет. Только хотела бы я посмотреть, какое выражение лица было в эту минуту у Ламот и у той, кому она так хорошо услужила! Но раз уж вы сумели так быстро завершить свой рассказ, то передайте слово кому-нибудь, кто бы рассказал нам историю подлиннее.

— Если вы хотите, чтобы кто-то исправил мою ошибку,— ответила Номерфида,— я передаю слово Дагусену: он так скромнен, что скорее умрет, чем расскажет какую-нибудь пакость.

Дагусен поблагодарил ее за то, что она так высоко оценила его рассудительность, и начал так:

— История, которую я решил вам сейчас рассказать, повествует о том, как любовь ослепляет самые возвышенные и благородные сердца и как трудно одержать верх над злобой, сколько бы сил вы ни положили на борьбу с ней.

НОВЕЛЛА ДВЕНАДЦАТАЯ

Герцог Флорентийский, которому никак не удавалось добиться взаимности некоей молодой девушки, доверился ее брату, прося его помочь ему в этом деле. Тот сначала никак не соглашался, но потом сказал, что исполнит его просьбу. Вместо этого, однако, он убил герцога в постели в ту минуту, когда тот был уверен, что желание его наконец осуществится и упорство неприступной красавицы сломлено. Таким образом, молодой человек не только спас честь и жизнь сестры, но также и избавил свое отечество от тирана.

Лет десять тому назад городом Флоренцией правил герцог из рода Медичи, женатый на Маргарите, побочной дочери императора. А так как жена его была еще слишком юной, то он не жил с нею в супружестве, а терпеливо ждал, пока она достигнет более зрелого возраста, и старался ее беречь. А тем временем влюблялся в живших в этом городе дам, посещая их по ночам, в то время как жена его мирно спала. Однажды внимание его привлекла девушка, которая была очень хороша собой, благородна и скромна. Это была сестра одного дворянина, которого герцог любил, как самого себя, и который пользовался в доме у него такою властью, что все его слушались беспрекословно, как и самого герцога. А так как у герцога не было от него никаких тайн, то друг этот был как бы его двойником. Герцог испробовал все бывшие в его распоряжении средства, чтобы объяснить молодой даме в любви. И вот, убедившись, что добродетель ее весьма велика и что ему не приходится надеяться на взаимность, он призвал своего любимца и сказал:

— Друг мой, поверь, что если бы сам я не был готов исполнить любую твою просьбу, я ни за что бы не открыл тебе моих чувств, а тем более не стал бы тебя ни о чем просить. Но я так люблю тебя, что если бы мне понадобилось для спасения твоей жизни пожертвовать женой, матерью или дочерью, я бы решился на это без колебаний. Вот я и думаю, что если я, твой господин, питаю к тебе такую любовь,

то ты, мой слуга, должно быть, любишь меня не меньше. Поэтому я хочу поведать тебе одну тайну, которую я ото всех скрываю и которая повергла меня в отчаяние, столь безысходное, что спасти меня может либо смерть, либо твоя помощь.

Молодой человек, видя, что слова его господина — сущая правда, ибо тот обливается горькими слезами, проникся к нему великой жалостью и ответил:

— Ваша светлость, вы облагодетельствовали меня: всем моим богатством, всем положением в свете я обязан вам одному. Будьте же со мной откровенны, как с самим собой, и вы можете быть уверены, что я сделаю для вас все, что будет в моих силах.

Тогда герцог поведал ему о любви, которой он воспылал к его сестре, и сказал, что любовь эта столь велика, что он скоро умрет, если друг ему не поможет, ибо он хорошо знает, что ни мольбами, ни подарками он все равно ничего не добьется. И герцог попросил его, если он действительно любит его не меньше, чем себя, найти способ исполнить его желание, ибо без его помощи он ничего не добьется. Молодой человек души не чаял в сестре, и честь семьи была для него, разумеется, дороже, чем прихоти герцога. Он пытался отговорить своего покровителя, обещая сделать для него все, что он только захочет, и умолял не позорить их дома, говоря, что ужаснее этого нет ничего и ни сердце его, ни честь не позволяют ему совершить подобную низость.

Услышав это, герцог рассердился. Кусая себе ногти, он гневно воскликнул:

— Ладно же, коли ты не хочешь доказать, что ты мне предан, поступай как знаешь, я-то знаю теперь, что мне делать.

Молодой человек, памятуя, сколь жесток его господин, испугался и сказал:

— Ваша светлость, раз вам это угодно, я попытаюсь поговорить с сестрой и сообщу вам ее ответ.

— Что же, если ты сохранишь мне жизнь, я сохраню и твою, — ответил герцог.

У молодого человека не было ни малейшего сомнения в том, что означали эти слова. Два дня он старался не попадаться герцогу на глаза и все раздумывал о том, как ему поступить. На одну чашу весов легли все благодеяния, которыми его осыпал герцог, на другую — честь его дома, целомудрие и честь сестры, которая — он хорошо это знал — ни за что бы не согласилась на это низкое предложение. Герцог мог взять ее только силой или обманом, но ведь ее несчастье

легло бы вечным позором на весь их род. И вот он решил, что скорее умрет, чем станет посредником в бесчестии сестры, которая была образцом добродетели во всей Италии, и что долг его — избавить отечество от тирана, бесстыдство которого дошло до крайних пределов. Теперь он уже был твердо убежден, что, пока герцог жив, жизнь его самого и всех его близких будет всегда в опасности. И вот, ни слова не говоря сестре и никого не посвящая в свой замысел, он решил, что одним ударом спасет себе жизнь и отмстит тому, кто готовит ему такое бесчестие. Через два дня он явился к герцогу и сказал ему, что приложил все усилия, чтобы сломить упорство сестры, что это стоило ему большого труда, но что в конце концов она согласилась, однако при условии, чтобы все осталось в тайне и, кроме него, ее брата, никто ничего не узнал.

Герцог очень этого ждал и поэтому легко поверил его словам. Он обнял своего верного друга и, обещав ему все, чего тот захочет, стал просить его поскорее устроить свидание. Они тут же сговорились и назначили день и час. Радость герцога не знала границ. Когда наконец наступила долгожданная ночь, обещавшая ему победу над той, которую все считали неприступной, он рано удалился вместе со своим другом к себе в опочивальню, надел свои лучшие уборы и надушил рубашку самыми изысканными духами. А как только все улеглись спать, они оба отправились в дом, где жила молодая девушка, и, прокравшись туда, очутились в прекрасно убранной комнате. Там молодой человек раздел своего господина и, уложив его в постель, сказал:

— Ваша светлость, я сейчас приведу к вам ту, кого вы ждете: входя сюда, она покраснеет от стыда, но я надеюсь, что к утру вы ее успокоите.

С этими словами он покинул герцога и прошел к себе в комнату, где его ждал слуга.

— Хватит ли у тебя мужества пойти со мной и помочь мне отомстить моему заклятому врагу? — спросил он.

Не зная, что его господин собирается делать, тот ответил:

— Да, господин мой, даже если бы этим врагом был сам герцог.

Услыхав эти слова, дворянин сразу же повел его за собой, так что тот не успел даже прихватить никакого оружия, кроме кинжала, который был при нем.

Как только герцог услышал шаги, он решил, что друг его возвращается вместе с той, кого ему больше всего хотелось увидеть. Он отдернул полог и открыл глаза, чтобы встре-

тить свою любимую, но глазам его в этот миг явилась не жизнь, а смерть: блеснула обнаженная шпага, и молодой человек ударил ею герцога, который был в ночной рубашке. Но хотя при герцоге и не было в эту минуту оружия, храбрость его не покинула. Не растерявшись, он привстал и, крепко обхватив своего противника, вскричал:

— Так вот как ты держишь свое обещание!

И, видя, что кроме зубов и ногтей ему защищаться нечем, он со всей силой укусил молодого человека за руку и стал отбиваться от него, как только мог. Они вцепились друг в друга и оба свалились с кровати на пол. Молодой человек боялся, что не справится один, и стал звать своего слугу. Тот, видя, что его господин и герцог сплелись в один клубок и что их невозможно даже расцепить, вытащил обоих за ноги на середину комнаты и перерезал герцогу горло кинжалом. Сначала тот еще яростно защищался, но потеря крови была так велика, что вскоре он совсем обессилел. Тогда хозяин дома и слуга положили его на постель и добили ударами кинжала. Потом они задернули полог и заперли труп в комнате.

А когда молодой дворянин увидел, что он восторжествовал над врагом, смерть которого, как он думал, даст свободу всей стране, он решил, что задачу его нельзя считать завершенной, пока остаются в живых еще пятеро или шестеро ближайших сподвижников герцога. И, собираясь довести свое дело до конца, он хотел послать за каждым из них по очереди своего слугу, чтобы расправиться с ними так же, как расправился с жестоким правителем. Но слуга его, который не был столь безрассудно смел и оказался достаточно благомыслен, ответил:

— Мне кажется, господин мой, что на сегодня с нас хватит и что теперь вам следует помышлять не о том, чтобы лишать еще кого-то жизни, а о том, чтобы спасти свою. Ведь если мы потратим на каждого столько же времени, сколько мы потратили на герцога, мы не успеем управиться с ними до рассвета. Да хорошо еще, если при них не окажется оружия.

Молодой дворянин, которого начинала уже беспокоить совесть, испугался. Он послушался совета своего слуги и, взяв его с собою, отправился к епископу, который распоряжался городскими воротами и почтовыми каретами. И он сказал епископу:

— Сегодня вечером я узнал, что брат мой при смерти. Я просил герцога отпустить меня к нему и получил его со-

гласие. Поэтому, прошу вас, прикажите почте дать мне пару хороших лошадей, а привратнику — открыть ворота.

Епископ, на которого возымели действие и эта просьба, и приказание герцога, снабдил его бумагой, по которой он получил лошадей и право покинуть город. Но вместо того, чтобы поехать к брату, молодой дворянин устремился прямо в Венецию, где долго залечивал раны, которые зубами нанес ему герцог, после чего уехал в Турцию.

Утром слуги герцога, видя, что господин их не вернулся, решили, что он заночевал у какой-нибудь дамы, но в конце концов его долгое отсутствие их не на шутку встревожило, и они принялись повсюду его искать. Бедная герцогиня, которая успела уже привязаться к мужу, видя, что его нигде не находят, пришла в отчаяние. Но когда обнаружили, что любимец герцога исчез одновременно с ним, слуги отправились к нему домой. Увидя на пороге дома кровь, они вошли внутрь, но ни хозяина, ни слуг там не оказалось, и ни от кого нельзя было ничего узнать. Тогда обеспокоенные слуги герцога пошли по кровавому следу и так добрались до комнаты, в которой лежал убитый. Дверь была заперта, но им вскоре удалось сломать ее. Видя, что весь пол залит кровью, они откинули полог и обнаружили в кровати тело своего господина, заснувшего непробудным сном. Можете себе представить, как они были удручены; они перенесли тело герцога в его дворец, и вызванный туда епископ рассказал, как молодой дворянин уехал ночью в почтовой карете, обманув его и уверив, что торопится к брату. Все это не оставляло сомнений, что убийцей был именно он. Оказалось также, что его сестра ничего об этом не знала. Как бедная девушка ни была поражена всем, что случилось, она только еще сильнее стала после этого любить брата, который, рискуя собственной жизнью, спас ее от посягательств тирана. И она продолжала и впредь блюсти добродетель свою и чистоту. Несмотря на то, что совершенное ее братом убийство повергло ее в бедность, ибо дом и все имущество их были конфискованы, она и ее сестра вышли впоследствии замуж за людей, с которыми в Италии никто не мог сравниться ни по благородству, ни по богатству. И обе сестры снискали всеобщее уважение, которое вполне заслужили.

— Итак, благородные дамы, вам надо бояться маленького божка, который любит мучить и принцев и бедняков, и сильных и слабых, и способен до того ослепить свои жертвы, что они забывают и бога, и совесть, и даже свою

собственную жизнь. И все те, кто имеет власть, должны остерегаться обидеть тех, кто ниже их: ибо если господь захочет наказать грешника, он может воспользоваться для этого любым человеком и для него нет ни великих, ни малых.

Вся компания внимательно выслушала этот рассказ, но мнения присутствующих разделились. Одни считали, что дворянин выполнил свой долг тем, что спас жизнь и честь сестры и вместе с тем избавил свое отечество от тирана. Другие с этим не соглашались, говоря, что ему не следовало отвечать такой черной неблагодарностью человеку, который осыпал его почестями и богатством. Дамы утверждали, что дворянин этот был хорошим братом и доблестным гражданином. Мужчины же, напротив, называли его предателем и лицемером. И интересно было выслушать обе стороны. Но дамы, по своему обыкновению, внимали больше голосу чувства, чем рассудка,— они говорили, что герцог вполне заслужил такую смерть и что честь и хвала тому, кто нанес ему этот удар.

Видя, какой спор разгорелся после его рассказа, Дагусен сказал:

— Бога ради, благородные дамы, не ссорьтесь из-за того, что уже миновало. Бойтесь лучше, чтобы красота каждой из вас не толкнула кого-нибудь на убийство еще более жестокое, чем то, о котором я рассказал.

— Ведь «Красавица, не знающая жалости» сказала нам, что столь сладостный недуг не доводит людей до смерти,— сказала Парламанта.

— Дай бог, чтобы все находящиеся здесь дамы убедились в том, как ошибочно это мнение! — воскликнул Дагусен.— Я уверен, что им не захочется, чтобы их называли не знающими жалости, и не захочется походить на эту недотрогу, которая послужила причиной смерти влюбленного в нее кавалера, отказав ему в благосклонности.

— Вам, должно быть, нравится,— сказала Парламанта,— чтобы мы подвергали опасности и честь нашу и совесть — и все это ради того, чтобы спасти этим жизнь человека, о любви которого мы знаем только по его собственным заверениям.

— Я совсем не это хотел сказать,— возразил Дагусен,— тот, кто любит совершенной любовью, охраняет честь своей дамы даже больше, чем она сама. Вот почему мне кажется, что благой и любезный ответ, которого требует совершенная и благая любовь, послужит только к чести дамы и успокоит ей совесть,— ведь ее верный кавалер другого от нее ничего не захочет.

— Я знаю, вы всегда начинаете свои проповеди с добродетели,— сказала Эннасюита,— только кончаются они каждый раз совсем по-иному. И если все находящиеся здесь захотят говорить только истинную правду, я готова поверить их словам.

Иркан поклялся, что он никогда не любил ни одной другой женщины, кроме своей жены, и надеется, что она никогда не прогневит бога. То же самое сказал Симонто и добавил, что в жизни ему часто хотелось, чтобы ничья жена не была добродетельной, за исключением его собственной.

— А по сути-то дела вы заслужили, чтобы как раз ваша жена и не была добродетельной,— сказал Жебюрон,— но что до меня, то, клянусь вам, я так любил одну женщину, что скорее бы умер, чем допустил, чтобы ради меня она совершила поступок, после которого я перестал бы ее уважать. Коль скоро вся любовь моя к ней зиждилась на ее добродетели, я ни за что на свете не хотел видеть эту добродетель запятнанной.

— Я думал, Жебюрон, что любви, которую к вам питает ваша жена, и вашего собственного здравого смысла достаточно для того, чтобы спасти вас от опасности, и вы ни в кого не влюбитесь,— смеясь сказал Сафредан.— Но теперь я вижу, что жестоко ошибался, ибо, оказывается, вы продолжаете употреблять именно те выражения, которые помогают нам обманывать самых проникательных женщин и которым даже скромницы внимают без всякой опаски. Какая же из них заткнет уши, если мы заведем речь о добродетели и о чести? Но если бы женщины в этот миг увидели наши настоящие чувства, кое-кто из кавалеров несомненно лишился бы у них успеха. Мы ведь умеем скрывать в себе дьявола и рядиться в ангельские одежды. И под этой маской, прежде чем нас разоблачат, мы успеваем вкусить немало любовных утех. Ведь бывает же так, что сердца наших дам следуют за нами столь далеко,— полагая, что все это путь к добродетели,— что, узрев порок, они уже не в силах свернуть с избранного пути.

— Право же, я был о вас иного мнения,— сказал Жебюрон,— я думал, что добродетель вы цените дороже, чем наслаждение.

— Полноте,— воскликнул Сафредан,— может ли что-нибудь быть добродетельнее любви, ведь любить нам велит сам господь! И, по-моему, уж лучше любить одну женщину как женщину, чем поклоняться нескольким как иконам. Что касается меня, то я твердо держусь того мнения, что уж коль любить, так любить!

Все дамы стали поддерживать Жебюрона и заставили Сафредана замолчать.

— Да, мне действительно лучше молчать,— сказал он,— слова мои были встречены так неблагосклонно, что мне не стоит больше и рта открывать.

— Виною этому ваше коварство,— сказала Лонгарина.— Неужели вы думаете, что после таких слов порядочная женщина захочет, чтобы вы стали ее кавалером?

— Те из них, которые были ко мне благосклонны, не променяли бы своих добродетелей на ваши,— ответил Сафредан,— но не будем больше об этом говорить, чтобы гнев мой не причинил неприятностей ни вам, ни другим. Посмотрим лучше, кому теперь Дагусен предоставит слово.

— Я предоставляю его Парламанте,— сказал Дагусен,— ибо полагаю, что она лучше всех должна знать, что такое совершенная и блага любовь.

— Раз вы меня избрали, чтобы рассказать сегодня третью новеллу,— сказала Парламента,— я расскажу вам о том, что произошло с одной дамой, которая всегда была моей близкой подругой и поверяла мне все свои тайны.

НОВЕЛЛА ТРИНАДЦАТАЯ

Капитан галеры, влюбленный в некую даму, послал ей в подарок драгоценный алмаз, который та переслала покинутой им жене, якобы от имени мужа, раскаявшегося, что он так дурно с ней поступил, и таким образом подарок этот послужил к примирению супругов.

При дворе регентши Луизы Савойской, матери короля Франциска, жила некая благочестивая дама, которая была замужем за человеком очень достойным. И несмотря на то, что муж ее был уже в годах, а она молода и хороша собою, она хохотала и любила его, точно это был красивейший из юношей. Чтобы не причинять ему никаких огорчений, она решила жить так, как подобает женщине пожилой, и стала избегать общества, развлечений, танцев и всяческих игр, которые любят молодые дамы, и свое свободное время посвящала молитвам, находя в них истинную радость. И подобным поведением своим снискала столь великую любовь мужа, что он беспрекословно во всем ее слушал и весь дом был у нее в подчинении. И вот однажды утром ее супруг сказал ей, что он еще в молодые годы мечтал съездить в

Иерусалим, и спросил ее, какого она об этом мнения. Жене очень хотелось доставить ему удовольствие, и она ответила:

— Друг мой, раз мы богаты, а детьми нас господь не наградил, я хотела бы, чтобы мы совершили это паломничество вдвоем. Куда бы вы ни поехали, я решила следовать за вами.

Супруга ее очень обрадовали эти слова, ему стало казаться, что он уже на Священной горе.

В это время ко двору прибыл некий капитан, который несколько раз участвовал в войнах с турками; он представил королю план похода на один из турецких городов, завоевать который было бы очень важно для христиан. Старый дворянин стал расспрашивать прибывшего об его планах, а когда тот поделился с ним своими замыслами, спросил его, не согласится ли он, осуществив их, отправиться еще в одно путешествие — в Иерусалим, куда они с женой давно мечтают поехать. Капитану было приятно узнать, что его новые друзья столь благочестивы, и он обещал, что повезет их туда, а пока никому об этом не скажет ни слова. Дворянин тут же передал его ответ жене, которой, как и ему, не терпелось отправиться в Святые места. Она много разговаривала о поездке с самим капитаном, но тот почти не слушал ее и только без конца на нее смотрел. Он воспылал к этой скромной женщине такою любовью, что нередко, рассказывая ей о своих морских путешествиях, путал Марсель с Греческим архипелагом, а собираясь описать корабль, сбивался и заводил речь о лошадиной гриве, — словом, вел себя так, как может вести только человек, совершенно обезумевший от любви. Но молодая женщина ничего, казалось, не замечала, признаться же ей открыто он никак не решался. И вот от постоянного притворства, избежать которого было нельзя, пламень в его сердце так разгорелся, что его нередко бросало то в жар, то в холод, и тогда, видя, что его одолевает какой-то недуг, дама эта проявляла к нему великое внимание. Беспокоясь о будущем спутнике в их путешествии в Святые места, она так часто посылала узнать о его здоровье, что тот стал поправляться безо всяких лекарств, от одного сознания, что она о нем печалится. Но многие их знакомые, знавшие названного капитана как отважного воина, а отнюдь не как ревностного христианина, удивлялись, видя, как приветлива с ним эта дама. Заметив, что он до неузнаваемости изменился, что он стал посещать церковные службы, слушать проповеди и часто исповедоваться, люди заподозрили, что делает он это, чтобы снискать расположение благочестивой дамы, и кое-кто даже не удержался и прямо

ему об этом сказал. Боясь, чтобы та, кого он любил, не услышала этих сплетен и не оттолкнула его от себя, капитан сказал супругам, что король торопит его с отъездом, а перед тем как уехать, ему необходимо подробно обо всем поговорить с ними. Для того же чтобы все их разговоры остались в тайне, он попросил их принимать его у себя поздно вечером, когда слуги уже ложатся спать и они остаются вдвоем. Дворянин решил, что так действительно будет лучше, и каждый вечер укладывал жену спать пораньше и раньше ложился сам.

А когда слуги удалялись, он посылал за капитаном, и они принимались беседовать о поездке своей в Иерусалим, причем престарелый супруг нередко засыпал на середине их разговора. Когда капитан видел, что муж спокойно спит у себя в постели, а сам он сидит тут же, оставшись с глазу на глаз с красивейшей и добродетельнейшей из женщин, от страха и от смущения сердце его всякий раз сжималось, и он порой не мог даже вымолвить слова. Но чтобы красавица не заметила его смущения, он с еще большим жаром рассказывал ей о святых местах, о городе Иерусалиме, где сохранились знаки преемственной любви, которую Иисус Христос питал к нам, людям. И, рассказывая об этой любви, он тщательно скрывал в сердце свою собственную любовь и, глядя на прелестнейшую из женщин, только вздыхал и обливался слезами, которых та даже не замечала. Но видя, сколько благолепия написано на его лице, она сочла его таким праведником, что стала просить его рассказать побольше о своей жизни и о том, какими путями он обрел в своем сердце бога. Тогда он поведал ей, что был человеком бедным и, чтобы приобрести богатство и почет, женился на некоей женщине, которая приходилась ему близкой родственницей; прельстился же он только ее богатством, ибо она была безобразна и стара и он нисколько ее не любил. А завладев всем ее состоянием, он отправился в морской поход искать счастья и столь отважно дрался, что вернулся оттуда с почестями и славой. Но стоило ему встретить ту, к которой обращены сейчас эти слова, как он стал другим: своими благими речами и живым примером она повлияла на него так, что он изменил свою жизнь и теперь только и думает о том, как, вернувшись домой из похода, он повезет ее с мужем в Иерусалим. И он будет надеяться, что ему простятся его бывшие грехи, которых он отныне никогда уже больше не повторит. И хоть жена его до сих пор еще не простила, он непременно постарается с ней примириться. Рассказ его произвел большое впечатление на молодую даму,

особенно же была ей радостна мысль о том, что именно она послужила причиною обращения этого человека к господу и к святой вере. И до самого своего отъезда капитан продолжал бывать у них по вечерам и подолгу беседовал с нею, так и не смея открыть ей свою любовь. И он подарил ей распятие и изображение скорбящей божьей матери и просил, чтобы, глядя на них, она каждый день его вспоминала.

Настал день отъезда, и, простившись со старым дворянином, который уже начинал дремать, капитан стал прощаться с той, кого он любил. Но даже и тогда, когда он увидел на глазах ее слезы, вызванные добрым чувством, которое она питала к нему, он все равно не решился открыть ей свою любовь. Сам же он едва не лишился чувств; прощаясь с ней, он заливался слезами и едва не упал к ее ногам, причем казалось, что не только глаза его, но все тело источает слезы. И так вот, не проронив ни слова, он уехал и этим несказанно поразил молодую даму, ибо такого странного проявления горя она никогда не встречала. Однако своего мнения о нем она от этого нисколько не изменила и спокойно напутствовала его молитвами и полными доброты словами. А месяц спустя, вернувшись однажды домой, дама эта застала у себя незнакомца, который передал ей письмо капитана и попросил прочесть его непременно наедине. Посланный рассказал ей, что проводил капитана в далекий путь, что тот уезжал, полный решимости послужить своему королю и Христовой вере, и что сам он вернулся в Марсель, чтобы там устроить некоторые дела капитана. Дама отошла к окну и распечатала письмо: два листа бумаги были исписаны с обеих сторон. И вот что там было написано:

Так долго чувства я в душе таил,
Что скрыть их доле не хватает сил,
И если не дадут мне опасенья
Излить их, смерть одна — мое спасенье.
Я так всегда робел перед тобой,
Смущался и молчал. И вот — судьбой
Сюда заброшен. И теперь, в изгнанье
И в тишине, рождается признание.
И должен я открыться иль сойти
В могилу — нету третьего пути:
Мне жизнью не дано распоряжаться.
Слова пришли — они в письмо ложатся
И обещают мне, что, хоть сейчас
Не суждено мне видеть милых глаз,
Которые навек меня пленили
И в жизни все собою заслонили,
Они, слова, найдут их, — все, что тут
Сейчас пишу я, те глаза прочтут.

Услышь меня, пойми: с собою в споре
Сегодня я, и безысходно горе.
А ведь не раз мне думалось сперва,
Нужны ли эти глупые слова,
Которые в разлуке лишь роятся,
А при тебе робеют и боятся;
Не лучше ль, их оставив взаперти,
Себя убраться мне с твоего пути?
Чтоб больше здесь не быть тебе докукой,
Смирюсь я даже с вечною разлукой.
Но мысль свою додумать я хочу:
Вдруг смертью я тебя же огорчу?
И сам уже заранее жалею
Я ту, чья скорбь мне смерти тяжелее.
Не я ль тебе поклялся — коли жив
Останусь я, поход свой завершив, —
Сюда вернуться прежним, верным другом
Твоим и увезти тебя с супругом
Туда, куда давно стремится он,
В места святые, на гору Сион?
Но если буду поглощен могилой,
Расстанешься и ты с мечтою милой,
Тебе краев далеких не видать
И не изведать божью благодать.
Нет, жить я буду — жди меня спокойно,
К тебе вернусь я, чуть утихнут войны:
Пусть смерть сладка, пусть славен мир иной,
Здесь жить я буду для тебя одной.
А чтобы выжить, я без промедленья
Избавить должен сердце от томленья.
Пусть же страсть, что кровь мне горячит,
Летит к тебе и сердце облегчит,
И пусть его не мучит, не тревожит, —
Оно с тревогой справиться не может.
Слова мои, ответьте мне скорей,
Готовы ль вы стучаться у дверей,
Чтоб громко о любви моей великой
Ей прокричать? Иль тенью вы безликой
Останетесь, бессильные в мольбе?
Скажите ей хотя б о худобе
Моей, о том, что, распаленный светом
Очей ее, я высох, стал скелетом...
Но может жизнь вдохнуть в меня она.
Не ваша, о слова мои, вина,
Что так бедны, и жалки вы, и хилы,
Не передать вам, видно, дивной силы
Ее сияющих спокойных глаз
И голоса, ласкающего нас.
Шепните ж ей, как часто я, влюбленный,
Оторопев, стоял пред ней смущенный
И в умиленье тихом слезы лил;
Как вечерами с нею говорил
О том, о сем, и что ни слово — промах:
Я слов не узнавал давно знакомых.
Не раз хотелось душу мне излить,
А я сбивался и, теряя нить,

О звездах речь вел, впутывал в беседу
Кассиопею или Андромеду.
И вот опять доверился словам...
Но знаю, нет, не доводилось вам
Рассказывать о несказанной муке;
Не родились еще на свете звуки
Под стать тому, чем сердце смущено
Сейчас,— и вы бессильны все равно
Измерить глубь тоски моей великой.
Так малой хоть довольствуйтесь толикой,
Скажите: «Чтоб тебе не досаждать,
Готов он был терпеть и долго ждать,
Таясь, и так, в любви неистребимой,
Жить перед богом и перед любимой».
Любовь моя чиста,— не оттого ль
Все радостнее горе мне и боль?
Она ведь дар, а если счастье длится,
То можно ль им с другими не делиться?
Пусть же всюду с нынешнего дня
Узнают люди правду от меня.
И прав я буду, бог тому свидетель,
Люблю я ту, чье имя добродетель!
Нет, осуждать им надо бы того,
Кто не увидел счастья своего,
Того, кто слеп, а мне мое открылось;
Оно — любовь, что в сердце воцарилась.
Оно — без мысли тайной, без тщеты,
В нем то, к чему сама стремишься ты.
Оно тебя ничем не опорочит,
Поблажек и наград оно не хочет.
Так честью я твоею дорожу,
Что если сам ее не пощажу,
Себя же истерзаю я упреком —
Тогда уж лучше смерть в краю далеком.
Твои преобразаются черты:
Чем праведней, тем совершенней ты.
Мне мило все, что есть в тебе благого.
Так как же я хотеть могу другого?
Иным порой не терпится утех
Искать в безумствах,— верь, я не из тех.
Люблю любовью ровной, неизменной
Я ту, кому нет равной во вселенной,
И в мире перед этой красотой
Не устоит ни ангел, ни святой.
Но если ни любви, ни пониманья
Мне не дожидаться, то хотя б вниманья
И уваженья удостой того,
Кто стал слугою чувства одного,
В ком все другие помыслы убиты,—
Надежней не найдешь себе слуги ты.
Но если в этом ты откажешь мне,
То знай, что счастлив буду я вполне,
Любовь свою тая; не докучаю
Тебе ничем я и навек вручаю
Теперь свой жребий твоему суду:

Я на алтарь любви его кладу.
И если жизнь в сраженьи сохраню я,
Вернувшись, снова голову склоню я,
А если мне не свидеться с тобой,
Грустить ты будешь над моей судьбой.
Пускай же волн поток неукротимый
Уносит вдаль, все дальше от любимой.
Простор морской давно меня зовет.
А сердце ничего не признает;
Оно не хочет по свету скитаться,
Оно к тебе вернется, чтоб остаться.
Ах, если бы взамен могла ты дать
Частицу своего! Как благодать,
Я б принял дар твой и увез с собою
И с ним бы выходил навстречу бою.
Но только, знаю, не бывать тому.
Ну что же, будь что будет,— все приму.
Моя отныне нерушима воля.
А чтоб ты в том не сомневалась боле,
Посланец мой вручит тебе сейчас
Вот этот драгоценнейший алмаз,
Эмблему твердости и постоянства,
И в море дальнем, бороздя пространства,
Задумавшись над вековечной тьмой,
Я счастлив буду, если камень мой
Сиянием украсит перст прекрасный
И скажет: «В путь он ринулся опасный,
Он испытать решил себя в бою,
Чтобы потом, на родину свою
С победой воротившись из сраженья,
Твое он мог снискать расположение».

Дама прочла письмо от начала до конца. Любовь капитана несказанно ее поразила, она ведь о ней даже не подзревала. И, разглядывая подаренный ей драгоценный камень в черной эмалевой оправе, она была смущена и не знала, как с ним поступить. Она думала об этом всю ночь и очень обрадовалась, узнав, что ей не надо будет писать ответа, ибо посланец уже уехал. Да она и сама уже решила, что у этого дворянина и без того достаточно всяких огорчений и хлопот и не следует умножать их посланием, в котором она все равно не может сообщить его господину ничего утешительного, и почла за благо помедлить с ответом до возвращения самого капитана. Но как же ей поступить с драгоценным алмазом? Она ведь привыкла носить только украшения, которые дарил ей муж. И благонамеренность подсказала ей воспользоваться этим кольцом, чтобы успокоить голос совести, неотступно мучивший капитана. Она послала одного из своих слуг к несчастной супруге капитана и вручила ему следующее письмо к ней, будто бы написанное некоей монахиней из Тараскона:

«Сударыня, перед тем как отправиться на Восток, супруг ваш побывал в нашей обители. Там, после того как он исповедовался, он признался мне, что совесть его не знает покоя, оттого что он не любил вас так, как должен был любить. И вот он просил и заклинал меня, после того как он уедет, послать вам это письмо вместе с алмазом, который я прошу вас беречь во имя любви к нему. Заверяю вас, что если он вернется цел и невредим, он станет вам таким нежным мужем, каких не сыскать на свете, и твердость этого камня тому порукой. Прошу вас, поминайте его в своих молитвах. я же буду молиться о нем всю жизнь».

Письмо это, под которым стояла подпись монахини из Тараскона, было доставлено жене капитана. Получив письмо и кольцо, несчастная, которая была уже женщиною в годах, расплакалась от радости,— так она была растрогана известием, что супруг, который покинул ее уже очень давно, все еще любит ее и чтит. Она без конца целовала кольцо и поливала его слезами, благословляя бога за то, что он вернул ей под старость расположение мужа, которое она считала утраченным навсегда. И она ответила тарасконской монахине самым ласковым письмом, в котором благодарила ее за участие и за помощь. Посланный доставил это письмо своей госпоже, и та, читая его и слушая рассказы вернувшегося слуги, не могла удержаться от смеха. Но она была рада, что нашла такой хороший способ избавиться от смущавшего ее драгоценного камня, и сознание того, что она примирила поссорившихся супругов, наполнило ее такою радостью, как будто она получила в дар королевство.

Спустя некоторое время пришло известие о гибели несчастного капитана. Оказалось, что те, на чью помощь он рассчитывал, неожиданно бросили его на произвол судьбы. Родосцы, знавшие о планах высадки, вместо того чтобы сохранить тайну, предали капитана: он и все, кто с ним вместе высадился на берег — всего восемьдесят человек — были убиты. В числе их находился дворянин по имени Жан и один турок, состоявший на службе у этой дамы. Оба они, по ее поручению, сопровождали капитана в его походе. Жан был убит вслед за капитаном, а турок, пятнадцать раз раненный стрелами, бросился в море и спасся, добравшись вплавь до французского корабля. От него-то и узнали всю правду о том, что произошло. Оказалось, что некий дворянин, которого ничего не подозревавший капитан взял себе в спутники, ибо считал его своим другом и в прошлом не раз способствовал его продвижению при дворе короля и среди са-

мой высокой знати Франции, поступил с ним вероломно: едва только увидав, что капитан высадился на берег, он увел все суда в море. Когда же капитан обнаружил, что тайный замысел его раскрыт и он окружен турками, которых около четырех тысяч, он решил сейчас же вернуться. Но дворянин этот, которому он так доверял, полагая, что после смерти капитана командование всей огромной армией и все трофеи достанутся ему одному, заявил остальным военачальникам, что не стоит подвергать королевские суда и находящееся на них войско опасности во имя спасения какой-то сотни людей. И те из военачальников, которые не отличались особой храбростью, с ним согласились. Когда капитан увидел, что чем громче он их призывает, тем дальше суда уходят от него в море, он обернулся к туркам и, стоя по колени в песке, так храбро и так доблестно отражал их удары, что принял на себя всю тяжесть этого сражения, от которого уклонился его друг, оказавшийся трусом и столь коварно предавший его врагам. Но как отчаянно капитан ни защищался, турки, которые так и не могли подойти к нему ближе, пустили в него столько стрел, что в конце концов он стал истекать кровью. Тогда, видя, что противники их слабеют, турки постарались добить их ударами сабель. Французы, однако, продолжали защищаться и бились до последней капли крови. Видя, что конец его близок, капитан позвал своего спутника Жана и верного слугу-турка, воткнул клинок своей шпаги в землю и упал на колени. Поцеловав крест на рукояти шпаги, он успел сказать: «Господи, прими в руки твои дух того, кто не пожалел жизни своей, чтобы тебя прославить!»

Дворянин по имени Жан, видя, что друг его совсем изнемог, кинулся к нему и обнял его, пытаясь защитить, но в эту минуту один из неприятелей ударом сзади отсек ему обе ноги. Тогда он громко воскликнул: «Идем, капитан, идем в рай, к Тому, за кого мы пролили нашу кровь!» — и последовал за своим военачальником, чьим неизменным другом он был в жизни. Видя, что он уже бессилен помочь им обоим, верный турок, пораженный пятнадцатью стрелами, кинулся к берегу, крича, что он один остался в живых, и стал умолять, чтобы его взяли на борт, но вероломный военачальник отказал ему и бросил его на произвол судьбы. Турок, однако, был хорошим пловцом — он кинулся в море, и в конце концов его подобрала на маленькое суденышко; а потом, спустя некоторое время, ему удалось оправиться от ран. Благодаря ему-то всем и стало известно, какой благородной смертью пал капитан и как недостойно вел себя его спутник. Когда король и знатнейшие люди страны узнали об этом.

они решили, что грех его перед господом и перед людьми столь велик, что он заслуживает самой жестокой казни. Однако, прибыв во Францию, негодяй сумел опутать всех вокруг ложью и, кроме того, привез большие подарки, так что не только спасся от наказания, но даже получил назначение на место погибшего капитана, хотя и был недостоин стать его слугой.

Когда печальная весть достигла двора, королева-регентша, у которой капитан был в большой чести, сильно сокрушалась о нем, равно как и сам король и все придворные, которые его знали. А та, кого он любил больше всех, услышав о том, сколь жестокой и сколь праведной смертью он погиб, позабыла о суровых словах, которыми она собиралась его встретить по приезде, и залилась слезами. Вместе с нею плакал и ее супруг. Надежды их на поездку в Святые места теперь окончательно рушились. Скажу еще, что одна молодая девушка, находившаяся при этой даме и любившая дворянина по имени Жан больше, чем себя самое, в тот самый день, когда оба славных воина были убиты, видела своего возлюбленного во сне. Он был весь в белом и, прощаясь с нею, говорил, что уходит в рай вместе с капитаном. Когда девушка узнала, что это был вещий сон, скорбь ее не знала границ, и госпоже ее пришлось потратить немало сил, чтобы ее успокоить. Спустя некоторое время король со своим двором отправился в Нормандию, откуда был родом капитан. И там его вдова не преминула явиться к королеве-регентше. А для того чтобы она ее приняла, ей пришлось обратиться к той самой даме, которую так любил ее муж. И вот, ожидая назначенного часа в церкви, она принялась оплакивать своего покойного супруга, всячески его восхваляя. И между прочим сказала:

— Увы, сударыня, горе мое особенно велико, ибо господь отнял у меня моего супруга именно тогда, когда он всего сильнее меня полюбил.

И, заливаясь слезами, она показала кольцо, которое, как залог великой любви, она постоянно носила на пальце. И тут, при мысли о том, какое доброе дело она совершила своим обманом, даму эту, как она ни жалела убитого, разобрал вдруг такой смех, что она даже не решилась сама повести просительницу к королеве-регентше и, поручив это другой, удалилась в дальний придел церкви, чтобы там высмеяться вволю.

— Мне кажется, благородные дамы, что, получив подобный подарок, любая из нас охотно сделала бы из него такое же употребление, как эта добродетельная женщина, ибо

тот, кто делает добро другим, сам от этого непременно вкушает радость. И нам вовсе не следует обвинять эту даму в обмане, напротив, следует уважать ее за то, что она сумела обратить во благо то, что само по себе ничего не стоило.

— Вы что же думаете, что великолепный алмаз, за который заплатили, наверное, не меньше чем двести экую, ничего не стоит? — сказала Номерфида. — Могу вас уверить, что, попади этот камень ко мне в руки, ни жене капитана, ни кому другому из его родни он бы уж никак не достался. Раз дают, так надо брать. Капитан-то ведь погиб, а кроме него об этом подарке никто ничего не знал. И вовсе не к чему было старухе этой столько плакать.

— Клянусь честью, вы совершенно правы, — воскликнул Ирган, — немало ведь есть женщин, которые, чтобы казаться лучше, чем другие, заставляют себя совершать поступки, несвойственные их натуре, а хорошо ведь известно, что все женщины жадны. Но тщеславие сплошь и рядом побеждает в них скупость, заставляя их делать то, чего в душе они вовсе не хотят. Я вот думаю, что дама, которая так легко выпустила из своих рук алмаз, была вообще недостойна его носить.

— Пойдите, пойдите, — вскричала Уазиль, — я ведь, по моему, даже знаю, кто эта дама. И очень вас прошу — не торопитесь ее осуждать.

— Госпожа моя, — возразил Ирган, — я далек от того, чтобы ее обвинять. Но если бы капитан был действительно таким добродетельным человеком, каким нам его описали, для нее было бы большой честью иметь его своим кавалером и носить подаренное им кольцо. Может быть, кто-то другой — и менее достойный любви, чем он, — так крепко ее держал за палец, что надеть это кольцо ей все равно бы не удалось.

— Право же, она отлично могла оставить его у себя, — сказала Эннасюита, — никто ведь об этом кольце не знал.

— Ах вот как! — воскликнул Жебюрон. — Оказывается, тем, кто любит, все позволено, и надо только, чтобы никто ничего не узнал?

— Ей-богу же, — вскричал Сафредан, — наказывается не преступление, а только глупость. Ни один преступник — будь то убийца, соблазнитель чужой жены или самый обыкновенный плут, — если только он достаточно хитер, никогда не попадет под суд, и люди ни в чем его не будут обвинять. Надо быть только ловким, вот и все! Но иногда порок приобретает над людьми столь великую власть, что, ослепленные им, они совершают глупости. И наказаны бывают всегда глупцы, а отнюдь не злодеи.

— Можете говорить что угодно,— сказала Узиль,— господь один судья этой даме; что же касается меня, то я нахожу поступок ее поистине благородным. А чтобы нам больше не спорить, прошу вас, Парламанта, передайте кому-нибудь ваше право рассказчицы.

— Я с большой охотой передам его Симонто, ведь после двух таких печальных новелл он постарается, чтобы мы больше не плакали.

— Благодарю вас,— сказал Симонто,— вы уже готовы назвать меня забавником, но мне такое прозвище вовсе не по душе. И, чтобы отомстить вам, я докажу, что есть женщины, которые умеют быть в чьих-то глазах целомудренными — и во всяком случае на какое-то время напускать на себя добродетель, но в конце концов натура их берет верх и они становятся тем, что они есть на самом деле; об этом вы сейчас и узнаете из истории, которую я вам расскажу.

НОВЕЛЛА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Сеньер Бониве, чтобы отомстить одной жестокой миланской даме, подружился с итальянским дворянином, в которого та была влюблена, но который не имел никаких доказательств этой любви, кроме уверений и ласковых слов. Чтобы осуществить свое намерение, Бониве дал итальянцу всякие советы, и, последовав им, тот сумел получить от этой дамы все, чего он так долго не мог добиться, и, разумеется, тут же сообщил об этом своему благодетелю. Тогда сеньер Бониве подстриг себе волосы и бороду и, одевшись так, как обычно одевался этот дворянин, сам в полночь отправился к ней и привел свой замысел в исполнение. После того как дама эта узнала, на какую хитрость ему пришлось пуститься, чтобы овладеть ею, она обещала ему, что отныне больше не будет выбирать себе возлюбленных из числа своих соотечественников и остановит свой выбор на нем.

В герцогстве Миланском, во времена, когда главнокомандующий маршал Шомон был правителем города Милана, жил некий дворянин, сеньер Бониве, который за свои заслуги впоследствии получил звание Адмирала Франции. Пользуясь заслуженной любовью и самого Шомона и всех местных дворян, он охотно посещал различные празднества, на которых в большом числе собирались дамы, оказывавшие ему такую честь, которой до него не удостаивался ни один француз, и не только потому, что он был статен, обходителен и красноречив, но и потому, что он пользовался славой искуснейшего

воина и по храбрости не знал себе равного. Однажды во время карнавала, когда все были в масках, он пригласил на танцы одну из замечательнейших красавиц Милана и, когда на миг умолкли гобой, не преминул объяснить ей в любви так нежно, как умел один только он. Но красавица не захотела даже и говорить с ним об этом: решительно и резко она ответила, что любить только своего мужа и, кроме него, никогда никого другого любить не будет и что поэтому ждать ему нечего. Однако сеньер Бониве на этом не успокоился и не перестал ухаживать за нею в продолжение всего почти карнавала. И как она ни была упряма, продолжая твердить, что ни его, ни кого другого никогда не полюбит, он ей не верил, ибо видел, что муж ее безобразен, а она необыкновенно красива. В конце концов, догадавшись, что с ее стороны это просто обман, он решил отплатить ей за все таким же обманом. С этих пор он перестал домогаться встреч с нею, а начал приглядываться к ее жизни и проведал, что она любит одного итальянского дворянина, человека весьма порядочного и скромного.

Сеньер Бониве понемногу свел знакомство с упомянутым итальянцем и сделал это так хитро и тонко, что тот, ни о чем не догадываясь, так привязался к своему новому другу, что после дамы, о которой мы только что говорили, он стал для него самым близким человеком на свете. И вот, для того чтобы выведать тайну, сеньер Бониве сделал вид, что сам откровенен с ним до конца: он выдумал целую историю, сказав ему, что любит некую особу, и взял с него слово никому об этом ничего не рассказывать и действовать с ним заодно. Ничего не подозревавший молодой человек, чтобы доказать, что и он питает к нему такое же доверие, в свою очередь рассказал ему о своей любви к той самой даме, отомстить которой так долго мечтал Бониве. И с тех пор они каждый день стали встречаться в условном месте и делиться друг с другом своими любовными приключениями, происходившими за день, причем один из них все время что-то выдумывал, а другой простодушно выкладывал всю правду. Молодой человек признался своему другу, что три года уже влюблен в эту даму и за все это время она ни разу не снизошла к его мольбам и отвечала на его чувства только ласковыми словами и уверениями в любви. Бониве дал кое-какие наставления, которые оказались весьма полезными и действительно помогли его молодому другу. Через несколько дней тот добился того, чего хотел: красавица изъявила согласие удовлетворить все его просьбы. Оставалось только назначить день и час и выбрать подходящее место,— и, по со-

вету того же сеньера Бониве, выбор этот был очень скоро сделан. Однажды перед ужином молодой человек сказал ему:

— Сеньер мой, вы сделали для меня то, чего не мог сделать никто на свете: вашим добрым советом вы так помогли мне, что сегодня ночью я надеюсь наконец вкусить ту радость, о которой напрасно мечтал все эти годы.

— Прошу тебя, друг мой,— сказал ему Бониве,— расскажи мне все по порядку, чтобы я удостоверился, что тебя не обманывают, и мог тебе и на этот раз дать разумный совет.

Молодой человек рассказал ему, что возлюбленная его нашла предлог, чтобы оставить ворота открытыми: один из ее братьев был болен, и надо было иметь возможность в любое время послать в город за лекарством. Через открытые ворота он сможет преспокойно войти во двор; только подняться надо не по главной лестнице, а по маленькой лесенке, той, которая справа. Она приведет на галерею, куда выходят двери всех комнат, где живут ее свекор и братья мужа. Он должен нащупать третью от лестницы дверь и тихонько ее приоткрыть; если же окажется, что дверь заперта, ему надо немедленно уходить, это будет означать, что муж вернулся, хотя вернуться он должен только через два дня. Итак, если дверь отперта, он тихонько войдет. Бояться ему совершенно нечего — кроме нее, в комнате никого не будет. И сразу же запрет дверь на засов. И еще непременно наденет войлочные туфли, чтобы не наделать шума. А приходиться надо не раньше двух часов пополуночи, потому что братья мужа — заядлые игроки и никогда не ложатся раньше часа.

— Ступай, друг мой,— сказал ему Бониве,— и да хранит тебя господь, я буду молить его, чтобы он уберег тебя от беды. И если только я смогу быть тебе полезен, я готов пойти с тобой, чтобы тебе пособить.

Молодой человек любезно поблагодарил его, заверив, что в этом деле всякая помощь излишня, и отправился приводить свой план в исполнение.

Сеньер Бониве тоже не дремал. Видя, что настал час, когда он может наконец отомстить жестокой красавице, он постарался пораньше вернуться к себе, подстриг бороду, сделал ее такой, какая была у молодого человека, подстриг и волосы так, чтобы на ощупь его никак нельзя было отличить от его юного друга. Не забыл также о кафтане, точь-в-точь как у того, и о войлочных туфлях. А так как свекор этой дамы был с ним в очень хороших отношениях, он не побоялся пойти в их дом пораньше, рассчитывая, что, если кто-нибудь вдруг увидит его, он тут же направится в комнату старика, к которому у него даже было какое-то дело. И вот

около полуночи он переступил порог дома; на лестнице ему повстречалось несколько человек, одни из них уходили, другие возвращались, но никто не обратил на него ни малейшего внимания, и, никем не узанный, он прошел прямо в коридор. Удостоверившись, что первая и вторая дверь на замке, а третья не заперта, он ее приотворил. Когда он убедился, что действительно находится в комнате той, в которую он так долго был влюблен, Бониве запер дверь на засов. Стены были затянуты белой тканью, потолок и пол — тоже белые. Простыни — из тончайшего полотна ослепительной белизны. А в постели лежала красавица итальянка. Ее пышные волосы были откинuty назад, а на ней была ночная рубашка, расшитая жемчугом и драгоценными камнями. Все это он увидел из-за отдернутого полога раньше, чем она могла заметить его появление: в комнате горел большой восковой светильник и было светло как днем. Боясь, как бы его не узнали, он прежде всего погасил светильник, мгновенно разделся и лег к ней в постель. Думая, что это предмет ее давней любви, дама встретила его так ласково, как только могла. Он же, сообразив, что она принимает его за другого, боялся вымолвить слово и думал только о том, чтобы поскорее осуществить свою месть: лишить ее целомудрия и чести, ничем ее за это не отблагодарив. Но, вопреки его ожиданиям, оказалось, что дама так довольна его игрой, что сама постаралась вознаградить его за всю его страсть и отпустила его только тогда, когда пробил час ночи и пора было расставаться. Прощаясь с ней, он едва слышным шепотом спросил ее, так же ли она сейчас довольна, как он. Убежденная, что это ее любимый, она ответила, что не только довольна, но в восхищении от несказанных щедрот его любви, которые на целый час повергли его в немоту.

Тогда Бониве вдруг громко расхохотался и воскликнул: — Скажите же мне, синьора, неужели вы и теперь ответите мне отказом, как приучали себя отвечать до сих пор?

Сразу же узнав его по голосу и по смеху, женщина пришла в такое отчаяние и ей стало так стыдно за себя, что она принялась бранить его, называя негодеем, обманщиком и предателем. Она пыталась выскочить из постели, чтобы, схватив нож, лишить себя жизни, ибо чувствовала себя несчастной, оттого что потеряла честь из-за человека, которого не любила и который, чтобы отомстить ей, мог теперь всем разболтать о ее позоре и навек ее обесславить. Но Бониве, крепко сжав ее в объятиях, принялся нежными и ласковыми словами заверять ее, что любит ее больше, чем тот, кого

она сделала избранником своего сердца, и клялся, что сохранит все в глубокой тайне и честь ее не будет задета. По глупости своей она ему поверила. А услышав рассказ о том, какого труда ему стоило добиться победы над нею, она в свою очередь поклялась, что будет любить его больше, чем того, кто оказался столь ненадежным и не сумел сохранить доверенной ему тайны. Она сказала, что убедилась в том, что слухи, которые ходят в их краях о французах, неверны, что французы гораздо умнее, настойчивее и надежнее, чем итальянцы, и что с этих пор она перестает разделять убеждение своих соотечественников и останавливает свой выбор на нем. Но она попросила его, чтобы до поры до времени он не появлялся ни в домах, где он случайно может повстречать ее, ни на празднествах иначе как в маске, сказав, что ей так стыдно всего, что произошло, что краска на лице может легко ее выдать. Бониве обещал исполнить ее просьбу, сам же в свою очередь попросил ее, чтобы, когда в два часа ночи друг его явится к ней, она была к нему благосклонна, говоря, что потом она понемногу сумеет отделаться от его притязаний. Но теперь ей стало так трудно это исполнить, что, если бы не чувство, которое она испытывала к Бониве, она ни за что бы не согласилась. А расставаясь с нею, он был так нежен, что ей хотелось больше всего на свете, чтобы он подольше с ней побыл.

Бониве встал, оделся и, выйдя из комнаты, оставил дверь приоткрытой, как она была раньше. А так как было уже больше двух часов ночи и он опасался встретиться со своим другом, он поднялся выше по лестнице и, притаившись там, вскоре же увидел, как тот прокрался в комнату дамы. После этого он вернулся к себе домой, чтобы вкусить там отдых после трудов,— и ему так сладко спалось, что и в девять часов утра он все еще был в постели. Тогда-то и пришел к нему его друг и поведал ему о своих делах, которые оказались вовсе не так удачны, как он рассчитывал. Он рассказал, что, войдя в комнату своей дамы, он застал ее не лежащей в постели, а в беспокойстве метавшейся по комнате. Она жаловалась на лихорадку, сердце ее сильно билось, лицо горело, и она обливалась потом. Она попросила его сейчас же уйти, сказав, что не посмела позвать служанок из страха перед оглаской, но что ей больше пристало сейчас думать о боге, нежели о дарах Купидона, и что ее безмерно огорчает, что из-за нее он подвергает себя такой опасности, а она не в состоянии ничем вознаградить его на земле и может только надеяться на то, что скоро воздаст ему за все в будущей жизни. Молодой человек был крайне всем этим поражен и

так опечален, что жар любви превратился в лед, а радость — в глубокую грусть. И он тут же ушел из этого дома. А наутро, едва только рассвело, послав узнать о ее здоровье, он получил подтверждение, что она действительно чувствует себя очень плохо. Рассказывая о своих горестях, бедняга так плакал, что казалось, вся душа его исходит слезами. Бониве, которому при виде того, как друг его плачет, самому хотелось смеяться, попытался утешить его, как мог, говоря, что всякое чувство, которое длится долго, на первых порах всегда встречает препоны и что любовь его заставляет себя теперь терпеливо ждать, чтобы потом вознаградить его за все страданий. На этом друзья расстались. Дама же несколько дней пролежала в постели. А как только она поправилась, она отказала своему первому кавалеру, объяснив свой отказ тем, что почувствовала близость смерти и ее стала мучить совесть. И она предалась сеньеру Бониве, и любовь их жила, как полевой цветок, и долгие годы хранила первозданную свежесть.

— Мне кажется, благородные дамы, что лицемерие этой особы не уступает хитростям полюбившего ее сеньера: подумать только, сколько времени она напускала на себя притворную добродетель, а потом оказалась вдруг такой безрассудной.

— Вы можете говорить что угодно о женщинах,— заметила Эннасюита,— но сеньер этот поступил очень низко. Где же это сказано, что, если женщина любит одного, другому позволено пускаться на хитрость, чтобы овладеть ею?

— Поверьте,— сказал Жебюрон,— что есть товары, которые, как только они появляются на рынке, тотчас же покупаются теми, кто даст больше других и назовет самую высокую цену. Не думайте, что те, кто так настойчиво ухаживает за дамами, действительно полны любви к ним, все это они делают ради самих себя и своего собственного удовольствия.

— Вы совершенно правы,— воскликнула Лонгарина,— сказать по правде, каждый из тех, кто за мной ухаживал, всегда начинал речь с моей персоны, заверяя меня, что ему дороже всего моя жизнь, мое благо, моя честь; однако же кончал он неизменно тем, что делал все ради себя самого и клонил все к собственному наслаждению и собственной славе. Вот почему самое лучшее — выпроводить всех этих кавалеров после первых же слов, ведь, когда дело доходит до большего, отказ не принесет уж такой чести, ибо то, что

заведомо порочно, так или иначе всегда бывает отвергнуто.

— По-вашему, выходит, что едва только мужчина успеет открыть рот, как его уже следует прогнать прочь, не дав себе труда узнать, чего он хочет? — заметила Эннасюнта.

— Подруга моя вовсе этого не думает, — возразила ей Парламанта. — Всем ведь известно, что вначале женщина не должна даже подавать вида, что догадывается о том, чего хочет мужчина. А когда он объясняется ей в своих чувствах, она не должна ему верить. Но мне кажется, что уж если дело доходит до клятв, то женщина поступает честнее тогда, когда у нее хватает терпения выслушать все до конца, чем тогда, когда она сама теряет голову.

— Вы что же утверждаете, что мужчины всегда хотят нам зла? — сказала Номерфида. — А не грешно ли судить своего ближнего?

— Думайте, как вам нравится, — сказала Уазиль, — но нам каждый раз приходится опасаться, что это именно так, и поэтому, едва только вспыхнет искорка, надо бежать от огня, которому тем легче бывает сжечь нас, чем меньше мы его замечаем.

— Что-то чересчур уж жестоки ваши законы, — сказал Иркан. — Но если бы женщины, которых сама природа наградила мягкостью, последовали вашему совету и стали встречать нас так сурово, мы бы тоже не остались в долгу и вместо нежных молений стали бы прибегать к различным уловкам и даже к силе.

— По-моему, лучше всего пусть каждый поступает так, как ему велят его собственные чувства, — сказал Симонто. — Любит он или не любит — пусть только не притворяется!

— Дал бы бог, чтобы это правило принесло людям столько же чести, сколько оно приносит им радости! — воскликнул Сафредан.

— Да, но те, которые предпочитают умереть, лишь бы чувства их не были преданы огласке, ни за что ведь не согласятся с этим решением! — не выдержал Дагусен.

— Умереть! — воскликнул Иркан. — Еще не родился тот рыцарь, который согласится умереть ради сохранения тайны. Но не стоит обсуждать то, чего все равно не может быть. Давайте лучше посмотрим, кому теперь Симонто передаст слово.

— Я передаю его Лонгарине, — сказал Симонто, — я наблюдал за ней все это время, и, по-моему, она вспомнила что-то интересное, а ведь ей совсем не свойственно утаивать истину, даже весьма нелестную для женщин или мужчин.

— Раз вы считаете меня такой поборницей правды,— сказала Лонгарина,— я расскажу вам одну историю. К сожалению, она отнюдь не восхваляет женщин в той мере, в какой мне бы этого хотелось, и вы увидите, что многие из них, оказывается, ни решимостью, ни умом не уступают мужчинам и бывают способны на всевозможные хитрости.

НОВЕЛЛА ПЯТНАДЦАТАЯ

По милости короля Франциска один из его не особенно знатных придворных женился на очень богатой девушке. Но то ли потому, что она была еще очень молода, то ли потому, что сердце его принадлежало другой, он уделял ей совсем мало внимания,— и, после того как она испробовала все средства привлечь к себе своего супруга и ничего не добилась, она с отчаяния и досады решила вознаградить себя за все свои неудачи.

При дворе короля Франциска Первого находился один небогатый дворянин — имя его мне хорошо известно, но называть его я не стану. У него было всего-навсего пятьсот ливров годового дохода, но король так любил его за все его добродетели, что благодаря королевской милости он женился на девушке столь богатой, что самый знатный сеньер никогда бы ею не пренебрег. А так как она была еще очень юной, то он попросил одну высокопоставленную особу взять ее на свое попечение, на что та охотно согласилась. Дворянин этот был так благороден, статен и обходителен, что все придворные дамы очень к нему благоволили. В числе их была и возлюбленная короля, но она не была ни так молода, ни так хороша собою, как его жена. Однако молодой дворянин так полюбил эту даму, что совершенно перестал обращать внимание на жену и за целый год провел с ней, может быть, одну только ночь. И что для нее было еще горестнее — муж ее никогда с ней не разговаривал и не выказывал никаких признаков своего к ней расположения. И, пользуясь богатством жены, он самой ей уделял столь малую его часть, что она даже не имела возможности одеться так, как полагалось и как ей хотелось. По этому поводу знатная особа, при которой состояла жена этого дворянина, не раз говорила ее мужу: «Супруга ваша красива, богата и происходит из хорошей семьи, а вы всего этого не цените и обращаетесь с нею так, как с самой последней из женщин. И если она все же терпит ваше с ней обращение, то лишь потому, что совсем

еще юна и неопытна. Берегитесь, она повзрослеет, красота ее расцветет, и тогда ее собственное зеркало, а может быть, и кто-нибудь, кто не очень вас любит, убедят ее, как она хороша собой и как вы сами не умеете оценить эту красоту. И тогда с досады жена ваша может решиться на то, что никогда бы ей не пришло в голову, если бы вы хорошо с нею обращались». Но сеньер, сердце которого в это время было занято, только посмеялся над ее словами и продолжал вести себя так же, как раньше. И вот, через два-три года жена его действительно сделалась одной из красивейших женщин Франции, и все стали говорить, что никто из придворных дам не может сравниться с нею по красоте. И чем больше она сознавала, что достойна любви, тем обиднее становилось ей, что муж не обращает на нее никакого внимания. Она так огорчалась, что дошла бы до полного отчаяния, если бы добрая дама не утешала ее каждый раз. И после того как молодая женщина испробовала все средства понравиться мужу, она при всей своей беззаветной любви к нему окончательно потеряла веру в его любовь и стала думать, что место ее занято в его сердце другой женщиной. Она начала следить за ним и в конце концов открыла истинную причину его холодности и убедилась, что он проводит все ночи с другой, забыв и жену и совесть.

И вот, с тех пор как она окончательно уверилась в том, что муж ей изменяет, она так опечалилась, что одевалась теперь во все черное и не позволяла себе никаких развлечений. Покровительница ее, которая это заметила, сделала все, что могла, чтобы уговорить ее не печалиться и не отвращаться от жизни, но все напрасно. А муж ее, хоть он и не мог не обратить внимание на происшедшую в ней перемену, готов был скорее потешаться над ней, чем помочь ее горю. Вы знаете, благородные дамы, что так же, как большая радость может смениться горем, так и на место большой печали приходит радость. И вот однажды случилось так, что некий знатный вельможа, близкий родственник той самой дамы, при которой находилась покинутая жена, услышав, сколь недостойно обращается с нею муж, проникся такою жалостью к несчастной, что ему не терпелось ее утешить. А когда, вступив в разговор с нею, он увидел воочию, как она хороша собою, добродетельна и скромна, ему захотелось непременно завоевать ее расположение, и если он и продолжал еще говорить с нею о ее муже, то лишь для того, чтобы показать, как тот достоин ее любви.

Молодая женщина, покинутая тем, кому надлежало ее любить, увидав, что ею пленился столь знатный вельможа,

почувствовала себя счастливой тем, что заслужила его расположение. И хоть она продолжала по-прежнему ревностно оборонять свою честь, ей доставляло удовольствие говорить с ним и видеть, какой любовью и каким уважением он ее дарит,— ведь она за все эти годы не видела от мужа ни того ни другого. И дружба их продолжалась до тех пор, пока не привлекла внимания короля, который был так привязан к молодому дворянину, что мысль о том, что любимца его могут унижить и оскорбить, была ему нестерпима. Поэтому он попросил знатного вельможу прекратить свои ухаживания, дав ему понять, что если он будет их продолжать, то этим навлечет на себя его немилость. Вельможа, для которого благосклонность короля была дороже всех женщин на свете, обещал, что ради любви к нему он откажется от своего намерения и в тот же вечер распрощается навеки с той, в которую влюблен. Он так и поступил и, едва только молодая дама вернулась домой, не замедлил явиться к ней. Комната ее была расположена прямо под комнатою мужа, который жил наверху, и, стоя у окна, муж ее видел, как вельможа вошел к ней. Тот же, хоть и заметил его, не стал отказываться от своего намерения. И, прощаясь с той, чья любовь к нему только начала разгораться, он сослался на приказ короля.

После слез и сожалений, которым они предавались до часу ночи, молодая дама сказала ему на прощанье:

— Монсеньер, я должна возблагодарить господа бога за то, что ему угодно было погасить ваше чувство. И невелико же оно, должно быть, было, если приказания человека было достаточно, чтобы вы от него отреклись. Что касается меня, то я не испрашивала позволения ни у моей покровительницы, ни у мужа, ни у себя самой,— я полюбила вас. И чувство это, на помощь которому пришло ваше благородство и ваша красота, возымело надо мною такую власть, что я не знала другого короля и другого бога. Но коль скоро в сердце вашем нет настоящей любви, которая одна изгоняет все опасения и страхи, вы не можете быть мне настоящим другом, а другого, ненастоящего, я не хочу, ибо не хочу расточать ему ту подлинную любовь, которую я всей душой хотела отдать вам. Прощайте, монсеньер, опасения ваши показывают, что вы не заслуживаете такой любви, как моя!

Вельможа уехал, обливаясь слезами, а когда он выходил из дома и обернулся в последний раз, он обнаружил, что муж ее все еще стоит у окна и, таким образом, видел не только приход его, но и уход. Поэтому на следующий день он рассказал ему, что заставило его искать встречи с его женой, и

сослался на королевский приказ. Дворянин был очень этим обрадован и поблагодарил господина своего, короля. Видя, однако, что жена его хорошеет с каждым днем, а он уже стар и теряет свою прежнюю красоту, он начал вести себя с ней по-другому, и вышло так, что они поменялись ролями. Он стал искать ее общества — чего раньше никогда не делал — и стал оказывать ей различные знаки внимания. Но чем больше она это замечала, тем больше старалась от него скрыться, желая, чтобы он хотя бы в какой-то степени испытал огорчения, которые выпали на ее долю в те дни, когда она была нелюбимой женой. И, чтобы не лишать себя радостей, вкус которых она начинала уже узнавать, она обратила свой взор на одного придворного, красивого и услужливого юношу, который был любимцем всех дам. И, рассказав ему о том, как поступил с ней муж, она постаралась возбудить в нем жалость, и молодой человек сделал все, чтобы утешить ее печаль. Она же, вознаграждая себя за поступок вельможи, которому не хватило смелости и который ее покинул, так горячо полюбила своего нового кавалера, что совсем позабыла свои былые невзгоды и заботилась только о том, чтобы искуснее скрывать свою нежную дружбу с ним. А удавалось это так хорошо, что покровительница ее ничего не могла заметить: в ее присутствии они никогда не говорили друг с другом, когда же ей хотелось что-нибудь ему сказать, она присоединялась к компании придворных дам. А среди дам этих, между прочим, была и та, за которой ухаживал ее муж, притворяясь влюбленным.

Однажды вечером, после ужина, когда начало темнеть, эта дама поспешно отправилась в комнату, где обычно собирались придворные дамы и куда пришел тот, кого она любила больше всего на свете. И там она села к столу с ним рядом, и они долго разговаривали, притворившись, что читают вместе какую-то книгу. Человек, которому было поручено за ней следить, успел сообщить ее мужу, куда она пошла, и тот, будучи весьма сообразительным, хотя с виду и не казался таким, сразу же поспешил туда сам. Войдя в комнату, он увидел жену свою, занятую чтением, и, притворившись, что не замечает ее присутствия, стал беседовать с дамами, стоявшими поодаль. Жена его, видя, что муж застал ее в обществе того, с кем при нем она никогда не дерзала даже заговорить, от испуга так растерялась, что, не имея возможности сразу выйти, вскочила на стол и скрылась потом так поспешно, как будто муж гнался за ней с обнаженной шпагой; после чего она побежала к своей покровительнице, которая успела уже вернуться к себе.

Когда жена дворянина была уже дома, разделась и собиралась лечь, пришли сказать, что муж просит ее к себе. Она, не задумываясь, ответила, что не пойдет к нему, потому что он сегодня не в духе и будет с ней строг и она боится, что все это может кончиться очень плохо. Но потом, опасаясь, что если она заупрямится, он поступит с ней еще хуже, она все-таки решила пойти. Муж ее не сказал ей ни слова до тех пор, пока они не легли. Не умея так искусно притворяться, как он, она расплакалась. И когда он ее спросил, почему она плачет, она ответила, что боится, что он сердит на нее за то, что она находилась в обществе этого дворянина и с ним вместе читала. Тогда он ответил ей, что ему и в голову не приходило запрещать ей встречаться с этим молодым человеком и что ничего худого он в этом не видит, но что убежала она так поспешно, как будто совершила что-то постыдное, и бегство ее навело его на мысль о том, что она этого человека любит. И он раз навсегда запретил ей разговоры с ним как наедине, так и в присутствии других, пригрозив, что, если она осмелится сказать ему хоть слово, он тут же без всякой жалости и сострадания ее убьет. Она с готовностью обещала ему, что требование его будет исполнено, отлично понимая, что в другой раз уже не поступит столь опрометчиво. Но так как запретный плод всегда бывает особенно сладок, она очень скоро позабыла и об этой угрозе и о своем обещании. И в тот же самый вечер, перейдя спать в другую комнату вместе с компаньонками и служанками, она послала дворянину записку, прося его прийти к ней ночью. Но муж, которому ревность не давала уснуть, проведал, что ее возлюбленный должен прийти к ней, и, накинув плащ и захватив с собою лакея, среди ночи постучал в комнату жены. Та, услышав стук, была уверена, что это пришел ее возлюбленный. Она встала с постели, накинула платье, надела меховые туфли и, убедившись, что все находящиеся в ее комнате женщины крепко спят, подошла к двери. На ее вопрос: «Кто там?» — ей назвали имя ее возлюбленного. Тогда, чтобы окончательно удостовериться, что это он, она приоткрыла глазок в двери и сказала:

— Если вы действительно тот, кем вы себя назвали, протяните мне руку, я вас сразу узнаю.

И, когда муж ее протянул руку, она тут же узнала ее на ощупь, захлопнула окошечко и воскликнула:

— Ах, сеньер мой, это же ведь ваша рука.

— Да, это рука того, кто привык исполнять свои обещания! — закричал ее муж вне себя от гнева. — Поэтому как только я позову, ты должна немедленно ко мне явиться.

С этими словами он ушел к себе, а жена, полумертвая от страха, вернулась в свою комнату и разбудила спавших с нею женщин словами:

— Вставайте, дорогие мои, вы и так уже слишком долго спали, я ведь думала, что сумею обмануть вас, а вместо этого обманулась сама.— И, потеряв сознание, она упала посреди комнаты.

От крика ее бедные женщины вскочили со своих постелей и, в изумлении увидав, что госпожа их лежит на полу и еле дышит, стали суетиться вокруг нее, пытаясь привести ее в чувство. А когда к ней вернулся дар речи, она только пролепетала:

— Милые мои, вы видите перед собой несчастнейшую из женщин! — И тут же рассказала им о своей горькой участи, прося хоть как-нибудь ей помочь, ибо была уверена, что дни ее уже сочтены.

И в то время, когда они ухаживали за ней, пришел посланный ее мужем камердинер: муж ее требовал, чтобы она сейчас же к нему явилась. Она кинулась к своим верным прислужницам и принялась обнимать их и молить, чтобы они ее защитили и не выдали на верную смерть. Тогда посланный заверил ее, что ей ничто не грозит, и поклялся жизнью, что никакого зла ей не причинят. Видя, что сопротивление все равно бесполезно, она ухватилась за руку камердинера и сказала:

— Если уж так суждено, веди меня, несчастную, на смерть!

И камердинер приволок ее, еле живую, к своему господину. Там обезумевшая от отчаяния женщина упала к ногам супруга и стала громко его молить:

— Сеньер мой, пощадите меня — и клянусь вам святою верой, что я ничего от вас не утаю!

Он же в ярости своей и в отчаянии закричал:

— Я не я буду, если ты мне теперь не расскажешь всего! — и выгнал вон всех слуг. Зная, сколь благочестива его жена, он был вполне уверен, что, поклявшись на кресте, она откроет ему всю правду. Поэтому он велел принести большое распятие, которое висело у него в доме, и, как только они остались с глазу на глаз с женою, заставил ее поклясться перед этим распятием, что будет говорить только правду. Она же успела немного успокоиться и, собравшись с силами, стала думать о том, чтобы, рассказав перед смертью всю правду, не причинить этим никаких неприятностей тому, кого она так любила. И, внимательно выслушав все его вопросы, она ответила:

— Сеньер мой, я не могу перед вами оправдываться и приуменьшать ту любовь, которую я возгорелась к этому дворянину и которая не укрылась от ваших глаз; ведь если бы я стала это делать, вы все равно бы мне не поверили, да и как вы могли бы мне верить после того, в чем убедилась сегодня. Я хочу только рассказать вам, как все это случилось. Знайте, сеньер мой, что ни одна женщина не любила так своего супруга, как я вас. С тех пор как я стала вашей женой, и до самых последних лет в сердце моем не было места ни для кого — в нем была лишь любовь к вам. Вы знаете, что, когда я была еще совсем девочкой, родители мои хотели выдать меня замуж за человека богаче вас и знатнее вас родом, но достаточно мне было один раз только увидеть вас и поговорить с вами, как согласия моего на этот брак они уже никогда не смогли добиться; вопреки их желанию, я твердо решила стать вашей женой, и мне не было дела ни до бедности вашей, ни до всех возражений, которые от них я тогда услышала. И вы не можете не помнить, как дурно вы обращались со мною совсем еще недавно, — ведь за все это время я не встретила в вас даже простого уважения, не говоря уже о любви. И все это ввергло меня в такое горе и в такую тоску, что если бы не участие госпожи, которой вы меня поручили, я, вероятно, дошла бы до полного безумия. Но в конце концов, когда я увидела, что все находят меня вполне созревшей женщиной, и притом женщиною красивой, и относятся ко мне с большим уважением — все, кроме вас одного, кто ничего этого не хочет видеть, — любовь, которую я питала к вам, превратилась в ненависть, смиренное послушание мое — в жажду мести. И вот, когда я пребывала в таком отчаянии, судьба столкнула меня с известным вам вельможей, но он оказался человеком малодушным: приказание короля заглушило в нем голос сердца, и он покинул меня тогда, когда я стала находить истинное утешение в чистой любви. А потом я встретила этого дворянина, и ему не пришлось меня долго упрашивать. Он ведь статен, обходителен, благороден, и добродетели его были столь велики, что он по праву заслужил к себе расположение достойнейших женщин. Я первая влюбилась в него, и он ответил мне любовью, в которой было столько неподдельного благородства, что ни разу в жизни он не потребовал от меня ничего, что могло бы хоть сколько-нибудь запятнать мою честь. И несмотря на то, что моя к вам любовь исчезла почти бесследно и у меня были веские причины больше не верить вам и не оставаться вам верной женою, любовь к господину нашему и честь моя уберегли меня от измены и теперь мне не в чем каяться пе-

ред вами и нечего больше стыдиться. Я не стану отрицать, что всякий раз, когда к тому представлялся случай, у нас были свидания с ним в гардеробной, куда я удалялась, сказав, что иду молиться. Тогда ни одна душа об этом не знала. Не скрою и того, что, находясь с ним вдвоем в месте столь уединенном, так, что никто не мог меня ни в чем заподозрить, я целовала его горячее, чем вас. Но клянусь вам самим господом, что большего между нами ничего не было, что он никогда на том не настаивал и сердце мое не требовало другого. Радость моя от того, что я вижу его, была так велика, что всякая мысль о каком-то другом наслаждении была чужда мне. Неужели же вы, сеньер мой, будучи единственным виновником моего несчастья, захотите теперь отомстить мне за легкомыслие, пример которого вы же сами мне подали, причем, в отличие от меня, вас не сдерживали ни совесть, ни честь? Мне ведь доподлинно известно, что та, кого вы любите, не довольствуется тем, что дозволено богом и разумом. Если закон людской клеймит позором женщин, забывших свой долг перед мужем, то разве божий закон не осуждает не меньше и мужей, которые изменяют женам? А что, если взвесить мое поведение и ваше? Вы настолько старше меня, разумнее и опытнее, что могли бы избежать искушения, я же со своей молодостью и неопытностью не могла противостоять силе любви. Я была вам верной женой, благоговела перед вами и любила вас больше жизни, а вы платили мне за все пренебрежением и неприязнью — вы обращались со мною хуже, чем с самой нерадивой служанкой. Вы полюбили женщину, которая старше меня, не так хороша собой, как я. Я же полюбила человека, который моложе вас, красивее и обходительнее. Вы любите жену одного из самых близких друзей, какие только есть у вас на этом свете, и возлюбленную вашего повелителя, оскорбляя тем самым дружеские чувства, которые вы питаете к одному, и то уважение, которое вы должны испытывать к ним обоим, а человек, которого люблю я, свободен и если чем-нибудь связан, то только своей любовью ко мне. Судите же сами, кто из нас заслуживает кары и кто — снисхождения: вы ли, человек разумный и опытный, который без всякого к тому повода с моей стороны вел себя так низко, и не со мною одной, но даже и с самим королем — а ведь вы ему стольким обязаны, — или я, молодая неопытная женщина, униженная и презренная вами, которую полюбил благороднейший и красивейший из всех дворян Франции и которая его полюбила, после того как вы же сами повергли меня в отчаяние, лишив последней надежды на вашу любовь?

Муж ее, услышав эти справедливые укоры, которые его красавица жена высказала ему сейчас так решительно и смело, как могла сделать только женщина, убежденная в своей невинности, растерялся. И единственное, что он мог возразить ей,— это то, что в вопросах чести к мужчине и к женщине нельзя подходить с одной и той же меркой. Но так как она ему поклялась, что между ней и молодым дворянином не было никакого греха, он сменил гнев на милость и, взяв с нее еще одно обещание никогда больше с ним не встречаться и не вспоминать обо всем, что было, последовал за нею в опочивальню, где они спокойно улеглись спать.

Наутро пожилая служанка, которая не на шутку опасалась за жизнь своей госпожи, пришла к ней и спросила:

— Как вы себя чувствуете, ваша милость?

— Право, дорогая,— ответила та,— лучше моего мужа нет никого на свете,— представь себе, он ведь поверил моей клятве.

Так прошло еще пять или шесть дней, в продолжение которых муж денно и ночью следил за женой, ни на шаг от нее не отходя. Но и в эти дни она все-таки ухитрилась поговорить со своим возлюбленным в очень укромном и необычном месте. И она проделала все это так искусно, что ни одна душа не могла ни о чем догадаться. Но по дому прошел все же слух, что один из лакеев застал какого-то дворянина с дамой в темном стойле, находившемся как раз под комнатой, где жила знатная покровительница. Как только муж об этом проведал, последние сомнения его рассеялись,— он решил, что убьет оскорбившего его человека, и собрал всю свою многочисленную родню и всех друзей, прося их помочь ему отомстить обидчику. Но самый высокопоставленный из его родственников оказался большим другом этого дворянина и, вместо того чтобы участвовать в облаве, осторожно уведомил приятеля о том, что ему угрожает. Впрочем, дворянин этот пользовался такой любовью при дворе и его так берегли, что он мог не бояться врагов. Но однажды он отправился в церковь,— он хотел увидеться там со знатной покровительницей своей возлюбленной, которая ни о чем не знала, ибо в ее присутствии влюбленные никогда не встречались. Дворянин рассказал ей о подозрениях оскорбленного мужа и о тайном замысле, который тот собрался привести в исполнение. Он добавил также, что, хоть он ни в чем не повинен, он все же решил отправиться куда-нибудь в дальнее путешествие, чтобы положить конец распространившимся слухам. Почтенную даму рассказ этот крайне изумил, и она решила, что муж жестоко ошибся, заподозрив добродетель-

нейшую из женщин, которая в ее глазах не заслуживала этих упреков и была выше всех подозрений. Но, памятуя о решении, которое принял муж, и для того чтобы рассеять неприятные слухи, дама посоветовала юноше на некоторое время уехать, в то же время убедив его, что сама не верит всем этим глупым рассказам. После чего дворянин и его возлюбленная явились к ней уже вместе, обрадованные тем, что она так расположена к ним обоим и такого хорошего о них мнения. И тогда знатная покровительница убедила молодого человека перед отъездом все же поговорить с оскорбленным супругом, и тот решил последовать ее совету. И в дворцовой галерее, возле королевских покоев, он встретился с ним. Сохраняя полное спокойствие и со всей приличествующей его положению учтивостью, он сказал:

— Сеньер мой, всю жизнь я стремился чем-нибудь услужить вам. И что же я слышу: вы, оказывается, разыскивали меня вчера для того, чтобы убить. Прошу вас, сеньер мой, подумайте о том, что, хотя у вас и больше славы и могущества, чем у меня, я в конечном счете такой же дворянин, как и вы. И знайте, я не хочу лишаться жизни из-за какого-то пустяка. Прошу вас, опомнитесь, подумайте о том, сколь добродетельна ваша супруга. Ведь если найдется хоть один человек на свете, который посмел бы с этим не согласиться, я первый скажу ему в лицо, что он нагло лжет. А что касается меня, то, уверяю вас, я не совершил ничего такого, за что вы должны были бы хотеть мне зла. И если вы пожелаете, я готов быть вашим слугой, но во всяком случае помните, что я верный слуга короля, чем я премного доволен.

Выслушав его, муж ответил ему, что у него действительно возникло подозрение, но что он считает его человеком вполне порядочным и хотел бы жить с ним в дружбе, а не во вражде. И, прощаясь с ним, он снял шляпу и обнял его, как близкого друга. Можете себе представить, что стали говорить те, кому еще накануне было поручено убить его, при виде таких свидетельств взаимной дружбы. Молодой дворянин пустился в путь, а так как денег у него было очень мало, дама дала ему кольцо, подаренное ей мужем и стоявшее три тысячи экю, и он заложил его за полторы тысячи.

Спустя некоторое время после его отъезда муж пришел к знатной даме, под покровительством которой находилась его жена, и стал просить, чтобы та разрешила жене его поехать к одной из его сестер. Та сочла его просьбу очень странной и попросила его объяснить, зачем ему это понадобилось.

Муж привел какие-то доводы, но удовлетворить ее они не могли. После чего молодая женщина простилась со своей покровительницей и со всем двором и без слез и сожалений отправилась туда, куда ее послал муж, поручивший ее попечению одного дворянина, которому было велено зорко за ней следить и паче всего не допускать, чтобы она могла где-нибудь на пути увидаться и говорить со своим бывшим возлюбленным. Жена же его, хорошо осведомленная об этом распоряжении, не давала покоя своим провожатым и насмеялась над ними, говоря, что они плохо ее охраняют. И вот однажды поутру она повстречала монаха верхом на лошади и до самого вечера ехала с ним рядом на своем иноходце и много с ним разговаривала. И когда им оставалось не более четверти мили до места ночлега, она сказала:

— Святой отец, за то утешение, которое вы мне дали сегодня, вот вам два экю, я завернула их в бумагу, так как знаю, что иначе вы не возьмете их в руки. И прошу вас, как только вы расстанетесь со мной, поезжайте не дорогой, а напрямик полем, и остерегайтесь, чтобы спутники мои вас не увидели. Я очень признательна вам и не хочу, чтобы вы подвергли себя опасности.

Монах, довольный тем, что получил от нее два экю, галопом понесся по полю. А когда он был уже очень далеко, дама громко сказала своим провожатым:

— Хорошо, значит, вы меня стережете, если тот, кого вам более всего велено опасаться, мог сегодня с утра до вечера преспокойно разговаривать со мною, а вы ничего даже и не заметили! Не платы вы заслужили от своего господина, а палки.

Когда охранявший даму дворянин услышал подобные речи, он был так огорчен, что не нашел даже, что ей ответить. Он прищипорил коня и в сопровождении двух слуг погнался за монахом, который, заметив приближающуюся погоню, понесся во весь опор, пытаясь скрыться. Но лошади у них были лучше, и они догнали несчастного. Он же, неизвестно по какой причине, стал молить о пощаде. И только когда он откинул капюшон и обнажил голову, чтобы молить их с еще большим смирением, они сообразили, что это совсем не тот, кого им следовало искать, и что госпожа их посмеялась над ними. А когда они все вернулись ни с чем, она стала потешаться еще больше и сказала:

— И это еще называется оберегать даму: сначала они позволяют ей разговаривать неизвестно с кем, а потом, поверив всему, что она им наболтала, понапрасну срамят служителей церкви.

И так вот, развлекаясь разными шутками, она доехала до места, куда приказал ей отправиться ее супруг, и жившие там две его сестры, из которых одна была замужем, стали содержать ее в большой строгости. В это время муж узнал, что кольцо, которое он подарил жене, было заложено за тысячу пятьсот экю и это очень его огорчило. И, чтобы спасти честь жены и выручить кольцо, он через своих сестер велел ей взять это кольцо обратно, сказав, что он сам за него заплатит. Ее же это несколько не тревожило, ибо она знала, что деньги достались тому, кто был ей всего дороже на свете. Но когда муж стал выпытывать у нее, куда девался его подарок, она написала своему возлюбленному, прося его возвратить кольцо, а чтобы тот не подумал, что чувства ее к нему изменились, послала ему алмаз, который ей подарила ее знатная покровительница и который она любила больше, чем это кольцо. Возлюбленный ее тут же прислал ей расписку ростовщика и остался очень доволен тем, что получил и полторы тысячи экю и алмаз в придачу, а главное — подтверждение того, что дама по-прежнему его любит, хотя, пока был жив ее муж, ему так и не удалось ее больше увидеть и они могли только посылать друг другу письма. Когда же муж ее умер, он поехал к ней и, надеясь, что чувства ее неизменны, стал настойчиво уговаривать ее выйти за него замуж. Но оказалось, что за время его долгого отсутствия она повстречалась с человеком, которого полюбила еще больше. Несчастный был так удручен этим, что начал избегать женского общества и пристрастился к опасным походам. И он погиб, мужественно и благородно завершив свои дни.

— Так знайте, благородные дамы, что я отнюдь не хочу быть чрезмерно снисходительной к нашему полу. Я просто хотела рассказать эту историю мужчинам, и пусть они знают, что даже в женщинах, у которых доброе сердце, жажда мести чаще всего одерживает верх над скорбью, вызванной неразделенной любовью. Дама эта долго боролась со своим чувством, но в конце концов предалась отчаянию. Но ни одна добродетельная женщина не должна этому поддаваться — можно ли чем бы то ни было оправдать дурные поступки! И чем больше ты искушение, которое одолевает нас, тем добродетельнее нам следует быть, чтобы мы могли претворить это зло в добро, а отнюдь не платить злом за зло, ведь очень часто случается, что, роя другому яму, мы попадаем в нее сами. Счастливы те, кого господь наградил целомудрием, кротостью и чистотой душевной!

— По-моему, Лонгарина, дама, о которой вы нам рассказали,— воскликнул Ирман,— в поступках своих руководилась не столько любовью, сколько досадой и гневом, ведь если бы она действительно любила этого дворянина так, как она делала вид, что любит, она ни за что бы не покинула его ради кого-то другого; поэтому ее с полным на то основанием можно назвать самолюбивой, мстительной, упрямой и непостоянной.

— Вам легко так говорить,— возразила Эннасюита,— но вы не представляете себе, что значит любить, когда не отвечают взаимностью!

— Сказать по правде,— ответил Ирман,— мне этого никогда не приходилось испытывать,— если бы та, кого я любил, хоть немного изменила свое отношение ко мне, я, не раздумывая, расстался бы и с этой дамой и с самою любовью.

— Ну, от вас-то, конечно, этого можно ждать,— сказала Парламанта,— вы любите только свое удовольствие, но порядочная женщина не должна так вести себя по отношению к мужу.

— Что бы там ни было, героиня этого рассказа, должно быть, на некоторое время забыла о том, что она женщина,— воскликнул Симонто.— Да и среди мужчин мало кто мог бы изобрести подобную месть!

— Если среди женщин нашлась одна, которая поступила столь опрометчиво, то это вовсе не значит, что таковы и все остальные,— сказала Уазиль.

— Во всяком случае, все вы прежде всего женщины,— воскликнул Сафредан,— и в какие бы наряды вы ни рядились, прикидываясь образцами целомудрия и чести,— тот, кто сумеет залезть к вам под юбку, убедится, что все вы одинаковы.

— Если мы будем слушать вас,— вступилась Номерфида,— то весь день у нас пройдет в спорах. А мне не терпится выслушать еще один рассказ, и я прошу вас, Лонгарина, передать кому-нибудь слово.

Лонгарина взглянула на Жебюрона и сказала:

— Если вы можете рассказать нам о какой-нибудь добродетельной женщине, прошу вас, приступайте к рассказу.

— Раз уж этого нельзя избежать,— ответил Жебюрон,— то я расскажу вам одну историю, которая произошла в Милане.

НОВЕЛЛА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Одна миланская дама, вдова итальянского графа, решила, что она никогда больше не выйдет замуж и не сможет уже никого полюбить. Тем не менее некий молодой француз в течение трех лет настойчиво добивался ее расположения. И вот в конце концов, после того как она не раз имела случай убедиться в искренности его чувства, вдова снизошла к его ласкам, и оба поклялись друг другу в вечной любви.

Во времена правления главнокомандующего Шомона в Милане жила некая дама, которая славилась своей добродетелью. Она была замужем за одним итальянским графом, а после того как овдовела, жила в доме братьев мужа и даже не помышляла о вторичном замужестве. И вела она такую скромную и благочестивую жизнь, что во всем герцогстве не было ни одного француза и ни одного итальянца, который бы не относился к ней с превеликим уважением. Но однажды, когда братья и сестры ее мужа устроили бал в честь Шомона, молодой вдове пришлось нарушить свои правила и присутствовать на этом балу. И когда французы увидели ее, то все они пришли в восхищение от ее красоты и скромности, особенно же один из них, имени которого я не назову, а скажу только, что он был наделен такой красотой и таким благородством, что никто из находившихся в Италии французов не мог с ним соперничать. Он сразу же обратил внимание на одетую в траур даму, которая, вместо того чтобы развлекаться вместе со своими сверстницами, сидела поодаль в обществе старушек. Будучи человеком смелым, он подошел к ней и, вступив с нею в разговор, снял маску и не стал больше танцевать, чтобы провести все это время с той, которая ему так понравилась. И весь вечер он проговорил с ней и с пожилыми дамами, в кругу которых она сидела, и получил от этого больше удовольствия, чем от болтовни с веселившейся молодежью. Когда же настала пора расходиться, то он только диву дался, как незаметно пролетело время. И хотя разговор между ними шел, как это обычно и водится, о вещах ничего не значащих, она прекрасно поняла, что он возгорелся желанием ее видеть, и тут же решила, что этого ни за что не допустит. И после этого вечера ни на каких празднествах он ее уже не встречал. Француз, однако, постарался разузнать, какой образ жизни она ведет, и выведал, что она регулярно ходит в церковь и нередко даже посещает монастыри. И он стал так внимательно следить за нею, что всякий раз, как только она отправлялась слушать мессу, она заставляла его в церкви, где до конца службы он

не сводил с нее глаз. А глядел он на нее с таким обожанием и с таким восторгом, что даме этой не приходилось сомневаться, что он ее действительно любит. Тогда, чтобы избежать новых встреч, она сказалась больно и в течение многих дней не выходила, а мессу слушала у себя дома. Француз был этим очень огорчен, ибо для него это была единственная возможность ее увидеть. Наконец, решив, что, может быть, ему уже наскучило ходить за ней следом, дама стала снова появляться в церкви. От француза это не укрылось, и, побуждаемый любовью, он стал опять пользоваться каждым случаем, чтобы ее увидеть. И вот, боясь, как бы что-нибудь снова не помешало ему встретить ее и открыться в своей любви, ибо иначе он так бы и не узнал ее ответа, однажды утром, когда она молилась в укромном углу капеллы и была уверена, что ее никто не видит, он подкрался потихоньку и, убедившись, что около нее никого нет, выждал минуту, когда священник вышел со святыми дарами, повернулся к ней и голосом нежным и ласковым произнес:

— Сударыня, беру в свидетели того, к кому сейчас взывает святой отец, что жизнь моя и смерть в ваших руках. Ведь, даже если вы мне не дадите возможности объясниться, вы все равно не можете не узнать всей правды, вы легко прочтете ее в моих истомленных глазах, на моем высохшем от печали лице.

Дама, делая вид, что ничего не понимает, ответила ему:

— Не следует призывать господу всуе, как делаете вы; поэты же говорят, что боги смеются над всеми клятвами и над ложью влюбленных; поэтому женщины, которым дорога их честь, не должны быть ни слишком легковверны, ни слишком жалостливы.

С этими словами она поднялась с места и покинула церковь.

Все, кому приходилось испытывать нечто подобное, поймут, как эти слова должны были огорчить молодого француза. Но он был человеком храбрым и решил, что лучше уж получить суровый отказ, чем так таить свои чувства. А любовь его была неизменна — в течение трех лет он писал ей все время письма и старался увидеть ее, где только мог. И все эти три года он не получал другого ответа, и она всякий раз старалась убежать от него, как заяц бежит от борзой, которая за ним гонится. И делала она это вовсе не из неприязни к нему, но оттого, что боялась за свою честь и за свое доброе имя. Заметив это, он стал преследовать ее еще пуще прежнего. Наконец, после стольких отказов, отчаяния и горчайших мук, видя, как он настойчив и до чего

велика его любовь к ней, дама эта сжалилась над ним, и он получил от нее все то, чего добивался так упорно и долго. И когда они пришли к обоюдному согласию, молодой француз отважился войти в ее дом, несмотря на то, что это было делом рискованным, ибо жила она вместе со всей родней своего покойного мужа. Но он был столь же хитер, сколь и красив, и очень осторожно пробрался в назначенный час в ее спальню, где она лежала на пышной постели. Молодой человек поспешно разделся, чтобы лечь туда вместе с ней. В это время за дверями послышались приглушенные голоса и бряцание шпаг. Побледнев от страха и вся дрожа, дама шепнула ему:

— Берегитесь, жизнь ваша и моя честь в большой опасности; это вернулись братья мужа, и теперь они ищут вас, чтобы убить! Умоляю вас, полезайте сию же минуту под кровать, и тогда, если они не найдут вас, я потребую от них ответа за весь этот шум и беспокойство, которое они мне причинили.

Молодой человек, который был не из пугливых, спросил:

— Почему это я должен бояться братьев вашего мужа? Пусть хоть вся семья соберется здесь, я уверен, что больше трех раз мне не придется братья за шпагу. Поэтому лежите спокойно и позвольте мне охранять эту дверь.

Он накрутил на руку плащ и, обнажив шпагу, тотчас же кинулся к двери, чтобы увидеть, кто это бряцает там оружием. Оказалось, что это всего-навсего две служанки и у каждой по две шпаги в руке. Они-то и подняли весь этот шум. Девушки взмолились:

— Простите нас, ваша милость, мы только выполняли распоряжение госпожи, и, поверьте, мы вас больше ничем не побеспокоим.

Увидав, что это женщины, молодой человек мог только послать им тысячу проклятий и перед носом у них захлопнул дверь. После чего он устремился к своей возлюбленной, которую страх не отвлек от страсти, и улегся с нею в постель. И, торопясь удовлетворить свое желание, он даже забыл спросить ее, чего ради она пустилась на такие проделки. Но, когда уже стало светать, он все же захотел узнать, почему она так дурно с ним обращалась, сначала заставив его столько лет себя ждать, а потом сыграв с ним такую злую шутку. Тогда она рассмеялась и сказала:

— С тех пор как я овдовела, я решила, что никого уже больше не полюблю, и все эти годы не нарушила данного себе самой обета. Но с того дня, как я познакомилась с вами

на этом празднестве и увидела, какой вы благородный человек, все изменилось, и я полюбила вас не меньше, чем вы меня. Однако честь моя, которая всегда была мне дороже жизни, держала мои чувства в узде и не давала мне сделать ничего такого, от чего бы могло пострадать мое доброе имя. И вот, подобно тому как раненная насмерть лань перебегает с места на место, думая, что она этим облегчит свою боль, так и я из одной церкви убегала в другую, чтобы только не видеть того, чей образ жил в моем сердце и чье чувство ко мне было столь высоким, что честь моя ничем не могла быть запятнана. Для того чтобы окончательно убедиться в том, что сердце мое и любовь принадлежат вполне достойному человеку, я и устроила вам последнее испытание, велел служанкам моим учинить этот шум. И могу вас уверить, что если бы только, испугавшись за свою жизнь, вы решили спрятаться у меня под кроватью, я бы немедленно поднялась и удалилась в другую комнату и вы никогда бы больше меня не увидели. Но коль скоро вы превзошли все мои ожидания и все, что мне говорили о вашем обаянии, красоте и доблести, и страх не возымел ни малейшей власти над вашим сердцем и нисколько не остудил любовь, которую вы ко мне питали, я решила быть вашей до конца моих дней, ибо знаю, что мне не найти более надежной руки, которой я могла бы вверить и жизнь и честь, и более достойного человека я никогда не встречу.

И, как если бы воля человека была непоколебима, оба они поклялись в том, что вовсе не было в их власти: в вечной любви, которая, вообще-то говоря, неспособна ни зародиться, ни пребывать в сердце мужчины. Но только те из вас, благородные дамы, кому удалось испытать на собственном опыте лживость подобных клятв, знают, как недолго она обычно длится!

— Итак, благородные дамы, если вы достаточно благо-разумны, вы непременно будете остерегаться нас, как олень, если бы у него был разум, всегда стал бы остерегаться охотника. Ведь вся наша слава, все наше счастье и наше удовлетворение собой зиждятся на том, чтобы овладеть вами и отнять у вас то, что самим вам дороже жизни.

— Что я слышу, Жебюрон, давно ли это вы сделали проповедником? — воскликнул Иркиан. — Не вы ли утверждали всегда совершенно противоположные вещи?

— Вы правы, — ответил Жебюрон, — всю свою жизнь я думал иначе, но так как зубы мои стали теперь слабее и мне

не разжевать ими лакомою дичи, я хочу всего-навсего предупредить бедных ланей, чтобы они остерегались охотников, и, может быть, этим мне удастся хоть на старости лет искупить те беды, которые я готов был им причинить в молодые годы.

— Спасибо, Жебюрон, за то, что вы заблаговременно нас об этом предупредили,— сказала Номерфида,— но мы не очень-то вам верим: вы ведь, верно, ни разу не обращались с подобными речами к тем, кого вы любили; это означает только, что у вас нет ни малейшего интереса к нам, и больше того — вы даже не хотите, чтобы кто-нибудь нас полюбил. А мы, однако, считаем себя такими же добродетельными и скромными, как те, за кем вы гонялись в дни вашей молодости. Но старики ведь привыкли думать, что они всегда умнее, чем поколение, которое идет им на смену.

— А скажите-ка, Номерфида,— воскликнул Жебюрон,— когда кто-нибудь из ваших поклонников обманет вас и заставит испытать на себе коварство мужчин, согласитесь вы тогда со мной или нет?

— Мне кажется,— сказала Уазиль,— что этого молодого дворянина, которого вы так расхваливали за его храбрость, следовало бы скорее похвалить за его неистовую любовь, а ведь это такая сила, что даже трусливейший из людей, если он одержим ею, способен совершить то, что заставит призадуматься самого отменного храбреца.

— Госпожа моя,— возразил ей Сафредан,— может быть, и в самом деле он испытал бы страх, если бы не считал, что от итальянцев можно ожидать каких угодно слов, но никак не дел.

— Нет,— ответила Уазиль,— он испугался бы, если бы в сердце его не горел тот огонь, который способен испепелить всякий страх.

— Коль скоро вы не считаете храбрость этого человека достойной похвалы,— сказал Иркиан,— вы, вероятно, знаете кого-нибудь другого, который ее более достоин.

— Я нахожу, что похвалу эту он вполне заслужил,— сказала Уазиль,— но я действительно знаю пример еще более удивительный.

— Если это так,— сказал Жебюрон,— умоляю вас, займите скорее мое место и расскажите нам эту историю.

— Коли вы так расхваливаете храбреца, который готов был кинуться на миланцев, защищая свою жизнь и честь своей дамы,— начала Уазиль,— то что же вы скажете о том, кто без всякой к тому нужды и единственно лишь из самой подлинной беззаветной храбрости совершил поступок, о котором я вам сейчас расскажу.

НОВЕЛЛА СЕМНАДЦАТАЯ

Король Франциск, вместо того чтобы изгнать из своего королевства графа Вильгельма — про которого ходили слухи, что он подкуплен, чтобы отравить короля, — не показал виду, что в чем-либо его подозревает, и сумел сделать так, что тот сам покинул пределы страны.

В городе Дижоне, в герцогстве Бургундском, на службу к королю Франциску поступил немецкий граф из Саксонского рода, с которым род Савойский был тесно связан кровными узами, ибо некогда оба этих рода были одним. Молодой граф был человеком очень красивым и храбрым, и во Франции его приняли хорошо. Король не только взял его на службу, но даже до такой степени приблизил к себе, что тот стал постоянно пребывать в королевских покоях. Сеньер де ля Тремойль, губернатор Бургундии, который ранее был при дворе и долгие годы ревностно служил королю, оберегая безопасность своего повелителя и храня его от всякого зла, тщательно следил за всем, что творилось в его владениях, но делал это чрезвычайно искусно и осторожно. И вот среди прочих донесений сеньер этот получил письмо от одного из своих друзей, в котором тот уведомлял его, что графу Вильгельму вручили немалую сумму денег и обещали, что заплатят еще того больше, ежели ему удастся тем или иным способом умертвить короля. Сеньер де ля Тремойль не преминул тут же известить об этом своего господина, короля, не скрыв этого известия и от королевы-матери, Луизы Савойской, которая, хоть граф и приходился ей близким родственником, обратилась к королю с просьбой незамедлительно изгнать его из пределов Франции. Король же попросил свою мать никому не говорить о том, что она узнала, сказав, что не допускает мысли, чтобы человек столь благородный и честный был способен на подобное преступление. Но через некоторое время пришли другие сведения, которые только подтвердили все, что раньше было известно. И губернатор Бургундии, исполненный любви к своему господину, стал просить короля, чтобы тот разрешил ему изгнать графа или отдал сам об этом приказ. Однако король не велел ему ничего предпринимать, решив, что другим путем дознается правды.

Однажды, отправившись на охоту, он взял лучшую из имевшихся у него шпаг и пригласил с собою графа Вильгельма, сказав ему, чтобы тот не отходил от него ни на шаг. Преследуя оленя, король удалился от остальной своей свиты и, оставшись вдвоем с графом, свернул с дороги и углубился

в лес. И когда он убедился, что никого, кроме них двоих, там нет, он обнажил шпагу и спросил своего спутника:

— Ну, как вам нравится эта шпага? Хороша, не правда ли?

Граф потрогал лезвие и ответил, что такой отличной шпаги ему никогда не доводилось видеть.

— Вы правы, — сказал король, — и мне кажется, что если бы какой-либо дворянин решился убить меня и если бы знал, сколько силы в моей руке и мужества в моем сердце, да к тому же увидел, какое отличное у меня оружие, он подумал бы не раз, прежде чем на меня напасть. И все же он был бы самым последним трусом, если, оставшись со мною с глазу на глаз, он не решился бы привести свой замысел в исполнение.

На это граф Вильгельм с удивлением ответил:

— Ваше величество, человек этот был бы не только подлым злодеем, но к тому же еще и совершенным безумцем.

Король рассмеялся, вложил шпагу в ножны и, услышав голоса охотников, пришпорил лошадь и поспешил присоединиться к ним. Вернувшись, он никому не стал рассказывать об их разговоре, сам же пришел к убеждению, что графу Вильгельму, несмотря на то, что это человек на редкость крепкий и ловкий, столь трудное дело все же не по плечу. А граф, чувствуя, что замысел его раскрыт и его подозревают, пришел к Робертэ, королевскому казначею, и объявил ему, что, подсчитав, какое годовое жалованье ему назначил король, он видит, что этих денег ему не хватит и на полгода, — и, если королю не будет угодно положить ему вдвое больше, он вынужден будет оставить королевскую службу. И он попросил, чтобы Робертэ возможно скорее сообщил ему решение короля, сказав, что в случае его отказа он немедленно же уедет. Тот охотно взялся выполнить его просьбу, ибо уже знал о донесениях губернатора. И наутро, как только король проснулся, Робертэ изложил ему просьбу графа в присутствии де ля Тремойля и адмирала Бониве, которые ничего не знали о том, как хитро повел себя с ним накануне король. И, обращаясь к ним обоим, король рассмеялся и сказал:

— Вы предлагали изгнать из Франции графа Вильгельма, но вы видите — он сам себя изгоняет. Извольте же сказать ему, что, коль скоро он перестал быть довольным тем жалованьем, которое я ему плачу, — а ведь он на это жалованье согласился, когда поступал ко мне на службу, и к тому же люди из самых знатных домов всегда им бывали довольны, — он, должно быть, задумал искать счастья

где-нибудь в другом месте. И я не стану препятствовать ему в этом, а напротив — буду очень рад, если он найдет себе где-либо другую должность, такую, какой он заслуживает.

Робертэ незамедлительно сообщил графу о решении короля. Граф ответил, что теперь, с соизволения короля, он может покинуть страну. Страх, который он испытывал, подстегивал его; опасаясь за свою жизнь, он решил не откладывать свой отъезд до следующего дня. Он явился к королю, как только тот сел обедать, и простился с ним, притворившись, что горько сожалеет о том, что ему приходится покидать французский двор. Точно так же простился он и с королевой-матерью, которая проводила его столь же приветливо, как и встретила — он ведь приходился ей близким родственником, — и после этого вернулся к себе на родину. А король, видя, что мать его и все придворные крайне изумлены столь поспешным отъездом графа, рассказал им, какой разговор у него с ним был на охоте, добавив к этому, что, если бы тот не чувствовал за собою никакой вины, страх его не был бы столь велик и он не покинул бы так стремительно своего государя, чей нрав он еще не успел узнать.

— Что до меня, благородные дамы, то я думаю, что если король отважился на это объяснение с глазу на глаз в лесной чаще и не стал говорить с графом во дворце и в присутствии свиты, где ни один из подданных не осмелился бы вызвать своего государя на поединок, то сделал он это лишь для того, чтобы встретиться с ним как равный с равным, дабы человек этот, в котором он заподозрил врага, мог убедиться в его великодушии и отваге.

— И не приходится сомневаться, что он был прав, — сказала Парламанта, — ибо похвалы людей не могут столь удовлетворить достойное сердце, как знание и опыт, которые человек приобретает благодаря добродетелям, ему дарованным богом.

— Еще ведь много лет тому назад, — возразил Жебюрон, — древние говорили, что в Храм Славы люди проходят через Храм Добродетели. Я вот лично знаю тех, о ком вы нам только что рассказывали, и должен сказать, что король Франции действительно один из самых отважных людей в нашей стране.

— Клянусь честью, — сказал Ирман, — когда граф Вильгельм прибыл во Францию, одна его шпага была, вероятно, опаснее, чем шпаги четырех самых смелых итальянцев, которые были когда-либо при дворе.

— Мы ведь это хорошо знаем,— сказала Эннасюита,— все и без того чтут короля, и наши похвалы, если мы даже посвятим им целый день, ничего не прибавят к его славе. Поэтому прошу вас, любезная госпожа Уазиль, предоставьте сейчас слово тому, кто бы мог рассказать нам еще что-нибудь хорошее о мужчинах, если это вообще возможно.

— Мне кажется, что вы так уж привыкли говорить плохо о женщинах,— сказала Уазиль, обращаясь к Иркану,— что вам не составит большого труда рассказать что-нибудь хорошее о мужчинах, и поэтому я хочу предоставить слово именно вам.

— Мне действительно будет нетрудно это сделать,— ответил Иркан,— не так давно еще мне рассказывали историю об одном дворянине. Любовь его, твердость и терпение были так велики и достойны такой похвалы, что я не хочу, чтобы люди о них забыли.

НОВЕЛЛА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Один молодой дворянин, изучавший науки, влюбился в некую красавицу и, чтобы добиться своей цели, сумел победить и чувства свои и самого себя, несмотря на то, что не раз подвергался искушению нарушить данный этой даме обет. И в награду за столь долгие муки он получил все, что заслужил своей твердой, терпеливой, достойной и совершенной любовью.

В одном из больших городов Франции жил некий сеньер из знатного рода, который изучал различные науки, стремясь постичь, что такое добродетель и честь и что должен делать человек, чтобы стать добродетельным. И уже к семнадцати-восемнадцати годам он так в этом преуспел, что мог служить примером для всех остальных. И тем не менее все его ученые занятия завершились уроком, который ему преподавал Амур. А для того чтобы упомянутый сеньер лучше всего этому уроку внял и его усвоил, Амур принял облик прекрасной дамы, которая приехала в этот город по какому-то делу. Но прежде чем бог любви успел покорить юношу красотой этой дамы, он овладел ее собственным сердцем, и дама пленилась достоинствами сего сеньера, а он был так хорош собою, так статен, так красноречив, что во всем этом ему не было равных. Вы ведь знаете, как быстро разгорается пламя, стоит ему только заняться в сердце и в воображении, поэтому вы поймете, что Амур не мог успокоиться, пока не соединил их обоих и не подчинил себе,

наполнив того и другого таким смятением, что все мысли их, и желания, и речи стали только пламенем, которое он в них зажег. А так как молодости свойственна робость, сеньер этот был очень медлителен и осторожен. Но дама была настолько полна любви и покорна ей, что никакой силы не требовалось. Однако стыд, присущий особам женского пола, какое-то время удерживал ее от того, чтобы высказать ему чувства свои и желания. Но в конце концов твердыня сердца ее, свято хранившая ее честь, не устояла, и дама эта согласилась не отказывать юноше в том, что давно уже было ему предназначено. Но, дабы испытать его терпение, твердость и любовь к ней, она заставила его выдержать тяжелое испытание и заверила его, что, если он окажется достаточно стойким, она будет любить его превеликой любовью, а если нет, то она никогда ему этого не простит. Он должен был лечь с ней в постель и не требовать от нее ничего, кроме поцелуев и нежных слов. Молодой человек, решив, что не может быть большей радости, чем та, которую она ему обещала, согласился на все. Настал вечер, и он с честью выдержал испытание, устояв против всех соблазнов, которыми она его искушала, и не нарушил ни в чем своей клятвы. И хотя он в душе и считал, что мука эта стоит всех мук чистилища,— так сильна была его любовь, так крепка надежда и он так твердо верил в то, что любовь эта, достоящаяся ему с таким трудом, будет длиться вечно, что выдержал все и встал с постели, ничем не потревожив своей любимой.

Даму же, как мне думается, поведение его не обрадовало, а скорее удивило: она сразу же заподозрила, что либо любовь его не столь уж велика, как ей казалось, либо он не нашел в ней того, что ожидал, и нимало не оценила ни его благородства, ни терпения, ни верности клятве. И вот, прежде чем выполнить свое обещание, она решила потребовать от него еще одного доказательства любви. Для этого она попросила его поговорить с ее компаньонкой, очень красивой девушкой, которая была моложе ее, и поухаживать за ней, чтобы те, кому часто приходилось встречать его у нее в доме, уверились, что он приходит туда ради этой девушки, а не ради нее самой. Молодой человек, будучи уверен, что она любит его так же сильно, как он, покорно согласился и из любви к ней стал ухаживать за этой девушкой. Ту же и красота его, и нежные речи совершенно пленили: притворство она приняла за чистую правду и горячо его полюбила, не сомневаясь в том, что и он ее любит. А когда дама увидела, что все у них зашло уже достаточно далеко, а молодой человек продолжает тем не менее требовать от нее обещанной

награды, она позволила ему прийти к ней в спальню в час пополуночи, сказав, что так долго испытывала его любовь и верность, что теперь хочет вознаградить его за все долготерпение. Можно себе представить, как обрадовался молодой человек. И он явился к ней точно в назначенный час. Но, чтобы еще раз испытать его любовь, дама эта сказала своей красавице компаньонке:

— Я знаю, как тебя любит этот сеньер; думаю, что и ты любишь его не меньше. И я так сочувствую вам обоим, что хочу предоставить вам возможность побыть подольше вдвоем и поговорить обо всем на досуге.

Бедная девушка была так счастлива, что не стала скрывать своей любви и ни за что не захотела упустить этот случай. И, послушав во всем совета дамы, она пошла к ней в спальню, разделась и улеглась там в мягкую постель. Дама же оставила дверь приоткрытой и зажгла светильник, так что всю красоту этой девушки при свете можно было легко разглядеть. А сама, вместо того чтобы уйти, незаметно спряталась за спинкой кровати. Бедный юноша, будучи вполне уверен, что увидит свою любимую, как та ему обещала, в назначенный час не преминул явиться и с большой осторожностью прокрался в спальню. Закрыв дверь, он разделся, снял свои меховые туфли и улегся в постель, где рассчитывал обрести желанное счастье. И не успел он протянуть руки, чтобы обнять ту, кого он считал своей возлюбленной, как девушка обвила ему шею руками, стала называть его самыми нежными именами, и красота ее была так велика, что ни один отшельник не устоял бы перед таким искушением. Но как только он узнал ее голос и увидел, кто с ним лежит в постели, — любовь, торопившая его поскорее лечь, заставила его столь же поспешно вскочить: рядом с ним была другая, а не та, из-за кого он столько выстрадал. И вот, негодуя в душе на свою возлюбленную и на эту девушку, он вскричал:

— Ни ваше безрассудство, ни коварство той, которая все это устроила, не заставят меня ни в чем изменить себе. А вам я посоветовал бы беречь вашу честь и доброе имя.

И с этими словами, вне себя от гнева, он вышел и с этого дня довольно долго не появлялся у своей дамы. Но так как Амур никогда не теряет надежды, он убедил влюбленного, что чем непреклонней тот станет и чем больше выдержит испытаний, тем радость потом будет полнее и долговечней. Дама же, когда она все это узнала, была так довольна и так восхищена его безмерной и стойкой любовью, что ей не терпелось поскорее увидеть его, чтобы получить у него прощение за тяготы, которые она заставила его вынести.

А встретившись с ним, она сказала ему так много доброго и хорошего, что он не только позабыл о пережитых им муках, но даже нашел их благотворными, ибо все они послужили к прославлению его стойкости и укрепили его любовь. И с этих пор уже без помех и препон он стал наслаждаться всеми радостями этой любви.

— Прошу вас, благородные дамы, назовите мне женщину, которая была бы так терпелива и тверда и так постоянна в своей любви, как этот мужчина. Тот, кто подвергался подобным искусам, согласится со мной, что искушения Святого Антония ничто в сравнении с ними, ибо тому, у кого хватило терпения, находясь в постели с женщиной, устоять перед соблазном красоты и любви и кто долгое время мог выдерживать этот иску, никакой дьявол уже не страшен.

— Очень жаль,— сказала Узиль,— что он не встретился с женщиной, равной ему по добродетели,— тогда это была бы самая совершенная на свете любовь.

— Но скажите,— спросил Жебюрон,— какое из этих двух испытаний, по-вашему, самое трудное?

— По-моему, последнее,— сказала Парламанта,— ибо труднее всего человеку бывает справиться с досадой и гневом.

На это Лонгарина возразила, что выдержать первое испытание было труднее, ибо для этого ему пришлось победить и любовь, и самого себя.

— Вы можете говорить что хотите,— вмешался Симонто,— но прежде всего об этом следовало бы спросить нас, мужчин, мы-то уж знаем, как это все бывает. Что касается меня, то я считаю, что в первый раз он повел себя как дурак, а во второй — как умалишенный. И я считаю, что вынести эти испытания ей самой было ничуть не легче, чем ему. Для чего она заставила его дать эту клятву? Не для того ли, чтобы показаться более добродетельной, чем она была в действительности? Разве она не знала, что настоящая любовь не признает никаких приказаний и никаких обетов? Но она хотела самый порок свой возвести в добродетель и потребовать, чтобы полюбивший ее стал героем. А вот во второй раз юноша этот просто сошел с ума, отвергнув ту, которая его действительно любила и которая красотой и благородством превосходила первую. И если бы он тогда не устоял, у него бы ведь было оправдание: его досада и гнев.

Но Дагусен сказал, что он с ним не согласен и что в первый раз сеньер этот показал себя человеком твердым, тер-

пеливым и благородным, а во второй раз — человеком верным и совершенным в любви.

— А кто может поручиться, — сказал Сафредан, — что он не был из числа тех, о которых говорится в главе *de frigidis et maleficatis*?¹ Но в довершение всех этих похвал Иркиан должен был рассказать нам, как этот сеньер вел себя тогда, когда он получил наконец от своей дамы все, чего домогался. Только тогда мы смогли бы судить, что было причиной его твердости — добродетель или обыкновенное бессилие.

— Можете быть уверены, — сказал Иркиан, — что, если бы он мне об этом сказал, я ничего бы от вас не скрыл. Но поглядели бы вы, какой это был здоровенный мужчина! Вот почему я считаю, что дело тут было в неимоверной силе любви, а никак не в том, что он оказался холоден или бессилеи.

— Ну, уж если он был действительно таким, как вы говорите, — воскликнул Симонто, — он свободно бы мог нарушить клятву. Ведь если бы даже дама эта разгневалась на него вначале, потом он легко бы ее успокоил.

— Откуда вы знаете, — сказала Эннасюита, — что она тогда этого хотела?

— И к тому же, — добавил Сафредан, — она ведь сама первая его раздражила, так неужели же у него не хватило бы силы, чтобы с ней справиться?

— Пресвятая дева Мария! — воскликнула Номерфида. — Какие гадости вы говорите! Разве так добиваются благосклонности женщины добродетельной и скромной?

— Мне кажется, — сказал Сафредан, — что самая большая честь, какую можно оказать женщине, если хочешь что-то от нее получить, — это взять ее силой, ведь даже самые никудышные привыкли упрямитесь и этим набивать себе цену. Есть еще и такие, к которым не сунешься без подарков. И есть просто дуры, которых не возьмешь ни подарками, ни хитростью. Тут уж приходится прибегать к иным способам. Ну, а когда имеешь дело с женщиной умной, которую обмануть нельзя, и такой добродетельной, что ни подарки, ни ласковые слова над ней не властны, тогда уж надо действовать любыми средствами, лишь бы добиться победы. И если вы услышите, что мужчина овладел женщиной силой, будьте уверены, что женщина эта лишила его всякой надежды. Поэтому никогда не считайте, что человек, который ради

¹ О холодных и околдованных (лат.).

любви способен рисковать жизнью, недостойн вашего уважения.

— Мне иной раз приходилось наблюдать, как крепости осаждали и брали силой,— со смехом сказал Жебюрон,— это бывало тогда, когда люди, защищавшие их, не поддавались ни на деньги, ни на какие угрозы. Говорят же, что начать переговоры — это уже наполовину выиграть сражение.

— Должно быть, всякая любовь основана именно на этом,— сказала Эннасюнта,— только есть же ведь на свете люди, которые любят так, что готовы терпеть и по натуре своей неспособны прибегнуть к силе.

— Если вы что-нибудь можете нам о них рассказать,— сказал Иркиан,— я уступаю вам место.

— Да, могу,— ответила Эннасюнта,— и охотно вам расскажу все, что об этом знаю.

НОВЕЛЛА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Полина, узнав, что человек, которого она страстно любила, как и он ее, после того как ему запретили встречаться с ней, удалился в монастырь обсервантов, отправилась в обитель Святой Клары, где и приняла монашество. Тем самым в образе жизни своем, положении и одежде она сравнялась с любимым.

Во времена маркиза Мантуанского, женатого на сестре герцога Феррарского, при дворе маркизы жила девушка по имени Полина. И вот один молодой дворянин, находившийся на службе у маркиза, так страстно ее полюбил, что все вокруг поражались этой великой любви, тем более что молодой человек этот был беден и все знали, что, воспользовавшись покровительством герцога, он мог бы найти себе жену побогаче. Но молодому дворянину казалось, что все сокровища мира — в одной Полине и что, женившись на ней, он станет их обладателем. Маркиза же, которой хотелось, чтобы Полина нашла себе богатого жениха, невзлюбила этого молодого человека и старалась всячески воспрепятствовать встречам влюбленных, твердя обоим, что, если они поженятся, участь их будет жалкой, ибо они будут самой бедной четой во всей Италии. Но молодой человек был далек от того, чтобы думать о деньгах. Что же касается Полины, то, хоть она и старалась скрыть от людей свое чувство, все мечты ее клонились к тому, чтобы соединить свою судьбу с тем, кто был ей дорог и мил. И они долго так любили друг друга, надеясь,

что время придет к ним на помощь. Но разразилась война, и этот дворянин попал в плен вместе с одним французом, так же, как и он, влюбленным. И, обнаружив, что они товарищи по несчастью, молодые люди стали поверять свои тайны друг другу, и француз признался тогда, что сердце его принадлежит одной девушке, но только не сказал, где она живет. Но так как оба они были на службе у маркиза Мантуанского, француз было отлично известно, что приятель его любит Полину. И, от души желая ему добра, он, как истый друг, уговаривал его не питать на этот счет напрасных надежд. Итальянец ответил, что это не в его власти и что, если в награду за честную службу и за страдания, которые он перенес в плену, маркиз Мантуанский не даст согласия на его брак с Полиной, он уйдет в монастырь, дабы служить одному только господу богу. Француз, однако, не придал никакого значения его словам, ибо не замечал в нем религиозного рвения и видел, что поклоняется он только одной Полине. Спустя девять месяцев француз освободился из плена, после чего при его же содействии освободился и его друг. И, вернувшись, француз тотчас же принялся упрашивать маркиза Мантуанского и его жену, чтобы те разрешили его приятелю жениться на Полине. Но старания его были напрасны. Они решительно противились этому браку, ссылаясь на бедность обоих влюбленных и нежелание родителей той и другой стороны. И кончилось тем, что они даже запретили несчастным встречаться, с тем чтобы оба, убедившись, что их надежды несбыточны, позабыли и о них и друг о друге.

Когда бедный юноша увидел, что ему остается только повиноваться, он попросил у маркиза разрешения попроситься с Полиной, обещав, что после этого дня он никогда уже не будет встречаться с нею. Ему это было разрешено, и тогда он сказал ей:

— Полина, коль скоро против нас ополчились земля и небо — и не только чтобы помешать нам сочетаться с вами браком, но, еще того хуже, чтобы не дать нам видеть и слышать друг друга, — и господа наши с такою строгостью запретили нам всякие встречи, теперь они могут быть счастливы тем, что жестоко ранили нас и что от ран этих нам уже никогда не оправиться. Они доказали этим, что сердцам их неведомы жалость и сострадание. Они хотят найти для нас обоих богатые партии и не ведают, что истинное богатство совсем не в этом. Но я испыл от них столько горя, страдания мои так велики, что отныне я уже более не могу служить им верой и правдой. Я уверен, что, если бы я не завел речи о женитьбе, они не были бы столь осмотрительны и не запре-

тили бы мне говорить с вами, а я продолжал бы уверять вас, что готов скорее умереть, чем изменить мое намерение к худшему, после того как я любил вас столь честно и праведною любовью: я не стал бы добиваться от вас того, что я хотел бы от всех отстоять. Но, если бы я по-прежнему видел вас, я не мог бы вынести это тяжкое искушение, а если бы перестал вас видеть, сердце мое не выдержало бы пустоты — оно исполнилось бы отчаяния, и все бы окончилось плохо. Поэтому я решил уйти в монастырь. И хоть я нимало не сомневаюсь, что спастись человек может везде, я хочу иметь побольше досуга, чтобы созерцать доброту господина нашего, который — на это я уповаю — сжалится надо мною, простит мне грехи моей молодости и научит меня полюбить блага духовные так же, как я любил здесь блага мирские. И если господь удостоит меня своей благодатью, я буду неизменно молиться за вас. И в то же время умоляю вас во имя нашей любви, столь высокой и чистой, вспоминать обо мне в своих молитвах, дабы господь наш даровал мне в разлуке с вами столько же твердости и терпения, сколько радости я вкушал здесь при каждой встрече. Долгие годы надеясь, что, женившись на вас, я обрету все, что мне будет полагаться по праву, я довольствовался надеждой. Но теперь, когда я эту надежду теряю и знаю, что вы никогда уже не приласкаете меня так, как ласкает жена, я прошу вас хотя бы позволить мне проститься с вами, как брат с сестрой, и поцеловать вас.

Несчастливая Полина, которая всегда была с ним очень сдержанна, увидев, до какого состояния юношу довело его горе и сколь чиста его просьба в такую минуту, когда отчаяние могло бы заставить его всем пренебречь, кинулась ему на шею и разрыдалась. Она обессилела так, что не могла уже вымолвить ни слова и без чувств упала к нему в объятия. Жалость, которую юноша испытывал к ней, любовь его и скорбь были так велики, что он упал сам, и только после того, как одна из служанок, увидев их, позвала на помощь, обоих привели в чувство.

Полина все это время скрывала свою любовь. И теперь она сама устыдилась того, что все вокруг узнали неистовую силу их страсти. Но она испытывала такую жалость к несчастному страдальцу, что это одно служило ей оправданием. Не будучи в силах ничего сказать, перед тем как проститься навсегда, несчастный поторопился уйти, стиснув зубы, и сердце его так билось, что, придя к себе, он замертво свалился на кровать и провел всю ночь в таких страшных стенаниях, что слуги его думали, что он лишился за одно

мгновение родителей, друзей и всего, что у него было дорогого на свете. Наутро он помолился богу и, раздав своим слугам то немногое, что у него было, и строго запретив им сопровождать его, взял с собой самое необходимое в дорогу и отправился один в обитель обсервантов — он попросил принять его в послушники, решив, что останется там навсегда. Настоятель, хорошо знавший его ранее, сначала подумал, что или над ним смеются, или он видит все это во сне, ибо во всей Италии не было человека, менее склонного к суровой жизни, которую ведут францисканцы, чем этот юноша, столь приверженный ко всему мирскому. Но после того, как он услышал его речи и увидел, как слезы ручьями бегут у него по лицу, он, не зная причины их, проникся к нему жалостью и принял его. А немного спустя, убедившись в его рвении, разрешил ему носить монашескую одежду, которую тот надел на себя с благоговением. Обо всем этом известили маркиза Мантуанского и его жену, и они нашли поступок молодого человека столь странным, что вначале не хотели даже верить, что он мог это сделать. Полина, чтобы не показывать никому своих чувств, скрывала свое горе, как только могла, и сделала это так искусно, что все решили, что она уже позабыла о своей прежней любви. Так прошло, должно быть, пять или шесть месяцев, пока однажды странствующий монах не показал ей песенку, которую возлюбленный ее сочинил вскоре после того, как он принял монашество. Песенка эта написана по-итальянски и хорошо всем известна, но мне захотелось перевести ее возможно точнее. Вот она:

Что с нею станет,
Когда узнает,
Что здесь я нашел в тиши
Мир для души?

Увы, бедняжка,
Ей будет тяжко
Без друга дни коротать;
В тоске и муке
Ломаю руки,
Только о том мечтать,
Чтоб, сердца услыша вельенье,
Уйти, как он, в заточенье,
Оставив отца и мать.
Что с нею станет, и т. д.

Что станет с теми,
Кто там все время
Остудить хотел нашу кровь?
Увидят: стала
Чище кристалла
В разлуке наша любовь.

Пред ней не выстоит злоба —
Корить себя будут оба
И, нас жалея, рыдать.
Что с нею станет, и т. д.

В обличье новом,
Не внемля зовам,
Мы здесь свой приняли крест.
И мы ответим,
Что смерть здесь встретим,
Но сих не покинем мест.
Раз, их же волей гонимы,
Под своды келий ушли мы,
Зачем возвращаться вспять?
Что с нею станет, и т. д.

Если ж смягчатся,
И согласятся
На брак наш теперь они,
И будут рады
Прочить услады,
Сулить нам блаженства дни,
Вотще мечты их и думы!
Мы скажем: душу Христу мы
Решили в жены отдать.
Что с нею станет, и т. д.

О лик любимой,
Неодолимый,
Ты вел меня в эту тень.
Так помоги же
Склоняться ниже
В молитвах мне каждый день,
И пыл земной и греховный
Любовью станет духовной,
И с ней придет благодать.
Что с нею станет, и т. д.

Соблазн отринем,
Навеки скинем
Оковы страстей земных:
Тщеты забавы,
Желанье славы, —
Душа стонет от них.
Порвем вожделенья сети,
Чтоб впредь невинно, как дети,
Слова святые шептать.
Что с нею станет, и т. д.

Приди, дорогая,
К преддверью рая,
Где ждет тебя вечный друг.
Наденешь с верой
Наряд ты серый,
Мирской покидая круг,

Чтоб в горе любовь окрепла
И вновь, как Феникс из пепла,
Вспорхнувши, могла летать.
Что с нею станет, и т. д.

Раз в жизни бренной,
Пустой, мгновенной,
Любя, мы были чисты,
Здесь, за оградой,
Беречь нам надо
Любви благие черты,
Чтоб душою она владела,
Чтоб, себе не зная предела,
В небесах могла воссиять.
Что с нею станет, и т. д.

Когда, уединившись в капелле, Полина прочла эту песенку, она разрыдалась, и слезы полились прямо на бумагу. Весь страх, который заставлял ее притворяться и казаться веселой, прошел; ей захотелось самой удалиться в обитель и никого не видеть. Но, будучи девушкой осторожной и благо-разумной, она не сделала этого сразу. И, несмотря на то, что ее решение покинуть мирскую жизнь было твердо, она так умела скрывать от всех свои мысли, что по лицу ее никто ни о чем не мог догадаться. Так продолжалось пять или шесть месяцев, и в течение этого времени она, казалось, была еще веселее, чем раньше. Но однажды в праздничный день вместе с маркизой Мантуанской она отправилась в монастырь обсервантов, чтобы присутствовать там на торжественном богослужении. И вот в ту минуту, когда священник, дьякон и причетники вышли из ризницы и направились в алтарь, она увидела своего возлюбленного. Срок его послушания до принятия чина еще не кончился: он шел, потупя взор, и нес в руках блюдо, покрытое шелковым покрывалом. В монашеской одежде он выглядел еще красивее, еще статнее, и встреча с ним так глубоко взволновала девушку, что лицо ее зарделось румянцем, и, чтобы чем-нибудь скрыть свое смущение, она принялась кашлять. А несчастный, в ушах которого этот кашель отдавался громче колокольного звона, не смел даже повернуть голову в ее сторону. Но когда он проходил совсем близко от нее, он не мог удержаться — и взгляд его устремился к той, к которой его влекло сердце. И в тот миг, когда его полные скорби глаза узрели ее черты, огонь любви, который он считал уже погасшим, вспыхнул вдруг — и с такою силой, что, пытаясь справиться с ним, он не выдержал и упал на пол у самых ее ног. Испугавшись, что молящиеся могут заметить его волнение, он уверил всех, что споткнулся о сломанную каменную плиту.

Когда Полина поняла, что под монашеской рясой бьется все то же сердце и что со дня его ухода в обитель прошло уже столько времени, что все уверены, что она совсем о нем позабыла, она решила привести в исполнение свой замысел и сделать так, чтобы отныне одеждой своей и образом жизни последовать примеру того, с кем они вместе, служа одним и тем же господам, так долго прожили под одной кровлей. И это не было столь уже трудным делом, ибо еще больше четырех месяцев тому назад она совершила все необходимые приготовления, чтобы уйти в монастырь. И вот однажды утром она попросила у маркизы разрешения съездить в обитель Святой Клары, на что та дала свое согласие, ибо не знала, зачем она это делает. Проезжая мимо монастыря обсервантов, Полина попросила настоятеля разрешить ей повидаться со своим возлюбленным, назвавшись его близкой родственницей. И когда они встретились в капелле, где, кроме них, никого больше не было, она сказала:

— Если бы честь моя позволила мне идти в монастырь сразу же вслед за вами, я никогда не стала бы столько медлить. Но именно теперь, когда терзаниями своими я заставляла людей, склонных видеть в чужих поступках одно дурное, переменить свое мнение обо мне, я решила принять монашество, дабы следовать вашему примеру во всем — и в одежде и в образе жизни. Ведь если на долю вашу выпадут радости, радостно будет и мне, а если вас ждет теперь горе, я не хочу, чтобы это горе миновало меня. Если я буду следовать по вашим стопам, мне, как и вам, откроются врата рая. Я уверена, что тот, кто один поистине совершенен и достоин любви нашей, призвал нас служить ему, храня в сердцах наших постоянную и благую любовь друг к другу, которую Дух святой обратит в любовь еще более высокую и поможет обоим нам презреть нашу бrenную плоть, доставшуюся нам от Адама, дабы встретить со всею готовностью супруга небесного Иисуса Христа.

Возлюбленный ее был так счастлив услышать столь благочестивые слова, что, проливая слезы радости, постарался, как только мог, укрепить ее в этом решении. Он сказал ей, что, коль скоро единственное, что он может получить от нее в мире, — это слово, он счастлив тем, что будет пребывать в таком месте, где слово ее всегда до него дойдет, и для них обоих лучше, что они будут жить в любви, и доброты божья направит сердца их и помыслы, и теперь он молит господя, чтобы десница его не оставляла их, ибо она одна принесет им спасение. Говоря все это и заливаясь слезами радости, он поцеловал ей руки, а она, склонившись к его руке, ответила

ему таким же нежным и чистым поцелуем. И Полина простилась с ним с благоговейной радостью и поехала в обитель Святой Клары, где и стала монахиней.

О решении своем она сообщила маркизе, которая была всем этим поражена и на следующий же день явилась сама в обитель, чтобы повидаться с девушкой и заставить ее одуматься и вернуться. На это Полина ответила своей госпоже, что если та была властна отнять у нее мужа из плоти и крови, человека мирского, которого она любила больше всего на свете, то пусть же она этим и удовлетворится и не ищет разлучить ее с супругом незримым и бессмертным, ибо сие не в силах сделать не только она, но и никто из людей. Видя, что ее решение непреклонно, маркиза поцеловала ее и, простившись с ней с большим сожалением, уехала. И с той поры Полина и возлюбленный ее жили каждый в своей обители и вели столь примерную и благочестивую жизнь, что можно быть уверенным, что тот, кто прославил себя милосердием, сказал им, как Магдалине, перед их уходом из жизни, что все грехи прощаются им за то, что они так много любили, и с миром проводил их туда, где они вкусили вечное блаженство, которое мало кто из людей заслужил.

— Вы не станете отрицать, благородные дамы, что любовь этого человека была поистине удивительна. Но возлюбленная его ответила ему столь же удивительной любовью, и я хотела бы, чтобы каждый, кто любит, получал всегда такую награду.

— Сколько бы тогда развелось на свете безумцев! — воскликнул Иркан.

— Так, по-вашему, выходит, что тот, кто любит чистой юношеской любовью, а потом обращает эту любовь к богу, совершает безумие? — спросила Уазиль.

— Если грусть и отчаяние заслуживают похвалы, — смеясь, ответил Иркан, — то Полина и ее возлюбленный, разумеется, эту похвалу заслужили.

— У бога немало средств привести нас к себе, — сказал Жебюрон, — сначала нам кажется, что это несчастье, а потом все становится благом.

— Мне вот думается, что только тот может по-настоящему возлюбить бога, кто по-настоящему любил кого-нибудь из смертных, — встала Парламанта.

— А что значит по-настоящему любить? — спросил Сафредан. — Уж не считаете ли вы, что по-настоящему

любит тот, кто млеет перед любимой, кто поклоняется ей только издали, не выказывая своих желаний?

— Настоящая, совершенная любовь, по-моему, приходит тогда, — сказала Парламента, — когда влюбленные ищут друг в друге совершенства, будь то красота, доброта или искренность в обращении, когда эта любовь неустанно стремится к добродетели и когда сердце их столь благородно и столь высоко, что они готовы скорее умереть, чем дать волю низменным побуждениям, несовместимым ни с совестью, ни с честью. Душа ведь создана для того, чтобы возвратиться к своему божественному началу, и, пока человек жив, она к этому непрестанно стремится. Но так как чувства, которыми она постигает мир, несовершенны и омрачены первородным грехом, они являют ей только то, что зримо и что лишь более или менее приближает к совершенству. А душа наша жаждет именно совершенства, и поэтому через внешнюю красоту, совершенство чувств, доброту и благородство хочет разглядеть красоту высшую, совершенство и благость духовные. Но после того, как она их напрасно ищет повсюду и не находит того, кого возлюбила, она начинает искать его в другом, как дитя, которое по малости своей играет в куклы и другие игрушки и собирает камушки, считая все это своим богатством, а потом, когда вырастет, начинает любить живых кукол и собирать другие богатства, те, что необходимы для жизни. Умножив опыт свой и узнав, что земное все лишено совершенства и в нем нельзя найти настоящего счастья, человек хочет найти творца и источника всего. Но если господь не поможет ему прозреть и обрести веру, он из слепого невежды превратится в слепого философа, ибо одна только вера способна указать ему счастье и пути к нему, недоступные для человека низменных плотских вожделений.

— Разве вы не видите, — сказала Лонгарина, — что земля, на которой растут бесполезные для людей травы и деревья, привлекает человека тем, что ее можно засеять и собрать потом благие плоды. Так и в сердце человеческом должна теплиться любовь ко всему, что он видит перед собой, иначе он никогда не возвысится до любви к богу, даже получив семя глагола его. И сердце останется ледяным, бесплодным и проклятым.

— Вот почему большинство людей не достигает высот духовных, — сказал Сафредан, — они любят только хорошее вино да грязных слуганок, не имея понятия о том, что такое любовь женщины благородной.

— Если бы я был посильнее в латыни, — сказал Симонто, — я привел бы вам слова апостола Иоанна: «Кто говорит:

«я люблю бога», а брата своего ненавидит, тот лжец, ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить бога, которого не видит?». Ведь любовь к недоступному мы обретаем через то, что доступно нашему взгляду.

— Тогда скажите нам,— сказала Эннаскуита,— кто этот столь совершенный человек, *quis est ille et laudabimus eum*¹.

— Есть люди, чья любовь так велика и так совершенна,— ответил Дагусен,— что они предпочли бы умереть, лишь бы не дать волю желанию, от которого может пострадать честь и совесть их возлюбленной — они стараются всячески скрыть эти желания и от всех и от нее самой.

— Эти люди, должно быть, из породы хамелеонов, которые живут одним воздухом,— заметил Сафредан.— Нет ведь ни одного человека на свете, который не захотел бы признаться в своей любви и увериться, что и его любят, как не должно быть такой любовной лихорадки, которая сразу бы не прошла, если человека выгонят вон. Мне, например, доводилось на своем веку видеть, как чудесно люди от нее исцеляются.

— Займите, пожалуйста, мое место,— попросила Эннаскуита,— и расскажите нам о ком-нибудь, кто бы воскрес и ожил, получив такой вот реприманд от любимой дамы.

— Я до того боюсь,— сказал Сафредан,— что мой рассказ не понравится дамам,— а я был их слугою всю мою жизнь и продолжаю им оставаться,— что без вашего на то особого приказания ни за что бы не дерзнул повествовать об их несовершенствах. Но теперь я должен повиноваться и не стану скрывать от вас правды.

НОВЕЛЛА ДВАДЦАТАЯ

Сеньер де Риан, влюбленный в некую вдову, узнав, что она обманула его и неверна своим клятвам, был так этим взбешен, что гнев навсегда погасил в нем пламень любви, перед которым и время и превратности судьбы были бессильны.

В Дофинэ жил некий дворянин по имени сеньер де Риан, принадлежавший ко двору короля Франциска Первого и отличавшийся благородством и красотой. Он долгое время ухаживал за одной вдовой, в которую был влюблен и которую глубоко чтил. Боясь потерять ее расположение, он

¹ Кто это, и мы воздадим ему хвалу (лат.).

никак не решался признаться ей в своих самых сокровенных желаниях. И, почитая себя человеком красивым и достойным ее любви, он принимал на веру все, что от нее слышал. А она клялась ему, что любит его больше всего на свете и что если бы ей довелось когда-нибудь уступить настоящим мужчинам, то снизошла бы она только к нему одному, ибо он для нее — образец совершенства, но до той поры просила его довольствоваться ее высокой и чистой дружбой. Вместе с тем она убедила его, что, если благоразумие оставит его и он захочет добиться от нее большего, ей придется расстаться с ним навеки. Бедный молодой человек не только довольствовался тем, что имел, но считал себя даже счастливым тем, что приобрел расположение дамы, которая, как он был уверен, являла собой пример добродетели. Было бы слишком долго рассказывать вам, что они оба говорили друг другу при встречах и какой далекий путь ему не раз приходилось совершать, чтобы свидеться с нею. Короче говоря, этот мученик, горевший на огне любви — а огонь этот примечателен тем, что, чем больше он тебя жжет, тем больше ты того хочешь, — сам стремился к тому, чтобы мучениям его не было конца. И вот однажды ему пришло в голову сесть на коня и поехать к той, которая была для него дорожке жизни и чьи добродетели он ставил превыше всего. Явившись к ней в дом, он спросил слуг, где находится их госпожа. Ему отвечали, что она только что возвратилась от вечерни и ушла в парк, чтобы читать там молитвы. Де Риан сошел с лошади и, направившись прямо туда, спросил о ней у служанок, которые подтвердили ему, что дама только что прогуливалась одна по главной аллее. Сеньер де Риан стал уже надеяться, что счастье ему улыбнулось. И очень осторожно, стараясь не шуметь, он пошел искать свою любимую, радуясь больше всего тому, что застанет ее в одиночестве. И, приблизившись к месту, где ветви деревьев, сплетаясь, образовали подобие беседки и куда не проникали лучи солнца, он вошел под этот навес так стремительно, как может войти только тот, кто спешит на свидание. И что же он видит: любимая женщина лежит на траве в объятиях конюха — грубого, неотесанного и грязного. Я не берусь описывать вам его негодование, но было оно столь велико, что за один миг погасило пламень, который горел так долго и стойко. И в порыве этого негодования он вскричал:

— Сударыня, как я благодарен судьбе! Случилось, что за одну минуту коварство ваше исцелило меня и избавило от длительного недуга, причину которого была ваша мнимая добродетель.

И, ничего больше не сказав, он повернулся и сразу ушел. Несчастливая ничего не успела ему ответить и только закрыла руками лицо. Скрыть свой позор она уже не могла и спрятала только глаза, чтобы не видеть того, кто отлично ее узнал, несмотря на ее притворство.

— Так вóт, благородные дамы, пожалуйста, не пытайтесь лицемерить перед человеком порядочным, если у вас нет к нему настоящей любви, и не причиняйте ему обид, чтобы удовлетворить свою прихоть; знайте, что лицемеры всегда бывают наказаны и господь помогает только тем, у кого чистое сердце.

— Ну, нечего сказать,— воскликнула Уазиль,— хорошенькую же историю вы приберегли к концу дня! И если бы все мы не поклялись, что будем рассказывать одну только правду, я ни за что не поверила бы, что женщина столь высокого положения способна была променять благородного дворянина на самого последнего мужлана.

— Увы,— сказал Иركان,— если бы вы только знали разницу между дворянином, который всю жизнь носит оружие и проводит свои дни в войнах, и конюхом, которого кормят на убой и не очень отягощают работой, вы были бы снисходительнее к этой бедной вдове.

— Что бы вы ни говорили, Иركان,— ответила Уазиль,— оправдать эту женщину нельзя ничем.

— Мне приходилось слышать,— сказал Симонто,— что иные дамы хотят иметь своих апостолов, которые бы повсюду восхваляли их целомудрие и добродетель. Оставшись с ними где-нибудь наедине, они бывают весьма ласковы и даже готовы уверить своих пастырей, что, если бы не страх перед судом совести и чести, они бы удовлетворили все их желания. А эти дурни, когда где-нибудь в обществе заходит разговор о женщинах, готовы дать голову на отсечение, что по целомудрию им нет равных, ибо они устояли перед таким искушением. Таким образом, людям порядочным эти женщины показывают себя с самой лучшей стороны, и те их всячески превозносят, а в любовники они избирают себе человека, который все равно никогда не осмелится что-либо рассказать, а если бы и осмелился по своей темноте и низости, то ему бы никто не поверил.

— Такие суждения действительно иногда приходится слышать от ревнивых и подозрительных мужчин,— сказала Лонгарина,— но это же суший вздор. Мало ли что могло

приключиться с какой-то несчастной женщиной, это вовсе не основание подозревать остальных.

— Чем больше мы будем углубляться в этот разговор,— заметила Парламанта,— тем больше будет изощряться воображение наших мужчин, которых так увлек рассказ Сафредана. Поэтому лучше всего пойти послушать вечерню и не заставлять себя ждать, как это было вчера.— И вся компания согласилась с нею.

— Иные из нас должны возблагодарить теперь господа бога,— сказала Уазиль, когда они шли в церковь,— за то, что он помог им сегодня рассказать истории, в которых так много правды. Что же касается Сафредана, то ему следовало бы просить прощения за то, что он оказался таким насмешником и оскорбил дам.

— Клянусь честью,— воскликнул Сафредан,— хоть я не берусь утверждать, действительно ли дело было именно так, как я рассказал, все это я слышал своими ушами! А уж если бы мне довелось рассказывать вам о женщинах то, что сам я воочию видел и испытал, вам бы пришлось столько раз креститься, сколько не крестятся даже тогда, когда освящают церковь,— так велико было бы ваше негодование.

— Ну, нечего сказать, признался,— заметил Жебюрон,— да такое покаяние, пожалуй, только усугубляет грех.

— Раз вы такого дурного мнения о женщинах,— сказала Парламанта,— им следует изгнать вас из своего общества и отказаться от разговоров с вами.

— Некоторые из них уже воспользовались вашим советом, они лишили меня всего, на что я имел право,— ответил Сафредан,— и если бы я мог рассказать что-нибудь еще худшее обо всех и чем-нибудь им досадить, я бы, не задумываясь, это сделал, лишь бы они потом отомстили за меня той, которая так несправедлива ко мне.

Парламанта надела полумаску и вместе со всеми остальными вошла в церковь, где давно уже отзвонили вечерню, но где не оказалось ни одного монаха: узнав, что гости их собираются на уединенном лугу и рассказывают друг другу забавные истории, святые отцы, которые были более падки до развлечений, чем до молитвы, спрятались в канавке за густою изгородью и, лежа там на траве, так внимательно слушали увлекательные рассказы, что даже не слышали церковного звона. Спохватившись, они побежали в церковь бегом и так запыхались, что не сразу еще могли начать службу. А когда богослужение окончилось и все стали спрашивать их, почему они так запоздали и так плохо пели, они вынуждены были признаться, что получилось это из-за

того, что, слушая рассказы, они обо всем забыли. Когда их гости узнали, что рассказы эти так им пришлось по душе, им разрешено было и впредь присутствовать и слушать их, сидя или лежа за изгородью. Ужин прошел оживленно: возобновились споры, которые не успели закончить на лужайке, и в течение целого вечера все говорили и никак не могли наговориться. Наконец Уазиль сказала, что пора уже ложиться спать, чтобы за ночь все могли как следует отдохнуть и встать утром со свежей головой, добавив, что каждый час сна до полуночи стоит трех, которые мы спим потом. Все попрощались и разошлись по своим комнатам, и на этом окончился второй день.

Конец второго дня

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

В ТРЕТИЙ ДЕНЬ ОБСУЖДАЕТСЯ ПОВЕДЕНИЕ ДАМ, КОТОРЫЕ ИСКАЛИ ОДНОЙ ТОЛЬКО ДОБРОДЕТЕЛЬНОЙ ЛЮБВИ, А ТАКЖЕ ПРИМЕРЫ ЛИЦЕМЕРИЯ И КОВАРСТВА МОНАХОВ.

ВСТУПЛЕНИЕ

На следующее утро, еще до того как все собрались в трапезной, госпожа Уазиль была уже там. Она пришла за полчаса до всех, чтобы посмотреть тот отрывок Священного писания, который она готовилась прочесть вслух. И точно так же, как и в предыдущие дни, все были премного довольны ее чтением. Не успела она еще закончить, как один из монахов пришел звать всех к утренней мессе, ибо оказалось, что и сеньеры и дамы были так поглощены этим чтением, что не слышали даже, как прозвонили колокола. Прослушав мессу со всем подобающим благочестием и потом скромно пообедав, чтобы чересчур обильная еда не притупила память и каждый мог получше вспомнить то, что должен был рассказать, они разошлись по своим комнатам, чтобы почитать свои записи в ожидании, когда настанет время идти на лужайку. Как только назначенный час настал, все отправились туда. И те, что решили в этот день рассказать нечто забавное, лукаво улыбались, и по их лицам можно было догадаться, что присутствующим будет над чем посмеяться. Когда все расположились на траве, Сафредана спросили, кому он передаст слово, чтобы начать третий день.

— Мне кажется, что вчера я очень провинился перед вами, а сам я не знаю никакой истории, которая могла бы загладить мою вину. Поэтому, я думаю, лучше всего было бы передать сейчас слово Парламанте; она со свойственной ей рассудительностью сумеет рассказать что-нибудь в похвалу дамам и заставить забыть о горькой истине, которую я вам высказал вчера.

— Я отнюдь не собираюсь расплачиваться за ваши грехи,— ответила Парламанта,— я постараюсь только сама не пойти по вашим стопам. Поэтому я хотела бы рассказать одну только правду, как мы клятвенно обещали друг другу, и убедить вас, что на свете есть дамы, которые в своих друзьях ищут прежде всего высокой и чистой любви. А поелику те, о которых пойдет сейчас речь, принадлежат к знатному роду, я расскажу все, как было, изменив только их имена. И прошу вас, любезные дамы, помните, что благородное и целомудренное сердце никакая любовь не заставит перемениться, как вы и увидите сами из моего рассказа.

НОВЕЛЛА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Роландина, которая до тридцати лет оставалась незамужней, зная, что отца нисколько не заботит ее участь и что госпожа ее не очень к ней расположена, завязала нежную дружбу с неким бастардом из знатного рода и обещала выйти за него замуж. Проведавший об этом отец строго-настрого приказал ей взять назад свое обещание. Однако девушка продолжала хранить верность возлюбленному своему до самой его смерти и, только после того как окончательно убедилась, что его нет в живых, вышла замуж за дворянина, принадлежавшего к тому же роду, что и она.

Была во Франции королева, которая любила, чтобы в ее свите всегда находились девушки из самых знатных домов. Среди них была некая Роландина, которая приходилась ей близкой родственницей. Но по причине каких-то неладов с отцом этой девушки королева питала к ней неприязнь. Роландина не выделялась среди остальных красотой, но и не была особенно дурна собой, благоразумие же и добродетель ее были так велики, что к ней сваталось немало знатных вельмож. Всем она отвечала отказом: отец ее любил деньги и ревниво берег свое состояние, не очень-то беспокоясь о благополучии дочери. Королева же, как я говорила, питала к ней неприязнь, и поэтому те из придворных, которые

боялись прогневить свою госпожу, перестали выказывать девушке знаки внимания. Таким образом, из-за небрежения отца и презрения королевы несчастная Роландина очень долго не могла найти себе мужа. И в конце концов она стала этим очень тяготиться, и не столько потому, что ей так уж хотелось выйти замуж, сколько потому, что начала стыдиться своего положения. Она оставила двор и всю светскую суету, решив посвятить себя богу, и стала проводить время в молитвах и рукоделье. И так вот молодые годы ее прошли в уединении, и жизнь ее была на редкость добродетельной и благочестивой. Когда ей было уже около тридцати лет, она встретила с побочным сыном одного сеньера из знатного и славного рода — человеком весьма порядочным и благородным. Но бастард этот не был ни богат, ни красив и поэтому не пользовался успехом у дам. Он оставался неженатым — и, так как несчастье часто сближает людей, он начал ухаживать за Роландиной, ибо положение обоих, состояние их и участь во многом были сходны. И, жалуясь друг другу на свои невзгоды, они так подружились, как только могут подружиться товарищи по несчастью, и старались возможно чаще встречаться и утешать друг друга. И чем больше они виделись, тем больше росла и крепла их дружба. Те, кто знал, как уединенно живет Роландина и как она всех чуждается, видя ее теперь постоянно в обществе этого человека, стали возмущаться и старались внушить ее воспитательнице, что она не должна этого допускать. Та передала эти слова Роландине и сказала, что все возмущаются тем, что она столько времени проводит с мужчиной, который недостаточно богат, чтобы на ней жениться, и недостаточно красив, чтобы стать ее другом. Роландина, которая всегда была более склонна к скромной жизни, чем к светским забавам, ответила своей воспитательнице:

— Ах, матушка, вы же видите, что я лишена возможности избрать себе мужа, равного мне по положению, и что я всегда избегала общества людей молодых и красивых, боясь повторить ошибки, в которые впадают иные. А дворянин этот — человек, как вы сами знаете, очень порядочный и скромный, и беседы с ним всегда полезны и благочестивы. И если он утешает меня в моих невзгодах, то, поверьте мне, в этом нет ничего дурного ни для вас, ни для тех, кто пускается на всякие пересуды.

Бедная старушка, которая любила свою госпожу больше, чем самое себя, сказала:

— Мадемуазель, я вижу, что все, что вы говорите, сущая правда и что отец ваш и госпожа наша королева недостаточ-

но добры к вам. Но коль скоро сейчас эти пересуды затрагивают вашу честь, то, будь это даже ваш собственный брат, вам надлежало бы отказаться от встреч с ним.

— Матушка,—заплакав, сказала Роландина,— раз вы мне дадите такой совет, я поступлю так, как вы говорите. Но до чего же тяжело мне будет жить, когда на целом свете не останется никого, кто бы мог утешить меня в моем горе!

И когда бастард явился к ней, чтобы, по обыкновению, с нею побеседовать, она передала ему слова своей воспитательницы и в слезах просила его, чтобы он воздержался от встреч с нею до тех пор, пока не улягутся все эти слухи,— что он и сделал.

Но во время этой вынужденной разлуки и тот и другая, лишившись последнего утешения, стали испытывать страдания, которых не знали раньше. Роландина все время молилась, постилась и ездила по святым местам. Оказалось, что это была любовь, которой она дотеле еще не знала, и чувство это причиняло ей столько боли, что с той поры у нее не было ни минуты покоя. Бастард, так же как и она, жестоко страдал от любви, но в глубине сердца он уже понял, что любит ее, и решил, что постарается на ней жениться, ибо считал, что быть ее мужем для него большая честь. И он стал думать о том, как найти способ сказать Роландине о своей любви. Прежде всего он решил завоевать расположение ее воспитательницы и начал с того, что рассказал той, на какое страдание обрекают бедную девушку, отнимая у нее последнее утешение. Добрая старушка расплакалась и поблагодарила его за то, что он так предан ее госпоже. И они стали вдвоем думать, как ему устроить свидание с ней. Роландина должна была притвориться, что у нее мигрень и малейший шум ее раздражает. Когда же все уйдут в покои королевы, она получит возможность остаться со своим возлюбленным вдвоем и наговориться с ним вволю. Бастард несказанно обрадовался; последовав совету этой доброй женщины, он мог теперь всякий раз, когда хочет, говорить со своей подругой. Но так продолжалось недолго, ибо королева, которая недолюбливала Роландину, стала спрашивать, почему та по столько времени не выходит из своей комнаты. И хотя кто-то сказал ей, что девушка больна, нашелся и другой человек, любивший позлословить за чужою спиной, и он не преминул добавить, что бастард, в обществе которого девушка проводит все вечера, должно быть с успехом лечит ее от мигрени. Королева, нередко прощавшая грехи другим, к Роландине не знала снисхождения. И, послав за ней, она решительно запретила ей встречаться со своим другом где бы то ни было, кро-

ме королевских покоев или зала. Роландина не подала и виду, что ей это тяжело, и сказала:

— Если бы я только знала, ваше величество, что все это вам неуютно, я никогда не стала бы с ним разговаривать.

Сама же она только и думала о том, чтобы найти какой-нибудь способ его опять увидеть, и на этот раз так, чтобы королева ничего не узнала. И вот как она поступила. По средам, пятницам и субботам Роландина постилась и в эти дни обычно оставалась в комнате одна со своей воспитательницей. И в те часы, когда все остальные придворные дамы уходили ужинать, она могла на свободе разговаривать с тем, кого все сильнее любила. И чем меньше у них оставалось на это времени, тем пламеннее становились их речи,—они с жадностью хватались за каждую украденную минуту, как вор хватается за драгоценные вещи. Но тайна их раскрылась: кто-то из слуг увидел, как в один из постных дней бастард из знатного рода вошел в комнату, где жили придворные дамы; он шепнул об этом другому, а тот все рассказал королеве, которая до того разгневалась, что молодому человеку никогда уже больше не разрешили переступить порог этой комнаты. Но, чтобы не потерять возможности видеться со своей возлюбленной, он говорил, что едет куда-то по делу, и по вечерам отправлялся в замковую капеллу, переодевшись францисканцем или доминиканцем, и монастырская одежда так изменяла его внешность, что узнать его никто бы не смог. И так вот, во время службы, встречался он с Роландиной, которая приходила туда в сопровождении своей воспитательницы. И, видя, какую любовь она к нему питает, он не побоялся сказать ей:

— Мадемуазель, вы видите, каким опасностям мне приходится подвергаться, чтобы служить вам, и знаете, как строги запреты королевы, не позволившей вам говорить со мной. Знаете вы и упрямство вашего отца — он ведь и не помышляет о том, чтобы выдать вас замуж. Он отверг уже столько хороших партий, что ни в наших краях, ни где-либо в другом месте не найти никого, кто бы стал добиваться вашей руки. Я хорошо понимаю, что я беден и что вы могли бы выйти замуж за дворянина богаче меня. Но если почесть за сокровище истинную любовь и добрую волю, то, пожалуй, вы не найдете на свете более богатого человека, чем я. Господь наделил вас превеликим богатством, и вам грозит опасность разбогатеть еще больше. Если бы мне удалось услышать, что выбор ваш пал на меня и вы согласны стать моей женой, то это было бы для меня несказанным счастьем и до

конца моих дней я остался бы вашим мужем, другом и верным слугою. Если же вы предпочли бы человека, по положению равного вам — а найти такого совсем не легко, — он захотел бы стать вашим господином и больше бы думал о ваших богатствах, нежели о вас самой, и красота была бы для него дороже, чем добродетель. Пользуясь своим правом распоряжаться всем, что у вас есть, он обращался бы с вами хуже, чем вы этого заслужили. И я так страстно хочу, чтобы желание мое исполнилось, и так боюсь, чтобы вы не подчинились чьей-то чужой воле, что я молю вас принять такое решение, которое сделало бы меня счастливейшим из людей, позволив мне исполнить все ваши желания и заботиться о вас так, как не мог бы никто на свете.

Роландина, слыша, что он говорит ей именно то, что ей самой хочется сказать ему, ответила:

— Я очень рада, что вы первый заговорили о том, что я давно уже хотела вам сказать. Все эти два года, с тех пор как я познакомилась с вами, я думаю об этом денно и ночью и стараюсь взвесить все доводы и решить, должна ли я связывать свою судьбу с вашей. Ведь коль скоро я все равно решила, что должна буду выйти замуж, остается только выбрать того, кто был бы мне по душе. И разве могут что-нибудь значить для меня красота, богатство и знатность, если я убеждена, что единственный человек, с которым я могла бы жить спокойно и счастливо, — это вы? Я знаю, что, сделавшись вашей женой, я не прогневаю господя, а только исполню его волю. Что касается отца моего, то он так мало заботился о моих интересах и столько раз отказывал моим женам, что теперь, если я и выйду замуж, он по закону не имеет права лишить меня наследства. Но пусть даже я ничем не буду владеть, кроме того, что есть у меня сейчас, — с таким мужем, как вы, я буду почитать себя самой богатой женщиной в мире. Что же касается госпожи моей королевы, то совесть не помешает мне послушаться ее, дабы исполнить веление господя бога, ей-то ведь совесть не помешала лишить меня счастья, которое я могла иметь в дни моей юности. Но чтобы вы не сомневались в том, что любовь моя к вам высока и чиста, вы должны будете пообещать мне, что не станете добиваться женитьбы на мне до тех пор, пока отец мой жив, или до тех пор, пока мне тем или иным путем не удастся добиться его согласия.

Бастард охотно все это ей обещал, и, чтобы скрепить свои обещания, они обменялись кольцами и, придя в церковь, торжественно поцеловали друг друга, призвав себе в свидетели бога. И, кроме поцелуев, между ними никогда ничего не было.

Сердца их наполнились радостью истинной любви, и, всецело положась на силу своего чувства друг к другу, они не виделись долгое время. И не было такого поприща, на котором бы бастард из знатного рода не подвизался, радуясь тому, что в бедности своей он богат, поелику господь даровал ему такую жену. Возлюбленная же его за все время его отсутствия была ему верна и не обращала никакого внимания на других мужчин. И хоть немало женихов просили ее руки, она всем отвечала отказом, говоря, что уже столько лет прожила одна, что теперь ни о каком замужестве вовсе не помышляет. А так как столь многие получали отказы, слух о ее непреклонности дошел и до самой королевы, и та позвала ее к себе и спросила, почему она так упрямится. Роландина ответила, что не хочет ослушаться ее воли, сказав, что хорошо помнит, как королева не соглашалась выдать ее замуж даже тогда, когда она была молода и могла бы быть счастлива со своим избранником. Теперь же долгие годы приучили ее к терпению, и она довольствуется своим положением. И каждый раз, когда королева заговаривала с ней о замужестве, она неизменно отвечала ей то же самое.

Когда война окончилась и бастард вернулся ко двору, Роландина по-прежнему не разговаривала с ним на людях и, чтобы увидеть его, отправлялась в одну из церквей, сказав, что идет туда исповедоваться, ибо она ни на минуту не забывала, что королева под страхом смерти запретила им всякие встречи и разговоры наедине. Но благородная любовь не знает никаких преград, и чем зорче стерегли их враги, тем искуснее они находили способ увидеться и поговорить друг с другом. И они перебирались из церкви в церковь, из монастыря в монастырь, лишь бы только взоры их могли встречаться. И так продолжалось до тех пор, пока король не отправился в свой охотничий замок близ Тура. Замок этот был расположен в уединенном месте; церковей поблизости не оказалось, и дамы слушали мессу в замковой часовне, где было очень тесно и не было никаких укромных уголков, в которых можно было бы укрыться от посторонних глаз. Но несмотря на то, что судьба им на этот раз не благоприятствовала, любовь их нашла другую лазейку. Ко двору приехала знатная дама, приходившаяся родственницей бастарду. Дама эта вместе с сыном поселилась в королевском замке, причем комната ее сына была расположена в самом конце того крыла, где находились покои короля. А оттуда через окно отлично было видно окно комнаты противоположного крыла, которая была прямо над королевским залом; в этой-то комнате и по-

местились все придворные дамы. Заметив, что молодой принц несколько раз подходил к открытому окну, Роландина послала воспитательницу оповестить своего возлюбленного. Тот тщательно все разведал, а потом, зайдя в комнату принца, сделал вид, что увлекся чтением книги «Рыцари Круглого Стола», которую он там нашел. И когда все отправились обедать, бастард из знатного рода остался там один и попросил слугу запереть дверь, сказав, что хочет дочитать начатую книгу и что за всем здесь присмотрит. А так как слуга знал, что это родственник его господина и человек, на которого вполне можно положиться, то он ушел, предоставив ему полную свободу. В это время к окну напротив подошла Роландина. Чтобы иметь повод задержаться и подольше поговорить с ним, она, притворившись, что у нее болит нога, обедала и ужинала отдельно от всех и проводила эти часы в одиночестве. Она придумала себе занятие — плести покрывало из тонкого ярко-красного шелка — и, оставшись одна, вешала это покрывало на окно в знак того, что, кроме нее, в комнате никого нет. Удостоверившись, что все ушли, она таким образом извещала своего возлюбленного, который подходил к окну напротив, и они могли тогда разговаривать достаточно громко, не боясь, что кто-нибудь их услышит. Когда же она замечала, что кто-то идет, она кашляла или делала ему знак, и он успевал вовремя скрыться. Те, кому было поручено следить за влюбленными, были уверены, что они давно уже охладели друг к другу, ибо Роландина никогда не выходила из комнаты, а ему вход туда был строго-настрого запрещен.

Однажды мать молодого принца подошла случайно к окну, возле которого лежала на столе упомянутая толстая книга, и, увидев в окне напротив одну из придворных дам, поздоровалась с ней и стала разговаривать. Мать принца спросила ее, как себя чувствует Роландина. Придворная дама ответила, что, если ей угодно, она может ее увидеть, и позвала Роландину. В ночном чепчике девушка подошла к окну, после чего, перекинувшись несколькими словами о ее здоровье, они попрощались и каждая ушла к себе. Взглянув на толстую книгу «Рыцари Круглого Стола», дама сказала лакею, которому было поручено смотреть за этою книгой:

— Удивляюсь, как это молодые люди тратят столько времени, читая подобные пустяки!

Лакей ответил, что его еще больше удивляет, что люди уже в летах и к тому же очень умные восторгаются ею еще более, чем молодые, и тут же упомянул об ее родственнике — бастарде, — который ежедневно пять или шесть часов проводит за чтением этой книги. Дама сразу же догадалась, что

все это неспроста, и велела лакею спрятаться и последить, как будет вести себя бастард, оставшись наедине. Тот так и поступил и обнаружил, что книгой, особенно интересовавшей бастарда, было окно, к которому подходила Роландина, чтобы поговорить с ним, и услышал, как любезно они говорят друг с другом, будучи уверенны, что их никто не слышит. На другой день лакей обо всем рассказал своей госпоже, а та призвала к себе бастарда и впредь запретила ему приходить в комнату ее сына. В тот же вечер она пригрозила Роландине, что, если это безрассудство не окончится, она расскажет об ее недостойном поведении королеве. Роландина же несколько не смутилась и поклялась, что, с тех пор как королева запретила ей видаться с ее возлюбленным, она не сказала ему ни слова и что все это одни лишь сплетни лакеев. Что же касается до разговора через окно, то она уверяла, что у нее в мыслях не было прибегать к такому способу. Бастард же, боясь, что его тайна будет раскрыта, поторопился уехать и долгое время не возвращался ко двору. Но он все же находил возможность писать Роландине, и переписка их велась так хитро, что ежедневно она получала от него по два письма и, несмотря на все старания королевы, ни одного из этих писем перехватить ей не удалось.

Переписка эта велась сначала через посредство монахов, а потом, когда этой возможности больше не стало, бастард стал посылать письма с маленьким пажом, одетым в цвета то одного, то другого дворянина; паж этот толкался у дверей, где проходили придворные дамы, и в общей суматохе всегда улучал минуту, чтобы передать письма Роландине. Однажды, когда королева отправилась на прогулку, один из ее придворных, которому было поручено следить за влюбленными, повстречал дорогой маленького пажа и, заподозрив его, тут же кинулся за ним вслед. Но мальчуган был хитер и, сообразив, что его будут обыскивать, забежал в первый попавшийся дом, где в это время старуха хозяйка готовила на очаге обед, и за одно мгновение сжег все письма. Гнавшийся за ним придворный ворвался в этот дом; он раздел бедного пажа донага, обыскал его одежды, но ничего не нашел и отпустил его. Когда мальчик убежал, старуха спросила, почему он так строго его обыскивал.

— Я искал письма, которые у него должны были быть,— отвечал придворный.

— Напрасно вы так усердствовали,— сказала старуха,— он их хорошо спрятал.

— Спрятал? Так скажи мне, где они? — стал упрашивать ее придворный, надеясь что-то найти. Но когда он узнал, что

письма сожжены, он должен был признаться, что мальчишка его перехитрил. И он немедленно рассказал обо всем королеве. С этого дня бастрад не стал больше посылать к Роландине пажей, а поручил это дело своему старому слуге, который, невзирая на то, что королева под страхом смерти запретила кому бы то ни было оказывать помощь влюбленным, о чем он отлично знал, тем не менее взялся доставлять Роландине письма бастрада. Однажды, прибыв в замок, старик стал ждать возле дверей, открывавшихся на широкую лестницу, по которой проходили все придворные дамы. Но один из лакеев, который однажды его уже видел, сразу его опознал и сообщил об этом стольничьему королевы, который, долго не раздумывая, велел тотчас же его схватить. Старый слуга был человеком опытным и осторожным и, заметив, что за ним следят, повернулся к стене, как бы собираясь отправить свою нужду, и там, разорвав письмо в мелкие клочки, выбросил его за дверь. Старика тут же схватили и тщательно обыскали. Когда же убедились, что при нем ничего нет, его заставили поклясться, что он не вез с собою никаких писем, и всячески пытались заставить его признаться в том, что он нарушил запрет королевы. Но ни обещания, ни угрозы не возымели на него ни малейшего действия, и он ничего не сказал. Об этом было доложено королеве, и тогда кто-то из придворных посоветовал хорошенько поискать, не осталось ли каких следов за дверью, возле которой был схвачен старик. Так и сделали и действительно обнаружили там то, что искали,— разорванное на мелкие клочки письмо. Позвали духовника короля, и тому удалось, разложив все бумажки на столе, прочесть письмо, где черным по белому была написана правда о влюбленных. Из этого письма явствовало, что они поженятся, ибо бастрад каждый раз называл Роландину не иначе как своей женой. Королева, у которой не нашлось должной снисходительности к проступку ближнего, подняла большой шум и распорядилась, чтобы любыми средствами старого слугу заставили признаться в том, что он вез это письмо и собирался передать его Роландине. Они думали, что, увидев собранные воедино клочки письма, он уже не посмеет отпираться. Но, невзирая ни на какие доводы и доказательства, старик ни в чем не признался. Тогда стражи свели его на берег реки и посадили в мешок, сказав, что, не признав того, что действительно было, он солгал и богу и королеве. Но верный слуга был согласен скорее умереть, чем выдать своего господина, и попросил, чтобы к нему вызвали духовника. И после того как тот исповедовал его и старик покаялся во всем, в чем был грешен, он сказал:

— Скажите господину моему, что я вручаю ему жизнь моей жены и моих детей, свою же я со спокойной совестью кладу за него. А теперь делайте со мной все, что хотите, я все равно не скажу ни слова против моего господина.

Тогда, чтобы еще больше его напугать, его кинули в мешке прямо в реку, продолжая кричать:

— Скажи всю правду — и жизнь твоя спасена!

Но, не получив от него и на этот раз никакого ответа, истязатели вытащили его из воды и доложили о его стойкости королеве. Тогда та сказала, что ни супругу ее, королю, ни ей самой не выпало счастья иметь таких верных слуг и что счастье это досталось тому, кто ничем не может за эту верность вознаградить. И она сделала все, что было в ее силах, чтобы переманить старого слугу к себе на службу, но тот ни за что не соглашался покинуть своего господина. Однако в конце концов бастард все же его отпустил, он поступил на службу к королеве и прожил остаток своих дней в покое и счастье.

Узнав из этого письма о том, что влюбленные стали мужем и женой, королева послала за Роландиной и, вне себя от гнева, стала позорить ее, называя ее не «моя кузина», как прежде, а «негодница», и всякий раз пеняя ей, что она осрамила свою семью и родных тем, что втайне от всех вышла замуж, больше же всего оскорбила этим ее, — свою госпожу, не испросив на это ее согласия. Но Роландина давно уже знала о неприязни к ней королевы и сама отвечала ей тем же. А раз у нее не было к ней любви, то не могло быть и страха. К тому же она была уверена, что, выговаривая ей в присутствии других, королева делает это не из любви к ней, а лишь из желания перед всеми ее опозорить и гораздо больше радуется возможности публично ее унижить, чем огорчается, узнав о ее падении. Поэтому Роландина отвечала своей госпоже с веселым лицом и слова ее были тверды; королева же была и смущена и разгневана.

— Ваше величество, если бы вы сами не знали, что творится у вас в сердце, я бы напомнила вам, какую неприязнь вы питали к моему отцу и ко мне. Но вы настолько хорошо это знаете, что для вас не должно быть неожиданностью и то, что ото всех остальных ваше отношение к нам никак не укрылось. Что же до меня, ваше величество, то я заметила это себе на горе. Ведь если бы вы были благосклонны ко мне, как к другим, которые не состоят ни в каком родстве с вами, я давно бы была уже замужем, к чести своей и вашей. Но вы отказали мне в этой милости, и все хорошие партии, которые мне предлагались, прошли мимо меня из-за не-

радивости моего отца и из-за того, что вы не хотели отнестись ко мне благосклонно. От всего этого я впала в такое отчаяние, что, если бы только здоровье мое позволило мне вынести все тяготы монашеской жизни, я с величайшей радостью удалилась бы в монастырь, лишь бы избавить себя от всех жестоких мучений, которые вы столько времени мне причиняли. И вот, когда я была в полном отчаянии, мне повстречался дворянин, который происхождением своим был бы не менее благороден, чем я, если бы только в свете не делали разницы между любовью и узаконенным браком,— вы ведь знаете, что его отец еще более знатен, чем мой. А вы, ваше величество, за всю жизнь не простили мне ничтожнейшего проступка, вы считали, что я не способна ни на что хорошее и не заслужила ни в чем вашей похвалы, но вы же отлично могли убедиться сами, что я сторонилась любви и чуждалась всего мирского и что я вела жизнь скромную и благочестивую. И вам показалось странным, что я вдруг заговорила с человеком, столь же несчастным в этой жизни, как и я, в чьей дружбе я искала лишь одного — утешения в моем горе, ибо в мыслях моих другого ничего не было. И когда я увидела, что меня лишают этой последней радости, отчаяние мое было так велико, что, хотя вы и пытались отнять у меня покой и счастье, я решила за них бороться. И тогда мы с ним стали говорить о том, чтобы пожениться, и обручились, обменявшись кольцами. Вот почему мне кажется, ваше величество, что, называя меня *негодницей*, вы крайне ко мне несправедливы. Ведь наша с ним дружба была так велика, и столько раз мне представлялся случай быть с ним ласковее и ближе,— и, несмотря на это, кроме поцелуев, между нами ничего не было. Я упорно надеялась, что господь будет милостив ко мне и еще до того, как мы поженимся, мне удастся как-нибудь убедить отца согласиться на этот брак. И ни в чем я не нарушила воли господя бога и не прегрешила против совести. До тридцати лет я все ждала, каково будет ваше решение и что надумает мой отец, и, смирив сердечный жар, долгие годы берегла свою чистоту и невинность, и никто не может ни в чем меня упрекнуть. И наконец, вняв разумному совету, который мне дал господь, и видя, что годы мои уходят и мне так и не найти супруга, равного мне по происхождению, я решила выйти замуж по собственной воле. Не искала я в этом браке улады для глаз — вы ведь знаете, что возлюбленный мой не отличается красотой; не искала я и плотских утех, ибо никакой плотской связи у нас с ним не было; и влекли меня не гордость и не тщеславие,— он ведь беден и невысокого положения. Мне нужна была

только его доброта — а в этом ему нельзя отказать, — и великая любовь, которую он ко мне питает и которая позволяет мне надеяться, что я буду жить с ним в мире и счастье. И вот, взвесив в уме все хорошее и дурное, что мне может принести брак с этим человеком, я решила остановить свой выбор на нем, считая, что для меня это лучшая из всех партий. Я раздумывала над этим целых два года и сказала себе, что остаток дней моих проведу только с ним. Решение мое столь непоколебимо, что никакие муки, ни даже сама смерть не заставят меня от него отступить. Поэтому я молю вас, ваше величество, простите мне то, что вполне заслуживает прощения, и не лишайте меня счастья и покоя, которые я надеюсь найти с ним.

Видя решимость на ее лице, слыша, как уверенно она говорит, королева не нашла никаких разумных доводов, чтобы ей возразить. Дав волю гневу, она продолжала всячески поносить ее, а потом, заливаясь слезами, воскликнула:

— Несчастливая, вместо того чтобы вести себя со мною смиренно и раскаяться в столь великом проступке, ты говоришь дерзко, и в глазах у тебя нет ни слезинки. Ты выказываешь этим только свое жестокосердие и упрямство. Но если король и твой отец захотят послушать моих советов, они запрячут тебя в такое место, где ты заговоришь совсем иначе.

— Ваше величество, — сказала Роландина, — вы корите меня тем, что я говорю слишком дерзко, — я готова умолкнуть, если вам не будет угодно разрешить мне вам отвечать.

Когда же королева приказала ей говорить, она сказала:

— Мне ведь не пристало, ваше величество, говорить с вами, моей госпожой и самой могущественной из всех королев, дерзко и без должного уважения. Я этого не хотела и отнюдь не собиралась этого делать. Но коль скоро у меня нет адвоката, который бы стал меня защищать, единственная защитница моя — это истина. Я одна ее знаю и решилась высказать ее вам без всякой боязни, надеясь, что, когда вы ее услышите, вы не станете думать обо мне так, как думали до сих пор. Мне совсем не страшно, что кто-то узнает, как я вела себя, ибо я убеждена, что ни господа, ни чести своей я не оскорбила. Вот почему я говорю без всякой боязни: я уверена, что тот, кто видит сердце мое, сейчас со мною. А если Великий судия стоит за меня, то чего же мне бояться тех, кто сам подлежит его суду? Зачем же я стану плакать, если совести моей и сердцу не в чем меня упрекнуть и я настолько далека от всякой мысли о покаянии, что, если бы все началось сначала, я снова поступила бы так, как поступала доселе? А вам, ваше величество, действительно есть о чем

плакать,— вы ведь отравили мне самые лучшие годы моей жизни. Теперь вот вы вините меня перед людьми за то, в чем не я, а сами же вы виноваты. Уж если бы я оскорбила господя, короля, вас, родных моих и поступила наперекор моей совести и после всего этого не раскаялась и не разрыдалась, вы действительно могли бы считать меня жестокосердной. Но чего же ради мне плакать и раскаиваться в поступке благом, справедливом и бескорыстном, о котором никто не мог бы сказать ничего дурного, если бы вы раньше времени его не разгласили, показав тем самым, что ни моя честь, ни честь моих родных, ни вашего собственного дома для вас не столь уже много значит, что важнее всего для вас — меня опозорить. Ну что же, если так вам было угодно, государыня, я не стану ни в чем вам перечить. И если вы придумали для меня какое-нибудь наказание, которого я вовсе не заслужила, я столь же радостно приму эту муку. Поэтому укажите только отцу, как он должен меня наказать, и он не преминет все сделать так, как вы захотите. Мне станет легче, если я буду знать, что отец выполняет вашу волю, причиняя мне зло; я помню, что, когда речь шла о моем счастье, он по вашей же воле медлил, а теперь, опять-таки чтобы угодить вам, он поспешит. Но есть отец в небесах, и я убеждена, что он дарует мне терпение, чтобы вынести все страдания, которые вы мне уготовили, в это я твердо верю.

Разгневанная королева приказала, чтобы Роландину увели с глаз ее и заперли в комнате, где бы она не могла ни с кем разговаривать. Но воспитательница ее осталась при ней, и через нее Роландина сообщила своему мужу о том, что произошло и что она собирается делать. Бастард считал, что услуги, которые он некогда оказал королю, могут ему теперь помочь в его деле, и немедленно отправился ко двору. Встретив короля на прогулке, он рассказал ему все и стал умолять, чтобы он помог ему: успокоил королеву и сделал так, чтобы его брак с Роландиной вступил в законную силу. Король ничего ему не ответил и только спросил:

— А вы с ней действительно поженились?

— Да, государь,— ответил бастард,— покамест еще мы только дали друг другу клятву, но, с вашего соизволения, мы исполним все остальное.

Король опустил голову и, не говоря ни слова, направился прямо в замок. Там он призвал капитана стражи и приказал ему арестовать несчастного. Но один из друзей бастарда, догадавшись о намерениях короля, вовремя предупредил своего друга о грозящей опасности, посоветовав ему укрыться у него

в доме неподалеку от замка. Он обещал бастарду, что, если король станет его разыскивать, он немедленно ему об этом сообщит и даст ему возможность покинуть пределы страны, если же все успокоится, то пошлет за ним, чтобы вернуть его ко двору. Бастард поверил ему и так ловко спрятался, что начальнику стражи не удалось его разыскать.

Король и королева никак не могли решить, что им делать с девушкой, которой выпала на долю честь быть их родственницей. Наконец, по совету королевы, было решено отправить ее к отцу и рассказать тому обо всем, что произошло. Но прежде, чем отправлять ее туда, к ней послали нескольких священников и членов Государственного совета. Те и другие уверяли Роландину, что брак, в который она вступила, ничем не связывает ее, что она и ее возлюбленный вправе нарушить данную друг другу клятву. Ее уговаривали расторгнуть этот союз и расстаться с бастардом, как того хочет король, дабы честь ее дома ничем не была запятнана. Она ответила, что во всем готова слушаться короля, но никогда не пойдет против совести и что тех, кого соединил господь, люди разъединить не вольны. И она попросила их не искушать ее так безрассудно, ибо любовь и добрая воля, которая зиждется на страхе божьем, и есть истинные узы любви, а узы эти так крепко привязывают ее к любимому человеку, что и огонь, и вода, и железо перед ними бессильны. Порвать их может только смерть, и только ей одной позволено взять обратно и кольцо и клятву. Она просила их больше не обращаться к ней с такими речами.

И в решении своем она была так тверда, что согласна была скорее умереть, лишь бы не нарушить свое обещание. Посланцы вернулись к королю и объявили ему о непреклонном решении Роландины. Когда король и королева убедились, что нет силы, которая заставила бы ее отречься от мужа, они отправили ее к отцу, и вид у нее был такой печальный, что, кого бы она ни встречала в пути, все плакали от жалости к ней. Будь она даже действительно виновна, наказание было так велико и она так стойко его переносила, что самый проступок ее стал в глазах людей добродетелью. Когда весть о поведении Роландины дошла до отца, он не пожелал видеть дочь и отправил ее в замок, расположенный среди лесов; замок этот он построил незадолго до этого по особому случаю, который стоит того, чтобы о нем рассказать отдельно. Он посадил ее под стражу и долгое время держал там, обещав, что выпустит на свободу и снова признает своей дочерью, как только она откажется от мужа. Но Роландина была непоколебима; она готова была сносить тюремные узы, лишь бы не

расторгать священных уз брака, и ее не прельщала никакая свобода, если ради этой свободы она должна была отречься от самого дорогого на свете. И, глядя на нее, можно было подумать, что все страдания были для нее лишь приятным времепрепровождением, ибо страдала она за того, кого любила.

Но чего стоят мужчины? Бастард, который, как вы видели, был ей многим обязан, уехал в Германию, где у него было немало друзей. Вел он себя там легкомысленно и этим только доказал, что алчность и тщеславие имели над ним больше власти, чем истинная любовь. Он влюбился там в какую-то даму — и столь сильно, что даже забывал писать той, которая ради него пошла на такие муки. Ибо, как ни жестока была к ним судьба, им все же удавалось писать друг другу, и мешало этому только безрассудное и вероломное увлечение, которое возымело над ним власть на чужбине. Роландина не могла об этом не догадаться. Видя, что письма его стали намного холоднее, чем были, и совсем не похожи на прежние, она заподозрила, что какая-то новая любовь стоит стеной между ними и разлучает их так, как не могли разлучить ни страдания, ни беды. Но ее собственная любовь была так велика, что всякое подозрение само по себе было для нее нестерпимо. Поэтому она нашла способ послать тайком в Германию одного верного слугу, и не для того, чтобы он передал мужу какое-либо поручение, письменное или устное, а чтобы последил за ним и рассказал ей потом всю правду. Вернувшись, слуга сообщил ей, что бастард действительно без памяти влюблен в одну знатную немку и что даже ходят слухи, что он собирается на ней жениться, ибо она богата. Известие это так опечалило бедную Роландину, что, не в силах справиться со своим горем, она тяжело захворала. Те, кто знал причину этой болезни, стали от имени отца твердить, что, коль скоро она убедилась в вероломстве бастарда, она теперь могла бы легко расстаться с ним, и пытались ее всячески к этому склонить. Но, как ни тяжело она страдала, не было никакой возможности заставить ее изменить свое решение. Это было последним испытанием, которое доказало, сколь велики добродетель ее и любовь. Ибо, по мере того как его чувство к ней ослабевало, ее любовь росла и, несмотря ни на что, оставалась беззаветной и самозабвенной, восполняя собою все, чего недоставало в любви бастарда. И когда она увидела, что чувство, которое еще недавно они делили между собой, сосредоточилось теперь только в ее сердце, она решила, что будет свято оберегать его до тех пор, пока один из них не умрет. Но благость господня, которая

есть истинная любовь и совершенное милосердие, сжалилась над ее страданием и долготерпением,— в скором времени, домогаясь любви другой женщины, бастард умер. Когда те, кто присутствовал на его похоронах, сообщили ей об этом, она послала сказать отцу, что просит его поговорить с ней. Отец, который с того дня, как заточил ее в замок, ни разу ее не видел, тут же отправился к ней. Внимательно ее выслушав, он не стал ничем корить ее и уже не угрожал убить, как это делал раньше, а вместо этого обнял ее и со слезами сказал:

— Дочь моя, правда на твоей стороне, ведь если ты и совершила проступок, виноват в этом я сам. Но, коль скоро господь так рассудил, я не стану вспоминать прошлое.

И, приведя Роландину к себе в дом, он окружил ее всей той заботой, на которую она имела право как старшая дочь. И к ней посватался один дворянин, состоявший с ними в родстве и имевший тот же герб, человек рассудительный и достойный. Часто бывая в их доме, он проникся к ней великим уважением и воздавал ей хвалу именно за то, за что другие ее порицали, ибо понимал, что помыслы ее возвышенны и чисты. Брак этот был по душе как самой Роландине, так и ее отцу,— и, долго не раздумывая, они поженились. Правда, брат ее, бывший единственным наследником, не хотел выдать причитающуюся ей часть наследства под предлогом того, что она ослушалась отца. И когда старик умер, он так плохо с ней обошелся, что Роландине и мужу ее, который был младшим в роде и не имел никакого состояния, жить было очень трудно. Но господь милостив: брат, который хотел присвоить все отцовское состояние, неожиданно умер, и в один прекрасный день им досталось все наследство отца. Таким образом Роландина стала владелицей большого, хорошего дома, где она достойно и благочестиво прожила остаток дней своих, любимая мужем. И уже после того, как она вырастила двоих сыновей, которых ей и супругу ее послал господь, она радостно отдала свою душу тому, в кого свято верила всю свою жизнь.

— А теперь, благородные дамы, я хочу, чтобы мужчины, которые столько твердят о нашем непостоянстве, рассказали о ком-нибудь из них, кто был бы достойным супругом и добродетелью своей и верностью мог соперничать с этой женщиной. Я уверена, что сделать это так трудно, что лучше уж, пожалуй, оставить их в покое и не обременять столь непосильной задачей. А вас я молю, не порочьте нашу славу—

или не любите нас вовсе, или любите истинною любовью. И не говорите, пожалуйста, что девушка эта запятнала чем-нибудь свою честь,—напротив, стойкостью своей она возвела честь всех нас, женщин.

— Право же, Парламента,—сказала Уазиль,—вы рассказали нам историю женщины поистине благородной и великодушной. Но ее достоинство еще больше выигрывают оттого, что муж ее оказался человеком бесчестным и способным покинуть ее ради другой.

— По-моему, труднее всего ей было вынести именно это,—сказала Лонгарина.—Нет такого тяжелого груза, которого любовь не могла бы поднять легко, если оба любят с равною силой. Но если один уклоняется и всю тяжесть готов взвалить на другого, тому никак не справиться с этой ношей.

— Вы должны бы пожалеть нас,—сказал Жебюрон,—ведь это мы несем на себе всю тяжесть любви, а вы и пальцем не пошевелите, чтобы нам стало полегче.

— Полноте, Жебюрон!—воскликнула Парламента.—Ноши, которые достаются мужчинам и женщинам, часто совсем не одинаковы. Ведь любовь женщины зиждется на благородии и на благородстве, она так справедлива и так разумна, что тот, кто отказывается от нее, скорее всего труслив и подл и перед людьми, и перед богом. Любовь же большинства мужчин нашего круга настолько явно зиждется на удовольствии, что, не зная об их дурных намерениях, женщины нередко заходят сами довольно далеко. Когда же господь сподобит их вовремя узреть вероломство тех, кого они почитали порядочными людьми, они еще могут спасти честь свою и доброе имя, ибо безрассудства, которые делятся недолго, не могут принести много зла.

— Хорошо же вы рассуждаете,—сказал Иркиан,—вам пришло в голову доказывать, что благородные женщины вправе, не запятнав своего благородства, оставлять мужчин, мужчины же, по-вашему, так поступать не должны, как будто сердце у тех и у других сделано из разного материала. Но, как ни различны лица их и одежда, я думаю все же, что желания их весьма схожи, разве только что искусно скрытое коварство женщины опаснее.

Парламента это несколько рассердило, и она сказала:

— Если я правильно поняла, вы считаете, что коварные женщины, когда козни их раскрыты, уже не опасны.

— Довольно об этом говорить,—сказал Симонто,—чего нам спорить о том, чье сердце выше: сердце женщины или

сердце мужчины. По правде говоря, лучшее из них — и то ничего не стоит. Давайте-ка спросим, кому Парламента передает сейчас слово, чтобы мы могли услышать еще один интересный рассказ.

— Я передаю его Жебюрону, — объявила Парламента.

— Ну, раз я начал уже говорить о францисканцах, — сказал Жебюрон, — я не обойду молчанием и бенедиктинцев и расскажу о том, какими они стали сейчас. Но при этом, рассказывая о недостойном монахе, я вовсе не хочу поколебать ваше уважение к людям, которые его вполне заслужили. Впрочем, поелику царь Давид сказал: «Всякий человек лжец»; и в другом месте: «Нет делающего добро, нет ни одного», — принимать человека, мне кажется, надо таким, каков он есть; если в нем и есть что-то благое, то оно идет от Источника всего, а не от самого творения. Если же начать сверх меры хвалить человека, он возомнит о себе больше чем следует и этим поддается обману. А для того, чтобы вы поняли, что и под самой большой строгостью может скрываться самое необузданное вожделение, послушайте о том, что приключилось в царствование короля Франциска Первого.

НОВЕЛЛА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Сестра Мария Эроз, которую преследовал своими домогательствами приор монастыря Сен-Мартен-де-Шан, с помощью божьей устояла перед самыми сильными искушениями, так что приор был посрамлен, а она возвеличена.

В городе Париже, в монастыре Сен-Мартен-де-Шан, был некий приор, имени которого я не хочу называть, потому что он был моим другом. До пятидесяти лет он вел такую строгую жизнь, что слава о его благочестии облетела всю страну и самые знатные люди, когда он приезжал к ним, очень почитательно его принимали. Все преобразования в монастырской жизни утверждались не иначе как с его одобрения, и его называли *отцом истинной веры*. Он был избран визитатором конгрегации женских монастырей Фонтевро, и монахини этого аббатства до того его боялись, что, когда он приезжал в какой-нибудь из монастырей, они все дрожали от страха. И, чтобы умерить его требования и умиловить его, они оказывали ему поистине королевский прием. Вначале он еще против этой торжественности протестовал, но потом, к пятидесяти годам, понемногу оценил внимание монахинь и, проникшись убеждением, что всем своим благоденствием

аббатство это обязано ему, решил, что следует, елико возможно, беречь свое здоровье. И хотя по уставу ему и не полагалось есть мясо, он стал позволять себе исключения из этого правила, оправдывая это тем, что вся тяжесть забот об аббатстве лежит на нем.

Он стал так обильно питаться, что через некоторое время из человека худощавого превратился в толстяка. А с изменением самой жизни изменились и его взгляды, и он начал обращать внимание на женские лица, что раньше всегда почитал за грех. И чем больше он заглядывался на красавиц, которые сквозь покрывало казались ему еще более прелестными, тем больше пробуждалось в нем плотское вожделение. И он стал изыскивать разные хитроумные способы, чтобы усладить свою плоть, и постепенно из пастыря своего стада превратился в волка. И если в каком-нибудь из монастырей он находил девушку совсем еще юную и невинную, он не упускал случая ее соблазнить. Так он жил довольно долгое время, но в конце концов терпение Всевышнего истощилось, он пожалел своих заблудших овечек, и власти этого жестокого человека, как вы увидите из моего рассказа, наступил конец.

Однажды, приехав в монастырь Жиф, расположенный неподалеку от Парижа, приор стал там исповедовать всех монахинь, одну за другой. Среди них была некая Мария Эроз. Голос этой девушки был приятен и нежен, и легко можно было предположить, что та же приятность есть и в лице ее, и в сердце. И, слушая ее исповедь, святой отец воспылал к ней такой любовью, какую ни одна другая женщина в нем до того не пробуждала. Разговаривая с ней, он наклонился к ней совсем низко и увидал ее свежие розовые губы. И он не мог удержаться, чтобы не приподнять покрывало и не посмотреть, столь же ли хороши ее глаза. И он увидел, что это действительно так. И с той минуты сердцем его овладела такая томительная страсть, что он перестал пить и есть и, как ни старался скрыть свое чувство, исхудавшее лицо его выдавало. Вернувшись в свой приорат, он уже больше не знал покоя. Все мысли его были о Марии, он перестал спать по ночам, стараясь придумать, как бы ему удовлетворить свое желание и поступить с нею так же, как поступал с другими. Он, правда, боялся, что это окажется делом нелегким; девушка эта была благоразумна и скромна и настолько сообразительна, что надеяться на успех ему особенно не приходилось. Понимая, что он безобразен и стар, приор решил, что говорить он с ней ни о чем не станет, а постарается воздействовать на нее страхом. Вскоре вслед за тем он

снова приехал в упомянутый монастырь Жиф и был на этот раз еще более придирчив, чем обычно, и гневался на всех монахинь, ругая одну за то, что она опускает покрывало недостаточно низко, другую за то, что она слишком высоко поднимает голову, третью за то, что она не умеет класть поклоны, как это подобает. И ко всем он был так строг, что им казалось, что это сам господь бог призывает их на Страшный суд. А так как он страдал подагрой, то к концу дня до того устал, что в час, назначенный для вечерней службы, он решил никуда не ходить и остаться в отведенной ему келье. Аббатиса сказала ему:

— Святой отец, уже время служить вечерню.

— Ступайте, матушка, и пускай начинают без меня,— ответил он.— Я так устал, что останусь у себя,— и не затем, чтобы отдохнуть, а чтобы побеседовать с сестрой Марией, о которой я очень много прослышал дурного: мне донесли, что она все время болтает и ведет себя как мирянка.

Аббатиса, которой эта монахиня приходилась внучатной племянницей, попросила его хорошенько отчитать девушку и, послав за ней, оставила ее в обществе приора и сопровождавшего его молодого монаха. Оставшись с Марией, святой отец пытался поднять ее покрывало и приказал ей глядеть ему в глаза. Она же ответила, что по уставу ей не положено глядеть на мужчин.

— Все это верно, дочь моя,— сказал он,— только нас, монахов, ты не должна считать за мужчин.

Тогда, боясь его послушаться, сестра Мария посмотрела на него. И когда она увидела, до чего он безобразен, она решила, что глядеть на него так противно, что это не может быть грехом, что, напротив, за это одно господь простит ей другие грехи. Поговорив с ней некоторое время о нежных чувствах, которые он к ней питает, приор потянулся к ее соскам. Как и следовало ожидать, она тотчас же оттолкнула его руку. Тогда вне себя от гнева он воскликнул:

— Разве монахине положено знать, что у нее есть соски?

— Да, я знаю, что у меня они есть,— отвечала она,— и можете быть спокойны — ни вы, ни другой мужчина их не коснется. Не такая я юная и неопытная, чтобы не знать, что есть грех и что нет.

Когда приор увидел, что потерпел неудачу, он пустился на другую хитрость и сказал:

— Увы, дочь моя, я должен поведать тебе нечто важное: я серьезно болен, все врачи находят болезнь мою неизлечимой. И поверь, что единственное средство, которое может меня исцелить,— это женская ласка и наслаждение с той, которую

я люблю. Что до меня, то я ни за что на свете не хотел бы совершить смертный грех, но когда речь идет о том, чтобы остаться в живых, то я думаю, что само прелюбодеяние ничего не значит по сравнению с человекоубийством — грехом, вне всякого сомнения, более страшным. Поэтому, если тебе дорога моя жизнь, внемли голосу совести и не будь жестокосердной. Этим ты спасешь и свою душу, и меня.

Монахиня спросила, что она должна делать.

Он ответил, что она может всецело положиться на него и что он неспособен совершить ничего дурного, чего ему или ей пришлось бы потом стыдиться. И, чтобы показать ей, с чего начинается эта игра, он обнял ее и пытался уронить на постель. Разгадав его злой умысел, девушка стала защищаться — и не только с помощью слов, но и с помощью рук, — и святому отцу удалось только прикоснуться к ее одежде. Увидав, что все его хитрости и усилия ни к чему не привели, расвирепевший монах позабыл не только о совести, но и о рассудке и, запустив ей под платье руку, яростно расцарапал ногтями все, до чего успел дотянуться. Боль была так велика, что несчастная девушка, закричав истошным голосом, упала на пол и тут же лишилась чувств. На крик этот неожиданно отозвалась аббатиса. Слушая вечерню, она вспомнила, что ее внучатная племянница осталась беседовать со святым отцом, и, боясь, как бы чего не стряслось, подошла к двери послушать, о чем они говорят. Едва только она услышала крик Марии, как сразу же толкнула дверь, которую придерживал молодой монах.

Увидев аббатису, приор не растерялся и, указав ей на лежавшую без чувств девушку, сказал:

— Вы совершили большую оплошность, матушка. Почему вы не сказали мне, что у сестры Марии такое слабое здоровье? Я этого не знал и заставил ее стоять, и, в то время когда я увещевал ее, она вдруг упала и потеряла сознание.

Бедную девушку стали приводить в чувство укусами примочками и разными другими средствами и обнаружили что при падении она разбила себе голову.

Когда она пришла в себя, приор, боясь, чтобы она не сказала аббатисе о том, что он учинил, тихо сказал ей:

— Дочь моя, приказываю тебе под страхом наказания и вечного проклятия никогда никому не рассказывать о том, что я здесь совершил, ибо ты должна понять, что толкнула меня на это дошедшая до крайности любовь. Теперь, когда я убедился, что ты не любишь меня, обещаю тебе, что никогда больше не заведу о ней речи, только помни, что если

тебе захочется когда-нибудь меня полюбить, я сделаю тебя аббатисой одного из трех лучших аббатств нашего королевства.

Но Мария ответила, что скорее согласилась бы умереть в тюрьме, чем предпочесть кого-нибудь тому, кто умер за нее на кресте; с ним она готова переносить любые страдания, которые выпадут ей на долю, и предпочтет их всем богатствам мира. Она предупредила приора, чтобы он больше не пытался заговаривать с ней об этих вещах, иначе она все расскажет аббатисе; если же он сохранит все в тайне, то молчать будет и она. Ничего не добившись, недостойный пастырь вынужден был уехать. А для того чтобы показать себя с лучшей стороны и впредь иметь возможность видеть ту, кого он любил, он, повернувшись к аббатисе, сказал:

— Прошу вас, матушка, заставьте всех монахинь спеть *Salve Regina* в честь Пресвятой девы, на которую я во всем уповаю.

Когда запели эту молитву, хитрый лис прослезился — и не от умиления, а от горя, что ему не удалось удовлетворить свое желание. А все монахини, думая, что он плачет от любви к деве Марии, смотрели на него, как на святого; сестра же Мария, зная истинную причину этих слез, от всего сердца молила Пресвятую деву покарать того, кто глумился над девичьим целомудрием.

Так этот лицемер вернулся ни с чем в монастырь Сен-Мартен. Воспылавшая в его сердце страсть и там продолжала жечь его дено и ношно, и он только и думал о том, какими путями достичь своей цели. А так как паче всего он боялся аббатисы, которая была женщиной строгих правил, он стал придумывать, как удалить ее из этого монастыря. Он отправился к графине Вандомской, которая находилась тогда в замке *Ля Фер*, где она основала бенедиктинский монастырь, получивший название *Мон-д'Оливе*. Когда почтавшийся высшим духовным авторитетом приор убедил графиню, что аббатиса упомянутого монастыря недостаточно опытна, чтобы возглавлять столь большую обитель, графиня попросила его прислать им другую, более достойную этой должности.

Приору этого только и было надобно, и он посоветовал ей взять к себе аббатису из монастыря *Жиф*, уверяя, что во всей Франции лучше ее им никого не найти. Графиня Вандомская тут же послала за нею и вверила монастырь *Мон-д'Оливе* ее попечению. Тогда приор, к голосу которого все прислушивались, добился того, что во главе *Жифского* монастыря была поставлена угодная ему аббатиса. И он снова

поехал в Жиф, решив еще раз попытаться мольбами и лаской сломить упорство сестры Марии Эроз. Но, убедившись, что все его усилия напрасны, вернулся опять в свой монастырь Сен-Мартен. Там, для того чтобы достичь своей цели и отомстить той, которая так жестоко с ним обошлась, а также боясь, как бы кто-нибудь не проведал о его домогательствах, он придумал новую хитрость: выкрыв ночью святые мощи из Жифского монастыря, он обвинил в этой краже тамошнего духовника, человека старого и глубоко порядочного, и велел заточить его в тюрьму монастыря Сен-Мартен. И уже после того, как это было сделано, подговорил двоих свидетелей, которые по неведению своему подписали все, что от них потребовал господин их, приор. А написано было, будто бы они застали в одном из монастырских садов означенного духовника вместе с сестрой Марией за совершением непотребного действия. И приор хотел, чтобы несчастный старик сам признался в своей вине. Тот, однако, отлично знал все проделки приора и поэтому попросил его созвать капитул, добавив, что готов перед всеми рассказать истинную правду о том, что было. Боясь, что, оправдывая себя, духовник изобличит его самого, приор отказался удовлетворить его просьбу. А видя, что старик не сдается, он стал так жестоко с ним обращаться, что, по словам одних, тот умер в тюрьме, а по словам других, приор принудил его оставить монашество и, переодевшись в мирскую одежду, покинуть пределы Франции. Что бы там ни было, с тех пор его больше никто не видел.

Когда приор увидел, что Мария в его руках, он отправился в монастырь и, так как новая аббатиса, которую он туда поставил, ни в чем ему не перечила, решил воспользоваться своим правом визитатора конгрегации и стал вызывать к себе в комнату монахинь одну за другой, чтобы выслушать каждую. И когда очередь дошла до сестры Марии, которая лишилась своей доброй покровительницы, он обратился к ней с такими словами:

— Сестра Мария, ты знаешь, в каком тяжком преступлении тебя обвинили. Хотя ты и разыгрываешь из себя невинную девушку, притворство твое ни к чему не приведет, всем известно, как ты себя вела.

На это сестра Мария, не дрогнув, ему ответила:

— Позовите сюда того, кто хочет меня обличить, и вы увидите, посмеет ли он в моем присутствии повторить свою клевету.

— Никаких доказательств нам не надо,— сказал приор,— достаточно того, что духовник сам во всем сознался.

— Духовник наш такой благородный человек,— воскликнула сестра Мария,— что он на это никак не способен. Но если вы настаиваете на своем, то пусть он придет сюда — и я докажу вам, что это ложь.

Видя, что ему ничем не удастся ее запугать, приор сказал:

— Я твой духовный отец и хочу спасти твою честь. Если ты не хочешь совершить смертный грех, заклинаю тебя, скажи мне правду, действительно ли, принимая обет монашества, ты была девственницей?

— Святой отец,— ответила Мария,— ведь я с пяти лет живу в монастыре, разве этого недостаточно, чтобы убедить вас в моей невинности?

— Допустим, что это так, дочь моя,— ответил приор,— но разве с тех пор никто не мог лишить тебя девственности?

Сестра Мария поклялась, что этого не было и что, кроме него самого, никто никогда не пытался это сделать. На это он ответил, что он не может ей поверить и что ему нужны доказательства.

— Какие же доказательства я могу привести? — спросила она.

— А вот какие,— ответил святой отец,— те самые, которые приводили все остальные монахини. Я ведь являюсь пастырем не только душ ваших, но и вашей плоти. Все ваши аббатисы прошли через мои руки. И тебе тоже нечего бояться, я только удостоверюсь в том, девственна ты или нет. Поэтому ляг сейчас на постель и подними платье.

— Вы уже столько раз приставали ко мне и объяснялись в безумной любви,— в негодовании вскричала сестра Мария,— что я твердо убеждена, что вам хочется вовсе не удостовериться в том, что я невинна, а лишить меня невинности. Поэтому знайте, что я никогда на это не соглашусь.

Тогда приор сказал, что за непослушание отлучит ее от церкви, и пригрозил, что созовет капитул и приведет ее туда, чтобы изобличить перед всеми, ибо знает про ее связь с духовником.

— Ну, если вы собираетесь опозорить меня перед людьми,— бесстрашно ответила ему Мария,— тот, кто видит и знает глубины сердца, воздаст мне великую славу. И раз вы хотите позволить себе такую низость, то пусть уж лучше я приму самые жестокие страдания, ибо я знаю, что единственный справедливый судия наш — господь бог.

Приор немедленно собрал капитул и, призвав сестру Марию, велел ей стать на колени перед всеми и сказал ей раздраженно:

— Сестра Мария, я огорчен тем, что ты оказалась глуха ко всем моим добрым советам и содеяла такой грех, за который, вопреки обыкновению моему, я должен наложить на тебя покаяние. Когда я допрашивал твоего духовника о тех преступлениях, в которых его обвиняют, он признался, что согрешил с тобой и случилось это именно в том месте, где вас застали свидетели. А поелику я покровительствовал тебе и сделал тебя старшей над послушницами, теперь я приказываю, чтобы ты стала самой последней из всех и чтобы отныне ты сидела на полу и ела один только хлеб и пила воду — до тех пор, пока вся обитель не признает, что покаянием этим ты искупила свой грех.

Сестра Мария, которую одна из монахинь предупреждала, что, если она станет в чем-либо возражать приору, он заточит ее in расе, то есть навеки, выслушала это решение и воздела очи к небесам, прося господя, который помог ей удержаться от греха, помочь ей теперь вынести это жестокое наказание. Ко всему прочему, приор запретил ей свидания с отцом и матерью на три года — то есть до тех пор, пока не окончится срок наказания, — и не позволил ей писать никаких писем, сказав, что за нее эти письма будет писать обитель.

С этим он и уехал, а несчастная монахиня в течение долгого времени сносила наложенную на нее кару. Ее мать, которая в ней души не чаяла, изумлялась, не получая от нее писем, и сказала одному из своих сыновей, что, должно быть, дочери ее уже нет в живых, а монахини, чтобы получить годовое содержание, которое ей полагалось, решили скрыть ее смерть. И она попросила его поехать в монастырь и узнать, что случилось с Марией. Тот немедленно же туда отправился, и, когда он осведомился о ней, ему, как это принято делать в подобных случаях, сказали, что сестра его уже три года как лежит в постели. Ответ монахинь его, однако, не удовлетворил, и он поклялся, что, если его не пустят к сестре, он все равно силой ворвется в монастырь и ее увидит. Решимость его всех так испугала, что они привели несчастную Марию к ограде монастыря, причем аббатиса все время стояла с ней рядом, так что она ничего не могла сказать брату о себе, кроме того, что ей было позволено. Но сестра Мария оказалась достаточно сообразительной и успела написать обо всем, что с ней за это время произошло и что вы уже знаете, присовокупив к этому рассказ о многих других хитростях приора, которыми он хотел ее обмануть, перечислять которые здесь было бы слишком долго. Добавлю только, что еще в то время, когда аббатисой была родственница

Марии, приор подсылал к ней одного молодого монаха, полагая, что, если девушку отвратило его собственное безобразие, она не устоит перед молодостью и красотой — и тогда страх сделает то, чего не добилась любовь, и она вынуждена будет уступить его настояниям. Но когда, застав ее одну в саду, молодой монах стал склонять ее к бесчестию такими бесстыдными речами и непотребными телодвижениями, которые мне стыдно даже описывать, несчастная девушка побежала к аббатисе, разговаривавшей в это время с приором, и закричала:

— Матушка, оказывается, это не монахи, а дьяволы, посланные, чтобы нас искушать!

И тогда приор, который очень боялся, чтобы замысел его не открылся, засмеялся и сказал:

— Ну разумеется, матушка, Мария права!

И, взяв ее за руку, он сказал аббатисе:

— До меня дошли слухи, что у сестры Марии так хорошо привязан язык и она так любит болтать, что ее можно принять за светскую даму. Потому-то, дабы испытать ее, я решил обратиться к ней с такими речами, с какими светские кавалеры обращаются к дамам, а так как сам я в этом искусстве неопытен, как дитя, я стал читать все, что об этом пишут в книгах. Только я сообразил, что сам я безобразен и стар и все, что я говорю, ничего для нее не может значить, и тогда велел молодому монаху, который со мною сюда приехал, повести с нею такие вот речи. И, как вы могли убедиться сами, она с честью выдержала этот искус. А коль скоро она так добродетельна и скромна, я хочу, чтобы отныне она была первой после вас, и поручаю ей всех послушниц, чтобы она могла и впредь выказывать добродетель свою и высокое рвение.

Вот на какие подлости — а я рассказал еще далеко не все — пустился святой отец, все эти три года влюбленный в монахиню. Словом, изобретательность его была весьма велика. Мария Эроэ, как я уже сказал, передала через решетку письмо брату, в котором поведала ему свою горестную историю. Письмо это брат отвез матери. Та была в полном отчаянии и сама поехала в Париж к королеве Наваррской, единственной сестре короля. И, показав ей это печальное письмо, она воскликнула:

— Ваше величество, не верьте больше этим лицемерам! Я думала, что дочь моя пошла по праведной стезе и сейчас уже достигла преддверия рая, а вместо этого я, оказывается, направила ее в ад и отдала в руки тех, кто еще хуже, чем дьяволы, ибо дьяволы искушают нас только тогда, когда нам

самим это нравится, а эти, когда им отказывают в любви, применяют силу.

Королева была очень огорчена, ибо она безраздельно доверяла приору монастыря Сен-Мартен и даже поручила ему заботу о своих двух золовках — аббатисах Монтивилье и Кан. Известие же о столь тяжком преступлении привело ее в ужас, и она стала думать о том, как бы наказать истязателя несчастной девушки. Она рассказала обо всем королевскому канцлеру, который в то время был легатом Франции, а сама тут же послала за приором монастыря Сен-Мартен, которому нечем было перед ней оправдаться, разве только тем, что он уже был семидесятилетним стариком. И он стал молить королеву Наваррскую, чтобы она помилосердовала и припомнила все его прежние заслуги, а равно и готовность служить ей и впредь, и прекратила этот процесс, клятвенно заверив ее, что сестра Мария Эроэ — жемчужина целомудрия и добродетели. Королеву слова его так поразили, что она не сразу даже нашлась, что ответить. Так или иначе, она оставила его на прежнем месте, и приор, пристыженный и смущенный, вернулся в свой монастырь, где старался не попадаться никому на глаза, и, прожив еще год затворнической жизнью, там и умер. А сестра Мария Эроэ, заслужившая добродетелью, которую ей даровал господь, всеобщее уважение, была взята из Жифского монастыря, где ей пришлось претерпеть столько горьких мук, и приказом самого короля назначена аббатисой в аббатстве Жи, возле местечка Монтаржи, и премного там потрудилась. И она жила там, преисполненная веры в господя, и всю жизнь воздавала ему хвалу за то, что, вернув ей честь, он даровал ей спокойную и благодатную жизнь.

— Вот, благородные дамы, история, которая как будто написана на слова Евангелия: «Но бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал бог, чтобы посрамить сильное; и незнатное мира и униженное — ничего не значащее — избрал бог, чтобы упразднить значащее». Подумайте только, милые дамы, ведь без божьей благодати не может быть никакого добра в человеке, и вместе с тем нет такого испытания, с которым смертный не мог бы справиться, призвав к себе в помощники бога. Хорошим примером этого может служить посрамление того, кого все считали праведником, и возвышение той, кого называли грешницей и втоптали в грязь. Как оправдываются слова

господа нашего: «Ибо всякий возвышающий себя сам унижен будет, а унижающий себя возвысится».

— Увы,— воскликнула Уазиль,— сколько же добрых людей одурачил этот приор! Помнится, верили ему чуть ли не больше, чем самому господа богу.

— Меня бы уж он не обманул,— сказала Номерфида.— Мне до того отвратительны все эти монахи, что я не могла бы даже пойти к ним на исповедь. Я знаю, что свет не создавал таких подлых людей, как они; стоит им только попасть в порядочный дом, как они непременно учинят там какую-нибудь пакость и непотребство.

— Но есть среди них и хорошие,— возразила Уазиль,— и не следует судить одинаково обо всех. Должна сказать, что самыми порядочными из них оказываются те, кто чуждается и светского общества и женщин.

— Вы, пожалуй, правы,— сказала Эннасюита,— ведь чем меньше их там встречаешь, тем меньше знаешь и больше уважаешь. А тот, кто все время общается с ними, видит их такими, каковы они на самом деле.

— Ну, хватит о них говорить! — вскричала Номерфида.— Посмотрим лучше, кому сейчас Жебюрон передаст слово.

Чтобы загладить свой проступок — если только можно было счесть проступком разоблачение отвратительного и жестокого монаха, дабы предостеречь людей от других ему подобных и научить их с большей осторожностью относиться к подобным лицемерам,— Жебюрон, питавший большое почтение к госпоже Уазиль, как к женщине строгих правил, способной резко осудить все дурное и вместе с тем всегда готовой превозносить все хорошее, что есть в людях, представил ей слово.

— Прошу вас,— сказал он, обращаясь к госпоже Уазиль,— расскажите нам что-нибудь во славу добрых монахов.

— Мы ведь поклялись говорить одну только правду,— ответила Уазиль,— а раз так, то я вряд ли смогу исполнить ваше желание. К тому же ваш рассказ напомнил мне одну очень жалостную историю, и мне теперь придется рассказать ее вам; ибо, во-первых, происходило все это поблизости от тех мест, где я тогда жила, а во-вторых, я не хочу, чтобы лицемерие тех, кто считает себя более праведными, чем все остальные, затуманило вам головы и чтобы вера ваша, отклонившись от истинного пути, стала искать прибежища в ком-то другом, забыв о том Единственном, кто не нуждался в помощниках, создавая мир и искупая грехи наши, кто всемогущ и один может спасти нашу душу для жизни вечной, а в сей жизни брэнной утешить нас и избавить от всех

огорчений. Я знаю, что нередко сам Сатана превращается в Ангела света, и забочусь о том, чтобы, глядя на земной мир, глаза ваши не были ослеплены видимостью благочестия и праведной жизни и не устремились на то, от чего они должны отвращаться; вот почему я решила рассказать вам эту историю.

НОВЕЛЛА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Чрезмерное почтение, которое один дворянин из Перигора питал к ордену францисканцев, послужило причиной того, что его, жену и маленького сына постигла жестокая смерть.

В Перигоре жил некий дворянин, который с таким благоговением относился к Святому Франциску, что ему казалось, что всякий принадлежащий к ордену францисканцев монах должен походить на своего доброго патрона. И чтобы воздать честь этому святому, он у себя дома отвел отдельную комнату и гардеробную, предоставив их в распоряжение странствующих монахов-францисканцев, и во всех делах своих, вплоть до мелочей домашней жизни, руководился их советами, считая, что они в каждом случае могут указать ему, как надо поступить. И вот случилось так, что жена этого дворянина, женщина, которая была очень красива и столь же добродетельна и скромна, родила ему сына, после чего любовь к ней ее мужа стала еще больше. Собираясь отпраздновать рождение сына, он послал за своим шурином. Когда же настало время садиться за ужин, в дом к нему явился монах-францисканец, имя которого я не стану называть, чтобы не позорить святой орден. Дворянин чрезвычайно обрадовался, увидев своего духовника, перед которым у него не могло быть никаких тайн. Поговорив с женой и с шурином, он усадил всех за ужин. Во время еды дворянин этот то и дело поглядывал на жену, которая была так хороша собой и привлекательна, что желания его воспламенились. И он стал приставать к монаху со следующими вопросами:

— Скажите, святой отец, верно ли, что спать с женой сразу же после родов, не выждав определенного срока, есть смертный грех?

Монах, которому сердце говорило совсем другое, сделал, однако, строгое лицо и гневно сказал:

— Разумеется, сын мой, я уверен, что это один из самых тяжких грехов, которые совершают люди женатые. Вспомним хотя бы, как пресвятая дева Мария не хотела входить в храм до тех пор, пока не очистится после родов, а ведь ей

не было нужды дожидаться этого дня. Неужели вы не можете отказать себе в столь незначительном удовольствии, если Пресвятая дева, только чтобы повиноваться закону, воздерживалась — не входила в храм божий, лишая себя этим самой большой радости. Кроме того, и врачи говорят, что такое обхождение крайне опасно для последующего потомства.

Услыхав эти слова, дворянин наш очень опечалился, ибо надеялся, что святой отец даст ему это разрешение, однако ничего не сказал. Монах же, выпивший за ужином больше, чем следовало, вина, не сводил глаз с молодой женщины и подумал, что если бы он был на месте ее мужа, то ему не пришло бы в голову испрашивать совета духовника, спать ему или нет в эту ночь со своей женою. И как пожар, разгоревшись, постепенно охватывает весь дом, так вожделение, которое три года жило скрытым в сердце францисканца, разгорелось в нем так, что он решил его сейчас же удовлетворить.

И когда все встали из-за стола, монах взял хозяина дома за руку и, подведя его к постели жены, сказал:

— Сын мой, зная, как вы и жена ваша любите друг друга и как, по причине молодости вашей, жар любви тревожит вашу плоть, я проникся сочувствием к вам обоим и хочу поэтому поведать вам одну тайну теологии. Дело в том, что закон, который очень строг к мужчинам невоздержанным, дает некоторые преимущества тем, у которых совесть чиста. Поэтому, сын мой, если я в присутствии домочадцев ваших и распространялся о строгости закона, вам, как человеку скромному, я должен открыть и те льготы, которыми вы могли бы воспользоваться. Знайте, сын мой, что женщина женщине рознь, так же как и мужчина мужчине. Если жена ваша уже три недели как родила, то прежде всего необходимо узнать, прекратилось ли у нее кровотечение.

На это молодая женщина ответила, что все уже кончилось.

— В таком случае, сын мой,— сказал монах,— вы можете спокойно спать с ней, но для этого вы должны выполнить два условия.

Дворянин охотно на все согласился.

— Первое условие,— продолжал святой отец,— вы никому не должны об этом рассказывать и должны прийти к жене тайком; второе — вы должны явиться к ней не раньше, чем в два часа пополудни, чтобы проказы ваши не нарушили ей пищеварения.

Муж все это ему обещал и скрепил свое обещание клятвой, и, так как монах знал его как человека хоть и не

очень умного, но правдивого, он был уверен, что все это так и будет. Поговорив еще кое о чем, а затем благословив их и пожелав им спокойной ночи, монах удалился в отведенную ему комнату. Уходя, он взял хозяина дома за руку и сказал:

— Я надеюсь, сын мой, что вы придете и не заставите бедняжку вас ждать понапрасну.

Поцеловав жену, дворянин сказал ей:

— Дорогая моя, не запирай, пожалуйста, сегодня дверь.

Слова эти святой отец хорошо запомнил. Вскоре все разошлись по своим комнатам. Однако, оставшись один, монах не мог думать ни о сне, ни об отдыхе. Как только он заметил, что в доме все стихло — а это был тот час, когда он привык ходить к заутрене, — он тихонько направился в комнату хозяйки, которая ждала мужа и оставила дверь неприкрытой, потушил свечу и поспешно улегся к ней в постель, не проронив при этом ни слова.

Бедная женщина, в полной уверенности, что это ее муж, воскликнула:

— Как же так, друг мой! Вы позабыли о том, что вы обещали святому отцу не приходиться ко мне раньше, чем в два часа пополудни!

Но монах, более склонный в эту минуту действовать, нежели размышлять, и боявшийся, как бы его не узнали, ничего не ответил ей, чем весьма ее удивил. Он помышлял только о том, чтобы удовлетворить грешное желание, столь долгие годы его терзавшее. А когда он увидел, что час, когда должен прийти муж, уже приблизился, он встал с постели и поспешно возвратился к себе в комнату.

И точно так же, как с вечера уснуть ему не давало вожделение, теперь на смену ему явился неизменный спутник всякого греха — страх — и не дал ему ни на минуту сомкнуть глаза. Тогда он разыскал привратника и обратился к нему со следующими словами:

— Друг мой, господин приказал мне сейчас же отправиться в монастырь и помолиться там за него. Поэтому, прошу тебя, оседлай мне лошадь и открой поскорее ворота. Только смотри, никому об этом не говори, дело это важное и должно сохраняться в тайне.

Привратник, зная, что хозяин его всегда был рад чем-нибудь услужить францисканцам, потихоньку открыл ворота и выпустил его.

В это время дворянин проснулся и, видя, что час, в который святой отец разрешил ему пойти к жене, уже настал, как был, в одной рубашке немедленно же сделал то, что

отлично мог сделать, не испросив на то позволения человека, ибо сие было давно разрешено ему господом,— улегся в постель к жене. Услылав его голос, та крайне удивилась и, не зная о том, что произошло, воскликнула:

— Вот, оказывается, как ты держишь слово, которое дал святому отцу. Ты ведь обещал ему, что будешь заботиться и о своем и о моем здоровье, а ты, мало того что явился ко мне раньше положенного часа, но теперь еще приходишь второй раз! Опомнись, что ты делаешь!

Услылав эти слова, муж ее пришел в такое изумление, что не мог не высказать ей всего, что думал.

— Что ты мне такое говоришь,— воскликнул он,— я же отлично знаю, что уже три недели как не сплю с тобой, а ты коришь тем, что я ушел и вернулся! Если ты намерена продолжать подобные речи, я просто решу, что я тебе не по душе, и стану искать утешения где-нибудь на стороне, хотя это и не в моих правилах.

Думая, что он над ней насмехается, жена его ответила:

— Я слышу, что ты собираешься меня обмануть, да смотри только, как бы тебе самому не обмануться. Хотя ты первый раз не сказал мне ни слова, я ведь отлично знаю, что это был ты.

Тут дворянин сообразил, что оба они обмануты, и поклялся жене, что действительно не приходил к ней. Ее это так огорчило, что она принялась плакать и, вся в слезах, стала умолять его тщательно разузнать, кто это мог быть,— ведь в доме, кроме брата ее и монаха, никто больше не ночевал. Подозрение мужа сразу же упало на монаха, и он стремительно кинулся к нему в комнату, но комната оказалась пуста. Чтобы убедиться, что монах действительно скрылся, он побежал к привратнику и спросил, не знает ли он, куда делся францисканец. Тот рассказал ему все, как было. Тогда у хозяина дома уже не осталось сомнений, что все это сотворил негодяй монах. Он вернулся в комнату жены и сказал ей:

— Можешь не сомневаться, дорогая,— тот, кто спал сегодня с тобой и сотворил эту мерзость, был не кто иной, как наш духовник.

Молодая женщина привыкла относиться к монаху с большим почтением. А так как честь ее была ей дороже всего, то ее охватило такое отчаяние, что, позабыв о всякой человечности и женской доброте, она стала на коленях умолять мужа отомстить за это страшное оскорбление. Тогда тот, не раздумывая ни минуты, вскочил на лошадь и помчался в погоню за монахом.

Бедная женщина осталась одна в постели, и возле нее не было никого, кроме ее маленького ребенка, и некому было утешить ее и дать ей разумный совет. Вспоминая об этом необыкновенном и ужасном происшествии, она сочла себя виновницей всего и решила, что несчастнее ее нет никого на свете. Она ведь всегда питала большое доверие к францисканцам и была убеждена, что они способны творить только добрые дела и что суровым укладом своей жизни и постом они заслужили отпущение всех грехов. И она не ведала, сколь велика благодать господня, который кровью сына своего искупил грехи наши и простил нас, даровав милостью своею всем грешникам жизнь. Несчастливая пришла в такое смятение и поступок ее показался ей таким чудовищным и непоправимым — ведь, совершив его, она осквернила им и любовь свою к мужу и честь дома, — что печаль совсем извела ее, и она впала в такое отчаяние, что стала ждать смерти, думая, что смерть одна избавит ее от муки. Она не только совсем забыла, что истой христианке всегда должно уповать на бога, но и лишилась способности рассуждать здраво и была как помешанная. И в конце концов, не будучи в состоянии вынести своего горя, доведенная до крайности отчаянием, не помышляя ни о боге, ни о собственном благе, в неистовстве своем схватила шнур от полога и удавилась. И на беду, в последние минуты жизни, когда тело ее содрогалось в предсмертных судорогах, она нечаянно ударила ногою в лицо несчастного малютку, который не перенес этого и умер тотчас же вслед за своей страдальницей матерью, но перед смертью так вскрикнул, что спавшая в соседней комнате служанка проснулась, прибежала в комнату и зажгла свечу. И когда она увидела, что госпожа ее висит мертвая, а ребенок у нее под ногами и уже не дышит, она в ужасе кинулась в комнату брата погибшей и привела его взглянуть на эту страшную картину.

Брат этой женщины, горячо любивший сестру, совсем обезумел от горя и спросил служанку, кто мог совершить столь страшное преступление. Служанка ответила, что ничего не знает и что, кроме господина ее, в комнату никто не входил, он же совсем недавно оттуда вышел. Тогда его шурин побежал к нему в комнату и, не найдя его там, решил, что не кто иной, как он, — виновник всего этого злодеяния. Он не стал больше ни о чем спрашивать, вскочил на лошадь и помчался за несчастным мужем, которого вскоре повстречал на дороге: тот погнался за монахом, но, так и не настигнув его, возвращался домой, раздосадованный неудачей. Едва только завидев его, шурин закричал:

— Защищайся, подлый негодяй. И да поможет мне бог отомстить тебе за все этой шпагой.

Дворянин пытался было объяснить, но, увидев, что в руке его шурина блеснула шпага, понял, что объясняться с ним уже не придется и надо себя защищать. И они так жестоко схватились и нанесли друг другу столько ударов, что оба ослабели от потери крови и им пришлось опуститься на траву, чтобы передохнуть. И тогда, немного придя в себя, дворянин спросил шурина:

— Послушай, брат мой, мы всегда ведь были с тобою дружны. Что же заставило тебя накинуться на меня с такой жестокостью?

— Скажи лучше, что заставило тебя убить мою сестру, достойнейшую из женщин. Да еще так подло: под предлогом того, чтобы проспать с ней ночь, ты забрался к ней в комнату и повесил ее на шнуре от полога.

Услышав эти слова, дворянин побледнел как смерть. Он подсел к шурина и, обняв его, проговорил:

— Что ты говоришь? Да может ли это быть?

И когда тот уверил его, что это действительно так, сказал ему:

— Прошу тебя, брат мой, выслушай меня — и ты узнаешь, что заставило меня в ночное время уехать из дома.

И он рассказал ему о подлом поступке монаха. Шурина его был поражен тем, что услышал, и велико было его горе оттого, что он столь безрассудно напал на несчастного. И, прося прощения, он сказал:

— Я виноват перед тобою, брат мой, прости меня.

— Я тоже виноват перед тобой, но за свою вину я уже получил сполна, рана моя так тяжела, что часы мои сочтены.

Шурин с трудом посадил его на лошадь и отвез домой. А когда наутро дворянин скончался, он сам объявил всем родным, что виновен в его смерти. И все решили, что он должен поехать к королю Франциску Первому просить о помиловании. После чего, похоронив, как подобало, всех троих — зятя, сестру и ребенка их, — он в страстную пятницу отправился ко двору короля просить, чтобы его помиловали. Несчастный обратился с этой просьбой к Мэтру Франсуа Оливье, который добился для него королевской милости, ибо означенный Оливье был тогда канцлером Алансонским, а затем за большие заслуги король произвел его в канцлеры Франции.

— Благородные дамы, мне кажется, что, после того как вы выслушали этот правдивый рассказ, ни одна из вас не

решится приютить у себя в доме странствующего монаха. Вы ведь знаете, что страшнее всего бывает то зло, которое ото всех скрыто.

— Да, но до чего же был глуп муж, если он пригласил такого пройдоху ужинать в ту самую комнату, где лежала его жена, женщина безупречной честности и к тому же красавица,— сказал Иркиан.

— В мое время,— сказал Жебюрон,— для святых отцов отводили комнату в каждом доме. Но теперь зато все так хорошо изучили их повадки, что боятся их едва ли не больше, чем бродяг с большой дороги.

— Мне думается,— сказала Парламента,— что если женщина лежит в постели, она ни в коем случае не должна пускаться к себе в спальню священника, разве только для приема причастия. Уж если я, например, позову духовника, то знайте, что я при смерти.

— Если бы все остальные женщины были так суровы, как вы,— сказала Эннасюита,— то священникам грозило бы несчастье похуже, чем отлучение от церкви,— они потеряли бы право лицезреть женщин.

— Не бойтесь,— сказал Сафредан,— они за себя умеют постоять.

— Подумать только,— воскликнул Симонто,— они соединяют нас с женщинами узами брака, а потом коварством своим вынуждают нарушить обет, который сами же заставили дать!

— Приходится сожалеть,— сказала Уазиль,— что те, кому доверено совершение таинств, превращают это святое дело в забаву, за что их надо было бы сжигать живьем.

— Вам следовало бы не поносить их, а хвалить,— сказал Сафредан,— ведь в их власти сжигать людей на огне и бесчестить. Поэтому *sinite eos*¹, и посмотрим лучше, кому предоставит слово Уазиль.

Все нашли, что Сафредан прав, и, перестав говорить о духовных лицах, попросили госпожу Уазиль передать кому-нибудь слово.

— Я передаю его Дагусену,— сказала она,— он погрузился в такую задумчивость, что, должно быть, собирается рассказать нам что-то интересное.

— Хотя я не могу и не смею высказать все, что думаю,— ответил Дагусен,— я все-таки расскажу вам об одном человеке, которому жестокость принесла сначала вред, а потом пользу. Несмотря на то, что любовь, когда она сильна и мо-

¹ Оставьте их в покое (лат.).

гущественна, так уверена в себе, что хочет остаться ничем не прикрытой и для нее мучительно и даже непереносимо прятаться и скрываться, с теми, кто слушал ее советы и действовал чересчур открыто, нередко приключались различные беды, как это и было с одним испанским дворянином, о котором вы сейчас услышите.

НОВЕЛЛА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Элизор с излишней откровенностью признается в любви королеве Кастильской, и она подвергает его жестокому испытанию, от которого он вначале страдает, а впоследствии только выигрывает.

При дворе короля и королевы Кастильских, имена которых я не стану называть, находился некий дворянин, и во всей Испании никто не мог сравниться с ним в благородстве и красоте. Все дивились его достоинствам, но еще того больше дивились его странному образу жизни, ибо никто никогда не видел, чтобы он ухаживал за какой-нибудь дамой. При дворе было немало красавиц, которые могли воспламенить даже лед, но ни одна из них не могла овладеть сердцем этого дворянина, имя которого было Элизор.

Хотя королева и была женщиной добродетельной, однако и она оказалась не чуждой тому огню, который, чем более скрыт, тем сильнее разгорается. И чем больше она приглядывалась к этому дворянину и видела его полнейшее равнодушие к женщинам, тем больше ее это удивляло. И как-то раз она спросила его, не означает ли это, что любовь действительно не находит себе места в его сердце. На это он ответил ей, что, если бы она увидела сердце его так, как видит его лицо, она никогда бы не задала ему этого вопроса. Ей захотелось узнать, что все это значит, и она так настойчиво стала его расспрашивать, что он признался ей, что любит некую даму, благородство и строгий нрав которой не знают равных. Но как королева ни старалась выведать у него, кто эта дама, как ни просила и ни требовала, чтобы он назвал ее имя, он ей больше ничего не сказал. Тогда она притворилась рассерженной, сказав, что, если он не назовет ей имени этой дамы, он больше не услышит от нее ни слова. Дворянина это так огорчило, что он вынужден был ответить, что скорее готов умереть, чем признаться. Но в конце концов, видя, что он теряет не только расположение королевы, но и возможность видеться с ней — и все из-за того, что отказывается открыть ей истину, которая сама по себе столь

благородна, что никто не должен подумать о ней ничего худого,— он со страхом сказал ей:

— Государыня, у меня не хватит ни силы, ни присутствия духа, ни храбрости произнести при вас имя этой дамы, но, как только вы поедете на охоту, я вам ее покажу, и я уверен, что вы согласитесь со мной, что это образец совершенства и красоты.

Ответ этот так заинтриговал королеву, что она велела очень скоро устроить охоту. Элизор, которого об этом известили, приготовился сопровождать ее, как он всегда это делал. Он заказал себе большое стальное зеркало, формой своей продолжавшее нагрудник, и, укрепив его на животе, тщательно прикрыл широким плащом. А плащ этот был из черного сукна, богато расшитый золотом и отделанный канителью. Конь у него был вороной, а сбруя золотая с чернью, мавританской работы. Шляпа на Элизоре была из черного шелка, и на ней был изображен Амур, прикрытый плащом, а все было украшено драгоценными камнями. Шага его и кинжал отличались такою же красотой и тонкой работой и были украшены не менее выразительными эмблемами. Словом, он был хорошо снаряжен и отменно ловок в верховой езде. И все те, кто видел, как он пускал коня то рысью, то галопом, заставляя его брать препятствия, с таким восхищением заглядывались на него, что забывали об охоте. Проводив королеву до того места, где были расставлены тенета, едучи, как я уже говорил, то галопом, то рысью, Элизор сошел с красавца коня и поспешил помочь королеве сойти с иноходца, на котором она ехала. А когда она протянула ему обе руки, он откинул плащ и, взяв ее за руки, показал ей спрятанное под ним стальное зеркало и сказал:

— Государыня, прошу вас, взгляните сюда!

И, не дожидаясь ответа, осторожно спустил ее на землю. Когда охота кончилась, королева вернулась в замок, и Элизор не услышал от нее ни слова. Но после ужина она позвала его к себе и сказала, что он отъявленный обманщик,— не он ли обещал, что во время охоты покажет ей ту, кого любит больше всего на свете, и так и не исполнил своего обещания; теперь она видит, что он недостоин ее благосклонности. Элизор, боясь, что королева не поняла того, что он хотел выразить, ответил, что был верен своему слову, ибо показал ей не только любимую женщину, но и самое дорогое из того, что у него есть в жизни. На это королева недоуменно возразила ему, что никакой женщины он ей не показал.

— Это верно, государыня,— сказал Элизор,— а что я вам показал, когда помогал вам сойти с лошади?

— Ровно ничего,— ответила королева,— разве только зеркало, которое вы приставили к нагруднику.

— А что же вы увидели в этом зеркале? — допытывался Элизор.

— Ничего, кроме собственного лица,— отвечала королева.

— Так вót, государыня,— сказал Элизор,— повинуюсь вам, я только исполнил свое обещание, ибо в сердце моем нет и никогда не будет никакого другого изображения, кроме того, которое вы узрели в этом зеркале. Это единственное существо, которое я хочу любить и лелеять — и не как женщину, а как божество мое здесь, на этой земле, которому я поручаю распоряжаться жизнью моей и смертью. И я боюсь, чтобы моя безмерная возвышенная любовь к вам, которая, будучи скрыта ото всех, давала мне силы жить, не принесла бы мне смерть теперь, когда я вам открылся. И если я недостойн ни глядеть на вас, ни быть вашим верным слугой, позвольте мне по крайней мере жить и впредь той радостью, которая у меня доселе была. Сердце мое избрало своей долей любовь совершенную и безраздельную, дарующую мне счастье одним лишь сознанием, что она совершенна и безраздельна и что я продолжаю любить, хоть самого меня никогда не полюбят. И если, узнав об этой моей любви, вы не станете ко мне благосклонней, чем были, молю вас, не лишайте меня по крайней мере жизни, а жизнь моя — в том, чтобы видеть вас, как я привык. Ибо мне ничего не нужно от вас сверх того, без чего нельзя жить, и, если я не получу от вас даже этого, у вас будет одним слугою меньше, ибо самого лучшего и самого преданного вы тогда потеряете, другого такого вам никогда не сыскать.

Королева не стала давать воли своим истинным чувствам, лицо ее не выразило ни удовольствия, ни гнева. То ли она решила показаться ему не такой, какая она была на самом деле, то ли ей хотелось испытать и проверить его чувство, то ли, наконец, она любила кого-то другого и, не будучи в силах отказаться от этой любви, рассчитывала лишь прибегнуть к Элизору на случай, если тот, другой, чем-нибудь перед ней провинится. Она сказала:

— Элизор, я не стану прикидываться наивной и спрашивать, откуда у вас явилась безумная мысль полюбить меня, ибо я знаю, что человек не очень властен над своим сердцем и не может по собственной воле заставить себя любить или ненавидеть. Но вы так искусно умели скрывать свое чувство, что я хотела бы знать, давно ли оно овладело вами.

Взирая на ее лицо, которое было удивительно красиво, и слыша, с каким участием она расспрашивает его о начале

его недуга, Элизор надеялся, что она укажет ему и какое-нибудь лекарство. Но, вглядываясь, он прочел на лице ее серьезность и даже строгость, и его охватил страх: ему стало казаться, что он видит перед собой судью, который уже вынес ему обвинительный приговор. И он поклялся, что любовь эта зародилась в его сердце еще в ранней молодости, но сначала он от нее не страдал, а вот уже семь лет, как испытывает безмерные муки, и это не просто муки — это недуг. Но недуг этот дарует ему такую усладу, что исцеление от него было бы подобно смерти.

— Но раз вы так долго были тверды и старались скрыть от меня свою любовь,— сказала королева,— то я тоже буду тверда и не так-то легко ей поверю. Вот почему я хочу испытать ваше чувство, чтобы убедиться в нем и никогда больше не сомневаться. Если вы сумеете выдержать этот искуc, я действительно поверю тому, что вы мне говорите. А когда я этому поверю, я исполню то, что вы от меня хотите.

Элизор попросил ее подвергнуть его любому испытанию, говоря, что нет такого подвига, которого бы он не был готов совершить, чтобы доказать ей свою любовь, и стал молить, чтобы она приказала ему все, что только ей будет угодно.

— Элизор,— сказала она,— если вы любите меня так, как говорите, я уверена, что нет такой вещи, которую вам трудно было бы сделать, ибо вам достаточно будет знать, что рвением своим вы завоеуете мою благосклонность. Поэтому приказываю вам — во имя вашего желания ее заслужить и страха ее потерять,— чтобы завтра же утром, не пытаясь меня увидеть, вы уехали совсем отсюда и отправились на семь или восемь лет в такое место, где бы ни вы не могли ничего обо мне узнать, ни я о вас. Ваша любовь ко мне длится уже семь лет, и вы уверены, что любите меня. Когда и я за семь лет проверю вашу любовь, я поверю ей, ибо испытую ее на деле, а одни слова меня все равно убедить не могут.

Услышав сей жестокий приказ, Элизор заподозрил, что королева хочет навсегда удалить его от себя, но вместе с тем, будучи убежден, что, если он выдержит этот искуc, он не на словах, а на деле докажет свою любовь, он согласился на все и сказал:

— Если я мог прожить семь лет без всякой надежды и таить в себе чувства, которые сейчас открываю, то эти семь лет я, верно, вынесу легче — у меня ведь будет надежда. Я послушаюсь вашего приказа, которое лишает меня всего самого дорогого, что есть у меня на свете, но, скажите мне, потом, когда эти семь лет пройдут, что поможет вам признать во мне вашего верного слугу?

Королева сняла тогда с пальца кольцо и сказала:

— Вот кольцо, и пусть оно будет залогом. Мы разломаем его надвое, и я буду беречь свою половину, а вы — свою. И если столь долгие годы изгладят из моей памяти ваши черты, я узнаю вас по этой половине кольца, приложив его к той, которая останется у меня.

Элизор взял кольцо и, разломав его надвое, одну половину отдал королеве, а другую оставил себе. И, попросившись с ней, сам не свой от горя, он отправился к себе домой и отдал распоряжения об отъезде. Отослав всех своих слуг, он в сопровождении одного только лакея отправился в столь глухое место, что ни родители его, ни друзья в течение семи лет ничего о нем не знали. О том, какова была его жизнь в эти годы и как он тосковал в разлуке с любимой, никому ничего неизвестно, но тот, кто сам любил, об этом легко может догадаться.

И вот спустя семь лет, когда королева как-то раз отправилась в церковь, к ней подошел вдруг некий отшельник с длинною бородой и, поцеловав ей руку, подал какой-то пакет, на который она сразу даже не обратила внимания, ибо привыкла к тому, что бедные люди подавали ей так свои прошения. Но потом, когда месса была уже на середине, она распечатала этот пакет и нашла в нем половину кольца, которую она когда-то подарила Элизору; ее это поразило и вместе с тем обрадовало. И, не успев еще прочесть вложенное туда письмо, она велела капеллану привести к ней отшельника, который это письмо ей передал. Тот стал повсюду его искать, но ничего не мог о нем разузнать, кроме того, что кто-то видел, как он вскочил на лошадь и тут же ускакал. По какой дороге он умчался, никто не заметил. Пока королева дожидалась ответа, она успела прочесть письмо, написанное прекрасным слогом. И если бы я так не стремился передать вам его содержание, я никогда бы не стал его переводить, а просто прочел бы его вам, благородные дамы, ибо, поверьте, на испанском языке писать о страсти гораздо легче, чем на любом другом. Вот это письмо:

У времени незыблемая сила,
Оно мне на любовь глаза открыло;
Потом оно же, ей назначив срок,
Столь трудный мне преподало урок,
Что даже та, что ничему не верит,
С годами глубь любви моей измерит.
Любовью той был долго я ведом,
Но убедила жизнь меня потом,
Что все — обман: ждал и не дождался,
И я увидел, как я заблуждался.

За годы разглядел я, почему
Я так был верен чувству одному
Я, красотой пленяясь благородной,
Не замечал жестокости холодной.
В разлуке ж, позабыв про красоту.
С годами разгадал жестокость ту.
Ваш лик вблизи слепил меня, сверкая,—
Иной увидел вас издалека я.
Но счастлив тем я, что, объехав свет,
Я свой смиренно выполнил обет,
Вам данный; тем, что долго время длилось,
Что ноши тяжесть с плеч моих свалилась.
Так от печали долгие года
Меня освободили навсегда:
Я смог без сожаленья возвратиться
Сюда, чтоб не остаться,— а проститься.
В своей разочарованный мечте,
Любовь во всей узрел я наготе,
И жаль мне стало сердца несвободы.
И жаль того, что так я прожил годы,
И горько оттого, что из-за мук
Я слеп и глух был ко всему вокруг.
Но за любовью суетной, неверной
Я вдруг узрел черты любви безмерной,
Когда в тоске, с собой наедине,
Семь долгих лет я прожил в тишине;
Изведал чувство новое, иное,
Перед которым меркнет все земное.
Ему годами отданный во власть,
В себе я укротил былую страсть.
К нему иду с надеждою большою,
Ему служу и телом и душою;
Не вам — ему. Когда служил я вам,
Моим вы не поверили словам,
На смерть меня пославши,— ныне ж верьте:
Оно одно спасет меня от смерти.
Прощай, любовь, души сладчайший плен,
Тебя, унизив, превратили в тлен.
Какою ты была тогда ошибкой,
Утехою обманчивой и зыбкой.
И вам поведать должен я сейчас,
Что больше не хочу я видеть вас.
Теперь любовь другая мной любима,
Она нетленна, непоколебима.
Устал от вас и ваших я причуд —
Я только ей отдам себя на суд.
Уйдите, скройтесь с глаз моих до гроба,
Притворство, хитрость женская и злоба,
Коварство ваше, что, меняя вид,
Мне душу и терзает и томит!
С меня довольно и надежды ложной,
И бед, и ада муки безнадежной,
И пламени, подобного смерчу,
Проститься с вами я навек хочу —
И, чтоб все снова не могло начаться,
Расстаться так, чтоб больше не встречаться!

Письмо это поразило королеву. Читая его, она плакала и горько раскаивалась. Она потеряла верного слугу, который любил ее такой беззаветной любовью, что никакие сокровища, ни даже все ее королевство ничего не значили в сравнении с этой утратой, которая сделала ее несчастнейшей из женщин. И, выслушав мессу и вернувшись к себе, она впала в такое горе, которое вполне заслужила своей жестокостью. И не было в стране таких гор и лесов, где бы посланцы ее ни разыскивали отшельника, но тот, кто вырвал его из ее рук, ей больше его не вернул и, должно быть, взял его в рай раньше, чем она что-нибудь о нем узнала.

— Из рассказа этого явствует, что не следует признаваться в своем чувстве, если это признание только вредит и ничем не может помочь. И вот что еще того важнее, благородные дамы: даже если вы не верите признаниям мужчины, не подвергайте его искусу столь тяжелому, что он ему может стоить жизни.

— Право же, Дагусен,— сказал Жебюрон,— всю жизнь мне только и приходилось слышать об исключительных добродетелях той, о ком вы только что рассказали, но сейчас я убедился в ее жестокости, доходящей едва ли не до безумия.

— Во всяком случае,— сказала Парламанта,— мне кажется, что не было ничего худого в том, что за эти семь лет она хотела проверить, действительно ли он ее любит так, как говорит. Мужчины в подобных случаях так привыкли лгать, что, прежде чем им поверить (если только им вообще надо верить), их следует испытывать, и чем дольше, тем лучше.

— И все-таки дамы на самом деле гораздо умнее,— возразил Иркиан,— большинство их за семь дней могут убедиться в том, на что иным требуется семь лет.

— Да, это так,— сказала Лонгарина,— но здесь среди нас есть дамы, чьей любви приходится домогаться дольше, чем семь лет, и все испытания огнем и водой для них ничего не значат.

— Я несколько не сомневаюсь, что вы говорите правду,— воскликнул Симонто,— но такие вещи случались в былые времена, а теперь никто бы этого не вытерпел.

— Надо, однако, сказать,— заметила Уазиль,— что дворянин этот должен был благодарить свою даму — она ведь направила все его помыслы к богу.

— Счастье еще, что он по дороге наткнулся на бога,— воскликнул Сафредан,— удивительно, как с такой тоски он не обратился к дьяволу.

— Вы что, видно, сами обращались к помощи этого господина, когда ваша дама обошлась с вами худо? — спросила Эннасюита.

— Тысячу раз, — отвечал Сафредан, — но дьявол отлично понимал, что муки ада ничто в сравнении с теми муками, которые она мне причинила, и он остался глух ко всем моим уговорам, понимая, что он со всеми своими кознями совершеннейшее ничтожество в сравнении с дамой, которую любят и которая сама любить не склонна.

— Если бы я держалась такого мнения, как вы, Сафредан, — сказала Парламента, — я бы вообще не стала ухаживать за женщинами.

— Я всегда так пленялся ими, — отвечал Сафредан, — что на каждом шагу совершал непростительные ошибки. Но даже там, где я не властен распоряжаться, я счастлив тем уже, что могу служить прекрасному полу. И как бы ни было велико коварство дам, оно не может умерить моей любви к ним. Но скажите лучше по совести, неужели вы и в самом деле способны оправдать такую суровость?

— Да, — ответила Узиль, — ибо я считаю, что дама эта, не любя сама, не хотела, чтобы ее любили.

— Но если у нее действительно было такое намерение, — сказал Симонто, — то чего же ради она целые семь лет подерживала в нем надежду?

— Я с вами вполне согласна, — сказала Лонгарина, — женщина, которая не хочет любить, не должна подавать никаких напрасных надежд.

— Может быть, она любила кого-то другого, кто совсем не стоил этого благородного человека, — заметила Номерфида, — и ради него отказалась от лучшей доли.

— Честное слово, — воскликнул Сафредан, — по-моему, она просто приберегала его про запас, на случай, если расстанется с тем, кого она действительно любила.

Госпожа Узиль, видя, что мужчины, осуждая и порицая в королеве Кастильской то, что действительно ничем не может быть оправдано ни в ней, ни в ком-либо другом, принялись злословить по поводу женщин и что самым скромным и добродетельным достается не меньше, чем самым бесстыдным и сумасбродным, не могла больше этого вынести. И, взяв слово, она сказала:

— Я вижу, что чем больше мы об этом будем говорить, тем больше те, кто не хочет, чтобы мы с ними плохо обходились, будут возводить на нас хулу. Поэтому прошу вас, Дагусен, передайте кому-нибудь слово.

— Я передаю его Лонгарине, — сказал Дагусен, — и

уверен, что она расскажет нам какую-нибудь не слишком грустную историю и, правды ради, не станет щадить ни мужчин, ни женщин.

— Раз вы считаете меня такой поборницей правды,— сказала Лонгарина,— я возьму на себя смелость рассказать вам историю, приключившуюся с одним принцем, который добродетелью в свое время был превыше всех. И вы согласитесь со мной, что нет ничего хуже лжи и притворства и без крайней надобности людям никогда не следует прибегать к ним. Этот порок отвратителен и мерзок особенно тогда, когда ему предаются принцы и лица высокопоставленные, которым пристало больше, чем кому бы то ни было, быть правдивыми. Но нет на свете такого богатого и могущественного государя, который не подпал бы под власть Амура, а тот ведь нередко становится тираном. И кажется даже, что чем знатнее и благороднее государь, тем сильнее Амур порабощает его своей властной рукой. Этот всемогущий божок не считается ни с чем — ни с порядком вещей, ни с привычками смертных,— и главное удовольствие, которое он позволяет себе, заключается в том, что он день ото дня творит чудеса. Он унижает людей сильных, возвышает слабых, открывает глаза невеждам, умных мужей лишает рассудка. Он потворствует страстям и уничтожает разум. Вот какими проделками тешится бог любви. А так как государи не составляют исключения из общего правила, им приходится поступать, как поступают все. И коль скоро им поступки свои приходится подчинять велению любви, которая их порабощает, то, в качестве ее слуг, им не только позволено, но даже надлежит прибегать ко лжи, лицемерию и притворству, каковые являются надежными средствами победить своих противников, как этому нас учит наш достославный Жан де Мен.

А так как в подобных делах государям и принцам вменяют в заслугу то, что в обыкновенных людях мы осуждаем, я расскажу вам о ловкой выдумке одного молодого принца, сумевшего обмануть тех, кто привык обманывать всех на свете.

НОВЕЛЛА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Молодой принц, явившийся к адвокату якобы для того, чтобы поговорить о своих делах и испросить у него совета, так искусно входит в доверие к его жене, что она соглашается на все его просьбы.

В городе Париже жил некий адвокат, которого уважали так, как никакого другого. Это был человек способный, очень многим приходилось обращаться к нему за помощью,

и он считался одним из самых богатых людей во всей Франции. Он был женат, но, так как детей от этого брака у него не было, он решил оставить жену и жениться на другой. И, как он ни был стар, сердце его оказалось достаточно молодо и желания в нем не угасли. Ему приглянулась девушка лет восемнадцати-девятнадцати, одна из самых красивых во всем городе. Она была очень стройна и хороша собою и обращала на себя внимание нежным цветом лица. Адвокат полюбил ее и был с нею очень счастлив, но и от этой жены детей у него не было. Молодую женщину это, разумеется, огорчало. Но так как молодости не свойственна тоска, она стала искать развлечений вне дома, ездила по гостям и бывала на балах, но при всем этом вела себя крайне скромно, и ничего худого о ней муж не думал, ибо хорошо знал, что подругам ее, с которыми она проводила время, вполне можно доверять.

Однажды, когда она была на какой-то свадьбе, в числе приглашенных находился некий принц, который мне потом и рассказал всю эту историю,—запретив, однако, называть его имя. Достаточно сказать, что это был человек, чьи красота и манеры не имели себе равных, да, пожалуй, и не будут иметь. Встретив эту молодую и пленительную женщину, принц не мог оторвать от нее глаз и, увлеченный ею, заговорил с ней столь ласково и нежно, что она охотно стала рассказывать ему о себе и даже не скрыла от него, что чувство, о котором он ее просит, давно уже живет в ее сердце и что уговоры его совершенно излишни, ибо она полюбила его с первого взгляда. Увидев, что, в простоте душевной, она согласилась сразу на то, чего обычно приходится долго добиваться от женщины, он возблагодарил бога, который оказался к нему столь милостив. И с этой минуты молодые люди так хорошо стали понимать друг друга, что сразу же условились о том, где и когда они встретятся наедине. В условный час принц пришел в назначенное место, и, чтобы ничем не задеть чести своей дамы, явился туда переодетый. Но для того, чтобы на него не напали бродяги, слоняющиеся ночью по городу, и чтобы, встретив их, он мог остаться неузнанным, он захватил с собою нескольких друзей, на которых мог вполне положиться. Дойдя до угла улицы, где жила эта дама, он расстался с ними, сказав:

— Если в течение четверти часа вы не услышите никакого шума, идите по домам, а часа в три-четыре приходите сюда за мной.

Друзья его так и поступили и, не услышав никакого шума, ушли. Юный принц направился прямо в дом адвоката. Как

ему и было обещано, дверь оказалась отпертой. Но едва только он стал подниматься по лестнице, как перед ним из темноты появился сам адвокат со свечою в руке. Адвокат его сразу же узнал. Однако любовь делает людей находчивыми, храбрыми и способными на все. Принц направился прямо к старику и сказал:

— Господин адвокат, вы знаете, с каким доверием я и все мои близкие относятся к вам, знаете, что я почитаю вас за моего самого преданного слугу. И вот я пришел сюда запросто, чтобы посоветоваться с вами насчет моих дел и также попросить, чтобы вы мне дали чего-нибудь выпить, а то меня совсем замучила жажда. Только не говорите никому, что я здесь, потому что от вас мне надо пойти еще в один дом и я не хочу, чтобы меня узнали.

Увидев, что принц совершенно запросто пришел к нему в дом, адвокат был так польщен оказанной ему честью, что провел его к себе в комнату и велел жене подать к столу самые лучшие сласти и фрукты, какие у них были в доме. Она не замедлила исполнить его приказание и подала им отличное угощение. И несмотря на то, что в ночном одеянии и в чепце она выглядела еще прелестнее, чем обычно, наш принц даже не взглянул на нее и, сделав вид, что ее не знает, продолжал говорить с адвокатом о своих делах, которыми тот давно занимался. Но в то время, когда молодая женщина потчевала гостя угощениями, а муж отошел к буфету, чтобы принести ему что-нибудь выпить, она успела шепнуть принцу, чтобы тот не уходил и спрятался в гардеробной, расположенной по правую сторону, и что она вскоре туда придет. Выпив и закусив, молодой принц поблагодарил адвоката и, когда тот хотел непременно его проводить, просил этого не делать, уверив его, что туда, куда он сейчас идет, провожатых не требуется. И, обратившись к его жене, он сказал:

— Помимо всего прочего, я не хочу лишать вас, сударыня, общества вашего супруга, который давно уже показал себя моим верным слугою. Вы должны заботиться о нем и во всем его слушаться. С ним вы всегда будете счастливы и спокойны и должны благодарить господа, что он послал вам такого достойного человека.

Произнеся столь утивые речи, принц ушел и закрыл за собой двери, чтобы хозяин не вышел за ним на лестницу. И сразу же спрятался в гардеробной, куда, как только почтенный адвокат уснул, не замедлила явиться его молодая жена. Она провела принца в комнату, убранную как нельзя лучше,— где, однако, самыми примечательными украшениями

были он и она, представ друг перед другом в том виде, в каком обоим больше всего хотелось. И я нисколько не сомневаюсь, что там она исполнила все, что ему обещала.

Принц ушел оттуда в тот час, к которому он велел прийти своим провожатым, и те уже ждали его в назначенном месте. А так как встречи влюбленных продолжались долгое время, принц в конце концов нашел другую, более короткую дорогу к этому дому,— через монастырский двор. И он сумел так очаровать приора этого монастыря, что около полуночи привратнику было приказано каждый раз открывать ему ворота; когда же поутру он возвращался обратно, ему открывали их снова. А так как дом адвоката находился в двух шагах от монастыря, принц мог спокойно ходить один и не брать с собой провожатых. Но несмотря на то, что он вел такую жизнь,— будучи человеком богобоязненным и благочестивым, он на обратном пути каждый раз непременно заходил в монастырскую церковь и подолгу там молился. И монахи, которые, приходя в церковь, заставляли принца коленапреклоненным, считали его благочестивейшим из людей.

У принца была сестра, часто наезжавшая в этот монастырь. Она так любила брата, что постоянно просила всех за него помолиться. И вот однажды, когда она обратилась с этой просьбой к приору монастыря, он сказал ей:

— Да что вы, сударыня! О ком вы меня просите молиться! Да я сам больше всего нуждаюсь в его молитвах. Ведь среди мирской суеты брат ваш умеет быть праведником, какого не сыскать на свете. Ибо сказано в Писании: «Блажен тот, кто может сотворить зло и не сотворит его».

Сестре принца захотелось узнать, почему приор считает ее брата столь добродетельным, и она так настойчиво стала его расспрашивать, что, взяв сначала с нее слово, что она не выдаст никому этой тайны, тот сказал:

— Можно ли не восхищаться, видя, как молодой и красивый принц лишает себя по ночам удовольствий и отдыха и вместо этого приходит сюда, в святую обитель, где ведет себя не как высокопоставленное лицо, а как самый смиренный монах, пребывая вместе со всеми в монастырской капелле. Должен сказать, что столь добродетельная жизнь приводит в смущение и наших братьев, и меня самого, ведь рядом с ним мы недостойны называться монахами.

Услыхав эти слова, сестра принца не поверила своим ушам. Хотя она и знала, что, будучи человеком светским, брат ее был чист в своих помыслах и привержен богу, ей никогда бы не пришло в голову подумать, что он способен делать что-то сверх того, что пристало всякому христианину.

Она отправилась к брату и рассказала ему, какое мнение сложилось о нем у монахов. Услышав это, принц расхохотался, и у него было такое лицо, что она, зная его, как самое себя, догадалась, что под благочестием этим что-то скрывается, начала его допытывать и не успокоилась до тех пор, пока он не рассказал ей всей правды. От нее-то я и узнала эту историю и записала, чтобы вы помнили, благородные дамы, что Амур способен перехитрить и лукавого адвоката, и хитрых монахов (а уж кто как не они привыкли обманывать других) и что он умеет обучить этой хитрости самого неискушенного человека, если только тот действительно воспламенился любовью. А раз Амур способен обманывать даже обманщиков, нам, людям простым и несведущим, надлежит постоянно его бояться.

— Хотя я и догадываюсь, кто этот принц,— молвил Жибюрон,— надо сказать, что он достоин всяческой похвалы. Чаще всего знатные сеньеры нимало не беспокоятся о чести женщин. Что им до того, что вокруг их походов поднимается шум: они думают только о собственном удовольствии. Больше того, они иногда бывают довольны, когда возникает скандал, а мы знаем, что нередко молва приписывает соблазнителю даже то, чего он не делал.

— Уверю вас, что было бы неплохо, если бы все молодые сеньеры следовали его примеру,— сказала Уазиль,— ведь скандал иногда бывает хуже самого греха.

— И, уж конечно, принцу было что замаливать в монастырской церкви! — воскликнула Нюмерфида.

— Не осуждайте его, — сказала Парламанта, — очень может быть, что раскаяние его было столь велико, что ему простился и самый грех.

— Очень трудно раскаиваться в таких приятных забавах,— сказал Иркиан,— что до меня, то мне не раз приходилось рассказывать подобные вещи на исповеди, но каяться, я в них никогда не каюсь.

— Тогда уж лучше было совсем не исповедоваться,— заметила Уазиль.

— Знаете, госпожа моя,— возразил Иркиан,— как ни тяжок грех и как я ни огорчаюсь, когда мне приходится чем-либо оскорбить господина бога, грешить-то людям всегда приятно.

— Вы и подобные вам наверняка хотели бы, чтобы бога совсем не было и чтобы единственным законом для вас было ваше собственное желание! — сказала Парламанта.

— Должен признаться,— воскликнул Иркиан,— я хотел бы, чтобы господь бог каждый раз радовался вместе со мною,— и тогда, могу вас уверить, скучать бы ему не пришлось.

— Ну, нового бога вам все равно не создать, а раз так, то, значит, надо слушать того, который у нас есть,— воскликнул Жебюрон.— Пусть уж об этом спорят богословы, а сейчас давайте попросим Лонгарину предоставить кому-нибудь слово.

— Я предоставляю его Сафредану,— сказала Лонгарина,— только я попрошу его рассказать какую-нибудь действительно интересную историю и не стараться во что бы то ни стало говорить о женщинах одни только гадости; пусть следует правде и там, где надо, их хвалит.

— Ну, вот и отлично,— успокоил ее Сафредан,— я согласен. В моем рассказе речь будет идти о двух женщинах: одна из них легкомысленна, другая скромна. Можете брать пример с какой хотите. Вы узнаете также, что любовь заставляет людей дурных совершать дурные поступки, тогда как чистое сердце способно только на хорошие, ибо любовь сама по себе хороша, и если ее называют иногда безумной, ветреной, жестокой или постыдной, то потому лишь, что такими бывают мужчина или женщина, которые охвачены ею. И вот, выслушав историю, которую я вам сейчас расскажу, вы убедитесь, что любовь не способна изменять человеческую натуру и являет нам ее только такой, какая она есть,— ветреной у одних, а у других благородной.

НОВЕЛЛА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Вняв совету одной добродетельной и благоразумной дамы, сеньер д'Аванн исцелился от неистовой любви, которую он питал к другой знатной даме, жившей в городе Памплоне.

В царствование короля Людовика Двенадцатого жил некий молодой сеньер по имени д'Аванн, сын монсеньера д'Альбре и брат короля Иоанна Наваррского. Жил он постоянно при дворе короля. Юный сеньер, которому было тогда пятнадцать лет, был так красив и обходителен, что, казалось, был создан для того, чтобы женщины любовались им и любили его. И те, кто его видел, действительно в него влюблялись, причем больше всех им пленилась некая дама, жившая в городе Памплоне, в Наварре. Она была замужем за очень

богатым человеком и жила очень строгой жизнью. Несмотря на то, что ей было всего двадцать три года, тогда как мужу ее было около пятидесяти, она одевалась так скромно, что ее можно было принять скорее за вдову, чем за женщину замужнюю. И никогда ни на свадьбах, ни на праздниках она не появлялась без мужа, которого так уважала за его справедливость и доброту, что предпочитала его самому красивому юноше. И муж, видя, сколь она благоразумна и искренна, так на нее полагался, что доверял ей все домашние дела. Однажды богатый дворянин этот вместе с женою был приглашен к своим родственникам на свадьбу. Среди гостей находился и юный сеньер д'Аванн, который, разумеется, любил танцы, ибо в искусстве этом не знал себе равных. И когда после обеда начались танцы, богатый дворянин пригласил сеньера д'Аванна принять в них участие. Тогда сеньер д'Аванн спросил, с кем ему лучше всего танцевать. Тот ответил:

— Монсеньер, если бы среди нас была женщина еще более красивая, чем моя жена, и еще более послушная моей воле, я бы подвел ее к вам и попросил вас оказать мне честь и потанцевать с нею.

Принц, который был еще настолько юн, что ему больше всего нравилось прыгать и танцевать и который еще не начал заглядываться на женщин, исполнил его просьбу. Но та, с которой он танцевал, гораздо больше внимания уделяла красивой наружности своего кавалера, чем танцу. Однако благоразумие ее было столь велико, что никто бы об этом не мог догадаться. Когда настало время ужинать, монсеньер д'Аванн распрощался со всеми и вернулся в замок, куда богатый дворянин сопровождал его верхом на муле; дорогой он сказал юноше:

— Монсеньер, вы оказали сегодня столько чести моим родным и мне самому, что с моей стороны было бы неблагодарностью, если бы я, в свою очередь, не постарался вам чем-нибудь услужить. Я знаю, монсеньер, что такой знатный юноша, как вы, у которого отец и строг и скуповат, нуждается иногда в деньгах больше, чем такие, как я, которые живут скромно и думают только о том, как бы скопить побольше денег. Господь бог послал мне жену — такую, что лучше и не сыскать, — но не сподобил меня радости быть отцом: детей у меня нет. Я никогда бы не осмелился, монсеньер, просить вас быть моим сыном, но если вам будет угодно почитать меня вашим верным слугой и разрешить мне помогать вам, когда это будет нужно, то знайте, что все мое состояние в сто тысяч экю — к вашим услугам.

Предложение это крайне обрадовало сеньера д'Аванна, ибо отец его действительно был скуп. И, поблагодарив богатого дворянина, он в знак уважения назвал его отцом. С этой поры богатый дворянин проникся такой любовью к сеньеру д'Аванну, что и утром и вечером спрашивал, не нужно ли ему чего-нибудь. И он не скрывал от жены своих отеческих чувств к молодому сеньеру и желал чем-нибудь ему услужить, за что тот полюбил его вдвойне. И с этого времени сеньеру д'Аванну не было ни в чем отказа. Он часто приходил в дом к своему названому отцу, где его всегда хорошо угощали. И если хозяина не бывало дома, его столь же приветливо принимала хозяйка. К тому же она всегда так мудро его наставляла, уговаривая жить благоразумно и скромно, что он любил ее и чтил больше всех дам на свете. Она же, будучи женщиной крайне благочестивой, довольствовалась тем, что видит его и говорит с ним, чем всегда довольствуется любовь, если она высока и чиста. Словом, она ни разу не давала ему повода усомниться в том, что любит его только как брата. Эта скрытая дружба давала сеньеру д'Аванну возможность жить на широкую ногу и ни в чем не нуждаться. И так он достиг возраста семнадцати лет и стал интересоваться женщинами больше, чем прежде. И несмотря на то, что он во всем готов был отдать предпочтение своей доброй советнице, он боялся, что, открыв ей сердце, может потерять ее дружбу, и поэтому молчал и искал удовольствий на стороне. И он принялся ухаживать за одной молодой дамой из окрестностей Памплоны, у которой был в городе свой дом; дама эта была замужем за одним молодым дворянином, больше всего на свете любившим собак, лошадей и птиц. И вот, влюбленный в нее принц стал устраивать всевозможные развлечения, турниры, скачки, единоборства, костюмированные балы и прочие игры, на которых он имел возможность встречаться с ней. Но муж ее был до безумия ревнив, а отец и мать, зная, что она красива и легкомысленна, с особенным усердием оберегали ее честь и старались не отпускать от себя. Таким образом, сеньер д'Аванн мог только, встретив ее на балу, обменяться с ней несколькими словами. Он, правда, очень скоро убедился, что она отвечает ему взаимностью, и очень огорчился тем, что им негде было встречаться наедине. Тогда он пошел к своему названому отцу и сказал ему, что собирается посетить монастырь Божьей матери в Монсеррате и просит последить за его домом, ибо ехать он хочет один,— на что тот согласился. Но жена его, в сердце которой жил великий пророк — Амур, сразу же догадалась об истинной

цели этой поездки. И, не удержавшись, она сказала сеньеру д'Аванну:

— Монсеньер, монсеньер, та, которой вы хотите поклониться, находится здесь, в стенах этого города. Поэтому, настоятельно прошу вас паче всего берегите ваше здоровье.

Сеньер д'Аванн, который и любил ее и боялся, при этих словах так густо покраснел и смутился, что тем самым сразу выдал себя; после чего он уехал.

И вот, купив пару отличных испанских иноходцев, он переделался конюхом и так изменил свое лицо, что никто его не мог узнать. Муж этой легкомысленной дамы питал столь великое пристрастие к лошадям, что, едва только увидел двух испанских коней, сразу же захотел их купить. А купив их, обратил внимание на конюха который так хорошо умел их выводить, и спросил, не хочет ли он поступить к нему на службу. Сеньер д'Аванн согласился, сказав что он простой конюх, который только и умеет, что ухаживать за лошадьми, но знает это дело так хорошо, что его новый хозяин будет доволен. Согласие его очень обрадовало дворянина, и он поручил ему всех своих лошадей. Вернувшись домой, он сказал жене, что оставляет под ее присмотром и лошадей и нового слугу, а сам едет сейчас в замок. Чтобы доставить удовольствие мужу и немного развлечься самой, дама отправилась посмотреть лошадей. Взглянула она и на нового конюха и осталась довольна его видом, но узнать его не могла. Увидев, что он остался неузнанным, сеньер д'Аванн поклонился ей на испанский манер и поцеловал ей руку. А целуя руку, с такой силой ее сжал, что она сразу узнала его, ибо, танцуя с ней, он несколько раз так делал. С этой минуты молодая дама только и думала о том, как бы им поскорее остаться наедине. И случай к этому представился в тот же вечер. Она была приглашена с мужем на бал, но, сославшись на нездоровье, не поехала. Супруг же ее не хотел обидеть своих друзей и сказал ей:

— Дорогая, раз тебе нездоровится и ты не хочешь ехать со мною, присмотри, пожалуйста, за моими собаками и лошадьми, чтобы без меня все было в порядке.

Поручение это пришлось молодой даме по душе, но, не подав и виду, она ответила, что, коль скоро он ничего лучшего для нее не придумал, она, чтобы угодить ему, постарается исполнить все, что он хочет. И не успел ее муж уехать, как она спустилась в конюшню и притворилась, что обнаружила там какие-то упущения. И как бы для того, чтобы навести порядок, дала различные поручения всем своим слугам и, разослав их в разные места, осталась там одна с конюхом.

Боясь, чтобы кто-нибудь не застал их вдвоем, она сказала ему:

— Ступайте в сад и ждите меня в беседке, что в конце аллеи.

Конюх немедленно же отправился туда. Покончив с конюшней, она пошла на псарню и с таким усердием стала наводить там порядок, что, казалось, из хозяйки сразу превратилась в служанку. После чего она вернулась к себе в спальню такая уставшая, что сразу же улеглась в постель, сказав, что хочет отдохнуть. Служанок своих она всех отпустила, кроме одной, которой она вполне могла довериться. И она сказала ей:

— Ступай сейчас же в сад и приведи ко мне того, кого ты встретишь в конце аллеи.

Служанка отправилась в сад и нашла там конюха, которого тотчас же привела к своей госпоже, после чего та приказала ей выйти из комнаты и остаться у двери, чтобы дать знать, как только вернется муж.

Сеньер д'Аванн, увидав, что он остался со своей любимой вдвоем, мигом скинул одежду конюха, сорвал с лица приставной нос и бороду и уже не как робкий слуга, а как самый настоящий принц, не спрашивая позволения у дамы и нимало не смущаясь, лег рядом с ней, и она приняла его так, как самая красивая и легкомысленная дама этой страны могла принять красавца мужчину. И он пребывал с ней до тех пор, пока муж не вернулся. Услыхав, что тот возвращается, он мгновенно переделался и покинул место, которым завладел с помощью хитрости и лукавства. Едва только хозяин вошел в дом, как он убедился, что жена его действительно постаралась привести все в порядок, и стал ее от всего сердца благодарить.

— Друг мой,— сказала она,— я только исполняю свой долг. Право же, если не присматривать за этими лентяями, то все собаки у них запаршивеют, все лошади отощуют. Но, зная, какие это лодыри и как вы любите порядок, я уж постаралась, чтобы все было так, как надо.

Муж, который был уверен, что нашел отличнейшего конюха, стал спрашивать ее, какого она о нем мнения.

— Должна сказать,— ответила она,— что он делает все, как полагается, но за ним все время нужен глаз, до того он медлителен и неповоротлив.

После этого супруги стали жить еще дружнее, чем раньше. И всякая подозрительность и ревность мужа рассеялись окончательно, ибо оказалось, что жена его, которая раньше больше всего на свете любила балы, танцы и светское об-

щество, пристрастилась теперь к хозяйству и к дому и, вместо того чтобы тратить по четыре часа на свой туалет, ходила в простом капоте, который надевала прямо поверх рубашки. За это она заслужила похвалу и мужа и всех тех, кто не знал, что из двух дьяволов, которые ее соблазнили, она отдала предпочтение тому, который был посильнее. Так и жила эта молодая дама, лицемерно рядясь в одежды добродетельнейшей из женщин, а сама в это время предаваясь неистовым наслаждениям, перед которыми все доводы разума и совести становились бессильны и которые не знали границ.

Сеньер д'Аванн был еще очень молод и не отличался крепким здоровьем. А тут он стал бледнеть и худеть и до того изменился в лице, что и без маски его нелегко было узнать. Однако безумная любовь, которую он питал к этой даме, до такой степени подчинила себе все чувства его и помрачила ум, что он, не рассчитав свои силы, стал вести такую жизнь, какой, пожалуй, не выдержал бы и Геркулес. В конце концов он заболел,— и, так как его возлюбленная больше всего хотела, чтобы он был здоров, она посоветовала ему просить хозяина, чтобы тот отпустил его домой к родителям. Хозяину было жаль расставаться с таким отличным конюхом, но он все же согласился, взяв с д'Аванна слово, что, как только он поправится, он снова вернется к нему на службу. Но сеньеру д'Аванну достаточно было пройти одну улицу, чтобы очутиться в доме своего названного отца. Придя туда, он застал дома только его добродетельную жену, чье чувство к нему за время его отсутствия нисколько не изменилось. Когда же она увидела, как бедный д'Аванн за это время исхудал и побледнел, она не могла удержаться и сказала:

— Не знаю, монсеньер, успокоилась ли ваша совесть, но выглядеть после этого путешествия вы лучше не стали. И я склонна думать, что больше всего повредили вам ваши ночные странствия. Ведь если бы вы даже отправились пешком в Иерусалим, вы бы вернулись оттуда загоревшим и не были бы таким худым и бледным. Довольствуйтесь же этим уроком и не чтите таких святых, которые, вместо того чтобы воскрешать мертвых, сводят в могилу живых. Я бы сказала вам кое-что еще, но, если даже вы и согрелись, вы за это достаточно наказаны, и я не хочу приносить вам еще новые огорчения.

Услышав эти речи, сеньер д'Аванн опечалился и смутился.

— Сударыня,— ответил он,— мне приходилось слышать, что за грехом всегда следует раскаяние. А теперь вот я испытал это на самом себе и прошу вас простить меня. Я ведь

молод, а молодость не верит ни в какое зло, доколе сама его на себе не испытает.

Тогда благоволившая к нему дама начала говорить с ним ласково. Она уложила его в мягкую постель, и он пролежал у них две недели. И кормить его стали так, чтобы силы поскорее к нему вернулись. И оба, муж и жена, неустанно пеклись о его здоровье, всячески старались чем-либо его развлечь и по очереди дежурили у его постели. И хоть он и натворил безрассудств, о которых вы уже слышали, и в свое время не внял совету доброй дамы, она продолжала все так же любить его высокой и чистой любовью, ибо не теряла надежды, что в конце концов вся эта бурная жизнь ему наскучит и ему захочется тихой привязанности, и тогда сердце его будет принадлежать только ей. И все эти две недели, пока он жил у них в доме, она столько с ним разговаривала о добродетели и любви, что он начал уже приходить в ужас от совершенных им безумств. И, глядя на ту, которая красотой своей превосходила его безрассудную подругу, и начиная все больше ценить достоинства ее и обаяние, он не выдержал и как-то раз, когда было уже совсем темно, откинув всякий страх, сказал:

— Сударыня, чтобы направить себя на стезю добродетели, как вы этого хотите и как мне советуете, я хочу, чтобы сердце мое прониклось любовью к этой высокой цели, и посему молю вас, сударыня, не откажите мне в своей помощи и будьте милостивы ко мне!

Очень обрадованная тем, что слышит, дама сказала:

— Даю вам слово, монсеньер, что если вы действительно будете любить добродетель так, как надлежит любить ее человеку столь высокого звания, как вы, я буду помогать вам в этом всеми способностями, которые мне даровал господь.

— Так помните же, сударыня, о вашем обещании, — сказал сеньер д'Аванн. — Не забудьте также и то, что господь, в которого человек может только верить, ибо никогда его не видел, сам облекся в грешную плоть, чтобы мы, люди, могли полюбить его за то, что он человечен, и тем самым дух наш мог постичь всю его божественность. Дав всем нам узреть живую плоть, он внушил нам любовь к незримому. Так вот и добродетель, которую я готов любить до конца моих дней, сама по себе незрима и познается лишь через внешний мир. Поэтому ей и надлежит облекаться в некую материальную форму, дабы люди могли узреть ее. Так оно и случилось, она приняла ваш образ, как самый совершенный на свете. Вот почему я почитаю вас не только женщиной добродетельной, но и самой добродетелью. И видя, как добродетель эта

светится сквозь совершеннейшую на земле оболочку, я хочу служить ей и чтить ее всю мою жизнь, забыв всякую другую любовь, ибо та и суетна и порочна.

Дама, довольная тем, что слышит, и восхищенная его признанием, искусно сумела скрыть свой восторг и только сказала:

— Монсеньер, я не хочу вдаваться в глубины теологии, но я больше склонна бояться зла, чем верить в добро, и поэтому молю вас — не произносите при мне речей, унижающих женщин, которые верили когда-то вашим признаниям. Мне хорошо известно, что, будучи женщиной, я, так же как и все остальные, весьма далека от совершенства, и было бы справедливо, чтобы добродетель преобразила меня по своему подобию, вместо того чтобы принимать мой облик. Это может ей пригодиться только тогда, когда она захочет остаться в этом мире неузнанной, ибо во мне никто не познает ее истинное лицо. Но, даже будучи столь несовершенной, я, однако, питаю к вам чувства, какие позволено питать женщине, которая живет в страхе божьем и дорожит собственной честью. Но я выкажу вам их только тогда, когда сердце ваше смирится и будет терпеливо ждать, как того требует добродетельная любовь. Я и сейчас уже знаю, какие слова должна обратиться к вам, но поверьте, что сами вы не любите так себя, свое благо и свою честь, как люблю их я.

Сеньер д'Аванн робко, со слезами на глазах стал умолять, чтобы она скрепила свои слова поцелуем. Но она отказалась, ответив, что ради него не нарушит обычая, принятого в стране. В самый разгар их спора явился ее муж. Сеньер д'Аванн сказал ему:

— Отец мой, я так привязан к вам и к вашей супруге, что прошу вас навеки считать меня вашим сыном.

Богатый дворянин обрадовался и сказал ему, что сам этого хочет.

— И чтобы это всегда было так,— продолжал сеньер д'Аванн,— позвольте, я вас поцелую.

И они поцеловались, после чего сеньер д'Аванн продолжал:

— Если бы я не боялся нарушить приличия, я поцеловал бы и вашу супругу, мою названую мать.

Богатый дворянин тут же приказал жене поцеловать молодого сеньера, что она и сделала, ничем не выдав, приятно ей или нет было выполнить это приказание. И пламень, который слова этой дамы зажгли в сердце влюбленного, начал разгораться после этого столь желанного для него поцелуя, в котором она только что так жестоко ему отказала.

После чего сеньер д'Аванн отправился в замок повидать брата своего, короля, и рассказывал там много всяких небылиц о своем путешествии в Монсеррат. И он услышал, что брат его, король, собирается ехать вместе с ним в Олиту и Таффалу, и, решив, что путешествие это займет много времени, впал в такую печаль, что стал подумывать о том, что, быть может, если он попытает счастье еще раз, добродетельная дама окажется к нему более благосклонной, чем была. И он поселился в Памплоне на той же самой улице, где она жила, и снял себе там старую деревянную лачугу. А около полуночи он поджег свое жилище. В городе поднялся шум, и в доме богатого дворянина очень скоро узнали о том, что случилось. И когда хозяин дома, выглянув в окно, спросил, где пожар, ему ответили, что он вспыхнул в доме, где поселился сеньер д'Аванн. Тогда он тотчас отправился туда, прихватив с собой всех своих слуг, и нашел молодого человека на улице в одной рубашке. Он проникся к нему великой жалостью, обнял его и, укрыв своим плащом, привел его к себе домой, сказав жене, которая лежала в постели:

— Дорогая моя, я привел к тебе пленника, принимай его так, как ты приняла бы меня.

Не успел он уйти, как сеньер д'Аванн, которому только и хотелось, чтобы она приняла его, как мужа, прыгнул к ней в кровать, надеясь, что такое поистине счастливое обстоятельство заставит добродетельную даму изменить своему обычаю. Однако расчеты его не оправдались: как только он кинулся к ней в кровать, она выскочила с другой стороны и мгновенно накинула платье. И, уже одетая, подошла к изголовью кровати и сказала:

— Неужели вы думаете, монсеньер, что обстоятельства могут поколебать мою добродетель? Так знайте, точно так же, как золото испытывается огнем горна, так и целомудренное сердце, когда его искушают, набирается от этого еще большей силы, чтобы справиться с искусом, и любовь охладевает в нем всякий раз, как только она столкнется с пороками. Поэтому будьте уверены, что, если бы я действительно хотела от вас чего-либо другого, а не того, о чем говорила вам, я сумела бы найти путь к этому сама. Но коль скоро я все это отвергла и не могу даже помышлять об этом, я прошу вас: если вы хотите, чтобы чувство мое к вам оставалось прежним, расстаньтесь не только со своим желанием, но и с самой мыслью о нем, ибо, что бы вы ни пытались предпринять,— знайте, я никогда не переменюсь.

Во время этого разговора вошли служанки, и госпожа им велела принести всевозможные угощения. Но сеньеру д'Аванн

ну не хотелось ни есть, ни пить. Неудача привела его в отчаяние, и он боялся, что, выказав столь ясно свое желание, он лишился теперь дружбы любимой женщины.

Вернувшись с пожара, муж этой дамы попросил сеньера д'Аванна остаться у него в доме. Но всю эту ночь несчастный не сомкнул глаз и горько плакал. А наутро, когда хозяйка еще были в постели, пошел к ним проститься,— и, когда он поцеловал даму, он по выражению ее лица понял, что она не сердится на него, а только его жалеет, и от этого любовь его разгорелась еще сильнее. После обеда он поехал с королем в Таффалу и перед отъездом зашел все-таки еще раз попрощаться со своим названным отцом и его женой. С тех пор как в первый раз муж велел ей поцеловать юношу, как сына, она уже не противилась этим поцелуям. Но, будьте уверены, чем больше добродетели ее мешали ей выказать пылавший в ее сердце пламень страсти, тем больше этот пламень разгорался и бушевал. И в конце концов, не будучи в силах выдержать этот поединок любви и чести и решив ничем не обнаруживать того, что творилось у нее в сердце, лишенная возможности видеть человека, который был для нее дороже жизни, бедная женщина занемогла и от всех огорчений слегла в постель; ее все время кидало в дрожь, руки и ноги ее похолодели, а внутри у нее все горело. Лечившие ее врачи были крайне встревожены ее болезнью и, считая, что у нее разлилась желчь и что страдает она именно от этого, высказали свое мнение мужу и посоветовали ему уговорить больную подумать о душе и положитьсь во всем милость божью. Как будто люди здоровые могут на нее не полагаться! Мужа, который без памяти любил жену, слова эти так опечалили, что он написал сеньеру д'Аванну, прося его приехать к ним, в надежде, что общество его немного рассеет больную и утешит ее. Получив его письмо, сеньер д'Аванн незамедлительно приехал. Войдя в дом, он застал всех слуг и служанок в большом горе. Все они оплакивали свою хозяйку. Сеньер д'Аванн был так потрясен, что еле удержался на ногах и не сразу решился войти в дом. И только когда его названный отец вышел ему навстречу и, заливаясь слезами, расцеловал его, они вместе прошли в комнату, где лежала больная. Обратив на него свой томный взгляд, она взяла его за руку, а потом, собрав последние силы, притянула его к себе, обняла и поцеловала.

— О монсеньер,— с горечью в голосе сказала она,— настало время перестать притворяться и сказать вам всю правду, которую я с таким трудом старалась скрыть. И если сердце ваше полно любви ко мне, то знайте, что я люблю

вас не меньше. Однако на мою долю досталось больше страданий, мне ведь пришлось скрывать это чувство, поступать наперекор желанию моему и зову сердца. Поймите, монсеньер, ни господь бог, ни честь моя не позволяли мне открыть его вам, дабы ваше чувство не стало от этого еще сильнее. Но знайте, мне каждый раз стоило такого труда произнести слово «нет», которое вы так часто от меня слышали, что от этих усилий я изнемогла и теперь умираю. И я радуюсь тому, что умираю, ибо вижу в этом особую ко мне милость господя, позаботившегося, чтобы смерть явилась ко мне раньше, чем я успела запятнать свое доброе имя. Ибо от огня, даже не столь великого, как тот, что горит у меня в груди, погибают самые незабываемые твердыни. Счастлива я и тем, что перед смертью мне дано повидать вас, что любовь моя по силе не уступит вашей, хотя вообще-то честь мужская и женская — вещи совершенно различные. И умоляю вас, монсеньер, не страшитесь впредь обращать чувство ваше на женщин великодушных и добродетельных, ибо в их сердцах вы найдете и самую большую любовь, и самую высокую добродетель. Вы так хороши собой, так мужественны и благородны, что не должны лишать себя этой любви. Я не буду просить вас молиться за меня, ибо знаю, что врата рая открыты для тех, кто по-настоящему любил, и что всепожирающий пламень любви приносит такие страдания здесь, на земле, что те, кто был опален им, избавлены от мук чистилища. Прощайте, монсеньер, поручаю заботам вашим и попечению моего бедного мужа, вашего названного отца. И, прошу вас, расскажите ему все, что вы сейчас слышите, чтобы он узнал, как я любила господя бога и его самого. А теперь ступайте, я хочу думать только о господе и о его безмерной милости ко мне.

С этими словами она его поцеловала и обняла своими слабеющими руками так крепко, как только могла. Сеньер д'Аванн, сердце которого разрывалось от муки, не в силах был ничего ей сказать. Он вышел из комнаты и без чувств упал на кровать. Умиравшая тут же позвала мужа и, сделав все последние распоряжения, наказала ему заботиться о сеньере д'Аванне, как о человеке, который, после него, была ею любим больше всего на свете. И, поцеловав мужа, она с ним простилась. И она приняла святое причастие с превеликой радостью, которая бывает только у тех, кто уверен, что спасет свою душу. И, почувствовав, что глаза ее заволакивает туманом и силы ее слабеют, она попросила читать *In manus*¹. Услыхав этот псалом, сеньер д'Аванн вскочил с по-

¹ В руки твои, [господи, предаю душу свою] (лат.)

стели и, преисполненный великой жалости, увидел, как она вздохнула в последний раз и спокойно отдала свою праведную душу Создателю. И когда он убедился, что она умерла, он кинулся к той, к кому при жизни боялся подойти слишком близко, и принялся обнимать и целовать бездыханное тело с такой страстью, что муж ее крайне изумился, ибо он никогда не думал, что его названный сын питал к его жене такую любовь. И в конце концов он сказал ему: «Монсеньер, вы забылись!» — после чего оба вышли из комнаты. И, проплакав долгое время, сеньер д'Аванн поведал своему названному отцу всю историю своей любви и рассказал, как до самого последнего часа его покойная жена ничем не проявила своего чувства и была с ним всегда холодна. Несчастный вдовец был тронут этим рассказом и еще больше оплакивал свою утрату. И до самой своей смерти он старался чем-либо услужить сеньеру д'Аванну. А молодой сеньер, которому было еще всего-навсего восемнадцать лет, отправился ко двору короля и остался там на долгие годы. И все эти годы он чуждался женщин и не хотел даже говорить ни с одной, безутешно скорбя о своей любимой. И более десяти лет он носил только черное платье.

— Вот, благородные дамы, насколько непохожи друг на друга женщины легкомысленные и женщины добродетельные и как по-разному они любят,— одна умерла в почете и уважении, а другая прожила жизнь долгую, но жила в бесчестии и в позоре, ибо смерть праведника всегда бывает славна перед господом, смерть же грешника мерзостна.

— Послушайте, Сафредан, вы рассказали нам замечательную историю,— сказала Уазиль,— а для тех, кто знал этого сеньера, как, например я, она, конечно, еще интереснее. Мне не приходилось видеть другого такого красавца и такого обходительного и приятного человека, как сеньер д'Аванн.

— Подумать только,— сказал Сафредан,— что такая достойная женщина, для того чтобы показать всем, что в поступках своих она добродетельнее, нежели в мыслях, и чтобы скрыть свою любовь, которую самой природой ей было положено отдать столь благородному сеньеру, предпочла лучше умереть, чем вкусить наслаждение, которого она в глубине души сама хотела!

— Если бы у нее действительно было такое желание,— возразила Парламанта,— она не раз имела возможность ему это высказать, но она была столь добродетельна, что рассудительность в ней всегда одерживала верх над страстью.

— Можете жалеть ее как хотите,— сказал Иркэн,— но я хорошо знаю, что дьявол, который посильнее, всегда побеждает слабое и что тщеславие в женщинах гораздо более распространено, чем страх или любовь к богу. Так же вот и платья у них столь длинны и так искусно скрывают их формы, что невозможно узнать, что таится под ними. Ведь если бы здесь не была замешана честь, вы нашли бы, что природа, равно как и нас, ничем их не обделила. И только из-за того, что они не дают воли своим желаниям, в них на месте одного порока гнездится другой, еще больший, но который они считают едва ли не добродетелью. Этой гордыней своей и жестокостью они рассчитывают приобрести бессмертие, возвеличивая себя тем, что противятся пороку, который свойствен самой их природе (а может ли быть природа порочна?), и тем самым становятся похожими не только на диких зверей, свирепых и кровожадных, но, что еще хуже,— на дьяволов, перенимая от них и гордость и коварство.

— Приходится лишь пожалеть,— сказала Номерфида,— что вам досталась хорошая жена. Вы этого не стоите, вы не только не цените все хорошее, но хотите еще доказать, что оно порочно.

— Я искренне радуюсь тому,— возразил Иркэн,— что жена моя не любит скандалов, как не люблю их и я, но что касается целомудрия, то все мы дети Адама и Евы. Поэтому, глядя друг на друга, нам лучше не прикрывать наготу нашу фиговым листком, а созерцая ее, признаваться в своей слабости.

— Я хорошо знаю,— сказала Парламента,— что все мы нуждаемся в милости господней, ибо все мы грешны перед богом. Только наши грехи не приходится сравнивать с вашими. Ведь если грешить нас заставляет тщеславие, то никто, кроме нас, от этого не страдает, и ни на тело наше, ни на руки не налипает никакой грязи, для вас же главное удовольствие в том, чтобы обесчестить женщину, как и главная доблесть ваша — в том, чтобы убивать людей на войне. И то и другое противно божескому закону.

— Я готов согласиться с тем, что вы говорите,— сказал Жебюрон,— но ведь господь говорит иначе: «Всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, прелюбодействует в сердце своем, и всякий ненавидящий ближнего своего — человекоубийца!» Так неужели, по-вашему, женщины никогда не смотрят с вожделением на мужчин и ненависть им чужда?

— Господь, который судит сердце человеческое,— сказала Лонгарина,— вынесет свой приговор; но важно, чтобы людям не в чем было нас обвинить, ибо господь столь милостив, что человека, согрешившего только в мыслях, он не осудит. К тому

же он хорошо знает, как все мы слабы, и поэтому возлюбит нас еще больше, если мы не поддадимся своей слабости.

— Прошу вас,— взмолился Сафредан,— прекратите эти споры, все это больше похоже на проповедь, чем на рассказ. Я передаю сейчас слово Эннасюите и прошу ее непременно нас чем-нибудь рассмешить.

— Я и в самом деле намереваюсь это сделать,— сказала Эннасюита,— но должна признаться вам, что, в то время как я шла сюда, думая о приготовленной мною истории, мне вдруг рассказали о двух слугах одной принцессы. Это было так забавно, что я все время хохотала и совсем позабыла про свою жалостную историю, которую, думается мне, я отложу теперь на завтрашний день, а то сейчас мне никак не удержаться от смеха и я способна только испортить этот грустный рассказ.

НОВЕЛЛА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Некий секретарь преследовал своими бесчестными и постыдными домогательствами жену своего товарища, у которого он гостил, и, видя, что она охотно слушает его признания, решил, что сердце ее покорено. Но женщина эта была весьма добродетельна и, обманув его ожидания, рассказала обо всем мужу.

Один из слуг упомянутой принцессы, ее камердинер, жил в городе Амбуазе. Это был человек очень благонаправленный, и он радушно принимал у себя всех, кто приезжал к нему в гости,— приезжали же главным образом его приятели. Однажды к нему явился один из секретарей принцессы и провел у него дней десять-двенадцать. Секретарь этот был такой урод, что наружностью своей больше походил на короля людоедов, чем на доброго христианина. И хотя хозяин принял его как брата и друга, он оплатил ему за все его радушие такой низостью, какой можно было ждать лишь от человека, в котором нет и не было никакой порядочности: он стал преследовать своими непристойными домогательствами его жену, которая менее всего склонна была искать подобных утех, ибо добродетель этой женщины не знала себе равной во всем городе. И когда намерения секретаря перестали быть для нее тайной, она решила, что лучше ответить ему притворною благосклонностью и потом уже вывести его на чистую воду, чем отвергнуть его сразу, ибо тогда никто не узнал бы о его низости. А секретарь, полагая, что сердце этой женщины уже принадлежит ему, и позабыв, что ей пятьдесят лет и что она никогда не была красивой — не говоря уже о том,

что в обществе она пользуется репутацией женщины положительной и любящей своего мужа,— продолжал упорно ее преследовать.

И вот однажды, когда муж ее был дома, а она и секретарь сидели в столовой, она сказала, что согласна увидеться с ним где-нибудь в укромном уголке, и тут же добавила, что лучше всего было бы пойти на чердак. Сама она при этом поднялась с места и попросила его идти вперед, сказав, что последует за ним. На обезьяньем лице секретаря изобразилась радость, и он стал тихонько взбираться наверх по лестнице. И страсть его разгорелась огнем, но не светлым, как пламя горящего можжевельника, а темным, как раскаленный уголь, и он все время прислушивался, не идет ли она за ним следом. Но вместо того чтобы услышать ее шаги, он вдруг услышал ее голос, говоривший:

— Господин секретарь, подождите минуту, я только спрошу мужа, позволит ли он прийти сюда к вам.

Подумайте только, благородные дамы, как должен был выглядеть этот урод в слезах, если, даже улыбаясь, он был похож на обезьяну? А он действительно горько заплакал и стал просить ее ради всего святого не выдавать его мужу, который был его другом.

— Но вы же его так любите,— отвечала она,— что не позволите себе обратиться ко мне со словами, которых ему не следовало бы слышать, вот я и спрашиваю его позволения.

И как он ни молил ее, как ни требовал, чтобы она этого не делала, она поступила по-своему, а муж был очень доволен, услышав, как ловко его жена постояла за свою честь и обманула негодника. И сама добродетель ее доставила ему столько радости, что он не стал ни в чем винить секретаря, считая, что тому и так должно быть стыдно — он ведь задумал учинить подобное непотребство в доме своего друга.

— Мне думается, что история эта должна научить людей порядочных не принимать у себя в доме тех, у кого нет совести и в чьем сердце нет места богу и настоящей любви.

— Хоть история ваша и очень коротка,— сказала Уазиль,— но она очень занимательна и служит к чести этой достойной женщины.

— Право же,— воскликнул Симонто,— не слишком-то уж велика честь отказать такому уроду, как этот секретарь. Вот если бы он был красивым, да к тому же еще и человеком благородным, пусть бы она тогда попробовала перед ним устоять. А так как я уж догадываюсь, о ком идет речь, то,

будь сейчас мой черед, я бы сумел рассказать вам не менее занятную историю.

— За этим дело не станет,— воскликнула Эннасюита,— я передаю вам слово.

Тогда Симонто начал так:

— Те, кто привык жить при королевском дворе или в больших городах, до того высоко себя ставят, что готовы считать всех остальных людей ничего не стоящими в сравнении с ними. Но разве в других местах и среди людей совершенно другого круга мало встречается разных ловкачей и хитрецов? Во всяком случае, чем больше человек возомнит о себе и о своей хитрости, тем веселее бывает потешаться над ним, когда он совершает какой-нибудь промах. Об одном из таких происшествий, приключившихся некогда, вы и узнаете из моего рассказа.

НОВЕЛЛА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Бернар дю Га ловко обманывает секретаря, который был уверен, что сам его обманул.

Когда король Франциск, первый этого имени, пребывал в городе Париже, а сестра его, королева Наваррская, была вместе с ним, секретарем у королевы служил некий Жан. Это был малый себе на уме. И не было ни одного председателя или советника, с которым он бы не был знаком. Купцы и все богатые люди принимали его у себя в доме как равного. Как раз в это время в Париж прибыл один купец из Байонны по имени Бернар дю Га — в город его привели дела, он рассчитывал найти совет и заступничество главного прокурора, который был его земляком. Секретарь королевы Наваррской, как верный слуга своих господ, точно так же нередко навещался к прокурору. И вот, как-то в праздник, придя к нему, секретарь не застал дома ни его самого, ни жены, но зато в доме у него оказался в это время Бернар дю Га, который, играя не то на виоле, не то на каком-то другом инструменте, обучал служанок гасконским танцам. Увидев это, секретарь тут же решил ему сказать, что он поступает крайне неосмотрительно и что если только прокурор и его жена об этом узнают, они будут очень недовольны. Напугав его до такой степени, что тот стал умолять никому ничего не рассказывать, секретарь спросил его:

— А что вы мне дадите, чтобы я молчал?

Бернар дю Га, который, как оказалось, не столько действительно испугался, сколько притворился испуганным, увидев, что секретарь собрался попросту его обмануть, обещал,

что пришлет ему окорок отменной гасконской ветчины, какой тот никогда не едал.

Секретарь очень обрадовался и просил его приготовить этот окорок к следующему воскресенью и прислать его после обеда, что купец и обещал. Уверенный, что купец сдержит свое обещание, секретарь отправился к одной парижской даме, за которой он ухаживал и на которой очень хотел жениться, и сказал:

— Сударыня, позвольте мне прийти в воскресенье поужинать с вами и припасите только хлеба и доброго вина, еды никакой не надо — я так ловко обманул одного олуха из Байонны, что ужинать мы будем за его счет. И я угощу вас отборной гасконской ветчиной, какой еще никогда не пробовали в Париже.

Дама поверила ему и, пригласив на ужин нескольких соседей, женщин весьма достойных, обещала угостить их новым блюдом, которого они никогда в жизни не ели.

В воскресенье секретарь отправился искать купца и нашел его на Мосту Меньял. Поздоровавшись с ним, он сказал:

— Черт бы вас побрал, насили я вас разыскал!

На это Бернар дю Га ответил ему, что многим приходится затрачивать еще больше сил и они не получают в награду такого лакомого куска. С этими словами он вынул из-под плаща обещанный окорок, который был так велик, что его, вероятно, хватило бы, чтобы накормить целый отряд солдат. Секретарь очень обрадовался: он сложил свои большие и безобразные губы в такую умильную улыбку, что рот его сделался совсем маленьким и трудно было поверить, что в него пройдет и кусочек ветчины. Он тут же схватил окорок и, даже не пригласив купца, побежал к своей даме, которой очень хотелось узнать, действительно ли гвиенские яства не уступают парижским.

Когда сели ужинать и был подан суп, секретарь сказал:

— Все это нам уже давно приелось, давайте-ка отведаем лучше то, что поострее.

И с этими словами он стал было разрезать огромный запеченный в тесто окорок, рассчитывая, что под тестом окажется ветчина. Но окорок оказался настолько жестким, что разрезать ножом его так и не удалось. После нескольких попыток секретарю пришлось признать, что его обманули и вместо настоящего окорока в тесто запекли большой деревянный башмак, из таких, какие носят в Гаскони. К нему была приделана головешка, и все было посыпано селитрой и какими-то пряностями с весьма приятным запахом. До чего же обидно было нашему секретарю! И не только из-за того, что

обманул его человек, которого сам он рассчитывал обмануть, а из-за того, что теперь он невольно обманул даму, в которую был влюблен, будучи уверен, что говорит ей сущую правду. Ко всем прочим огорчениям добавилось и то, что, кроме супа, к ужину у них ничего не оказалось. Дамы, которые были раздосадованы не меньше его, верно, сочли бы себя одураченными, если бы по выражению его лица не догадались, что и он горюет о том, что произошло. Кое-как поужинав, но не утолив голода, секретарь в досаде ушел и решил, что коль скоро Бернар дю Га нарушил свое обещание, то и он точно так же вправе нарушить свое. И он отправился к прокурору с намерением очернить Бернара в его глазах. Но он опоздал: Бернар успел уже рассказать прокурору все сам, и тот посоветовал секретарю никогда больше не обманывать гасконца. На том пристыженному секретарю и пришлось успокоиться.

— Так всегда получается с тем, кто, полагаясь на свою хитрость, забывает обо всем остальном, и посему никогда не следует делать другим то, чего не желаешь себе.

— Уверю вас,— сказал Жебюрон,— что мне самому нередко приходилось видеть, как человек, которого считали и неотесанным и грубым, обманывал человека образованного, ибо глупее всего неминуемо оказывается тот, кто считает себя хитрецом, а умнее всего — тот, который сознает, сколь он ничтожен.

— Разумеется,— сказала Парламанта,— уж если кто-нибудь действительно что-то знает, так это тот, кто уверен, что ничего не знает.

— В таком случае,— сказал Симонто,— мы не будем терять драгоценного времени, и я передаю слово Номерфиде; я уверен, что такая искусная рассказчица, как она, долго нас не задержит.

— Ну что же,— ответила Номерфида,— я расскажу вам такую историю, какой вы ждете. Меня нисколько не удивляет, когда любовь подсказывает какому-нибудь принцу, как избавиться от опасности. Принцев воспитывают люди ученые, и было бы удивительно, если бы в чем-нибудь они оказались несведущими. Но самыми изобретательными в делах любви оказываются именно те, у кого меньше всего ума. Поэтому я расскажу вам, какую штуку выкинул один священник, а научила его этому только любовь, ибо во всем остальном он был так невежествен, что даже прочесть мессу ему бывало трудно.

НОВЕЛЛА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Некий священник, развлекавшийся с женой крестьянина, видя, что муж ее неожиданно вернулся домой, так ловко от него удрал, что тот ни о чем не догадался.

В графстве Мене, в деревне Каррели, жил богатый крестьянин, который под старость женился на молоденькой и хорошенькой женщине. Детей у нее от него не было, но она вознаграждала себя тем, что заводила друзей, с которыми ей было не скучно. Когда же она лишилась общества дворян и людей состоятельных, последним ее прибежищем стала церковь, а ее сотоварищем по греху сделался тот, кому была дана власть отпускать ей грехи. Это был ее духовный пастырь, часто навещавший свою заблудшую овцу. Муж ее, который был стар и неповоротлив, ничего даже не подозревал. Но именно потому, что он был и силен и груб, жена старалась хранить свои проделки в глубокой тайне, боясь, как бы, проведая о них, муж ее не убил. Однажды, когда старик отлучился, жена, думая, что он еще не скоро вернется, послала сказать духовнику, чтобы тот пришел ее исповедовать. И вот, в то время когда они предавались утехам любви, явился муж, причем столь неожиданно, что святой отец не успел убежать. По совету своей возлюбленной он прокрался на чердак, а люк прикрыл веялкой. Когда муж вошел в дом, жена его, чтобы ничем не возбудить его подозрений, так хорошо его угостила и принесла ему столько вина, что он, чувствуя себя усталым после работы в поле и притом изрядно выпив, уснул тут же у очага, сидя на стуле. Духовник, которому наскучило торчать на чердаке, слыша, что все стихло, высунулся из люка и, вытянув, как только мог, шею, увидел, что хозяин дома спокойно спит. Но в эту минуту он так приналег на веялку, что она соскочила, и он упал вместе с ней вниз, к ногам спящего, который от страшного шума, разумеется, тут же проснулся. Святой отец успел, однако, вскочить на ноги и, как ни в чем не бывало, сказал:

— Вот ваша веялка, куманек, и большое вам за нее спасибо.

Сказав это, он тут же исчез. А крестьянин, со сна ничего не разобрав, только спросил жену:

— Что там такое?

— Друг мой,— отвечала она,— это священник принес веялку, которую он у нас брал.

— Чего же он так ее швыряет,— проворчал крестьянин,— я уж думал, что крыша обвалилась.

Так вот и спасся находчивый священник, отделавшись всего-навсего тем, что его поругали за неуклюжесть.

— Благородные дамы, злой дух, которому он служил, спас его на этот раз, чтобы подольше его помучить и подержать в своей власти.

— Не думайте, пожалуйста, что среди людей простых не бывает плутов, — сказал Жебюрон, — как раз напротив, их там еще больше, чем среди нас. Взять хотя бы мошенников, убийц, колдунов, фальшивомонетчиков и прочих хитрецов, не знающих покоя, — все ведь это люди бедные, ремесленники.

— По-моему, нет ничего странного в том, что эти люди похитрее других, — сказала Парламанта, — удивительно только, что, будучи столь заняты, они находят еще время для любви и что чувство столь благородное может зародиться в сердце простолюдина.

— Сударыня, — воскликнул Сафредан, — разве вы не знаете, что наш прославленный Жан де Мен сказал:

Найдут влюбленные друг друга,
Будь шелк на них или дерюга.

Однако любовь, о которой говорится в этом рассказе, не связывает человека по рукам и ногам. Так как у людей простых нет ни богатств, ни почестей, природа предоставляет в их распоряжение другие дары, в которых нам бывает отказано. Пища у них не так изысканна, как у нас, но аппетит у них лучше, и грубый хлеб кажется им вкуснее, чем нам — вся наша привередливая кухня. Постели у них не такие мягкие, как у нас, белье не такое тонкое, зато спят они крепче, чем мы. И сон для них — настоящий отдых. Среди них вы не встретите разодетых и раскрашенных дам, от которых мы без ума; однако любовью они наслаждаются чаще, чем мы. Им не приходится взвешивать каждое свое слово, им некого бояться, ибо видят их только звери да птицы. Они лишены того, что есть у нас, но зато у них в избытке все то, чего у нас нет.

— Прошу вас, — сказала Номерфида, — не будем больше говорить об этом крестьянине и о его жене и, чтобы закончить наши рассказы до начала вечерней молитвы, предоставим слово Иркану.

— У меня действительно припасена для вас одна история, — сказал Иркан, — такая необыкновенная и жалостная, каких вы, пожалуй, не слыхивали. Мне, правда, неприятно рассказывать дурное об одной из вас, женщин; я-то ведь

знаю, что мужчины — народ такой злонамеренный, что стоит только какой-нибудь женщине оступиться, как они сейчас же возведут поклеп и на всех остальных. Но история эта настолько необычна, что я на этот раз, пожалуй, откину свои опасения. К тому же, может быть, подумав о том, какие случайности бывают на свете, женщины станут более осмотрительными. Итак, я без страха приступаю к своему рассказу.

НОВЕЛЛА ТРИДЦАТАЯ

Юноша лет четырнадцать-пятнадцать, думая, что он улегся спать с одной из девушек, живших у его матери, в действительности разделил ложе с собственной матерью, и через девять месяцев она родила дочь, на которой он же спустя двенадцать или тринадцать лет женился, не зная ни того, что она его дочь, ни того, что она его сестра, равно как и она не знала, что он — ее отец и вместе с тем брат.

В царствование короля Людовика Двенадцатого, когда легатом Авиньонским был один из представителей рода Амбуазов, племянник легата Французского, в Лангедоке жила некая дама, имя которой не стоит называть из уважения к ее роду; дама эта имела больше четырех тысяч дукатов годового дохода. Она очень рано овдовела и жила со своим единственным сыном. Она так чтילה память своего покойного мужа и так любила ребенка, что решила больше никогда не выходить замуж. А чтобы избежать всякого соблазна, она нигде не бывала и посещала только людей благочестивых, ибо считала, что стечение обстоятельств может ввести во грех, и не знала, что грех сам может создать стечение обстоятельств. Итак, молодая вдова перестала бывать в обществе и всецело предалась благочестию, столь строгому, что ей даже стало казаться, что грешно присутствовать на свадьбе или слушать церковный орган. Когда сыну исполнилось семь лет, она наняла ему учителя, человека очень праведного, который наставлял его богоугодной жизни и благочестию. Но когда мальчику исполнилось четырнадцать или пятнадцать лет, другой его учитель — и притом тайный — природа, воспользовавшись его досугом и хорошим здоровьем, обучила его кое-каким вещам, которыми его наставник не уделял ни малейшего внимания. Мальчик начал заглядываться на все красивое, и в нем стали пробуждаться желания. Среди прочих особ женского пола внимание его привлекла молодая девушка, которая спала в комнате его матери. Но никто этого не заметил, ибо все счита-

ли его ребенком. К тому же в доме привыкли вести только благочестивые разговоры. И вот подросток начал приставать к этой девушке и тайно домогаться ее любви. Девушка тотчас же сказала об этом своей госпоже, но та души не чаяла в сыне и решила, что она говорит ей все это, чтобы их поссорить. Но девушка была так настойчива, что ее госпоже оставалось только ответить:

— Я узнаю, правда ли все, что ты говоришь; если же окажется, что ты на него только попусту наговариваешь, ты у меня за это поплатишься.

И, чтобы во всем удостовериться самой, она велела девушке заручиться согласием ее сына прийти ровно в полночь и лечь к ней в постель,— девушка спала в одной комнате со своей госпожой, но в отдельной кровати, которая стояла возле двери. Девушка так и сделала, а когда настал вечер, вдова улеглась к ней на кровать сама, решив, что, если все, что она сказала,— правда, она так проучит сына, что впредь, ложась в постель с женщиной, он всегда будет вспоминать об этом дне.

И вот, в то время когда она обдумывала все это и пребывала в гневе, сын ее прокрался в спальню и лег к ней в постель. Мать все еще никак не хотела допустить мысли, что он сделал это с дурным намерением, и поэтому не сказала ему ни слова. После чего она заметила, что лежать спокойно он вовсе не намерен, но все-таки отказывалась поверить, что мальчишеские желания могут довести его до греха. И она оказалась настолько снисходительной и к тому же податливой, что гнев ее сменился наслаждением, которое было более чем отвратительно, ибо она совсем забыла, что она мать. И подобно тому, как внезапно хлынувший поток, который сдерживался силой, рушит на своем пути все преграды и становится еще стремительнее, так и дама эта, долго сдерживавшая свою плоть, теперь вдруг дала ей полную волю. Достаточно было сделать первый шаг — потом она уже была не в силах остановиться. Но едва только грех этот был совершен, как ее стали одолевать угрызания совести, и муки эти были так велики, что потом всю жизнь она не могла от них избавиться. Ей стало так тяжело на душе, что она поднялась с постели, оставив там сына, который был убежден, что с ним все время находилась молодая девушка, и, уединившись в маленькой комнате, весь остаток ночи плакала там и рыдала. Но вместо того чтобы смириться и признать, что одна только милость господня может помочь нам справиться с вожделением, она думала, что слезами своими смоет свой проступок и будет достаточно благоразумна, что-

бы впредь избежать всякого зла. И она оправдывала грех свой, приписывая его обстоятельствам, а не злему умыслу, от которого никто, кроме господ, уберечь не может. Она стала думать о том, как сделать, чтобы с ней это больше не повторилось. И, ведя себя так, как будто это единственный грех, которого ей следует опасаться, она употребила все свои силы на то, чтобы его избежать. Но гордыня ее, которая, казалось бы, должна была смириться после содеянного ею греха, в действительности возрастала — и, стараясь спасти себя от одного зла, она совершила немало других. Наутро, едва только рассвело, она послала за наставником своего сына и сказала ему:

— Мой сын уже подрос, и пора его куда-нибудь пристроить. У меня есть один родственник, капитан Монтесон, состоящий на службе у главнокомандующего Шомона. Он будет рад его к себе взять. Везите его туда сейчас же — и, чтобы мне не было так жаль расставаться с ним, пусть лучше он уезжает, не простившись со мной.

Отдав все распоряжения, она вручила наставнику необходимые для поездки деньги. Наутро сына ее увезли. Мальчик был этим очень доволен, ибо, насладившись любовью, он мечтал поскорее отправиться на войну.

Вдова долгое время пребывала в великой печали. И если бы не страх перед богом, она бы, вероятно, решила умертвить ребенка, которого носила в своем чреве. Она сказалась больною и постоянно куталась в плащ, чтобы никто не заметил ее брюхатости, а когда настало время родить, она решила, что единственный человек, которому она может довериться, — это ее сводный брат, бастард, которому она в свое время сделала много добра. Она сказала ему, что ждет ребенка, не назвав только имени виновника, и попросила его помочь ей скрыть свое бесчестие, на что тот охотно согласился. За несколько дней до родов он объявил всем, что сестра его больна, что ей необходимо переменить обстановку, и пригласил ее на время перебраться к нему в дом. Она поехала туда, взяв с собою одну или двух служанок. Жена ее брата вызвала к ней повитуху, причем последней не было даже сказано, у кого она принимает ребенка. И вот однажды ночью женщина эта разрешилась от бремени хорошей здоровой девочкой. Брат ее поручил ребенка кормилице, которая не сомневалась в том, что это его собственная дочь. Вдова же, прожив у брата около месяца и уже совершенно поправившись, вернулась домой и стала вести еще более строгий образ жизни, соблюдая посты и усердно молясь богу. Но когда сын совсем уже возмужал, он стал просить

мать разрешить ему вернуться домой, ибо войны в Италии тогда не было. Боясь, как бы все не повторилось снова, мать его сначала не соглашалась, но он был очень настойчив, и ей неудобно было ему отказать. Она тогда поставила условием, чтобы, прежде чем вернуться домой, он женился на девушке, которую выбрал бы по любви, наказав ему не гнаться за богатством, лишь бы будущая жена его была дворянкой. Как раз около этого времени брат этой дамы, видя, что девочка, вверенная его попечению, подросла и похорошела, решил отправить ее куда-нибудь подальше, где бы ее никто не знал, и по совету матери отдал ее королеве Екатерине Наваррской. И до двенадцати-тринадцати лет девочка жила при дворе этой королевы, которая очень к ней привязалась и решила выдать ее замуж за человека знатного и достойного. Но так как она была бедна, то, хотя многие кавалеры ухаживали за нею, руки ей никто не предложил. И вот однажды ко двору королевы явился сын той самой вдовы, о которой уже шла речь. И он влюбился в эту девушку, не подозревая, что это его родная дочь. А так как мать разрешила ему жениться на ком он хочет, он ни о чем ее не спрашивал, кроме одного — из дворян она или нет. И, узнав, что она дворянка, попросил у королевы Наваррской ее руки. Королева охотно согласилась на этот брак, ибо знала, что жених богат и к тому же красив и благороден.

Женившись, дворянин написал об этом матери, добавив, что теперь она уже не должна препятствовать его возвращению в родной дом, ибо он выполнил то условие, которое она ему поставила, и привезет с собой молодую жену — прелестнейшую из женщин. Мать осведомилась, на ком он женился, и узнала, что это была именно та самая девочка — ее дочь и вместе с тем дочь ее сына, — и она пришла в такое отчаяние, что готова была умереть, ибо видела, что, чем больше она старается избежать несчастья, тем неотвратимей оно становится. Раздумывая о том, как поступить, она решила отправиться к легату Авиньонскому и, признавшись ему в совершенном ею страшном грехе, спросила, что ей теперь следует делать. Легат же, чтобы успокоить ее совесть, призвал для совета несколько докторов богословия и, не называя имен, рассказал им все обстоятельства дела. Ученые богословы решили, что дама эта никогда не должна ничего рассказывать о случившемся своим детям, ибо те ничего не ведали и посему никакого греха не совершили. Самой же ей надлежит каяться до конца жизни — и так, чтобы они никогда об этом не узнали. С этим несчастная и возвратилась домой, и вскоре туда же приехал ее сын с невесткой. Молодые

люди нежно любили друг друга и жили между собой в дружбе и полном единении, ведь она приходилась ему дочерью, сестрой и женой, а он ей — отцом, братом и мужем. И так они жили всю жизнь, а их бедная мать, поглядев на их счастье, каждый раз уходила потом к себе и заливалась слезами.

— Вот, благородные дамы, как бывает с теми, кто мнит собственными силами и добродетелью победить любовь и природу человека, которую господь наделил столь великою властью. Лучшее, что может сделать человек, — это не тягаться с таким врагом, а, признав слабость свою, обратиться к истинному другу своему, Христу, и сказать ему слова псалмопевца: «Господи, тесно мне, спаси меня!»

— Вот уж поистине необыкновенная история, — сказала Уазиль, — мне кажется, что после этого каждой из нас следует склонить голову и преисполниться страха божия, ибо мы видим, как человек, намереваясь совершить добро, совершает вместо этого столько зла.

— Помните, — сказала Парламанта, — что всякая самоуверенность отдаляет человека от бога.

— Должно быть, только тот и мудр, — добавил Жебюрон, — кто злейшим врагом своим почитает себя самого и кто не доверяет ни воле своей, ни разуму.

— С каким бы добрым намерением это ни делалось, — сказала Лонгарина, — нет таких благих целей, ради которых женщине следовало бы лечь в постель с мужчиной, будь он даже ее самый ближайший родственник: нельзя ведь играть с огнем.

— Скорее всего это была какая-нибудь сумасбродная святоша, которой монахи вбили в голову, что она праведница, — сказала Эннасюита. — Ведь среди францисканцев немало таких, которые хотят нас уверить, что все мы можем стать праведниками, стоит лишь нам этого захотеть, что есть величайшее заблуждение.

— Есть ли такие безумцы, Лонгарина, — сказала Уазиль, — которые в это верят?

— Есть и такие, что идут еще дальше, — ответила Лонгарина, — они внушают себе, что надо приучаться к целомудрию, и, чтобы испытать себя, вступают в разговоры с самыми красивыми женщинами, а потом начинают целовать их и гладить, чтобы удостовериться, что их собственная плоть в это время совершенно мертва. А если, упражняясь так, они начинают испытывать волнение, они тут же расстаются с красавицей и обращаются к посту и молитве. Когда же плоть их настолько укрощена, что ни разговоры с женщи-

ной, ни поделуи их нисколько не трогают, они решаются на самое трудное испытание, которое заключается в том, чтобы лечь с женщиной в постель и обнимать ее, не испытывая при этом ни малейшего вожделения. Но, если кому-то одному и удалось в этом положении избежать греха, столько других осрамилось, что архиепископ города Милана, где все это происходило, вынужден был разделить мужчин и женщин и поместить тех и других в особые монастыри.

— Вот уж поистине крайняя степень безумия,— сказал Жебюрон,— стараться без божьей помощи избежать греха и так настойчиво искать случая, который вводит во грех.

— Есть другие, которые поступают как раз напротив,— сказал Сафредан,— они бегут всяческих соблазнов, и тем не менее искушение преследует их повсюду. Святой Иероним, и тот, сколько ни бичевал свою плоть и ни уходил в пустыню, должен был все же признать, что не мог избежать огня, который горел в его теле. Вот почему следует вверить себя господу, ибо если господь не поддержит нас, мы непременно споткнемся.

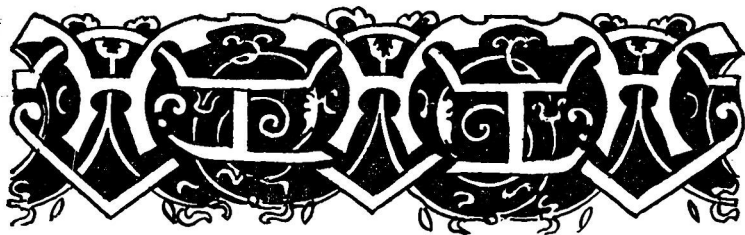
— Но вы не заметили того, что заметил я,— сказал Ирган,— пока мы рассказывали наши истории, монахи там за изгородью опять пропустили мимо ушей колокольный звон, созывавший их к вечерне. Но стоило нам заговорить о боге, как они тут же ушли и сейчас вот звонят второй раз.

— Мы хорошо сделаем, если последуем за ними,— сказала Уазиль,— и возблагодарим господа за то, что мы так весело провели сегодняшний день.

С этими словами все встали и направились в церковь, где благоговейно прослушали вечерню. После чего пошли ужинать, все еще обсуждая только что слышанное и вспоминая многие происшествия, бывшие в их жизни, чтобы решить, какие из них стоят того, чтобы их рассказать. И, проведя опять вместе весь вечер, отправились отдыхать, в надежде, что наутро они смогут продолжать развлечения, которые были им так приятны. Таким образом окончился третий день.

Конец третьего дня

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

В ЧЕТВЕРТЫЙ ДЕНЬ РАССУЖДАЮТ ГЛАВНЫМ ОБРАЗОМ О ДОБРОДЕТЕЛИ И ТЕРПЕНИИ ДАМ, СПОСОБНЫХ ДОЛГОЕ ВРЕМЯ ОЖИДАТЬ, ЧТОБЫ ЗАВОЕВАТЬ ЛЮБОВЬ МУЖА, И О БЛАГОРАЗУМИИ, КОТОРОЕ ПРОЯВЛЯЛИ МУЖЬЯ В ОТНОШЕНИИ ЖЕН, ДАВЫ СОХРАНИТЬ НЕЗАПЯТНАННОЙ ЧЕСТЬ СВОЕГО ДОМА И РОДА.

ВСТУПЛЕНИЕ

Следуя своей похвальной привычке, госпожа Уазиль поднялась на следующее утро гораздо раньше всей компании и, углубившись в Священное писание, стала ждать своих друзей, которые понемногу собирались. Те же из них, кому было лень подняться вовремя, пытались оправдаться словами Евангелия: «Я женат и потому не могу прийти сейчас». Это были Иркан и его жена Парламента, которые пришли, когда чтение уже началось. Однако госпожа Уазиль сумела разыскать то место в Писании, где порицаются люди, которые ленятся слушать слово божие, и не только прочла им этот текст, но дала ему столь доброе и благочестивое толкование, что слушать ее всем было интересно. Когда же чтение окончилось, Парламента сказала:

— Придя сюда, я была огорчена тем, что поленилась явиться вовремя. Но коль скоро провинность моя послужила для вас поводом рассказать мне столько всего хорошего, выходит, что лень оказалась мне двойную услугу: тело мое наслаждалось долгим сном, а дух — вашими прекрасными речами.

— Так вот, для того чтобы искупить наши грехи, пойдите послушаем мессу,— сказала Уазиль,— и попросим господя нашего, чтобы он вселил в нас добрую волю и дал нам силы исполнять его веления. И да повелит он все, что будет угодно ему.

С этими словами они отправились в церковь и благочестиво прослушали там мессу, а потом, когда все сели за стол, Иркиан не упустил случая посмеяться над тем, как ленива его жена. После этого все пошли отдохнуть, чтобы лучше припомнить и подготовить свои рассказы, а в назначенный час все опять собрались на том же месте, и Уазиль спросила Иркиана, кому он предоставляет слово, чтобы начать день.

— Если бы моя жена не была вчера первой рассказчицей,— ответил он,— я бы предоставил слово ей. Хотя я и всегда был уверен, что она любит меня больше всего на свете, сегодня она доказала мне, что я для нее дороже господя бога и Священного писания, ибо, вместо того чтобы слушать ваше душеспасительное чтение, она предпочла остаться со мной. Но раз уж я не могу передать слово самой разумной женщине, я передам его самому разумному из мужчин, а именно Жебюруну. Но пусть он не щадит монахов.

— Просить меня об этом не надо,— сказал Жебюрон,— я слишком хорошо их знаю. Совсем недавно еще я слышал от господина Сен-Венсана, посла императора, одну историю, которая стоит того, чтобы ее запомнить, и я вам ее сейчас расскажу.

НОВЕЛЛА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Дабы до скончания века люди помнили о жестокости одного из монахов-францисканцев, возгоревшихся страстью к жене дворянина, францисканский монастырь был сожжен вместе со всеми, кто в нем находился.

Во владениях императора Максимилиана Австрийского находился некогда францисканский монастырь, весьма почетаемый в округе, а неподалеку от него было поместье одного дворянина. Дворянин этот был в такой дружбе с монахами-францисканцами, что готов был поступиться чем угодно, лишь бы вместе с ними творить добрые дела, соблюдать посты и молиться. Среди монахов был один, высокий и красивый, которого дворянин этот избрал своим духовником. Монах этот распорядился у него в доме и мог позволить

себе там все, что душе угодно. Жена этого дворянина была хороша собой и очень умна. И монах влюбился в нее, да так, что не мог ни пить, ни есть и совсем потерял голову. Решив добиться взаимности, он отправился в дом дворянина и, не застав хозяина, спросил его жену, куда он ушел. Та сказала, что муж ее уехал в одно из своих поместий и будет в отлучке дня два или три, но, если у него есть к нему какое-либо дело, она пошлет за ним слугу. Монах ответил, что ему ничего не надо, и стал рассказывать взад и вперед по дому, как будто обдумывая что-то важное. Когда он вышел из комнаты, хозяйка сказала одной из своих служанок, — а их у нее было всего лишь две:

— Пойди-ка к святому отцу и спроси у него, чего он хочет. По лицу его видно, что он чем-то недоволен.

Служанка вышла во двор и спросила монаха, не угодно ли ему чего.

— Да, угодно, — ответил он и, затащив ее в угол, выхватил из рукава кинжал и всадил ей в горло. В это время во двор въехал на лошади один из слуг, который ездил собирать подати. Спешившись, он поздоровался с монахом, а тот, обняв его, всадил ему в спину нож и тут же запер ворота. Видя, что посланной все нет, хозяйка дома стала тревожиться и сказала другой служанке:

— Поди-ка посмотри, куда она делась!

Та ушла — и, едва только святой отец ее увидел, он завел ее в угол и расправился с ней так же, как с первой. А когда он удостоверился, что в доме никого больше не осталось, он пошел к жене дворянина и признался ей, что давно уже любит ее и что настал час, когда она должна уступить его желаниям.

Дама, которой все это и в голову не могло прийти, ответила:

— Отец мой, если бы я на это решилась, вы бы первый потом меня посрамили.

— Выйдите во двор, — сказал монах, — и вы увидите, что я сделал.

Увидав двух убитых служанок и слугу, женщина пришла в такой ужас, что стояла неподвижно, не в силах произнести ни слова. Однако негодяю было мало овладеть ею на короткое время, — и, рассчитывая на большее, он не стал пускаться в ход силу.

— Не бойтесь, сударыня, — сказал он, — вы сейчас в руках у человека, который любит вас больше всего на свете.

С этими словами он распахнул свою рясу и, вытащив из-за пазухи другую, поменьше, протянул ее несчастной, ска-

зав, что, если она сейчас же не наденет ее, он расправится с нею так же, как расправился с теми, кого она видела во дворе.

Несчастливая, едва живая от страха, решила притвориться, что согласилась исполнить все, чего он хочет, чтобы спасти свою жизнь и выиграть время, ибо надеялась, что муж ее скоро вернется. И, выполняя приказание францисканца, она стала распускать волосы, стараясь делать это как можно медленнее. Когда же волосы были распущены, монах даже не полюбовался их красотой и сразу же их обрезал. После этого он велел ей раздеться до рубашки и облачиться в привезенную им рясу, сам же надел свою. И, не медля ни минуты, пустился в путь, уводя с собою в обличии маленького францисканца ту, которая столько времени была предметом его вожделения. Но господь, который берет под свою защиту невинных, услышал мольбы этой несчастной, и случилось так, что муж ее, окончив свои дела раньше, чем предполагал, возвращался к себе домой тою же дорогой, которой ехала теперь его жена. Как только монах увидел его изда- лека, он сказал ей:

— Навстречу нам едет ваш муж! Я знаю, что если вы взглянете на него, он захочет вырвать вас из моих рук. Поэтому следуйте за мной и не смейте поворачивать голову в его сторону. Если вы ему только подадите знак, я всажу вам в горло кинжал раньше, чем он успеет освободить вас.

В это время дворянин приблизился к ним и спросил, откуда он едет.

— Из вашего дома,— отвечал монах,— супруга ваша в добром здравии и ждет вас.

Дворянин проследовал дальше, не узнав своей жены. Но бывший с ним слуга хорошо знал постоянного спутника францисканца, брата Жана, и, думая, что это он, стал его окликать по имени. Бедная женщина, которая боялась даже взглянуть в сторону мужа, разумеется, ничего ему не ответила. Тогда слуга перебежал дорогу и попытался заглянуть ей в лицо. На этот раз его госпожа сделала ему знак, и он успел увидеть ее полные слез глаза. Слуга вернулся к своему господину и сказал ему:

— Ваша милость, я переехал через дорогу и пригляделся к этому человеку, это вовсе не брат Жан, это не кто иной, как ваша жена, глаза у нее полны слез, и она так жалостно на меня посмотрела.

Дворянин сказал, что он, должно быть, рехнулся, и не обратил никакого внимания на его слова. Но слуга продолжал настаивать и просил подождать, пока он не догонит пут-

ников и не убедится еще раз, что это действительно так. Его господин позволил ему это сделать и стал его дожидаться. Но едва только монах услышал сзади голос слуги, звавший брата Жана, он испугался, что тот узнает свою госпожу, и с такой силой ударил его бывшей у него в руках большой палкой, что сбросил его с лошади, а потом, кинувшись на него, перерезал ему горло. Господин, видевший издали, как слуга упал на землю, решил, что это какая-то несчастная случайность, и поспешил ему на помощь. Но едва только он приблизился, как монах ударил его, так же как и слугу, своей палкой с железным наконечником и, свалив на землю, набросился на него. Однако дворянин был очень силен; он вцепился в монаха так, что тот не мог ничего с ним поделать, и вышиб у него из рук кинжал, который женщина тотчас же подняла и передала мужу, а сама со всею силой ухватила монаха за капюшон. И только после того, как дворянин нанес ему несколько ран кинжалом, монах признался в своих злодеяниях и запросил пощады. Убивать его дворянин не стал. Он попросил жену пойти домой за людьми и прислать повозку, на которой он мог бы его увезти, что она и сделала; она скинула с себя рясу и, ничем не покрыв остриженную голову, в одной рубашке побежала домой. Сбежались все слуги — они поспешили к своему господину, чтобы помочь ему привезти пойманного волка. Найдя его на дороге, они схватили его, связали и отвезли в дом к дворянину, который потом отправил его на суд к императору во Фландрию, и на суде монах признался во всех своих преступлениях. И на основании его признаний было учинено следствие, обнаружившее, что в монастыре своим францисканцы укрывали многих знатных дам и юных красавиц, которых завлекли туда обманом или затащили насильно, — словом, поступали с ними так, как поступил бы со своей жертвой и этот монах, если бы не милость господя нашего, всегда приходящая на помощь тем, кто на нее уповает. И из монастыря вывезли всех похищенных и заточенных в нем женщин, монахов же заперли в нем и заживо всех сожгли вместе с монастырем, чтобы люди навеки запомнили это преступление и поняли, что нет ничего опаснее любви, когда она зиждется на пороке, так же как нет ничего человечнее и достохвальнее любви, которая пребывает в сердце человека справедливого и доброго.

— Меня очень огорчает, благородные дамы, что истина служит отнюдь не к чести францисканцев, а, напротив, к их

посрамлению, ибо сам я так люблю этот орден, что очень хотел бы услышать что-нибудь, что позволило бы мне воздать ему хвалу. Но так как мы поклялись рассказывать здесь одну только правду, то я вынужден считаться с тем, что говорят люди, заслуживающие доверия, и обещать вам, что, ежели монахи совершат какое-либо славное и памятное деяние, я сделаю все от меня зависящее, чтобы поступки их стали известными всем.

— Послушайте, Жебюрон,— сказала Уазиль,— не больше ли здесь жестокости, чем любви?

— Я поражаюсь,— сказал Симонто,— как это у монаха хватило терпения не овладеть этой женщиной сразу, когда он увидел ее в одной рубашке и в таком месте, где никто не мог ему помешать.

— Он не был жаден,— заметил Сафредан,— но он знал толк в удовольствиях, ему до того хотелось наслаждаться ею день за днем, что он не прельстился минутной забавой.

— Дело вовсе не в этом,— возразила Парламанта,— поймите, что когда в человеке разгорается страсть, он всегда становится трусливым; монах этот так боялся, что у него отнимут его добычу, что уносил ее прочь, как волк уносит овцу, чтобы потом уже насладиться ею сполна.

— Как бы то ни было,— воскликнул Дагусен,— я ни за что не поверю, чтобы он ее не любил и чтобы даже в такое злобное сердце благодетельный бог любви не заронил какой-то искорки чувства.

— Так или иначе,— сказала Уазиль,— он получил по заслугам. Я молю бога, чтобы подобные злодеяния всегда бывали наказаны так, как это. Но кому же вы теперь представите слово?

— Вам, госпожа моя,— ответил Жебюрон,— вы непременно расскажете нам что-нибудь интересное.

— Раз вы даете мне это право,— воскликнула Уазиль,— я расскажу вам одну интересную историю, которая случилась в мое время и которую мне рассказал человек, бывший сам ее очевидцем. Вы, разумеется, знаете, что конец всех наших несчастий — это смерть, но именно потому, что с нею кончаются наши муки, можно сказать, что в ней — наше счастье и наш покой. И человек всего несчастнее тогда, когда он жаждет смерти и не может ее обрести. Поэтому самое большое наказание за преступление — это не смерть, а непрестанная тяжкая мука, которая заставляет желать смерти и вместе с тем бессильна ее приблизить. И вы сейчас услышите, как один муж поступил со своей женой, которую хотел наказать.

НОВЕЛЛА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Бернаж, увидев, сколь терпеливо и сколь смиренно одна благородная немка переносила необычное наказание, которому муж подверг ее за неверность, уговорил его простить ее, и тот, позабыв свою обиду, сжалился над несчастной. Он снова стал жить с нею как с женой, и у них родились прекрасные дети.

Король Карл, восьмой этого имени, послал однажды в Германию некоего дворянина по имени Бернаж, сеньера Сивре, что под Амбуазом. Посланец, торопясь исполнить приказание своего повелителя, проводил дни и ночи в пути. И вот как-то раз, уже поздно вечером, он добрался до замка, принадлежавшего одному дворянину. Путник стал просить, чтобы его приютили на ночь, но ему очень долго не хотели открыть ворота.

Когда же владелец замка узнал, что прибывший состоит на службе у достославного короля Карла, он вышел к нему сам и попросил извинить слуг за то, что они столь неприветливо его встретили. Он рассказал, что родственники жены злоумышляют против него и поэтому дом его закрыт для всех. А когда Бернаж поведал, что его сюда привело, дворянин сказал, что готов служить повелителю своему, королю, и провел его во внутренние покои, где и принял его со всеми подобающими почестями.

В доме собирались ужинать. Хозяин пригласил гостя в роскошный убранный зал, стены которого были увешаны гобеленами. Когда на стол были поданы кушанья, Бернаж увидел, как из-за драпировки вышла женщина неопишущей красоты. Но голова ее была обрита и одета она была во все черное, как обычно одеваются немки. Когда сеньер Бернаж и хозяин дома вымыли руки, таз с водою был подан даме, которая последовала их примеру. После этого она села на конец стола, и в продолжение всего ужина никто к ней не обращался и сама она не проронила ни слова. Сеньер Бернаж пристально на нее посмотрел, и ему показалось, что такой красавицы он в жизни не видел. Только лицо ее было очень бледно и очень печально. Закусив немного, она попросила пить, и слуга принес ей питье в совершенно необычном сосуде; это был человеческий череп, глазницы которого были залиты серебром. Красавица отпила несколько глотков из этой удивительной чаши. После ужина она омыла руки, сделала реверанс хозяину дома и скрылась за драпировкой, так и не сказав никому ни слова. Бернаж был всем этим до того

поражен, что помрачнел и глубоко задумался. Заметив это, его хозяин сказал:

— Я понимаю, как вас должно было изумить то, что вы только что увидели. Но я вижу, что вы человек благородный, и не хочу ничего от вас утаить, дабы вы не подумали, что я жесток без достаточной на то причины. Дама, которая только что здесь была,— моя жена, и я любил ее так, как, вероятно, не мог бы любить ни один мужчина. Я не боялся привезти ее сюда и жениться на ней, несмотря на то что ее родные всячески этому противились. Да и сам я нашел в ней такую любовь, что не пожалел бы отдать десять тысяч жизней, лишь бы она пребывала здесь на радость и себе и мне. Жили мы с ней в таком мире и согласии, что я почитал себя счастливейшим из смертных. Но однажды мне пришлось на какое-то время уехать, и поездки этой нельзя было избежать, ибо дело касалось моей собственной чести. И вот за это время она позабыла и о чести своей, и о долге, и о любви ко мне — и влюбилась в одного молодого дворянина, который был мне очень многим обязан. Вернувшись, я уже начал кое-что замечать. Но любовь моя была так велика, что я ни за что не решался поверить в измену, пока наконец не узрел воочию того, чего боялся больше всего на свете. И тогда любовь, которую я питал к жене, сменилась отчаянием и гневом. Я стал выслеживать ее шаг за шагом. Однажды, сказав ей, что уезжаю, я спрятался в той самой комнате, где она пребывает сейчас. Убедившись, что меня нет, она удалилась к себе, и вслед за тем к ней в спальню явился сей молодой дворянин и вел себя с ней так свободно, как приличествовало только мне, ее законному мужу. Но едва только я увидел, что он хочет лечь с ней в постель, я выскочил из своей засады, схватил его и тут же убил. А так как я считал, что проступок моей жены столь велик, что смерти для нее недостаточно, я придумал наказание еще более жестокое, чем смерть. Я заточил ее в той самой комнате, где она предавалась наслаждениям в объятиях того, кого она полюбила больше меня. Там, в шкафу, я развесил кости ее возлюбленного, чтобы они хранились впредь, как некие драгоценности. И дабы она вспоминала о нем всегда, когда пьет и ест, я велел подавать ей вместо чаши череп этого негодяя, чтобы она, сидя за одним столом со мной, ежечасно видела бы живым того, кто, по ее вине, стал ее смертным врагом, и мертвым из-за его любви к ней — того, чью любовь она предпочла моей. И так вот каждый раз за обедом и за ужином она видит именно то, что ей всего тягостнее видеть: живого недруга и мертвого друга,

ставших таковыми из-за ее греха. Впрочем, я ни в чем ее не притесняю, если не считать того, что голова у нее теперь обрита, ибо прелюбодейке не пристало причесывать волосы, а бесстыднице — покрываться вуалью. Для того-то она и ходит бритая, чтобы все люди видели, что она потеряла и честь и стыд. Если вам будет угодно, я вас к ней сейчас отведу.

Бернаж охотно согласился: они спустились вниз и очутились в прекрасном покое, где женщина эта сидела одна у огня. Владелец замка откинул занавес, прикрывавший большой шкаф, где были развешаны человеческие кости. Бернажу очень хотелось поговорить с дамой, но, опасаясь навлечь на себя гнев ее супруга, он не решался. Тот заметил это и сказал: «Если вам будет угодно, спросите у нее что-нибудь, вы увидите, как она благовоспитанна, и услышите, как изящна ее речь». Тогда Бернаж обратился к ней и сказал:

— Сударыня, терпение ваше не уступает вашим мукам; я считаю вас самой несчастной женщиной на свете.

На глазах у бедной затворницы выступили слезы, и, исполненная величайшего смирения, она сказала:

— Сударь, вина моя так велика, что, какие бы наказания я ни терпела от господина этого замка — ибо супругом своим назвать его я не смею, — все это ничто по сравнению с тем раскаянием, которое я сейчас испытываю.

Сказав это, она заплакала. Тогда владелец замка дернул Бернажа за рукав и увел его. Наутро путник уехал, чтобы выполнить поручение, которое возложил на него король. Прощаясь со своим хозяином, он не мог удержаться, чтобы не сказать:

— Сударь, мои чувства к вам и тот любезный прием, который вы мне оказали у себя в доме, вынуждают меня высказать то, что я думаю. Ваша бедная жена искренне раскаивается во всем, и вам следовало бы быть с ней милосердной, к тому же вы молоды, детей у вас нет, и будет очень прискорбно, если в такой знатной семье не родится наследника и все мнение ваше достанется тем, кто, может быть, вас вовсе не любит.

Супруг, который дал себе слово никогда больше не разговаривать с женой, долго раздумывал над тем, что сказал ему гость. В конце концов он признался, что был не прав, и обещал, что если жена его впредь будет столь же смиренна, как ныне, сердце его, может быть, когда-нибудь к ней смягчится. Бернаж отправился дальше своей дорогой. И когда он

вернулся к господину своему, королю, и доложил ему, что выполнил его поручение, король похвалил его за усердие. Между прочим, Бернаж рассказал и об удивительной красоте виденной им женщины, и тогда король послал своего художника Жана Парижского, чтобы тот написал портрет этой дамы. Все это было сделано с согласия мужа, который очень хотел иметь детей и, видя, с каким превеликим смирением несчастная переносит свое наказание, возымел к ней жалость и простил ее. Он сделал ее снова своею женою, и у них родились прекрасные дети.

— Благородные дамы, если бы со всеми женами, с которыми происходит нечто подобное, поступали так же, я боюсь, что на месте золотых чаш у нас на столах не раз появлялись бы черепа. Господь хранит нас от этого — ведь если бы благодать его не удерживала смертных от греха, любовью из нас мог бы совершить еще более постыдные проступки. Но поелику мы полагаемся на него, он оберегает от зла тех, кто не умеет уберечь себя сам. Тем же, кто целиком полагается на свои собственные силы, грозит опасность поддаться такому великому соблазну, что им потом придется каяться в своей слабости. И я видела немало таких, которые спотыкались в тех случаях, когда честь спасала иных, почитавшихся не столь добродетельными. Недаром пословица гласит: «То, что бережет господь, всегда сбережется».

— Я считаю,— сказала Парламанта,— что мера эта была весьма разумна, ибо точно так же, как оскорбление было страшнее смерти, страшнее смерти было и возмездие.

Эннасюита же сказала:

— Я держусь иного мнения: лучше пусть я всю жизнь буду глядеть у себя в комнате на кости моих поклонников, нежели умирать из-за них, ибо нет такой вины, которую нельзя было бы искупить, а после смерти это уже невозможно.

— А чем можно искупить стыд? — спросила Лонгарина. — Вы знаете, что бы ни делала женщина после такого проступка, ей ничем не вернуть потерянной чести.

— Скажите мне, пожалуйста,— в свою очередь спросила Эннасюита,— неужели люди не больше чтят теперь Магдалину, чем ее сестру, которая была девственна?

— Надо сказать,— ответила Лонгарина,— что мы действительно воздаем ей хвалу за ее великую любовь к Иису-

су Христу и за ее великое покаяние, но мы по-прежнему называем ее грешницей.

— Мне совершенно все равно,— сказала Эннасюита,— какое прозвище мне дадут люди, лишь бы господь простил меня, так же как и мой муж. А платиться за что бы то ни было жизнью я не хочу.

— Если эта особа действительно любила своего мужа так, как ей следовало бы его любить,— сказал Дагусен,— я могу только удивляться, как, день и ночь глядя на кости того, кого она погубила своим грехом, она не умерла от горя.

— А разве вы еще не знаете,— возразил Симонто,— что женщинам неведомы ни любовь, ни жалость?

— Да, действительно, я этого не знаю,— сказал Дагусен,— ибо я никогда еще не подвергал испытанию их любовь из боязни, что она окажется меньше, чем та, которую я предвкушаю.

— Итак, значит, вы питаетесь только верою и надеждой,— сказала Номерфида,— совсем как птичка-ржанка, которую кормит ветер? Вам, стало быть, легко найти себе пропитание?

— Я довольствуюсь,— ответил он,— любовью, которая живет во мне, и тем, что я уповаю на женщин, но если бы все надежды мои исполнились и я в этом уверился, я был бы до того счастлив, что не мог бы вынести своего счастья и умер бы сразу.

— Берегитесь только чумы,— сказал Жебюрон,— а от этой болезни я уж как-нибудь вас излечу. Но я хотел бы знать, кому предоставит слово госпожа Уазиль.

— Я предоставляю его Симонто,— сказала она,— он-то уж никого не пощадит.

— Вы этим хотите сказать, что у меня злой язык? — воскликнул Симонто.— Но я готов доказать вам, что те, кого упрекают в злоязычии, говорят правду. Впрочем, я полагаю, благородные дамы, что вы не настолько глупы, чтобы верить всем тем рассказам, которые вы только что слышали, какими бы благочестивыми они ни казались, если только они не подкреплены столь вескими доводами, что поставить их под сомнение уже нельзя. Ибо под видом такого рода чудесных происшествий нередко подносится ложь. Вот почему мне хочется рассказать вам теперь об одном истинном чуде, и рассказ мой столь же прославит благочестивого князя, сколь посрамит недостойного служителя церкви.

НОВЕЛЛА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Граф Ангулемский искусно разоблачил и, предав суду, наказал лицемерного и подлого священника: этот пастырь, под прикрытием святости, соблазнил собственную сестру, которая от него забеременела.

Графу Карлу Ангулемскому, отцу короля Франциска, человеку благочестивому и богобоязненному, находившемуся в то время в Коньяке, рассказали, что в одной из близлежащих деревень под названием Шерв живет некая девушка весьма строгой жизни, которая, однако, как это ни странно, забеременела. Она этого не скрывала и уверяла всех, что никогда не знала мужчины и понять не могла, как все произошло, и что сотворить это мог только святой дух. Люди легко этому верили и почитали ее за вторую деву Марию, — каждый ведь знал, что с детских лет девушка эта была очень скромна и чуждалась всего мирского. Мало того, что она соблюдала посты, предписанные церковью, она сверх этого постилась еще несколько раз в неделю по собственному желанию и не пропускала ни одной мессы. Поэтому все глубоко ее чтили и каждый взирал на нее с благоговением, как на некое чудо, и бывал счастлив тем, что мог хотя бы коснуться подола ее платья. Приходским священником был ее брат, человек уже пожилой и весьма строгих правил; прихожане относились к нему с уважением и почитали едва ли не за святого. С сестрою своею он был суров и после случившегося стал держать ее взаперти, — чем, однако, народ был недоволен. И вокруг поднялся такой шум, что, как я уже говорил, об этом прослышал и сам граф. Заподозрив, что тут кроется какой-то обман, и желая его рассеять, он послал туда своего капеллана и судейского чиновника — людей, которым он вполне доверял, — дабы узнать истинное положение дела. Те явились в означенную деревню и стали очень осторожно вести там дознание, обратившись прежде всего к священнику, который всем этим был так недоволен, что попросил их присутствовать при расследовании, которое он намеревался произвести на следующий же день.

На другой день утром священник стал служить мессу, на которой присутствовала и его сестра. Беременность ее была уже заметна, но она все же простояла на коленях всю службу. А перед концом мессы священник вознес святые дары и в присутствии всех сказал сестре:

— Скажи, несчастная, перед лицом того, кто страдал и

умер за тебя, действительно ли ты девственница, как ты всегда меня уверяла?

Девушка, не задумываясь, ответила, что это так.

— Так как же ты могла забеременеть и в то же время остаться девственницей?

— Я не могу объяснить это ничем, кроме как благодатью святого духа, который сотворил со мною сие,— ответила она,— на то была воля господня, сохранившая чистоту мою и уберегшая меня от искушения выйти замуж.

Тогда брат ее сказал:

— Под страхом вечного проклятия ты сейчас, причащаясь телом Иисуса Христа, поклянешься, что все, что ты говоришь,— правда, чему будут свидетелями эти господа, посланные сюда монсье́ром графом.

Тогда девушка, которой было уже около тридцати лет, поклялась следующими словами:

— Под страхом вечного проклятия я свидетельствую здесь перед господом богом, перед вами всеми и перед вами, брат мой, что ни один мужчина не приблизился ко мне больше, чем вы, брат мой!

И с этими словами она приняла святое причастие.

Капеллан графа и судейский чиновник в великом смущении удалились, ибо думали, что, если девушка могла дать такую клятву, никакой лжи в ее словах быть не может. И они доложили обо всем графу и старались уверить его в том, чему поверили сами. Но граф был человеком умным, он заставил их в точности повторить слова клятвы и, как следует обо всем поразмыслив, сказал:

— В словах ее — правда, но в то же время и ложь, ибо она призналась, что ни один мужчина не приблизился к ней больше, чем брат. Так вот, я думаю, что брат ее и есть виновник всего и что всем этим притворством он хочет скрыть свой собственный грех. Мы ведь знаем, что Христос уже приходил к нам на землю и ждать второго Христа мы не должны. Поэтому возьмите этого священника и посадите его в тюрьму. Я убежден, что там он скажет всю правду.

Они сделали так, как он приказал, но вся округа возмутилась тем, что благочестивого человека подвергли такому позору. Однако, едва только священника привели в тюрьму, он признался в своем грехе и в том, что научил сестру говорить такие речи,— и не только для того, чтобы оправдать ту жизнь, которую они вели, но чтобы хитросплетенною ложью заставить людей еще больше чтить их обоих. Когда же его стали винить в том, что он богохульствовал, заставив ее поклясться телом господним, он ответил, что никогда не

дерзнул бы это сделать и что взял для этого хлеб неосвященный, на котором не было божьего благословения. Обо всем этом доложили графу Ангулемскому, и тот передал его в руки правосудия. Спустя некоторое время, когда девушка разрешилась от бремени крепким мальчиком, брата и сестру сожгли на костре, и велико было удивление всего народа, который понял, какое страшное чудовище скрывалось под святыми одеждами проповедника и какой великий порок гнезвился там, где они все видели только жизнь, исполненную благочестия и святости.

— Итак, благородные дамы, наш добрый граф не дал себя обмануть никакими выдумками и не поверил в чудеса, ибо хорошо знал, что у нас только один Спаситель, который словами «*Consummatum est*»¹ ясно показал, что никакого другого быть не должно.

— Велика же была дерзость этого священника, — сказала Уазиль, — если он пустился на подобное лицемерие и решил прикрыть такой страшный грех покровом благочестия и святости.

— Я слышал, — сказал Иркан, — что те, кто, делая вид, что выполняют приказы короля, творят жестокости и тираният людей, бывают наказаны вдвойне за то, что свое правосудие они прикрывают правосудием короля. Так же бывает и с лицемерами. Хоть им и удастся какое-то время благоденствовать под покровом святости и служения богу, рано или поздно настает час, когда господь приоткрывает этот покров и они предстают во всей своей наготе. И тогда-то нагота и вся грязь их и мерзость становятся еще более отвратительными именно оттого, что они прикрывали их мнимым благочестием.

— Самое приятное, — сказала Номерфида, — это говорить откровенно, так, как подсказывает сердце!

— Этим люди тоже что-то выгадывают, — ответила Лонгарина, — и я думаю, что слова ваши соответствуют вашему положению.

— Должна сказать, — ответила Номерфида, — что я заметила, что сумасшедшие, если их только не убивают, живут дольше людей, находящихся в здравом уме, и нахожу этому только одну причину: они не скрывают своих страстей. Если они разгневаны — они вас ударят, если они чему-нибудь рады — они смеются, в то время как те, кто считает себя

¹ Свершилось (лат.).

людьми разумными, так стараются скрыть все свои несовершенства, что сердца их всех бывают отравлены ядом.

— По-моему, вы правы,— сказал Жебюрон,— именно лицемер, в отношении ли бога, людей или природы,— причина всех наших зол.

— Как было бы хорошо,— сказала Парламанта,— если бы сердце наше было столь полно верой во Всевышнего, который и есть истинное добро и истинная радость, чтобы мы могли свободно открывать его каждому.

— Это случится только тогда,— возразил Иркиан,— когда на костях наших не останется плоти.

— Дух божий сильнее смерти,— сказала госпожа Уазиль,— и он может умертвить в нас плотские желания, оставив плоть нашу неповрежденной.

— Госпожа моя,— вскричал Сафредан,— вы говорите о том даре господнем, который еще не обрели смертные.

— Он есть у всех, в ком есть вера,— ответила госпожа Уазиль,— область эта недоступна суждениям людей плотских. Спросите лучше Симонто, кому он передаст теперь слово.

— Я передаю его Номерфиде,— сказал Симонто,— в сердце ее столько радости, что рассказ, который мы услышим, не будет печальным.

— И в самом деле,— сказала Номерфида,— раз уж вам хочется посмеяться, я предоставляю вам этот случай — и, чтобы показать вам, сколько вреда могут принести невежество и страх, я расскажу вам, что приключилось с двумя францисканцами из Ниора, которые едва не умерли из-за того, что не поняли значения слов мясника.

НОВЕЛЛА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Два монаха-францисканца стали подслушивать разговор, который вовсе их не касался, и, не расслышав как следует слов мясника, подвергли свою жизнь опасности.

Между Ниором и Фором есть деревня под названием Грип, принадлежащая сеньеру Форскому. Однажды случилось, что два монаха-францисканца, шедшие из Ниора, добрались до этой деревни, когда было уже совсем поздно, и заночевали там в доме одного мясника. А так как между комнатой, куда их поместили, и спальней хозяев была тоненькая перегородка из плохо сколоченных досок, им захотелось подслушать, о чем муж говорит с женою в постели, и оба они приставили ухо к щели у изголовья кровати мужа и

стали слушать. А тот, ведя с женой разговор о домашних делах, произнес вдруг такие слова:

— Вот что, дорогая моя, встану-ка я завтра пораньше да займусь нашими монахами, один-то уж больно жирен, надо будет его зарезать. Мы его потом засолим и внакладе не останемся.

И хоть имел он в виду поросят, которых промеж себя они называли монахами, несчастные францисканцы, услышав этот разговор, решили, что речь идет именно о них, и, дрожа от страха, стали дожидаться рассвета. Один из них действительно был очень жирен и толст. Толстый решил довериться своему приятелю и сказал, что мясник потерял и страх божий и христианскую веру и ему ничего не стоит зарезать его так же, как он режет быков или какую другую скотину. А так как монахам нельзя было выйти из своей каморки, не пройдя через спальню хозяев, они уже не сомневались в том, что их ждет смерть и им остается только верить души свои господу богу. Однако молодой монах, который не до такой степени поддавался страху, как его товарищ, сказал, что, коль скоро дверь закрыта, им надо попытаться выскочить в окно и что хуже им от этого не будет — все равно ведь их часы сочтены. Старший с ним согласился. Тогда молодой открыл окно и, видя, что оно не так уже высоко над землей, соскочил вниз и пустился бежать со всех ног, не дожидаясь своего товарища, который собирался последовать его примеру. Тот, однако, был тяжел и неповоротлив, он грохнулся на землю и сильно повредил себе ногу.

Увидев, что товарищ его покинул, а сам он не в состоянии бежать за ним, он стал беспомощно озираться и искать место, где можно было бы спрятаться. Но поблизости он увидел только свинарник и с трудом дотащился туда. Когда же он стал открывать дверь, чтобы спрятаться там, оттуда выскочили два больших поросенка. Несчастному оставалось только занять их место и закрыть за собою дверь. Так он и притаился там, надеясь, что, когда кто-нибудь будет проходить по дороге, он сумеет позвать на помощь. Настало утро, и мясник, наточив свои огромные ножи, попросил жену пойти с ним в свинарник и помочь ему резать жирного поросенка. И, придя в загон, где укрывался наш монах, он открыл дверь и стал громко кричать:

— Выходи-ка скорее, дружок мой монах, выходи скорее, уж и колбас же я из тебя сегодня понаделаю!

Несчастный, у которого так болела нога, что он не мог подняться, выполз на четвереньках из свинарника и стал умолять мясника пощадить его. Но как ни напуган был

наш святой отец, мясник и его жена перепугались не меньше: они решили, что прогневили Святого Франциска тем, что прозвали поросят своих монахами, и, став на колени перед несчастным толстяком, начали вымаливать прощение у Святого Франциска и у всего ордена за учиненное ими кощунство. И вышло так, что монах молил мясника пощадить его, а мясник и его жена молили его о том же, и целых четверть часа ни та, ни другая сторона не могли разобраться, что же, собственно, с ними со всеми приключилось. Наконец монах, убедившись, что мясник не хочет ему зла, рассказал, что заставило его полезть в свинарник, и тогда, забыв всякий страх, мясник и его жена принялись хохотать до упаду. Монаху же было совсем не до смеха, так сильно у него болела нога. Мясник отвел его к себе в дом и сделал ему перевязку. А товарищ его, который покинул несчастного в беде, бежал всю ночь, а наутро явился в дом к сеньеру Форскому с жалобой на мясника; он сказал, что злодей, верно, давно уже зарезал его приятеля, ведь тот так и не догнал его и пропал без вести. Сеньер Форский тут же послал человека в деревню Грип, чтобы узнать, что за беда приключилась с монахом; когда же выяснилось, что оплакивать его не приходится, рассказал всю эту историю госпоже герцогине Ангулемской, матери короля Франциска Первого.

— Вот, благородные дамы, как не надо подслушивать чужие разговоры и, не разобравши, в чем дело, подозревать, что против вас замыслили что-то недоброе.

— Я был уверен в том, что Номерфида не заставит нас плакать и что мы посмеемся,— сказал Симонто.— Мне кажется, теперь все со мною согласны.

— Это только доказывает,— заметила Уазиль,— что мы более склонны смеяться над глупостью, чем над вещами разумными.

— Все дело в том,— сказал Ирман,— что такие вот глупости нам по душе, они ближе нашей природе, которая сама по себе отнюдь не благоразумна. Каждый следует своей склонности: люди легкомысленные увлекаются глупостями, а степенные внимают голосу разума. Но я думаю,— добавил он,— что история эта потешит всех, и степенных и безрассудных.

— Есть и такие,— сказал Жебюрон,— в ком столько серьезности, что ничто не в силах заставить их рассмеяться: радость свою они таят про себя, а внешне всегда так невозмутимы, что, кажется, ничто не может их вывести из равновесия.

— Где это вы таких видели? — спросил Ирган.

— Это философы древности, — ответил Жебюрон, — они почти не чувствовали ни горя, ни радости, так они ценили способность побеждать самих себя и овладевать своими страстями.

— Я тоже считаю, что дурные страсти следует побеждать, — сказал Сафредан, — но что касается естественных человеческих чувств, которые никому не приносят вреда, то, по-моему, побеждать их совершенно незачем.

— Однако древние почитали такую победу за величайшую добродетель, — сказал Жебюрон.

— Но ведь нигде не сказано, что все они были мудры, — возразил Сафредан, — иногда в том, что они говорили, была только одна видимость добродетели и здравого смысла, а в действительности того и другого было совсем мало.

— И тем не менее, как видите, они осуждали все дурное, — продолжал Жебюрон, — и даже Диоген попирает ложе Платона, который, по его мнению, был слишком падок до знаний. Чтобы доказать, что он презирает и повергает под свои стопы самонадеянность и неумную жадность Платона, он ведь говорит: «Я ни во что не ставлю и презираю гордыню Платона».

— Но вы не договариваете до конца, — сказал Сафредан, — Платон возразил Диогену, что и Диоген сам находится под властью гордыни, хоть и другого рода.

— Ну, уж если говорить правду, — сказала Парламанта, — то мы действительно не в состоянии сами победить свои страсти, не пробудив в себе удивительной гордыни, а это порок, которого каждый должен больше всего страшиться: он ведь губит и сводит на нет все наши добродетели.

— Разве я вам не читала сегодня утром, — сказала Уазиль, — о том, как те, которые считали себя умнее всех остальных, разумом своим дойдя до признания бога, создателя всего сущего, приписывали эту заслугу себе самим, а не тому, кому она в действительности принадлежит? Полагая, что добились всего собственными усилиями, они стали не только невежественнее и безрассуднее всех прочих людей, но, больше того, уподобились грубым скотам! Ибо, впав в заблуждение духом и приписав себе то, что принадлежит одному только богу, они заблуждения свои перенесли и на тело, забыв свой пол и извратив его суть, как то нам указывает Святой Павел в Послании своем, обращенном к римлянам.

— Прочтя это послание, — сказала Парламанта, — каждый из нас должен будет признать, что телесные проявления греховности нашей — не что иное, как плоды душевного неуст-

ройства, которое, чем больше оно прикрито добродетелью и чудесами, тем более для нас опасно.

— Что до нас, мужчин,— сказал Иркан,— то мы ближе к спасению, чем вы, женщины, ибо, не скрывая поступков наших, мы хорошо знаем их истоки. Вы же боитесь выставить дела свои напоказ и так стараетесь их приукрасить, что сами едва ли знаете истоки той гордыни, которая таится за столь привлекательным обликом.

— Поверьте,— сказала Лонгарина,— что в тех случаях когда словом своим господь не указывает нам, сколь ужасно неверие, которое, подобно проказе, забирается в наше сердце, он оказывает нам большую милость тем, что заставляет нас споткнуться и совершить проступок, о котором все узнают и который делает явным сокрытое в нас зло. И блаженны те, кого вера привела к такому смирению, что им не надо испытывать свою греховность подобными средствами.

— Но послушайте,— воскликнул Симонто,— до чего же мы, однако, договорились: мы начали с разговоров о великой глупости, а кончили тем, что пустились в философию и богословие; оставим же эту область тем, кто лучше нас умеет витать в облаках, и давайте спросим у Номерфиды, кому она предоставит слово.

— Я предоставляю его Иркану,— ответила Номерфида,— но прошу его не задевать женскую честь.

— Слова ваши как нельзя лучше к месту,— сказал Иркан,— ибо история, которую я приготовился рассказать, как раз такова, что удовлетворит все вкусы. Услыхав ее, вы убедитесь в том, что природа как женщин, так и мужчин сама по себе подвержена любому пороку, если ее не оберегает тот, которому мы бываем обязаны любой победой; и чтобы, слыша только то, что прославляет вашу честь, вы не возомнили о себе слишком много, я расскажу вам об одном истинном происшествии, которое подтвердит мою мысль.

НОВЕЛЛА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Некая дама из Памплоны, полагая, что любовь духовная не таит в себе никаких опасностей, попыталась снискать расположение одного монаха-францисканца. Но ее находчивый супруг, не подав виду, что он что-нибудь знает, заставил ее возненавидеть того, кого она больше всего любила, и с тех пор она безраздельно посвятила жизнь свою мужу.

В городе Памплоне жила одна дама. Она была хороша собой, а добродетелью своей, целомудрием и благочестием снискала к себе всеобщее уважение. Она любила своего

мужа и была так ему послушна, что он ей во всем доверял. Эта дама посещала все мессы и проповеди и убеждала мужа и детей следовать ее примеру. Когда она достигла тридцати лет, то есть того возраста, когда обычно перестают говорить о красоте женщин и больше говорят об их скромности и благоразумии, она отправилась в один из первых дней поста в церковь, чтобы помянуть усопших и услышать там проповедь одного францисканца, которого весь народ почитал святым за его строгий нрав и за беспримерное воздержание, сделавшее его худым и бледным, но не мешавшее ему при этом оставаться красивейшим из мужчин. Дама благочестиво выслушала его проповедь, не спуская с него глаз и внимая всему, что он говорил. И сладость его речей проникла в самое ее сердце и так поразила ее ум, что она была совершенно им очарована. Едва только проповедь окончилась, она постаралась отыскать придел, где монах должен был служить мессу, и когда он возлагал ей на лоб пепел, она не могла оторвать глаз от его руки, которая была так тонка и так бела, что ей позавидовала бы любая женщина. И больше, чем на пепел, она смотрела на его руку. Будучи уверена в том, что ни такая вот духовная любовь, ни те наслаждения, которые она приносит, ничем не потревожат ее совести, она стала каждый день слушать мессу и приводила с собою в церковь мужа. Оба они так восторгались проповедником, что дома у себя только об этом и говорили. И пыл любви, которую она считала возвышенной, в действительности был столь плотским, что воспламенившееся сердце стало жечь несчастной все тело; и хотя она долго не замечала, как разгорается огонь,— вспыхнув, он мгновенно охватил ее всю, и страсть овладела ею. И, захваченная врасплох врагом своим Амуром, она дала себя победить, ибо противиться у нее не было сил. Но главная беда заключалась в том, что единственный из смертных, который способен был исцелить ее от этого недуга, ничего о нем не подозревал. И вот, откинув всякий страх, который мешал ей открыть свое безрассудство перед столь рассудительным человеком и выставить напоказ свой порок перед тем, чья жизнь была добродетельна и непорочна, она написала о чувстве, которое она питала к нему, очень осторожно и робко. Письма же свои она вручила маленькому пажу и послала его отнести их во францисканский монастырь, наказав ему не попадаться на глаза ее мужу. Направившись туда кратчайшей дорогой, паж прошел по улице, где как раз в это время в одной из лавок сидел его господин. Тот заметил его: ему захотелось узнать, куда он идет, но, завидев хозяина, паж тут же поспешил укрыться в соседнем доме. Господин его

пошел туда и, поймав мальчишку, взял его за руку и спросил, куда это он отправился. А когда он увидел его испуганное лицо и услышал в ответ какие-то бессвязные извинения, то пригрозил, что побьет его, если он не признается, куда он так спешит. Тогда бедный паж промолвил:

— Худо мне будет, ваша милость,— если я скажу вам, госпожа меня за это убьет.

Дворянин решил, что жена его захотела потихоньку от него что-то купить, и уверил пажа, что если он скажет правду, ему ничего не будет, если же соврет, то он на всю жизнь упрячет его в тюрьму. Тогда маленький паж, чтобы избежать беды и спасти себя, поведал господину своему обо всем и показал ему письма, которые жена его написала монаху. Того это и поразило и огорчило, ибо он всю жизнь был уверен, что жена неспособна его обмануть,— у него ни разу не было повода в чем-либо ее заподозрить. Но, будучи человеком рассудительным, он скрыл свой гнев — и, чтобы доподлинно узнать все помыслы жены, сам написал ей ответное письмо от имени проповедника, в котором писал, что благодарен ей за ее чувства и что сам он к ней питает любовь. Почерк свой он изменил, и паж, поклявшийся действовать со всей осторожностью, отнес это письмо своей госпоже, которая так обрадовалась, что муж заметил сразу же перемену в ее лице: вместо того чтобы похудеть от поста, она стала выглядеть еще более цветущей и красивой.

Пост уже кончался, но дама и на страстной неделе, и на святой по-прежнему писала проповеднику свои иступленные письма. И когда монах обращал глаза в ее сторону, ей чудилось, что все это он делает из любви к ней, и взглядами своими она старалась показать ему, что все это видит. Муж же продолжал писать ей такие же пламенные ответы. А после пасхи он от имени проповедника написал ей, что просит ее указать место и время, где и когда он мог бы с ней втайне встретиться. Ей не терпелось увидеться с ним, и она уговорила мужа съездить в их загородные поместья. Муж обещал, что поедет, а сам вместо этого спрятался в доме своего приятеля. Дама тотчас же написала предмету своей любви, что тот может прийти к ней, потому что муж ее отлучился. Решив испытать сердце жены до конца, дворянин отправился сам к проповеднику и попросил его ради всего святого одолжить свое одеяние. Тот, будучи человеком благочестивым, ответил, что это противно церковным правилам и что он никак не может этого сделать. Тогда дворянин заверил монаха, что не причинит ему никакого вреда и что это необходимо для блага его и спасения, и францисканец, знавший его как

человека честного и набожного, согласился. И тогда дворянин положил в башмаки пробки, чтобы стать одного роста с монахом, приделал себе бороду и нос, чтобы походить на него, и прикрыл лицо капюшоном, так что видны были одни голько глаза. И вот, в таком виде он явился вечером в комнату жены, которая благоговейно его ожидала. Эта дуручка даже не дождалась, пока он подойдет к ней, но, совсем обезумев, сама бросилась его обнимать. Он же, боясь быть узнанным, наклонил голову и начал креститься, делая вид, что хочет уйти, и повторяя все время: «Искушение! Испытание!»

— Увы, отец мой, вы правы,— сказала влюбленная в него дама,— нет ведь на свете сильнеею искушения, чем любовь, вы обещали мне исцелить меня от нее,— теперь, когда настал для этого час, молю вас, сжальтесь надо мной.

Говоря это, она пыталась обнять его, а он бегал по комнате из угла в угол, и, отстраняя ее от себя крестным знаменем, продолжал кричать: «Испытание! Испытание!» Когда же он увидел, что она готова на все, он вынул из-под рясы толстую палку и так исколотил ее, что отбил у нее всякую охоту к греху, причем она так и не узнала, кто ее бил. После чего он немедленно отдал монаху взятое одеяние и заверил его, что оно принесло ему счастье.

На следующий день он явился домой, как бы возвращаясь из поездки, и нашел жену в постели. Притворившись, что ничего не знает, он спросил ее, чем она больна; она ответила, что простудилась и не может пошевелить ни рукой, ни ногой. Муж, которому хотелось посмеяться, сдержался, однако, и, чтобы доставить ей удовольствие, сказал ей в конце дня, что пригласил к ужину святого отца. Тогда она неожиданно воскликнула:

— Друг мой, никогда не зовите этих людей к себе в дом, они приносят несчастье всюду, где только появятся.

— Может ли это быть, дорогая,— возразил муж,— вы мне так расхваливали этого проповедника! Что до меня, то я думаю, что на свете нет человека праведнее, чем он!

— Да, люди эти хороши в церкви и когда они проповедуют, а когда они приходят к нам в дом, это сущие антихристы. Прошу вас, друг мой, не заставляйте меня встречаться с ним, я и так больна, а это сведет меня в могилу.

— Что же, раз вы не желаете его видеть,— ответил ей муж,— вы его не увидите, но ужинать с ним я все-таки буду.

— Поступайте как хотите,— сказала она,— но только чтобы он не попадался мне на глаза; таких людей я ненавижу, как самого дьявола.

Угостив святого отца ужином, муж сказал ему:

— Отец мой, господь так возлюбил вас, что он не откажет вам ни в какой просьбе; поэтому, прошу вас, пожалейте мою бедную жену, которая уже целую неделю одержима злым духом — ей хочется всех кусать и царапать. И ничто не помогает: ни распятие, ни святая вода. Но я верю, что как только вы возложите на нее руку, дьявол изыдет из нее, и умоляю вас это сделать.

— Сын мой, — ответил монах, — тот, в ком есть вера, может все на свете. Не правда ли, вы ведь верите твердо, что господь наш благостен и никогда не отказывает тому, кто о чем-нибудь его просит с верой?

— Я в этом убежден, отец мой, — сказал дворянин.

— Поверьте также, сын мой, — сказал монах, — что господь всемогущ и что могущество его не уступает его доброте. Итак, будем крепки нашей верой, чтобы справиться с этим львом рыкающим и вырвать у него добычу, которая принадлежит господу, ибо господь пролил за нее кровь сына своего Иисуса Христа.

И дворянин повел проповедника в комнату, где на кушетке лежала его жена. Увидав его, она поразилась, ибо нисколько не сомневалась, что это именно он ее избивал, и пришла в страшный гнев. Но присутствие мужа ее сдержало, она опустила глаза и умолкла. Тогда муж ее сказал святому отцу:

— Пока я около нее, дьявол ее не мучает, но вот я уйду, покропите ее святой водой — и вы увидите, что злой дух примется за дело.

Он оставил его одного с женой, а сам притаился около двери, чтобы посмотреть, что будет. Когда жена его увидела, что, кроме монаха, в комнате никого нет, она начала кричать, как одержимая, называя его злодеем, негодяем, убийцей, предателем. Святой отец, решив, что в нее действительно вселился дьявол, хотел возложить ей руки на голову и прочесть над нею молитвы, но она исцарапала и искусала его так, что ему пришлось отойти и говорить с ней на расстоянии. И, обильно окропив ее святой водой, он стал читать молитвы. Когда муж увидел, что монах исполнил все, что было в его силах, он вошел в комнату и начал благодарить его за труды. Едва только женщина увидела мужа, как она тут же умолкла, ибо боялась его, и смиренно приложилась к распятию. Святой отец, видевший ее исступление и ярость, был уверен, что господь внял его молитвам и изгнал из нее злого духа. И он воздал хвалу господу за великое чудо. Что же касается супруга ее, то, видя, что жена его избавилась от своей безрассудной страсти, он не стал рассказывать ей, что

он для этого сделал: ему достаточно было того, что благо-разумием своим он справился с ее чувством и заставил жену смертельно ненавидеть человека, которого она так любила. И, проклятая себя за былое безумие, она с этих пор вся пре-далась мужу и с еще большим рвением стала заботиться о нем и заниматься делами по дому.

— Итак, благородные дамы, вы можете судить сами, на-сколько был благоразумен муж и насколько легкомысленна была его жена, и я думаю, что, когда вы как следует загля-нете в это зеркало, вы перестанете полагаться на свои соб-ственные силы и будете всякий раз обращаться к тому, в чьих руках находится ваша честь.

— Я очень довольна,— сказала Парламанта,— что вы сделали проповедником и стали поучать дам. И мне было бы еще приятнее, если бы вы обращали такие прекрасные проповеди к каждой, с которой вы говорите.

— Уверю вас,— сказал Иркиан,— что всегда, когда вам угодно будет меня послушать, вы ничего другого от меня не услышите.

— Иркиан хочет этим сказать,— поправил его Симонто,— что в ваше отсутствие он будет рассказывать нечто иное.

— Пусть поступает, как ему угодно,— сказала Парламан-та,— но для моего собственного спокойствия мне хочется думать, что он и без меня будет говорить то же самое, что при мне. Во всяком случае, пример, который он привел, полезен для тех, кто считает, что любовь духовная не опасна. Мне вот кажется, что она, напротив, опаснее всякой другой.

— А мне кажется,— сказала Уазиль,— что любить чело-века честного, добродетельного и богобоязненного вовсе не так уж зазорно и что от этого сама становишься лучше.

— Госпожа моя,— сказала Парламанта,— поверьте мне, что нет ничего легче, чем обмануть женщину, которая ни-когда не любила. Ведь любовь — это такое чувство, которое овладевает сердцем раньше, чем это заметишь сама, и чув-ство это так приятно, что, если оно еще прикрывается добро-детелью, распознать его невозможно до тех пор, пока не слу-чится какая-нибудь беда.

— А какая же может случиться беда, если полюбишь че-ловека честного? — спросила Уазиль.

— Госпожа моя,— ответила Парламанта,— на свете есть немало людей, которых считают порядочными. Но таких, ко-торые были бы порядочны в отношении женщин и превыше

всего оберегали их честь, в наше время не найдется ни одного; женщины, которые доверяются им и держатся на этот счет иного мнения, в конце концов бывают обмануты — и, начав с любви, посланной от бога, кончают другой, которая идет от дьявола. Самой мне довелось видеть немало женщин, чья любовь начиналась с разговоров о боге и которые потом уже не могли вернуться вспять, даже если бы хотели, — им было не освободиться от плена, в который их повергало высокое обличье этой любви. Порочная страсть кончается сама собой и не может долго жить в добродетельном сердце, а любовь возвышенная обвивает вас шелковыми сетями, и запутавшиеся в них не сразу их замечают.

— После ваших слов, — сказала Эннасюита, — пожалуй, ни одна женщина не захочет любить мужчину. Но ваш закон так суров, что долгого действия он иметь не может.

— Я хорошо это знаю, — сказала Парламанта, — но это не помещает мне хотеть, чтобы все женщины довольствовались своими мужьями, как я довольствуюсь своим.

Задетая этими словами, Эннасюита вся вспыхнула и сказала:

— Вы что же, думаете, что у всех такое же сердце, как у вас, — или, может быть, вы считаете себя выше всех?

— Давайте лучше спросим, кому Иркиан предоставит слово, — сказала Парламанта, желая избежать ссоры.

— Я передам его Эннасюите, сказал он, — чтобы она могла возразить моей жене.

— Так как теперь я имею на это право, — сказала Эннасюита, — я не стану щадить ни мужчин, ни женщин, чтобы быть и к тем и к другим справедливой. Я вижу, что сердце ваше никак не соглашается с тем, что мужчины бывают добродетельны и добры, и поэтому расскажу вам следующую историю.

НОВЕЛЛА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Председатель гренобльского суда мстит писцу, соблазнившему его жену, а потом, спасая честь своего дома, отравляет прелюбодейку салатом.

В городе Гренобле был когда-то председатель суда, имени которого я не стану называть и скажу только, что он был иностранец. У него была красавица жена, и жили они с ней в мире и дружбе. Но, так как председатель был уже в летах, жена его влюбилась в молодого писца по имени

Николя. Едва только утром муж отправлялся в суд, как Никола приходил к ней в спальню и занимал его место. Это заметил один из лакеев председателя суда, служивший у него уже тридцать лет. Будучи предан своему господину, он не мог удержаться и рассказал ему все, что видел. Но председатель был человек разумный и осторожный; он не поверил лакею на слово, решив, что тот просто хочет вселить раздор между ним и женой, и сказал, что если все действительно так, то пусть он ему это сначала докажет. Если же сам он ничего не увидит своими глазами, он будет думать, что его старый слуга все сочинил, чтобы поссорить его с женой. Лакей обещал ему устроить так, что он все увидит собственными глазами, и вот однажды утром, когда председатель отправился в суд, а Никола явился к его жене, он послал одного из своих приятелей известить господина, что тот может прийти, сам же остался караулить у двери, чтобы Никола не сумел убежать. Как только председатель увидал одного из своих слуг, делавшего ему знаки, он покинул суд, сказав, что почувствовал себя плохо, и поспешил домой. Старый лакей, все время стоявший у двери, доложил своему господину, что Никола недавно только пришел и сейчас находится у его жены. Председатель сказал ему:

— Никуда не отходи и не открывай этой двери, ты ведь знаешь, что выйти из комнаты он может только сюда, маленькая комната заперта, и ключ у меня в кармане.

После этого председатель вошел в спальню жены и увидел, что жена его вместе с Николаем лежит в кровати. Писец, как был, в одной рубашке кинулся к его ногам и стал молить о пощаде; жена же залилась слезами. Тогда председатель сказал:

— Оба вы хорошо понимаете, что вы сделали, но я не хочу, чтобы дом мой был обесчещен и дочери мои узнали об этом позоре. Поэтому перестань сию же минуту плакать и выслушай, что я тебе скажу; ты же, Никола, спрячься в этой каморке и сиди там тихо.

А когда писец в точности все исполнил, он открыл дверь, позвал старика лакея и сказал ему.

— Ты уверял меня, что я увижу Николая вместе с моей женой. Я тебе поверил; я пришел сюда и готов был убить мою бедную жену. И что же — я ничего не увидел. Я обыскал всю комнату, и ты можешь сейчас убедиться сам, что тут никого нет.

После чего он заставил лакея обыскать все углы и заглянуть под кровать. Тот ничего не обнаружил и сказал своему господину:

— Должно быть, сам черт его отсюда унес, я же своими глазами видел, как он входил; через дверь он выйти не мог, а сейчас его, конечно, здесь нет.

— Плохо же ты мне служишь,— сказал его господин,— если хочешь поссорить меня с женой; поэтому получай расчет и уходи прочь, а за службу твою ты получишь все, что я тебе должен, да еще с надбавкой. Только убирайся отсюда поскорее, и чтобы через двадцать четыре часа духу твоего не было в нашем городе.

Председатель заплатил ему за пять-шесть лет вперед: он знал, что старик ему предан, и рассчитывал, что и впредь он еще чем-нибудь облагодетельствует своего верного слугу. А когда лакей, заплакав, ушел, он вызвал Николая из его убежища и, высказав ему и жене все, что он думал об их мерзком поступке, запретил им кому бы то ни было говорить об этом. И он приказал жене по вечерам одеваться в самые лучшие наряды и бывать на всех собраниях, празднествах и танцах, а Николай принимать у себя в доме еще радушнее, чем раньше. Но он поставил ему одно условие: как только он шепнет ему «убирайся прочь!», тот должен не позднее чем через три часа исчезнуть из города. После чего председатель как ни в чем не бывало вернулся в суд. И, вопреки обыкновению, он целых две недели пировал со своими соседями и друзьями. А после пиршества всегда играла музыка и бывали танцы. Однажды, увидав, что жена его не танцует, он велел Николая пригласить ее танцевать, и тот, решив, что гнев его уже простыл, с радостью это сделал. Но как только танец окончился, председатель позвал его, как будто собираясь отдать ему какое-то распоряжение, и шепнул ему на ухо:

— Убирайся прочь, и чтобы духу твоего тут не было.

Разлука с любимой очень опечалила Николая, но он был рад, что спас себе жизнь. Председатель же, показав всем родным и знакомым как он любит жену, в один прекрасный день — а это было в мае — нарвал у себя в саду какой-то травы. И после того, как его жена отведала салат из этой травы, она умерла, не прожив и суток. И муж ее так горевал, оплакивая свою утрату, что никому в голову не могло прийти, что виновник ее смерти — он сам. Так, отомстив за все, он сохранил незапятнанной честь своего дома.

— Благородные дамы, я вовсе не хочу утверждать, что председатель этот прав, но хочу только, чтобы вы видели, сколь легкомысленна была эта женщина и сколь выдержан и осторожен ее муж. И прошу вас, благородные дамы,— не

сердитесь на правду, которая иногда бывает и против вас и против мужчин. Ведь как мужчинам, так и женщинам свойственны и добродетели и пороки.

— Если бы всем, кто грешит со своими слугами, приходилось отвеживать такие салаты,— сказала Парламента,— то я уверена, что многие потеряли бы всякий вкус к садоводству и повывергали бы из своего сада все травы, дабы их когда-нибудь не попотчевали той, что спасает честь дома и губит неверную жену.

Иркан, который отлично понял, почему она это сказала, в гневе воскликнул:

— Порядочная женщина никогда не должна осуждать другую, что бы та ни сделала.

— Знать что-нибудь не значит еще осуждать и делать глупость,— ответила Парламента,— эта бедная женщина понесла наказание, которого заслуживают многие. И я думаю, что поведение ее мужа, коль скоро он уж задумал ей отомстить, было на редкость благоразумно и выдержанно.

— И к тому же еще очень коварно,— сказала Лонгарина.— Это была хорошо продуманная и жестокая месть, и она доказывает, что у человека этого не было ни совести, ни страха божия.

— А что же он, по-вашему, должен был сделать, чтобы отомстить за самое страшное оскорбление, которое женщина может нанести мужчине? — спросил Иркан.

— Лучшее бы он убил ее в порыве гнева,— воскликнула она,— богословы говорят, что тогда грех этот может быть прощен, ибо в такие минуты человек не владеет собой, и даже суд мог оправдать убийцу.

— Да,— сказал Жебюрон,— но тогда и дочери его и весь род были бы на веки вечные опозорены.

— Ему не надо было ее отравлять,— сказала Лонгарина,— первый порыв гнева все равно ведь уже прошел, и она спокойно могла бы прожить с ним до конца дней как женщина честная, и никогда об этом больше не вспоминать.

— Неужели вы думаете,— возразил Сафредан,— что, ежели он скрывал свой гнев, сердце его действительно успокоилось? Мне, например, кажется, что в тот последний день, когда он готовил свой салат, гнев этот был столь же велик, как и в первый. Он, должно быть, был из тех людей, у которых ярость длится до тех пор, пока они не приведут в исполнение все, что задумали. Мне особенно приятно слышать от вас, что богословы считают такой грех заслуживающим прощения, потому что сам я думаю так же.

— Когда говоришь с такими опасными людьми, как вы,— сказала Парламента,— надо, оказывается, взвешивать каждое свое слово. Но ведь так оно и есть на самом деле: когда страсть сильна, она сразу захватывает человека целиком, и разум уже не может совладать с нею.

— Я тоже присоединяюсь к вашему мнению,— сказал Сафредан,— и хочу сделать из этого вот какой вывод: если человек любит кого-либо до безумия, то всякий его грех заслуживает прощения, ибо я уверен, что, когда человек опутан сетями страсти, и сердце его и разум глухи ко всему на свете. Сказать по правде, все вы испытали на себе силу этого безумного чувства, и я убежден, что такой грех не может прогневить господа. Это ведь и есть та ступень, которая ведет к совершенной любви к богу, ибо человек, не испытывший любви земной, никогда не постигнет небесной. Ведь в Послании апостола Иоанна говорится: «Как вам возлюбить бога незримого, если вы не можете возлюбить того, кого зрите перед собой?»

— Самые прекрасные евангельские слова вы ухитряетесь толковать на свой лад,— сказала Уазиль,— но бойтесь уподобиться пауку, который способен отравить своим ядом любую пищу. Помните, что не следует применять тексты Священного писания, когда к этому нет никакой нужды.

— Вы, что же, считаете, что вообще нет никакой нужды говорить правду?— воскликнул Сафредан.— Вы хотите этим сказать, что, когда, говоря с вами, не доверяющими, нам, мы призываем себе на помощь бога, мы произносим имя его всуе. Но если в этом и есть какой-то грех, наказать за него надо вас, ибо, стараясь победить ваше недоверие, мы боремся с ним всеми возможными средствами. Только, что бы мы ни делали, нам все равно никак не удастся разжечь огонь милосердия в ваших оледеневших сердцах.

— Это доказывает только, что все вы лжете,— сказала Лонгарина,— ибо, если бы в словах ваших была истина, сила их была бы столь велика, что ей нельзя было бы воспротивиться. Но скорее приходится опасаться, что дочери Евы слишком уж легко верят словам змия.

— Я отлично понимаю, Парламента,— сказал Сафредан,— что мужчины бессильны переубедить женщин. Поэтому я умолкаю, чтобы узнать, кому Эннасюита передаст сейчас слово.

— Передаю его Дагусену,— сказала она,— ибо я уверена, что он не станет говорить ничего обидного для дам.

— Дал бы бог,— сказал Дагусен,— чтобы они относились ко мне так хорошо, как я к ним. А для того, чтобы

доказать вам, насколько я стараюсь чтить женщин добродетельных, вспоминая их благие поступки, я расскажу вам одну историю. Я не стану умалять силу терпения дворянина из Памплоны и гренобльского председателя суда, но ведь и сила их мести была не меньше. А когда мы хотим воздать кому-то хвалу как человеку добродетельному, нельзя ставить ему в заслугу какое-то одно его качество, так как нередко оно может скрывать некий глубокий порок. Достоин хвалы только тот, кто ведет себя благородно из одной лишь любви и добродетели, пример чего мне хочется привести вам, рассказав о долготерпении одной добродетельной женщины, которая добрыми поступками своими преследовала одну только цель: угодить господа и спасти своего мужа.

НОВЕЛЛА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Госпожа де Луэ своим большим терпением и выдержкой сумела так повлиять на мужа, что спасла его от дурных страстей, которым он предался, и после этого они зажили лучше, чем раньше.

Одна дама, принадлежавшая к роду Луэ, была так добродетельна и умна, что все соседи относились к ней с уважением и любовью. Муж, как того и следовало ожидать, доверял ей все свои дела, и она вела их так разумно, что благодаря ей дом их стал одним из самых богатых и лучше всего украшенных и в Анжу, и в Турени.

После того как она прожила с мужем довольно долго и родила ему нескольких детей, благополучию семьи пришел конец, как это обыкновенно и случается в жизни. Муж ее, которому надоела спокойная жизнь, стал искать развлечений на стороне. И у него вошло в привычку, едва только жена его засыпала, вставать с постели и уходить куда-то из дому, чтобы вернуться лишь поутру. Госпожа де Луэ была так этим огорчена, и ее снедала такая ревность, что, хотя она и старалась ничем ее не выказать, она забросила все домашние дела, перестала заботиться о себе и о семье; ей казалось, что все труды ее напрасны, ибо она потеряла главное — любовь мужа, ради которой ей можно было не щадить своих сил. И, увидав, что муж ее окончательно разлюбил, женщина эта стала с таким небрежением относиться к хозяйству, что скоро все заметили запустение, в которое пришел их дом. Муж направо и налево тратил деньги, она же ничего больше не

касалась, и от этого богатство их пошло прахом, и в конце концов пришлось вырубать леса и закладывать земельные угодья. Один из ее родственников, хорошо знавший причину этого разорения, дал ей понять, какую ошибку она совершает, и образумил ее, сказав, что, как ей все ни постыло из-за того, что муж к ней охладел, она должна подумать о своих ни в чем не повинных детях. И жалость к детям помогла ей воспрянуть духом, и она стала всеми средствами стараться вернуть утраченную любовь супруга. И вот однажды, проследив, когда муж ее встал и ушел, она сама встала вслед за ним, прибрала постель и, читая часослов, стала дожидаться его возвращения. Когда же он вернулся, она встретила его, поцеловала и принесла ему воды вымыть руки. Такое поведение жены очень его удивило, и он сказал ей, что отлучался только в отхожее место и что ей из-за этого вовсе не стоило вставать. Она же ответила, что это не составляет для нее никакого труда и что, вернувшись из грязного и поганого места, человеку пристало всегда вымыть руки,— стараясь дать ему этим понять, сколь беспутна и отвратительна его жизнь. Он нисколько после этого не исправился, но жена его продолжала и впредь вести себя так же. Когда же она убедилась, что все усилия ее были напрасны, она однажды, не дождавшись мужа, который на этот раз замешкался дольше, чем обычно, надумала пойти за ним. И, начав обходить все комнаты, она вдруг нашла его в гардеробной, где он спал с самой безобразной и неопрятной из служанок, какая была у них в доме. Она тут же решила, что проучит его и покажет, как бросать порядочную женщину ради какой-то грязной потаскухи: она взяла пук соломы, положила его посреди комнаты и зажгла. Но как только она сообразила, что муж задохнется от дыма раньше, чем успеет, понять что случилось, она схватила его за руку и закричала:

— Пожар! Пожар!

Можно себе представить, как стыдно стало мужу и как он был огорчен тем, что жена его, женщина столь добродетельная, застала его с этой потаскухой. Тогда жена сказала ему:

— Дорогой мой, еще год тому назад я пыталась вытащить вас из этой грязи терпением моим и лаской и дать вам понять, что чистыми должны быть не только одежда и тело, но и душа. Но когда я увидела, что все мои старания были напрасны, я, скрепя сердце, решила прибегнуть к помощи стихии, которая могла бы положить конец всему, и должна сказать, что, если и она не поможет вам исправиться, я далеко не уверена, что второй раз буду спасать вас от опасности

так, как я это сделала сегодня. Я умоляю вас подумать о том, что ни одно горе не причиняет столько страданий, как любовь, и, если бы мыслями моими я непрестанно не устремлялась к господу, я не перенесла бы всего, что выпало на мою долю.

Муж, радуясь, что так дешево отделался, обещал жене, что никогда больше не даст ей повода мучиться из-за него; она поверила ему и с его позволения выгнала из дому ту, которая была ей так мерзка. И с этого дня они зажили в таком мире и согласии, что даже содеянные ранее ошибки послужили к еще большему их сближению.

— Молю вас, благородные дамы, если господь ниспошлет вам таких мужей, не отчаивайтесь до тех пор, пока не испробуете всех возможных средств для их вразумления. Ведь в сутках двадцать четыре часа, и за это время человек может перемениться. Женщина же должна чувствовать себя счастливее, когда завоеует сердце мужа терпеливым и длительным ожиданием, чем тогда, когда судьба или родители сыщут ей такого, который будет самым совершенством.

— Вот пример, которому должны следовать замужние женщины,— сказала Уазиль.

— Пусть ему следует кто хочет,— возразила Парламанта,— но что до меня, то я была бы неспособна столько времени терпеть. Ибо, хотя терпение и является всегда добродетелью, к которой надо стремиться, я считаю, что в супружеской жизни это порождает вражду, потому что человек, терпящий оскорбление от себе подобного, вынужден бывает все больше от него отчуждаться, а отчуждаясь — начинает презирать того, кто нанес ему эту обиду. Презрение же это понемногу съедает и самое любовь, ибо любить можно только то, что ты уважаешь.

— Но может случиться и так,— сказала Эннасюита,— что женщине нетерпеливой достанется муж очень лютый и вместо терпения она обретет с ним одно только горе.

— А что же еще мог сделать муж, кроме того, о чем нам только что рассказали? — спросила Парламанта.

— Что он мог бы сделать? — воскликнула Эннасюита.— Да он мог отколотить жену, положить ее спать на кушетку, а в постель к себе взять любовницу.

— По-моему,— сказала Парламанта,— для женщины порядочной тягостнее всего не то, что муж изобьет ее в гневе, а то, что он ее оставляет, предпочитая ей женщину, которая ее не стоит. А после того, как она перенесет это горе, она,

конечно, больше уже не будет так сокрушаться, что бы муж ее ни сотворил. К тому же из слышанного нами рассказа явствует, что женщина эта особенно старалась спасти детей, и этому можно поверить.

— Вы, значит, думаете, что для того, чтобы поджечь постель, в которой спал ее муж, понадобилось много терпения! — воскликнула Номерфида.

— Да, — ответила Лонгарина, — ведь как только она увидела дым, она его разбудила. В этом-то и заключалась ее самая большая ошибка, — таких мужей надо превращать в золу, чтобы потом стирать этой золой белье.

— Вы жестоки, Лонгарина, — сказала Уазиль, — но ведь сами-то вы так не поступили со своим мужем?

— Нет, — ответила Лонгарина, — слава богу, он не дал мне к этому повода, — жалеть мужа я буду всю жизнь, а жаловаться мне на него не за что.

— А если бы он относился к вам так, как тот, о ком вы только что слышали, — спросила Номерфида, — как бы вы тогда поступили?

— Я так его любила, — ответила Лонгарина, — что, случись это, я, вероятно, убила бы его, а потом и себя, мне было бы приятнее умереть после такого отмщения, чем жить в мире с человеком, который этот мир так постыдно нарушил.

— Получается, что все вы любите ваших мужей только для самих себя, — сказал Иркиан. — Если они вам угождают, вы в них души не чаете, а стоит им совершить малейший проступок — и они за один день лишаются всего, что заслужили за всю неделю. Вы непременно хотите властвовать. Что ж, я согласен, только пусть и все другие мужья согласятся тоже.

— Я вполне допускаю, — сказала Парламанта, — что муж может управлять нами и быть главою семьи, но бросать нас и плохо с нами обращаться он не должен.

— Установив брак, — сказала Уазиль, — господь подумал и о муже, и о жене: если ни тот, ни другая не злоупотребляют своим положением, союз их становится поистине прекрасным и крепким. И я уверена, что все здесь присутствующие, что бы ни выражали сейчас их лица, думают так же. А так как муж должен быть разумнее жены, с него больше взыщется, если он виноват. Только довольно об этом говорить и лучше спросим, кому сейчас Дагусен предоставит слово.

— Предоставляю его Лонгарине, — сказал Дагусен.

— Мне очень приятно это слышать, — ответила Лонгарина, — у меня как раз приготовлен рассказ, который стоит

вашего. Так как мы сегодня прославляем добродетель и терпение женщин, я расскажу вам о женщине еще более достойной похвал, чем та, о которой только что была речь, особенно еще и потому, что она была горожанкой, а в городе воспитанию девушек не уделяют такого внимания.

НОВЕЛЛА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Одна горожанка из Тура, несмотря на то, что муж обращался с ней дурно, оплачивала ему за все такой добротой, что он покинул простую крестьянку, с которой предавался любовным утехам, и стал снова ласков с женою.

В Туре жила некая горожанка, женщина красивая и порядочная. Достоинства ее были так велики, что муж не только любил ее, но и уважал и даже побаивался. Но, как всем мужчинам, ему тоже приелась привычная пища, и он влюбился в одну из своих мызниц. И он стал часто уезжать из Тура на мызу и оставался там по два-три дня. А возвращался он после таких поездок всегда продрогший и больной, и его бедной жене приходилось каждый раз немало возиться, чтобы его вылечить. А стоило ему только выздороветь, как он снова спешил в те же места и, предаваясь наслаждению, забывал все былые недуги. Жена его, которой были дороги и жизнь его и здоровье, заметив, что он каждый раз возвращается оттуда в таком печальном виде, решила сама отправиться на эту мызу и нашла там молодую женщину, которую полюбил ее муж. И без всякого раздражения, но очень решительно она сказала той, что хорошо знает, что муж ее часто приезжает на мызу и что ее огорчает плохое с ним обращение: он всегда возвращается прозябший и совсем больной. Бедная женщина, как из уважения к приехавшей, так и правды ради, не могла отрицать, что это действительно так, и стала просить у нее прощения. Тогда дама пожелала увидеть постель, на которой спал ее муж; и оказалось, что она такая жесткая и содержится в такой грязи и таком беспорядке, что ей стало жаль того, кому на ней приходилось спать. Она немедленно же велела привезти туда другую кровать, простыни, стеганое одеяло и покрывало, приказала прибрать комнату и обить стены тканями, прислала туда хорошей посуды, бочку доброго вина, всяких яств и попросила мызницу, чтобы она впредь не отпускала своего любовника таким иззябшим. Муж ее не замедлил явиться туда, как обычно, и был поражен, найдя это убогое жилище в таком порядке. Он

еще более поразился, когда любовница его дала ему напиться из серебряного кубка, и спросил, откуда все это у нее взялось. Бедная женщина заплакала и сказала, что все это прислано его женою, ибо, когда та увидела всю эту нищету, ей стало так его жалко, что она сама украсила эту лачугу и наказала мызнице заботиться о здоровье мужа. Увидав, сколь благородно поступила его жена, оплатив за все его зло добром, и в каком он неоплатном долгу перед нею, горожанин оставил своей любовнице денег, чтобы та ни в чем не нуждалась, а сам вернулся к жене и во всем ей признался, сказав, что если бы не ее ласка и доброта, он верно, никогда бы не расстался с этой утехой. И с тех пор они зажили в мире и дружбе и больше уже не вспоминали о прошлом.

— Поверьте, благородные дамы, что не так много на свете мужей, которые рано или поздно не были бы тронуты таким терпением и лаской жены, если только сердце их не совсем окаменело. Но сочащаяся по капелькам вода в конце концов может справиться и с камнем.

— У этой женщины, должно быть, не было ни сердца, ни печени, ни желчи,— сказала Парламанта.

— Чего же вам еще надо,— возразила Лонгарина,— она следовала завету божьему: платить добром за зло.

— А я думаю, что у нее, вероятно, был какой-нибудь дружок францисканец, который и наложил на нее послушание, посоветовав ей предоставить мужу все блага в деревне, чтобы самой пользоваться такими же благами в его городском доме! — сказал Ирган.

— Такими словами вы сами выдаете свои злые помыслы,— сказала Уазиль,— вы, оказывается, способны смеяться над добрым делом. Но я склонна думать, что она была так поглощена любовью к богу, что заботилась только о том, чтобы спасти душу мужа.

— Мне кажется,— сказал Симонто,— что у него было больше причин возвратиться к жене тогда, когда ему было холодно и неудобно на мызе, чем когда ему стало хорошо и тепло.

— Как я вижу,— сказал Сафредан,— вы придерживаетесь иного мнения, чем некий парижский богатей, который, раздевшись и улегшись спать с женой, всегда зяб, а отправляясь в погреб на свидание со своей служанкой, без шапки и босиком, причем даже зимою, никогда не чувствовал холода, и к тому же надо сказать, что жена его была красавица, а служанка — сущий урод.

— Вы разве никогда не слышали,— сказал Жебюрон,— что господь бог всегда помогает плслумным, влюбленным и пьяницам. Может быть, он был одновременно и тем, и другим, и третьим?

— Уж не хотите ли вы этим сказать,— вмешалась Парламанта,— что господь немилостив к людям целомудренным, воздержанным и разумным? Так знайте, люди, которые могут помочь себе сами, не нуждаются ни в чьей помощи. Ибо сказавший людям, что он послан исцелять страждущих, а не здоровых, пришел по благости своей помочь нам в немощах наших и смягчать суровость законов. А тот, кто сам почитает себя за мудреца,— безумец перед лицом господа. Но давайте закончим наш спор и спросим Лонгарину, кому она передает слово.

— Передаю его Сафредану,— сказала Лонгарина.

— Я надеюсь доказать вам,— сказал Сафредан,— что господь не всегда помогает влюбленным, ибо знайте, благородные дамы, что, хотя здесь шла речь о том, что пороки одинаково свойственны и женщинам и мужчинам,— женщины всегда хитрее на выдумки, в чем вы очень скоро и убедитесь, выслушав мой рассказ.

НОВЕЛЛА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Сеньер де Гриньоль изгнал из своего дома привидение, которое преследовало его жену во время его двухлетнего отсутствия.

Некий сеньер де Гриньоль из свиты Анны, королевы Французской и герцогини Бретонской, вернувшись домой после двухлетнего отсутствия, узнал, что жена его уехала оттуда и живет теперь в одном из ближайших поместий. Он стал спрашивать, почему она это сделала, и ему сказали, что в доме появилось привидение, которое так всех тревожит, что люди боятся там жить. Сеньер де Гриньоль, который не верил бредням, сказал, что, будь это даже сам дьявол, он не испугается его, и привез жену домой. Ночью он велел зажечь всюду свечи, чтобы хорошенько разглядеть привидение. Сначала он долго не ложился спать, но, так как ничего не было слышно, лег и уснул; однако тотчас же был разбужен здоровой пощечиной и услышал вдруг голос своей покойной бабушки, кричавшей: «Benigne, Benigne!»¹ Он разбудил спавшую с ним жену, прося ее зажечь свечу, так как оказалось,

¹ Благодарю, благодарю! (лат.)

что все свечи потушены, но жена побоялась встать с постели. В ту же минуту сеньер де Гриньоль почувствовал, что кто-то срывает с него одеяло, и услышал страшный шум: столы и скамейки летели на пол. И так продолжалось до самого рассвета. Сеньер де Гриньоль нисколько не испугался, так как был уверен, что никакого привидения нет, но был сильно рассержен тем, что ему не дали спать. На следующую ночь он решил непременно изловить этого духа. И вскоре после того, как лег, он притворился спящим и стал громко храпеть, а руку положил около щеки, держа ее наготове. Так он стал ждать появления духа и вдруг почувствовал, что кто-то действительно к нему приблизился. Тогда он стал храпеть еще громче. Дух мгновенно подскочил к нему и вlepил ему здоровенную пощечину. Но в эту же минуту сеньер де Гриньоль схватил его и крикнул:

— Я поймал духа.

Жена сейчас же вскочила, зажгла свечи, и они увидели, что это была их собственная служанка, которая спала с ними в комнате. Опустившись на колени, она стала просить у них прощения и обещала им рассказать всю правду. А дело было в том, что она давно уже любила одного из лакеев и затеяла все это представление, чтобы изгнать из дома господ и, оставшись там вдвоем со своим возлюбленным для охраны помещения, пользоваться полной свободой. Сеньер де Гриньоль был человеком суровым и дал распоряжение отколотить обоих так, чтобы они всю жизнь помнили о своей проделке. После этого он выгнал их вон. И таким образом дом был очищен от привидений, которые там бесчинствовали целых два года.

— Не удивительно ли, благородные дамы, могущество Амура, предавшись которому, женщины теряют всякий страх и готовы причинить мужчинам любой вред, лишь бы добиться своей цели? Но насколько предосудителен поступок служанки, настолько же достоин похвалы здравый смысл господина, который был убежден, что привидение исчезнет и больше никогда не вернется.

— В самом деле,— сказал Жебюрон,— Амур был на этот раз не особенно благосклонен к лакею и служанке, и нельзя не признать, что именно здравый смысл оказал хорошую услугу их господину.

— Но все-таки,— заметила Эннасюита,— благодаря хитрости своей служанка эта порядочное время смогла наслаждаться полной свободой.

— Но чего же стоила эта свобода,— сказала Уазиль,— если она виждилась на грехе и окончилась позором и наказанием?

— Все это верно, госпожа моя,— сказала Эннасюита,— но многим людям праведная жизнь стоит большого труда и всяческих страданий, и им не удастся вкусить столько наслаждений, сколько удалось этим двум.

— А я такого мнения,— сказала Уазиль,— что не может быть истинного наслаждения, если совесть у человека не чиста.

— Как же так! — воскликнул Симонто.— Итальянцы утверждают, что чем тяжелее грех, тем он больше приносит радости.

— Право же, тот, кто придумал эту поговорку,— сказала Уазиль,— сам, должно быть, не кто иной, как дьявол. Поэтому оставим этот разговор и спросим, кому Сафредан представит слово.

— Кому? — переспросил Сафредан.— Но ведь у нас остается одна Парламанта. Впрочем, если бы даже у нас была еще сотня рассказчиков, я отдал бы голос именно ей, а не кому другому.

— Раз мне выпало на долю закончить сегодняшний день,— сказала Парламанта,— я напомним, что еще вчера обещала вам рассказать, почему отец Роландины выстроил замок, в котором так долго держал ее узницей, и сейчас я исполню свое обещание.

НОВЕЛЛА СОРОКОВАЯ

Когда сестра графа Жосбелена вышла замуж за одного дворянина потихоньку от брата, тот убил этого дворянина, несмотря на то, что прежде сам не раз выражал желание с ним породниться, будь он того же рода, что и они. После чего сестра его провела остаток дней в уединении, живя самой строгой и праведной жизнью.

У отца Роландины, графа де Жосбелена, было несколько сестер, из которых одни повыходили замуж, а другие приняли монашество. Одна же замуж не выходила и оставалась в семье. Она была красивее всех остальных и больше всего любила своего брата, который отвечал ей тем же, любя ее больше, чем жену и детей. К ней несколько раз сватались знатные женихи, но из боязни расстаться с ней, а также

из-за своей большой скупости брат ее и слышать не хотел о том, чтобы она вышла замуж. И поэтому почти все свои молодые годы она провела в доме брата и вела там очень скромную жизнь. В доме этом находился один молодой и красивый дворянин, которого брат ее воспитывал с детских лет. Он вырос таким красавцем и таким достойным человеком, что одной кротостью покори́л своего господина, и когда тому бывало нужно что-либо передать сестре, он всегда посылал к ней этого юношу. И он ему во всем доверял, посвящал его во все дела и во всякое время дня позволял бывать у сестры. И в конце концов молодая девушка очень привязалась к дворянину, а он — к ней. Но поелику юноша этот боялся оскорбить своего господина и поплатиться за это жизнью, а девушка боялась за свою честь, любовь их не шла дальше бесед вдвоем, хотя граф не раз говорил сестре о том, что он очень сожалеет, что юноша этот не из их рода, ибо ему никого так не хотелось бы иметь своим зятем. Он столько раз ей это повторял, что влюбленные, поговорив между собой, решили, что, если они тайно поженятся, он им это потом простит. И Амур, который всегда готов верить тому, что ему на руку, убедил их, что от этого не может произойти ничего дурного. И в надежде на это они потихоньку обвенчались, и, кроме священника и нескольких женщин, никто об этом не знал.

И после того, как они провели несколько лет вместе и вкусили все радости, какие только могут вкусить муж и жена — а более красивую чету и более нежную любовь трудно было найти во всем мире, — Фортуна позавидовала их счастью и послала им врага, который, выслеживая молодую девушку, заметил, как она счастлива, хотя и ничего не знал об их браке. И он донес графу Жосбелену, что молодой человек, которому он так безгранично доверяет, слишком часто заходит в комнату его сестры, да притом еще в такие часы, когда туда не следует заходить мужчине. Сначала граф не придавал значения его словам, до того он доверял и сестре и этому юноше. Но предатель продолжал его донимать, твердя, что ему дорога честь их дома, и в конце концов стал так следить за молодыми людьми, что те, ничего не подозревая, попались с поличным. Однажды вечером сеньера Жосбелена предупредили, что юноша находится в спальне его сестры, и когда он тут же пошел туда, то застал обоих влюбленных в постели. Ярость графа была так велика, что он не в силах был вымолвить ни слова; схватив шпагу, он погнался за несчастным юношей, готовясь его убить. Но тот был очень ло-

вок и, видя, что ему нельзя убежать через дверь, в одной рубашке выскочил через окно в сад. А несчастная сестра бросилась раздетая на колени и стала просить графа:

— Молю вас, сеньер, пощадите жизнь моего мужа, ибо мы с ним повенчались. И если вы этим оскорблены, то накажите только меня, потому что он согласился на это по моей просьбе.

Брат ее был вне себя от гнева, и вот что он ей ответил:

— Будь он даже сто тысяч раз твоим мужем, я накажу его, как негодяя слугу, который меня обманул.

И, сказав это, он подошел к окну и крикнул людям своим, чтобы они убили молодого человека, что те тут же и сделали на глазах у его жены. Когда несчастная поняла, что все мольбы напрасны и страшное дело свершилось, она, не помня себя от горя, обратилась к брату со следующими словами:

— Брат мой, у меня нет ни отца, ни матери, и я уже в таком возрасте, когда девушка имеет право выйти замуж по своей воле. И я выбрала себе в мужа того, кого, как вы не раз говорили сами, вы хотели бы видеть моим мужем. И за то, что я поступила именно так, как желали вы, хотя по закону могла поступить иначе, вы умертвили человека, которого сами любили больше всего на свете! Что же, раз мольбы мои были бессильны спасти его от смерти, я молю вас во имя вашей любви ко мне: убейте теперь и меня, чтобы я и в смерти стала спутницей того, кого могла бы иметь спутником в жизни. Если вы поступите так и дадите волю вашему жестокому и несправедливому гневу, вы успокоите и тело и душу той, кто не может жить без любимого.

Брата ее, несмотря на то, что он был вне себя от гнева, охватила такая жалость к сестре, что, не дав ей никакого ответа, он отпустил ее. А когда он узнал, что юноша этот действительно обвенчался с его сестрой, и понял, что он надеялся, он стал раскаиваться в своем поступке. И, боясь, как бы сестра не обратилась к правосудию или не стала мстить ему, он построил ей замок посреди леса и, заточив ее там, запретил кому бы то ни было говорить с нею.

Спустя некоторое время, чувствуя угрызения совести, он поехал навестить ее, чтобы примириться с нею и уговорить ее выйти замуж. Но она сказала, что, однажды испробовав его угощения, она второй раз уже не сядет за стол и надеется прожить жизнь так, чтобы ему не пришлось сделаться еще раз убийцей. Ибо она все равно никогда не простит ему жестокой расправы с ее возлюбленным. И добавила, что, хоть она

и слаба и бессильна отомстить ему за причиненное ей горе, она надеется, что Всевышний — справедливый судия, который не оставляет никакое зло без возмездия, — воздаст ему за все. Поэтому остаток жизни своей она посвятит господу и будет жить, удалившись от мира. Так она и сделала и жила отшельницей в воздержании и посте, так что, когда она умерла, все стали чтить ее как святую. А после ее смерти семью ее брата постигла беда: из шести сыновей все, кроме одного, умерли жестокой смертью, и в конце концов все состояние унаследовала дочь его Роландина, которой и пришлось жить потом заточенной в замке, построенном для ее тетки.

— Я молю бога, благородные дамы, чтобы вы извлекли урок из этого примера и чтобы ни одна из вас не возымела желания выходить замуж без согласия тех, кого надлежит слушаться каждой девушке. Ведь брачный союз заключается на долгие годы, и не следует решать этот вопрос легкомысленно и без совета добрых друзей и родных. Тот, кто поступает так, может омрачить свою радость горем.

— Право же, — сказала Уазиль, — если бы даже не было ни бога, ни закона, которые могли бы научить девушек разуму, достаточно одного этого примера — и они поймут, что надо считаться с мнением родных, а не стараться непременно выходить замуж по своей воле.

— А я думаю, — возразила Номерфида, — что, если женщина счастлива хоть один день в году, все остальное время она уже не почувствует себя несчастной. Ей выпала на долю радость — видеть и долго говорить с тем, кого она любила больше себя. К тому же она насладилась и супружеской жизнью, не омраченной никакими угрызениями совести. А я считаю, что такое наслаждение заставляет забыть все горести.

— Вы хотите этим сказать, — возразил Сафредан, — что для женщины быть в постели со своим мужем — это высшее наслаждение, за которое она готова заплатить любым горем, даже тогда, когда это горе — смерть мужа, которого убивают у нее на глазах?

— Нет, этого я не хотела сказать, — ответила Номерфида, — насколько я знаю женщин, это не так; но только я считаю, что выходящее из ряда вон наслаждение — выйти замуж за человека, которого любишь больше всего на свете, — затмевает то привычное горе, каким является смерть.

— Да,— сказал Жебюрон,— если речь идет о смерти естественной; но эта смерть чересчур уж жестока, и мне кажется странным, что граф, который не был ни отцом, ни мужем этой женщины, а всего-навсего ее братом, мог решиться на такой жестокий поступок, тем более что сестра его была тогда уже совершеннолетней и имела право сама собою распорядиться.

— А мне так это ничуть не кажется странным,— возразил Ирман,— не стал же он убивать свою сестру, которую так любил и которая уже вышла из-под его власти, он убил молодого дворянина, которого воспитал как сына и любил как брата. Он ведь осыпал его всевозможными благодеяниями, взял к себе на службу, помог ему разбогатеть, а тот вдруг захотел жениться на его сестре, о чем ему не следовало и думать.

— Во всяком случае,— сказала Номерфида,— не часто бывает, что женщина из такого знатного дома выходит по любви замуж за человека, который служит у нее в доме. И как ни необычна эта смерть, самый брак их не менее необычен именно тем, что все люди благоразумные против него, а на его стороне — счастье двух сердец, исполненных любви и душевного мира, ибо бога эти люди ничем не прогневили. Что же до смерти, которую вы называете жестокой, то, по моему, раз она все равно неизбежна, то чем быстрее она приходит, тем лучше, миновать ее все равно нельзя. По моему, счастливы те, кто не задерживается в предместье и кто от земного счастья, которое для них и есть истинное блаженство, сразу переходит к блаженству вечному.

— А что же вы называете предместьем смерти? — спросил Симонто.

— Когда люди долго терзаются,— ответила Номерфида,— а также когда они долго болеют, когда люди так страдают телесно или духовно, что исполняются презрения к смерти и считают, что она слишком медлит своим приходом. Про таких-то людей я и говорю, что они уже вступают в предместье этого города и знают все гостиницы его, в которых они испытали вместо отдыха муки. Эта дама все равно рано или поздно похоронила бы мужа, так как он непременно бы умер, но гнев ее брата избавил ее от горя видеть любимого человека больным и несчастным. И, обратив все испытанные ею радости любви на служение господа, она могла бы почитать себя счастливой.

— Вы, значит, позабыли о позоре, которым она покрыла себя, и об ее заточении? — спросила Лонгарина.

— Я считаю,— ответила Номерфида,— что для той, кто любит беззаветно и в любви своей следует воле господя, не может быть ни бесчестия, ни позора. То и другое постигает женщину только тогда, когда она совершает какой-либо проступок или когда любовь ее недостаточно высока, ибо любовь благодатная столь славна, что ей нечего бывает стыдиться. Что же касается того, что тело ее оказалось в плену, то я думаю, что она совсем не чувствовала этого плена, ибо сердце ее было свободно и обращено к богу и к ее покойному мужу, и что, напротив, она почитала одиночество свое очень большой свободой. Ибо для той, кому не дано видеть любимого, самое большое благо — это думать о нем непрестанно, и никакая тюрьма не может быть слишком тесной, если в ней достаточно простора для мысли.

— Номерфида совершенно права,— согласился Симонто,— но тот, кто гневом своим разъединил влюбленных, должен чувствовать себя несчастным, ведь он оскорбил бога, любовь и честь.

— Можно только поражаться,— сказал Жебюрон,— до чего бывает различна любовь женщин, и я все больше убеждаюсь, что поистине добродетельны те из них, которые любят всего сильнее; те же, чья любовь недостаточно велика, стараются вообще ее скрыть и притворством своим снискать себе славу праведниц.

— Это верно,— сказала Парламанта,— сердце, которое чисто перед богом и перед людьми, любит сильнее, чем то, в котором гнездится порок: женщине, чьи помыслы чисты, нечего бояться, что их разгадают.

— Мне всегда приходилось слышать,— сказал Симонто,— что нельзя осуждать мужчин, которые упорно добиваются благосклонности женщин, так как сам бог вложил в сердце мужчины любовь и смелость, чтобы просить, а в сердце женщины — целомудрие и страх, чтобы ему отказывать в его просьбе. Наказывать мужчину за то, что он воспользовался преимуществом, которым наградила его сама природа, несправедливо.

— Но как мог граф столько времени расхваливать этого молодого человека своей сестре,— сказала Лонгарина,— разве это не безумие и не жестокость, если владелец родника расхваливает свою воду человеку, который, глядя на эту воду, умирает от жажды,— а потом, едва только тот потянулся к ней, чтобы напиться, его убивает.

— Говоря по правде,— заметила Парламанта,— именно брат своими речами разжег это чувство и поэтому не имел права гасить его ударом шпаги.

— А я могу только удивляться,— сказал Сафредан,— почему простой дворянин не может взять себе в жены даму самого знатного рода, если он верен ей и тут нет никакого обмана. Не доказывают ли философы, что самый заурядный мужчина несравненно выше самой благородной и добродетельной женщины?

— Дело в том, что для поддержания порядка в обществе,— отвечал Дагусен,— считаются только со знатностью происхождения, возрастом и законом, не обращая никакого внимания на любовь и на достоинства мужчин; так поступают, чтобы не подрывать устоев государства. Поэтому-то и бывает, что браки, заключенные между равными и сообразно желанию родителей и других людей, часто настолько далеки от того, что подсказывает чувство, характер и сама жизнь, что, вместо того чтобы вести к спасению души, они ведут в преддверие ада.

— Бывает и так,— сказал Жебюрон,— что людям, сильно полюбившим друг друга, которых сблизили чувство, характер и сама жизнь так, что они пренебрегли разницей в происхождении и в знатности рода, потом приходится раскаиваться, ибо их великая и несдержанная любовь часто приводит и к ревности и к гневу.

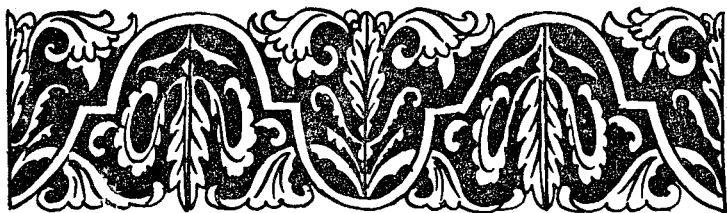
— Мне кажется, ни те, ни другие не заслуживают похвалы,— сказала Парламента,— превозносить можно только тех людей, которые, подчиняясь воле божьей, не прельщаются ни славой, ни жадностью, ни страстью к наслаждению и руководятся во всем только чистой своей любовью; испросив на то согласие родителей, они хотят жить брачной жизнью так, как велят господь и природа. И хотя, вообще-то говоря, на свете никто не может прожить без огорчений, мне довелось видеть, что людям, которые поступали так, никогда не приходилось раскаиваться. И я полагаю, что мы все не столь несчастны, чтобы не признать, что у присутствующих здесь женатых мужчин в жизни все так и было.

Иркан, Жебюрон, Симонто и Сафредан заверили дам, что они женились именно так и никогда об этом не жалели. Но независимо от того, как было на самом деле, дамы, которых это касалось, были очень довольны тем, что слышали, ибо ничего более приятного нельзя было себе представить. И все поднялись с места и отправились в церковь, где началась уже служба, а когда окончилась вечерня, все пошли ужинать, продолжая разговаривать до самого конца вечера. Мужчины рассказывали о том, как они ухаживали за невестами, и обо всех перипетиях их женитьбы. Они так увлеклись этими раз-

говорами, что перебивали один другого, и невозможно было запомнить все новые рассказы, записать которые было бы не менее интересно. И всем это так понравилось, что, развлекаясь, они не заметили, как настало время ложиться спать. Госпожа Уазиль простилась со всеми,— и, когда компания стала расходиться, все были в таком хорошем настроении, что те, кто были женаты, должно быть, долго еще не спали и все разговаривали и рассказывали друг другу о своей прошлой любви, отдавая в то же время дань и любви настоящей. В этом приятном занятии они и провели ночь едва ли не до рассвета.

Конец четвертого дня

ДЕНЬ ПЯТЫЙ

В ПЯТЫЙ ДЕНЬ БЕСЕДА ИДЕТ О ДОБРОДЕТЕЛИ ДЕВУШЕК И ЖЕНЩИН, КОТОРЫЕ ЧЕСТЬ СВОЮ СТАВЯТ ВЫШЕ, ЧЕМ НАСЛАЖДЕНИЕ; ГОВОРИТСЯ ТАКЖЕ И О ТЕХ, КТО ПОСТУПАЕТ КАК РАЗ НАПРОТИВ, И О ПРОСТОДУШИИ НЕКОТОРЫХ ИНЫХ.

ВСТУПЛЕНИЕ

Когда настало утро, госпожа Уазиль приготовила для всех пищу духовную, столь благостную, что после нее все почувствовали себя подкрепившимися и телом и духом. Вся компания слушала ее с большим вниманием, и все признали, что ни одно чтение не было столь полезно для них, как это. И, услышав, что пробил последний удар колокола, звавшего к утренней мессе, все отправились в церковь и предались размышлениям о святых истинах, которые они только что слышали. Выслушав мессу и немного погуляв, все сели за стол и обещали друг другу, что день этот они постараются провести еще интереснее, чем предыдущие. А Сафредан сказал, что был бы рад, если бы мост строился еще целый месяц, до того хорошо проходит у них время. Но тамошний аббат торопил с окончанием работ; он вовсе не хотел, чтобы это благородное общество надолго оставалось в монастыре, ибо в присутствии гостей он стеснялся принимать паломниц, которые в обычное время довольно часто навещали в эту обитель. Когда же после обеда все отдохнули, компания вернулась к своему обычному вре-

мяпрепровождению. После того как все расселись на лужайке, Парламанту спросили, кому она предоставит слово.

— Мне кажется,— сказала она,— что Сафредан хорошо начнет сегодняшний день. По его лицу я вижу, что он не собирается заставить нас плакать.

— Благородные дамы,— сказал Сафредан,— вы будете очень жестоки, если не пожалеете францисканца, о котором я собираюсь сейчас говорить. Из историй, которые мы недавно слышали, вы могли заключить, что участницами их являлись бедные женщины,— и монахи, полагая, что с ними легко будет справиться, не испытывали ни малейшего страха. Но, для того чтобы все знали, что, ослепленные вожделением, люди эти действительно способны потерять и благоразумие и всякий страх, я расскажу вам одну историю, которая произошла во Фландрии.

НОВЕЛЛА СОРОК ПЕРВАЯ

В рождественский сочельник к одному францисканцу явилась молодая девушка, прося исповедовать ее, и он наложил на нее такую необычную епитимью, что она отказалась выполнить ее и ушла, так и не получив отпущения грехов. Когда госпожа ее об этом узнала, она приказала высечь злонамеренного монаха у себя на кухне, а потом связать ему руки и ноги и отвезти к настоятелю монастыря.

В тот год, когда Маргарита Австрийская приезжала в Камбре по поручению племянника своего, императора, чтобы заключить от его имени мир с Христианнейшим Королем, которого представляла его мать, Луиза Савойская, в свите Маргариты находилась графиня Эгмонт, которая слыла первой красавицей во всей Фландрии. После того как это важное поручение было выполнено, графиня Эгмонт направилась к себе домой и, когда наступил рождественский пост, послала во францисканский монастырь попросить, чтобы оттуда прислали к ней в замок опытного духовника, который мог бы прочесть проповеди и исповедовать ее самое и всех ее домо-чадцев.

Настоятель монастыря, который получал всегда от Эгмонтов и Фьеннов большие доходы, постарался выбрать для этой цели достойнейшего из монахов. И так как монастырь этот хотел, чтобы уважение и дружба знатных домов доставались ему, а не другим, в замок был послан самый способный проповедник; в течение всего поста он говорил отличные

проповеди, и графиня была им очень довольна. В рождественскую ночь графиня захотела причаститься и послала за своим духовником. И после того как она исповедалась в часовне, которая была наглухо заперта, чтобы соблюсти полную тайну,— на исповедь пришла ее придворная дама, которая затем послала к почтенному духовнику и свою дочь. И когда девушка рассказала ему свою жизнь и святому отцу стали известны кое-какие ее секреты, он возымел желание наложить на нее не совсем обычную епитимью.

— Дочь моя,— сказал он,— грехи твои столь велики, что, для того чтобы получить отпущение их, тебе надобно носить мою веревку на голом теле.

Девушка не хотела послушаться и ответила:

— Дайте мне эту веревку, отец мой, и я обещаю вам, что буду ее носить.

— Дочь моя,— ответил монах,— я должен повязать ее тебе сам, своими руками, а потом из этих же рук ты примешь отпущение всех твоих грехов.

Девушка расплакалась и сказала, что не станет этого делать.

— Как,— воскликнул духовник,— еретичка ты, что ли, что отказываешься от епитимьи, которую накладывает на тебя господь и мать наша, Пресвятая церковь?

— Я хожу на исповедь,— сказала девушка,— как это велит Церковь, и хочу получить отпущение грехов и для этого исполнить епитимью, но я не хочу, чтобы вы прикасались ко мне руками; в таком случае я отказываюсь от вашей епитимьи.

— Что же, раз так,— сказал духовник,— я не могу отпустить тебе грехи.

Девушка поднялась с колен и ушла со смущенной душой. Она была так молода и неопытна, что ее охватил страх и она стала думать, что, может быть, была не права. Наутро, когда окончилась месса и графиня Эгмонт приобщилась святых тайн, ее придворная дама собралась последовать ее примеру и спросила дочь, готова ли она. Девушка расплакалась и сказала, что не получила отпущения грехов.

— А что же ты столько времени делала у духовника? — спросила ее мать.

— Ничего,— ответила дочь,— когда я отказалась от епитимьи, которую он на меня наложил, он отказал мне в отпущении грехов.

Мать стала осторожно допытываться о причине этого и узнала, какую странную епитимью святой отец хотел нало-

жить на ее дочь. И она послала девушку исповедоваться к другому духовнику, после чего обе они причастились. А когда графиня вернулась из церкви, придворная дама пожаловалась ей на монаха, поступок которого изумил и огорчил графиню, ибо она была о нем очень хорошего мнения. Но в то же время, несмотря на весь свой гнев, она не могла не рассмеяться, услышав о столь необычной епитимье. Смех этот, впрочем, не помешал ей расправиться с монахом: она велела схватить его, отвести на кухню и там высечь. И, когда его стали сечь, он сам признался во всем.

После этого его связали и отправили к настоятелю монастыря, графиня же попросила настоятеля в следующий раз прислать к ней проповедника более достойного.

— Судите сами, благородные дамы, если даже в столь знатном доме монахи эти не боятся предаваться безумствам, то что же они позволяют себе в жилищах простых людей, куда они приходят собирать на монастырь и где им так легко и удобно творить бесчинства, что просто чудо, если они устоят от искушения! Вот почему я прошу вас, благородные дамы, чтобы осуждение свое вы сменили на сочувствие. Подумайте только, ведь тот, кто ослепляет монахов, не щадит и дам, как только ему представится для этого удобный случай.

— Ну и негодяй же этот францисканец,— воскликнула Уазиль.— Быть монахом, священником и проповедником и сотворить такую мерзость в рождественский сочельник, в церкви, да еще во время исповеди,— ведь от всего этого грех его становится еще тяжелее!

— Послушать вас, так окажется, что францисканцы должны быть настоящими ангелами или самыми мудрыми из людей! — сказал Йркан.— Но вы уже слышали о них столько всего дурного, что должны бы считать их еще хуже, чем они есть на самом деле. По-моему, духовника этого можно простить: ведь это же было ночью и он был с глазу на глаз с красивой девушкой.

— Действительно ночью,— сказала Уазиль,— но ведь это была рождественская ночь.

— Поэтому-то он больше всего и заслуживает извинения,— сказал Симонто.— Очутившись на месте Иосифа возле красивой девушки, он хотел сделать ей маленького ребенка, чтобы разыграть таинство Рождества Христа.

— Ну, уж если бы он подумал об Иосифе и о деве Марии,— сказала Парламанта,— он никогда бы не позволил себе такое непотребство. Во всяком случае, это был человек дурной, если по столь ничтожной причине он решился на такое злое дело.

— Но графиня так хорошо его наказала,— заметила Уазиль,— что товарищам его впредь будет неповадно.

— Только я не уверена,— сказала Номерфида,— правильно ли она поступила, так опозорив своего ближнего. Не лучше ли было бы, если бы она просто пожурила его за этот проступок, а не выставляла на всеобщее поругание?

— По-моему, так действительно было бы лучше,— согласился с ней Жебюрон,— ведь сказано же, что мы должны исправлять ближнего нашего с глазу на глаз, до того как мы обнарудим его проступок перед всеми людьми и перед Церковью. Ведь как только человека опозорят, его уже не удастся исправить, а тайный стыд с такой же силой отверщает людей от греха, как и голос совести.

— А я думаю,— сказала Парламанта,— что этому евангельскому совету надлежит следовать в отношении всех, но отнюдь не в отношении людей, которые проповедуют Евангелие, а сами поступают напротив. И не надо бояться бесчестить тех, кто бесчестит весь род людской. И мне кажется, что это большая заслуга: показать нам их такими, каковы они на самом деле, дабы мы не приняли стекляшку за настоящий рубин. Но кому же Сафредан предоставит слово?

— Раз уж вы меня спросили об этом, то именно вам,— сказал Сафредан,— вы по праву этого заслужили.

— Ну, раз вы так добры ко мне, я расскажу вам одну историю, свидетелем которой я была сама. Мне постоянно приходилось слышать, что чем слабее и неможнее добродетель и чем сильнее и могущественнее ее противник, тем более она достойна хвалы и тем полнее она себя выказывает. Нет ведь ничего удивительного в том, что сильный может отбиться от сильного, но если побеждает слабый, слава его поистине велика. Что же касается людей, о которых я собираюсь говорить, то мне кажется, что я была бы несправедлива к добродетели, которую мне довелось увидеть в столь скромном обличии, что она оставалась никем не замеченной, если бы умолчала о девушке, которая вела себя столь благородно. Вот почему я хочу рассказать вам ее историю.

НОВЕЛЛА СОРОК ВТОРАЯ

Молодой принц влюбился в девушку, но, несмотря на то, что она происходила из совсем простой и бедной семьи, ему не удалось ничего от нее добиться и все старания его оказались тщетными. Поэтому, убедившись в том, что она добродетельна и чиста, принц оставил свои намерения и до конца жизни продолжал относиться к ней с большим уважением, оказал ей много всяких благодеяний и выдал замуж за одного из своих слуг.

В одном из лучших городов Турени жил некий сеньер, происходивший из богатого и знатного дома и получивший отличное воспитание. Достаточно сказать, что в его время никто не мог сравниться с ним в красоте, доблести и прочих достоинствах. Когда ему было пятнадцать лет, он увлекся охотой и верховой ездой и не обращал ни малейшего внимания на красивых женщин. И вот однажды, будучи в церкви, он увидел молодую девушку, которая воспитывалась в том самом замке, где он жил в детстве. Когда мать ее умерла, отец женился вторично, после чего она удалась в Пуату вместе со своим братом. У этой девушки, которую звали Франсуазой, была побочная сестра; отец очень ее любил и выдал замуж за кравчего, служившего у этого молодого принца, и она стала самой богатой и знатной из всей семьи. Умирая, отец оставил Франсуазе усадьбу, находившуюся близ этого города в Турени, и после его смерти она переехала туда. А так как ей было уже шестнадцать лет и ей приходилось думать о том, чтобы выйти замуж, она не захотела оставаться одна в доме и переехала жить к сестре, которая была замужем за кравчим. Когда молодой принц увидел эту девушку, которая была довольно красива для шатенки и манерами не походила на девушек своего круга — ибо ее скорее можно было бы принять за дворянку или за принцессу, чем за простую горожанку, — он стал к ней приглядываться. Он никого еще в жизни не любил, а тут почувствовал в сердце своем неизъяснимое волнение. И, вернувшись к себе домой, он стал расспрашивать о том, кто эта девушка, которую он увидел в церкви. А узнав, что та, когда была еще маленькой девочкой, приходила в замок играть с его сестрой в куклы, он напомнил о ней сестре, и та послала за Франсуазой и очень ласково ее приняла, прося навещать ее почаще. И девушка стала приходить к ним каждый раз, когда при дворе бывала какая-нибудь свадьба или другие торжества, и молодому принцу всегда бывало приятно ее видеть. И ему стало казаться, что он ее полю-

бил. А так как он знал, что она из простой семьи и бедна, он надеялся, что она ни в чем ему не откажет. Но не имея возможности поговорить с ней, он послал к ней одного из своих придворных, поручив передать ей все на словах. Она же, будучи девушкой скромной и богобоязненной, ответила, что не верит, чтобы такой красавец и человек столь благородной крови, как принц, мог прельститься дурнушкой. Она добавила, что в замке немало красивых женщин и ему незачем искать их среди горожанок, что скорее всего придворный придумал все это сам и господин его тут ни при чем. Когда молодому принцу передали ее ответ, Амур, который всегда ожесточается там, где ему больше всего противятся, еще сильнее разжег в нем страсть и сделал его настойчивее и упорнее. И принц написал девушке письмо, прося ее верить всему, что ей скажет посланный им придворный. Та умела читать и писать и поэтому прочла письмо с начала до конца, но, как придворный ни умолял ее ответить, отказалась наотрез и объяснила свой отказ тем, что ей, девушке столь низкого звания, не пристало писать благородному принцу, на словах же просила передать, что она не настолько глупа, чтобы поверить его признаниям в любви; если же он собирается воспользоваться ее бедностью и позабавиться с нею, он ошибается, потому что в душе она так же честна, как и самая знатная из принцесс всего христианского мира, и считает, что нет на свете сокровища, которое могло бы сравниться с честью и совестью. И она попросила его не мешать ей беречь это свое сокровище, сказав, что, даже если бы ей пришлось умереть, решение ее непреклонно. Молодому принцу ответ этот пришелся не по вкусу, но он продолжал все так же любить ее и не пропускал случая увидаться с нею в церкви, куда она приходила слушать мессу. И во время службы он то и дело обращал на нее взоры. Но как только девушка это заметила, она переменяла место в церкви и стала ходить молиться в другой придел. И не для того чтобы его не видеть,— ибо она достаточно разбиралась в том, что хорошо, и вид его не мог ей не быть приятен. Но она считала, что недостойна его настоящей любви и не может быть ему парой, и вместе с тем не хотела служить для него предметом забавы. И когда она заметила, что в каком бы уголке церкви она ни уединялась, принц непременно появлялся там же и по его приказанию служба шла именно там, она вообще перестала посещать эту церковь и стала ходить в другую, которая была дальше. А когда в замке праздновались свадьбы, она уже не присутствовала на них, несмотря на то, что сестра принца часто

ее приглашала, и отказывалась каждый раз, ссылаясь на нездоровье. Видя, что ему так и не удастся поговорить с нею, принц обратился к кравчему и обещал ему большую награду, если он поможет ему в этом деле, на что тот охотно согласился, стремясь угодить своему господину и рассчитывая получить обещанную мзду. И он стал каждый день докладывать принцу о том, что говорит и делает Франсуаза, и принц узнавал от него, что она всячески старается избежать встречи с ним. Но влюбленному так хотелось с ней объясниться, что он начал искать к этому пути. Он упражнялся в искусстве верховой езды, и вот однажды он велел вывести своих лучших коней на большую городскую площадь, прямо перед домом кравчего, где жила и Франсуаза. И, сделав верхом несколько пробегов и прыжков, которые она могла хорошо видеть, он упал с лошади в грязь и все так искусно разыграл, что не причинил себе никакого вреда. Но он все же стал жаловаться на боль и спросил, куда бы ему пойти, чтобы переодеться. Каждый старался пригласить его к себе, но кто-то заметил, что дом кравчего ближе всего и ему там будет всего удобнее. И тогда принц решил остановить свой выбор на этом доме. Его провели в хорошо убранную комнату, а так как вся его одежда была выпачкана в грязи, ему пришлось раздеться; и, оставшись в одной рубашке, он улегся в постель. Когда же он увидел, что все удалились, унеся с собою его одежду, и с ним остался только его придворный, он позвал к себе хозяев дома и спросил их, где находится Франсуаза. Найти ее было нелегко; едва только она увидела, что молодой принц зашел к ним в дом, она спряталась в каком-то укромном уголке. В конце концов ее сестра все-таки нашла ее и сказала ей, чтобы она не боялась, а вышла и поговорила с принцем, ибо тот человек и благородный и достойный.

— Что я слышу, сестрица,— вы, кого я почитаю за мать, вы советуете мне пойти поговорить с молодым сеньером, чьи намерения, как вы знаете, не составляют для меня тайны?

Но сестра принялась ее увещевать и заверила, что не оставит ее одну. И Франсуаза последовала за ней, такая бледная и грустная, что вид ее мог вызвать не страсть, а скорее жалость.

Когда принц увидел, что она подошла к его постели, он взял ее дрожащую холодную руку и сказал:

— Франсуаза, неужели я, во-вашему, такой жестокий, такой злобный человек, что мне достаточно взглянуть на женщину, чтобы сожрать ее заживо? Почему же вы так боитесь того, кто больше всего печется о вашей чести и

о вашем благе? Вы знаете, что я везде искал случая видеть вас и говорить с вами, но мне это никак не удавалось. Чтобы причинить мне огорчение, вы перестали бывать в тех местах, где я привык встречать вас за мессой, вы захотели, чтобы не только уста мои не могли ничего сказать вам, но и глаза мои лишились своей последней радости. Но все это ни к чему не привело — как и прежде, я добивался встречи с вами, и вы видите, каким способом я пробрался к вам в дом. Я чуть не сломал себе шею, я нарочно упал с лошади только для того, чтобы вкусить наслаждение от разговора с вами наедине. Поэтому прошу вас, Франсуаза, раз эта встреча досталась мне такою ценой, пусть она не будет напрасной и пусть моей великой любовью я завоюю и вашу.

Он долго ждал ее ответа — и, видя, что на глазах у нее появились слезы и она потупила взор, он притянул ее к себе и попытался обнять и поцеловать.

— Нет, ваша светлость, — решительно сказала она, — нет! Тому, чего вы хотите, не бывать, ибо пусть я даже всего лишь букашка в сравнении с вами, честь моя так мне дорога, что я готова лучше умереть, чем поступиться ею, какие бы улады мне это ни сулило. И от страха перед теми, кто видел, как вы пришли сюда, и кто догадывается, чего вы от меня хотите, я трепещу и дрожу. А раз уж вам было угодно оказать мне такую честь и говорить со мной, то не посетуйте на меня, если я отвечу вам так, как мне велит моя честь. Ваша светлость, я вовсе не так глупа и не так слепа, чтобы не видеть и не знать, каким красивым и каким обходительным господь создал вас, и чтобы не понимать, что та, которой достанется красота и любовь такого принца, будет счастливейшею из смертных. Но что мне до всех этих благ, если все это — не для меня и не для женщины моего положения, и было бы величайшим безумием, если бы я стала даже помышлять об этом? Что же заставляет вас обращаться ко мне? Должно быть, дамы вашего двора (которых вы, разумеется, любите, если вы вообще любите красоту и женскую прелесть) столь добродетельны, что вы даже не смеее ни о чем просить их, не надеясь получить то, что вы рассчитываете найти у меня, которая много ниже их по званию? И я уверена, что стоит вам добиться своего от такой, как я, вы будете лишние два часа потешаться потом с вашей возлюбленной, рассказывая ей о победах, которые вы так легко одержали над женской слабостью. Но да будет вам известно, ваша светлость, что я не принадлежу к числу таких женщин. Я воспитывалась у вас в доме, и там я поняла, что значит любить; отец мой и мать были вашими верными слу-

гами. Поэтому, коль скоро господь не сделал меня ни принцессой, которая могла бы выйти за вас замуж, ни ветреницей, которая могла бы стать вашей любовницей и подругой, не причисляйте меня к этим несчастным и знайте, что я почитаю вас за достойнейшего из принцев, какие только существуют на свете. А если для того чтобы вместе провести время, вам нужна женщина моего состояния, то у нас в городе вы найдете немало таких — и притом более красивых, чем я, — и вам не придется так долго их упрашивать. Поэтому остановите ваш выбор на такой из них, которой вы доставите удовольствие тем, что купите ее честь, и не терзайте ту, которая любит вас больше себя самой. Ведь если бы случилось так, что господь призвал бы сейчас к себе вас или меня, я почла бы за счастье отдать мою жизнь, чтобы спасти этим вашу. Не оттого ведь я сейчас и бегу от вас, что у меня нет к вам любви, а оттого, что любви этой слишком много и что мне дорога совесть моя и ваша. Ибо честь моя мне дороже, чем жизнь. И если вам будет угодно, ваша светлость, разрешите мне оставаться вашей верной служанкой, и я всю мою жизнь буду молить бога, чтобы он даровал вам здоровье и благополучие. Правда, честь, которую вы хотите мне оказать, способна заставить мужчин моего звания больше меня ценить, ибо теперь, после того как я увидела вас, разве мне захочется глядеть на кого-нибудь из них? И сердце мое станет отныне свободным — или, напротив, связанным тем, что я всегда буду молить за вас бога, ибо другого я ничего не могу для вас сделать.

Хоть девушка и говорила совсем не то, что хотелось услышать принцу, — внимая ее благородным речам, он не мог не преисполниться уважения к ней. Разговаривая с ней, он старался, как мог, убедить ее, что никогда не полюбит другой. Но девушка была настолько скромна, что никак не могла принять всерьез столь безрассудные речи. И хотя за это время принцу несколько раз докладывали о том, что одежда его принесена, ему было так хорошо, что он послал в замок сказать, что прилег уснуть, и стал собираться туда только к ужину, ибо не мог ослушаться своей матери, одной из добродетельнейших женщин на свете. Так он и покинул ни с чем дом кравчего, после этого еще больше уверившись в чистоте этой девушки. Принц не раз говорил о ней молодому придворному из своей свиты, на что тот в конце концов ответил, что деньгами можно добиться большего, чем любовью, и посоветовал ему предложить этой девушке порядочную сумму за то, чтобы она исполнила его желание. На руках у молодого принца было совсем немного денег —

только то, что ему давалось на развлечения, состояние же его хранилось у его матери. Однако он взял все, что имел при себе, и, заняв еще сколько-то, набрал пять экую, которые и послал любимой девушке с этим молодым придворным, прося ее изменить свое решение. Но едва только та увидела деньги, как сказала посланцу:

— Прошу вас, передайте вашему сеньеру, что хитрости во мне никакой нет, а сердце у меня мягкое, и если бы мне следовало повиноваться только ему, то красота и обходительность давно бы меня победили. Но коль скоро им не удалось сломить меня, никакие деньги на свете не могут это сделать. Поэтому верните их принцу и знайте, что ничем не заятнанная нищета для меня дороже любых сокровищ.

Видя, сколь она сурова и непреклонна, придворный решил, что надо поугагать ее, и стал грозить ей, говоря, что господин его могуществен и имеет большую власть. Тогда она засмеялась и сказала:

— Пугайте этим тех, кто его не знает, я-то ведь отлично понимаю, что он человек разумный и достойный и неспособен говорить подобные вещи. И я уверена, что он отречется от этих слов, когда их услышит. Но если бы даже все было так, как вы говорите,— никакая мука и даже сама смерть не заставят меня передумать, ибо, как я уже вам сказала, коль скоро любовь была бессильна склонить меня, никакие блага и никакие угрозы не заставят меня ни на шаг отступить от принятого решения.

Придворный, который обещал принцу, что добьется согласия девушки, с сожалением передал ему этот ее ответ и стал подговаривать своего господина во что бы то ни стало удовлетворить свои желания, говоря, что такому человеку, как он, должно быть стыдно не добиться взаимности у особы столь низкого звания.

Принц, который не хотел пускать в ход какие-либо иные средства, кроме тех, которые позволяет честь, и к тому же боясь, что, если поднимется шум и о попытке этой узнает его мать, он сильно прогневит ее, не решился ничего предпринять до тех пор, пока придворный не подсказал ему очень простое и, казалось бы, очень верное средство. Чтобы привести этот замысел в исполнение, он сказал о нем кравчему, и тот, готовый сделать что угодно, лишь бы услужить своему господину, попросил в один прекрасный день жену и свояченицу посетить его виноградник при домике, расположенном неподалеку от леса. Они обещали, что придут. Когда назначенный день настал, он дал знать об этом молодому принцу, который решил отправиться туда вдвоем со

своим придворным. И он велел оседлать мула так, чтобы никто об этом не знал и он мог поехать туда, как только будет нужно. Но господу было угодно, чтобы в этот самый день мать принца задумала по-новому со всем великолепием обставить одну из комнат замка, и дети ее должны были в этом ей помогать. И молодому принцу пришлось принять в этом участие, а между тем назначенный час уже настал. Кравчий отвез свояченицу в домик возле леса, посадив ее сзади себя на лошадь, жене же велел притвориться больной — и, когда они со свояченицей уже были в седле, та сказала, что ехать не может. Но условленный час миновал, а принц не приехал, — и, прождав его сколько-то времени, кравчий сказал Франсуазе:

— По-моему, нам можно уже вернуться в город.

— А почему же мы здесь так задержались? — спросила девушка.

— Потому что я ждал сюда принца, он обещал приехать, — отвечал кравчий.

Когда Франсуаза услышала об этом коварном сговоре, она сказала:

— Не ждите его, брат мой, я хорошо знаю, что сегодня он не приедет.

Кравчий поверил ее словам и отвез ее домой. А когда они вернулись, Франсуаза была вне себя от гнева и сказала зятю, что он, верно, состоит на службе у дьявола и делает больше, чем ему приказывают. Ибо теперь она уверена, что все это его собственная затея, равно как и придворного, а отнюдь не самого принца, и что, вместо того чтобы честно служить своему господину, он норовит только удовлетворять его прихоти, рассчитывая, что ему за это заплатят. А раз так, то с этого дня она больше не останется у него в доме. И она послала за своим братом, чтобы тот увез ее к себе, и сразу же уехала от сестры. После этой неудачи кравчий отправился в замок, чтобы узнать, почему молодой принц не явился в назначенный час. Но не успел он добраться до замка, как встретил самого принца, который ехал на муле вместе с придворным, посвященным во все его тайны.

— Она все еще там? — спросил принц.

И когда кравчий все ему рассказал, он очень огорчился тем, что попытка его не удалась; это ведь было последнее средство, и больше надеяться уже ни на что не приходилось. И, видя, что он ничего не может поделать с Франсуазой, принц все-таки стал снова разыскивать ее и в конце концов нашел в одном обществе, где она уже не могла от него скрыться. Он очень рассердился на нее за то, что она

была с ним так сурова и так неожиданно уехала от родных. Она же ответила, что для нее нельзя было сыскать более опасного и дурного места, чем этот дом, и что он должен быть премного обязан своему кравчему, если тот не только служит ему верой и правдой, но способен ради него поступиться и душою и совестью. Когда принц понял, что никакими средствами он от нее ничего не добьется, он решил прекратить свои домогательства и до конца дней продолжал относиться к ней с глубоким уважением. Один из слуг этого принца, видя, сколь целомудренна эта девушка, решил жениться на ней. Но она никак не соглашалась на этот брак, пока не испросила позволения принца, которого глубоко почитала, и дала это понять тому, кто добивался ее руки. И тогда с соизволения своего господина она вышла за этого слугу замуж и достойно прожила с ним до конца жизни. Принц же оказал ей впоследствии немало благодеяний.

— Что же нам на это сказать, благородные дамы? Неужели сами мы столь низки душою, что слуги наши оказываются выше нас,— ведь перед той, о которой я рассказала, бессильны были и любовь и страдание. Давайте же следовать ее примеру и победим самих себя, ибо это самая славная победа, какую мы можем одержать.

— Мне жаль только,— сказала Уазиль,— что эта добродетельная девушка не жила во времена римских историков, ибо те из них, которые так расхваливали свою Лукрецию, совсем бы позабыли о ней и стали бы описывать достоинства этой девушки.

— Достоинства эти действительно так велики, что мне трудно было бы в них поверить, если бы мы не поклялись говорить здесь одну только правду,— сказал Иркиан,— но тем не менее я не считаю, что девушка эта столь уж добродетельна, как вы ее изображаете. Вам ведь несомненно приходилось видеть людей больных, которые отказываются от вкусной и здоровой пищи, предпочитая ей дурную и вредную. Может быть, и у этой девушки был какой-нибудь друг из людей ее звания и она поэтому могла пренебречь самой высокой знатностью.

На это Парламанта ответила, что жизнь и смерть этой праведницы показывают, что она никогда не питала никаких чувств ни к кому, кроме того, кого любила превыше жизни, но все же меньше, чем свою честь.

— Выкиньте это из головы,— сказал Сафредан,— подумайте лучше, с чего начались все эти разговоры о женской

честь. Очень может быть, что женщины, которые столько об этом говорят, даже не представляют себе, откуда взялось это слово. Знайте же, что вначале, когда мужчины были не столь порочны, как ныне, любовь была такой простодушной и сильной, что не допускала никакого притворства и больше всего похвал доставалось на долю того, чья любовь более совершенна. Но когда жадность и грех опутали сердце и разум, они изгнали оттуда бога и любовь, и место их заняли себялюбие, лицемерие и притворство. И, так как многие дамы стыдятся выказать свою истинную любовь, а также оттого, что само слово *лицемерие* всем ненавистно, лицемерие стали называть *честью*. Вот почему и те дамы, в сердце которых не было места настоящей любви, стали говорить, что по-настоящему полюбить им запрещает честь. И они возвели эту честь в столь жестокий закон, что большинство их, те, которые действительно любят совершенной любовью, стали скрывать свое чувство и считать добродетель пороком. Но женщина здравомыслящая и благоразумная никогда не совершит подобной ошибки, ибо умеет отличить мрак от света и понимает, что настоящая честь заключается в любви и в том, чтобы сердце жило этой любовью, а не кичилось тем, что умеет ее скрывать,— то есть притворством своим, которое само по себе уже есть порок.

— Тем не менее принято говорить, что чем более скрыта любовь, тем большей она заслуживает похвалы,— сказал Дагусен.

— Да, скрыта от глаз тех, кто может плохо о ней подумать,— сказал Симонто,— но она должна быть явной и непреложной по крайней мере для тех двоих, кого соединяют ее узы.

— Разумеется, это так,— сказал Дагусен,— но лучше уж, когда один из них ничего не знает об этой любви, чем когда о ней проведает третий. Мне, например, кажется, что любовь этой девушки становилась еще сильнее оттого, что она ее скрывала.

— Что бы там ни было,— сказала Лонгарина,— следует уважать добродетель, а самая большая добродетель — в том, чтобы победить свое сердце. А так как девушке этой столько раз представлялся случай забыть и совесть и честь и она так достойно победила свое чувство, свое желание и того, кого она любила больше самой себя, при всех тех трудных обстоятельствах, в которых она находилась,— ее поистине можно назвать женщиной сильной. А раз вы считаете, что степень добродетели определяется умерщвлением желаний, я должна сказать, что принц этот заслужи-

вает большей похвалы, чем она,— ведь как он ее любил! И притом он был могуществен, случай ему благоприятствовал и в его руках были все средства. И он, однако, не захотел нарушить закон настоящей любви, который равняет принца и нищего, а прибег лишь к таким средствам, которые ему позволяла честь.

— Многие на его месте так бы не поступили,— заметил Иركان.

— Он тем более заслуживает уважения,— сказала Лонгарина,— что победил свойственный всем людям порок, ибо поистине счастлив тот, кто может сотворить зло и кто его не сотворяет.

— Вы мне напомнили сейчас об одной женщине,— сказал Жебюрон,— которая, ради того чтобы не упасть во мнении людей, готова была оскорбить и бога, и любовь свою, и честь.

— Пожалуйста, расскажите нам эту историю,— попросила Парламанта,— я передаю вам слово.

— Есть на свете люди,— сказал Жебюрон,— для которых не существует бога,— или, даже если они и верят в него, они считают, что он где-то так далеко от них, что все равно не может ни увидеть, ни услышать того зла, которое они творят. И даже когда сами они видят свои грехи, они уверены, что бог не станет обращать на них внимания и наказывать их, ибо ему нет дела до всего земного. Такого же мнения была и одна дама, имя которой, из уважения к ее роду, я не стану оглашать и назову ее Жамбика. Она часто говорила, что счастлива и права перед богом та женщина, которая умеет сохранить свою честь перед людьми. Но вы увидите, благородные дамы, что ни благоразумие, ни лицемерие не спасли ее от того, что тайна ее была открыта, как и будет явствовать из этой истории, где все предстанет перед вами так, как это было, и только имена людей и название местности будут заменены другими.

НОВЕЛЛА СОРОК ТРЕТЬЯ

Жамбика, для которой мнение общества значило больше, чем собственная совесть, хотела казаться людям не тем, чем была на самом деле. И вот ее друг и кавалер с помощью кусочка мела разоблачил перед всеми лицемерие, которое она так тщательно старалась скрыть.

В одном роскошном замке жила владетельная принцесса, пользовавшаяся большой властью. В числе ее придворных дам была некая Жамбика, особа очень решительная и су-

мевшая так опутать хитростями свою госпожу, что та во всем слушалась ее совета, считая ее самой умной и добродетельной женщиной своего времени. Жамбика до такой степени осуждала безумства любви, что достаточно ей было увидеть, что какой-нибудь дворянин влюбился в одну из ее подруг, как она сурово отчитывала обоих и так дурно о них говорила принцессе, что нередко потом та сама пеняла влюбленным; из-за этого все боялись Жамбики и не любили ее. Сама же она, когда ей приходилось разговаривать с мужчинами, вела себя высокомерно и заносчиво, так что прослыла даже заклятым врагом всякой любви, хотя в действительности дело обстояло совсем иначе. На службе у принцессы находился некий дворянин. Жамбика была влюблена в него до безумия. И только честолюбие и гордость заставляли ее скрывать от всех свою любовь. Но после того, как она таила страсть в себе целый год и не ведала того облегчения, которое испытывают влюбленные, обменявшись взглядом или словом, чувство это так разгорелось в ее сердце, что она стала искать последнего исцеления. И в конце концов она решила, что лучше уж удовлетворить эту страсть так, чтобы об этом знал один господь, чем рассказывать о своей любви кому-то другому, чтобы тот разболтал потом ее тайну.

И вот однажды, находясь в комнате своей госпожи, Жамбика вышла на террасу и вдруг увидела, что тот, кого она любит, прогуливается по саду. И она не сводила с него глаза весь вечер — до тех пор, пока не стало совсем темно и едва можно было что-либо разглядеть, а потом позвала своего маленького пажа и, показав ему молодого дворянина, сказала:

— Видишь ты этого сеньера в алой шелковой куртке и плаще, отороченном рысьим мехом? Поди скажи ему, что один из его друзей хочет поговорить с ним в садовой галерее.

И, когда паж ушел, она прошла через гардеробную своей госпожи и направилась в эту галерею, надвинув на лоб чепец и надев полумаску. Как только молодой дворянин приблизился к ней, она тут же заперла обе двери, которые вели в галерею, и, не снимая полумаски, принялась целовать его, шепча:

— Желанный мой, я давно уже люблю вас и все время искала случая и места, чтобы вас увидеть, но я так долго боялась за свою честь, что страх этот заставил меня против воли скрывать мое чувство. И вот в конце концов сила любви победила страх; я знаю, сколь вы благородны, и если вы обещаете любить меня, и никогда никому не рассказывать

о наших встречах, и не допытываться, кто я такая,— заверяю вас, что буду вам верной и неизменной подругой и никогда, кроме вас, никого не буду любить. Но мне легче умереть, чем назвать себя.

Дворянин обещал ей исполнить все, о чем она просит. Тогда она с готовностью согласилась на все, о чем просил он, и ни в чем ему не отказала. Это было зимою, между пятью и шестью часами вечера, когда становится уже совершенно темно. Коснувшись ее платья, он почувствовал, что это бархат, а в то время бархат каждый день носили только самые знатные дамы. А запустив под платье руку, он нашел, что, насколько можно судить на ощупь, все в ней было таким, каким и должно было быть по части форм и мягкости тела. И он постарался сделать все, чтобы убажить ее. Она же со своей стороны от него не отставала. И дворянин мог узнать, что женщина эта замужем.

Она хотела сразу же вернуться туда, откуда пришла, но дворянин сказал ей:

— Я глубоко ценю то счастье, которое я ничем не заслужил, но мне еще дороже будет то, которое вы станете дарить мне тогда, когда я сам буду его добиваться. Я так счастлив, что молю вас сказать мне, могу ли я надеяться, что вы меня осчастливите еще раз, и где и когда мы встретимся. Я ведь не знаю, кто вы и что я должен делать, чтобы свидеться с вами снова.

— Не заботьтесь об этом,— ответила дама,— но будьте уверены, что по вечерам, перед тем как госпожа моя сядет за ужин, я буду посылать за вами, приходите только к этому часу сюда, на террасу, куда вы пришли сегодня. А посылать за вами я буду каждый раз, для того чтобы вы не забыли о своем обещании. Это будет означать, что я жду вас в галерее. Но если вы услышите, что все собираются идти ужинать, вы должны будете понять, что вам следует удалиться совсем или перейти в покои принцессы. Только паче всего молю вас, во имя нашей любви,— не пытайтесь узнать, кто я такая.

На том они и простились. И после этого встречались там еще много раз, но дворянину так и не удавалось проведать, кто же такая его возлюбленная. Пускаясь в разные догадки, он старался представить себе, кто бы это мог быть. Ему не могло прийти в голову, что это светская дама, которая не хочет быть узнанной и скрывает свою любовь. И он стал думать, что это просто плутовка и какой-нибудь глупый проповедник внушил ей, что такой, как она, стоит только показать свое лицо, как ее сейчас же разлюбят. Его

стало разбирать сомнение, и он решил узнать, кто же дарит его такими ласками. И вот однажды, когда незнакомка его позвала, он захватил с собой кусочек мела и, обнимая ее, незаметно сделал ей на плече знак. А едва только она ушла, молодой дворянин кинулся в комнату принцессы и постарался стать там у двери, чтобы видеть спины входивших туда дам. Вместе со всеми остальными вошла туда и Жамбика и так гордо посмотрела вокруг, что сначала он даже не решился взглянуть на ее спину, будучи совершенно уверен, что это никак не может быть она. Но едва только она повернулась к нему спиной, как он заметил меловую черту у нее на платье и был так поражен, что не верил своим глазам. И когда он внимательно к ней присмотрелся, он и по росту ее, и по лицу, которое он знал хорошо на ощупь, убедился, что это действительно она. И ему было очень лестно видеть, что женщина, у которой, должно быть, никогда не было кавалеров и которая отказала стольким благородным дворянам, остановила свой выбор на нем. Но бог любви, который не выносит постоянства, очень скоро нарушил его покой. Он вселил в этого молодого дворянина столько самоуверенности и надежд, что тому захотелось признаться в своем чувстве открыто, ибо он решил, что когда его возлюбленная о нем узнает, они еще больше полюбят друг друга. И вот однажды, когда принцесса была в саду, Жамбика гуляла по соседней аллее. Видя, что она одна, молодой дворянин приблизился к ней, решив с ней поговорить, и, притворившись, что не узнает ее, сказал:

— Сударыня, в сердце моем давно уже теплится любовь к вам, и я не смел признаться вам в ней, потому что боялся, что вы будете недовольны. Но мне сейчас до того тяжело, что если я буду таить это чувство долго, я погиб. Я ведь люблю вас так, как не может любить никто на свете.

Жамбика не дала ему договорить и в гневе воскликнула:

— А вы что, видали когда-нибудь или слышали, чтобы у меня был кавалер или друг? Этого никогда не было, и меня удивляет, откуда в вас берется столько наглости, чтобы говорить подобные вещи порядочной женщине. Вы ведь достаточно волочились за мной, чтобы убедиться, что я никогда не буду любить никого, кроме моего мужа. Поэтому не смейте больше мне это говорить.

Видя, сколь искусно она притворяется, молодой дворянин не мог удержаться от смеха и сказал ей:

— Сударыня, вы ведь не всегда были так суровы со мной, как сегодня. Для чего же вы притворяетесь! Не лучше разве, если любовь наша будет высокой и совершенной?

— У меня нет к вам никакой любви, ни высокой, ни низкой,—ответила Жамбика,—не больше, чем ко всем остальным придворным господам моей принцессы, но если вы будете продолжать подобные речи, я начну питать к вам такую ненависть, что вам придется плохо.

Дворянин продолжал, однако, настаивать и сказал:

— А вспомните, как вы были ласковы со мной, когда я не мог видеть ваше лицо. Почему же вы сейчас лишаете меня этой ласки, когда при свете дня я вижу красоту вашу и всю вашу несравненную прелесть?

Жамбика перекрестилась большим крестом и сказала:

— Или вы совсем с ума сошли, или вы самый заядлый лжец; сколько я живу на свете, у меня никогда и в мыслях не было быть с вами ласковее или суровее, чем сейчас. Ответьте мне, что все это значит?

Тогда несчастный дворянин, решив, что этим он больше расположит ее к себе, напомнил ей, где и когда они встречались, и сказал об отметке мелом, которую он сделал, чтобы ее узнать. Услыхав это, Жамбика пришла в такую ярость, что назвала его отъявленным негодяем и сказала, что он возвел на нее такую клевету, что она заставит его раскаяться в своем поступке. Молодой дворянин знал, каким влиянием она пользуется у принцессы, и постарался успокоить ее, но ничего не мог с ней поделать. Разъяренная, она ушла от него и отправилась прямо к принцессе, которая тут же отпустила всех своих дам, чтобы поговорить наедине с Жамбикой, ибо любила ее больше, чем себя самое. И, видя, что она вне себя от гнева, принцесса спросила ее, что случилось. Жамбика передала ей в точности все, что ей говорил дворянин, и последнему действительно пришлось плохо: в тот же вечер принцесса приказала ему немедленно, никому ничего не говоря, покинуть двор, вернуться домой и оставаться там до тех пор, пока за ним не пришлют. Несчастный, боясь худшего, поспешил исполнить ее приказание. И до тех пор, пока Жамбика оставалась в свите принцессы, дворянин этот не возвращался ко двору и никогда ничего не услышал о той, которая предупредила его, что, начав узнавать о ней, он ее потеряет.

— Из этой истории, благородные дамы, явствует, что та, для которой мнение людей значило больше, чем собственная совесть, потеряла и то и другое, ибо то, что она хотела скрыть от глаз своего возлюбленного, в конце концов открылось всем, и, стараясь избежать насмешек одного, она

стала посмешищем в глазах всех придворных. К тому же поступок ее нельзя извинить простодушием или наивностью, которые в каждом человеке способны лишь вызвать жалость. Напротив, она вдвойне виновата в том, что коварство свое прикрыла двойным покрывалом чести и славы и хотела казаться перед богом и перед людьми не тем, чем была на самом деле. Однако тот, чья слава не может стать достоянием человека, отдернул этот покров и этим вдвойне ее посрамил.

— Действительно, она совершила низость, которую нельзя простить,— сказала Узиль,— ибо кто же может взять эту женщину под защиту, если против нее и господь, и ее честь, и даже сама любовь?

— Защитники у нее найдутся,— сказал Иركان,— это прежде всего наслаждение и безумство, самые ярые адвокаты дам.

— Если бы у нас не было еще и других адвокатов, кроме этих,— сказала Парламанта,— дело наше трудно было бы выиграть. Но те, над кем наслаждение одерживает верх, не заслуживают того, чтобы их называли женщинами, им больше пристало быть мужчинами,— там ведь и ярость и вожделение только прибавляют чести. Мужчина, который мстит своему врагу и убивает его, тем самым изобличает его во лжи, а сам выигрывает от этого во мнении общества. То же самое бывает и тогда, когда кроме своей жены он любит еще дюжину женщин. Но женская честь зиждется совсем на другом: на кротости, терпении и целомудрии.

— Вы говорите о женщинах скромных? — спросил Иركان.

— Да, потому что никаких других я не хочу знать,— ответила Парламанта.

— Если бы не было женщин сумасбродных,— сказала Номерфида,— мужчинам, которые хотят, чтобы им верили, очень уж часто приходилось бы лгать!

— Прошу вас, Номерфида,— сказал Жебюрон,— возьмите слово и, рассказывая о безумствах людей, которые действительно были, не забывайте, что вы все-таки женщина.

— Раз добродетель меня к этому понуждает и вы мне предоставляете слово,— ответила Номерфида,— я расскажу вам все, что знаю. Никто из здесь присутствующих в своих рассказах не щадил францисканцев. А так как мне жаль их, я решила, что в истории, которую я вам расскажу, я буду говорить о них только хорошее.

НОВЕЛЛА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ

За то, что францисканец не скрыл от него правду, господин де Седан подарил ему двойную милостыню, так что тот получил двух поросят вместо одного.

В дом к Седанам пришел однажды монах попросить у госпожи де Седан, происходившей из рода Круи, поросенка, ибо было заведено, что монастырь каждый год получал от нее в виде милостыни по одному поросенку. Господин де Седан, будучи человеком умным и обходительным, усадил святого отца с собою за стол и во время беседы сказал ему, чтобы вывести его на свежую воду:

— Святой отец, хорошо вам ходить да собирать подаяние, покуда никто вас не знает, но я боюсь, что, как только проведуют о вашем лицемерии, вам перестанут отдавать хлеб несчастных детей, который отцам их приходится зарабатывать в поте лица.

Монаха, однако, слова эти нисколько не удивили, и он ответил:

— Сеньер, орден наш зиждется на такой прочной основе, что, до тех пор пока мир остается таким, каков он сейчас, останется и он: знайте, что, покуда на земле есть мужчины и женщины, братии нашей ничто не грозит.

Желая выпытать у него, что это за прочная основа, господин де Седан настойчиво стал его спрашивать. Тогда после долгих извинений монах сказал:

— Раз вы на этом настаиваете, извольте, я скажу: знайте, сеньер, что мы пробавляемся глупостью женщин. До тех пор, пока на свете есть сумасбродные или глупые женщины, с голоду мы не умрем.

Госпожа де Седан, которая была очень горячего нрава, до такой степени рассердилась, что, если бы рядом не было ее мужа, она непременно выместила бы свое негодование на монахе; после этого она твердо решила, что тот не получит обещанного поросенка. Но господин де Седан, видя, что францисканец не утаил от него правды, заверил его, что вместо одного поросенка он получит теперь двух, и сам послал поросят в монастырь.

— Вот, благородные дамы, как францисканец, уверенный в том, что женщины будут всегда к нему добры, нашел способ снискать милость и расположение мужчин: если бы он оказался притворщиком и льстецом, дамам это было бы

еще приятнее, но это не было бы выгодно ни ему, ни его братии.

Не успела Номерфида кончить, как вся компания стала смеяться, и больше всех смеялись те, кто знал сеньера де Седана и его жену.

— Выходит, что монахам, которые проповедуют, вовсе незачем добиваться, чтобы женщины поумнели,— сказал Иркиан,— женская глупость им только на пользу.

— Францисканцы вовсе и не стараются, чтобы женщины поумнели,— сказала Парламанта,— они только хотят, чтобы они считали себя умными,— ведь от женщин суетных и безумных им не видать больших подаяний; те же, которые посещают их монастыри, перебирают четки с изображением черепа и ниже всех надвигают чепцы, считают себя самыми умными и добродетельными, в то время как в действительности они-то и безумны. Ибо залог своего спасения они видят в том, что верят в святость этих нечестивцев, которые кажутся им чуть ли не полубогами.

— Но кто же откажется им верить,— возразила Эннасюита,— ведь прелаты наши назначают их, чтобы проповедовать нам Евангелие и отпускать грехи?

— Да прежде всего те,— ответила Парламанта,— кто убедился в их лицемерии и кто знает разницу между учением бога и учением дьявола.

— Господи Иисусе! — воскликнула Эннасюита.— Неужели вы думаете, что эти люди осмелятся проповедовать что-нибудь дурное?

— Не только думаю,— сказала Парламанта,— но я убеждена, что они не очень-то верят Евангелию. Я разумею дурных, потому что я знаю немало людей добрых, которые бесхитростно и с чистотой душевной проповедуют Священное писание и сами живут так, как должно, без непотребства, без тщеславия, без вожделения, в целомудрии, и праведность их — неподдельная и непритворная. Но этих далеко не так много, как первых, которых хоть отбавляй, а ведь по яблокам судят и о яблоне.

— Право же,— сказала Эннасюита,— я считала, что мы совершим смертный грех, если не будем считать истинным все, что они проповедуют с церковной кафедры, повторяя нам то, что содержится в Священном писании, и приводя слова отцов церкви, коим господь вложил их в уста.

— Что до меня,— сказала Парламанта,— то я не могу, разумеется, не знать, что среди них встречаются очень дурные; я, например, знаю, что один из них, доктор богословия, по имени Колиман, известный проповедник и один из

главных людей в их ордене, пытался убедить своих братьев, что Евангелию следует верить не больше, чем «Запискам» Цезаря или другим писаниям людей ученых. И едва только я услышала, что он говорит, как я потеряла к нему доверие, ибо слова его расходятся со словами господина, которые суть настоящий пробный камень, помогающий отличить истину ото лжи.

— Поверьте, что те, что в смирении непрестанно читают слово божие, никогда не будут соблазнены никаким хитросплетением и выдумкой, идущими от человека. Ибо тот, чей разум исполнен истины, не примет никакой лжи,— сказала Уазиль.

— Мне все же думается,— вмешался Симонто,— женщину простодушную обмануть легче, чем какую другую.

— Разумеется,— сказала Лонгарина,— если вы считаете, что простодушие — то же самое, что глупость.

— Уверю вас,— повторил Симонто,— что женщину добрую, кроткую и простодушную обмануть легче, чем лукавую и хитрую.

— Мне кажется,— сказала Номерфида,— что вы знаете женщину, оказавшуюся чересчур доброй, и поэтому я передаю вам слово, чтобы вы нам рассказали о ней.

— Что же, раз вы угадали мое намерение,— сказал Симонто,— я готов рассказать вам эту историю, но только сначала обещайте мне, что не будете плакать. Тем мужчинам, которые утверждают, что женское коварство страшнее мужского, полезно будет поразмыслить над этим примером, ибо я собираюсь рассказать вам не только о великом коварстве мужа, но о простодушии и доброте жены.

НОВЕЛЛА СОРОК ПЯТАЯ

По просьбе жены обойщик наказал свою служанку, которая ему приглянулась, и сделал это так, что она получила от него то, на что, кроме жены, ни одна женщина не имела права. Жена же была настолько простодушна, что не поверила, что муж ее обманывает, несмотря на то, что соседка ей сообщила об этом.

В городе Туре проживал обойщик, служивший у покойного герцога Орлеанского, сына Франциска Первого, человек неглупый и в своем деле очень искусный. И хоть он после болезни и оглох, на ум его это не повлияло, и никто не мог с ним сравняться ни в его ремесле, ни во всем

остальном. Вы сами увидите, с каким искусством он вышел из трудного положения. Женился он на весьма достойной женщине, с которой жил в мире и дружбе. Он очень боялся ей не угодить, она же, в свою очередь, больше всего старалась во всем его слушаться. Но, как он ни любил жену, он был до того жалостлив, что нередко раздавал соседкам то, что по праву принадлежало ей одной,— ухитряясь, правда, делать это совсем незаметно. В доме их жила одна очень дородная служанка, в которую обойщик влюбился. Однако, опасаясь, как бы об этом не проведала его жена, он нередко делал вид, что недоволен ею, и всячески поносил ее, говоря, что такой ленивой девки он сроду не видывал, да и не удивительно, что она такая, ведь за все время хозяйка ее ни разу еще не отколотила. И вот однажды, когда приближался День избения младенцев и они заговорили об этом, обойщик сказал жене:

— Непременно надо проучить эту ленивицу, но только ты для этого не годишься, в руках у тебя нет силы, а в сердце слишком много жалости. А вот если я этим займусь, то, увидишь, она исправится и будет работать лучше.

Бедная женщина, которая была далека от мысли в чем-нибудь его заподозрить, попросила, чтобы он сам наказал служанку, признавшись, что она действительно слишком для этого слаба и что ей будет ее жалко. Муж охотно взялся учинить эту расправу и, приняв суровый вид, послал купить розги, причем велел выбрать самые тонкие, какие только продавались. А для того, чтобы показать, что он действительно беспощаден, велел смочить эти розги в расоле, так что его бедная жена преисполнилась жалости к служанке: ей и в голову не могло прийти в чем-нибудь заподозрить мужа. Когда настал День избения младенцев, обойщик встал пораньше и поднялся наверх в комнату служанки, где та была одна. И там он действительно устроил ей «избиение», но совсем не такое, о котором помышляла жена. Служанка расплакалась, но он не обратил внимания на ее слезы. И, опасаясь, как бы не пришла жена, он стал хлестать розгами деревянную кровать — и с такою силой, что переломал все прутья, а обломки принес жене и сказал:

— Ну, душа моя, эта негодница долго теперь будет помнить День избения младенцев.

Когда обойщик ушел из дома, несчастная служанка кинулась на колени перед своей госпожой и стала говорить, что ее муж нехорошо с нею поступил. Но та, решив, что она жалуется на то, что ее высекли — ибо не сомневалась, что это действительно было так, — оборвала ее на полуслове:

— Муж мой правильно сделал, вот уже больше месяца, как я его об этом просила. И если тебе было больно, то я этому только рада, вини в этом меня, да к тому же он еще мало тебя проучил.

Служанка, видя, что хозяйка ее одобряет поведение мужа, решила, что, может быть, это не такой уж великий грех, как ей казалось, раз делается по наущению той, кого она считала образцом добродетели. И она об этом больше не заикнулась. Обойщик же, видя, что жене его столь же приятно быть обманутой, как ему — обманывать, решил почаще доставлять ей это удовольствие и так хорошо потрафлял этой девушке, что теперь, после «избиения младенцев», она уже больше не плакала. Так это тянулось долго, и жена ничего не замечала, а потом снова настала зима и выпало много снега. В летнее время обойщик устраивал «избиение младенцев» у себя в саду на траве, теперь же решил все это учинить на снегу. И однажды утром, пока весь дом еще спал, он вывел служанку в сад в одной рубашке, чтобы распясть ее на снегу, и после того как они вволю покатались по снегу, они стали играть и в «избиение младенцев». Это заметила одна из соседок, которая в это время подошла к окну, чтобы посмотреть, какая погода. Увидав сие непотребство, она так возмущилась, что решила все рассказать своей приятельнице, дабы ее нечестивцу супругу впредь было неповадно ее обманывать и дабы она больше не держала у себя в доме такую поганую девку. Насладившись игрою, обойщик огляделся вокруг, чтобы удостовериться, что их никто не заметил. Каковы же были досада его и смущение, когда в окне он увидел соседку. Но человек этот, умевший придавать любой материи нужный ему цвет, решил, что и тут сумеет придать всему такой вид, что соседка попадетя на его обман, так же как попалась жена. Он поспешно пошел домой и улегся в постель, а потом сразу же поднялся и поднял жену и вывел ее в сад в одной рубашке, как перед этим выводил служанку. И долго забавлялся с нею, как перед этим забавлялся с той, а потом учинил и над ней «избиение младенцев», после чего оба снова улеглись спать. Когда наутро добрая женщина отправилась в церковь, соседка ее, бывшая с ней в большой дружбе, сидела уже там и, ничего ей не объясняя, очень настойчиво стала упрашивать ее прогнать служанку, говоря, что это дрянная и опасная девка. Но женщина эта решила сначала узнать, почему соседка ее стала так плохо думать об этой девушке. И в конце концов та рассказала ей, что видела служан-

ку утром в саду вместе с ее мужем. Жена только расхохоталась и воскликнула:

— Эх, кумушка, дорогая моя, да ведь это же была я.

— Как так ты? Она была в одной рубашке, и это было утром, часов около пяти.

— Клянусь тебе, дорогая, это была я,— ответила ей кума.

— Но они катались в снегу,— продолжала соседка,— а потом хватали друг друга за грудь, потом за другие места и так друг друга ласкали.

— Да, да, кумушка, это была я.

— Послушай, дорогая, но ведь я же видела, как потом на снегу они делали то, что, по-моему, и некрасиво и непотребно.

— Кумушка,— сказала ее подруга,— я же сказала тебе и говорю еще раз, что это была я, это я делала все, что ты говоришь, мы с муженьком моим развлекаемся иногда такой игрой. Уж будь добра, не сердись на это, ты же ведь знаешь, что мужей надо ублажать.

И добрая женщина ушла еще более довольная, что у нее такой муж, чем она была до разговора с соседкой. А когда обойщик вернулся к жене, она передала ему все, что о нем рассказала соседка.

— Ну вот видишь, милая,— ответил обойщик,— если бы ты не была женщиной порядочной и такой умницей, мы бы уже давно должны были расстаться. Но я надеюсь, что господь поможет нам и впредь жить в дружбе — во славу ему и на радость нам.

— Аминь, друг мой,— сказала жена,— я тоже надеюсь, что тебе на меня никогда не придется жаловаться.

— Благородные дамы, тот, кто после этого правдивого рассказа будет все же думать, что женщины хитрее мужчин, разумеется, впадет в ошибку, хоть, правды ради и чтобы быть справедливым и к мужу, и к жене, следует сказать, что один не лучше другой.

— Обойщик этот был отъявленным подлецом,— сказала Парламента,— он обманывал и служанку, и жену.

— Вы, значит, плохо слушали эту историю,— возразил Ирган,— было же ясно сказано, что он в то же самое утро ублажил обеих, а это, по-моему, свидетельствует о крепости его духа и тела; он сумел сказать и сделать нечто такое, чем обе враждующие стороны были довольны.

— Это самое худое,— продолжала Парламента,— воспользоваться простодушием одной, чтобы ей солгать, и

порочностью другой, чтобы совершить с нею грех. Но, разумеется, если бы он попал в руки такого судьи, как вы, его бы оправдали.

— Уверяю вас,— ответил Иркан,— что я никогда не возьмусь за столь большую и трудную задачу, но мне достаточно того, что вы мной довольны, я уже знаю, что не даром потратил время.

— Если сердце не находит удовлетворения во взаимной любви,— сказала Парламента,— ничто другое его уже не удовлетворит.

— В самом деле, я думаю, что на свете нет более тяжелой муки, чем любить и не быть любимым,— заметил Симонто.

— Чтобы быть любимым,— сказала Парламента,— надо устремляться к тем, кто любит. Но часто больше всего любят именно тех женщин, которые сами не хотят ответить взаимностью, а те, кто наименее любимы, сами любят всего сильнее.

— Вы мне напомнили об одной истории, но я считала, что она не стоит того, чтобы здесь ее рассказывать,— сказала Уазиль.

— Нет, пожалуйста, расскажите нам ее,— попросил Симонто.

— Ну хорошо,— согласилась Уазиль.

НОВЕЛЛА СОРОК ШЕСТАЯ

Францисканец де Вале, приглашенный к обеду в дом ангулемского судьи, заметил, что жена судьи, в которую он был влюблен, поднялась на чердак, и, рассчитывая застать ее там одну, последовал туда за нею. Но она так пихнула монаха ногой в живот, что тот свалился с чердака вниз и сразу же убежал из города и укрылся в доме одной знатной дамы, у которой францисканцы были в большой чести. По глупости своей, считая монахов этого ордена лучшими, чем они были на самом деле, она поручила ему направить на путь истинный свою дочь. Монах обещал матери, что излечит девушку от лести, но вместо этого учинил над нею насилие.

В городе Ангулеме, где часто пребывал граф Карл, отец короля Франциска, жил некий францисканец по имени де Вале, которого почитали человеком ученым и хорошим проповедником. Как-то раз, в рождественский пост, когда он проповедовал в городе, проповедь его слушал даже сам граф.

Слух об этом разнесся всюду, и те, кто его знал, стали приглашать монаха на обед. И среди прочих был судья этого графства, женатый на одной красивой и достойной женщине, в которую монах этот был без памяти влюблен, не решаясь, однако, ей это сказать. Она же заметила это и сильно над ним посмеивалась. После того как монах несколько раз безуспешно пытался склонить ее к взаимности, он однажды увидел, что она поднимается на чердак, и, решив захватить ее там одну, поднялся туда вслед за нею. Но, услышав шум, женщина обернулась и спросила его, куда он идет.

— Я иду за вами,— ответил он,— чтобы сказать вам кое-что по секрету.

— Не трудитесь, святой отец,— сказала жена судьи,— я вовсе не намерена разговаривать по секрету с такими людьми, как вы, и если вы сделаете еще шаг, вы потом в этом раскаетесь.

Видя, что она одна, монах не обратил внимания на ее слова и стал поспешно подниматься по лестнице. Но хозяйка дома оказалась женщиной сообразительной и в ту минуту, когда он уже поднялся до самого верха, пихнула его ногой в живот и, крикнув: «Проваливайте отсюда, господин де Вале!» — столкнула его с лестницы. Бедный монах был до того пристыжен, что, упав, даже не почувствовал боли и постарался поскорее убраться из города, так как боялся, что она расскажет обо всем мужу. Она действительно рассказала о его проделке — и не только мужу, но также графу и графине, после чего монах уже не решался показаться им на глаза. Но дурных мыслей своих он не оставил и отправился к некой даме, которая была особенно расположена к францисканцам. После того как он произнес перед нею целую проповедь — а быть может, даже и не одну,— он обратил внимание на ее дочь, которая была очень хороша собою. А так как по утрам девушка эта ленилась вставать пораньше, чтобы слушать его проповеди, монах не раз ей за это пенял в присутствии матери, и та сказала:

— Святой отец, дал бы господь, чтобы ей досталось хоть немного испробовать плетки, которой вы, монахи, бичуете себя!

Францисканец поклялся ей, что, если дочь ее будет по-прежнему так лениться, он сумеет отучить ее от лени. Мать очень его об этом просила. Спустя два дня святой отец вошел в комнату этой женщины и, не видя ее дочери, спросил, где она.

— Должно быть, еще не вставала,— ответила мать,— нисколько она, видно, вас не боится.

— Разумеется, это очень худо, когда молодая девушка ленится,— сказал монах.— Мало кто обращает внимание на этот порок, но я считаю, что лень — это один из самых опасных грехов, она губит и тело, и душу. Поэтому вам следует наказывать свою дочь, чтобы она исправилась,— и, если вы мне это поручите, я отучу ее лежать в постели в часы, когда надо молиться богу.

Бедная женщина, считавшая монаха человеком праведной жизни, попросила его заняться исправлением дочери; он тотчас же приступил к делу и, поднявшись по маленькой деревянной лесенке в комнату девушки, нашел ее там одну; она крепко спала. И, не разбудив ее, он набросился на нее. Проснувшись, несчастная не могла понять, человек это или дьявол, и принялась громко кричать, зовя мать на помощь, но та, стоя на нижней ступеньке лестницы, крикнула монаху:

— Нечего ее жалеть, святой отец, продолжайте ваше дело и проучите как следует эту дрянную девчонку.

После того как монах привел свой злой умысел в исполнение, весь раскрасневшись, он сошел вниз, где ждала его мать, и сказал:

— Мне думается, сударыня, что дочь ваша будет долго помнить мою плетку.

Мать горячо его за все поблагодарила, после чего поднялась в комнату к дочери. А та была в такой горе, в каком бывает всякая порядочная девушка, над которой учиняют насилие. И как только мать узнала всю правду, она стала повсюду разыскивать монаха, но он уже был далеко, во Франции о нем никто не слышал.

— Вы видите, благородные дамы, сколь опасно бывает возлагать подобные поручения на людей, которые могут употребить их во зло. Исправлять мужчин должны мужчины, а женщин — женщины. Если женщины примутся исправлять мужчин, им помешает жалость; мужчинам же, взявшимся за исправление женщин,— их жестокость.

— Господи Иисусе,— воскликнула Парламента,— до чего же коварен и подл этот монах!

— Скажите уж лучше,— возразил Ирман,— что мать этой девушки была сумасшедшей и глупой, если она не мог-

ла распознать лицемерие и дала такую волю у себя в доме тем, кого следует видеть только в церкви.

— Право же,— сказала Парламента,— я считаю ее действительно одной из самых глупых матерей, какие были на свете. Если бы у нее нашлось столько ума, сколько было у жены судьи, она бы скорее сама сбросила его с лестницы, чем допустила, чтобы он по этой лестнице поднялся. Но что вы хотите? Из всех дьяволов самый опасный тот, который является в образе ангела. Он так хорошо умеет превратиться в Посланца Света, что люди совестятся в чем-нибудь его заподозрить. А ведь те, в ком нет подозрительности, достойны всяческой похвалы.

— А все-таки надо уметь вовремя заподозрить зло, дабы его избежать,— сказала Уазиль,— в особенности же это надо помнить тем, кому есть о ком позаботиться. Ибо лучше заподозрить зло, которого на самом деле нет, чем по глупости своей попасть впросак. И мне никогда не приходилось встречать женщины, которая бы оказалась обманутой из-за того, что она не сразу поверила словам мужчины; зато я знала многих, которые слишком поспешно верили лжи; вот почему я говорю, что нет ничего дурного в том, чтобы подозревать зло, которое может случиться. Особенно же это относится к тем, кому вверены судьбы мужчин, женщин, городов и государств, ибо, как ни бдителен человек, злобы и предательства на свете так много, что волк всегда может перехитрить пастуха, который плохо блюдет свое стадо.

— Да, но у человека подозрительного не может быть настоящего друга,— сказал Дагусен,— подозрение отчуждает.

— Может быть, вы знаете какой-нибудь случай, который нам это подтвердит,— сказала Уазиль,— я предоставляю вам слово, чтобы вы о нем рассказали.

— Да, я знаю такой случай,— сказал Дагусен,— и, так как это сущая правда, вам интересно будет выслушать эту историю. Я расскажу вам о том, как скорее всего разрушается крепкая дружба: это бывает тогда, когда в ком-нибудь из друзей рождается подозрение. Ибо, веря другу, мы оказываем ему самую большую честь, какую только можно оказать человеку, а усомнившись в нем, наносим ему смертельную обиду — ведь, поступая подобным образом, мы считаем, что он не такой, каким мы его хотим видеть. Из-за этого нередко ссорятся самые близкие друзья и становятся врагами, как это явствует из истории, которую я собираюсь вам рассказать.

НОВЕЛЛА СОРОК СЕДЬМАЯ

Два дворянина жили в такой тесной дружбе, что все у них было общее, кроме жены, и так продолжалось до тех пор, пока женатый без всякого повода стал подозревать своего холостого друга в том, что тот соблазнил его жену; друга это лживое подозрение так оскорбило, что он рассорился с ним и успокоился только тогда, когда на самом деле наставил ему рога.

Неподалеку от Перша жили два дворянина; с самого детства они были такими неразлучными закадычными друзьями, что все у них было общим: и сердце, и дом, и постель, и стол, и кошелек. Дружба эта длилась очень долго, и ни один из них ни разу не захотел того, чего бы не захотел другой, и не сказал ни одного слова, с которым тот был бы не согласен. Это были даже не два брата, а одно нераздельное существо. Один из них, правда, женился, но это не помешало им сохранить прежнюю дружбу и жить вместе так, как они привыкли.

И когда ночевать им приходилось в тесной комнате, все трое укладывались вместе спать, причем женатый ложился посередине. Состояние у них было общее, и ни женитьба одного, ни какие бы то ни было иные обстоятельства не могли помешать им хранить верность друг другу. Но все же через некоторое время счастье, которое в этом мире никогда не бывает постоянным, покинуло и этот, слишком уж счастливый дом. Муж потерял доверие к другу без всякого к тому повода — как с его стороны, так и со стороны жены; от жены он этого не скрыл и наговорил ей много обидного. Женщину это крайне поразило, ибо сам же он приказал ей не делать никакого различия между ним и его другом ни в чем, кроме одного, а теперь вдруг запретил ей даже говорить с ним наедине. Она рассказала об этом их другу, который сначала ей не поверил, ибо в действительности у него и в мыслях не было чем-нибудь огорчить приятеля. И так как он никогда ничего не скрывал от своего женатого друга, он рассказал ему все это, прося рассеять его сомнения, ибо не хотел ни по этой причине, ни по какой другой порывать узы дружбы, которые так давно их связывали. Тот, однако, уверил его, что он никогда ничего худого не думал и что люди, которые подняли весь этот шум, — сплетники и лжецы.

— Я знаю, что ревность — чувство столь же непреодолимое, как и любовь, — сказал его друг, — и если чувство

это возникло у тебя даже ко мне, я за это на тебя не в обиде, ведь устоять перед ним нельзя. Мне обидно только, что ты хотел скрыть от меня свой недуг, хотя до этого никогда не скрывал от меня ни мысли, ни чувства, ни побуждения. То же самое относится и ко мне: если бы я влюбился в твою жену, ты не должен был бы приписывать это злему умыслу, ибо любовь — это пламень, потушить который не в наших силах. Но если бы я скрыл его от тебя и стал бы добиваться расположения твоей жены, я был бы самым вероломным из друзей. Со своей стороны, могу тебя уверить, что жена твоя — женщина порядочная и весьма достойная, но я знал ее еще до того, как она вышла за тебя замуж, — и, по правде говоря, она никогда мне особенно не нравилась. Но если у тебя явится даже самое ничтожное подозрение без всякого к тому повода, скажи мне, чтобы я стал осмотрительнее и наша дружба, которая длится так долго, не порвалась из-за женщины. И знай, если бы я даже любил ее больше всего на свете, я ни словом бы не обмолвился ей об этом, ведь честь твоя мне дороже всего другого.

Друг его дал ему торжественную клятву, что у него никогда этого и в мыслях не было, и попросил его никуда не уезжать из их дома.

— Хорошо, — ответил тот, — но только знай, что если после нашего разговора ты все-таки будешь подозревать меня и скроешь от меня свои чувства, я больше ни за что не останусь у тебя в доме.

Некоторое время оба они продолжали жить, как раньше, но только женатым снова овладела подозрительность, еще более сильная, и он приказал жене, чтобы она не глядела на друга так, как глядит. Она сказала об этом их другу и попросила того больше не говорить с ней, ибо ей не велено ему отвечать. И когда друг узнал из слов и из поведения ее мужа, что тот не сдержал своего обещания, он сказал ему в гневе:

— Если ты ревнуешь, то это вещь вполне естественная, но после всех твоих клятв я не могу примириться с тем, что ты так тщательно от меня это скрываешь, я ведь всегда думал, что между нами нет никаких посредников и преград. К моему большому огорчению, однако, я вижу, что это не так, хоть я тут и ни при чем. Ты не только ревнуешь свою жену ко мне, но хочешь еще скрыть от меня свою ревность, и недуг твой длится так долго, что превращается в ненависть. И так же, как любовь наша друг к другу не знала себе равной, неприязнь наша станет смертельной. Я сделал

все, что мог, чтобы избежать этой неприязни, но если ты продолжаешь считать меня человеком вероломным и совсем не тем, что я на самом деле,— клянусь тебе, я стану таким, каким ты меня хочешь видеть, и не успокоюсь до тех пор, пока не добьюсь от твоей жены того, в чем ты меня заподозрил. И теперь бойся меня и знай, что если подозрения погубили твои чувства ко мне, то обида погубит мои к тебе.

И как его товарищ ни старался убедить его, что это не так, он уже ничему не поверил и, поделив с ним мебель и вещи, которые были у них общими, вывез свою часть из дома. И из преданных друзей они превратились в заклятых врагов, а тот из них, который не был женат, не успокоился до тех пор, пока действительно не наставил своему другу рога.

— Вот так, благородные дамы, случается со всеми теми, кто понапрасну подозревает своих жен. Ибо многие из них заставляют женщин быть такими, какими они их себе представят, ведь порядочную женщину легче победить отчаянием, чем всеми удовольствиями, какие есть на свете. И тот, кто говорит, что подозрение — это та же любовь, ошибается, ибо, хоть оно и рождается из любви, как зола из огня, оно, подобно золе же, тушит этот огонь.

— Мне кажется, что самое большое несчастье для человека — это быть заподозренным в том, в чем он неповинен. И что до меня, так я чаще всего порываю с друзьями именно из-за таких подозрений,— сказал Иركان.

— Но можно ли оправдать женщину, которая, чтобы отомстить своему мужу, покрывает себя позором? — воскликнула Уазиль.— Она поступает, как тот, кто, не будучи в силах убить врага, убивает себя самого ударом шпаги или кто, не сумев его исцарапать, кусает себе потом пальцы. Лучше бы она вовсе перестала с ним разговаривать: муж бы тогда увидел, что напрасно ее подозревает, а время излечило бы их обоих.

— Она действительно оказалась достаточно смелой,— сказала Эннасюита,— и если бы примеру ее последовали другие, то и мужья их не были бы такими наглецами, какими они иногда бывают.

— Что бы там ни было, терпение дает возможность женщине одержать победу,— сказала Лонгарина,— женское целомудрие достойно всяческой похвалы. И на этом нам надо остановиться.

— И все-таки женщина может не соблюсти целомудрия и при этом не согрешить,— сказала Эннасюита.

— А как это может быть? — спросила Уазиль.

— Это бывает тогда, когда она принимает кого-нибудь другого за мужа.

— Что же это за дурочка,— сказала Парламанта,— что она не может отличить своего мужа от другого мужчины, как бы тот ни переодевался и ни изменял своей наружности?

— И тем не менее,— сказала Эннасюита,— встречаются иногда и такие; их просто обманывают, сами они ни в чем не повинны и не совершили никакого греха.

— Если вы знаете такую женщину,— сказал Дагусен,— я передаю вам слово, чтобы вы нам о ней рассказали; мне трудно поверить, чтобы невинность и грех могли ужиться вместе.

— Послушайте,— сказала Эннасюита,— если предыдущие рассказы еще недостаточно убедили вас, что не следует поселять у себя в доме того, кто нас называет *мирскими* людьми, а себя почитает праведником и человеком более достойным, чем мы,— послушайте, что я вам сейчас расскажу. Я приведу вам еще один пример, для того чтобы так же, как сама я узнавала рассказы об ошибках, которые влечет за собой доверие к этим людям, теперь и вы узнали кое-что от меня и убедились, что они не только подвержены таким же страстям, как все прочие, но что коварства в них больше, нежели в других, и что в них даже есть нечто от дьявола.

НОВЕЛЛА СОРОК ВОСЬМАЯ

На постоялом дворе, где остановились два приезжих монаха, справляли свадьбу. Старший из монахов, который был похитрее другого, заметив, что молодая скрылась, последовал за нею в спальню и занял место ее мужа, в то время как тот развлекался, танцуя с гостями.

В одной из деревень Перигора на постоялом дворе была свадьба местной девушки, и родные и друзья жениха и невесты постарались сделать все, чтобы справить ее попышнее. В этот день в деревню прибыли два монаха, которым подали ужин в отведенной им комнате, ибо присутствовать на свадьбе лицам их положения не подобало. Но старший из монахов, который был похитрее и похитрее другого, решил,

что, раз его не допустили к свадебному столу, он пристроится к брачному ложу и сыграет с ними хорошую шутку. И когда настал вечер и начались танцы, монах этот долгое время глядел в окно на молодую, которая ему показалась очень красивой. И, осторожно осведомившись у служанок, в какой комнате она будет спать, обнаружил что комната эта расположена рядом с той, которую отвели им. Монах очень обрадовался и, начав караулить у окна, ожидая подходящей минуты, чтобы привести в исполнение свой замысел, увидел, как молодая прошла к себе в спальню, куда ее привели старухи, как это принято. А так как было еще очень рано, муж ее не хотел уходить с танцев и так увлекся ими, что, казалось, совсем позабыл о своей молодой жене. Монах же все время только о ней и думал — и, едва только услышал, что молодая улеглась спать, снял свою серую рясу и занял подле нее место мужа. Но, боясь, как бы его там не обнаружили, оставался очень недолго и вышел в коридор, в конце которого стоял его приятель, следивший, чтобы никто ему не помешал. Тот знаком показал ему, что муж все еще танцует. Монах, который не до конца еще утолил свое вожделение, вернулся к молодой женщине и покинул ее только тогда, когда друг дал ему знать, что пора уйти. Муж улегся в постель, и тогда жена его, которую монах до того уже замучил, что ей хотелось только поскорее уснуть, не удержалась и сказала:

— Ты что же, решил, должно быть, совсем не спать и измываться надо мной всю ночь?

Ее ни в чем не повинный муж, который только что лег, до крайности поразился и спросил ее, как он мог над ней измываться, если он все время был на танцах.

— Нечего сказать, хороши танцы, — воскликнула бедная женщина, — Ты уже третий раз являешься сюда и ложишься ко мне в постель. По-моему, тебе бы уж лучше спать.

Услышав эти речи, муж ее был так изумлен, что забыл обо всем на свете и решил во что бы то ни стало узнать, что это все означает. Когда же она рассказала, что с нею было, он догадался, что это проделки одного из монахов, остановившихся на этом постоялом дворе. Он тут же вскочил с постели и кинулся в их комнату, которая была рядом. Увидав, что там никого нет, он принялся так громко кричать и звать на помощь, что все его друзья тут же сбежались. Узнав, в чем дело, они захватили свечи, фонари и, собрав всех собак, какие только были в деревне, стали помогать ему искать францисканцев. И когда оказалось, что в доме их нигде нет, они принялись разыскивать беглецов

повсюду и обнаружили их в винограднике. Там-то они уж и расправились с монахами так, как те заслужили; исколотив их, они отрезали им руки и ноги и оставили их на винограднике под охраной Вакха и Венеры, ибо их настоящими учителями были именно они, а отнюдь не Святой Франциск.

— Не удивляйтесь, благородные дамы, что люди эти, отрешившись от жизни, которой живем мы все, совершают поступки, которых разбойники с большой дороги — и те бы постыдились. Удивляться надо тому, что они не поступают еще хуже, когда господь оставляет их, ибо, если человек носит рясу, это не значит еще, что он настоящий монах, и нередко гордыня может погубить всю их святость. Что же касается меня, то я хочу следовать завету Святого Иакова: устремить сердце свое к господу, хранить его чистым и незапятнанным и всеми силами помогать ближнему.

— Господи! — воскликнула Уазиль. — Неужели же мы никогда не кончим говорить об этих противных францисканцах!

— Уж если мы не щадим ни знатных дам, ни дворян, ни принцев, — ответила Эннасюита, — то, мне кажется, мы оказываем францисканцам большую честь тем, что все-таки снисходим до того, чтобы говорить о них. Ведь сами по себе это настолько никчемные и бесполезные люди, что, если бы они не сотворили никакого зла, о котором стоило бы вспомнить, о них вообще было бы нечего рассказать. Говорят же, что лучше уж совершить дурной поступок, чем вообще не совершить никакого. А чем разнообразнее будет наш букет новелл, тем он будет прекраснее.

— Если вы обещаете мне, что на меня не рассердитесь, — сказал Иркиан, — я расскажу вам историю одной знатной дамы, которая оказалась такою распутницей, что вы легко простите бедному монаху то, что он удовлетворил свою похоть так, как мог; ведь та, которой и без этого хватало всякой еды, слишком уж непотребно искала лакомства.

— Мы все обещали друг другу говорить одну только правду, — сказала Уазиль, — поэтому мы должны выслушать эту историю. И вы можете говорить обо всем совершенно откровенно, потому что, рассказывая о пороках мужчин и женщин, мы вовсе не хотим устыдить этим именно тех, о которых в данном случае идет речь, а хотим вообще избавить людей от самоуверенности и самомнения, показав им все напасти, которым они подвержены, для того чтобы надеялись

и полагались мы только на господина, ибо он один совершенен и без него человек — ничто.

— Ну, раз так, — сказал Иркиан, — я не стану ничего опасаться и сейчас расскажу вам мою историю.

НОВЕЛЛА СОРОК ДЕВЯТАЯ

Несколько французских дворян, видя, что король, их господин, пользуется расположением одной графини-иностранки, которая ему нравилась, решились заговорить с ней и, начав добиваться ее взаимности, получили от нее все, что им было нужно, но притом так, что каждый из них был уверен, что он — единственный избранник ее сердца. Когда один из них это обнаружил, они решили все вместе отомстить ей, но так как она сделала вид, что ничего не случилось, и не изменила своего обращения с ними, они промолчали, и устыдить ее им так и не удалось.

При дворе короля Карла — я не стану говорить какого, чтобы не задеть честь дамы, о которой я собираюсь сейчас рассказать вам и чье имя я не хочу называть, — жила графиня, происходившая из очень знатного рода, но иностранка; и, так как всякая невидаль всегда нравится людям, дама эта необычностью своих нарядов и их богатством обратила на себя внимание всех придворных. И хотя ее нельзя было назвать красавицей, в ней было много обаяния. Держала она себя очень независимо, но сдержанно и с большим достоинством, и умела выбирать слова, и никто при дворе не решался приблизиться к ней, кроме самого короля, которому она очень нравилась. И, чтобы иметь возможность поговорить с нею наедине, король дал какое-то поручение мужу ее, графу, так что тот находился долгое время в отсутствии. И все это время король пользовался большим вниманием со стороны графини. Несколько придворных, узнав о том, что она выказала столько расположения их господину, осмелились в свою очередь заговорить с ней. И среди прочих был некий Астильон, статный красавец и человек очень решительный. Сначала графиня обошлась с ним весьма сурово и даже пригрозила, что расскажет обо всем королю, его господину, думая, что это его испугает. Но Астильон привык не бояться угроз своего сурового повелителя, не струсил он и перед ней. И он стал так настойчиво ухаживать за графиней, что она позволила ему поговорить с ней наедине и научила, как проникнуть к ней в спальню. Он во всем последовал ее совету и, для того чтобы король ни в чем его не мог заподозрить,

попросил отпустить его, сказав, что ему куда-то надо поехать. И он действительно покинул двор, но в первый же день, оставив всю свою свиту, вернулся один ночью, чтобы графиня могла сдержать свое обещание. Она сдержала его, и Астильон остался так доволен ею, что с превеликой радостью просидел пять или шесть дней запертый у нее в гардеробной, откуда никуда не выходил и кормился только той пищей, которую ему туда приносили. И после того как он отсидел там целую неделю, один из его товарищей, по имени Дюрасье, стал в свою очередь ухаживать за графиней. Она повела с ним себя так же, как и с его предшественником. Вначале она говорила с ним сурово и резко, но постепенно с каждым днем смягчалась — и, когда настало время выпустить из заточения первого узника, она сразу же водворила на его место второго. Затем та же участь постигла и третьего, которого звали Вальнебон, а вслед за ним еще двоих или троих, которых точно так же подвергали этому сладостному заточению.

Так продолжалось довольно долго, и графиня была до того хитра, что ни один из придворных ничего не знал обо всех остальных. И несмотря на то, что каждый из них замечал, что другие увлечены графиней так же, как и он, каждый считал себя единственным счастливецом, обладающим всем, чего хочет. И каждый втайне подсмеивался над товарищем, считая, что от того это счастье ускользнуло. Однажды, когда все эти молодые люди собрались вместе на торжественном празднестве, где их хорошо угощали, они стали вспоминать былые удачи и неудачи, войны и тюрьмы. И тогда Вальнебон, которому не терпелось рассказать о великой удаче, выпавшей на его долю, сказал своим товарищам:

— Не знаю, в каких тюрьмах сидели вы, но у меня было одно заточение, которое так мне понравилось, что я теперь всю жизнь буду восхвалять все другие, — и, по-моему, нет такой радости на свете, на которую бы я променял этот плен.

Астильон, который был первым, кто испытал это заточение, начал догадываться, о какой тюрьме он говорит, и спросил:

— Скажи мне, Вальнебон, кто же был твоим тюремщиком или тюремщицей и кто так хорошо обходился с тобой, что заставил тебя полюбить твоё заточение?

— Кто бы ни был этот тюремщик, — отвечал Вальнебон, — заточение мое было мне так приятно, что я был бы рад, если бы оно длилось еще дольше, ибо никогда со мной не обращались так ласково и нигде я не чувствовал себя счастливее.

Дюрасье, человек не особенно разговорчивый, отлично понял, что речь идет о той самой тюрьме, в которой и ему, как и всем остальным, довелось побывать, и спросил Вальнебона:

— Какими же яствами тебя потчевали в узилище, которое ты так расхвалил?

— Какими яствами? — переспросил Вальнебон. — Да у самого короля нет ничего вкуснее и сытнее того, что я там отведал.

— Мне хочется еще узнать, — сказал Дюрасье, — хороша ли была та работа, которую тебя заставляли делать, чтобы ты не даром там ел свой хлеб?

Вальнебон, сообразив, что тайну его разгадали, не мог удержаться, чтобы не воскликнуть:

— Бог ты мой! Да неужели же там, где я считал себя единственным избранником, у меня, оказывается, есть товарищи?

Астильон, слыша разговор о приключениях, в которых и он принимал участие, как и все остальные, сказал смеясь:

— У всех у нас один господин! С детства мы все товарищи и друзья! Поэтому раз уж мы оказались участниками общего дела, нам остается только над всем этим посмеяться. Но, чтобы удостовериться в том, что подозрения мои справедливы, позвольте мне обо всем вас расспросить и, прошу вас, говорите одну только правду, ведь если действительно со всеми нами произошло то, что я думаю, то это такая забавная история, какую и за тысячу лье не сыщешь.

Товарищи его поклялись, что будут говорить только правду, ибо скрыть ее уже было нельзя.

— Я расскажу вам, что произошло со мной, — сказал Астильон, — а вы будете лишь говорить «да» или «нет», смотря по тому, так или не так было и с вами.

Все согласились, и тогда он начал:

— Я попросил короля отпустить меня, сказав, что мне надо поехать по делам.

— И я, и я тоже! — воскликнули его друзья.

— Отъехав на расстояние двух лье от дворца, я оставил всех моих слуг и вернулся для того, чтобы сесть в тюрьму.

— И я, и я! — закричали все.

— Неделю или больше я пребывал в заточении, — сказал Астильон, — и жил в гардеробной, где меня кормили самой укрепляющей пищей и потчевали такими яствами, каких мне раньше никогда не доводилось испробовать. Когда же те, кто меня держал, надумали меня выпустить, я почувствовал, что за это время очень ослаб.

Все подтвердили, что то же самое случилось и с ними.

— Меня посадили в тюрьму в такой-то день,— сказал Астильон.

— А меня в тот самый день, когда выпустили тебя, и держали до такого-то дня.

Вальнебон вышел из себя и стал ругаться и кричать:

— Черт возьми, выходит, что я был третьим по счету, а я-то был уверен, что я первый и единственный: меня посадили в такой-то день, отпустили в такой-то.

Остальные трое сидевшие за столом поклялись, что то же самое потом случилось и с ними.

— Ну, раз это так,— сказал Астильон,— я скажу вам, кто такая наша тюремщица; она замужем, и муж ее сейчас в далеких краях.

— Да, конечно, это она,— ответили все.

— Тогда, чтобы больше не ломать себе голову,— сказал Астильон,— раз я был первым, я первый и назову ее имя: это графиня, которая так неприступна, что, когда я завоевал ее расположение, мне показалось, что я одержал победу над Цезарем.

— Черт бы побрал негодницу, которая заставила нас положить столько сил на одно и то же дело и радоваться мнимой победе над нею! — воскликнул один из его товарищей.— Свет еще не видел такого коварства, ведь пока один из нас находился в убежище, она уже готовила себе другого, чтобы даже на день не лишить себя приятного времяпрепровождения. Я готов пойти на смерть, только бы не оставить ее безнаказанной!

И приятели стали советоваться друг с другом, как лучше было бы ее проучить, ибо все сошлись на том, что должны это сделать.

— По-моему,— сказал один из них,— мы должны обо всем рассказать господину нашему, королю, который почитает ее настоящей богиней.

— Нет, этого мы делать не станем,— возразил Астильон,— у нас и без того достаточно средств, чтобы ей отомстить. Давайте лучше завтра, когда она пойдет слушать мессу, встретим ее все вместе, и пусть у каждого из нас на шее будет железная цепь. И когда она войдет в церковь, мы все поклонимся ей, как подобает.

Вся компания одобрила это предложение, и каждый из друзей достал себе по цепи. Наутро они явились одетые во все черное, и вокруг шеи каждого, наподобие ожерелья, была намотана железная цепь. И они стали дожидаться графини, которая должна была прийти в церковь. Едва только она их увидела, как принялась смеяться и сказала:

— Куда это собрались идти эти несчастные?

— Госпожа наша,— ответил Астильон,— мы пришли, чтобы сопровождать вас, ибо все мы — бедные рабы, мы — узники, которые призваны служить вам.

Графиня сделала вид, что не поняла его слов и сказала:

— Я вовсе не считаю вас своими узниками и не думаю, что вы служите мне больше, чем остальные.

Вальнебон вышел вперед и сказал:

— Если мы столько времени могли есть ваш хлеб, мы были бы благодарными, если бы не захотели теперь послушать вас.

Графиня притворилась, что не понимает, о чем он говорит, и хотела удивить их своим равнодушием. Но они так убедительно говорили, что она сообразила, что тайна ее раскрыта. Однако она сразу же нашла средство обмануть их, ибо, несмотря на то, что потеряла и честь и совесть, она не хотела, чтобы на ее голову лег позор, которым они собирались ее заклеймить. И так как наслаждение было для нее превыше всякой чести, она нисколько не смутилась и не переменилась в лице; молодые люди были так этим поражены, что ушли ни с чем, оставив при себе все то, чем они хотели ее устыдить.

— Благородные дамы, если вы не считаете, что в этой истории достаточно хорошо рассказано о женщинах столь же порочных, как и мужчины, я попытаюсь припомнить еще и другие, чтобы вам их потом рассказать. Однако мне кажется, что вам довольно и этой, чтобы увидеть, что женщина, потерявшая стыд, может причинить во сто раз больше зла, чем мужчина.

Слушая этот рассказ, все женщины до одной крестились. Им казалось, что они видят перед собою всех дьяволов.

— Благородные дамы,— сказала Уазиль,— исполнимся все смирения, слушая эту страшную повесть,— ведь женщина, которую оставил господь, становится сама похожей на того, с кем она соединилась. Если в приближающихся к господу присутствует дух божий, противоположное происходит с теми, кто приближается к врагу рода человеческого. И самым настоящим скотом становится человек, которого покинул господь.

— Какова бы ни была эта несчастная,— сказала Энна-сюита,— не заслуживают похвалы и те, кто хвастает своим заточением.

— Я считаю,— ответила Лонгарина,— что мужчине так же трудно скрывать свое счастье, как его добиваться, ибо как ни один охотник не откажет себе в удовольствии,

завидев добычу, трубить в рог, так нет и такого любовника, которому бы не хотелось похвастать своей победой.

— Окажись я даже перед лицом всех инквизиторов церкви, вместе взятых,— воскликнул Симонто,— я почти такое утверждение за ересь, ибо скрытных мужчин на свете больше, нежели скрытных женщин. И я знаю немало таких, которые готовы были бы отказаться от всех радостей любви, если бы знали, что им не избежать огласки. Потому-то наша Церковь, как подобает любящей матери, заботится о том, чтобы исповедниками были только мужчины,— женщины ведь неспособны хранить тайну.

— Это вовсе не потому,— сказала Уазиль,— просто женщинам до того ненавистен всякий порок, что они никогда бы не дали так легко отпущения грехов, как мужчины, и, налагая епитимьи, были бы чересчур суровы.

— Если бы женщины, исповедуя, были так же жестоки, как они жестоки в своих речах,— сказал Дагусен,— они бы всех грешников довели до отчаяния, вместо того чтобы помочь им спастись. Церковь все это хорошо предвидела. Но это не значит, что я хочу оправдывать этих сеньеров, которые так хвастали своим заточением, ибо не к чести мужчины хулить и позорить женщину.

— Раз участь их была одинакова,— сказал Ирман,— то, по-моему, они правильно поступали, утешая друг друга.

— Но как раз во имя собственной чести им и не следовало посвящать в свою тайну другого,— возразил Жебюрон.— Ибо книги Круглого Стола учат нас, что рыцарю сильному победа над слабым никогда не приносит чести.

— Удивительно,— сказала Лонгарина,— как эта несчастная, когда увидела всех своих узников вместе, не умерла от стыда.

— Людям, которые потеряли стыд,— сказала Уазиль,— стоит большого труда его вернуть. Это удастся только тем, которых забыть его заставила большая любовь. И мне пришлось видеть, что многие из таких возвращались на прежний путь.

— Должно быть, возвращались как раз те, кому было откуда возвращаться,— сказал Ирман,— не так-то легко найти женщин, способных сильно любить.

— Я с вами не согласна,— сказала Лонгарина,— я убеждена, что есть женщины, которые любят до самой могилы.

— Мне так хочется послушать ваш рассказ,— сказал Ирман,— что я передаю вам слово, дабы вы убедили меня, что женщины способны на такую любовь, какой, по-моему, у них никогда не встретить.

— Когда вы его услышите, — сказала Лонгарина, — вы мне поверите и согласитесь, что нет чувства более сильного, чем любовь. Но так же, как любовь заставляет совершать почти невозможное, чтобы обрести в этой жизни радость, — так, больше чем какое-либо другое чувство, она способна привести в отчаяние любого мужчину и любую женщину, которые теряют надежду на исполнение своих желаний, и вы это увидите из моего рассказа.

НОВЕЛЛА ПЯТИДЕСЯТАЯ

Господин Джованни Пьетро долгое время тщетно преследовал своими ухаживаниями соседку, в которую был страстно влюблен. И, чтобы больше о ней не думать, он перестал показываться ей на глаза. От этого на него напала такая тоска, что врачам пришлось назначить ему кровопускание. Дама эта, зная причину его недуга, решила тогда согласиться на то, в чем раньше ему всегда отказывала, и, думая этим его спасти, в действительности ускорила его кончину; после чего, понимая, что по своей вине она потеряла такого верного друга, она разделила его участь, лишив себя жизни ударом шпаги.

В городе Кремоне не так давно жил некий дворянин, господин Джованни Пьетро, который долгое время любил одну даму, жившую с ним по соседству. Но как он ни старался, он не мог добиться от нее того, чего хотел. А между тем дама эта его любила. Несчастный дворянин, измученный и удрученный, затворился у себя в доме и решил, что больше не будет понапрасну гнаться за ее любовью, ибо может поплатиться за это жизнью. И он решил, что, если несколько дней не будет видеть ее, это поможет ему перестать о ней думать. Но вместо этого он затосковал и так переменялся в лице, что его невозможно было узнать. Родные его позвали врачей, и те, видя, что он весь пожелтел, решили, что у него закупорка желчного протока, и назначили кровопускание. Дама же эта, которая столько времени упорствовала, отлично знала, что причиной его болезни явился ее отказ. И она послала к нему старушку, которой вполне доверяла. Она поручила передать несчастному, что, убедившись, что чувство его к ней — не притворство, а истинная любовь, она решила уступить ему в том, в чем столько времени отказывала, и что ей удалось отыскать такое место, где они могли бы увидеться наедине. Дворянин, которому в этот день утром пускали кровь из руки, после ее слов почувствовал себя лучше, чем после всех лекарств и кровопусканий. И он велел передать ей, что непременно придет туда в тот час, который она

ему назначила, прибавив к этому, что она совершила настоящее чудо, ибо своими несколькими словами излечила его от такой болезни, спасти от которой его не мог ни один врач. Как только настал долгожданный вечер, дворянин направился в то место, которое ему указали, и радость его была так велика, что ей все равно должен был наступить конец, ибо большей она быть уже не могла. И ему не пришлось долго ожидать: та, в ком он не чаял души, очень скоро к нему явилась. Он не стал заниматься излияниями любви, ибо пожиривший его огонь побудил его со всей поспешностью добиваться того, на что у него едва хватало сил. И он был до того опьянен любовью и наслаждением, что, надеясь найти средство к спасению, вместо этого ускорил свою смерть. Забыв ради любимой, сколь он слаб, он не заметил, как его забинтованная рука развязалась и стала так кровоточить, что беднягу всего залило кровью; тогда, решив, что обессилел он от избытка страсти, он захотел вернуться домой. Но любовь, безраздельно связавшая их, не стала их разлучать: в ту минуту, когда он расставался с подругой, душа его рассталась с телом. Он потерял столько крови, что упал бездыханным к ногам своей дамы, которая была в отчаянии, увидев, что безвозвратно потеряла любимого и сама была причиною его смерти. И, думая о своем горе, она стала думать и о позоре, который покроет ее имя, когда труп обнаружат у нее в доме. И вот, вместе со своей служанкой, которой она доверяла, она вынесла мертвое тело на улицу, но не захотела покидать его и, взяв шпагу покойного, пронзила насквозь сердце, причинившее ей столько горя, чтобы за все его наказать, и упала мертвой на тело любимого. А наутро отец и мать ее увидели эту жалостную картину из окна и, оплакав, как полагается, свою дочь, похоронили любовников вместе.

— Итак, благородные дамы, мы видим, что чрезмерная любовь приводит к несчастью.

— Что мне больше всего нравится в этой истории,— сказал Симонто,— так это то, что оба они любили друг друга одинаково страстно: когда дворянин этот умер, подруга его не захотела без него жить. И если бы господь послал мне такую женщину, я уверен, что полюбил бы ее так, как никого еще не любил.

— А мне все же кажется,— сказала Парламанта,— что вы не будете так ослеплены любовью и подумаете о том, чтобы сначала перевязать себе руку, чего этот человек не сделал.

Прошло ведь то время, когда мужчины готовы были совсем о себе забыть ради дам.

— Да, но не прошло время, когда дамы забывают о жизни своих кавалеров и думают только о наслаждении.

— По-моему, на свете нет такой женщины,— сказала Эннасюнта,— которая могла бы радоваться смерти мужчины, будь он даже ее злейшим врагом. Но уж если мужчины решаются убивать себя, дамы не могут их от этого уберечь.

— Да, но та, которая отказывает в куске хлеба человеку, умирающему от голода, этим его убивает,— сказал Сафредан.

— Если бы ваши просьбы были столь же основательны,— сказала Уазиль,— как просьба нищего, который молит о самом необходимом, то со стороны дам было бы непомерной жестокостью отказать вам. Но боже сохрани! Недуг этот убивает только тех, кто и без него умер бы очень скоро.

— А по-моему, госпожа моя,— сказал Сафредан,— нет потребности большей, нежели эта: она заставляет позабыть обо всех остальных, ибо, когда человек сильно любит, ему не нужно ни хлеба, ни другой еды, а только один взгляд, одно слово любимой женщины.

— Если бы вас заставили поголодать и не дали вам еды, вы заговорили бы по-другому,— сказала Уазиль.

— Уверю вас,— воскликнул Сафредан,— что плоть человека может не выдержать, но чувство и воля выдержат всегда.

— Так, стало быть,— сказала Парламанта,— господь оказал вам большое благодеяние, послав туда, где любовь приносит вам так мало радости, что приходится искать утешение в еде и питье. А делаете вы это с таким усердием, что вам следовало бы благословлять бога за столь сладостную жестокость.

— Мне столько довелось испытать настоящих страданий,— сказал Сафредан,— что я уже начинаю благословлять те муки, на которые жалуются иные.

— Скажите, а может быть, ради того чтобы слушать наши сетования, вам приходится отказывать себе в обществе, которое вам приятно и где вы являетесь желанным гостем,— сказала Лонгарина,— нет ведь ничего более досадного, чем навязывать кому-то свои чувства.

— Но предположите только,— воскликнул Симонто,— что жестокая дама...

— Знаете что, если мы станем слушать до конца все, что захочет высказать Симонто, а вопрос этот особенно затрагивает его,— сказала Уазиль,— мы придем только к самому концу вечерни. Давайте лучше возблагодарим господа за то, что день этот у нас прошел без больших разногласий и споров.

Она поднялась с места первая, и все остальные последовали за ней. Но Симонто и Лонгарина все еще продолжали спорить — и так нежно, что, не прибегая к шпаге, Симонто одержал победу, доказав, что сильная страсть и есть насущная потребность. Разговаривая так, они вошли в церковь, где их поджидали монахи. После вечерни все отправились ужинать, и ужин их состоял не только из хлеба, но и из речей, ибо разговор свой они продолжали все время и встали из-за стола только тогда, когда Уазиль сказала, что пора отдыхать, что рассказы, которыми они заполнили эти дни, были очень интересны и она надеется, что и шестой день не уступит первым пяти, ибо невозможно даже выдумать истории более занимательные, чем те истинные происшествия, которые рассказывали в их компании.

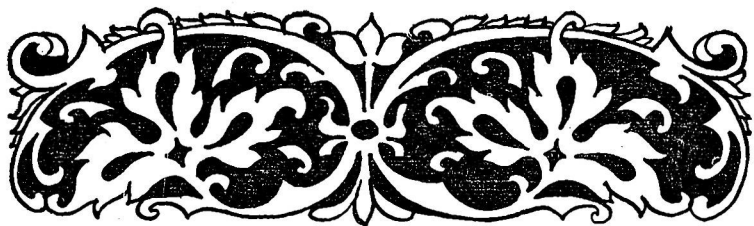
Но Жебюрон заметил, что пока мир будет существовать, будут все время совершаться разные происшествия, стоящие того, чтобы их запомнить.

— Коварство людей всегда остается таким, каким оно было, — сказал он, — как и добродетель людей добрых. Покуда коварство и доброта будут царить на земле, всегда будет совершаться нечто новое, хотя и написано, что ничто не ново под солнцем. Что же до нас, то мы ведь не были приглашены на тайный совет к господу богу, — мы не знаем первопричины всего, и поэтому все, что создается вновь, кажется нам тем более восхитительным чем менее мы сами склонны или способны что-либо сотворить. Поэтому не бойтесь, что дни, которые последуют за этими, окажутся менее интересными, чем прошлые, и со своей стороны подумайте о том, чтобы хорошо исполнить свой долг.

Уазиль сказала, что она полагается на господу, и, благословив их, пожелала всем спокойной ночи. На этом все разошлись по своим комнатам, и окончился пятый день.

Конец пятого дня

ДЕНЬ ШЕСТОЙ

В ШЕСТОЙ ДЕНЬ ИДЕТ РАЗГОВОР О ТОМ, КАК МУЖЧИНЫ ОБМАНЫВАЮТ ЖЕНЩИН, ЖЕНЩИНЫ — МУЖЧИН И ЖЕНЩИНЫ — ЖЕНЩИН, ПОБУЖДАЕМЫЕ СКУПОСТЬЮ, КОВАРСТВОМ ИЛИ ЖАЖДОЮ МСТИ.

ВСТУПЛЕНИЕ

Утром госпожа Уазиль раньше, чем обычно, вышла в трапезную, чтобы подготовиться к чтению Священного писания, но остальным так хотелось поскорее ее услышать, что, узнав об этом, они поспешили одеться и не заставили ее долго себя ждать. Она же, видя такое рвение, прочла им Послание апостола Иоанна, посвященное любви, потому что перед этим она читала и разъясняла им Послание апостола Павла к римлянам. Слова его так понравились всей компании, что, хотя чтение и отняло у них лишних полчаса, им показалось, что не прошло и четверти часа. После этого все пошло слушать утреннюю мессу, и каждый устремил свои помыслы к духу святому, дабы набраться сил для этого дня и увлечь своих друзей занимательною беседой. Пообедав и отдохнув немного, все вернулись к своему привычному времяпрепровождению. И госпожа Уазиль спросила тогда, кто начнет этот день.

— Я предоставляю слово госпоже Уазиль, — отвечала Лонгарина. — Она так замечательно читала нам утром, что не может быть, чтобы она не рассказала нам какую-нибудь историю, которая явится достойным завершением того, что она начала.

— Мне жаль, что сейчас я не могу рассказать вам ничего столь же полезного для вас, как прочитанное утром,— сказала Уазиль,— но тем не менее мораль моего рассказа находится в согласии с Писанием, где говорится: «Не полагайтесь ни на князей мира, ни на сынов человеческих, ибо они не принесут вам спасения». И для того, чтобы, не имея перед глазами примера, взятого из жизни, вы не позабыли об этой истине, я расскажу вам одну правдивую историю, память о которой совсем еще свежа, так что даже на глазах у тех, кто был очевидцем этого грустного происшествия, еще не успели высохнуть слезы.

НОВЕЛЛА ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

Невзирая на обещание, данное жене, герцог Урбинский приказывает повесить одну из девушек, служивших при его дворе, с помощью которой его сын передавал записки избраннице своего сердца. (Юноша собирался жениться на ней, однако отец был против этого брака, ибо считал ее недостаточно богатой и недостойной войти в их дом.)

У герцога Урбинского, папского префекта, женатого на сестре первого герцога Мантуанского, был сын лет восемнадцати-двадцати, который влюбился в девушку из хорошей и благородной семьи, сестру аббата Фарса. И так как обычаи страны не позволяли ему поговорить с нею на свободе, как ему бы хотелось, он воспользовался услугами одного дворянина, находившегося у него на службе,— который был влюблен в девушку из свиты его матери, очень красивую и порядочную,— и через нее стал передавать своей возлюбленной нежные письма. Бедная девушка не видела в этом ничего дурного, она была только рада, что может оказать ему услугу, считая, что, будучи человеком честным и благородным, сын герцога не станет передавать ничего такого, что могло бы ей повредить. Герцог же, заботившийся больше о благе своей семьи, нежели о счастье влюбленных, очень опасался, что любовная связь сына в конце концов принудит его жениться на сестре аббата, и стал за ними следить. И ему донесли, что девушка герцогини замешана в этом деле и что именно она передавала письма, которые его сын писал к той, кого любил больше всего на свете. Герцога это так взбесило, что он решил ее наказать. А так как скрывать свою ярость он не умел, девушку успели предупредить, и она, зная, что коварство герцога весьма велико, а совести

у него совсем нет, не на шутку перепугалась. И она пришла к герцогине, моля отпустить ее, чтобы она могла скрыться, пока гнев герцога не успокоится, и побыть это время в каком-нибудь надежном месте, где ему не удалось бы ее найти. Но герцогиня сказала, что, прежде чем отпустить ее, она попытается узнать, что собирается делать ее муж. Вскоре же, однако, она услышала, сколь злобен был замысел герцога,— и, хорошо зная его нрав, не только отпустила девушку, но даже сама посоветовала ей отправиться в монастырь и оставаться там до тех пор, пока гроза не стихнет; та так и сделала и уехала, стараясь, чтобы об отъезде ее никто не узнал. Герцогу, однако, удалось проведать, что та, которая вызвала его гнев, успела скрыться. Изобразив на своем лице притворную радость, он спросил у жены, куда она исчезла. Жена его, решив, что он и так уже все знает, рассказала ему всю правду. Тогда герцог сделал вид, что не собирается причинять девушке никакого зла, и попросил жену устроить так, чтобы она вернулась, дабы вокруг ее отъезда не поднялась дурная молва. Герцогиня ответила, что — раз уж приключилась такая беда, что она попала в его немилость,— было бы все же лучше, чтобы какое-то время она не попадалась ему на глаза. Но герцог не захотел ничего слушать и приказал жене во чтобы то ни стало вернуть беглянку. Герцогиня тотчас же объявила несчастной волю герцога, но та ни за что не хотела возвращаться и, отлично зная, что герцог не так легко прощает обиды и что с его стороны это только притворство, попросила госпожу свою не брать ее из монастыря. Та, однако, заверила ее, что герцог не сделает ей ничего худого, и поклялась в этом жизнью своей и честью. Девушка, которая хорошо понимала, что герцогиня любит ее и не станет ни с того ни с сего ее обманывать, поверила ее обещаниям, считая, что герцог не осмелится совершить ничего такого, что могло бы задеть честь его жены. И вместе со своей госпожой она вернулась во дворец. Но едва только герцог узнал о ее возвращении, он тут же явился в комнату жены.

«Ах, так значит она здесь!» — воскликнул он, увидя девушку,— и, обернувшись к своей свите, велел тотчас же схватить ее и отвести в тюрьму. Тогда обманутая герцогиня, которая сама уговорила девушку покинуть надежное убежище, клятвенно обещав ей, что с ней ничего не случится, кинулась перед мужем на колени и в отчаянии стала молить его во имя любви к ней и ко всему их дому не учинять жестокой расправы. Она сказала, что привезла ее домой из места, где она была в безопасности, только для того, чтобы не

ослушаться его приказания. Но никакие мольбы и никакие доводы не в силах были смягчить сердце герцога и заставить его отказаться от мысли о мести. Ничего не ответив жене, он сразу же ушел и тут же, презрев всякую справедливость, забыв бога и честь дома своего, велел повесить несчастную. У меня нет слов, чтобы рассказать вам, в каком отчаянии была герцогиня,— да и как иначе могла себя чувствовать женщина благородная и с добрым сердцем, видя, как по ее вине погибла та, которую она хотела спасти? А что же сказать о безысходном горе несчастного дворянина, который любил эту девушку! Стараясь сделать все, что мог, для того чтобы спасти ей жизнь, он предложил отдать за нее свою. Но сердце герцога не знало жалости: он хотел только одного — отомстить тем, кого ненавидел. Так и была повешена эта невинная девушка по приказу жестокого герцога, поправшего все законы чести, к великой скорби всех, кто ее знал.

— Вот, благородные дамы, к чему приводит злонамеренность, соединенная с властью.

— Я слышала,— сказала Лонгарина,— что есть три порока, которым итальянцы больше всего подвержены, но я никогда бы не подумала, что мстительность и жестокость их могли зайти так далеко, что такой незначительный проступок повлек за собой столь жестокую казнь.

— Лонгарина, вы покамест назвали нам только один из трех пороков,— смеясь, воскликнул Сафредан,— но какие же есть еще?

— Если бы вы не знали,— сказала Лонгарина,— я бы непременно вам их назвала, но я уверена, что вам хорошо известны все три.

— Значит, я, по-вашему, так уж порочен? — спросил Сафредан.

— Совсе нет,— ответила Лонгарина,— но вы так хорошо знаете, сколь отвратителен порок, что вам легче избежать его, нежели кому бы то ни было другому.

— Не удивляйтесь этой жестокости,— сказал Симонто,— тем, кто бывал в Италии, приходилось видеть страшные преступления; по сравнению с ними это сущий пустяк.

— Это верно,— сказал Жибюрон,— когда французы заняли Ривольту, там был один итальянский капитан, которого все считали добрым малым. И что же, увидев тело убитого врага — а врагом он мог считать этого человека только потому, что тот был гвельф, а сам он гибеллин,— он вытащил из груди его сердце и, с великой поспешностью

поджарив его на угольях, съел его, а когда его спросили, каково оно на вкус, сказал, что никогда не едал ничего вкуснее и лакомее этого блюда. Ему, однако, и этого было мало,— он убил беременную жену погибшего и, вытащив из чрева ее плод, разбил его об стену. После этого он насыпал в эти растерзанные тела овса и стал кормить им лошадей. Как вы думаете, мог такой человек пощадить девушку, если бы он заподозрил, что она против него что-то содеяла?

— Надо сказать,— заметила Эннасюнта,— что герцог Урбинский не столько был разгневан тем, что сын его хотел жениться по влечению сердца, сколько тем, что девушка эта была бедна.

— Мне кажется, что вы не должны в этом сомневаться,— ответил Симонто,— вполне естественно, что итальянцы любят сверх меры то, что создано лишь для служения плоти.

— Еще того хуже,— сказал Иркан,— они обожествляют вещи, которые противны природе человека.

— Вот это и есть те грехи, которые я имела в виду,— сказала Лонгарина,— вы ведь хорошо знаете, что любить деньги ради них самих — это значит сотворить себе кумир.

Парламента сказала, что апостол Павел не забыл пороков, свойственных итальянцам, говоря о людях, которые считают себя превыше всех остальных в том, что касается чести, благоразумия и ума, и которые так утверждают в этом мнении, что не воздают господу всего, что должны ему воздавать. И поэтому Всемогущий, оскорбленный этой дерзостью людей, возомнивших себя умнее всех, делает их еще более неразумными, чем дикие звери, и своими поступками, противными человеческой природе, они только лишний раз доказывают свое безрассудство.

Лонгарина прервала ее речь, чтобы сказать, что это и есть третий грех, которому подвержены эти люди.

— Поверьте, мне было очень приятно слушать все, что вы говорили,— сказала Номерфида,— ибо если те, которые почитаются самыми умными и красноречивыми, бывают наказаны и становятся глупее, чем скоты, приходится сделать вывод, что в людях смиренных, скромных и заурядных, к каким себя отношу и я, пребывает поистине ангелическая мудрость.

— Уверю вас, что я держусь такого же мнения,— сказала Уазиль,— ибо самым невежественным оказывается тот, кто считает, что знает все.

— Я никогда не видел,— сказал Жебюрон,— ни одного насмешника, над которым бы потом не посмеялись, ни од-

ного обманщика, которого бы не обманули, ни одного гордеца, который бы не был впоследствии унижен.

— Вы мне напомнили,— сказал Симонто,— об истории одного обмана,— и, если бы она была более пристойной, я бы охотно вам ее рассказал.

— Раз уж мы собрались здесь, чтобы говорить правду,— воскликнула Узиль,— то, какова бы ни была эта история, я передаю слово вам, чтобы вы нам ее рассказали.

— Извольте, я готов это сделать,— сказал Симонто.

НОВЕЛЛА ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

Слуга аптекаря, обогнав шедшего впереди адвоката, который постоянно с ним враждовал и которому он был рад отомстить, выронил из рукава комок мерзлого кала, завернутый в бумагу и похожий формой своей на головку сахара. Адвокат поднял его и спрятал за пазуху, после чего отправился с приятелем завтракать в таверну, где ему пришлось самому испытать и стыд и унижение, которым он хотел подвергнуть несчастного слугу.

Близ города Алансона жил некий дворянин, имя его было де ля Тирельер. Однажды утром ему понадобилось пойти в город. Это было совсем недалеко, а так как стоял трескучий мороз, он надел теплую шубу на лисьем меху. Окончив дела, он разыскал своего приятеля — адвоката, которого звали Антуан Башере; поговорив с ним о разных разностях, он сказал, что хотел бы где-нибудь хорошо позавтракать, но непременно за чужой счет. Разговаривая так, они сели отдохнуть возле лавки аптекаря. И разговор этот подслушал слуга аптекаря, который сразу же сообразил, каким завтраком их хорошо будет угостить. Выйдя из лавки, он пошел на ту улочку, куда люди обычно ходили за нуждой, и подобрал там порядочную колбаску, основательно уже подзамерзшую и формой своей походившую на головку сахара. Он тут же завернул ее в белую бумагу так, как обычно завертывал покупки, постарался, чтобы сверток выглядел попригляднее, и, спрятав его в рукав, обогнал дворянина и адвоката и как бы нечаянно его выронил, после чего вошел в дверь дома, куда он якобы был с ним послан. Де ля Тирельер поторопился поднять сверток, будучи уверен, что это сахар. Не успел он это сделать, как слуга аптекаря вернулся и стал спрашивать, не видел ли кто головки сахара, которую он обронил. Адвокат, думая, что ловко его обманул, быстро пошел вместе с приятелем в таверну и шепнул ему:

— Теперь-то уж мы позавтракаем за счет этого ротозея.

В таверне он попросил подать им вкусной еды, хорошего хлеба и дорогого вина, ибо был уверен, что у него найдется чем за все заплатить. Но по мере того как за едою он отогревался, «сахар», спрятанный у него на груди, начал оттаивать и все помещение постепенно наполнилось вонью. А тот, от кого эта вонь исходила, осерчал на служанку и сказал ей:

— Другой такой срамницы, как ты, во всем городе не сыщешь. Не знаю уж, ты ли сама или дети твои тут наложили, только просто не дохнешь от дерьма.

— Клянусь апостолом Петром,— воскликнула та,— нет тут нигде такой мерзости, разве только сами же вы ее сюда занесли.

Тут оба они вскочили с мест,— вонь сделалась уже совершенно непереносимой. И они пошли к огню, и адвокат вытащил из-за пазухи платок, который весь был запачкан оттаявшим «сахаром». Тогда, распахнув свою подбитую мехом шубу, он увидел, что она вся в нечистотах, и вскричал:

— Мы думали, что обманули этого негодника, а это, оказывается, он нас так ловко провел.

И приятелям, которые поначалу так радовались своей удаче, пришлось раскошелиться и, заплатив все, что с них причиталось, уйти из таверны раздосадованными и огорченными.

— Благородные дамы, так нередко бывает с людьми, которые любят пускаться на подобные хитрости. Если бы дворянину этому не хотелось позавтракать за чужой счет, ему не пришлось бы нюхать подобную мерзость. Разумеется, благородные дамы, рассказ мой не очень пристоеен, но вы позволили мне говорить правду, что я и сделал, дабы показать, что ежели самого обманщика обмануть, то от этого никому не становится худо.

— Принято думать,— сказал Иркиан,— что слова никогда дурно не пахнут, но тем, о ком эти слова здесь говорились, не так-то легко было отделаться и не почувствовать этой вони.

— Есть слова, которые действительно не пахнут,— сказала Уазиль,— но есть и другие, которые называют дурными. Те-то уж в самом деле дурно пахнут, они ведь задевают душу нашу больше, нежели тело, а это похуже, чем нюхать какую-нибудь головку сахара, о которой вы только что рассказали.

— Будьте добры, объясните мне, что же это за нечистые

слова, от которых могут пострадать и душа и тело порядочной женщины,— попросил Иркиан.

— Вот как,— сказала Уазиль,— вы хотите, чтобы я сама произнесла слова, которые я не советую повторять ни одной женщине!

— Теперь я понимаю, что это за слова,— сказал Сафредан.— Женщины, которые хотят, чтобы их считали скромными, таких слов обычно не произносят. Но я хотел бы спросить всех собравшихся дам, почему, если они сами не решаются произносить эти слова, они так смеются, когда их произносят при них?

— Мы смеемся вовсе не потому, что слышим эти отменные слова,— ответила Парламанта.— Но надо сказать, что каждая женщина бывает готова смеяться, когда она заметит, что кто-нибудь споткнется при ней или употребит какое-нибудь слово совсем некстати, случайно обмолвившись и вместо одного сказав другое, что может случиться с людьми самыми разумными и такими, у которых язык хорошо привешен. Но когда вы, мужчины, начинаете говорить между собою со всею грубостью и называть вещи своими именами, то я не знаю ни одной порядочной женщины, которая стала бы слушать эти речи и не убежала бы вон из комнаты.

— Это верно,— сказал Жебюрон,— я сам видел женщин, которые крестились, когда при них произносили нехорошие слова, и всякий раз, когда слова эти повторяли, крестились снова.

— Да, но сколько же раз этим женщинам приходилось притворяться разгневанными,— сказал Симонто,— чтобы потом вволю посмеяться над тем, что вызывало их гнев.

— Они правильно делали,— сказала Парламанта,— это ведь лучше, чем дать мужчинам почувствовать, что тешишься подобными разговорами.

— Выходит, что вы хвалите женское лицемерие не меньше, чем женскую добродетель? — заметил Дагусен.

— Добродетель, разумеется, стоило бы хвалить больше,— ответила Лонгарина,— но там, где ее недостает, иногда не обойтись без лицемерия, как мы иной раз прибегаем к каблукам, чтобы никто не заметил, что мы малы ростом. Хорошо еще, что у нас есть чем скрыть наши недостатки.

— А по-моему,— сказал Иркиан,— лучше бы иногда не делать тайны из какого-нибудь незначительного недостатка, чем стараться во что бы то ни стало прикрывать его мнимую добродетелью.

— Это правда,— сказала Эннасюита,— одежда, которую человек берет напрокат, сначала облагораживает того, кто

ее носит, а потом, когда ему приходится ее возвращать, его срамит. Я же знаю, например, одну женщину, которая, пытаясь скрыть свой ничтожный проступок, совершила тяжкое преступление.

— Я догадываюсь о ком вы собираетесь нам рассказать,— сказал Иркиан,— но вы хоть по крайней мере не называйте ее имени.

— Ну, тогда я предоставляю вам слово,— воскликнул Симонто,— с тем, чтобы, после того как вы расскажете нам эту историю, вы все-таки назвали нам имена ее участников, а мы вам поклянемся, что сохраним их в тайне.

— Обещаю вам это,— сказала Эннасюнта,— ибо нет на свете ничего такого, чего нельзя было бы рассказать пристойным образом.

НОВЕЛЛА ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ

Госпожа де Нефшатель притворством своим доводит князя Бельоста до того, что тот подвергает ее испытанию, кончающемуся для нее позором.

Однажды король Франциск Первый в сопровождении очень немногих придворных поехал в один из своих загородных замков отдохнуть от дел и поохотиться. В числе его свиты был некий князь де Бельост, который по статности, благородству, доблести и уму не знал себе равных. Женат он был на женщине не очень знатной, но так о ней заботился, как только муж может заботиться о жене, и верил ей во всем. Стоило ему влюбиться в кого-нибудь, как он тут же ей обо всем рассказывал, зная, что она хочет только того, чего хочет он, и что других желаний у нее нет. Однажды осенью сеньер этот завязал дружбу с одной вдовой по имени госпожа де Нефшатель, которая слыла красивейшею из женщин. А стоило только князю Бельосту полюбить ее, как и жена его полюбила ее не меньше и часто посылала за ней, чтобы пригласить ее пообедать или поужинать с ними,— и, почитая ее женщиной благоразумной и порядочной, вместо того чтобы огорчаться, только радовалась тому, что муж ее сделал такой хороший выбор. Дружба эта длилась долго, и князь Бельост входил во все дела упомянутой госпожи де Нефшатель, как будто то были его собственные дела, и княгиня со своей стороны старалась не меньше его во всем ей помочь. Но так как вдова эта была очень хороша собой, немало вельмож и дворян добивались ее расположения, причем одним нужна была только ее взаимность, иные же хоте-

ли на ней жениться, ведь она была не только хороша собою, но еще и очень богата. В числе ее кавалеров был некий молодой дворянин по имени сеньер де Шериотц, который так упорно за ней ухаживал, что и дневал и ночевал у нее в доме. Князю Бельосту это не могло нравиться, ему казалось, что человек небогатый и ничем не привлекательный не заслуживает такого приема и такого ласкового обхождения, и он часто упрекал вдову в том, что она этому не противится. Но она, будучи истой дочерью Евы, оправдывалась, говоря, что в обществе она никому не отдает предпочтения, разговаривая одинаково со всеми, и что именно благодаря этому ее дружба с ним не бросается в глаза. Однако спустя некоторое время сеньер де Шериотц стал еще более упорно за ней волочиться — движимый не столько своей любовью к ней, сколько желанием непременно настоять на своем — и добился того, что она обещала выйти за него замуж, попросив только одного: не торопиться объявлять всем об этом браке до тех пор, пока она не выдаст замуж своих дочерей. После чего дворянин этот стал уже во всякое время заходить к ней в спальню — и, кроме лакея и служанки, об этом никто не знал. Князь Бельост, видя, что дворянин все чаще заходит в дом той, которую сам он так любит, не вытерпел и принялся упрекать свою даму.

— Мне всегда была дорога ваша честь, — сказал он, — как честь моей собственной сестры; вы знаете, сколь чисты были мои намерения и как я счастлив тем, что люблю такую скромную и добродетельную женщину, как вы. Но мысль о том, что другой человек, недостойный вас, наглостью своей может завладеть тем, о чем я не хочу вас даже просить, чтобы не перечить вашему желанию, для меня совершенно непереносима; от этого пострадала бы ваша честь. Говорю вам это, потому что вы молоды и хороши собой и до сих пор ваше доброе имя не было ничем запятнано. Сейчас же вокруг него поднимается дурная молва; ведь, несмотря на то что человек этот недостаточно знатен и недостаточно богат для вас, что по положению, по уму и по манерам своим он вас недостойн, — вам все же лучше всего было бы выйти за него замуж, а не давать повода к разным толкам. Поэтому, прошу вас, скажите мне, любите вы его или нет, ибо делить с ним вашу любовь я не хочу и в таком случае навсегда покину вас и не буду питать к вам тех добрых чувств, которые я доселе питал.

Бедная женщина залилась слезами, ибо дорожила дружбой князя и боялась ее лишиться. И поклялась ему, что скорее умрет, чем выйдет замуж за этого дворянина, сказав,

что он до того назойлив, что она не может не пускать его к себе в дом в те часы, когда туда заходят другие.

— Ну, об этом нечего говорить,— сказал князь,— в такие часы я сам могу приходиться к вам, и все видят, чем вы бываете заняты. Но мне сказали, что он является и после того, как вы уже легли спать,— вот что мне кажется странным. И знайте, что, если вы будете продолжать эту жизнь и не признаете его своим мужем, вы будете самой бесчестной из женщин.

Вдова поклялась, что сеньер де Шериотц никакой ей не муж и не друг, сказав, что это просто наглец — и притом такой, каких мало.

— Ну, если он действительно так назойлив, я обещаю вам, что я вас от него избавлю.

— Как! Вы хотите его убить? — воскликнула госпожа де Нефшатель.

— Все нет,— ответил князь,— но я хочу, чтобы он понял, что королевский дворец — не место, чтобы позорить дам. И, клянусь вам, если после разговора со мной он не исправится, я сам исправлю его так, что и другим будет неповадно.

Сказав это, он вышел из комнаты — и тут же, столкнувшись с шедшим ему навстречу сеньером де Шериотцем, повторил тому все, что вы только что слышали, и пригрозил, что, если он хоть раз застанет его у этой дамы в неположенные часы, он так его проучит, что тот будет помнить всю жизнь, и что дама эта слишком знатна для того, чтобы так забавляться с нею. Сеньер де Шериотц заверил его, что он бывает у вдовы только в часы приема, как и все прочие, и что если князь застанет его в другое время, то пусть он наказывает его, как найдет нужным. Несколько дней спустя сеньер этот, однако, решил, что князь уже позабыл о своем обещании, и, отправившись вечером к вдове, оставался у нее до позднего часа.

Князь сказал в этот вечер жене, что госпожа де Нефшатель простудилась и лежит больная. Тогда та попросила его пойти навестить ее и извиниться, что сама она не может прийти, так как у нее дома неотложные дела. Князь подождал, пока король лег спать, после чего пошел пожелать своей даме спокойной ночи. Но, начав подниматься по лестнице, он встретил лакея, который спускался вниз. Он спросил его, что делает его госпожа. Тот заверил его, что она уже легла и спит. Князь спустился вниз. Но он был убежден, что лакей его обманул. Посмотрев ему вслед, он увидел, что тот очень осторожно прокрался наверх. Тогда князь стал прогуливать-

ся по двору возле дверей, чтобы посмотреть, не вернется ли лакей еще раз. И спустя четверть часа увидел как тот снова сошел вниз и стал оглядываться по сторонам, высматривая, нет ли кого во дворе. Тогда у князя не осталось сомнений, что сеньер де Шериотц находится в спальне вдовы и, опасаясь встречи с ним, не решается оттуда выйти. И он продолжал гулять взад и вперед по двору. Он заметил, что окно спальни выходит в садик и что оно не очень высоко над землей, и ему вспомнилась пословица: «Коли через дверь не выйти, лезь через окно». Он тут же позвал своего лакея и наказал ему:

— Ступай в садик, и если только из окна будет вылезать мужчина, то, как только он опустится на землю, выхватывай шпагу, ударяй ею об стену и кричи: «Рази, рази!» — только, смотри, сам его не трогай.

Лакей пошел исполнять приказание своего господина, а князь продолжал гулять до трех часов ночи. Когда сеньеру де Шериотцу сказали, что князь все еще на дворе, он действительно решил выбраться через окно и, выкинув сначала свой плащ, выскочил в садик. Как только лакей князя заметил его, он сразу же стал лязгать шпагой и закричал: «Рази! Рази!»

Бедный сеньер де Шериотц до того перепугался, что, забыв про свой плащ, убежал со всех ног. Он наткнулся на стражников, охранявших замок, которые очень удивились, видя, с какой быстротой он бежит. Но он не решился им ничего рассказать и только стал умолять их открыть ему ворота или пустить его к себе до утра, что им и пришлось сделать, так как ключей от ворот у них не было.

Вернувшись к себе, князь нашел жену спящей. Разбудив ее, он сказал:

— Угадайте, дорогая, который теперь час?

— С вечера, когда я легла спать,— отвечала она,— я не слышала, чтобы часы били.

— Сейчас уже больше трех,— сказал он.

— Господи Иисусе, да где же это вы были столько времени? Боюсь, как бы теперь вы не захворали.

— Дорогая моя,— сказал князь,— я не давал спать тем, кто хочет меня обмануть, от этого я никогда не захвораю.

И он стал так хохотать, что жена попросила рассказать ей все по порядку, что он и сделал, показав ей плащ, который притащил его лакей. И, посмеявшись вдоволь над бедными влюбленными, они заснули мирным сном, в то время как двое других всю ночь провели в волнении и страхе, что их накрыли. Наутро, хорошо понимая, что ему не удастся

ничего утаить от князя, сеньер де Шериотц пришел просить его, чтобы тот не разглашал его тайны и вернул ему плащ. Князь сделал вид, что ничего не знает, и принял его так вежливо, что сеньер де Шериотц был очень смущен. Но перед уходом ему пришлось услышать нечто совсем иное: князь пригрозил ему, что, если только он придет к своей даме еще раз, он обо всем расскажет королю и ему уже больше не быть при дворе.

— Судите сами, благородные дамы, не лучше ли было бы этой несчастной откровенно рассказать все тому, кто так ее любил и чтил, вместо того чтобы заставить его подвергать ее испытанию, столь для нее постыдному!

— Она знала, что, если признается ему во всем,—сказал Жебюрон,— она навсегда потеряет его расположение, а потерять его она ни за что не хотела.

— По-моему, раз уж она выбрала себе мужа по вкусу,—сказала Лонгарина,— нечего было бояться потерять дружбу других мужчин.

— Я убеждена, что если бы она решилась всем объявить о своем замужестве,—сказала Парламанта,— она была бы вполне удовлетворена любовью своего мужа. Но раз она задумала все скрывать до тех пор, пока не выдаст замуж дочерей, то, значит, ей действительно хотелось сохранить дружбу с князем, под прикрытием которой она могла продолжать свои встречи с Шериотцем.

— Дело не в этом,—сказал Сафредан,— а в том, что женщины настолько тщеславны, что удовлетвориться одним мужчиной они никогда не могут. Мне доводилось слышать, что даже самые скромные из них охотно соглашаются иметь троих: одного для почета, другого для богатства и третьего для наслаждения. Причем каждый из троих думает, что его любят больше всех. В действительности же двое первых всегда служат третьему.

— Вы говорите о женщинах, которые не умеют ни любить, ни беречь свою честь,—сказала Уазиль.

— Госпожа моя,—возразил Сафредан,— в их числе есть и такие, которых вы почитаете благороднейшими женщинами нашей страны.

— Поверьте,—сказал Ирган,— что женщина хитрая сумеет прожить и там, где все остальные будут умирать с голоду.

— Но когда хитрость ее разоблачена,—заметила Лонгарина,— для нее это равносильно смерти.

— Нет, это их жизнь,— сказал Симонто,— потому что таким женщинам очень льстит, когда их считают хитрее других. И, прослав *хитрыми* за счет своих подруг, они привлекают этим к себе больше кавалеров, чем иные своей красотой. Ибо хитро сплетенная любовная интрига — величайшее наслаждение для мужчины.

— Вы говорите о любви порочной,— сказала Эннасюнта,— когда любовь благородна, никакое притворство вообще не нужно.

— Прошу вас,— сказал Дагусен,— не забивайте себе голову такими мыслями. Чем дороже товар, тем меньше его надо выставлять напоказ. Надо ведь всегда помнить о злом умысле тех, кто обо всем судит только по внешности, которая бывает обманчивой, ибо она точно такая же у любви достойной и целомудренной, как и у всякой другой. Вот почему любовь нашу всегда приходится скрывать — не только тогда, когда она порочна, но даже тогда, когда она добродетельна,— нельзя ведь давать повод для дурных толков тем, кто неспособен поверить, что мужчина может любить женщину чистой любовью. Им кажется, что коль скоро наслаждение имеет власть над ними, то каждый мужчина должен быть таким, как они сами. Но если бы у всех нас были чистые помыслы, не приходилось бы скрывать ни взглядов наших, ни слов, во всяком случае перед теми, кто готов скорее умереть, чем подумать что-либо дурное.

— Знаете что, Дагусен,— сказал Иركان,— это такие высокие материи, что, ручаюсь вам, ни один из нас не поймет подобных доводов и не проникнется ими. Вы хотите, чтобы мы поверили тому, что люди не то ангелы, не то камни, не то сами дьяволы.

— Я хорошо знаю, что мужчины остаются мужчинами,— ответил Дагусен,— и что они подвержены всяким страстям. Но есть среди них и такие, которые предпочтут умереть, нежели заставить свою даму поступать против совести ради своей услады.

— Ну, умереть — это уже слишком,— сказал Жебюрон.— Этому я не поверю, даже если услышу такие слова из уст самого праведного монаха.

— А я вот думаю,— сказал Иركان,— что нет среди монахов ни одного, кто не хотел бы обратного. Во всяком случае, все они делают вид, что не любят винограда, когда этот виноград висит так высоко, что им до него не дотянуться.

— Но, должно быть, жена этого князя была очень довольна,— сказала Номерфида,— что муж ее узнал, на что бывают способны женщины.

— Уверю вас, что нет,— возразила Эннасюита,— напротив: она ведь любила его и была этим очень удручена.

— А мне вот по душе одна женщина, которая смеялась, когда ее муж целовался со служанкой,— вставил Сафредан.

— Ну так расскажите нам о ней,— сказала Эннасюита,— я уступаю вам место.

— История эта коротка,— сказал Сафредан,— но я все же расскажу вам ее, потому что мне приятнее рассмешить вас, чем утомлять длинными разговорами.

НОВЕЛЛА ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ

Жена Тогаса, считавшая, что муж отдает ей всю свою любовь, соглашалась на то, чтобы он развлекался со служанкой, и только смеялась, когда он целовал эту служанку у нее на глазах.

Между Пиренеями и Альпами жил некий дворянин по имени Тогас, у которого была жена, дети, очень хороший дом и столько богатств и радостей, что он мог бы быть всем доволен, если бы не страдал от сильных головных болей. Боли эти были так мучительны, что врачи посоветовали ему спать отдельно от жены, на что та очень охотно согласилась, ибо паче всего печлась о жизни и здоровье мужа. И она велела перенести свою кровать в противоположный угол комнаты, как раз напротив кровати мужа, так что, высунув голову, оба они могли видеть друг друга. У этой дамы были две служанки, которые постоянно находились при ней. Нередко перед сном дворянин и его жена читали в постели. Служанки их в это время держали свечи, причем молодая светила сеньеру, а пожилая — своей госпоже. Видя, что служанка и моложе и красивее его жены, Тогас стал заглядываться на нее и подчас отрывался от книги, чтобы поболтать с нею. Жена его все это слышала и считала, что нет ничего плохого в том, что слуги и служанки помогают ее мужу немного развлечься, ибо была уверена в том, что, кроме нее, он никого не любит.

Но однажды вечером, когда они читали дольше обыкновенного, дама эта посмотрела издали на кровать своего мужа, возле которой, повернувшись к ней спиной, стояла молодая служанка, державшая свечу. Мужа ей не было видно, так как между их постелями был камин; на белую стену, которую озаряла свеча, падали тени от его лица и от лица служанки, видно было, как лица эти то приближаются друг к другу,

то отдаляются и смеются. И видно было все так отчетливо, как будто то были не тени, а сами лица. Дворянин, уверенный, что жена не видит его, стал без всякого стеснения целовать служанку. Сначала жена его стерпела и ни слова ему не сказала. Но когда она увидела, что тени их лиц очень уж часто сходятся, она испугалась, как бы дело не зашло еще дальше. Тогда она начала громко смеяться; тени испугались и отдалились друг от друга. Муж спросил, что ее так расшемило.

— Друг мой,— ответила она,— я так глупа, что смеюсь над собственной тенью.

И сколько он ни допытывался до истинной причины ее смеха, она больше ничего ему не сказала. И тени больше уже не тянулись друг к другу.

— Вот что мне вспомнилось, когда вы рассказали мне о даме, любившей подругу своего мужа.

— Можете быть спокойны,— сказала Эннасюнта,— если бы моя служанка позволила себе такое озорство, я бы встала с постели и убила бы ее этим подсвечником.

— Вы чересчур уж жестоки,— сказал Иркиан,— но муж ваш отлично бы сделал, если бы заключил против вас союз со своей служанкой, и вы потерпели бы поражение: можно ли поднимать столько шума из-за какого-то поцелуя? Жена этого дворянина поступила правильно, что промолчала и не стала его волновать, чтобы дать ему поправиться от болезни.

— Да, но она боялась, что, если они будут продолжать вести себя так и дальше,— заметила Парламанта,— он этим усугубит свой недуг.

— Она не из тех,— сказала Уазиль,— о ком говорится в Священном писании: «Мы вас жалели, а вы не плакали, мы пели, а вы не плясали»,— потому что, когда муж ее был болен, она плакала, а когда он был весел, она смеялась. Так каждая порядочная женщина должна бы делить с мужем и радость и печаль, любить его, служить ему и быть ему послушной, как Церковь послушна Иисусу Христу.

— Тогда надо было бы, благородные дамы,— сказала Парламанта,— чтобы мужья наши делали для нас то, что Христос сделал для Церкви.

— Мы так и поступаем,— сказал Сафредан,— и если бы это было возможно, мы бы даже превзошли его, ибо Христос умирал ради Церкви всего один раз, а мы ради наших жен умираем каждый день.

— Умираете! — воскликнула Лонгарина. — Мне кажется, что и вы, и другие присутствующие здесь мужчины, после того как женились, так поправились, что во много раз выросли в цене.

— Я знаю, почему это так, — сказал Сафредан, — это потому, что способности наши, подобно золоту, выдерживают все испытания, но плечи наши устали под тяжестью супружеских лат, которые мы столько времени носим.

— Если бы вас действительно заставить целый месяц походить в упряжке и спать на жестком, — сказала Эннасюита, — как бы вам захотелось поскорее вернуться в постель к жене и снова облачиться в те самые латы, на которые вы сейчас жалуетесь. Но говорят, что можно вынести все, кроме безделья. Отдых и покой мы умеем ценить лишь тогда, когда мы их потеряли. А эта пустая женщина, которая смеялась, оттого что мужу ее было весело, умела, должно быть, при всех обстоятельствах сохранять душевный покой.

— Должно быть, покой свой она любила больше, чем мужа, — язвительно заметила Лонгарина, — раз она могла не принимать близко к сердцу того, что он делал.

— Она принимала близко к сердцу то, что могло повредить его совести и здоровью, — сказала Парламента, — и не хотела обращать внимания на разные пустяки.

— Мне становится смешно, когда вы начинаете говорить о совести, — сказал Симонто, — я бы ни за что не хотел, чтобы женщины об этом пеклись.

— Надо было бы, чтобы вам попалась жена вроде той, которая после смерти своего мужа доказала всем, что деньги его ей дороже, чем совесть, — сказала Номерфида.

— Пожалуйста, расскажите нам эту новеллу, — сказал Сафредан, — я вам передаю сейчас слово.

— Я не собиралась занимать вас такой коротенькой историей, — сказала Номерфида, — но раз уже она пришлось к стати, я вам ее расскажу.

НОВЕЛЛА ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ

Вдова купца истолковала составленное покойным мужем завещание в своих интересах и в интересах детей.

В городе Сарагосе жил богатый купец, который, предчувствуя близкий конец и видя, что ему не унести с собой всех своих богатств, нажитых, быть может, нечистыми сделками, решил, что, если он умилостивит господу каким-нибудь да-

ром, ему после смерти отпустятся кое-какие грехи. Как будто милость господню можно купить за деньги! И, отдавая последние распоряжения, он сказал, что хочет, чтобы его чистокровную испанскую лошадь продали повыгоднее, а деньги роздали нищим, и попросил жену, чтобы, как только он умрет, все было исполнено, а деньги розданы так, как он пожелал. Похоронив мужа и поплакав о нем, жена, которая была женщиной вовсе не такой глупой, какими обычно бывают испанки, сказала своему слуге, который, как и она, слышал распоряжения покойного:

— По-моему, с меня хватит и того, что я потеряла мужа, которого так любила, зачем же я должна еще терять мое состояние? Я вовсе не хочу послушаться его воли, только хочу выполнить ее как можно лучше,— святые отцы ведь народ жадный, опутали они беднягу, ему и подумалось, что он совершит угодное богу дело, если после смерти пожертвует им столько денег, ведь при жизни он ни одного эку не хотел им дать. Вот я и решила, что волю его мы выполним и даже сделаем все еще лучше— так, как он сделал бы и сам, если бы прожил еще недели две. Надо только, чтобы никто ничего об этом не узнал.

И когда слуга обещал ей, что сохранит все в тайне, она сказала:

— Пойди и продай его лошадь — и, когда тебя спросят, сколько ты за нее хочешь, ты ответишь: «Один дукат. Но у меня есть еще кошка хорошая, я ее тоже хочу продать, и стоит она девяносто девять дукатов». Продавать ты будешь кошку и лошадь вместе и получишь за них сто дукатов: это как раз столько, сколько покойный муж хотел получить за одну лошадь.

Слуга немедленно же выполнил распоряжение своей госпожи. И когда он расхаживал со своей лошадью по базарной площади, держа в руках кошку, один дворянин, который еще раньше видел эту лошадь и хотел ее купить, спросил его, сколько он за нее просит.

— Один дукат,— ответил слуга.

— Нечего надо мной смеяться,— сказал дворянин.

— Уверю вас, ваша милость,— настаивал слуга,— вы должны заплатить за нее один дукат, только вместе с ней вам придется купить и кошку, а за нее мне следует девяносто девять дукатов.

Тогда дворянин, которому эта цена показалась подходящей, сразу же заплатил слуге один дукат за лошадь и девяносто девять за кошку, как тот и просил, унес кошку и увел лошадь. Слуга же доставил вырученные деньги своей госпоже,

которая была премного этим довольна; дукат, полученный за лошадь, она тут же раздала нищим, выполняя волю покойного мужа, а все остальные оставила себе и детям.

— Как вы думаете, может быть, эта женщина была разумнее, чем ее муж,— ее ведь беспокоили и совесть, и благополучие семьи?

— Мне кажется, мужа своего она действительно любила,— сказала Парламента,— просто она понимала, что перед смертью люди чаще всего выживают из ума; и, зная, какова была его воля, она решила истолковать эту волю на пользу детям, что, по-моему, весьма разумно.

— Как,— воскликнул Жебюрон,— не исполнить волю покойного друга — это, по-вашему, не преступление?

— Ну, разумеется, преступление,— сказала Парламента,— если только завещатель в твердой памяти и не совершает никакого безумия.

— Стало быть, вы считаете безумием отказать свои деньги церкви и бедным нищим?

— Я вовсе не считаю безумием,— сказала Парламента,— когда человек, умирая, раздает бедным все богатства, которыми господь его наделил. Но я не считаю, что он очень мудр, если он раздает как милостыню то, что ему не принадлежит. Вы ведь видите, что самые жадные ростовщики воздвигают самые красивые и роскошные часовни в надежде умиловить бога десятью тысячами дукатов, истраченных на постройку этих зданий, и расплатиться с ним за те сто тысяч, которые они награбили. Как будто господь совсем не умеет считать!

— В самом деле, я много раз удивлялась,— сказала Уазиль,— как это люди думают умиловить господя подношениями, которые Христос сам в земной своей жизни не одобрял: постройкой величественных зданий, позолотой, росписью и картинами. Но если бы они вникли в слова, некогда сказанные господом, что единственным истинным приношением он почитает сердце смиренное и чистое, и в то, что говорит апостол Павел — что каждый из нас и есть тот храм, в котором господу угодно пребывать,— они бы пеклись при жизни, чтобы совесть у них была чиста, и не стали бы дожидаться того часа, когда человек уже не может сотворить ни добра, ни зла, а паче всего не заставляли бы тех, кто остается в живых, раздавать милостыню людям, которых сами они при жизни не удостаивали даже взглядом. Но того, кто видит сердце человеческое, обмануть нельзя, он будет

судить их не только по их делам, но и по вере их и по милосердию.

— Почему же тогда, — спросил Жебюрон, — и францисканцы, и все нищенствующие монахи только и твердят нам, когда мы при смерти, чтобы мы заботились об их монастырях, обещая, что помогут нам попасть в рай, хотим мы этого или нет?

— Как, Жебюрон! — воскликнул Ирман. — Вы, должно быть, забыли, сколько вы же сами рассказывали нам плохого о францисканцах, если спрашиваете: «Неужели эти люди способны на ложь?» Говорю вам, нет на свете больших лжецов, чем они. Не будем особенно упрекать тех, которые пекутся о благе всей своей обители, но ведь есть среди них и такие, которые забывают про данный ими обет нищеты и думают только о том, чтобы удовлетворить свою жадность.

— Мне кажется, Ирман, что вы знаете такого монаха, — сказала Номерфида, — и если история эта стоит того, расскажите ее.

— Хорошо! — согласился Ирман. — Хоть мне и неприятно говорить об этих людях, потому что я причисляю их к разряду тех, о ком Вергилий сказал Данте:

Они не стоят слов: взгляни, и мимо! —

но для того чтобы вы увидели, что, расставаясь со своей мирской одеждой, они не расстаются со своими страстями, я расскажу вам об этом монахе.

НОВЕЛЛА ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ

Одна благочестивая дама обратилась к монаху-францисканцу с просьбой найти мужа для ее дочери и обещала дать за ней такое большое приданое, что святой отец, надеясь завладеть деньгами, предназначавшимися ею для будущего зятя, выдал девушку замуж за своего младшего собрата — монаха, который каждый вечер являлся к ним в дом, чтобы поужинать и провести ночь с женой, наутро же, переодевшись студентом, возвращался к себе в монастырь. Однажды жена узнала его в монастырской церкви, где он служил мессу, и показала его матери. Та сначала ни за что не хотела верить, что это ее зять, но когда ночью они сорвали с него шапочку, она увидела на голове у него тюзуру и убедилась, что дочь ее права и святой отец ловко их обманул.

Однажды в город Падую приехала некая француженка, и кто-то рассказал ей, что в епископальной тюрьме находится монах-францисканец. Слыша, что говорят о нем все с

насмешкой, она осведомилась, за что его туда посадили. Тогда ей сказали, что монах этот, человек уже пожилой, был духовником одной очень благородной и благочестивой дамы. Дама эта, овдовев, осталась одна с дочерью, которую так любила, что готова была сделать все, что угодно, лишь бы ублажить ее и хорошо выдать замуж. И, видя, что дочь ее подросла, она денно и ночью пеклась о том, чтобы найти ей хорошего мужа, который бы жил с ней в мире и дружбе, человека такого же совестливого, как и она сама. А так как один глупый проповедник сказал ей, что даже дурной поступок, содеянный по совету богослова, лучше любого хорошего, внушенного духом святым, она обратилась к духовнику своему, доктору богословия, который был уже человеком пожилым и пользовался в городе большим уважением, прося, чтобы святой отец молитвами своими и советом помог ей и дочери обрести мир душевный. И она стала умолять его найти мужа для ее дочери — и именно такого, какого могла пожелать женщина благочестивая и достойная. Святой отец ответил, что прежде всего надо снискать милость духа святого постом и молитвою и что, если господь вразумит его, он надеется, что сумеет помочь ей в том, о чем она просит. С этим он и ушел и стал думать, как ему поживиться на этом деле. А так как дама эта сказала ему, что она скопила пятьсот дукатов, чтобы отдать их будущему зятю, и берет на себя прокормить молодых, а также отделать и обставить им дом, он вспомнил, что у него есть товарищ, молодой монах, статный и красивый, который, взяв эту прелестную девушку в жены, получит за ней хорошо обставленный дом, а пятьсот дукатов достанутся ему самому и удовлетворят всю его неумную страсть к наживе. Он поговорил со своим товарищем, и тот согласился. Тогда он пошел к вдове и сказал ей:

— Должно быть, сам господь послал ко мне, как к Товию, ангела своего Рафаила, чтобы указать мужа, достойного вашей дочери, ибо могу вас уверить, что в доме моем сейчас находится благороднейший из мужей Италии. Он несколько раз видел вашу дочь, и она так ему нравится, что, когда сегодня я стоял на молитве, господь послал его ко мне, и дворянин этот поведал мне, что любит вашу дочь и хочет на ней жениться. А так как я знаю его родных и знаю, что он из хорошей семьи, я обещал ему поговорить с вами. Правда, есть тут небольшое препятствие, о котором известно только мне одному. Недавно кто-то задумал убить одного из его друзей. И вот, чтобы спасти друга, молодой человек выхватил шпагу и хотел разнять враждующих. Но случилось так, что, защищаясь, его друг убил противника. И тогда ему, хоть сам

он никого не тронул, пришлось бежать из этого города — все ведь видели, что он был там и выхватил шпагу. И вот, по совету родных, переодевшись студентом, он бежал в наш город, где его никто не знает, и останется здесь до тех пор, пока родители его не замнут это дело, что, вероятно, произойдет очень скоро. Поэтому свадьба должна быть тайной, и вам придется примириться с тем, что утром он будет уходить слушать лекции и только по вечерам приходить домой.

— Отец мой, — ответила дама, — то, что вы мне сейчас говорите, большая для меня радость. Ведь желание мое исполнится, и в доме моем будет жить тот, кто мне более всего угоден.

Монах исполнил свое обещание и привел к ней своего молодого друга, одетого в роскошную куртку алого шелка, и тот очень понравился этой даме. Молодых помолвили, и, когда наступила полночь, все прослушали мессу и была сыграна свадьба, после чего молодые легли спать, а наутро муж сказал, что, дабы его не узнали, он должен скрыться в университете. Надев свою куртку из алого шелка и свое длинное одеяние, не забыв и своей черной шелковой шапочки, он пошел проститься с женой и сказал ей, что каждый вечер они будут ужинать вместе, к обеду же она его ждать не должна. С этим он и ушел, а его молодая жена считала себя счастливейшею из смертных, оттого что нашла себе такого хорошего мужа. После чего молодой монах пришел к своему почтенному другу и передал ему пятьсот дукатов, о которых они еще раньше договорились между собою. Вечером же он снова вернулся к той, которая считала его своим мужем. И он сумел снискать такую любовь жены и тещи, что те не променяли бы его на самого знатного принца.

Так они прожили некоторое время. Но господь наш милостив и жалеет людей простодушных, доверчивых и добрых. И случилось, что однажды утром вдове этой и ее дочери захотелось послушать мессу во францисканском монастыре и навестить своего духовника, который так облагодетельствовал их, найдя одной мужа, а другой зятя. И хотя в церкви не оказалось ни их духовника, ни другого монаха, которого бы они знали, дамы все же решили остаться там и прослушать торжественную службу, которая уже началась, надеясь, что монах еще может прийти. Молодая женщина сосредоточенно и благоговейно молилась — и вдруг, когда священник обернулся, чтобы прочесть *Dominus vobiscum*¹, она была

¹ Господь с вами (лат.).

поражена: ей показалось, что перед ней ее муж или человек, на него чрезвычайно похожий. Но она не решалась ничем это выказать и продолжала ждать, пока он повернется еще раз. И после того, как во второй раз она разглядела его гораздо лучше, у нее уже не осталось никакого сомнения, что это он; она толкнула мать, которая была погружена в молитву, и прошептала:

— Боже мой, матушка, кого я вижу!

— Кого? — спросила мать.

— Да это же мой муж служит сейчас мессу, а если не он, то кто-то похожий на него, как две капли воды.

Мать, которая не успела как следует его разглядеть, сказала:

— Прошу тебя, дочь моя, не забивай себе голову дурью, — слыханное ли это дело, чтобы люди столь праведные способны были на такой обман? Если ты поверишь этому, ты совершишь большой грех против господа нашего.

Однако она тоже стала разглядывать священника и, когда тот дошел до слов «*Ita missa est*»¹, — убедилась, что, действительно, близнецы и те не могут быть так похожи друг на друга, как этот монах на мужа ее дочери.

Но простодушие ее было так велико, что она готова была уже сказать себе:

— Господи, не дай мне поверить тому, что я вижу!

Но так как дело касалось ее дочери, она не хотела больше пребывать в неведении и решила узнать все правду. И когда настал вечер и муж, ничего не подозревавший о том, что они были в церкви, должен был вернуться домой, мать сказала дочери:

— Если хочешь, мы сейчас можем узнать всю правду о твоём муже. Как только он ляжет в постель, я войду в комнату, а ты тогда подкрадись к нему сзади и незаметно сорви с него шапочку: мы сразу увидим, есть ли у него на голове тонзура, как у того, кто служил мессу.

Сказано — сделано. Как только вероломный муж улегся в постель, почтенная дама зашла в спальню и, как бы играя с ним, схватила его за обе руки. В эту минуту дочь ее сорвала с него шапочку, и обе они увидели сияющую у него на голове тонзуру, чем и мать и дочь были несказанно потрясены. Они тут же позвали слуг — те схватили его и, связав, оставили так до утра.

И как ни оправдывался монах, сколько он ни говорил высоких слов, слушать его не стали. Наутро вдова послала

¹ Богослужение окончено (лат.).

за духовником, велел сказать, что хочет сообщить ему что-то очень важное. И когда тот поспешил прийти, она приказала расправиться с ним так же, как и с молодым, и стала попрекать его тем, что он оказался обманщиком. После этого она послала за судейскими и передала обоих монахов в их руки. Само собой разумеется, что судьи оказались людьми порядочными и не оставили этого преступления без наказания.

— Вы видите, благородные дамы, что поклявшиеся жить в бедности не свободны от искушений, в которые повергает их жадность — источник всякого зла.

— И добра тоже! — воскликнул Сафредан. — Ведь на эти пятьсот дукатов, которые без всякой пользы лежали у старухи, люди по крайней мере вволю повеселились; бедная девушка, что столько времени мечтала о муже, могла на эти деньги приобрести целых двоих; кроме всего прочего она познала монашескую иерархию.

— У вас обо всем самые превратные представления, — сказала Уазиль, — вам кажется, что все женщины на вас похожи.

— Простите меня, госпожа моя, — сказал Сафредан, — я бы дорого дал, чтобы это было так и чтобы удовлетворить женщин было бы так же легко, как нас.

— Какой у вас злой язык, — сказала Уазиль, — все здесь присутствующие отлично знают, что вы не правы. И доказательство этого — история, которую нам только что рассказали и из которой явствует, сколь доверчивы несчастные женщины и сколь коварны и хитры те, кого мы считаем выше вас, пребывающих в миру мужчин. Ведь ни она, ни ее дочь не хотели ничего решить сами, а вместо того чтобы следовать своим намерениям, положились на добрый совет.

— Некоторые женщины настолько требовательны, — сказала Лонгарина, — что им кажется, что муж их должен быть ангелом.

— Вот потому-то им часто попадаются дьяволы, — заметил Симонто, — и случается это чаще всего с теми, которые, не доверяясь благодати господней, считают, что они своим собственным разумом — или послушавшись чьего-то совета — сумеют снискать в этом мире счастье, даровать которое может только сам господь.

— Что я слышу, Симонто! — воскликнула Уазиль. — Вот уж не думала, что вы можете рассуждать так разумно.

— Госпожа моя,— сказал Симонто,— мне очень жаль, что вам не удалось убедиться, какой я на самом деле. Оттого что вы меня плохо знаете, у вас, я вижу, сложилось дурное мнение обо мне, но и я ведь могу заниматься делами монахов, если монах позволил себе вмешаться в мои.

— Выходит, ваше дело — это обманывать женщин? — сказала Парламанта.— Этим вы сами же выносите себе приговор.

— Если бы даже мне удалось обмануть сто тысяч женщин,— сказал Симонто,— этого было бы мало, чтобы отомстить за все обиды, которые мне причинила одна из них.

— Я знаю,— сказала Парламанта,— как вы часто жалуетесь на дам. И вместе с тем вы всегда веселы и так хорошо выглядите, что невозможно поверить, чтобы вам действительно пришлось перенести все те беды, о которых вы говорите. По этому поводу в «Красавице, не знающей жалости» сказано:

Но так обычно говорят,
Чтобы добиться утешенья.

— Вы приводите слова известного ученого мужа,— сказал Симонто.— Он не только сам был человеком суровым, но и заразил своей суровостью всех дам, которые прочли его и последовали его учению.

— Пусть так, но его учение, как ни одно другое, полезно для молодых дам,— сказала Парламанта.

— Если бы все женщины были безжалостными,— продолжал Симонто,— мы могли бы преспокойно отвести наших лошадей в конюшню, снять все наши боевые доспехи и, пока не настала новая война, заниматься домашними делами. Но скажите, пожалуйста, неужели можно считать благородной женщину, у которой нет ни жалости, ни милосердия, ни любви и которая к тому же жестока?

— Милосердие и любовь у нас должны быть,— сказала Парламанта,— но слово *жестокая* настолько неуместно, когда говорят о женщине, что не может не задеть нашу честь. В самом деле, *не быть жестокой* — означает оказать ту милость, о которой вас просят, а ведь всем хорошо известно, какой милости домогаются мужчины.

— Должен вам сказать, сударыня,— возразил Симонто,— что есть мужчины настолько разумные, что они не просят ничего, кроме доброго слова.

— Вы мне напомнили об одном мужчине, который довольствовался даже перчаткой,— ответила она.

— Мы хотим знать, кто этот любезный кавалер,— сказал Иркиан,— и я передаю вам слово, чтобы вы нам рассказали эту историю.

— Мне будет очень приятно это сделать,— сказала Парламанта,— ибо она преисполнена благородства.

НОВЕЛЛА ПЯТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ

Некий английский лорд семь лет был влюблен в одну даму и никак не решался признаться ей в своей любви. И вот однажды, когда они сидели вместе на лужайке, он взглянул на нее — и сердце его так сильно забилось, что он вдруг весь побледнел и переменялся в лице. Тогда дама эта, которой хотелось показать, как она жалеет его, по его же просьбе положила ему на сердце свою руку в перчатке, а он сжал ее с такой силой (признавшись ей в эту минуту в любви, которую столько времени к ней питал), что перчатка осталась у него в руке. Потом он украсил эту перчатку драгоценными камнями и прикрепил к своему кафтану возле самого сердца. И он продолжал оставаться кавалером этой дамы и вел себя так благородно и достойно, что о большей милости никогда не просил.

Король Людовик Одиннадцатый назначил своим послом в Англию сеньера де Монморанси. И как только сеньер этот прибыл в эту страну, он сумел снискать уважение и любовь английского короля и всех принцев, которые стали даже поверять ему свои тайны и просить у него совета.

Однажды на пиршестве, которое в его честь устроил король, он оказался рядом с одним очень знатным лордом, на кафтане у которого висела дамская перчатка, пристегнутая золотыми крючками. Перчатка эта была украшена множеством алмазов, рубинов, изумрудов и жемчужин, и видно было, сколь она драгоценна. Сеньер де Монморанси так часто на нее поглядывал, что сосед его догадался, что ему хочется знать, почему он так разукрасил эту перчатку. А так как он почитал этого сеньера человеком очень достойным, он обратился к нему со следующими словами:

— Я вижу, вам кажется странным, что я так богато разукрасил эту скромную перчатку. Мне и самому очень хочется рассказать вам об этом, ибо вы человек справедливый и настолько хорошо понимаете, какое это чувство — любовь, что, если вы найдете поступок мой правильным, вы

его похвалите, а если нет, вы будете снисходительны к любви, которая повелевает всеми, у кого в груди благородное сердце. Должен вам сказать, что я всю жизнь любил одну даму, люблю ее и сейчас и буду любить даже после смерти. Сердце мое, осмелев, рвалось к ней, но язык мой робел и ничего не мог ей поведать. Семь лет я не решался ничем намекнуть на мою любовь, опасаясь, что если дама эта заметит ее, я потеряю возможность часто видеться с нею, а этого я боялся больше, чем смерти. Но однажды, когда я сидел с нею на лужайке и глядел на нее, сердце мое вдруг так забилось, что я весь побледнел и переменялся в лице. Когда она заметила это и спросила меня, что со мною такое, я ответил: «Что-то нехорошо с сердцем».

Она решила, что это недуг совсем иного рода, чем любовь, и ей стало меня жаль. Тогда я попросил ее положить руку мне на сердце, чтобы послушать, как оно бьется. Она это сделала — и не из каких-либо других чувств, а просто из жалости. А когда я поднес к груди руку ее, на которой была надета перчатка, сердце мое забилось еще сильнее, и она убедилась, что я говорю ей правду. И тогда я крепко прижал ее руку к груди и сказал: «Горе мне, сударыня! Примите сердце мое, которое готово разорвать мне грудь, чтобы очутиться в руке той, от кого я жду милости, жизни и сострадания. Теперь оно принуждает меня признаться вам в любви, которую я так долго таил, ибо ни оно, ни я не властны над этим могучим божеством».

Признания мои чрезвычайно ее удивили. Она хотела было отдернуть руку. Но я так крепко прижал ее, что перчатка осталась — на том самом месте, где сия жестокая рука пребывала. А так как после этого мне не привелось больше находиться в такой близости к ней, я ношу эту перчатку на груди, как целительный пластырь для сердца, и я украсил ее самыми богатыми камнями, какие только имел, хотя главное сокровище мое — это сама перчатка: я не расстался бы с нею, даже если бы мне предложили за нее все английское королевство. Самая большая радость, какая у меня есть на этом свете, — это чувствовать ее у себя на груди.

Сеньер де Монморанси, который сам руку дамы предпочел бы ее перчатке, похвалил великое благородство его души, сказав, что это пример самой удивительной любви, какую только ему приходилось видеть в жизни, и что он считает собеседника своего достойным лучшего обращения. Ведь владелец перчатки так высоко чтит подобную безде-

лицу, что, если в руки его попадет нечто большее, он может умереть от радости. Выслушав сеньера де Монморанси, лорд согласился с ним, нимало не догадавшись, что тот над ним просто подсмеивается.

— Если бы все мужчины вели себя так благородно, дамы могли бы им вполне доверять, да и стоило бы им это только перчатки.

— Я хорошо знал сеньера Монморанси,— сказал Жебюрон,— и я уверен, что он не стал бы жить так, как этот англичанин; ежели бы он довольствовался столь малым, он не испытал бы тех радостей любви, которые достались на его долю; ведь в старинной песенке говорится:

Никогда влюбленному трусу
Не стяжать себе доброй славы.

— Обратите внимание вот на что,— сказал Сафредан,— как только эта бедная женщина почувствовала, что сердце у него так бьется, она мгновенно отдернула руку. Она ведь считала, что он может умереть,— а, говорят, женщины больше всего боятся прикасаться к покойнику.

— Если бы вы столько бывали в больницах, сколько вы бываете в тавернах,— сказала Эннасюита,— вы бы так не говорили, вы бы увидели, что женщины обряжают покойников, до которых мужчины при всей их храбрости боятся дотронуться.

— Действительно, нет ни одного человека,— сказал Сафредан,— которому не пришлось бы расплачиваться за полученные удовольствия и страдать тем больше, чем больше он в свое время наслаждался. Так было с одной девушкой, которую мне довелось встречать в одном порядочном доме: чтобы заплатить за наслаждение, которое она получила, целуя любимого человека, ей пришлось в четыре часа утра целовать бездыханное тело убитого накануне дворянина, которого она ни капельки не любила. И тогда каждый понял, что этим она искупает великое наслаждение. Коль скоро мужчины не умеют ценить все творимое женщинами добро, я считаю, что их и вообще-то никогда не следует целовать — ни живых, ни мертвых, разве только в тех случаях, когда нам это велит господь.

— Что до меня,— сказал Иркиан,— то мне так мало дела до всяких поцелуев, кроме поцелуев моей жены, что я готов согласиться на все, что угодно. Жаль только людей молодых, которых вы лишаете последних радостей, пренебрегая

заповедью апостола Павла, который велит приветствовать друг друга *in osculo sancto*¹.

— Если бы апостол Павел был таким, как вы,— сказала Номерфида,— мы непременно захотели бы удостовериться, действительно ли в нем говорит дух господень.

— Выходит, что вы готовы усомниться в Священном писании,— сказал Жебюрон,— лишь бы не поступиться своими предубеждениями.

— Упаси боже, чтобы мы стали еще сомневаться в Священном писании,— сказала Уазиль.— Но мы не очень-то верим всей вашей лжи. Нет ни одной женщины, которая не знала бы обстоятельно, как она должна поступать: никогда не сомневаться в слове божьем — точно так же, как не принимать на веру слова мужчин.

— А по-моему,— сказал Симонто,— на свете больше мужчин, обманутых женщинами, чем женщин, которых обманули мужчины. Женщины любят нас недостаточно и поэтому нам не верят, мы же любим их такой огромной любовью и до того готовы верить всем их выдумкам, что бываем обмануты ими гораздо раньше, чем заподозрим этот обман.

— Можно подумать, что вам пожаловался какой-нибудь дурак, которого обманула сумасбродка,— сказала Парламента,— тому, что вы говорите, поверить совершенно невозможно, и надо, чтобы вы подтвердили ваши слова примером. Поэтому, если вы знаете такой случай, я передам вам слово, чтобы вы его рассказали. Я вовсе не хочу сказать, что слова ваши заставят нас вам поверить, но, во всяком случае, когда вы станете открыто клеветать на женщин, мы не будем огорчаться, ибо будем уже знать, с кем имеем дело.

— Ну что же, если хотите, я расскажу вам эту историю,— сказал Дагусен.

НОВЕЛЛА ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ

Некий дворянин, слишком легко поверивший женщине, которой он перед этим нанес обиду, покинув ее ради других — причем именно тогда, когда она больше всего его любила,— был обманут ею и высмеян всем двором.

При дворе Франциска Первого находилась одна весьма достойная и умная дама. Благонаравием своим, обходительностью и приятностью она подкупала сердца многих кавалеров и так хорошо умела занять их, ни в чем не поступаясь честью, так поражала их остроумием своих речей, что

¹ Целованием святым (лат.).

они не находили, что отвечать ей: тех, кто был больше всего уверен в себе, она заставляла отчаиваться, а в отчаявшихся вселяла надежду. И так она насмехалась едва ли не над всеми своими кавалерами, а между тем сама очень полюбила одного из них и величала его *кузеном* — именем, которое могло значить в ее устах и нечто другое. А так как в мире нет ничего устойчивого, дружба их нередко омрачалась ссорой, после чего, однако, снова возобновлялась и становилась еще крепче, чем раньше, и весь двор не мог этого не замечать.

Однажды дама эта — то ли чтобы убедить всех, что она никого не любит, то ли чтобы заставить страдать того, из-за кого сама претерпевала немало страданий, — сделалась с ним вдруг необычно ласковой, такой, какой раньше никогда не бывала. Видя это, дворянин, который и на войне и в любви бывал всегда храбр, начал еще более решительно добиваться взаимности той, к которой он уже несколько раз обращался со своими мольбами. Дама же, притворившись, что он ее окончательно разжалобил, согласилась на все, о чем он ее просил, и сказала, что поднимется наверх, где, как она хорошо знает, никого нет, и как только он увидит что она ушла, пусть тут же следует за нею, ибо там она будет одна. Видя, что она очень к нему благослонна, и поверив ее словам, дворянин так обрадовался, что принялся ухаживать за другими дамами, ожидая, пока она удалится, чтобы тут же последовать за ней. Она же, будучи искусенной во всех женских хитростях, отправилась к принцессе Маргарите, дочери короля, и к герцогине де Монпансье и сказала им:

— Хотите позабавиться так, как вам еще в жизни не приходилось?

Дамы эти не любили грустить и попросили ее сказать им, что она задумала.

— Дело касается такого-то, — сказала она, — человека, как вы знаете, очень доблестного и смелого. Вы знаете, сколько неприятностей он мне причинил: когда я любила его всей силой моей любви, он предпочел мне других; и сколько горя мне пришлось из-за него испытать — никто не знает. А теперь вот господь дал мне средство отомстить ему за все. Сейчас я уйду к себе в комнату — она прямо над этой. Посмотрите, что он будет делать: вы увидите, что он придет туда следом за мной. И вот, когда он минует галерею и начнет подниматься по лестнице, — пожалуйста, подойдите обе к окну и вместе со мной кричите: «Караул! Грабят!» Вы увидите, как он разъярится; будем думать, что он не учинит ничего непристойного, но если он и не

станет меня ругать открыто, то про себя он все же добром меня не помянет.

Принцесса и герцогиня весело рассмеялись, ибо ни один из кавалеров не воевал с дамами столько, сколько этот, а при дворе он пользовался у всех большим уважением и любовью, и насмешек его все очень боялись. Поэтому обе они решили, что имеют право быть причастны к победе, которую надеялась одержать эта дама.

И вот, едва только та, которая все это затеяла, ушла, они стали внимательно следить за дворянином, который собрался куда-то уйти. Когда же он открыл дверь, дамы вышли на галерею, чтобы не потерять его из виду. Ничего не подозревая, он окутал шею плащом, чтобы спрятать лицо; потом он спустился с лестницы во двор, а после этого снова поднялся. Но, встретив там кого-то и не желая, чтобы тот его узнал, он спустился снова и вернулся с другой стороны. Принцесса и герцогиня все это видели, а дворянин их не замечал. Когда же он дошел до лестницы, по которой мог спокойно подняться в комнату своей возлюбленной, обе они подбежали к окну и тут же увидели его даму, которая стала во весь голос кричать, что забрался вор, и призывала на помощь. Тогда обе дамы, находившиеся внизу, принялись ей вторить — и так громко, что голоса их разнеслись по всему дворцу.

Можете себе представить, в какой досаде дворянин этот убежал к себе, не успев укрыться от глаз дам, которые уже знали его тайну и часто потом вспоминали о его бегстве, равно как и та, которая устроила эту засаду и которая потом сама сказала ему, что теперь-то она отомщена. У дворянина, однако, были на все свои ответы и отговорки; он очень ловко старался убедить их, что догадался об их затее и дал своей даме обещание прийти наверх только для того, чтобы немного поразвлечься. Он сказал, что никогда бы не пошел туда из любви к ней, ибо от этой любви давно уже ничего не осталось. Однако дамы никак не хотели с ним согласиться, да и сейчас ведь никто в точности не может сказать, как все было. Но если он в самом деле поверил обманщице, что вполне могло быть, — то, коль скоро в его время мало кто мог с ним сравниться умом и отвагой и, уж во всяком случае, никто не мог его превзойти (что он потом и доказал, ибо умер доблестной смертью), вам, пожалуй, придется признать, что мужчины, которые любят, обычно верят больше, чем следует, своим дамам и те часто водят их за нос.

— Я считаю, что дама эта поступила правильно,— сказала Эннасюнта,— ибо, если женщина любит мужчину, а он бросает ее ради другой, он заслуживает самой жестокой мести.

— Разумеется,— сказала Парламанта,— но только если он сам ее любит. А то ведь есть женщины, которые влюбляются в мужчин, не будучи уверенны в их взаимности. А потом, узнав, что те полюбили других, они принимаются обвинять их в непостоянстве. Вот почему женщины умные никогда не бывают обмануты заверениями мужчин; они не обращают на них внимания; они не верят даже словам, в которых есть правда, ибо и у правды и у лжи язык-то один.

— Если бы все дамы думали так, как вы,— сказал Симонто,— мужчины должны были бы спрятать подальше все свои мольбы; но только, что бы вы и вам подобные ни говорили, мы никогда не поверим, что подозрительность — такое же свойство женщин, как и красота. И как вам ни хотелось бы смутить нас своими доводами, это убеждение наше позволяет нам жить в радости.

— Я хорошо знаю,— сказала Лонгарина,— кто та дама, которая так посмеялась над этим дворянином, и должна сказать, что считаю ее способной на любую хитрость,— коль скоро она не пощадила мужа, она, конечно, не пощадила и своего кавалера.

— Как это не пощадила мужа? — воскликнул Дагусен.— Вы, должно быть, знаете о ней больше, чем я! Раз так, я уступаю вам свое место, чтобы вы нам рассказали об этом.

— Если вы согласны меня выслушать, я охотно расскажу вам то, что знаю,— ответила Лонгарина.

НОВЕЛЛА ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ

Та же самая дама, заметив, что муж ее недоволен тем, что у нее есть кавалеры, с которыми она проводит время (хоть и ничем не пороча при этом свою честь), стала тщательно его выслеживать и обнаружила, что он неравнодушен к одной из ее служанок; тогда она подговорила служанку согласиться на все, о чем он ее просил, и ухитрилась уличить мужа в поступке столь неблагоприятном, что тому пришлось сознаться, что он заслуживает более сурового наказания, чем его супруга, которая с этого дня получила возможность жить так, как ей нравится.

Дама, о которой вы только что рассказывали, вышла замуж за одного богатого дворянина, происходившего из очень старинного и знатного рода, причем оба они не чаяли

души друг в друге. Будучи женщиной светской, умевшей повеселиться, она не стала скрывать, что у нее есть кавалеры. Она даже любила потешаться над своими поклонниками и нередко развлекала мужа рассказами о них. Но мужу такая жизнь в конце концов надоела. Ему не нравилось, что жена столько времени проводит в обществе мужчин, которые не были ему ни родственниками, ни друзьями, и к тому же его сердили большие траты, которые ему приходилось совершать, чтобы она могла роскошно одеваться и блистать при дворе. Поэтому он пользовался каждым удобным случаем остаться дома, но в дом к ним стало приходиться столько гостей, что расходы не становились меньше. Жена же его, где бы она ни бывала, всегда ухитрялась проводить время за играми, танцами и прочими светскими развлечениями, за которыми молодым женщинам пристало коротать свой досуг. А когда муж ее с улыбкою говорил ей, что они проживают слишком много, она отвечала, что он может быть совершенно спокоен,—если ему и придется что-нибудь носить, то не рога, а разве только суму, потому что она очень любит наряды и ей надо быть одетой богаче и роскошнее всех при дворе. И как муж ни старался, чтобы поездки ко двору происходили возможно реже, она тем не менее никогда не упускала случая туда отправиться. И всякий раз она умела подластиться к мужу, который не хотел ей ни в чем отказать.

Но вот однажды, когда, несмотря на все ухищрения, ей никак не удавалось поехать на придворный праздник, она вдруг заметила, что муж ее равнодушен к одной из ее служанок, и решила воспользоваться этим обстоятельством. Она позвала служанку и так искусно обо всем ее расспросила, пуская в ход то ласки, то угрозы, что девушка призналась, что, с тех пор как она находится у них в доме, не было дня, чтобы ее господин не волочился за нею, но она считает, что ей лучше умереть, чем поступить против бога и чести своей, тем более что госпожа оказала ей такую великую милость, взяв к себе в дом. Услыхав о вероломстве мужа, дама эта огорчилась, но в то же время обрадовалась. Ей было обидно узнать, что муж ее, который делал вид, что так ее любит, в действительности так позорит ее, несмотря на то, что она и красивее и привлекательнее той, на которую он готов ее променять. Вместе с тем она обрадовалась тому, что теперь, когда муж ее уличен в столь тяжком проступке, он уже не сможет упрекать ее ни за поездки ко двору, ни за ее кавалеров. И, чтобы довести дело до конца, дама эта попросила, чтобы служанка понемногу начала уступать прось-

бам ее мужа, соблюдая те условия, которые она ей поставит. Девушка сначала отказывалась, но после того как госпожа уверила ее, что ни жизни, ни чести ее ничто не угрожает, согласилась.

Продолжая волочить за служанкой, муж вдруг заметил, что девушка переменялась и стала более податливой. Тогда он начал добиваться своего еще настойчивее, чем прежде. Девушка же выучила свою роль наизусть и стала говорить, что она бедна и что, если только она снизойдет к его просьбам, все надежды ее рухнут и госпожа, вместо того чтобы выдать ее замуж за хорошего человека, ее прогонит. На это дворянин ответил, что беспокоиться ей нечего, что он сам найдет для нее жениха — и лучше и богаче того, кого ей обещает ее госпожа, — и что к тому же все останется в тайне и никто об этом не будет знать. В конце концов девушка дала свое согласие, — и, когда зашла речь о том, какое место им облюбовать для этой приятной встречи, она сказала, что лучше всего для этого подойдет маленький домик в глубине сада, где есть и спальня и кровать и где их никто не увидит. Дворянин, который готов был пойти куда угодно, согласился и с нетерпением стал ждать назначенного дня и часа. Служанка сдержала слово, данное своей госпоже, и рассказала ей во всех подробностях о своем разговоре с ее мужем и о том, что свидание их назначено на следующий день, после обеда. Девушка обещала, что, когда нужно будет, позовет ее, и просила свою госпожу помнить об этом и прийти сию же минуту, чтобы уберечь ее от опасности, которой она, не желая ослушаться господской воли, себя подвергает. Та заверила ее, что бояться нечего, что она ее не оставит и защитит от ярости мужа. На другой день, после того как они пообедали, дворянин был особенно ласков с женой; последней это было не очень приятно, но она сумела так хорошо притвориться, что он ничего не заметил. После обеда жена спросила его, что он собирается делать. Он ответил, что у него большое желание поиграть в карты. Тут же был принесен стол, и все сели за игру. Но жена сказала, что играть ей что-то не хочется и она лучше посидит и посмотрит. Перед тем как сесть за карты, муж успел напомнить служанке о ее обещании. И в то время как он сидел и играл, девушка прошла в комнату и незаметно сделала знак своей госпоже, из которого та поняла, что она собирается совершить небольшую прогулку; муж же ничего этого не заметил. Но через час, когда один из его слуг знаками позвал его издали, он сказал жене, что у него разболелась голова и он хочет

немного отдохнуть и подышать свежим воздухом. Зная не хуже его самого, что у него за болезнь, жена спросила, не сесть ли ей поиграть за него, и он уступил ей свое место, сказав, что скоро вернется. В ответ на это жена тут же заверила его, что, даже если ей придется сидеть за игрой два часа, она все равно не соскучится. Муж ее сначала пошел к себе в комнату, а оттуда по аллее в парк. Жена, зная другую, более короткую дорогу, выждала немного, а потом, притворившись, что у нее схватило живот, посадила вместо себя играть другого. Выйдя из комнаты, она сняла свои башмаки на высоких каблуках и, боясь опоздать, побежала со всех ног в условное место. Она прибежала туда как раз вовремя и, войдя с другой стороны в домик, куда только что перед этим пришел ее муж, спряталась за дверь и стала слушать, как супруг ее признавался в своих высоких и благородных чувствах служанке. А как только она увидела, что дело начинает доходить до большего, она схватила его за спину и сказала:

— Я слишком близко, чтобы тебе могла понадобиться другая.

Нечего и говорить, что муж ее был вне себя от гнева. Он увидел, что лишается всех радостей, которых так ждал, и что жена его узнала больше, чем надо, так что теперь он может навсегда утратить ее любовь. И, решив, что виновата во всем служанка, он, не сказав ни слова жене, погнался за несчастной девушкой в такой ярости, что, если бы жена не вырвала ее у него из рук, он бы ее наверное убил; он стал говорить, что это прелегкая девка, что жене его надо было немного подождать — и она бы убедилась, что он хотел только посмеяться над этой негодницей и что вовсе не стал бы учинять над ней то, к чему она приготовилась, а вместо этого отхлестал бы ее розгами. Но жена его была женщиной достаточно искушенной в жизни, и обмануть ее было нелегко: она обрушила на него столько упреков, что он даже испугался, что она совсем от него уйдет. Ему пришлось обещать ей, что он исполнит все, чего она от него хочет. А так как упреки жены были справедливы, ему оставалось только признаться, что он был не прав, когда осуждал ее за то, что у нее такое множество кавалеров. Ибо женщина красивая и порядочная не становится менее добродетельной оттого, что ее любят, если только не делает и не говорит ничего, что может запятнать ее честь; мужчина же, если он преследует женщину, которую не любит, и этим позорит и жену и совесть свою, действительно заслуживает

самого сурового наказания. И муж обещал ей, что впредь, если ей захочется поехать на какое-нибудь придворное празднество, он никогда не будет чинить ей препятствий, равно как и осуждать ее за то, что у нее есть кавалеры; он ведь хорошо знает, что она никого из них не любит и только потешается над ними. Жене такое решение пришлось по душе, она стала думать, что одержала этим немалую победу, но мужу в этом не призналась, а напротив — притворилась огорченной и ответила, что поездки ко двору уже не доставляют ей теперь ни малейшего удовольствия, ибо она видит, что он ее разлюбил, а без его любви всякое общество будет ее только раздражать; ведь только тогда, когда женщина любима своим мужем и сама его любит, как то было с ней, она может преспокойно разговаривать с кем угодно и никто не станет над нею смеяться. И ее бедному мужу пришлось немало потрудиться, чтобы убедить ее, что он по-прежнему ее любит. Но в конце концов они все же помирились и вместе вернулись в дом. Однако, для того чтобы подобные вещи не могли больше повторяться, он попросил ее прогнать служанку, причинившую ему столько неприятностей. Дама эта с ней действительно рассталась, но сначала нашла для нее хорошего жениха и, справив за счет своего супруга приданое, выдала ее замуж.

А для того чтобы жена забыла о его безрассудстве, муж сам начал возить ее на придворные празднества и одевать со всею роскошью и богатством, что ей и требовалось для того, чтобы быть счастливой.

— Вот, благородные дамы, почему я сказал, что нет ничего странного в том, как эта дама поступила с одним из кавалеров, ибо точно так же она вела себя и с собственным мужем.

— Вы рассказали нам про очень хитрую жену и очень глупого мужа, — сказал Иркин, — ведь если уж он добился такой удачи, ему не следовало останавливаться на полдороге.

— А что же он, по-вашему, мог еще сделать? — спросила Лонгарина.

— Да то, что хотел, — ответил Иркин, — жена ведь пришла в такой великий гнев, узнав о том, что он собирается учинить, что, если бы даже он и исполнил все, что задумал, гнев ее вряд ли мог бы быть еще сильнее, пожалуй, жена стала бы только больше его уважать, увидав, как он смел и решителен.

— Все это хорошо,— сказала Эннасюита,— но где же вы видели, чтобы мужчине приходилось одновременно сражаться с двумя женщинами? Жена его защищала свои права супруги, а служанка — свою невинность.

— Так-то оно так,— подтвердил Иркан,— но человеку смелому не приходится бояться двух слабых женщин, он все равно достигает того, чего хочет.

— Ну, разумеется,— сказала Эннасюита — выхватив шпагу, он мог бы убить их обеих, и я не представляю себе, как бы он выпутался иначе из этого положения Поэтому будьте так добры сказать, что бы вы, например, сделали на его месте?

— Я бы обнял жену,— сказал Иркан,— и унес ее на руках из комнаты. А потом бы уж расправился со служанкой по своему вкусу — либо лаской, либо силой.

— Хватит вам рассказывать о том, сколько вы можете сотворить зла,— воскликнула Парламанта

— Не беспокойтесь, Парламанта,— ответил Иркан,— я не способен смутить моими речами ничьей невинности. Но это отнюдь не значит, что я сочувствую дурному поступку. Меня удивляет только затея, которая сама по себе ничего не стоит, и я не одобряю человека, который, взявшись за дело, не доводит его до конца, причем вовсе не потому, что любит жену, а потому, что ее боится. Когда муж любит свою жену так, как велит господь, он заслуживает всяческой похвалы, но я не могу уважать мужчину, когда любви у него нет, а есть только страх.

— Конечно,— сказала Парламанта,— если бы вы не могли стать хорошим мужем из любви ко мне, мало было бы мне радости в том, что вы стали бы делать из страха.

— Вы забываете,— ответил Иркан,— что любовь, которую я к вам питаю, делает меня более послушным, чем страх перед смертью и перед муками ада.

— Можете говорить что угодно,— сказала Парламанта,— но, насколько я знаю, у меня нет причин быть вами недовольной, что же касается того, что от меня укрылось, то я не хочу ни подозревать вас, ни тем более выслеживать.

— Большую глупость, по-моему, совершают те женщины, которые неусыпно следят за своими мужьями,— сказала Номерфида,— равно как и мужья, которые выслеживают своих жен. Ибо достаточно каждому дню его заботы, а о том, что может случиться завтра, беспокоиться не стоит.

— Если иногда и бывает необходимо следить за тем, кто бесчестит семью,— сказала Уазиль,— то лишь для того, чтобы порядок в доме не нарушался, а вовсе не для того,

чтобы осуждать людей. Нет ни одного человека, который был бы без греха.

— А ведь сколько раз люди попадали в неприятное положение из-за того, что они тщательно не следили за поведением своих жен,— заметил Жебюрон.

— Если вы знаете такой случай, то, пожалуйста, расскажите,— попросила Лонгарина.

— Один такой случай я действительно знаю,— сказал Жебюрон,— и, если угодно, я вам его расскажу.

НОВЕЛЛА ШЕСТИДЕСЯТАЯ

Один парижанин, не разузнав хорошенько, что случилось с его женой — он думал, что ее уже нет в живых, тогда как на самом деле она спуталась с певчим дворцовой капеллы,— женился на другой женщине, с которой, после того как они прожили вместе четырнадцать или пятнадцать лет и у них родилось несколько детей, ему пришлось расстаться, чтобы вернуться к первой жене.

В городе Париже жил один человек, настолько простодушный, что даже если бы он своими глазами увидел, что кто-то спит с его женой, он бы этому не поверил. Этот бедный малый был женат на женщине такого дурного нрава, что хуже нельзя было и придумать. Однако он не только не замечал ее поведения, но даже обращался с нею, как с женщиной самой порядочной и благородной.

Однажды, когда король Людовик Двенадцатый прибыл в Париж, распутница эта сошлась с одним из певчих придворной капеллы. Когда же она увидела, что король собирается уезжать и ей предстоит расстаться с любовником, она решила покинуть мужа и последовать за певчим. Тот согласился взять ее с собой и повез ее в свой дом, который находился неподалеку от Блуа, где они потом долгое время жили вместе. Несчастный супруг, обнаружив, что жены его нет, принялся искать ее всюду, где только мог, пока кто-то не сказал ему, что она уехала с певчим. Стремясь вернуть заблудшую овцу, которую он так и не устерег, муж написал немало писем, в которых просил жену возвратиться домой, обещая, что примет ее, если она будет вести себя, как подобает женщине порядочной. Но ей так нравилось пение певчего, с которым она жила, что она успела совсем позабыть голос мужа и, вместо того чтобы внять его добрым словам, только посмеялась над ним. Тогда ее разгневанный супруг велел

передать ей, что, если она не хочет вернуться к нему добром, он обратится за правосудием к Церкви и ее все равно заставят вернуться. Женщина эта, боясь, что, если в дело вмешается Церковь, ей и певчому придется плохо, пошла на хитрость, придумать которую могла только такая, как она. Притворившись больной, она послала за всеми почтенными горожанками, прося их прийти навестить ее. Те сразу же откликнулись на ее зов, полагая, что болезнь эта отвратит ее от дурной жизни, и все принялись горько ее упрекать, надеясь, что теперь-то она станет вести себя иначе. Тогда, сделав вид, что ей совсем худо, женщина эта притворилась, что плачет и раскаивается в совершенном грехе, и все собравшиеся, поверив, что она говорит от чистого сердца, стали очень ее жалеть. И, видя, что она и раскаялась и смирилась, все они принялись утешать ее, говоря, что господь наш не так уж суров, как его изображают многие проповедники, и что можно не сомневаться, что он не откажет ей в милости. И, чтобы испросить у господя эту милость, они послали за приходским священником, дабы тот исповедовал ее и причастил, и на следующее же утро тот явился. И больная столь благоговейно его приняла, что все почтенные женщины этого города, которые присутствовали при этом, видя, сколь она благочестива, плакали от умиления, воздавая хвалу господу за то, что он сжалился над несчастной грешницей. А так как она притворилась, что не может ничего проглотить, священник помазал ее миром, на что она ответила ему немymi знаками благодарности, и все поверили, что она действительно не в силах произнести ни слова. И так она пролежала долгое время, и казалось, что понемногу и зрение, и слух, и остальные чувства ее оставляют. И все стали молиться, восклицая: «Господи Иисусе!» А так как уже начало темнеть, а дамы эти прибыли издалека, всем им пора было возвращаться, и в ту минуту, когда они выходили из дома, им сказали, что больная скончалась. С этим они и вернулись домой, повторяя слова заупокойной молитвы. Приходский священник спросил певчего, где он хочет похоронить жену, и тот ответил, что она наказала, чтобы ее похоронили на местном кладбище, и что лучше всего отвезти ее туда ночью.

Одна из ее служанок одела эту несчастную и положила в гроб, стараясь не причинить ей при этом ни малейшей боли. А потом зажгли факелы и отнесли ее к только что вырытой могиле. И когда тело ее несли по улицам, где жили те, которые присутствовали при соборовании, все эти женщины выходили из своих домов и проводили усопшую до самой

могилы. Вскоре после погребения все — как духовные лица, так и те, кто знал покойную, — разошлись. Но певчий никуда не ушел и, как только увидел, что все уже далеко, вместе со служанкой раскопал могилу, где лежала его подруга, живая и в добром здравии, и потихоньку отвез ее домой, а потом долгое время ее скрывал.

Муж, не перестававший ее преследовать, приехал в Блуа, чтобы расправиться с ней по закону. И тут ему сообщили, что она умерла и предана земле, и это подтвердили все местные дамы, которые рассказали ему, сколь благостны были последние часы ее жизни. Бедняга очень радовался, что душа его жены попала в рай, а сам он навек избавился от ее грешного тела. Довольный, он вернулся в Париж, где женился на очень красивой и благородной молодой женщине и к тому же хорошей хозяйке, от которой у него родилось несколько детей. И они прожили вместе четырнадцать или пятнадцать лет. Но в конце концов молва, которая всегда все тайное делает явным, распространила весть о том, что жена его не умерла и по-прежнему живет с этим негодником певчим. Несчастный муж старался скрывать это от всех сколько мог, притворившись, что ничего толком не знает, и в душе продолжая надеяться, что все это ложь. Но об этом проведала его вторая жена, женщина очень неглупая, и едва не умерла от горя.

Муж ее, если бы только совесть ему позволила, охотно бы все утаил, но сделать это было уже невозможно, так как в дело вмешалась Церковь, решившая навести порядок. И Церковь решила разлучить эту женщину с мужем до тех пор, пока все не будет проверено и точно установлено. И бедняга вынужден был оставить эту добрую женщину и отправиться на поиски злой. Он поехал в Блуа — это было вскоре после того, как на престол вступил Франциск Первый, — нашел там королеву Клод и регентшу и принес им свою жалобу, требуя вызвать ту, которой он предпочел бы никогда больше в жизни не видеть. И при дворе все прониклись к нему превеликой жалостью. А когда жена его предстала перед ними, она долгое время отказывалась от него, говоря, что он вовсе не ее муж, чему тот, если бы только мог, с радостью бы поверил. И женщина эта, не столько пристыженная, сколько огорченная, сказала что готова скорее умереть, чем возвращаться к нему, и таким ответом он был очень доволен.

Но обе королевы, услышав ее бесчестные речи, присудили ее к тому, чтобы вернуться, и так напугали певчего своими угрозами, что тот был вынужден сказать своей мерзкой

подруге, что больше не хочет ее видеть и она должна сейчас же вернуться к мужу. И выгнанной отовсюду несчастной пришлось возвращаться в свой прежний дом, где муж ее обошелся с ней лучше, чем она того заслужила.

— Вот, благородные дамы, почему я сказал, что, если бы бедный муж лучше караулил свою жену, он бы не потерял ее, ведь то, что мы умеем беречь, не так легко потерять, и воры всегда льстятся на то, что плохо лежит.

— Удивительное дело,— воскликнул Иركان, — до чего любовь сильна именно там, где она всего безрассуднее!

— Мне говорили,— сказал Симонто,— что легче расторгнуть сотню браков, чем разлучить одного священника с его служанкой.

— Очень может быть,— сказала Эннасюита,— ибо те, которые связывают других узами брака, умеют затянуть такой крепкий узел, что только смерть способна его разорвать. Ученые же богословы считают, что язык духа значит больше, чем любой другой, а следовательно, и любовь духовная превосходит всякую другую.

— Вот уж чего я никак не прощаю женщинам,— сказал Дагусен,— так это того, что они бросают примерного мужа или друга ради священника, как бы красив и порядочен тот ни был.

— Прошу вас, Дагусен,— сказал Иركان,— не вмешивайте в разговор мать нашу, Пресвятую церковь. Поверьте, что для тех женщин, которых робость и скрытность делают несчастными, самое большое удовольствие — это грешить с людьми, которые сами же могут потом отпускать им грехи; ибо есть ведь такие, которым признаться в своем грехе труднее, чем этот грех совершить.

— Вы говорите,— сказала Уазиль,— о женщинах, которые забыли бога и которые думают, что содеянное втайне не предстанет перед небесным судом. Но исповедников они себе ищут отнюдь не для того, чтобы исповедоваться перед ними. Враг рода человеческого так ослепляет их, что заботы их направлены на то, чтобы укрыться где-нибудь в самом надежном и укромном уголке, а вовсе не на то, чтобы получить отпущение грехов, раскаиваться в которых у них нет ни малейшего желания.

— Какое там раскаиваться,— воскликнул Сафредан,— они еще считают себя более праведными, чем все остальные

женщины. И я уверен, что есть среди них такие, которые даже польщены подобною связью.

— Вы так об этом говорите,— сказала Уазиль, обращаясь к Сафредану,— что можно подумать, что одна из них вам известна. Поэтому, прошу вас, поделитесь с нами завтра тем, что вы знаете, и завтрашний день мы начнем тогда с вашего рассказа. А то уже начинают звонить к вечерне; монахи наши прослушали последний рассказ и, как видите, ушли, оставив нас одних продолжать наши споры.

После этих слов все поднялись с мест и направились в церковь, где их дожидались, чтобы начать службу. И, прослушав вечерню, вся компания села за ужин, продолжая разговаривать о слышанных ими интересных рассказах. А после ужина, по обыкновению, все пошли на лужайку, чтобы погулять на свежем воздухе и отдохнуть перед завтрашним днем.

Конец шестого дня

ДЕНЬ СЕДЬМОЙ

В СЕДЬМОЙ ДЕНЬ ИДЕТ РАЗГОВОР О ЛЮДЯХ, КОТОРЫЕ ПОСТУПАЛИ КАК РАЗ ТАК, КАК ИМ НЕ СЛЕДОВАЛО ПОСТУПАТЬ И КАК ОНИ САМИ ТОГО НЕ ХОТЕЛИ.

ВСТУПЛЕНИЕ

Втром госпожа Узиль, по обыкновению, поведала всем остальным спасительные истины, которые она почерпнула в деяниях и благочестивых подвигах славных рыцарей и апостолов Иисуса Христа, о которых рассказывает Святой Лука, и сказала, что одних этих притч уже достаточно, чтобы людям захотелось увидеть воочию сии блаженные времена и горько плакать о том, что наши дни так на них не похожи. А когда она уже порядочно прочла им из этой книги и разъяснила прочитанные ею первые главы, она предложила всем пойти в церковь и попросила своих друзей вознести молитвы к господу, как это делали апостолы, моля его о ниспослании благодати, в которой он никогда не отказывает просящим. Предложение ее было одобрено всеми. И вся компания пришла в церковь в то время, когда там начинали мессу Святого духа, что было для них очень кстати: и сеньеры и дамы с превеликим благоговением прослушали ее до конца. После чего все отправились обедать, вспоминая жития апостолов, которые так им пришлось по душе, что они едва не забыли о своем привычном времяпрепровождении. Вспомнила об этом самая молодая из них, Номерфида, и сказала:

— Госпожа Уазиль так укрепила нас в благочестии, что мы забыли, что нам пора уже расходиться и каждому надо готовить свой рассказ.

После этих слов все поднялись с мест и разошлись по своим комнатам, чтобы потом снова собраться на лужайке, как и в предыдущие дни. И когда все удобно там расселись, госпожа Уазиль сказала Сафредану:

— Хоть я и убеждена, что вы не способны сказать ничего хорошего о женщинах, я попрошу вас рассказать нам ту новеллу, которую вы приготовили еще с вечера.

— Заверяю вас, госпожа моя,— возразил Сафредан,— что вам не придется обвинять меня в злословии, ибо я расскажу истинную правду, и я не потеряю расположения добродетельных дам, рассказав о том, как вели себя безрассудные. Я сам испытал на себе, что значит потерять возможность видеть самых достойных представительниц прекрасного пола. И если бы я к тому же лишился их милости, меня, вероятно, уже не было бы сейчас на свете.

С этими словами он отвратил свой взгляд от той, которая была причиной и радостей его и горя. Но едва только он посмотрел на Эннасюту, та покраснела, как будто все, что он говорил, относилось именно к ней. Однако слова его услышала и та, к которой они были обращены. Госпожа Уазиль, со своей стороны, постаралась убедить его, чтобы он не стеснялся говорить правду, кого бы эта правда ни задевала.

Тогда Сафредан начал свой рассказ.

НОВЕЛЛА ШЕСТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

Муж мирится с женой, после того как та, уйдя от него, четырнадцать или пятнадцать лет прожила с каноником из Отэна.

Близ города Отэна жила женщина удивительной красоты: высокая, белолицая, она так была хороша собой, что равной ей я не видывал. Она вышла замуж за очень порядочного человека, который выглядел моложе ее. Он любил ее и так хорошо с ней обращался, что она не могла быть им недовольна. Вскоре после свадьбы он повез ее в город Отэн, где у него были какие-то дела. И там, пока муж занимался этими делами, жена его отправилась в церковь помолиться за него богу. И она так часто стала ходить туда, что один из каноников, человек очень богатый, влюбил-

ся в нее и принялся столь настойчиво ее преследовать, что несчастная в конце концов отдалась ему, о чем муж даже не подозревал. Он больше всего заботился о том, чтобы сохранить свое богатство, а не жену. Но когда им надо было уезжать из Отэна и возвращаться домой — а жили они более чем в семи лье от города, — жена его стала горько об этом сожалеть. Каноник, однако, обещал, что будет часто навещаться к ней. Обещание свое он исполнил: сделав вид, что отправляется куда-то по делам, он каждый раз умудрялся заехать в дом, где жила его возлюбленная. Муж ее не был настолько глуп, чтобы ничего не заметить, и старался устроить все так, чтобы канонику не удавалось остаться вдвоем с его женой: каждый раз, когда тот приезжал к ним в дом, он хитрился куда-нибудь ее спрятать. Женщина эта, от которой не укрылась ревность мужа, ничем, однако, не выказывала своего неудовольствия. Она была уверена, что в конце концов сумеет все сделать по своему, и чувство ее было так сильно, что в те дни, когда она не видела своего божества, она испытывала поистине адские муки. Однажды, когда муж ее отлучился, она надавала разных поручений слугам и служанкам и, разослав всех, осталась одна в доме. Тогда она тут же собрала все самое необходимое и одна, сопутствуемая только своей безрассудной любовью, которая ее окрыляла, отправилась пешком в Отэн и успела прийти туда, пока еще было светло и каноник мог ее узнать. Он принял ее и спрятал и год с лишним держал у себя, несмотря на предупреждения и угрозы мужа. Тогда, видя, что все его усилия бесполезны, тот подал жалобу епископу, у которого был архидиакон, едва ли не самый порядочный человек во всей Франции. И архидиакон этот очень тщательно обыскал дома всех каноников, дабы найти ту, которую считали погибшей. Отыскав эту женщину, он заточил ее в тюрьму, каноника же со всей строгостью наказал. Узнав, что стараниями рачительного архидиакона жена его найдена, муж согласился взять ее обратно, заставив ее, однако, сначала поклясться, что впредь она будет жить так, как пристало женщине честной.

Она поклялась, и он поверил ей, ибо любил жену превеликой любовью. И, привезя ее к себе в дом, стал обращаться с нею столь же хорошо, как и раньше, только приставил к ней двух старых служанок, которые сменяли друг друга и ни на минуту не оставляли ее одну. Но как ласково ни обходился с ней муж, нечестивая любовь к канонику начисто лишала ее покоя и, несмотря на то, что она была женщиной очень красивой, а муж ее был мужчиной статным,

рослым и сильным, у нее никогда не было от него детей, ибо сердце ее всегда находилось за семь лье от ее тела. Однако она так искусно скрывала свою страсть, что мужу и в голову не могло прийти, что она вспоминает о прошлом. Но в действительности женщина эта оставалась такою же вероломной, как и была, и, едва только убедилась, что муж ее сделался более ласков и менее подозрителен, как притворилась больной. И она была так искусна в своем притворстве, что бедный супруг ее очень огорчился и ничего не жалел, чтобы только ее вылечить. Роль свою она играла так хорошо, что и все домочадцы были уверены, что недуг ее тягостен и с каждым часом она слабеет. Видя, что муж — которому по-настоящему следовало бы радоваться — глубоко опечален, она попросила его разрешить ей написать завещание, на что тот согласился, заливаясь слезами. А коль скоро она могла как угодно распоряжаться своим имуществом, ибо детей у них не было, она завещала все, что у нее было, мужу, моля его просить содеянные ею грехи. После чего она вызвала к себе священника, исповедалась и причастилась, выказав такое смирение, что все чуть не плакали, видя, сколь благочестиво она готовится к смерти. А когда наступил вечер, она попросила мужа снова послать за священником, чтобы тот соборовал ее, и велела при этом передать ему, что ей совсем худо и она боится, что не дождется его прихода. Муж поторопился исполнить ее просьбу, и великая кротость ее вызвала в людях умиление и все стали воздавать ей хвалу. Свершив последнее таинство, она сказала мужу, что, коль скоро господь смилостивился над нею и позволил ей исполнить свой христианский долг, совесть ее теперь успокоилась и она хочет немного уснуть. И она упросила мужа прилечь отдохнуть, сказав, что он пролил столько слез и не спал из-за нее столько ночей, что теперь ему, как и ей, нужен покой. Как только муж ушел и за ним последовали все его слуги, две старухи служанки, которые так тщательно смотрели за своей госпожой, пока она была здорова, решили, что теперь уже похитить ее может одна только смерть, и преспокойно улеглись спать. И когда больная услышала, что старухи громко храпят, она встала с постели и в одной рубашке вышла из комнаты, прислушиваясь к каждому шороху; когда же она убедилась, что все спят и она в безопасности, она преспокойно вышла в сад и, пройдя через маленькую комнату, которая всегда была открыта, — как была, в одной рубашке и босая, — пошла в Отэн к своему святому, который уберет ее от смерти. Шла она всю ночь, путь был дальний, и утро застало ее в

дороге. Оглянувшись, она заметила двух всадников, которые скакали во весь опор за нею следом. Сообразив, что это муж пустился за ней в погоню, беглянка залезла в болото, а голову спрятала в камышах; там она услышала, как, проезжая мимо, муж ее с отчаянием в голосе вскричал:

— Ах, негодница! Кто бы мог подумать, что, принимая святое таинство, она собирается поступить так мерзко и подло!

— Если Иуда не побоялся точно так же предать своего учителя,— сказал слуга,— можно ли удивляться, что вас предала жена!

Всадники промчались дальше, а женщина, сидевшая в камышах, радовалась тому, что обманула мужа, и чувствовала себя там счастливее, чем на мягкой постели у себя дома, где она была лишена всякой свободы. Несчастный муж искал ее по всему городу Отэну и в конце концов убедился, что и там ее нет. Тогда он вернулся назад тем же путем и всю дорогу не переставал сетовать на вероломство жены и на свою горькую долю. И он грозил, что, если только найдет, убьет ее тут же на месте. Но душа этой женщины не ощущала ни малейшего страха, точно так же как тело ее не ощущало холода, хотя, казалось бы, и сырые места, по которым она шла, и холодное время года должны были бы заставить ее раскаяться в своем поступке.

И кто не знает, как адский пламень согревает тех, в ком он вспыхивает, тот не мог бы надивиться, видя, как эта несчастная женщина, выскочив из теплой постели, могла провести целый день на таком лютом холоде. Но она не упала духом и, едва только стемнело, снова пустилась в путь и добралась до города Отэна, когда там уже собирались запирать городские ворота. И она отправилась прямо туда, где жил кумир ее сердца, которого приход ее до такой степени поразил, что он не сразу поверил тому, что это действительно она. И, только осмотрев ее и ощутив со всех сторон, святой отец убедился, что это не бесплотный дух, а существо из плоти и крови. И когда он окончательно в этом уверился, оба они обрели такую великую радость друг в друге, что с тех пор уже больше не расставались и прожили вместе четырнадцать или пятнадцать лет. И если вначале она еще скрывалась от посторонних глаз, то впоследствии она уже ничего не боялась и, что всего хуже, так возгордилась тем, что у нее такой друг, что стала выставять себя напоказ и, приходя в церковь, усаживалась среди самых порядочных женщин этого города, жен чиновников и судей. От каноника у нее были дети, и в числе их дочь, ко-

торуя она выдала замуж за богатого купца, а сама на свадьбе была такой нарядной и красивой, что вызвала большое возмущение у женщин этого города, однако никто ничего не мог с ней поделать. И случилось, что королева Клод, жена короля Франциска, проезжала в это время через город Отэн в обществе госпожи регентши, матери короля, и ее дочери, герцогини Алансонской. И однажды утром служанка королевы Перетта пришла к упомянутой герцогине и обратилась к ней со следующими словами:

— Умоляю вас, ваша светлость, выслушайте меня — и вы совершите доброе дело, которое дороже целого дня молений.

Герцогиня решила выслушать ее, ибо знала, что ничего дурного она ей посоветовать не может. Перетта тут же рассказала ей, что недавно взяла к себе маленькую девочку, чтобы та помогала ей стирать белье королевы. И когда она стала расспрашивать эту девочку, что нового в городе, та рассказала, что все порядочные женщины города оскорблены тем, что среди них находится любовница каноника, и поведала кое-что об ее жизни. Услыхав эту историю, герцогиня тут же отправилась к королеве и госпоже регентше, чтобы поделиться с ними всем, что узнала. Королева и госпожа регентша приказали этой женщине без всякого промедления явиться к ним, и та не стала от них ничего скрывать, ибо, вместо того чтобы стыдиться своей жизни, напротив, гордилась тем, что сделалась сожительницей такого богатого человека. И, нисколько не удивляясь тому, что за ней послали, и ничего не стыдясь, она предстала перед взором этих дам, которых смелость ее так поразила, что они сначала даже не знали, что ей сказать. Но вслед за тем госпожа регентша обрушила на ее голову такие упреки, что, слыша их, каждая порядочная женщина непременно бы разрыдалась. Эта же нимало не смутилась и очень дерзко ответила:

— Умоляю вас, ваша светлость, не позволяйте людям задевать мою честь. Мы ведь, слава богу, жили все время с отцом коноником в такой согласии и понимании, что нет на свете человека, который мог бы в чем-либо меня упрекнуть. И не надо думать, что, живя с ним, я нарушаю господнюю волю, ибо вот уже три года, как мы перестали быть мужем и женой: мы живем целомудренно и любовно, как брат с сестрой или как два ангела, и никогда ни в чем не перечим друг другу. И тот, кто нас разлучит, содеет великий грех, ибо святой отец, которому уже около восьмидесяти лет, долго не протянет в разлуке со мной, сорокапятилетней.

Можете себе представить, как возмутились эти дамы и с каким гневом стали ее убеждать, увидав, что в упорстве своем она не хочет считаться ни с их словами, ни с их положением и почтенный возраст ее не мешает ей стоять на своем. И чтобы еще больше устыдить ее, они послали за архидиакном Отэна, который заточил ее на год в тюрьму и приказал не давать ей никакой пищи, кроме черного хлеба и воды. После чего дамы послали за ее мужем и уговорили его взять беглянку к себе, как только ее выпустят из заточения. Когда женщина эта очутилась в тюрьме и увидела, что каноник решительно отказался взять ее к себе снова и возблагодарил обеих королев за то, что они избавили его от дьявола, ее тотчас охватило такое раскаяние, что мужу даже не пришлось дожидаться окончания срока: испросив через две недели позволения архидиакона, он взял ее к себе в дом. И с тех пор супруги стали жить в мире и дружбе.

— Вот, благородные дамы, как, оказывается, цепи Святого Петра могут быть превращены недостойными служителями в оковы Сатаны. И разбить эти оковы настолько трудно, что даже святые дары, которые избавляют тело человека от бесовского наваждения, для людей этих— не более чем средство заставить беса подольше пребывать в их душе. Ибо самое великое благо, если направить его во вред, способно причинить больше всего зла.

— Действительно,— сказала Уазиль,— женщина эта была великой грешницей. Но вместе с тем она была жестоко наказана тем, что ей пришлось отвечать перед такими строгими судьями, как эти дамы; ведь чего стоил один только взгляд госпожи регентши: на свете не было ни одной самой порядочной женщины, которая не боялась бы оказаться недостойной посмотреть ей в глаза. И та, на которую госпожа регентша смотрела ласково, считала, что заслужила этим великую честь, ибо знала, что благосклонный взор ее мог быть обращен только на женщину праведной жизни.

— Хорошо бы было,— сказал Иркиан,— если бы взгляды женщины стали бояться больше, чем святого причастия. Известно, что когда причастие принимается без веры и любви, оно становится вечным проклятием.

— Уверю вас,— сказала Парламента,— что те, кого господь оставил, больше боятся наказания на земле, чем за гробом. И я думаю, что для этой несчастной самым жесто-

ким наказанием были тюрьма и разлука с каноником, а отнюдь не упреки госпожи регентши.

— Да, но вы позабыли о главной причине, которая побудила ее вернуться к мужу,— воскликнул Симонто,— канонику-то ведь было восемьдесят лет, а муж был моложе ее. И выходит, что женщина эта выгадала и там и тут. А если бы каноник был помоложе, она бы ни за что его не покинула. И все увещевания этих дам для нее значили бы не больше, чем причастие, которое она когда-то приняла.

— А мне кажется, она правильно поступила, что не сразу созналась в своем грехе,— сказала Номерфида,— ведь в таком проступке раскаиваться надо только перед богом и в смирении, а на людях— решительно и бесповоротно его отрицать, ибо, если даже грех был действительно совершен, начав клясться и лгать, всегда можно породить в людях сомнение в том, что было, и оправдать себя в их глазах.

— Человеку очень трудно так скрыть свой грех, чтобы его не обнаружили,— сказала Лонгарина.— Это возможно разве только когда грешник чистосердечно раскается— тогда господь, который милосерд, сам сохранит признание его в тайне.

— А что же тогда сказать о женщинах, которые, не успев совершить безрассудство, спешат уже кому-нибудь о нем рассказать?

— Мне это кажется очень странным,— ответила Лонгарина,— и, по-моему, это верный признак того, что они несколько не раскаиваются в совершенном грехе. А как я вам уже сказала, тот, чей грех не прикрыт милостью господя, никак не может отрицать его перед людьми, и есть женщины, которые отводят душу за такими рассказами и гордятся перед всеми своей порочностью, и другие, которые, проговорившись, сами себя выдают.

— Прошу вас, если вы знаете такую женщину, займите мое место и расскажите нам о ней,— попросил Сафредан.

— Ну, так слушайте,— начала Лонгарина.

НОВЕЛЛА ШЕСТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

Одна особа, рассказывая некой высокопоставленной даме о себе в третьем лице, вдруг так проговаривается, что марает свое доброе имя, и ей уже больше не удастся себя обелить.

В царствование короля Франциска Первого жила одна дама королевской крови. Она была благородна, добродетельна и хороша собою и умела увлекательно рассказать какую-

нибудь веселую историю и посмеяться сама, когда рассказывали другие. Когда дама эта приезжала в одно из своих поместий, все окрестные жители и все соседи приходили повидаться с ней, ибо она была всеми любима. Среди прочих к ней однажды явилась некая особа, которая прослышала, что хозяйке дома нравится, когда ей рассказывают разные истории. И гостя эта, решив, что она не хуже других, предложила:

— Ваша светлость, я расскажу вам интересную историю, но вы должны обещать мне, что не станете никому ее пересказывать.

И тут же добавила:

— Это действительное происшествие, и я ручаюсь вам за истинность всего, что вы услышите.

И она начала:

— Жила на свете одна замужняя женщина, которая была хорошею женою своему мужу, несмотря на то, что муж ее был стар, а она совсем молода. Некий дворянин, живший по соседству с ними и знавший, что она вышла замуж за старика, пленился ею и в течение нескольких лет добивался ее взаимности. Но она всякий раз отвечала ему только так, как может ответить женщина порядочная. И вот однажды дворянин этот решил, что, если он сумеет улучшить подходящую минуту, она не будет с ним так сурова. Он долгое время колебался, думая об опасности, которой себя подвергал, но любовь его к этой даме в конце концов превозмогла всякий страх, и он решил поискать подходящего случая. И он так тщательно стал следить за ее домом, что однажды утром, когда муж этой дамы отправился в одно из своих владений — а выехал он на рассвете, раньше, чем солнце начало припекать, — этот юный безумец явился к его жене. Сама она в это время спала, служанки же ее все разошлись. Тогда, не подумав о том, чтобы прикрыть дверь, сосед ее кинулся к ней на кровать одетый, не сняв даже сапог со шпорами. Проснувшись, дама эта страшно перепугалась. Но как она ни старалась его образумить, он ничего не стал слушать и овладел ею силой, пригрозив, что, если она хоть кому-нибудь об этом расскажет, он объявит во всеушышание, что она сама за ним посылала. И страх ее был так велик, что она не посмела даже звать на помощь. Через некоторое время, услышав, что идут служанки, молодой дворянин поспешил вскочить с постели, чтобы спастись бегством. И никто бы ничего не заметил, если бы, выскакивая из кровати, шпорой своей он не зацепил одеяло и не

сташил его на пол, оставив даму свою лежать совершенно обнаженной.

И хотя рассказчица говорила якобы о другой, она не удержалась и воскликнула:

— Вы не поверите, как я удивилась, когда увидела, что лежу совсем голая.

Тогда дама, слушавшая внимательно ее рассказ, расхохоталась и сказала:

— Ну, как вижу, вы умеете рассказывать занимательные истории!

Неудачливая рассказчица пыталась было оправдаться и защитить свою честь, но чести этой уже не было и в помине.

— Могу вас уверить, благородные дамы, что, если бы самой ей все это было неприятно, она постаралась бы об этом поскорее забыть. Но, как я вам уже сказала, грех всегда обнаруживается сам собой и быстрее, чем того можно было бы ожидать, если он не скрыт под тем покрывалом, которое, как уверяет царь Давид, приносит человеку счастье.

— Но какая же она все-таки дура! — воскликнула Энна-сюита. — Она ведь стала посмешищем в глазах людей.

— По-моему, нет ничего удивительного в том, что слова последовали за делами, — заметила Парламанта, — сказать легче, чем сделать.

— Черт возьми, — сказал Жебюрон, — а какой же, собственно, она совершила грех? Она уснула у себя в постели. Он угрожал убить ее и опозорить. Лукреция, которой воздавали столько похвал, поступила ведь ничуть не лучше, чем она.

— Совершенно верно, — сказала Парламанта, — таких женщин, которые никогда бы не оступались, на свете нет, но если для них это было огорчением, то горька и сама память о том, что случилось. Лукреция потому и покончила с собой, что не могла отделаться от этих воспоминаний, а эта дурочка хотела еще сделать из них забаву для других.

— Но она, по-видимому, была все-таки женщиной порядочной, — сказала Номерфида, — он ведь несколько раз добивался ее взаимности, а она каждый раз решительно ему отказывала. Поэтому, чтобы овладеть ею, ему понадобились и хитрость и сила.

— Как! — воскликнула Парламанта. — По-вашему, выходит, что достаточно женщине два-три раза отказать мужчине — это и будет значить, что она постояла за свою честь,

после чего она вправе уступить? Если так, то пришлось бы считать порядочными женщин, которых мы отнюдь не считаем такими. Ведь многие из них упорно отказывали тому, кто завоевал их сердце: одни боялись лишиться чести, другие же только хотели, чтобы их больше уважали и пламеннее любили. Нет, порядочной можно назвать только ту женщину, у которой хватит сил, чтобы устоять до конца.

— А если красавица добьется этим только того, что молодой человек сам от нее откажется,— спросил Дагусен,— это, по-вашему, будет добродетелью?

— Да,— сказал Уазиль,— если человек молодой и здоровый отказывается от женщины, я сочту его достойным похвалы, но только мне будет нелегко этому поверить.

— А я знаю таких мужчин,— сказал Дагусен,— которые отказались от любовных приключений, хотя все их товарищи этих приключений настойчиво искали.

— Займите, пожалуйста, мое место,— предложила Лонгарина,— и расскажите нам об этом, но помните, что рассказывать надо одну только правду.

— Обещаю вам,— сказал Дагусен,— что буду рассказывать вам только то, что действительно было, и в рассказе своем изменять ничего не стану.

НОВЕЛЛА ШЕСТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ

Некий дворянин отказался принять участие в похождениях, которых искали его товарищи; жена его вменила ему это потом в большую заслугу и стала еще больше любить его и уважать.

В городе Париже жили некогда четыре девушки: две из них были родными сестрами. Они были так хороши собой, юны и свежи, что нельзя было в них не влюбиться. И вот один дворянин, которого король назначил в то время парижским прево, видя, что господин его, король, молод и как раз в таком возрасте, когда ему может быть приятно подобное общество, начал ухаживать за всеми этими девушками,— и, когда каждая из них поверила, что он хочет познакомить ее с его величеством, все четыре дали согласие на то, чего добивался от них упомянутый прево: прийти на ужин, куда приглашен был король, которому его верный слуга рассказал о том, что задумал. И королю, и сопровождаю-

щим его двоим придворным затея эта пришлась по душе, и все трое решили принять в ней участие. Четвертым, кого они пригласили на этот ужин, был один красивый и весьма достойный сеньер, который был на десять лет моложе всех остальных. Он принял их приглашение и явился туда с веселым лицом, но вся эта затея была ему неприятна, так как он был женат и у него были хорошие дети, а жену свою он любил, жил с ней в мире и вовсе не хотел, чтобы она имела повод в чем-то его заподозрить. К тому же он был кавалером одной из красивейших женщин Франции, которую так любил и чтил, что все остальные в сравнении с ней казались ему дурнушками; вот почему с юных лет, когда он еще не был женат, он не хотел ни ухаживать за другими женщинами, как бы хороши они ни были, ни даже их видеть, и самым большим счастьем для него было взирать на избранницу своего сердца. И никакая другая не могла принести ему той радости, которую он обрел, лицезря ее и любя самой высокой любовью.

Сеньер этот пришел домой и по секрету рассказал жене о выдумке короля, признавшись, что ему легче умереть, чем исполнить то, что он обещал, ибо, хотя и нет на свете человека, на которого в гневе он не решился бы напасть, он скорее предпочтет очутиться в засаде и погибнуть сам, чем убивать без всякого к тому повода. И только долг чести может заставить его стать убийцей. Так вот и тут, поелику он не одержим безумной любовью, которая способна ослепить человека добродетельного, он готов скорее умереть, чем, исполняя чужое желание, изменить жене. Жена его, видя, что в столь молодые годы он так неподкупен и честен, прониклась к нему еще большим уважением и большей любовью и только спросила его, как он сумеет отговориться; нередко ведь, дабы не навлечь на себя немилость государя, человек бывает вынужден хвалить то, что государь этот любит.

— Мне приходилось слышать,— отвечал ей молодой сеньер,— что у человека сообразительного всегда есть наготове либо путешествие, либо недуг и что в крайнем случае он может воспользоваться ими. Вот почему я решил, что за четыре-пять дней до этого вечера скажусь больным и вы должны будете помочь мне сыграть эту роль.

— Вот это действительно ложь во спасение и благостное притворство,— отвечала жена,— и можете быть спокойны: я буду выглядеть так печально, как только смогу, ибо счастлив тот, кто может прожить, не оскорбляя бога и не возбуждая гнева своего государя.

Так они и поступили. Король очень огорчился, когда жена молодого сеньера известила его о том, что муж ее заболел. Но огорчение это длилось недолго, ибо какие-то неотложные дела заставили короля позабыть о готовившихся утехах и покинуть Париж, чтобы исполнить свой долг. И вот как-то раз, вспомнив об этом замысле, который так и не был приведен в исполнение, король сказал молодому сеньеру:

— Какие мы дураки, что уехали так неожиданно и даже не повидали этих четырех молодых девиц,— мне ведь клялись, что красивее их не найти во всем моем королевстве.

— Я только рад, что вам не удалось это сделать,— ответил ему молодой сеньер,— я ведь в это время был болен и очень огорчился, что из-за болезни моей буду один лишен возможности участвовать в таком приятном деле.

Король поверил этим словам и никогда не узнал о притворстве молодого сеньера, тот же снискал себе еще большую любовь жены.

Тут Парламента не могла удержаться от смеха и воскликнула:

— Ну, если он все это сделал только из любви к жене, значит, он должен был любить ее больше, чем это было на самом деле. Как бы то ни было, он заслуживает величайшей похвалы.

— Мне кажется,— сказал Иركان,— что не такая уж это большая заслуга для мужчины — бояться нарушить целомудрие из любви к жене; есть ведь немало причин, которые и без этого заставляют его хранить ей верность. Прежде всего, это велит ему господь, этого требует данная им клятва, да и природа его бывает удовлетворена, и поэтому ни соблазн, ни желания уже не имеют над нею власти. Другое дело, если человек остается верен своей возлюбленной, от которой он не получает ни награды, ни удовлетворения и может только наслаждаться, глядя на нее и говоря с нею. К тому же, когда она неподатлива и тверда, он чаще всего слышит от нее только суровые речи. И ничто не может изменить его жизни. Вот тогда целомудрие — не только заслуга, но и настоящее чудо.

— Чудом-то это уж никак не может быть,— возразила Уазиль,— ибо там, где сердце отдается любви, нет ничего невозможного и для тела.

— Да, для таких людей, чьи тела приняли уже ангельский облик,— заметил Иركان.

— Я говорю вовсе не о тех,— сказала Уазиль,— кого благодать божья совершенно преобразила, а о натурах самых грубых, какими обычно и бывают мужчины. И если вы хорошенько взгляните в них, вы увидите, что те из них, кто все чувства свои и помышления употребляет на искание истины в науках, забывают не только о плотских наслаждениях, но и о вещах самых насущных, как еда и питье. Когда душой овладевает какое-то сильное чувство, плоть как бы замирает. Поэтому мужчины, которые любят женщин красивых, честных и добродетельных, испытывают такую радость, видя и слыша их речи, и дух их так ликует, что плоть умиротворена и желания угасают. Те же, кому не удастся изведать это умиротворение, это люди, погрязшие в чувственности, заплывшие жиром, они сами даже не знают, есть у них душа или нет. А ведь когда тело находится в подчинении у духа, оно почти не испытывает плотских вожделений, настолько сила высокого чувства может сделать плоть нечувствительной. И я знала одного дворянина, который для того, чтобы доказать, что любит свою даму так, как никого на свете, в присутствии друга взял в руки горящую свечу и, не спуская с дамы глаз, так крепко держал эту свечу, что пальцы его обгорели до самых костей. И при этом, по его словам, он не чувствовал никакой боли.

— Мне думается,— сказал Жебюрон,— что дьяволу, мучеником которого он был, следовало сделать из него второго Святого Лаврентия: не очень ведь много людей, в которых жар страсти так силен, чтобы они могли не почувствовать жара свечи. И если бы какая-нибудь дама заставила меня выносить из-за нее подобную боль, я потребовал бы от нее самой великой награды или постарался совсем о ней позабыть.

— Выходит, вы хотели бы, после того как ваша дама показала свой характер, в свою очередь показать ей свой, как это сделал дворянин, живший в испанском городе Валенсии, о котором мне рассказал командор — человек, вполне заслуживающий доверия,— сказала Парламанта.

— Прошу вас, сударыня,— сказал Дагусен,— займите мое место и расскажите нам эту историю, я уверен, что она окажется интересной.

— История эта, благородные дамы,— сказала Парламанта,— научит вас по два раза обдумывать то, что вы собираетесь отвергнуть, и не считать, что все существующее неизменно. А знать, что все может перемениться, необходимо, чтобы поступать правильно!

НОВЕЛЛА ШЕСТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ

Молодая девушка, которая в течение пяти или шести лет испытывала любившего ее дворянина, решила подвергнуть его еще более тяжкому испытанию, и это довело влюбленного до такого отчаяния, что он удалился в монастырь,— и, когда она смилостивилась над ним, вернуть его назад ей уже не удалось.

В городе Валенсии жил некий дворянин, который пять или шесть лет был влюблен в одну девушку, и любовь его была так велика, что и честь и совесть обоих оставались незапятнанными. Он твердо намеревался жениться на ней и надеялся на то, что она согласится, так как был хорош собой, богат и происходил из знатного рода. И прежде, чем стать ее поклонником, он твердо знал, чего хочет: он намеревался жениться на ней с ведома ее родных, которые, собравшись все вместе, одобрили это его намерение, и нужно было только, чтобы она сама снизошла к его просьбе. Она же, не то рассчитывая найти лучшую партию, не то решив скрыть от всех любовь, которую питала к этому сеньору, не дала ему никакого ответа. Все родственники и близкие друзья разъехались по домам и сожалели, что не могли склонить девушку к согласию, ибо были уверены, что и та и другая сторона достоинствами своими не уступают друг другу. Но кто был в отчаянии, так это несчастный сеньор, которому было бы много легче перенести свое горе, если бы полученный им отказ исходил от родственников его любимой, а не от нее самой. Как только он узнал об ее решении, которое было для него тяжелее смерти, он, ничего не сказав ни ей, ни другим, вернулся к себе домой. А потом, отдав все необходимые распоряжения, удалился в глухие края, где всячески старался забыть о своей любви, безраздельно претворив ее в любовь к господину нашему, которому он чувствовал себя более всего обязанным.

И в течение всего этого времени он ничего не знал ни о своей возлюбленной, ни об ее родных. И он решил, что, коль скоро ему не суждено увидеть той счастливой жизни, о которой он столько мечтал, он сделает жизнь свою такой суровой и тягостной, какую только можно себе представить. И с этой мрачной мыслью, доводившей его до отчаяния, он собрался принять монашество в обители Святого Франциска, неподалеку от которой жили многие его родные. Те, увидев, в каком отчаянии он пребывает, сделали все возможное, чтобы воспрепятствовать его намерению. Однако мысль о монашестве столь прочно укрепилась в его сердце, что

никакие уговоры не могли повлечь на несчастного и заставить его изменить свое решение. Тогда, зная, что было тому причиной, они стали искать другого средства и направились к той, из-за которой он столь неожиданно решил посвятить себя богу. Она была очень удивлена и огорчена этим горестным для нее известием, ибо думала, что отказа ее всего-навсего явится испытанием его мужества и уж никак не сможет разлучить их навеки. Увидав же, чем это все угрожает, она послала ему письмо, которое в довольно приблизительном переводе звучит так:

Чтоб, полюбив, в любви не лицемерить,
Должны мы глубь любви своей измерить,
Так я твою задумала проверить,
Хоть сердцу и хотелось ей поверить,
Чтоб тот, кто о любви меня молил,
Свою со мной до гроба разделил.
И вот, отца и мать увещевая,
Просила их помедлить год иль два я
Со свадьбой нашей, чтоб сомнений зло
Потом на жизни тенью не легло.
Хоть с уст моих мольба тогда слетела,
Поверь мне: никогда я не хотела
От счастья отречься моего,—
Я больше не любила никого.
И что ж я слышу, горе мне, что сталося!
Ужель я навсегда с тобой рассталась?
В обитель удаюсь от суеты,
Себе удел суровый выбрал ты.
И я свое забыть хочу решенье,
Я плачу, друг мой, нет мне утешенья.
Как ты меня искал, тебя ищу,
Как ты меня прощал, тебя прошу.
Ты — жизнь моя, пусть я за все в ответе,
Но без тебя мне жизни нет на свете.
Молю тебя, любимый, оглянись,
Опомнись и назад ко мне вернись!
Расстанься с жизнью строгой, с кельей темной,
Беги к любви, к ее отраде томной.
Не сам ли к ней взывал ты столько раз?
Услышь,— она зовет тебя сейчас.
Все без тебя мертво мне, все пустое,
И вижу, что сама теперь ничто я.
Вернись к подруге ласковой и дни
Блаженные былые вспомяни.
Не верь мечте забывчивой, мгновенной,
Скрепи любви союз благословенный.
И знай: тебя и честь твою любя,
Обидеть не могла бы я тебя.
Я, верность испытал твою, в награду
Дарить тебе хочу любви усладу.
Сим испытаньем быть ты можешь горд:
Ты стоек, терпелив и волей тверд;

Любовь твоя безмерна и упорна,
И перед ней склоняюсь я покорно.
Скорей же, друг, приди ко мне на грудь,
Как я твоя, моим отныне будь.

Письмо это отвез будущему монаху один из друзей, который старался отговорить его, как только мог, от его намерения. Когда дворянин прочел это послание, лицо его померчнело, и он так вздыхал и плакал, что, казалось, хотел потопить в слезах и спалить в огне этот жалкий клочок бумаги. Он не дал никакого ответа и только сказал посланному, что ему стоило такого труда умертвить свою великую любовь, что теперь он уже больше не хочет жить и не страшится смерти. Пусть же та, которая была причиною его горя и которая не захотела уступить его горячим желаниям, не тревожит его сейчас, когда он от этих желаний освободился, и удовлетворится тем злом, которое она уже содела. И пусть знает, что единственное спасение от этого зла он нашел, избрав жизнь суровую, что непрестанное покаяние позволяет ему забыть о своей скорби, а посты и все строгости монастырского устава так изнуряют его тело, что мысль о смерти стала для него радостью и утешением. И паще всего он просит ее никогда больше не писать ему, ибо само напоминание об ее имени для него страшнее всех мук чистилища. С этим печальным ответом посланец возвратился к той, которая, ожидая его ответа, горько сожалела обо всем, что случилось. Но Амур, который никогда не теряет надежды, внушил ей, что если ей удастся увидеть его, то живое слово возымеет на него больше действия, чем любое письмо. Поэтому она вместе с отцом и самыми близкими родными поехала в монастырь, где пребывал послушник, надев на себя все украшения, какие только у нее были, и думая, что достаточно будет ему на нее взглянуть — и огонь, который столько времени пылал в их сердцах, возгорится сильнее прежнего. И вот, приехав в монастырь в то время, когда там кончалась вечерня, она вызвала его в часовню. Он же, не зная, кто за ним послал, пришел туда — чтобы выдержать самую жестокую борьбу, которая досталась ему в жизни. И когда она увидела, что он исхудал и так побледнел, что его нелегко узнать, но все так же хорош и мил, как и раньше, то, преисполненная любви, она протянула руки, чтобы обнять его, и от жалости у нее так защемило сердце, что она упала без чувств. Несчастный послушник, охваченный братским состраданием к ней, поднял ее и усадил в кресло. И, хотя ему самому не меньше, нежели ей, нужна была помощь, он заставил себя забыть о своей любви и любовью к богу укрепил

пил решимость свою противостоять соблазну. И он, казалось, не видел ее. Она же, придя в себя и обратив к нему свои прекрасные и грустные глаза, чей взгляд, вероятно, умило-стивил бы и камень, стала, насколько ей позволяло достоинство, всеми силами уговаривать его покинуть обитель. На это ее возлюбленный ответил ей самыми возвышенными речами, но в конце концов случилось так, что слезы любимой растрогали сердце несчастного. И, увидев, что Амур, столько времени терзавший его, снова натянул свой лук и золотою стрелою нанес ему новую смертельную рану, юный послушник бежал и от Амура, и от предмета своей любви, ибо больше ему ничего не оставалось делать. А когда он заперся в своей келье, он решил, что не должен отпускать возлюбленную свою без ответа, и написал ей несколько слов по-испански, которые, по-моему, так хороши, что я решил не переводить их, чтобы не умалить их прелесть. И он послал ей эту записочку с послушником, который успел еще застать ее в часовне. Она была в такой горе, что, казалось, если бы ее могли принять сейчас в обитель, она бы сделалась монахиней и никогда бы не покинула этих стен. Но, увидев, что он написал:

Volvete don venesti, anima mia,
Que en las tristas vidas es la mia¹,—

поняла, что надеяться ей больше не на что, и, послушавшись совета друзей, вернулась к себе домой, и с тех пор до конца дней его жизнь продолжала быть суровой и строгой, а ее — преисполнилась грустью.

— Вы видите, благородные дамы, как отомстил этот дворянин своей жестокой возлюбленной, которая, подвергая испытаниям его любовь, довела его до такого отчаяния, что, когда ей захотелось вернуть его, она уже не смогла это сделать.

— Мне жаль, что он не сбросил свою рясу и не женился на ней,— сказала Номерфида,— по-моему, это была бы замечательная чета.

— Клянусь честью,— воскликнул Симонто,— он поступил очень разумно. Ведь стоит только хорошенько поразмыслить над узами брака, и мы увидим, что это похуже, чем жизнь в самом строгом монастыре. А он был так истомлен постом и воздержанием, что, попросту говоря, боялся взвалить на себя такое бремя.

— А по-моему,— сказал Иркиан,— она совершила ошибку,

¹ Вернись, душа моя, туда, откуда ты пришла,
Ибо и в печальной жизни ты — со мной (исп.).

склоняя к женитьбе человека столь слабого, в то время как и для самого сильного женитьба — дело нелегкое. Вот если бы она ответила ему взаимностью, не связывая его никакими обязательствами, он бы, разумеется, сбросил свою рясю. А так как, чтобы избавиться его от чистилища, она предлагала ему ад, я должен признать, что он был совершенно прав, отказав ей и дав ей почувствовать, как ему тяжело.

— Право же, — сказала Эннасюита, — на свете немало людей, которые, считая, что они поступают лучше других, в действительности поступают хуже — и даже как раз наперекор тому, чего сами они хотят.

— Хотя это и не совсем кстати, — сказал Жебюрон, — но вы мне напомнили об одной женщине, которая сделала противоположное тому, что хотела. Из-за этого в церкви Святого Иоанна в Лионе тогда было большое смятение.

— Прошу вас, — сказала Парламанта, — займите мое место и расскажите нам эту историю.

— Рассказ мой будет коротким, — сказал Жебюрон, — и не таким грустным, как рассказ Парламанты.

НОВЕЛЛА ШЕСТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ

Мнимое чудо, которое было очень на руку священникам церкви Святого Иоанна, разоблачено, когда все узнали о том, сколь глупой оказалась одна старушка.

В церкви Святого Иоанна в Лионе есть темный придел, и там находится изображение гроба господня с изваянными из камня статуями в натуральную величину, а по сторонам — несколько надгробий с фигурами лежащих рыцарей. Как-то раз один солдат зашел в церковь, — и, так как дело было летом, в самую жару, его стало клонить ко сну. И, увидев, что в приделе этом темно и свежо, он решил, что будет охранять гробницу не хуже, чем эти каменные воины, и улегся рядом с ними. И случилось, что, когда он уже сладко спал, туда пришла одна очень благочестивая старушка; помолившись, она с зажженной свечой в руке подошла к гробнице и хотела поставить ее на лоб солдата, которого она приняла за одну из таких фигур. Однако оказалось, что к этому камню воск никак не хочет пристать. Тогда бедная старушка решила, что статуя слишком для этого холодна, и стала капать воск ей на лоб, чтобы удобнее было потом закрепить свечу. Изваяние же, которому все это было отнюдь не безразлично, не вытерпело и закричало. Старушка до того перепугалась, что

сама принялась кричать: «Чудо, чудо!» — и весь бывший в церкви народ сбегался на ее крик; одни принялись звонить в колокола, другие старались взглянуть на «чудо» собственными глазами. И старушка показала им статую, которая неожиданно ожила. Кое-кто просто посмеялся, но священникам этой церкви пришло в голову использовать эту ожившую фигуру и извлечь из этого не меньшие выгоды, чем из стоявшего в церкви распятия, которое, как рассказывают, однажды заговорило. Но вся комедия эта окончилась, как только узнали, что причиною всему была глупость старухи.

— Если бы люди знали, какие глупости подчас вытворяют монахи, пропала бы вера и во всю их святость, и в их чудеса. Поэтому, благородные дамы, впредь хорошенько смотрите, каким святым вы ставите свечи.

— Известное дело, — сказал Ирман, — женщины вечно чем-нибудь да навредят.

— А разве ставить свечи значит вредить? — удивленно спросила Номерфида.

— А как же это иначе назвать, — воскликнул Ирман, — если мужчинам вдруг ни с того ни с сего начинают жечь лбы? Никакое доброе дело нельзя почесть добрым, если оно причиняет вред.

— Но ведь бедная старушка была уверена, что приносит свою маленькую свечку в дар господу богу! — сказала госпожа Уазиль. — По мне, так важна не ценность самого дара, а сердце человека, который дарит. Может быть, у этой доброй старушки было больше любви к богу, чем у тех, кто жертвует дорогие светильники, ибо, как говорится в Евангелии, она отдала все, что имела.

— Не думаю я, — сказал Сафредан, — что господу, который являет собою высшую мудрость, были бы приятны женские глупости, ибо, несмотря на то что простота сердца угодна ему, достаточно почитать Святое писание, чтобы увидеть, что невежества он не терпит. И, уча нас быть чистыми, как голуби, он вместе с тем учит нас быть и мудрыми, как змеи.

— Что до меня, — сказала Уазиль, — то я не считаю невежественной ту, которая подносит господу свою зажженную свечу в знак поклонения и, преклонив колена перед Всевышним, сокрушается о своих грехах, уповая на милость его и моля о спасении своей души.

— Дал бы бог, чтобы все думали так, как вы, — сказал Дагусен, — но, по-моему, у таких вот глупых богомолков этого нет и в мыслях.

— В тех, кто хуже всех выражает свои мысли,— возразила Уазиль,— больше всего настоящей любви и божьей воли, и поэтому судить человеку следует только себя самого.

— Не такое уж это диво напугать спящего простолюдина,— сказала, смеясь, Эннасюита,— случилось ведь, что самые простые женщины пугали высокопоставленных сеньеров, и для этого вовсе не надо было обжигать этим сеньерам свечкою лоб.

— Я убежден, что вы знаете об этом какую-нибудь историю и захотите нам ее рассказать,— сказал Жебюрон,— поэтому займите, пожалуйста, мое место.

— История эта будет совсем короткой,— сказала Эннасюита,— но если мне удастся как следует ее рассказать, будьте уверены, что плакать вам не захочется.

НОВЕЛЛА ШЕСТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ

Однажды, когда после обеда принцесса Наваррская отдыхала с мужем своим, герцогом Вандомским, старая камеристка, застав их в постели, решила, что это протонотарий и девушка, которая, как она подозревала, находилась с ним в любовной связи. И таким образом неожиданно раскрылась всем тайна, которую не знали тогда даже самые близкие люди.

В тот год, когда герцог Вандомский женился на принцессе Наваррской, родители, король и королева, отпраздновав свадьбу в Вандоме, отправились вместе с новобрачными в Гийену и проездом остановились в доме одного дворянина, где в этот вечер собралось много благородных и красивых дам, и все они столько времени танцевали в этом приятном обществе, что молодые в конце концов устали. Они удалились в отведенную им комнату и, когда остались там одни, закрыли окна и двери и, не раздеваясь, легли в постель и уснули. Когда они уже крепко спали, их вдруг разбудил шум: кто-то открыл снаружи дверь. Отдернув полог, герцог поспешил взглянуть, кто это ворвался к ним в комнату, решив, что это один из его приятелей, который захотел застать его врасплох. Но вместо этого он увидел, что в комнату вошла высокая старуха, камеристка этого дома. Она направилась прямо к их постели, а так как кругом было темно, узнать их она не могла. Однако, увидав, что в постели лежат двое, старуха принялась кричать:

— Ах ты паскудница! Негодная, мерзкая тварь! Давно уж ты у меня на подозрении. Потому только я и молчала и не сказывала госпоже, что ни разу не могла застать тебя с

поличным. Ну, а теперь-то, когда я все собственными глазами вижу, я уж ни за что больше не стану покрывать твои пакости. А ты, негодяй этакий, подумай только, как ты осрамил этот дом, какую ты мерзость учинил над этой несчастной девчонкой. Да кабы я господу бога не боялась, я бы тебя тут же на месте придушила. Вставай сию же минуту, — стыда в тебе, видно, нет никакого!

Герцог Вандомский и принцесса решили дать старухе подалее поговорить и, накрывшись одеялом, так хохотали, что не могли вымолвить ни слова. Старая камеристка, видя, что угрозы ее ни к чему не приводят, подошла совсем близко, чтобы схватить их за руки и стащить с постели. И тут она вдруг узнала герцога и принцессу по лицам и по одежде и увидела свою ошибку. Она кинулась перед ними на колени, моля их простить ее за бесстыдство и за то, что так нарушила их покой. Но герцог Вандомский, которому хотелось узнать все до конца, сразу же поднялся с постели и попросил старуху рассказать ему, за кого она их приняла. Та сначала всячески отнекивалась, но в конце концов, взяв с него обещание никогда никому об этом не рассказывать, призналась, что приняла их за одну девушку из этого дома и влюбленного в нее протонотария. Она сказала, что долгое время выслеживала их, ибо огорчалась тем, что госпожа ее доверилась человеку, позорящему весь их дом. После ее ухода герцог и его молодая жена долгое время смеялись над забавной ошибкой старухи. И хоть они потом много раз рассказывали об этом, они ни за что не захотели назвать имен тех, кого история эта так близко касалась.

— Вот, благородные дамы, как добрая женщина, считая, что делает справедливое дело, заставила приезжую высокопоставленную чету выслушать слова, каких не слыхивали даже лакеи этого дома.

— Я уже догадываюсь, что это за дом, — сказала Парламента, — и кто этот протонотарий, ибо он подвизался во многих домах, где были женщины, и, когда ему не удавалось добиться расположения хозяйки дома, не гнушался и компаньонкой. Но во всех других отношениях это человек порядочный и честный.

— То есть как это «в других отношениях»? — спросил Иркиан. — Поступок его, как мне кажется, нисколько не умаляет его достоинств.

— Я уже вижу, что вы знаете и болезнь, и больного, — ответила Парламента, — и что, если бы понадобилось его

оправдать, он нашел бы в вас хорошего адвоката. Но я бы ни за что не доверилась мужчине, который ничего не умеет делать тайно и так, чтобы об этом не проведали служанки.

— Неужели вы действительно думаете, что мужчина больше озабочен тем, чтобы сохранять тайну, а не тем, чтобы добиться своей цели? — спросила Номерфида. — Поверьте, что даже тогда, когда, кроме них самих, об этом никто не говорит, они все равно умудряются все разболтать.

— Мужчинам лучше бы молчать о том, что они знают, — в гневе воскликнул Иркиан.

— Может быть, они и не расскажут того, что им выгодно хранить в тайне, — покраснев, ответила Номерфида.

— Послушать вас, — сказал Симонто, — так можно подумать, что мужчинам доставляет удовольствие, когда иные злословят по поводу женщин, и я уверен, что вы считаете таким и меня. Вот почему мне очень хочется рассказать хорошее об одной из них, в надежде, что все остальные перестанут считать меня клеветником.

— Уступаю вам мое место, — сказала Эннасуйта, — и прошу вас немного смирить ваши порывы, чтобы, исполняя свой долг, вы не сказали о нас ничего плохого.

— Разумеется, благородные дамы, — начал Симонто, — вам нередко случалось слышать о чудесах добродетели, на которые способны женщины, и мне кажется, что отнюдь не следует скрывать их, а напротив — писать о них золотыми буквами, дабы это служило примером для всех женщин и предметом удивления для мужчин. И чтобы вы убедились, что слабый пол может оказаться вовсе не слабым, мне хочется рассказать историю, слышанную мною от капитана Роберваля и от многих его товарищей.

НОВЕЛЛА ШЕСТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ

Одна бедная женщина, чтобы спасти жизнь мужа, подвергаясь опасностям и не щадя себя, осталась при нем до самой его смерти.

Роберваль, имя которого я только что упомянул, отправился в плавание к берегам Канады, и король, его господин, назначил его командующим всей флотилией. Прибыв туда, он решил, что, если климат этой страны окажется благоприятным, он не покинет ее и там будут заложены города и воздвигнуты крепости, чему он, как известно, и положил начало. И для того, чтобы заселить эту страну христианами,

он привез с собою различных ремесленников, один из которых оказался таким подлым человеком, что предал своего господина и того едва не взяли в плен дикари. Однако господу богу было угодно, чтобы замысел его сразу же был обнаружен и он не мог повредить капитану Робервалю, который приказал схватить подлого предателя и собирался наказать его по заслугам. Он так бы и сделал, если бы не жена этого несчастного, которая последовала за своим мужем, подвергая себя всем опасностям морского пути, и ни за что не захотела его покинуть. Слезы ее тронули капитана и всех его спутников, и из жалости к ней, равно как и в благодарность за оказанные ею услуги на корабле, он удовлетворил ее просьбу и высадил их с мужем на необитаемом острове, где жили одни только дикие звери, причем разрешил им взять туда с собою все, что может оказаться необходимым. Несчастливая чета, оставшись в полном одиночестве среди диких и хищных зверей, возложила всю свою надежду на бога, к которому эта бедная женщина всегда обращала свои мольбы. И так как она во всем уповала на господя, она захватила с собою Евангелие, видя в нем и пищу духовную, и утешение, и постоянно его читала. Но при этом они вместе с мужем трудились, строили себе хижину, и она отдавала работе все свои силы. Когда же львы и другие хищные звери начинали приближаться к ним, то, чтобы защитить себя, муж ее стрелял из аркебуза, она же бросала в зверей камнями. И они не только отгоняли зверей, но и убивали их и питались их мясом, которое было вкусно. На такой пище, к которой они прибавляли собранные на острове корни, они продержались какое-то время. Когда же им совсем стало нечего есть, муж ее ослабел, а так как им приходилось пить много воды, он стал пухнуть и вскоре умер. И в последние дни единственным утешением ему была жена, которая и лечила его, и выслушивала его исповедь. И он благостно покинул пустыни земные, чтобы переселиться в небесную отчизну. А бедная женщина предала его тело земле и постаралась вырыть ему могилу поглубже. Дикие звери, однако, учуяли это место и приходили, чтобы сожрать его труп. И вдове, оставшейся в полном одиночестве в своей маленькой хижине, приходилось отгонять их выстрелами из аркебуза. И так вот, телесною своею жизнью уподобившись диким зверям, а духовною — ангелам, она проводила там время в чтении, размышлении и молитве. И дух ее пребывал в радости и спокойствии, тело же совсем отошло, и от нее остались кожа да кости. Однако тот, кто никогда не покидает паству свою и являет отчаявшимся могущество свое, не допустил, чтобы

добродетель, которой он наделил эту женщину, осталась неведомой людям, и захотел, чтобы они узнали о ней и этим умножилась его слава. И ему было угодно сделать так, что, когда через некоторое время один из кораблей французской флотилии проходил мимо пустынного острова, команда его заметила на острове дымок. Дымок этот напомнил им о тех, кого они оставили там когда-то, и они решили посмотреть, что господь сотворил с этими людьми. Увидев корабль, женщина прибежала к самому берегу и встретила лодку с моряками. И, воздав хвалу господу, она привела гостей в свою хижину и показала им, как она все это время жила. И они никогда бы ей не поверили, если бы не знали, что господь наш всемогущ и может накормить слуг своих и в пустыне, как и на самом богатом пиршестве. Но так как несчастная не могла далее оставаться в таком месте одна, они взяли ее с собою и привезли в Ля Рошель, куда корабль их прибыл после долгого плавания. И когда жителям этого города рассказали о верности и стойкости этой женщины, все местные дамы встретили ее очень почтительно и с большой охотой стали вверять ей воспитание своих дочерей, которых она учила читать и писать. За этим-то благочестивым занятием она и провела остаток жизни, и единственным желанием ее было пробудить в каждом человеке любовь к богу и веру в него, для чего она приводила в пример ту великую милость, которую он оказал ей.

— Теперь, благородные дамы, вы уже не можете сказать, что я не воздаю хвалу добродетелям, которыми господь наделил всех женщин и которые кажутся тем выше, чем слабее сам человек.

— Мы, разумеется, нисколько не огорчены,— сказала Уазиль,— тем, что вы хвалите милость господя нашего, ибо поистине всякая добродетель исходит от него. Но не будем забывать об осуждении божьем, лежащем на роде людском, которое мешает всем — как мужчине, так и женщине — творить дело божье. Ибо как тот, так и другая и чувством своим и волей могут только посадить в землю семя, но господь один может заставить его прорасти.

— Если вы внимательно читали Священное писание,— сказал Сафредан,— то вы помните слова апостола Павла: «Я насадил, Аполлос поливал, но возрастил бог»; но он нигде не говорит, что женщины причастны к деяниям благочестия.

— Вы хотите следовать примеру дурных людей,— сказала Парламента,— тех, которые отбирают нужные им места

из Евангелия или пропускают другие, которые им невыгодны. Если бы вы читали все послания апостола Павла, вы увидели бы, что он отдает должное женщинам, которые подвизались с ним в благовествовании.

— Что бы там ни было,— сказала Лонгарина,— эта женщина достойна того, чтобы ее хвалили — как за любовь к мужу, ради которой она рисковала жизнью, так и за веру в бога, который, как мы видели, ее не покинул.

— Что касается первого,— сказала Эннасюита,— то, по моему, среди нас нет ни одной женщины, которая не сделала бы того же, чтобы спасти жизнь мужа.

— А по моему,— сказала Парламанта,— есть мужья, которые сами не лучше зверей, и если женщина соглашается жить с таким мужем, значит, она может отлично прожить и с теми, кто на него похож.

Эннасюита — должно быть, решив, что это относится к ней,— не могла удержаться и сказала:

— Если звери не будут меня кусать, общество их будет для меня приятнее, чем общество людей, которые злобны и невыносимы. Но я продолжаю стоять на своем: если бы мужу моему пришлось попасть в такую беду, я бы лучше умерла, чем его покинула.

— Бойтесь такой любви,— заметила Номерфида,— избыток любви может обмануть и его и вас, и это бывает везде, а плохо понятая любовь нередко переходит в ненависть.

— Мне кажется,— сказал Симонто,— что слова эти вы можете подкрепить каким-то примером. Поэтому, если такой пример у вас есть, я уступаю вам место, чтобы вы нам о нем рассказали.

— Ну что же,— ответила Номерфида,— по своему обыкновению, я расскажу вам историю короткую и веселую.

НОВЕЛЛА ШЕСТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ

Жена аптекаря, видя, что муж ее к ней охладел, решила заставить его любить ее горячее и для этого воспользовалась средством, которое аптекарь прописал ее знакомой, страдавшей от такого же недуга. Однако средство не только не оказало надлежащего действия, но напротив — вместо того чтобы вызвать в муже любовь к жене, навлекло на нее его ненависть.

В городе По в Беарне жил аптекарь по имени Этъен; женился он на женщине, которая оказалась хорошей хозяйкой и обладала достаточной красотой, чтобы муж был ею

доволен. Но аптекарь, привыкший испытывать действие различных лекарств, был не прочь испытать и различных женщин, чтобы лучше знать особенности разных натур. Жену его это так огорчало, что она выходила из себя, ибо ей он уделял внимание не больше одного раза в год, и то на страстной неделе, словно желая заслужить этим прощение грехов. И вот однажды, когда аптекарь сидел у себя в лавке, а жена его спряталась за его спиной, чтобы послушать, о чем он будет говорить с покупателями, пришла его кума, которая страдала тем же самым недугом, что и его жена, и, вздыхая, сказала:

— Беда мне, милый мой куманек, я самая несчастная женщина на свете. В муже-то ведь я души не чаю, только и пекусь о том, как бы не ослушаться его и как бы ему услужить. Но все мои труды напрасны, он променял меня на самую грязную и злую бабу, какая только есть у нас в городе. Не обессудьте, милый куманек, если есть у вас какое лекарство, чтобы он мог перемениться, дайте его мне. И если он опять станет ласков со мной,— обещаю вам, я сделаю для вас все, что только в моих силах.

Чтобы немного утешить ее, аптекарь сказал, что знает одно такое средство и что, если она даст его мужу с бульоном или с жарким как приправу, тот вспыхнет к ней небывалой нежностью. Бедная женщина, которой очень хотелось, чтобы чудо это свершилось, стала спрашивать его, что это за лекарство и можно ли его получить. Тогда он сказал, что это порошок из шпанских мушек, которых у него большой запас. И кума его не уходила до тех пор, пока аптекарь не приготовил ей этот порошок и не отвесил его столько, сколько требовалось. После чего женщина эта не раз благодарила его, так как мужу ее, который был человеком крепкого телосложения и принял этого порошка совсем немного, лекарство это ничуть не повредило. Жена аптекаря подумала, что ей это лекарство столь же необходимо, как и куме. И, подглядев, куда муж спрятал остаток порошка, решила, что она использует его, как только к тому представится случай. И вот, через несколько дней муж ее почувствовал тяжесть в желудке и попросил ее сварить ему какой-нибудь вкусный суп. Но жена ответила, что ему полезнее съесть жаркого с приправой. Тогда он велел ей приготовить жаркое, а для приправы взять в лавке корицы и сахару. Она взяла и то и другое, причем вспомнила также и об остатке порошка, который аптекарь давал куме, и насыпала его в кушанье без всякой меры и веса. Муж съел жаркое и нашел его очень вкусным. Скоро, однако, он почувствовал на себе действие порошка;

сначала он думал, что сумеет найти успокоение с женой, но легче ему от этого не стало; он весь горел, как в огне, и не знал, что с собою поделать. Он закричал, что жена его отравила, и стал у нее выпытывать, что она могла положить в жаркое. Ей пришлось сказать ему всю правду и признаться, что лекарство это было ей столь же необходимо, как и ее куме. Бедному аптекарю, который так ослабел, что не мог даже отколотить жену, оставалось только ругать ее и проклинать. Он прогнал ее с глаз своих и послал за аптекарем королевы Наваррской, прося его сейчас же прийти. Тот дал ему все необходимые лекарства и быстро его вылечил, а потом очень строго отчитал за то, что он оказался так глуп и дал другому снадобье, которое ни за что бы не захотел испытывать на себе. Он добавил, что жена его была совершенно права,— она ведь действовала так только потому, что хотела вернуть его любовь. После этого бедному аптекарю пришлось набраться терпения и признаться, что он действительно был виноват и справедливо наказан тем, что над ним потешились точно так же, как сам он готовился потешиться над другими.

— Мне думается, благородные дамы, что любовь этой женщины, как ни была она велика, была все же нескромной.

— Вы что же, считаете, что женщина любит своего мужа, если она способна причинить ему страдания, лишь бы потом на долю ее выпало побольше наслаждения? — сказал Иркиан.

— А по-моему,— сказала Лонгарина,— ей хотелось только одного: вернуть любовь своего мужа, которую она считала потерянной. Ради этого женщины способны на все.

— Что бы там ни было, жена никогда не должна давать своему мужу ни еды, ни питья, если она хорошенько не проверила сама и не узнала от людей сведущих, что они ему не повредят. Впрочем, незнание все же извинительно, и женщине можно простить ее поступок; никакая ведь страсть так не ослепляет человека, как любовь, и это прежде всего касается именно женщин, ибо, попав в трудное положение, они бывают неспособны вести себя разумно,— заметил Жебюрон.

— Жебюрон,— сказала Уазиль,— на этот раз вы отступаете от своей похвальной привычки, чтобы не расходиться в мнении с остальными. Но есть же на свете женщины, которые способны терпеливо сносить и любовь и ревность.

— Да,— сказал Ирман,— и даже весело, ибо самые разумные женщины — это те, которые умеют посмеяться над проделками своих мужей так же, как мужья, обманывая их, втайне смеются над ними. Но если вы предоставите мне сейчас слово — а потом завершить этот день мы попросим госпожу Уазиль,— я расскажу вам историю об одной супружеской паре, известной всем здесь присутствующим.

— Так начинайте же,— сказала Номерфида.

Тогда Ирман, улыбнувшись, начал так.

НОВЕЛЛА ШЕСТЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ

Одна женщина была настолько благоразумна, что, когда она увидела, как ее муж, ожидавший, что служанка снизойдет к его мольбам, переделся в платье этой девушки и принялся просеивать вместо нее зерно, нисколько не огорчилась и только посмеялась над его глупостью.

В замке Одо в Бигорре жил королевский конюший по имени Карло, итальянец, женившийся на дворянке, женщине очень порядочной и достойной. Жена его, у которой родилось от него несколько человек детей, с годами подурнела. Однако конюший и сам уже был немолод, и он продолжал жить с нею в мире и дружбе. Иногда он, правда, немного заигрывал со служанками, но жена не обращала на это никакого внимания. И только когда она узнавала, что та или иная слишком много себе позволяет, она старалась незаметно ее спровадить. Однажды к ним в дом поступила очень хорошая, скромная девушка. Хозяйка рассказала ей про повадки своего мужа, предупредив, что, как только служанки ее начинают вести себя худо, она их выгоняет из дома. Девушка эта дорожила своим местом и, чтобы ничем не прогневить свою госпожу, решила вести себя так, как положено. И как господин ни одолевал ее своими мольбами, она не сдавалась и обо всем рассказывала госпоже, причем обе только смеялись над его сумасбродством. Как-то раз, когда служанка в одной из задних комнат просеивала зерно, надев на голову чепец с пелериной, какие принято носить в этой местности (чепец этот сзади закрывает также спину и плечи), и господин увидел ее в таком уборе, он снова принялся докучать ей своим волокитством. Она же, хотя скорее готова была умереть, чем уступить его мольбам, сделала вид, что согласна,— попросив, однако, разрешения пойти посмотреть, что делает

ее госпожа, чтобы та не могла застать их врасплох, на что сластолюбец согласился. Тогда служанка уговорила его надеть ее чепец и, пока она ходит, продолжать ее работу, чтобы до слуха госпожи все время доносился стук решета. Обрадованный хозяин с радостью принялся за дело в надежде, что девушка исполнит потом все его желания. Служанка же, которая отличалась веселым нравом, побежала к своей госпоже и шепнула ей:

— Подите-ка взгляните на вашего муженька: чтобы отвести его от себя, я научила его просеивать зерно.

Та побежала взглянуть на новоявленную служанку. И, увидав своего супруга в чепце и с решетом в руках, принялась хлопать в ладоши и хохотать. Захлебываясь от смеха, она спросила его:

— Эй, тетка, сколько тебе в месяц платят за твою работу?

Услыхав знакомый голос и догадавшись, что его обманули, муж скинул с себя чепец, бросил решето с зерном и погнался за служанкой, нещадно ее ругая,— и, если бы жена за нее не заступилась, он бы ее тут же выгнал из дому. Потом, однако, все уладилось, и супруги продолжали жить вместе по-прежнему, никогда уже больше не ссорясь.

— Что вы скажете, благородные дамы, об этой женщине? Разве не правильно она поступила, посмеявшись над забавами своего супруга?

— Какие же это забавы! — воскликнул Сафредан.— Он же ведь так и не сумел ничего добиться.

— А я вот думаю,— сказала Эгнасюита,— что ему приятнее было посмеяться с женой, нежели в его-то возрасте убивать себя, заводя шашни со служанкой.

— Ну, уж если бы меня застали в таком чудном уборе,— воскликнул Симонто,— мне было бы не до смеху.

— Мне довелось слышать,— сказала Парламанта,— что, несмотря на всю вашу хитрость, жена ваша чуть-чуть было не застала вас в столь же неподходящем наряде и что она после этого лишилась покоя.

— Лучше бы вы занялись тем, что творится в вашем собственном доме,— сказал Симонто,— а мой предоставили мне; даже если бы у жены моей была причина на меня жаловаться — и та самая, о которой вы говорите,— она все равно не стала бы замечать этого, будучи занята делом более важным.

— Женщинам порядочным,— сказала Лонгарина,— надо только, чтобы их любили мужья. Это единственное, что приносит им радость. Те же, которые стремятся во что бы то ни стало удовлетворять свои животные вожделения, все равно не довольствуются тем, что дозволено законом.

— Что же, по-вашему, если женщина хочет получить от своего мужа то, что по праву принадлежит ей одной, так это называется удовлетворять свое животное вожделение? — спросил Жебюрон.

— Я только хочу сказать,— ответила Лонгарина,— что женщина целомудренная, чье сердце наполнено истинною любовью, в ответной высокой любви находит больше радости, нежели во всех наслаждениях, к которым может стремиться плоть.

— Я с вами вполне согласен,— сказал Дагусен,— но присутствующие здесь мужчины не хотят ни понять это, ни в этом признаться. Я думаю, что если уж женщина вообще не способна довольствоваться взаимностью в любви, то одному мужу все равно никогда не удовлетворить ее желаний. Ибо ей мало той любви, в которой живут порядочные женщины, ее искушает низменная, скотская похоть.

— Вы мне сейчас напомнили,— сказала Уазиль,— об одной красивой женщине, у которой был хороший муж и которая, не довольствуясь этой честной любовью, стала похотливее свиньи, а в жестокости своей превзошла даже льва.

— Прошу вас, госпожа моя,— сказал Симонто,— расскажите нам эту историю,— и мы закончим ею сегодняшней день.

— Я не могу этого сделать по двум причинам,— ответила Уазиль,— во-первых, история это очень длинная, а во-вторых, происходила она не в наше время и была записана одним писателем — которому, впрочем, вполне можно верить,— но мы ведь обещали друг другу не рассказывать ничего, что уже было написано.

— Все это верно,— сказала Парламанта,— но если это тот самый рассказ, который я имею в виду, то он был написан на таком старинном языке, что, если не считать нас с вами, ни один из присутствующих никогда о нем не слышал, и поэтому для всех он будет новым.

После этих слов вся компания стала просить госпожу Уазиль рассказать эту историю и не бояться, что она окажется слишком длинною, ибо до вечерней службы остается еще целый час. Исполняя их просьбу, госпожа Уазиль начала так.

НОВЕЛЛА СЕМИДЕСЯТАЯ

Герцогиня Бургундская, не довольствуясь любовью мужа, вспылала такую страстью к одному молодому дворянину, что, когда ей не удалось объяснить ему в своем чувстве взглядами и улыбками, она прибегла к словам; все, что последовало за этим, окончилось для нее весьма печально.

В Бургундии некогда правил герцог, человек очень красивый и в высшей степени благородный, который был женат на женщине, чья красота так его ослепляла, что он совсем не следил за ее поведением. Он хотел только одного — всячески угождать ей; она же искусным притворством убеждала его, что хочет того же. В доме герцога жил один дворянин, который обладал всеми совершенствами, какие только могут быть у мужчины, и был любим всеми, а больше всех самим герцогом; с детских лет герцог держал его возле себя и, высоко ценя его нравственные достоинства, отличал ото всех и доверял ему все дела, которые только можно было доверить человеку столь юному. Герцогине же, которая была весьма далека от добродетели, недостаточно было любви мужа и тех забот, которыми он ее окружил. Она часто поглядывала на молодого человека, и он так пришелся ей по душе, что она полюбила его до безумия и, всячески стараясь, чтобы он это понял, устремляла на него нежные и кроткие взгляды, изображая на лице своем страсть и тяжело вздыхая. Но молодой человек, который сызмалу был приучен жить достойно, никак не мог распознать таившиеся в этой даме порочные желания, ибо был убежден, что у нее для них нет никакой причины. И сколько эта несчастная, совсем обезумевшая от любви, ни бросала на него страстных взглядов, усилия ее ни к чему не вели, и она доходила до полного отчаяния. И горе ее было так велико, что однажды, забыв о том, что она из тех женщин, которые должны заставить мужчин просить о милости, а потом им отказывать, что она высокопоставленная дама, перед которой мужчинам следует преклоняться, она презрела своих кавалеров и, набравшись храбрости, решила избавиться от огня, переносить который больше уже не могла. И вот однажды, когда муж ее должен был отправиться на совет, в котором дворянин по молодости своей не принимал участия, она сделала ему знак подойти к ней. Тот повиновался, решив, что она хочет отдать какое-то распоряжение. Но вместо этого, нежно опершись на его плечо, она повела его в галерею и, вздохнув, сказала:

— Я удивляюсь, как это вы, человек такой молодой, красивый и благородный, столько времени прожили в обществе,

где множество прелестных дам, и ни разу ни в кого не влюбались и не стали ничьим кавалером?

И, с великой нежностью заглянув ему в глаза, она умолкла, чтобы услышать, что он скажет.

— Ваша светлость, если бы вы снизошли до мысли обо мне, то вас бы больше всего удивило, если бы человек, столь недостойный любви, как я, осмелился предложить себя в кавалеры какой-нибудь даме,— ведь та или отказала бы ему, или просто бы над ним посмеялась.

Услышав столь разумный ответ, герцогиня еще больше полюбила юношу и заверила его, что при дворе ее нет ни одной дамы, которая не почла бы за счастье иметь его своим кавалером, что он вполне может предложить свои услуги любой, ибо успех ему обеспечен. Молодой дворянин стоял, потупив глаза и не смея взглянуть на ее лицо, которое горело так, что перед этим огнем не устоял бы никакой лед. Едва только он приготовился что-то сказать в свое оправдание, как герцог вызвал жену по какому-то делу,— и к ее великому огорчению, она была вынуждена уйти. Но молодой дворянин ни разу ничем не показал виду, что понял смысл ее слов. Герцогиня была раздражена и возмущена и, спрашивая себя, что могло повергнуть ее в такое состояние, пришла к выводу, что виною всему нелепая трусость и робость того, кого она так полюбила. Спустя несколько дней, видя, что молодой человек так и не догадывается, чего она хочет, она задумала побороть в себе страх и стыд и рассказать ему о том, что творится у нее на душе, и была уверена, что красота ее он никак не может отвергнуть. Ей, однако, хотелось, чтобы он оказал ей честь и сам ее попросил об этом. Но потом она передумала и решила, что пожертвует ради наслаждения честью. И после того, как она пыталась еще несколько раз заводить с ним такие же разговоры и не получила от него никакого ответа, который бы сколько-нибудь мог ее удовлетворить, как-то раз она дернула его за рукав и сказала, что ей необходимо переговорить с ним о важном деле. Молодой дворянин со всем надлежащим смирением и почтительностью подошел к глубокой амбразуре окна, где она стояла. И когда она убедилась, что никто из находящихся в комнате людей их не видит, она дрожащим голосом, охваченная страстью, которая в ней боролась со страхом, возобновила свой прерванный разговор с ним и принялась упрекать его в том, что он до сих пор еще не избрал себе в их обществе дамы, обещая, что поможет ему завоевать расположение любой. Молодой человек, которого ее слова поразили и огорчили, ответил:

— Ваша светлость, у меня такая натура, что, если хоть раз мне откажут, счастья мне уже больше не видать. А я уверен, что при дворе нет ни одной дамы, которая снизошла бы к моей просьбе и приняла бы мои услуги.

При мысли о том, что она уже близка к победе, герцогиня зарделась румянцем и сказала, что ему надо только захотеть, ибо она знает красивейшую из придворных дам, которая с превеликой радостью примет его услуги и которою сам он будет доволен.

— Увы, ваша светлость,— ответил молодой дворянин,— я не верю, что в обществе этом найдется хоть одна дама, которая была бы так неразборчива и слепа, что я бы ей приглянулся.

Герцогиня, видя, что он все еще ничего не понял, решила открыться ему, но удивительная скромность юноши смущала ее, и она начала с того, что принялась постепенно его обо всем расспрашивать, а потом вдруг воскликнула:

— Если бы Фортуна была столь милостива к вам и дамой этой оказалась я, что бы вы сказали?

Молодой человек, решив, что все это ему снится во сне, преклонил колена и ответил:

— Ваша светлость, если бы господь помог мне снискать милость господина моего герцога и вашу, я почел бы себя счастливейшим из смертных, ибо это и была бы та награда, которую я прошу за мою верную службу, ведь больше, нежели кто-либо другой, я готов положить жизнь свою на служение вам обоим. Ибо я знаю, ваша светлость, в любви вашей к моему господину столько целомудрия и величия, что не только я, жалкий червь, но и самый могущественный государь и совершеннейший из людей не мог бы нарушить мир в вашей семье. Меня же супруг ваш воспитывал с малых лет, и всем тем, чем я стал, я обязан только ему. Поэтому к дочери, к жене ли его, к сестре или к матери у меня до конца жизни не может быть иных чувств, кроме тех, которые верный слуга может питать к своему господину.

Герцогиня не дала ему продолжать и, видя, что ей грозит оскорбительный отказ, перебила его, воскликнув:

— О несчастный, самонадеянный безумец, кто же вас об этом просит? Вы решили, должно быть, что так хороши собой, что все должны в вас влюбляться? Но если бы вы только посмели обратиться со своей просьбой ко мне, вы бы увидели, что я люблю и хочу любить одного только мужа. А все разговоры, которые я с вами вела, я затеяла для того, чтобы поразвлечься, выведать что-нибудь от вас и посмеяться над вами, как я, например, смеюсь над глупеющими влюбленными.

— Ваша светлость,— сказал молодой дворянин,— я думал и думаю именно так, как вы говорите.

Герцогиня не стала его больше слушать и поспешно ушла в свои покои, а увидев, что все ее дамы последовали за нею, удалилась и от них — в кабинет, где предалась безмерной печали, оттого что чувство ее не встречало взаимности. Она негодовала и на себя — за то, что завела такие несуразные речи, и на молодого придворного — за то, что он так разумно на все ей ответил, и это приводило ее в такое иступление, что бывали минуты, когда она даже готова была лишиться себя жизни, а потом наступали другие, когда ей снова хотелось жить, чтобы отомстить тому, кого она теперь почитала своим смертельным врагом.

И, долго так проплакав, она притворилась больной, чтобы извинить себя от ужина в обществе герцога, за которым обычно присутствовал и молодой дворянин. Герцог же, любивший жену больше, чем себя, сам явился ее проведать. Тогда, чтобы ей легче было отговориться, она сказала, что, должно быть, она забеременела — и от этого у нее болит голова, и боль эта причиняет ей большие мучения.

Так прошло несколько дней, герцогиня не вставала с постели и была все время такой мрачной и грустной, что герцог стал подозревать, что дело тут вовсе не в беременности. И он решил, что проведет ночь вместе с ней, и был очень ласков и, зная, что он бессилен что-либо сделать, чтобы она перестала вздыхать, сказал ей:

— Милая, вы знаете, что я люблю вас больше жизни и что, если я лишусь вас, жизни моей наступит конец. Поэтому прошу вас, если вы хотите сохранить ее, скажите мне, что заставляет вас так вздыхать, ибо я не верю, что причиною этому только беременность.

Видя, что герцог так добр к ней, что она может просить его о чем угодно, жена его подумала, что настало время отомстить за свою обиду. И, обняв мужа, она расплакалась и сказала:

— Увы, друг мой, больше всего страданий причиняет мне мысль о том, что люди, которые обязаны были бы пуще всех беречь ваше достоинство и вашу честь, вместо этого вас обманывают.

Услыхав такие речи, герцог непременно захотел узнать, что все это означает. И он стал настоятельно просить открыть ему всю правду и ничего не бояться. Жена его несколько раз отказывалась, но наконец все же согласилась.

— Стоит ли удивляться, сеньер мой,— сказала она,— что чужеземцы идут войной на наших государей, если те, кто

более всего им обязан, затевают против них войну — и притом столь жестокою, что, по сравнению с ней, потеря богатств ничего не значит. Я говорю сейчас о молодом дворянине (тут она назвала имя ненавистного ей юноши), которого вы же взрастили и воспитали, заботились о нем — и не как о слуге своем, а как о родном и даже больше того — как о собственном сыне. И что же! Он посмел замыслить против вас жестокое и гнусное преступление: он вздумал волочиться за вашей женой, чтобы лишить ее чести, чтобы покрыть позором и дом ваш и ваших детей. Но, хоть он и долго пытался умиловить меня страстными взглядами, сердце мое, которое принадлежит вам одному, не обращало на них никакого внимания. И в конце концов он открыто во всем мне признался. И на мольбы его я ответила так, как того требовало мое положение и мое целомудрие. А в душе у меня вскипела такая ненависть к нему, что с тех пор я уже не могу его больше видеть. Вот почему я затворилась у себя в комнате и лишила себя вашего общества. И теперь молю вас, сеньер, не держать возле себя эту чуму, ибо, совершив столь подлый поступок, он будет бояться, как бы я вам о нем не рассказала, и может совершить что-нибудь и похуже. Вот, сеньер мой, причина моей печали, — и, если вы хотите поступить достойным образом и быть справедливым, вам надлежит поскорее распорядиться.

Герцог, который любил жену и чувствовал себя глубоко оскорбленным, любил вместе с тем и воспитанника своего и столько раз уже имел случай убедиться в его преданности, что ему трудно было поверить всей этой лжи. Разгневанный и смущенный, он ушел к себе и велел передать молодому дворянину, чтобы тот не выходил из своих покоев и не показывался ему на глаза. Молодой человек, не понимая, чем он навлек на себя немилость своего господина, был до крайности огорчен, ибо знал, что этого не заслужил. И, будучи убежден, что он ни в чем не виноват и совесть его чиста, он послал одного из своих товарищей поговорить с герцогом и вручить ему письмо, в котором с великим смирением излагал свою просьбу. Он писал, что если герцог по чьему-нибудь навету решил удалить его с глаз своих, то пусть он сначала выслушает его самого — и тогда убедится, что никакой обиды он ему не нанес. Прочтя это письмо, герцог смирил немного свой гнев и, тайне от всех послав за молодым дворянином, вызвал его к себе. Когда тот явился, господин его, избравив на лице своем возмущение, гневно сказал:

— Никогда я не думал, что мне придется жалеть о том, что я вырастил тебя и воспитал и был твоим покровителем.

Ты хотел отнять у меня то, что для меня дороже жизни и всех богатств, ты посягал на честь той, которая составляет часть меня самого, чтобы на веки вечные покрыть семью и весь род мой позором. Можешь себе представить, как глубоко меня это оскорбило,— и, если бы меня не одолевало сомнение, что это может быть и не так, ты лежал бы уже на дне реки, я бы сполна воздал тебе за то зло, которое ты втайне мне причинил.

Молодой дворянин нисколько не был всем этим поражен. Он чувствовал, что ни в чем не виноват, и был поэтому совершенно спокоен. И он попросил, чтобы герцог назвал ему имя его обвинителя, добавив, что подобная клевета смывается не словом, а шпагой.

— У твоего обвинителя,— ответил ему герцог,— нет другого оружия, кроме целомудрия и чести. Сказал мне об этом не кто иной, как моя жена: она-то и просила меня отомстить тебе.

Несчастный дворянин, видя, сколь коварной оказалась герцогиня, не стал, однако, осуждать ее и только ответил:

— Ваша светлость, герцогиня может говорить вам все, что угодно. Вы ее знаете лучше меня, и вам отлично известно, виделся ли я когда-нибудь с нею наедине. Это было всего лишь раз, и она говорила тогда со мной очень мило. Вы — справедливейший из правителей, и поэтому умоляю вас, ваша светлость, судите сами, разве я давал вам когда-нибудь повод в чем-то себя заподозрить? А ведь это огонь, который невозможно долго скрывать так, чтобы в конце концов его не увидели те, кого томит такой же недуг. Умоляю вас, ваша светлость, поверьте мне, во-первых, в том, что я настолько вам предан, что, будь жена ваша красивейшею из женщин, я не мог бы полюбить ее так, чтобы запятнать мою честь и верность; и, во-вторых, если бы даже она не была вашей женой и я где-нибудь встретил ее, я никогда бы в нее не влюбился и предпочел бы ей многих других.

Видя, что он говорит искренне, герцог понемногу смягчился и сказал:

— Можешь быть спокоен, я сам этому не поверил. А раз так, то живи, как жил, и помни, что я буду любить тебя еще больше, если ты будешь говорить мне всю правду. Если же нет, то знай, что ты заплатишься жизнью.

Молодой дворянин поблагодарил его и сказал, что готов понести любое наказание, если он в чем-то действительно виноват.

Увидав, что молодой человек снова появился при дворе, герцогиня не могла этого стерпеть и сказала мужу:

— Не хватает только, чтобы вас отравили, монсеньер,— смертельному своему врагу вы доверяете больше, чем другу.

— Прошу вас, дорогая, не мучьте меня больше,— ответил герцог,— знайте, что стоит мне только убедиться, что вы мне сказали правду, и человек этот больше суток не проживет. Но он поклялся мне, что это ложь, и к тому же сам я никогда не замечал за ним ничего плохого. Вот почему, пока я не получу доказательств, я никогда этому не поверю.

— Ну что же, монсеньер,— сказала она,— доброта ваша сделает его еще злее. Какого вам надо еще доказательства, если никто никогда не слышал, что он был в кого-то влюблен? Поверьте, монсеньер, что, если бы у него не было в мыслях сделатья моим кавалером, он непременно нашел бы себе любовницу: ни один молодой человек, будучи окружен таким прекрасным обществом, не проводил бы свои дни так одиноко, как он, если бы втайне не надеялся на нечто большее и не удовлетворялся своей напрасной надеждой. А коль скоро вы убеждены, что он с вами откровенен, то, умоляю вас, заставьте его признаться, любит ли он кого-нибудь: если это действительно так, то я могу только радоваться, что вы ему верите; если же нет, то, знайте, я вам сказала правду.

Герцог нашел доводы жены вполне основательными. Он взял молодого человека с собой на прогулку и сказал ему:

— Жена моя продолжает стоять на своем; она напомнила мне об одном обстоятельстве, которое заставляет подозревать тебя: все диву даются, что ты так молод и благороден — и никто не замечал, чтобы ты кого-то любил. Вот я и думаю, что права она, что ты действительно на что-то надеешься и так полон этой надежды, что не обращаешь внимания ни на какую другую женщину. Поэтому прошу тебя как друг, и приказываю тебе как твой господин,— признайся, любишь ты кого-нибудь или нет?

Несчастному молодому человеку смертельно хотелось скрыть свое чувство. Но, увидав, сколь настойчив его господин, он должен был признаться ему, что действительно влюблен в одну даму, которая так хороша собой, что по сравнению с ней и герцогиня, и все дамы из ее свиты кажутся безобразными, но умоляя его не допытываться, кто она, сказав, что между ним и его возлюбленной есть уговор, по которому тот из них, кто первый выдаст их тайну, будет считаться предателем и свиданиям их наступит конец. Герцог обещал, что не будет больше настаивать, и был так всем доволен, что стал еще ласковее к своему другу, чем был прежде. Герцогиня это заметила и со свойственной ей хитростью постаралась узнать, что было тому причиной. Муж

ничего от нее не скрыл. И тогда к ее жажде мести присоединилась еще и люта я ревность, и она стала добиваться, чтобы герцог приказал молодому человеку назвать имя его возлюбленной, уверяя, что все, что тот говорит, — ложь и нет другого средства проверить истинность его слов. Ведь если он так и не назовет эту удивительную красавицу, герцог, поверив ему, неминуемо окажется в дураках. Незадачливый муж, которым жена его помыкала как хотела, отправившись на прогулку, взял с собою молодого человека и сказал ему, что теперь он находится в еще большем затруднении, чем был, ибо подозревает, что друг его придумал эту уловку, чтобы не дать ему доискаться до правды, и что теперь эта мысль больше всего его мучит. Поэтому он попросил, если только это возможно, назвать имя той, которую он так любит. Бедный молодой человек умолял не толкать его на подобное предательство и не требовать, чтобы он нарушил клятву, которой так долго был верен, и за один день ему не пришлось потерять то, что создавалось в течение семи лет. Он сказал, что скорее пойдет на смерть, нежели решится предать ту, которая ему так верна. Видя, что он не хочет ее назвать, герцог загорелся такой жестокой ревностью, что, рассвирепев, вскричал:

— Коли так, выбирай. Либо ты назовешь мне имя той, которую любишь так, как ни одну другую, либо я выгоню тебя из своих земель, — а если окажется, что ты через неделю не убрался отсюда, казнию тебя страшной казнию.

И пожалуй, ни одному влюбленному не доводилось испытывать такую боль, какая охватила сердце этого бедного молодого человека, ибо он по праву мог сказать: «*Angustiae sunt mihi undique*»¹. Он хорошо понимал, что если он скажет правду, то потеряет свою подругу, как только та узнает, что он нарушил обет. Если же он не откроется герцогу, он будет изгнан навсегда из его владений, и тогда ему уже больше не свидеться с любимой. И оттого, что он не в силах был сделать выбор, его обуяла смертельная тоска, и лоб его покрылся холодным потом. Герцог же, заметив его растерянность, решил, что никакой возлюбленной у него нет и он действительно любит его жену, что назвать ему некого и что потому-то он так смущен. И он довольно резко сказал ему:

— Если бы слова твои были правдой, тебе не стоило бы никакого труда открыть мне, кто эта женщина, но ты, должно быть, терзаешься именно тем, что меня оскорбил.

Задетый за живое и движимый любовью к своему покровителю, молодой человек решил наконец открыть ему

¹ Тесно мне отовсюду (лат.).

всю правду, веря, что герцог, будучи человеком чести, не позволит себе разгласить эту тайну. И, встав перед ним на колени, он сказал:

— Ваша светлость, я столь многим обязан вам, что благодарность моя и любовь к вам сильнее всякого страха смерти. Я вижу, что у вас сложилось странное и неверное мнение обо мне. И вот, для того чтобы освободить вас от этой тяжести, я решился на то, к чему меня не могли бы принудить даже пытки. Только прошу вас, ваша светлость, ради самого Создателя поклянитесь мне, как государь и как христианин, что вы никогда никому не расскажете моей тайны, которую, коль скоро вашей светлости это угодно, я должен сейчас открыть.

Герцог поклялся, что никогда не расскажет об этом никому и не напишет и нигде не выдаст его ни движением, ни взглядом. Тогда молодой человек, который знал герцога как человека достойного и благородного, начал говорить:

— Ваша светлость, я знал, что племянница ваша, госпожа дю Вержье, овдовела и никто за ней не ухаживает. И вот уже более семи лет, как я постарался снискать ее милость. А так как происхождение мое не позволяло мне жениться на ней, я довольствовался тем, что сделался ее возлюбленным и остаюсь им поныне. И господа было угодно, чтобы все это время мы оба были так осторожны, что ни один мужчина и ни одна женщина ничего не узнали о наших встречах, кроме вас, ваша светлость, в чьи руки я предаю сейчас и жизнь мою и честь. И молю вас — храните эту тайну и не презирайте племянницу вашу, ибо на целом свете нет женщины более совершенной.

Герцог очень обрадовался. Зная удивительную красоту своей племянницы, он нисколько не сомневался, что она красивее, нежели герцогиня, и не мог только понять, каким образом им до сих пор удавалось видаться и хранить свои свидания в тайне. И он попросил молодого дворянина посвятить его в то, как они умудряются это делать. Тогда тот сказал ему, что спальня госпожи дю Вержье выходит в сад и что в ту ночь, когда он должен к ней прийти, узенькую калитку всегда оставляют отпертой; через эту калитку он и входит в сад и идет до тех пор, пока не услышит лай собачки, которую его возлюбленная выпускает лишь тогда, когда все служанки уходят спать. Он остается у нее до утра, и каждый раз она назначает день, когда он снова должен прийти к ней. И только какое-нибудь особенно важное дело может помешать ему явиться в назначенный день и час.

Герцог, будучи человеком очень любопытным и в свое время весьма искусственным в делах любви, для того чтобы успокоить свою подозрительность, а равно и побольше разузнать об этой необыкновенной истории, попросил молодого человека взять его с собою в первую же ночь, когда он туда отправится,— и не как своего господина, а как товарища. Молодой дворянин, который так доверчиво во все его посвятил, согласился, признавшись, что собирается быть у своей возлюбленной в тот же вечер. Герцог был на седьмом небе от радости. И, сказав жене, что приляжет отдохнуть у себя в гардеробной, он вместо этого велел оседлать двух коней — для себя и своего спутника,— и, выехав из замка, где жил герцог, они верхом направились в Вержье и большую часть ночи провели в пути. Прибыв туда, они привязали коней у ограды, и молодой дворянин провел герцога в сад через узенькую калитку и попросил его спрятаться за орешник, откуда тот мог все видеть и убедиться в истинности всех его слов. Не успел он войти в сад, как маленькая собачка залаяла, и молодой человек направился к башенке, куда племянница герцога вышла в это время, чтобы его встретить. Они обнялись, и она стала говорить, что ей кажется, что они не виделись уже целую вечность. После чего они вошли в комнату и заперли за собою дверь. Увидав это тайное свидание, герцог был чрезвычайно доволен. Ему не пришлось очень долго ждать, ибо молодой человек сказал своей даме, что в эту ночь ему надо будет уехать от нее раньше, чем обычно, потому что в четыре часа утра герцог собирается на охоту и он должен сопровождать его. Госпожа дю Вержье, для которой честь всегда была дороже, чем наслаждение, не хотела мешать ему исполнить свой долг, ибо в их высокой любви она превыше всего ценила то, что любовь эта оставалась для всех тайной. Итак, в час ночи молодой человек ушел от своей возлюбленной, а та, набросив накидку и закрыв лицо платком, проводила его, но не так далеко, как ей этого хотелось,— он уговорил ее вернуться, опасаясь, как бы она не встретилась с герцогом. После чего спутники вскочили на коней и поскакали назад в замок Аржили.

Дорогой герцог еще раз клятвенно обещал своему другу, что скорее умрет, чем выдаст его тайну. И он преисполнился к нему такого доверия и так его полюбил, что стал с ним ласковее, чем с кем бы то ни было из придворных. Герцогиню это приводило в ярость. Но муж запретил ей говорить с ним об этом и только сказал, что узнал всю правду и вполне ею удовлетворен и что дама, которую молодой дворянин этот любит, действительно красивее, чем она.

Слова эти так подействовали на герцогиню, что она за-немогла, и недуг ее был изнурительнее любой лихорадки. Муж пришел и всячески старался ее успокоить, но ему это не удалось: она требовала, чтобы он назвал имя красавицы, которую любит молодой дворянин, и так с этим к нему приставала, что он вышел из комнаты, сказав:

— Если вы мне скажете еще слово об этом, мне с вами придется расстаться.

После этих слов герцогиня сделала вид, что ей стало еще хуже, она притворилась, что страдает оттого, что ребенок шевелится в ее чреве. Мужу было так радостно об этом услышать, что он пришел к ней в спальню, чтобы лечь с нею. Но едва только она почувствовала, что он возгорается к ней желанием, она повернулась на другой бок и сказала:

— Сеньер, коль скоро у вас нет любви ни ко мне, ни к ребенку, который должен родиться, пусть мы с ним оба умрем.

И, произнеся эти слова, она залилась такими горькими слезами и так рыдала, что герцог стал бояться, чтобы это не погубило ребенка. Он обнял ее и начал спрашивать, чего она хочет, заверив ее, что нет такой вещи, которой бы он для нее не сделал.

— Ах, друг мой,— ответила она, плача,— как я могу надеяться, что вы сделаете для меня что-нибудь трудное, если вы не хотите сделать самой простой вещи, которой я от вас прошу: сказать мне, кто возлюбленная этого коварнейшего из слуг, какие у вас когда-либо были. Я была уверена, что мы с вами — единое сердце и единая плоть. А теперь вот я знаю, что все изменилось; тайны ваши, которые я все должна знать, вы скрываете от меня, как от посторонней. Увы, друг мой, вам ведь случалось поверять мне столько важных секретов, и ни разу вы ни от кого не могли услышать, что я их не сохранила. Вы столько раз испытывали меня и могли увидеть, что у меня нет других желаний, кроме ваших. И вы не можете сомневаться, что я и вы — одно. И если вы поклялись никому не выдавать тайны этого дворянина, то, рассказав ее мне, вы не нарушаете своей клятвы, ибо я — то же, что и вы, и не могу быть ничем иным. Вы — в моем сердце, в моих объятиях, во чреве моем ваше дитя,— и что же, вы не хотите доверить мне ваших чувств, как я доверила вам свои! И на всю мою преданность и верность вам вы отвечаете мне суровостью и жестокостью. И это заставляет меня сто раз на день хотеть смерти: я хочу избавить ребенка от такого отца, а себя — от такого мужа. И я надеюсь, что это свершится скоро, ибо неверного слугу вы, оказывается, могли предпочесть такой женщине, как я, и ради него прине-

сти в жертву мать вашего дитяти, которому теперь суждено погибнуть, ибо носящая его во чреве не в силах узнать от вас то, что ей важнее всего на свете.

И с этими словами она обняла и поцеловала мужа, оросив лицо его слезами, и так горестно стенала и рыдала, что, охваченный тревогою, герцог, боясь, что может потерять и жену и ребенка, решил открыть ей всю правду, — предупредив, однако, что, если только она кому-нибудь об этом расскажет, он своими руками ее убьет. И она обещала ему молчать. И тогда несчастный муж поддался обману и поведал ей все, что видел, с начала и до конца. Жена его притворилась, что довольна тем, что услышала, но обуревавшие ее чувства были совсем иными. Однако из страха перед герцогом она постаралась их скрыть.

Однажды на большом празднестве при дворе герцога, куда собрались все знатные дамы из окрестных владений и где, в числе прочих, была и его племянница, после ужина начались танцы, и каждый веселился как мог. Но герцогине, которая видела, как красива и обольстительна племянница ее, госпожа дю Вержье, было не до веселья, и внутри у нее кипело. Созвав всех дам и усадив их вокруг себя, она завела речь о любви и, заметив, что госпожа дю Вержье не принимает участия в общем разговоре, сказала ей, едва сдерживая обуявшую ее ревность:

— Как же это так, любезная племянница, — может ли быть, чтобы при вашей красоте у вас не было ни друга, ни кавалера?

— Ваша светлость, — ответила госпожа дю Вержье, — красота эта для меня ничего не значит, ибо после кончины моего супруга мне не нужны никакие друзья, кроме моих детей, в которых вся моя радость.

— Любезная племянница, любезная племянница, — продолжала герцогиня с нескрываемой ненавистью, — нет такой тайной любви, которая бы не стала явной, и сколько ни дрессируй маленькую собачку, все равно рано или поздно все услышат, как она лает.

Можете себе представить, благородные дамы, в каком смятении и горе была бедная госпожа дю Вержье, узнав, что тайну ее, которую она столько лет так бережно хранила от всех, разгласили и теперь ей не уйти от позора. Она нестерпимо страдала оттого, что потеряла честь, которую так заботливо берегла, но мучительнее всего для нее была мысль, что ее возлюбленный нарушил данную ей клятву, — она так была уверена, что этого никогда не случится; значит, он полюбил другую, и та красивее, чем она, ибо ничто, кроме силы

любви, не может заставить человека, позабыв обо всем, настежь распахнуть душу.

Госпожа дю Вержье так умела владеть собой, что не выказала ничем своего смущения и, весело смеясь, ответила герцогине, что языку собак она не училась. Но как ни искусно она притворялась, сердце ее ныло от горя. Она встала и, пройдя покоями герцогини, удалилась в гардеробную, и это заметил герцог, расхаживавший в это время взад и вперед по залам. Когда несчастная увидела, что она одна, она без сил повалилась на кровать. Придворная дама, прикорнувшая в это время в уголке возле кровати, услышав шум, вскочила и сквозь полог увидела госпожу дю Вержье, но не посмела ей ничего сказать. И, сидя совсем тихо, принялась внимательно слушать, о чем бедная госпожа дю Вержье говорит с собой, думая, очевидно, что, кроме нее, в комнате никого нет. Едва живая от мук, та стала сетовать на свою горькую долю.

— О я несчастная, какие слова я только что услышала! Это конец! Это мой смертный приговор! Разве я не любила тебя так, как никого на свете! И так отплатить мне за мое чистое, высокое, беззаветное чувство! О любовь моя, какой безумный выбор ты совершила, ты поверила самому неверному, приняла за сухую правду слова лжеца, отдала себя в руки предателя! О, горе мне! Могло ли статься, чтобы скрытое от глаз всех людей открылось вдруг глазам герцогини! Бедная моя собачка, я так хорошо всему тебе научила, и ты одна была помощницей в нашей долгой и чистой любви; нет, не ты меня предала, а тот, чей голос громче твоего лая, чье сердце неблагодарней, черствее, чем сердце зверя. Это он, нарушив обещание свое, предал счастливую жизнь, которую мы с ним так долго вели и которая никому не причиняла вреда! О друг мой, любовь твоя проникла в самые сокровенные тайники сердца моего, она одна давала мне силы жить. Неужели же теперь я должна назвать тебя моим заклятым врагом, неужели должна пустить по ветру честь мою и отдать тело мое земле, а душу — тому, кто ее призовет! Ужели же красота герцогини всемогуща и, подобно красоте Цирцеи, может заставить смертного так измениться? Ужели доблесть твою она обратила в порок, доброту — во зло, а из человека тебя сделала зверем? О друг мой, ты нарушил обещание, которое дал мне, но я свое сдержу: коль скоро ты поглумился над нашей любовью, знай, я больше никогда тебя не увижу. Но так как без тебя жизни мне все равно не будет, то пусть снесает меня печаль моя, — я не буду искать от нее спасения ни в лекарствах, ни в доводах

разума. Одна только смерть положит конец моей муке. И я приму ее с радостью, ибо на земле у меня больше нет ни друга, ни чести, ни счастья. И друга у меня отняла не война, не смерть, чести моей я лишаясь не по своей вине, ибо я не совершила никакого греха, не содеяла ничего, чтобы совесть моя не знала покоя. Это — злой рок; это он сделал неблагодарным самого преданного из людей; это рок наказал меня так несправедливо. Ах, герцогиня, как весело вам было потешиться надо мной, укорив меня моей маленькою собачкой! Что ж, радуйтесь, вы отняли у меня мое счастье! Что ж, смейтесь теперь над той, которая считала, что любовь ее чиста и скрыта от глаз и посмеяться над нею никто не может! Ах, как от этого слова у меня сжимается сердце, как я краснею от стыда и бледнею от ревности! О, горе мне, — сердце мое, я знаю, что тебе это все не под силу. Моя поправная любовь сжигает тебя, ревность и обида леденят тебя и мертвят, а сожаление и тоска не дают мне тебя утешить. Горе мне, бедная моя душа; возлюбив превыше меры творение, ты позабыла Творца; ты прельстилась суетной любовью — и теперь ты должна возвратиться к Всевышнему. Доверься ему, душа, и ты обретешь в нем настоящего отца, — в том, ради кого ты его забывала, ты не сыскала настоящего друга. О господь, сотворивший меня, ты, который есть истинная и совершенная любовь, ты, по чьей милости любовь моя к моему другу была чиста и не запятнана ничем, разве только тем, что я любила превыше меры, будь милосерден ко мне! Прими душу и дух той, которая раскаивается, что не послушала твоего первого и справедливого веления и во имя того, чья любовь к людям не знает границ, прости меня за грех, который я совершила от избытка любви. Ибо тебе одному я могу все доверить. А ты, кого я любила и чье недостойное имя разрывает теперь мне сердце, прощай навеки!

И она упала на пол, в лице ее не было ни кровинки, губы ее посинели, а руки и ноги похолодели.

Как раз в эту минуту возлюбленный ее вошел в зал. Видя, что герцогиня и все дамы танцуют, он стал всюду искать свою подругу. И, не находя ее нигде, направился в покои герцогини и встретил там герцога, который расхаживал взад и вперед. Увидев его беспокойство, герцог шепнул ему на ухо:

— Она вошла сюда, в гардеробную, должно быть, ей стало худо.

Спросив разрешения герцога, дворянин устремился туда. И, войдя в гардеробную, увидел там госпожу дю Вержье, которая уже едва дышала.

— Что с тобою, милая? — закричал он, обнимая ее. — Не может этого быть, чтобы мы расстались навечно!

Услыхав столь знакомый ей голос, несчастная собрала все силы и приоткрыла глаза, чтобы взглянуть на того, кто был причиной ее смерти. И в это мгновение любовь и горечь обиды вспыхнули в ней, и сила этих чувств была так велика, что она только жалобно вздохнула и тут же отдала душу богу. Возлюбленный ее, который сам едва держался на ногах от горя, кинулся расспрашивать находившуюся в гардеробной придворную даму, дабы узнать, какая злая сила погубила госпожу дю Вержье. Тогда придворная дама рассказала ему по порядку, что та говорила при ней. И, услышав, что герцог выдал его тайну жене, дворянин пришел в такое негодование, что, обняв бездыханное тело любимой и заливаясь слезами, воскликнул:

— О, горе мне, предателю! Отчего же наказание за эту низость пало на нее, а не на меня! Она ведь невинна. Почему в тот день, когда язык мой выболтал тайну нашей высокой и чистой любви, гром небесный не поразил меня? Почему недра земные не разверзлись, чтобы поглотить предателя? О язык мой, пусть случится с тобой то, что случилось с языком богача, попавшего в ад! О сердце мое, испугавшееся изгнания и смерти, пусть орлы растерзают тебя, как сердце Иксиона! О, горе мне! Любимая моя, случилось самое страшное из всего, что только могло случиться! Я думал, что сберегу тебя, — и вот я тебя потерял; я думал, что ты будешь долго жить и будешь счастлива нашей чистой любовью, а вместо этого обнимаю тебя бездыханную, безмерно несчастную, и виновен в этом я, сердце мое и язык! О самая чистая и верная из женщин, ведь это я оказался самым бесчестным изменником, самым неверным из мужчин! Виноват в этом не только герцог. Как мог я полагаться на его обещания? Как мог думать, что наше счастье продлится? Увы, мне следовало знать, что никто не сможет сберечь мою тайну, если сам я ее не сберег. Нет ничего удивительного в том, что герцог доверил ее жене, но по какому праву я доверил нашу тайну герцогу? В этом неслыханном предательстве, погубившем дружбу, некого винить, кроме меня самого. Пусть бы герцог лучше исполнил свою угрозу и кинул меня в реку, ты бы, моя ненаглядная, осталась тогда вдовой, а я погиб бы славною смертью, поступив так, как подобает настоящему другу. Дружбу нашу я предал, а тебя, которая любила меня самой благородной любовью, — тебя не стало; сердце твое, такое незапятнанное и чистое, не могло смириться с моей жестокой изменой. О господи, почему ты создал меня человеком столь

ветреным и неразумным? Почему ты не создал меня маленькой собачкой, которая служила своей госпоже верой и правдой? Увы, бедняжка моя, как я всегда радовался твоему лаю, а теперь печалюсь из-за того, что кто-то третий его подслушал! Любимая, ни страсть герцогини, ни какой-нибудь другой женщины не могла поколебать меня, хоть эта ненавистница не раз склоняла меня на измену. Меня погубило неведение мое, я был слишком уверен, что разлучить нас ничто не может. Но хоть я и не ведал, что творю, все равно мне нет оправдания: я разгласил тайну моей любимой, я нарушил обещание, которое дал ей, и это единственная причина того, что теперь я вижу ее бездыханной. Увы, любимая моя, мне легче будет встретить смерть, чем было тебе, ведь невинная жизнь твоя погибла из-за любви. И смерть, должно быть, не захочет снизить к такому вероломному и жалкому человеку, как я, ибо жить, потеряв честь и вспоминая все то, что я утратил по собственной вине, труднее, чем перенести десять тысяч смертей. Увы, любовь моя, если бы кто-нибудь убил тебя случайно или преднамеренно, я бы тут же схватился за шпагу, чтобы отомстить за тебя. Потому-то я и не могу простить убийце, который, чтобы лишить тебя жизни, избрал орудие более страшное, нежели шпага. Если бы я знал какого-нибудь палача, еще более подлого, чем я сам, я попросил бы его казнить предавшего тебя друга. О любовь, любя безрассудно и слепо, я оскорбил тебя! Вот почему ты не хочешь спасти меня, как ты спасла ту, которая свято блюла все твои законы. И на столь благородную смерть я совсем не надеюсь, я заслужил другую — смерть от собственной руки. Слезами своими я омыл тебе лицо, язык мой просит у тебя прощения, а рука должна учинить над телом моим то, что я учинил над тобой, ибо чистой и благородной любви нет конца ни на земле, ни за гробом.

С этими словами он вскочил и, стоя над телом своей возлюбленной, обезумевший от отчаяния, выхватил кинжал и со всего размаха всадил его себе в сердце. И, обнимая снова и снова свою любимую, он стал так страстно ее целовать, что казалось, у любви больше власти над ними, чем у смерти.

Находившаяся в комнате дама кинулась к двери и стала звать на помощь. Услышав этот крик, герцог заподозрил, что с дорогими ему людьми что-то неладно. Он первый вошел туда. Увидав это страшное зрелище, он попытался оторвать друга своего от тела его возлюбленной, но тот так крепко сжимал ее в своих объятиях, что оттащить его смогли только тогда, когда он был уже мертв. Но все же, когда герцог

спросил: «Кто это сделал?» — он успел ответить: «Мой язык, ваша светлость, и ваш тоже», — и посмотрел на него безумным взглядом. И, прильнув лицом своим к лицу любимой, он испустил дух.

Герцог захотел узнать больше и заставил находившуюся в комнате придворную даму рассказать ему все, что она видела и слышала. И она поведала ему все по порядку. И, узнав, что всему виною он сам, он бросился к их бездыханным телам. С криком и стенаниями он стал просить у них прощения и без конца целовать их. А потом, негодующий и разъяренный, поднялся, выхватил кинжал из сердца молодого дворянина и, подобно тому как раненный копьем кабан кидается на поразившего его охотника, бросился искать ту, которая ранила его в самые сокровенные глубины сердца. И он нашел ее танцующей в зале, такой веселой, какой она никогда не бывала, — она была счастлива, что словами своими хорошо отомстила госпоже дю Вержье. Герцог остановил ее на середине танца и сказал:

— Вы поклялись жизнью, что будете хранить доверенную вам тайну, жизнью вы теперь за все и заплатите.

С этими словами он схватил ее за волосы и всадил ей в горло кинжал, к ужасу всех присутствующих, которые решили, что герцог сошел с ума. Но, завершив свое дело, он собрал всех придворных и рассказал им о благородной и горестной любви своей племянницы и о страшном предательстве, которое учинила его жена. И, услышав эту историю, все заплакали. После чего он приказал, чтобы герцогиню похоронили в аббатстве, которое он вслед за тем воздвигнул, чтобы хоть частично искупить грех женоубийства. И он построил очень красивый склеп, в котором тела обоих любовников были похоронены вместе, а на гробницах велел написать трагическую историю их любви. Сам же он отправился в поход против турок, в котором господь ниспослал ему такую помощь, что он вернулся с богатой добычей и увенчанный славой. Ко времени его возвращения сын его уже возмужал настолько, что он мог передать ему бразды правления. И он оставил ему все, и принял монашество в том же самом аббатстве, и окончил там свои дни в служении богу.

— Вот, благородные дамы, та история, которую вы просили меня рассказать вам; по глазам вашим я вижу, что она вас растрогала. По-моему, для вас это хороший пример того, с какой осторожностью надо относиться к мужчинам, ибо они могут загубить самое высокое и благородное чувство.

И вы знаете, что апостол Павел от такой безмерной любви предостерегает даже людей женатых, ибо, чем больше сердце наше привязывается к благам земным, тем больше оно удаляется от небесных, и чем более чиста и благородна любовь, тем труднее бывает порвать ее узы. Вот почему я призываю вас, благородные дамы, обратить молитвы свои к господу. Пусть дух святой воспламенит вас любовью к нему, и тогда в смертный час вам легко будет расстаться с тем, к чему вы слишком привязаны в этом мире.

— Но если любовь эта была действительно так чиста, как вы нам рассказали, то зачем же им понадобилось скрывать ее? — спросил Жебюрон.

— Затем, что люди настолько испорчены, — ответила Парламента, — что они никогда не способны поверить, сколь чистой может быть любовь. Обо всех — как о мужчинах, так и о женщинах — они судят только по себе и наделяют их своими пороками. Вот почему, если у женщины, помимо самых близких родных есть еще и друг, она должна видаться с ним тайно, если хочет, чтобы встречи эти длились долго. Будь любовь этой женщины добродетельна или порочна, все равно о ней пойдут всякие сплетни, ибо дальше своего носа люди обычно не видят.

— Да, но после того как тайна раскрыта, — заметил Жебюрон, — люди возводят на эту любовь хулу.

— Вот почему, — сказала Лонгарина, — лучше всего, должно быть, не любить вовсе.

— Мы будем обжаловать этот приговор, — воскликнул Дагусен, — ведь стоит только представить себе, что у наших дам не будет любви к нам, мужчинам, — и жить не захочется. Я говорю о тех, кто живет для любви. Даже если мужчины ее не добиваются, у них остается по крайней мере надежда — и она побуждает их совершать множество благородных поступков, и так до той поры, пока старость не принесет на смену этим благородным чувствам иные заботы. Тем же, кто думает, что женщины не должны любить, следовало бы сделаться не военными, а купцами. Тогда, вместо того чтобы завоевать себе славу, они пеклись бы о том, чтобы нажить состояние.

— Вы хотите сказать, — вставил Иркин, — что, если бы не было женщин, мужчины утратили бы свое благородство? Как будто вся наша храбрость идет только от женщин! Но я, например, держусь совершенно противоположного мнения. На мой взгляд, ничто так не может принизить мужчину, как общение с женщинами или чрезмерная любовь к ним. Именно потому закон иудеев в первый год после женитьбы не раз-

решал мужчине идти на войну, дабы любовь к жене не отвратила его от опасностей, которых он должен искать.

— По-моему, закон этот не очень-то верен,— сказал Сафредан,— человека женатого как раз больше всего и тянет на войну, ибо никакая битва не бывает так страшна, как битва у себя дома. Вот почему я думаю, что лучшее средство заставить мужчин стремиться в чужие края и не засиживаться дома у очага — это их женить.

— Надо сказать, что женитьба действительно освобождает их от всех домашних забот,— заметила Эннасюита.— Они во всем полагаются на жен и думают только о том, как бы увенчать себя славой, ибо уверены, что о благоденствии дома позаботится жена.

— Что бы там ни было,— ответил Сафредан,— я очень рад, что вы согласны со мной.

— Да, но никто не сказал самого главного,— вступилась Парламанта,— почему дворянин, который был виновником всего, не умер сразу же с горя, как умерла та, которая была ни в чем не повинна.

— Потому что женщины умеют любить сильнее, чем мужчины,— ответила Номерфида.

— Нет, дело не в этом,— возразил Симонто,— а в том, что ревность и отчаяние женщин заставляет их лезть на стену, не разобравшись ни в чем. Мужчины же — те осмотрительны, они всегда стараются доискаться до истины. А познав эту истину разумом, они, как и этот молодой дворянин, становятся очень храбрыми. Ведь, доискавшись до того, что было причиной гибели его возлюбленной, он доказал свою любовь к ней и не пощадил своей жизни.

— Так или иначе — она умерла от настоящей любви,— сказала Эннасюита,— ее прямое и благородное сердце не в силах было вынести это подлое предательство.

— Виновата во всем вспыхнувшая в ней ревность,— сказал Симонто,— это она не дала госпоже дю Вержье додумать все до конца и ослепила ее так, что та приписала своему другу порок, который был создан ее же воображением. И смерть ее была вынужденной, ибо она ничего не могла с собою поделать. Смерть же ее друга была добровольной: он избрал ее, когда увидел, что сотворил.

— Велика, должно быть, была любовь, если она могла причинить такое горе,— сказала Номерфида.

— Вам можно не бояться,— сказал Иркиан,— от этой болезни вы не умрете.

— Так же как и вы, должно быть, не убьете себя, узнав о своем проступке,— заметила Номерфида.

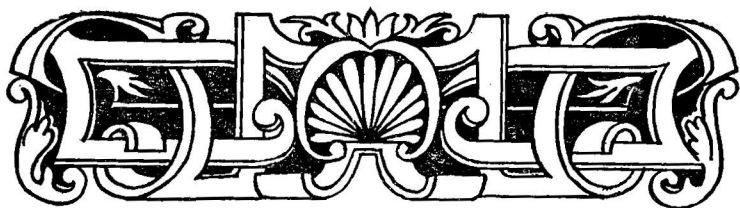
— Достаточно того, что двое уже умерло от любви, не будем же убивать двух других,— сказала, смеясь, Парламента, которая решила, что разговор чересчур затянулся,— уже отзвонили к вечерне, и, хотим мы того или нет, нам придется расстаться.

Последовав ее совету, все встали и отправились слушать вечерню, причем не забыли в молитвах своих помянуть души верных любовников, за упокой которых монахи сами решили прочесть *De Profundis*.

И во время ужина только и разговора было что о госпоже дю Вержье, после чего, проведя еще некоторое время вместе, все разошлись по своим комнатам, и таким образом окончился седьмой день.

Конец седьмого дня

ДЕНЬ ВОСЬМОЙ

В ВОСЬМОЙ ДЕНЬ РАЗГОВОР ИДЕТ О САМЫХ ВЕЛИКИХ БЕЗУМСТВАХ И РАССМАТРИВАЮТСЯ ПОДЛИННЫЕ ПРОИСШЕСТВИЯ, УСЛЫШАТЬ О КОТОРЫХ ПОЛЕЗНО КАЖДОМУ.

ВСТУПЛЕНИЕ

Н а следующее утро сеньеры и дамы послали узнать, скоро ли будет построен мост, и получили ответ, что через три дня он будет готов. Некоторым из присутствующих известие это было совершенно не по душе; они предпочли бы, чтобы работы тянулись подольше, а вместе с ними и их счастливая безмятежная жизнь. Видя, однако, что остается каких-нибудь два-три дня, компания решила не терять золотого времени, и все попросили госпожу Уазиль преподавать им утренний урок благочестия, что она не преминула сделать. Но на этот раз она задержала их долее обычного, ибо до того, как покинуть монастырь, ей хотелось окончить чтение Послания апостола Иоанна. И она так хорошо его прочла, что казалось, устами ее святой дух произносил эти исполненные любви и милосердия слова. И, охваченные их огнем, все пошли слушать мессу, а вслед за тем обедать, продолжая обсуждать рассказанное накануне и готовясь сделать новый день таким же интересным, как и предыдущий. Для этого после обеда все разошлись по своим комнатам и пребывали там до тех пор, пока не пошли на привычное место, где они собирались каждый день на ковре из зелени; там их уже ожидали монахи. Когда все расселись

по своим местам, зашла речь о том, кто будет начинать.

— Вы оказали мне честь тем, что я дважды был первым рассказчиком,— сказал Сафредан.— По-моему, мы будем несправедливы к дамам, если ни одной из них не приведет-ся точно так же начинать день два раза.

— Для этого надо, чтобы нам удалось пробыть здесь еще долго,— сказала госпожа Уазиль.— Иначе одному из мужчин и одной из нас ни разу не придется быть первыми.

— Если бы выбор пал на меня,— сказал Дагусен,— то я уступил бы свое место Сафредану.

— А я,— сказала Номерфида,— уступила бы мое место Парламанте, я так привыкла исполнять чужие распоряжения, что вряд ли могу распоряжаться сама.

Никто не стал с этим спорить, и Парламанта начала так:

— Благородные дамы, здесь уже было рассказано столько благородных историй, что я хочу, чтобы этот день мы посвятили истинным историям о самых больших безрассудствах, какие только были на свете. И, чтобы не терять попусту время, я сейчас же начну.

НОВЕЛЛА СЕМЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

Жена шорника, бывшая при смерти, неожиданно исцелилась и вновь обрела дар речи, которой она уже два дня не владела,— ей стоило только увидеть своего мужа в постели со служанкой.

В городе Амбуазе жил шорник по имени Брембодье, находившийся на службе у королевы Наваррской. Цвет лица у него был такой, что можно было подумать, что он служит Бахусу, а отнюдь не жрецам Дианы. Женился он на женщине очень достойной и хорошей хозяйке и жил с нею в мире и в ладу. Однажды ему сказали, что жена его больна и положение ее очень серьезно, чем он был до крайности опечален. Он поспешил домой и нашел несчастную в таком состоянии, что ей уже нужен был, пожалуй, не врач, а духовник. Увидав ее в такой беде, муж стал горько плакать. Но чтобы в точности изобразить его, следовало бы картавить, как картавил он. Можете себе представить, какое у него при этом было лицо. После того как он сделал для жены все, что мог, она попросила, чтобы ей принесли распятие. Просьба эта была исполнена. Увидав это, несчастный повалился на постель и зарыдал. Заикаясь и картавя, он причитал:

— О, горе мне, господи, жена моя умирает! Что я буду делать, несчастный!

Кончилось тем, однако, что, окинув глазами комнату, он увидел, что там никого нет, кооме молоденькой служанки, девушки довольно красивой и дородной, и тихо подзвал ее, прошептав:

— Милая моя, я умираю; для меня это хуже смерти — видеть, как кончается твоя госпожа! Не знаю уж, что делать, что говорить, вся надежда у меня только на тебя: пожалуйста, позаботься о доме, о детях. Вот тут у меня связка ключей, возьми их. Распорядись по хозяйству, сам я больше уже ничего не могу.

Бедная девушка пожалела его и стала утешать, уговаривая его не отчаиваться и уверяя, что, даже если госпожа ее умрет, он, ее добрый господин, должен остаться в живых.

— Милая моя, — ответил шорник, — часы мои сочтены. Я умираю. Посмотри, как у меня похолодело лицо, прижмись щекой к моим щекам, согрей меня немного.

Говоря это, он приложил руку к ее соскам. Девушка пыталась было помешать ему, но он уговаривал ее не бояться, ведь надо же, чтобы она его согрела. И он обнял ее и повалил на кровать.

В это время жена его, у которой в жизни остались только распятие да святая вода и которая двое суток уже не могла вымолвить ни слова, начала вдруг своим слабеньким голосом кричать что было мочи:

— Нет! Нет! Нет! Я еще не умерла!

И, грозя мужу кулаком, она воскликнула:

— Мерзавец, паскудник этакий, я еще жива!

Услыхав ее голос, и муж и служанка вскочили с постели. Негодование этой женщины было так велико, что гнев прочистил ей горло, и она осыпала обоих самой оскорбительной руганью, какую только знала. И с той минуты она начала поправляться. И ни разу потом ей не пришлось упрекать мужа в том, что он ее мало любит.

— Вот, благородные дамы, сколь велико лицемерие мужчин: поиски ничтожного утешения лишают их всякой жалости к жене.

— А вдруг он от кого-нибудь слышал, — сказал Иркин, — что это лучшее средство, чтобы исцелить жену? Ведь ему не удавалось вылечить ее вначале обычным способом, и он, может быть, хотел испробовать средство противоположное, —

оно-то как раз и помогло. Удивительно только, как это женщины решили сами себя разоблачить, показав, что гнев лечит их лучше, чем кротость.

— Да уж, надо признаться, что такое подняло бы меня не только с постели, но и из гроба,— сказала Лонгарина.

— А вообще-то что он ей сделал плохого,— воскликнул Сафредан,— он был уверен, что она умерла, и решил немного утешиться! Все ведь отлично знают, что узы брака делятся только покамест мы живем: со смертью они обрываются, и человек свободен.

— Да, свободен,— сказала Уазиль,— от клятвы и от обязанностей, только доброе сердце никогда не будет свободно от любви. Скоро же он забыл о своем горе, если даже не мог дождаться, пока жена испустит последний вздох.

— Меня больше всего удивляет,— сказала Номерфида,— что, несмотря на то, что перед глазами у него были смерть и распятие, он дерзнул оскорбить господя.

— Нечего сказать, нашли причину! — вскричал Симонто.— Вы, верно, не удивились бы никаким безумствам, лишь бы все это совершалось подалеже от церкви да от кладбища?

— Смейтесь надо мной сколько хотите,— сказала Номерфида,— но размышления о смерти способны охладить всякое сердце, даже самое молодое.

— Пожалуй, я бы с вами согласился,— сказал Дагусен,— если бы мне не довелось услышать от одной принцессы, что все иногда бывает и наоборот.

— Значит, она вам рассказала какую-то историю,— сказала Парламанта,— а раз так, то я уступаю вам место, чтобы вы, в свою очередь, ее рассказали нам.

НОВЕЛЛА СЕМЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

Исполняя последний долг милосердия и читая над покойником молитвы, монах совершил грех с монахиней, и она от него понесла.

В одном из лучших после Парижа городов Франции находилась богато отделанная больница, вверенная попечению аббатисы и пятнадцати-шестнадцати монахинь, а рядом было еще одно такое здание, где помещался приор и с ним человек семь-восемь монахов. Монахи каждый день правили службу, а монахини читали только «Отче наш» и молитвы

божьей матери, ибо остальное время были заняты уходом за больными. Однажды в больнице умирал какой-то бедняк, и все монахини собрались у его постели. И после того, как были испробованы все средства, чтобы его спасти, послали за одним из монахов, чтобы тот его исповедовал. Но, видя, что умирающий слабеет, ему и без исповеди дали причастие. Говорить он уже больше не мог. А так как он все еще был жив и, казалось, все слышал, каждая из монахинь старалась сказать ему что-нибудь хорошее. Но в конце концов им это надоело, и, видя, что совсем стемнело и час уже поздний, они одна за другою отправились спать. И возле умирающего осталась одна из самых молодых монахинь и монах, которого все боялись больше, чем самого приора, ибо как речи его, так и жизнь были очень суровы. И после того, как монах громко прокричал над самым ухом несчастного молитву, оба они увидели, что тот уже не дышит. И они завернули его в саван, и, выполнив свой последний долг милосердия, монах стал говорить о том, сколь суетна человеческая жизнь и сколь блаженна смерть. Было уже за полночь. Бедная девушка внимательно слушала благочестивые речи и со слезами на глазах взирала на монаха. И тому так по душе пришелся этот взгляд, что, говоря о загробной жизни, он принялся вдруг обнимать ее, как будто хотел в объятиях своих унести ее прямо в рай. Бедная девушка, которая, внимая его речам, была уверена в том, что благочестие его беспримерно, не смела отклонить его ласку. Нечестивый монах это заметил и, продолжая свои благочестивые поучения, совершил над нею то, что обоим им в этот миг внушил дьявол, ибо до этой минуты между ними никогда ничего подобного не бывало. И он уверил несчастную, что грех, совершенный втайне, не наказуется богом и что мужчины и женщины, не соединенные узами брака, нисколько не оскорбляют Творца, если дело это не предалось огласке; а для того, чтобы никто не узнал о том, что случилось, строго-настрого наказал ей исповедоваться только у него одного. На этом они и расстались. Она ушла первая, и, когда она проходила через капеллу божьей матери, ей захотелось помолиться. И, начав шептать: «Пресвятая дева»,— она вдруг вспомнила, что уже потеряла девственность и что никто ее не насиловал, а склонил ее к этому только нелепый страх, и она принялась так плакать, что ей казалось, что сердце ее рвется на части. Услышав издалека ее тяжкие вздохи, монах догадался, что она все поняла и раскаивается и что теперь ему уже не придется тешиться с нею. И, чтобы не дать этим мыслям овладеть ею, он подошел к девушке, простертой перед статуей

божьей матери, и стал строго ее отчитывать. И сказал, что если ее мучит совесть, то пусть она исповедуется перед ним; если же нет, то пусть она больше об этом не вспоминает, ибо он всегда может сделать так, что грех ей простится.

Глупенькая монахиня, думая, что она исполняет волю божию, исповедовалась перед ним. И святой отец убедил ее, что в ее любви к нему нет никакого греха и что достаточно покропить святой водой, чтобы господь простил ей этот пустяк. И, веря в монаха больше, чем она верила в бога, она очень скоро вернулась с ним к тому, что меж ними было, и дело кончилось тем, что она от него понесла. Тогда ее охватило такое раскаяние, что она стала просить аббатису удалить этого монаха из монастыря, ибо понимала, что он так хитер, что и теперь будет добиваться своего. Но аббатиса была в сговоре с приором, и она только посмеялась над ней, сказав, что она уже достаточно взрослая, чтобы себя защитить от мужчины, и что того, о ком идет речь, она, аббатиса, знает как человека в высшей степени порядочного. Прошло некоторое время — и, охваченная порывом глубокого раскаяния, несчастная попросила, чтобы ее отпустили в Рим, ибо думала, что, если она покается в своем грехе перед папой, она снова станет девственницей. Приор и аббатиса охотно согласилась ее отпустить, ибо считали, что лучше пусть уж она нарушит устав и станет паломницей, чем будет томиться в стенах монастыря и в отчаянии своем дойдет до того, что откажется этот устав соблюдать. И они дали ей денег на дорогу. Но господу было угодно, чтобы, когда она находилась в Лионе, в церкви Святого Иоанна, там оказалась герцогиня Алансонская, вскоре ставшая королевой Наваррской, которая приехала туда вместе с несколькими дамами из своей свиты, чтобы исполнить какой-то тайный обет. После вечерни обе они стояли там коленапреклоненные перед распятием, как вдруг герцогиня заметила, что какая-то фигура поднимается вверх. При свете свечей она увидела, что это монахиня, и притаилась в углу, чтобы расслышать слова ее молитвы. Монахиня же, будучи уверена, что в церкви, кроме нее, никого нет, встала на колени и, каясь в своем грехе, так плакала, что невозможно было слушать ее без жалости. И она громко воскликнула:

— О, горе мне! Господи, сжапись над несчастной грешницей!

Герцогиня захотела узнать, что с ней такое; она подошла к ней совсем близко и спросила:

— Милая моя, что с тобой и откуда ты?

Несчастливая монахиня, не зная, кто с ней говорит, ответила:

— Увы, дорогая, горе мое так велико, что я уповаю только на господина и молю его, чтобы он сподобил меня свидеться с герцогинею Алансонской, ибо ей одной могу я рассказать все о беде, которая со мною стряслась, и я уверена, что если есть на земле правда, она найдет к ней путь.

— Милая моя,— сказала герцогиня,— ты можешь говорить со мною, как с герцогиней, ибо это моя близкая подруга.

— Не обижайтесь на меня,— сказала монахиня,— но своей тайны я, кроме герцогини, никому не доверю.

Тогда герцогиня заверила ее, что она может говорить со всей откровенностью, ибо перед нею та, кого она ищет. Несчастливая бросилась к ее ногам и, заливаясь слезами и рыдая, рассказала ей свою печальную историю, которую вы уже знаете. Герцогиня сумела ее утешить и успокоить. Она не стала заглушать в ее душе раскаяние, но уговорила не ездить в Рим и отправила ее обратно в монастырь, снабдив письмом к местному епископу, в котором она приказывала изгнать оттуда нечестивца-монаха.

Рассказ этот мне довелось слышать от самой герцогини.

— Теперь вы видите, благородные дамы, что бывают случаи, опровергающие то, что утверждала Номерфида. Оба они прикасались к покойнику и завертывали его в саван, но и это не избавило их от соблазна.

— Вот уж такое действительно никому в голову прийти не могло,— сказал Иркиан,— говорить о смерти и творить в это время жизнь.

— Грешить отнюдь не значит творить жизнь,— возразила Узиль,— хорошо известно, что грех творит только смерть.

— Поверьте,— сказал Сафредан,— что эта несчастная даже не помышляла о вашей теологии. Вспомните о дочерях Лота, которые напоили своего отца, чтобы не прекратился род человеческий. Так и эти несчастные хотели возместить разрушения, которые смерть учинила в брэнном теле, тем, что сотворили в тот же час новое живое существо. И в этом, вообще-то говоря, не было бы никакого зла, если бы не слезы бедной монахини, которая не переставала плакать и никак не могла забыть о постигшей ее беде.

— Мне не раз приходилось встречать таких женщин,— сказал Иркиан,— они плачут, замаливая свои грехи, и смеются, вспоминая о радостях, которые эти грехи им доставили.

— Я догадываюсь, кого вы имеете в виду,— сказала Парламента,— женщина эта немало уже посмеялась, пора бы ей и поплакать.

— Молчите,— сказал Иркиан,— трагедия, которая началась со смеха, еще не окончилась.

— Давайте-ка поговорим о чем-нибудь другом,— предложила Парламента,— сдается мне, Дагусен нарушил наш уговор рассказывать только веселые истории: его рассказ возбуждает жалость.

— Вы обещали,— сказал Дагусен,— что будете рассказывать только о безумствах, и мне кажется, что так оно и было. Но, чтобы выслушать рассказ позабавнее, я хочу предоставить слово Номерфиде — и, надеюсь, она исправит мою ошибку.

— Да, я знаю одну историю,— ответила она,— которую стоит рассказать после вашей, потому что речь в ней также идет о монахе и о мертвце. Не угодно ли вам ее выслушать?

На этом кончаются рассказы и новеллы покойной королевы Наваррской, которые до сих пор удалось разыскать

КОММЕНТАРИИ

Настоящий перевод сделан по изданию: Marguerite de Navarre. L'Heptaméron. Nouvelle édition revue sur les manuscrits par Michel François. Paris, Garnier Frères, 1943.

ВСТУПЛЕНИЕ

С. 22. *Котерэ* (Cauterets) — местечко в Пиренеях, в XVI в. входившее в Наваррское королевство и известное еще в галло-римскую эпоху своими теплыми сернощелочными источниками. Маргарита сама пользовалась этими водами. В настоящее время — бальнеологический курорт (департамент Верхние Пиренеи).

Тарб — в XVI в. главный город графства Бигорр, расположенный севернее Котерэ (сейчас административный центр департамента Верхние Пиренеи).

С. 23. *Беарнский ручей* (или ручей По) — горная речка, на которой расположен Котерэ.

Арагон — область на северо-востоке Испании (до 1479 г. была самостоятельным королевством). *Графство Руссильон* в XIII в. зависело от Арагонского королевства; при Людовике XI было уступлено Франции, но возвращено Фердинанду Арагонскому Карлом VIII. Окончательно присоединено к Франции в XVII в. *Нарбонна* — один из самых древних римских городов в Галлии — находится к северу от Руссильона. *Эз-Морт* (Aigues-Mortes) — город на юге Франции, недалеко от Нима; в средние века и еще в XVI в. был морским портом, в настоящее время — в нескольких километрах от побережья.

Уазиль.— Под этим именем Маргарита, как полагают, изобразила свою мать, Лунзу Савойскую (Oisille — анаграмма имени Loise).

Монастырь Серранской божьей матери — аббатство ордена премонстранцев в Олероне в Наварре, знаменитое особым почитанием божьей матери (Notre Dame de Sargance). Расположенное на одном из путей, ведущих к монастырю Святого Иакова Компостельского в Испанских Пиренеях, аббатство это привлекало многочисленных паломников. Мар-

гарита неоднократно там гостила — в частности, в 1546 г., когда скорее всего и было написано Вступление к ее новеллам.

С. 24. *Иркан* (Hircan, анаграмма имени Nanç, Nançic по-бearnски) — Генрих д'Альбре, король Наварры, второй муж Маргариты. *Парламанта* (по свидетельству Брантома, известного мемуариста XVI в., хорошо осведомленного об окружении Маргариты) — сама королева Наваррская; когда идет обсуждение новелл ее словами говорит автор. *Лонгарина* — Эмэ Мотье де Лафайет, госпожа де Лонгре (от этого наименования произведено ее условное имя — Лонгарина). *Дагусен* — Никола Дангю, аббат Жюйи и Сен-Савена в Тарбе, епископ Сейский с 1540 г., один из приближенных Маргариты. *Сафредан* — скорее всего Жан де Монпеа, муж Франсуазы де Фимаркон, изображенной под именем Номерфиды (Nomerfide — анаграмма de Fimarçon).

Аббатство Сен-Савен — бенедиктинское аббатство неподалеку от Тарба.

С. 25. *Пьерфит* (Pierrefite) — деревня в Верхних Пиренеях, недалеко от Котера.

Номерфиды — см. примеч. к с. 24; *Эннасюита* (Ennasuits или, в некоторых рукописях, Emarsuite — Анна де Вивонн, жена барона де Бурдейль (выведенного под именем Симонто), придворная дама Маргариты и мать Брантома. Брантом указывает в «Жизнеописаниях галантных дам» («Vies des Dames galantes»), что его мать была одной из рассказчиц в сборнике Маргариты и «знала кое-какие секреты ее новелл».

Жебурон — по-видимому, сеньер де Бюри, наместник Гвиэнны, с 1540 г. один из круга близких к Маргарите людей (Geburon — анаграмма de Bugue; «у» в анаграммах могло заменяться «в»).

С. 26. ...*ходил в сентябре на богомолье в Серранс*. — Восьмого сентября праздновалось рождество божьей матери.

С. 30. ...*совсем недавно были переведены с итальянского на французский*... — Имеется в виду перевод «Декамерона», сделанный королевским советником Антуаном Ле Масоном и посвященный Маргарите (первое издание — 1545 г.); упоминание его в тексте показывает, что вступление написано Маргаритой не ранее 1545 г., то есть уже после многих новелл.

Монсеньер Дофин — второй сын Франциска, Генрих, ставший дофином после смерти своего старшего брата (Франциска) в 1536 г. ...*его супруга* — Екатерина Медичи.

...*последовавшие вскоре после этого события*... — Имеется в виду падение войск императора Карла V на Прованс (1544), новый поход французов в Италию, победа их при Серизоле и последовавшее затем примирение с Карлом V по договору в Крепи; мир с английским королем (Генрихом VIII) был скреплен договором в Ардре в июне 1546 г. ...*разрешение от бремени супруги Дофина*... — Имеется в виду рождение в 1545 г. у Генриха и Екатерины дочери Елизаветы, впоследствии ставшей женой испанского короля Филиппа II. ...*многие другие*... — смерть Карла, третьего сына короля (1545).

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Новелла первая

Эта новелла основана на действительном происшествии: в архивах сохранился указ Франциска I, датированный июлем 1526 г., о помиловании Мишеля де Сент-Эньяна по его прошению, в котором, по понятным основаниям, события изложены обвиняемым иначе, чем у королевы Наваррской.

С. 32. *Герцог Алансонский* — Карл, первый муж Маргариты.

Епископ Сейский — Жак де Силли, занимавший это место с 1511 г. до своей смерти (1539).

С. 34. *Аржантан* — город в 50 км от Алансона.

С. 37. *Английский король* — Генрих VIII.

...сделать точно такие же из воска...— Речь идет о поверьях, широко распространенных еще в античности (упоминаются у Овидия), в течение всех средних веков и даже позже, в эпоху Возрождения,— о приемах так называемого *envoûtement*, заключавшихся в том, что из воска делали фигурку того человека, которому желали зла, и обычно прокалывали ей область сердца. В эпоху Возрождения вера в колдовство еще была повсеместной, особенно в Италии (*Галлери* — итальянец, судя по имени), но также и во Франции. Ранняя смерть Франциска II, Карла IX (детей Генриха II и Екатерины Медичи) в народе приписывалась именно такого рода черной магии.

С. 38. *Канцлер Алансонский* — то есть Бринон, юрист и дипломат, доверенное лицо Маргариты и Луизы Савойской; во время пребывания Франциска I в плену Бринон вел в Англии переговоры о мире.

...сестрой короля...— самой Маргаритой.

Регентша — Луиза Савойская.

Ля Барр был губернатором и королевским прево Парижа (высшая полицейская должность в стране) с 1526 по 1534 г. Он упоминается (без имени) также в шестьдесят третьей новелле.

Сен-Бланкар — Бернар д'Орнезан, барон де Сен-Бланкар; был начальником всех королевских галер. Маргарита его знала лично, так как он организовал ее поездку морем в Испанию, куда она ездила хлопотать об освобождении Франциска I из плена.

Новелла вторая

Новелла, очевидно, основана на действительном факте, который, по всей вероятности, имел место в 1530 г., когда у Маргариты родился сын Жан (проживший всего несколько месяцев). Брантом в своих «Жизнеописаниях знаменитых дам» («*Vies des Dames illustres*»), рассказывая биографию Марии Стюарт, королевы Шотландской, которая была каз-

нена английской королевой Елизаветой, упоминает эту новеллу (передавая слух о том, что палач, отрубивший голову королеве, поступил со своей жертвой так же, как слуга с хозяйкой в этой новелле).

С. 39. *Амбуаз* и *Блу* — королевские резиденции, где Маргарита жила в юности. Амбуаз расположен несколько ниже Блуа по течению Луары.

С. 41. *Хирурги*. — Хирургами в XVI в. называли обычно практиков-костоправов, умевших пускать кровь и оказывать первую помощь.

Новелла третья

С. 43. *Король Альфонс* — по-видимому, Альфонс V, король Арагона и Сицилии, захвативший Неаполь в 1443 г.

С. 48. *...тайна короля сокрыта от оленя...* — В оригинале здесь игра слов: олень (*cerf*) и слуга (*serf*) звучат одинаково.

Новелла четвертая

По поводу этой новеллы Брантом в своей книге «Жизнеописания знаменитых людей и великих полководцев» («*Vies des Hommes illustres et grands Capitaines français*») в биографии адмирала Бониве указывает, что этот рассказ имеет в виду его. В другой своей книге («Жизнеописания знаменитых дам») Брантом говорит, что героиней данной новеллы была сама королева Наваррская, «как я знаю это от покойной моей бабушки». При этом он добавляет: «...мне, впрочем, кажется, что вышеупомянутая королева не должна была бы скрывать своего имени, поскольку адмирал не смог победить ее целомудрие». Адмирал Бониве — один из приближенных Франциска I — был убит в битве при Павии. Он же — герой четырнадцатой и шестнадцатой новелл. Упоминаемая ниже в тексте новеллы придворная дама принцессы — мадам де Шатийон, сестра кардинала де Турнона.

С. 50. *...присутствовать при... туалете принцессы...* — В XVI в. и позже, в XVII—XVIII вв., при туалете знаменитых дам разрешалось присутствовать близким придворным, в том числе и мужчинам.

Новелла пятая

С. 56. *Кулон* — Кулонж Сюр Л'Отиз (в департаменте Двух Севр), недалеко от города Ниора; река Севр около впадения в нее Отизы сильно расширяется.

Святой Франциск — Франциск Ассизский, основатель ордена нищенствующих монахов, францисканцев; во Франции их называли *cordeliers* (от слова *corde* — веревка: они опоясывались веревкой в знак своей

бедности). Деятельность Франциска Ассизского в Италии XIV в. была первоначально направлена против излишеств и пороков официальной церкви, но католическая церковь, вначале косо смотревшая на Франциска и его последователей, затем санкционировала орден, который вскоре после смерти Франциска стал одним из оплотов католицизма.

С. 58. *Повапленные* — то есть окрашенные: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты» (Евангелие от Матфея, 23, 27). Вторая реплика — из Евангелия от Луки: «Ибо всякое дерево познается по плоду своему» (6, 44).

Новелла шестая

В основе этой новеллы лежит старый бродячий сюжет, уже многократно использованный в литературе до «Гептамерона»: в средневековом французском фаблио «О дурной женщине», в «Декамероне» Боккаччо (шестая новелла седьмого дня), в сборнике «Сто новых новелл» и др.

Новелла восьмая

Как и в новелле шестой, Маргарита придает рассказу видимость действительного события, указывая место — Алэ (Alais) в районе Гар, недалеко от Нима, — и имя героя; но и в этой новелле ею использован старый сюжет, известный по фаблио о мельнике Энгеррана д'Уази, четвертой новелле восьмого дня «Декамерона», двести шестой новелле Саккетти, по фазеции Поджо «О человеке, который сам наставил себе рога» и по девятой новелле сборника «Сто новых новелл» («Муж — сводник своей жены»).

С. 70. «*Республика*» — один из диалогов Платона, в котором философ устами Сократа излагает теорию идеального государства.

Новелла девятая

Комментаторы «Гептамерона» указывают, что в этой новелле, возможно, отразился один эпизод из старинной биографии провансальского трубадура Джауфре Рюделя, который, как и герой этой новеллы, умер в тот момент, когда принцесса Триполитанская, любимая им заочно, к которой он, уже больной, приехал на корабле, вышла к нему навстречу.

С. 76. «*Роман о Розе*» — аллегорический роман в стихах, написанный в XIII в. Гильомом де Лоррисом и Жаном де Менем и очень популярный еще и в XIV—XV вв. В 1527 г. Клеман Маро издал его со своим предисловием.

Новелла десятая

Исследователь жизни и творчества Маргариты Наваррской П. Журда указал, что в основе этой новеллы, возможно, лежит история одной девушки из Маноски (Нижние Альпы), мадемуазель де Валон, которая сожгла себе лицо серной кислотой, чтобы избавиться от домогательств Франциска I, проездом остановившегося в этих местах вскоре после победы под Мариньяно, в 1516 г. Были также высказаны предположения, что, может быть, Маргарита использовала в новелле какой-то рассказ, услышанный ею еще в Испании. Действие новеллы отнесено Маргаритой к Испании конца XV — начала XVI в. Имена главных героев — Флорида, Амадур, Авантурада — условные, но испанизированные; другие герои, в том числе женихи Флориды, — исторические лица: вице-король Каталонии — Дон Энрике Арагонский; король и королева — Фердинанд Арагонский и Изабелла Кастильская.

С. 77. *Графство Аранда* — Аранда де Монкайо, в Сарагосской провинции.

Замок Альхаферия — замок, построенный еще арабами, к западу от Сарагосы, одна из резиденций королей Арагонских (сохранился до сих пор).

Перпиньян — столица графства Руссильон, которое в XVI в. принадлежало Испании.

...в это время был заключен мир... — Скорее всего имеется в виду перемирие, заключенное между Карлом VIII и Фердинандом Арагонским в 1497 г.

С. 81. *Лангедок* — старинная французская провинция к северу от Руссильона, в XVI в. — на границе с Испанией.

Мажордом — здесь: главный королевский дворецкий (придворная должность, занимаемая обычно знатным лицом).

С. 88. *Сальс* — крепость в восточных Пиренеях.

С. 89. *Герцог Нахера* — Дон Манрике де Лара; получил титул герцога от Фердинанда и Изабеллы.

...король Туниса... двинул к берегам Испании множество судов... — Тунисский флот совершил нападение на берега Каталонии в 1503 г.

С. 99. *Левката* — местечко недалеко от Сальса в Пиренеях.

С. 103. *Гранада* до конца XV в. оставалась еще в руках арабов (была взята Фердинандом Арагонским в 1492 г.). Хронология исторических событий в этой новелле не совсем точна.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Новелла одиннадцатая

Эта новелла находится во всех рукописях «Гептамерона» и в первом издании (Бозестю). Во втором издании (Грюже) она заменена другой новеллой.

С. 108. *Туар* — городок в департаменте Двух Севр, входивший в XV в. во владения членов семьи де ля Тремойль, носивших титул виконтов де Туар.

Новелла двенадцатая

В основе новеллы лежит действительное событие. В январе 1537 г. Алессандро Медичи, первый герцог Тосканский из этого рода, женатый на побочной дочери императора Карла V, был убит своим кузеном Лоренцино Медичи, который завлек его в свой дворец под предлогом любовного свидания. После убийства Лоренцино, как и рассказывается в новелле, обратился к епископу с просьбой выпустить его из города, чтобы поехать к заболевшему брату Джулиано Медичи, и бежал в Венецию. С конца 1537 г. до октября 1544 г. Лоренцино жил во Франции. В 1548 г. был убит в Венеции. Упоминание о том, что событие происходило десять лет назад, датирует эту новеллу 1547 г. Этот исторический сюжет был впоследствии использован Мюссе в его драме «Лоренцаччо».

С. 115. «*Красавица, не знающая жалости*» («*La belle dame sans merci*») — поэма известного поэта XV в. Алена Шартъе;

Si gracieuse maladie
Ne met gueres de gens à mort.

Дальше в поэме следует:

Mais il siet bien que l'on die
Pour plustost attraire confort

(но так приятно говорить, чтобы скорей добиться утешения).

В поэме, написанной как диалог между умирающим от любви кавалером и жестокой красавицей, это — реплика Дамы; в данном случае — ответ Парламанты влюбленному в нее Дагусену, который все время намекает ей на свою любовь. Поэма Алена Шартъе была очень популярна во Франции и в начале XVI в. — в частности, в окружении Маргариты.

Новелла тринадцатая

С. 117. *При дворе регентши Луизы Савойской*... — Луиза Савойская дважды назначалась регентшей — в 1515—1516 и в 1523—1526 гг.; имеется в виду первый период.

С. 123. *Тараскон* — город на юге Франции, на реке Роне, недалеко от Марселя, откуда отплывал капитан.

Новелла четырнадцатая

С. 128. *Шомон* — Шарль д'Амбуаз, сеньер де Шомон, племянник известного кардинала Жоржа д'Амбуаза, министра Людовика XII, был назначен губернатором Милана в 1507 г. Об адмирале Бониве — см. примеч. к новелле четвертой.

Новелла пятнадцатая

С. 145. ...я завернула их в бумагу...— Дама завернула монеты в бумагу, так как монахи нищенствующего ордена (францисканцы) приносили обет никогда не брать в руки ни золота, ни серебра и обходили этот обет с помощью такой лицемерной уловки.

Новелла шестнадцатая

Героем этой новеллы является, по-видимому, опять Бониве, как и в четвертой и четырнадцатой новеллах (Брантом в «Жизнеописаниях галантных дам» рассказывает аналогичную историю как происшедшую с Бониве и ссылается на новеллы королевы Наваррской).

Новелла семнадцатая

С. 153. *Немецкий граф* — Вильгельм фон Фюрстенберг, известный капитан ландскнехтов на службе у Франциска I. Брантом в «Жизнеописаниях иностранных полководцев» («Vies des Capitaines étrangers») рассказывает о его измене и отсылает к этой новелле «Гептамерона». Впоследствии Фюрстенберг перешел на службу к Карлу V.

Сеньер де ля Тремойль — губернатор Бургундии с 1501 г. до своей смерти (погиб в битве при Павии в 1525 г.).

С. 154. *Робертэ* — Флоримон Робертэ, главный казначей и финансовый секретарь короля (то есть министр финансов) при Карле VIII, Людовике XII и Франциске I, умерший в 1527 г. Следовательно, событие, описываемое в новелле, произошло до 1525 г., скорее всего в 1521 г., когда Франциск приезжал в Бургундию.

Новелла восемнадцатая

В новелле использован традиционный мотив (замена одной женщины другой в постели).

С. 160. «О холодных и околдованных» — глава из «Декреталий» (Собрания постановлений) папы Бонифация VIII, где говорится о преследовании церковным судом тех, кто путем колдовства пытается сделать своих врагов неспособными к браку.

Новелла девятнадцатая

С. 161. *Маркиз Мантуанский* — Джан Франческо II Гонзага, женатый на Изабелле д'Эсте, сестре герцога Феррарского Альфонса I д'Эсте. Действие новеллы приурочено к концу XV — началу XVI в.

Обсерванты (от латинского слова *observare* — соблюдать) — монахи-францисканцы, строго соблюдавшие устав ордена, реформированный Константином собором в 1415 г.

Новелла двадцатая

Несмотря на подлинность имени главного героя новеллы (в списках придворных короля Франциска за 1522—1523 гг. указан среди шталмейстеров короля (*gentilhommes de l'Écurie*) господин де Риан), в основе новеллы лежит традиционный сюжет, встречающийся еще в «Тысяче и одной ночи», использованный Ариосто в «Неистовом Роланде» (песнь 28-я), а позже Лафонтеном в «Жоконде».

С. 173. *...надела полумаску...*— В XVI в. знатные дамы, выходя на улицу, часто надевали небольшие маски (*touret de nez*).

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

Новелла двадцать первая

Как указывает Парламента во вступлении к третьему дню, история, положенная в основу двадцать первой новеллы,— подлинная история одной знатной девушки: Роландина, по мнению всех комментаторов «Гептамерона»,— Анна де Роган, фрейлина королевы Анны Бретонской, жены Людовика XII. Дочь Жана II, виконта де Рогана, и Марии Бретонской, по матери она действительно была дальней родственницей королевы, не любившей ее из-за ее отца, которому королева не могла простить его притязаний на наследство последних герцогов Бретонских. Анна де Роган вышла замуж (в 1515) за Пьера Рогана, барона де Фонтена (того же рода, как указано в новелле,— буквально «носящего то же имя и тот же герб»), впоследствии убитого в битве при Павии. Кто был ее возлюбленный — бастард (то есть незаконнорожденный сын),— точно не установлено. Незаконные дети знатных лиц пользовались полуофициальным признанием и часто именовались по роду отца; комментаторы, основываясь на том, что в тексте новеллы говорится о даме, приехавшей с сыном ко двору (Луиза Савойская и Франциск), как о близкой родственнице бастарда, указывали на Жана, бастарда Ангулемского, узаконенного королевским указом в 1458 г., но ему в эпоху действия новеллы должно было быть лет пятьдесят, что вряд ли согласуется с текстом но-

веллы. Указывают также на бастарда из рода Гонзаго или на Лун Бурбона, внебрачного сына Льежского епископа.

С. 176. ...королева, которая любила, чтобы в ее свите всегда находились девушки из самых знатных домов.— Анна Бретонская, как подчеркивают все хронисты, первая окружила себя многочисленными придворными дамами и фрейлинами.

С. 181. Ко двору приехала знатная дама... вместе с сыном...— Луиза Савойская с Франциском, призванная ко двору вскоре после воцарения Людовика XII (1498).

С. 182. «*Рыцари Круглого Стола*».— Средневековые любовно-приключенческие романы-поэмы о легендарном короле Артуре и его рыцарях в XV в. снова вошли в моду в многочисленных прозаических переработках. Известно, что Франциск в молодости увлекался чтением этих романов.

С. 189. ...отправил ее в замок...— Парламента рассказывает об этом замке (замок Жослен) в сороковой новелле.

С. 193. ...я начал уже говорить о францисканцах...— Жебюрон имеет в виду рассказанную им пятую новеллу.

...не обойду... и бенедиктинцев...— В отличие от францисканцев, монахи старинного и богатого ордена Святого Бенедикта пользовались репутацией культурных и ученых людей.

Новелла двадцать вторая

Героями этой новеллы явились подлинные лица. Мария Эроз — сестра поэта Антуана Эроз, епископа Диньского, хорошо знакомого Маргарите Наваррской, увлекавшегося, как и королева, итальянским неоплатонизмом, что отразилось в его поэме «Совершенная возлюбленная» («*La parfaite Amie*», 1542). Преследующий ее приор — Этьен Жантье, настоятель парижского монастыря Сен-Мартен-де-Шан с 1508 по 1536 г. Под его руководством действительно были осуществлены преобразования в некоторых женских монастырях.

С. 193. *Визитатор* — лицо, обязанное периодически посещать монастыри определенного ордена с инспекторскими целями. *Конгрегация* — объединение монастырей одного ордена. *Фонтевро* — местечко в Анжу, недалеко от Соmjюра, где находился знаменитый женский монастырь, основанный еще в XI в.

С. 194. *Монастырь Жиф* — в долине Шеврез, неподалеку от Версаля.

С. 200. *In pace* (лат.) — с миром — формула заупокойной службы, писавшаяся на надгробных; в монастырях так называли темницу, в которую бессрочно заключали особо провинившихся монахов; иногда их замуровывали заживо.

С. 202. *Королева... поручила ему заботу о своих двух золовках...*— Золовки королевы Маргариты — сестры ее второго мужа, Генриха д'Альбре, короля Наваррского,— Екатерина д'Альбре, аббатиса монастыря Монтивилье неподалеку от Гавра, и Мадлена д'Альбре, аббатиса монастыря Святой Троицы в Кане.

Королевский канцлер — Антуан Дюпра, сделанный кардиналом и папским представителем (легатом) в 1530 г.; так как Дюпра умер в 1535 г., действие новеллы, по-видимому, происходило между 1530 и 1535 г.

Аббатство Жи.— Память об этом аббатстве сохранилась в современном названии местечка — Жи ле Ноннэн (поппайн — монашка).

Монтаржи — город в Луарэ, неподалеку от Орлеана.

Новелла двадцать третья

С. 209. *Мэтр Франсуа Оливье* — видный юрист, канцлер Алансонский и главный президент Парижского парламента (Суда), был назначен канцлером Франции в 1545 г.; таким образом, новелла была написана после 1545 г.

С. 210. *...ведь в их власти сжигать людей на огне и бесчестить.*— Эта фраза в издании Грюже была снята.

Новелла двадцать пятая

Героем этой новеллы является, несомненно, Франциск I; что касается жены адвоката, то первые комментаторы «Гептамерона» видели в ней «прекрасную Фероньеру», жену парижского адвоката Ферона, с которой Франциск был в связи; но этот роман короля относился к эпохе, когда он уже не был молод. Мишель Франсуа указывает на «Дневник парижского буржуа» — известную хронику эпохи Франциска I, — в котором под 1515 г. упоминается о романе Франциска с женой адвоката Жака Дизома; это предположение подтверждается тем, что в некоторых рукописях (и в издании Грюже) в самом начале новеллы вместо слов «plus estimé que nul autre» («самый уважаемый из всех [адвокатов]») стоит «plus estimé que neuf hommes» («уважаемый больше, чем девять [других] людей»), — фамилия адвоката Disome звучит как dix hommes (то есть десять человек).

С. 223. *...рассказание его было столь велико, что ему простился и самый грех.*— Эту новеллу Монтень вспоминает в главе о молитвах (гл. 56 первой книги «Опытов»), где, рассказав, как принц, идя с любовного свидания, заходил в церковь молиться, автор пишет: «Оставляю читателя судить, о чем он мог молиться, когда его душа была полна столь приятными мыслями. Однако она (Маргарита Наваррская.— Э. Г.)

З. Г.) приводит это как свидетельство его благочестия. Но это только еще одно доказательство того, что женщина не способна разбираться в религиозных вопросах». На самом деле эта новелла — пример того, как любовь и снисходительность к брату заставляют Маргариту Наваррскую изменять своей, казалось бы, строгой морали и прибегать ко всяким софизмам.

Новелла двадцать шестая

Герой этой новеллы сеньер д'Аванн — Габриэль д'Альбре, дядя второго мужа Маргариты; был одно время вице-королем Неаполя, затем сенешалом Гвиены и умер холостым в 1504 г.

С. 224. *Памплона* — город в Испанской Наварре, до 1511 г. входивший в Наваррское королевство.

С. 226. *...назвал его отцом.* — Названное родство было распространено в XVI в. Поэт Клеман Маро называл своей сестрой *rag alliance* Анну Алансонскую, племянницу первого мужа Маргариты; Монтень называл своей дочерью *rag alliance* мадемуазель де Гурнэ, свою ученицу и поклонницу.

Монастырь Божьей матери в Монсеррате — знаменитый монастырь в Каталонии около Барселоны.

С. 232. *Олита* — город в Испанской Наварре, бывшая столица наваррских королей.

Таффала — городок около Памплоны.

Новелла двадцать седьмая

С. 237. *...упомянутой принцессы* — то есть самой Маргариты Наваррской: в обсуждении Симонто говорит, что он догадывается, кто этот секретарь, и рассказывает затем свою новеллу о секретаре королевы Наваррской.

Новелла двадцать восьмая

С. 239. *Байонна* — город в Гасконии, в старой провинции Гвиена, в Наваррском королевстве; с точки зрения парижанина — глухая провинция.

...некий Жан. — Предполагают, что это Жан Фротте, который был секретарем по финансам короля и королевы Наваррских.

С. 241. *...никогда не обманывать гасконца.* — Гасконцы пользовались репутацией людей, не теряющихся ни при каких обстоятельствах.

Новелла двадцать девятая

С. 242. *Графство Мен* (Maine) — старая французская провинция. *Деревня Каррель* (Carelles) находится в округе Майен. *Веялка* — здесь: большая плетеная корзина, с помощью которой веяли зерно.

Новелла тридцатая

В основе сюжета лежит мотив инцеста (кровосмешения), распространенный в фольклоре многих народов и восходящий к глубокой древности.

С. 244. ...*один из представителей рода Амбуазов*...— Людовик д'Амбуаз, епископ Альби, племянник известного министра короля Людовика XII, кардинала Жоржа д'Амбуаза, был легатом в Авиньоне с 1474 по 1502 г.

С. 246. *Капитан Монтесон* — сподвижник знаменитого Байара, прославившегося своей храбростью во время итальянских походов.

Шомон — Шарль д'Амбуаз, также племянник Жоржа д'Амбуаза, — см. примеч. к с. 128.

С. 247. *Королева Екатерина Наваррская*, сестра Гастона-Феба де Фуа и жена Иоанна д'Альбре, короля Наварры, — свекровь Маргариты.

С. 249. ...*поместить тех и других в особые монастыри*.— Монтэглон в своем издании «Гептамерона» ссылается на миланского историка начала XVII в. Джузеппе Рипамонте, который в своей «Истории Миланской церкви» рассказывает о некоей Гильельмине, основавшей в начале XIV в. в Милане с помощью своего соучастника Сарамиты тайную женскую общину, впоследствии запрещенную архиепископом Миланским из-за разврата, который в ней творился. Сарамита был сожжен живым вместе с вырытыми костями умершей раньше Гильельмины.

Святой Иероним (IV — начало V в.) — один из отцов католической церкви, переводчик Библии на латинский язык (так называемая Вульгата), провел несколько лет в пустыне близ Антиохии.

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

Вступление

С. 251. *Господин Сен-Венсан* — Франсуа Бонвало, аббат монастыря Святого Винцента в Безансоне, был послом императора Карла V при французском дворе в 1539—1541 гг. Безансон — главный город Франш-Конте, части Бургундского герцогства, по праву наследования принадлежавшей императору и окончательно присоединенной к Франции только в XVII в. Людовиком XIV.

Новелла тридцать первая

Мотив этой новеллы — францисканец, уводящий к себе женщину, переодетую монахом, — встречается уже в фаблио «Брат Дениз» поэта XIII в. Рютбёфа, затем в сборнике «Сто новых новелл» (новелла шестидесятая); однако в обоих случаях этот мотив трактован в комическом и эротическом планах, без убийств и насилий. Маргарита, воспользовавшаяся несколькими сюжетами из «Ста новых новелл», очевидно, и в этой новелле контаминировала две разные новеллы сборника, придав своему рассказу трагическую окраску.

Новелла тридцать вторая

В основе этой новеллы лежит модернизированный Маргаритой старый бродячий мотив — так называемый *Herzmaere* (ревнивый муж, убив любовника жены, заставляет ее съесть его сердце), — неоднократно встречающийся в средневековой литературе и обработанный Боккаччо в девятой новелле четвертого дня.

С. 256. ...по имени *Бернаж*... — Некий Клод Бернаж упоминается в письмах Людовика XI (1475); имя Бернаж встречается также среди младших шталмейстеров (*valets d'écurie*) Карла VIII (1495).

С. 259. *Жан Парижский* — Жан Перреаль, прозванный Парижским, придворный художник Карла VIII, Людовика XII и Франциска I; пользовался в конце XV и начале XVI в. славой лучшего художника Франции.

Новелла тридцать третья

С. 261. *Коньяк* — город в 50 км от Ангулема, резиденция графа Ангулемского, где родилась и провела первые годы жизни Маргарита Наваррская. *Шерв* (*Cherves*) — деревня, входящая сейчас в кантон Коньяк.

Новелла тридцать четвертая

С. 264. *Фор* — городок в округе Ниор (современный департамент Двух Севр); *сеньер Форский* — Жак Пуссар — был бальи (главным судьей) Берри, королевского удела, переданного Франциском I в приданое Маргарите при ее браке с королем Наваррским, и, следовательно, находился у нее на службе.

С. 267. ...презираю гордыню *Платона*. — Невысоко оценивая интеллектуальные возможности человека, Диоген, согласно преданию, выступал против отвлеченной философии и занятий науками; под «несуемой жадностью» Платона имеется в виду — как показывает весь контекст — жадность Платона к познанию мира.

Новелла тридцать пятая

С. 269. *...возлагал ей на лоб пепел...*— В первую среду Великого поста (mercredi de Cendres) священник мажет освященной золой лоб верующего, произнося слова заупокойной службы — «земля еси, и в землю отыдеши».

Новелла тридцать шестая

С. 274. *...был когда-то председатель суда... иностранец.*— По предположению Леру де Лэнси и Монтэглона, этот председатель суда — Жофруа Карль, итальянец по происхождению, бывший первым председателем суда в Гренобле, которому Людовик XII поручил надзор за воспитанием своей дочери Ренаты (впоследствии герцогини Феррарской); он присоединил к изображению на своем гербе ангела, прижавшего палец к губам (знак молчания), что толковалось в связи с событиями, рассказанными в новелле.

С. 278. *«Как вам возлюбить бога незримого...»* — эту цитату из Послания апостола Иоанна уже приводил Симонто в обсуждении девятнадцатой новеллы, где раньше излагались идеи неоплатонизма о совершенной земной любви как ступени к любви божественной. Однако здесь их излагает Сафредан, который относится к проблемам любви всегда в духе весьма реалистической галантности эпохи и который именно в этом плане использует платонические идеи и цитату из Послания, за что и получает отповедь от Уазила.

С. 279. *...дворянина из Памплоны и grenобльского председателя суда...*— Имеются в виду персонажи двух предыдущих новелл.

Новелла тридцать седьмая

С. 279. Луэ (Loué) — в департаменте Сарт, недалеко от Алансона; в XVI в. входило в Анжу.

С. 281. *...спать на кушетку.*— В спальнях богатых семей обычно кроме большой постели супругов находилась кушетка; на ней спала горничная, услуги которой могли понадобиться господам.

Новелла тридцать восьмая

С. 285. *...он послан исцелять страждущих, а не здоровых...*— «Не здоровые имеют нужду во враче, но больные» (Евангелие от Луки, 5, 31).

Новелла тридцать девятая

С. 285. *Сеньер де Гриньоль* — Жан де Талейран, сеньер де Гриньоль — камергер Карла VIII и Анны Бретонской, упоминаемый Бранто-

мом в его биографии королевы Анны («Жизнеописания знаменитых дам»); Брантом характеризует его как человека образованного и любящего пошутить.

Новелла сороковая

С. 287. *Роландина* — см. примеч. к новелле двадцать первой. Граф де Жослен (в тексте Жосбелен) — один из титулов ее отца, Жана де Рогана; героиня новеллы — сестра его, Катрин де Роган, о которой было известно, что она умерла незамужней. Сюжет новеллы основан, возможно, на действительных фактах — Маргарита была в родстве с Роганами и могла быть осведомлена о том, чего другие не знали. Известно, что Жан де Роган в 1478 г. был арестован по приказу последнего герцога Бретани и получил свободу только в 1484 г., когда перешел на службу к королю Франции. Возможно, что поводом для ареста и было это убийство. Жертва его — тайный муж Катрин де Роган — по предположению историка рода Роганов, некий Рене де Керадрё. Замок Жослен, построенный еще в XI в. и переделанный Аленом де Роганом, отцом Жана, находился близ Плоэрмеля (в департаменте Морбиган).

ДЕНЬ ПЯТЫЙ

Новелла сорок первая

С. 296. ...*Маргарита Австрийская* приезжала в Камбре... заключить... мир... — В 1529 г. в Камбре был заключен мир между Франциском I и императором Карлом V; этот мир прозвали Миром Дам, так как Франциска представляла Луиза Савойская, а императора — его тетка, Маргарита Австрийская. Королева Наваррская принимала участие в переговорах и в подписании мирного договора. *Графиня Эгмонт* — Франсуаза де Люксембург, жена Иоанна IV, графа Эгмонта, и мать знаменитого графа Эгмонта, блестящего полководца, казненного герцогом Альбой за его выступления против инквизиции и в защиту прав голландского народа (этому посвящена известная трагедия Гете «Эгмонт»).

Фьенны. — Владения рода Фьеннов с XIV в. перешли к Люксембургскому роду, из которого происходила графиня Эгмонт.

Новелла сорок вторая

Герой этой новеллы, как и новеллы двадцать пятой, — Франциск I. Город в Турени — Амбуаз — одна из королевских резиденций, где жила Луиза Савойская с детьми в правление Людовика XII. Упоминаемая ниже в новелле сестра принца — сама Маргарита.

С. 300. *Кравчий* — придворная должность, дворянин, надзирающий за погребами принца и подающий ему вино за едой.

С. 307. *Лукреция*. — Имеется в виду известный рассказ Тита Ливия о Лукреции — целомудренной супруге Коллатина, которую овладел с помощью хитрости и насилия Секст Тарквиний, сын царя Тарквиния Гордого, и которая, рассказав о случившемся мужу, заколола себя кинжалом.

С. 309. *...которые ему позволяла честь*. — Как и в обсуждении двадцать пятой новеллы, Маргарита, в некотором противоречии с самой новеллой, стремится всячески обелить Франциска.

Новелла сорок третья

Эта новелла подробно рассказана Брантомом в его «Жизнеописаниях галантных дам», где он дает и имя героя новеллы, ссылаясь на свою мать, «которая была приближенной королевы Наваррской и знала кое-какие секреты ее новелл; это был мой покойный дядя де ля Шатеньере, который был решителен, быстр и немного легкомыслен».

Новелла сорок четвертая

С. 315. *Господин де Седан* — Робер де ла Марк, герцог Бульонский, сеньер де Седан, женатый на Катрин де Круа.

Новелла сорок пятая

С. 317. *Герцог Орлеанский* — Карл, третий сын короля Франциска I, умерший в 1545 г. Новелла, следовательно, написана после 1545 г. и до 1547 г., когда умер Франциск I.

С. 318. *День избивения младенцев* — то есть 28 декабря — день памяти невинных младенцев, перебитых, по евангельской легенде, царем Иродом. По старому французскому обычаю, в этот день молодые люди утром стремились застать женщин, еще не вставших с постели, и били их за лень, и это называлось «избивать невинных».

Новелла сорок шестая

С. 321. *Ангулем* был главным городом графства, бывшего уделом графа Карла, отца Франциска и Маргариты.

Новелла сорок седьмая

С. 325. *Перш (Perche)* — старинное французское графство, недалеко от Алансона (современные департаменты Сарт и Орн).

...все трое укладывались вместе спать...—Тогда это не считалось зазорным; хозяин, кладя гостя в супружескую постель, оказывал ему честь. Впрочем, кровати были так широки, что на них свободно могли спать трое и даже четверо.

Новелла сорок восьмая

С. 330. ...следовать завету Святого Иакова...— Имеется в виду Послание апостола Иакова: «Чистое и непорочное благочестие перед богом и отцом есть то, чтобы призирать сирот и вдов в их скорбях и хранить себя неоскверненным от мира» (1, 27). В издании Грюже этот текст снят.

Новелла сорок девятая

С. 331. *Король Карл* — Карл VIII; комментаторы «Гептамерона» (Леру де Лэнси и Поль Лакруа) идентифицировали трех сеньеров, введенных в новелле, по анаграммам их имен. Это были приближенные Карла VIII: *Астильон* — камергер короля Жак де Шатийон; *Вальнебон* — Жермен де Боневаль, советник и камергер, убитый в битве при Павии; *Дюрасье* — Жак де Женуйак, сеньер Д'Асье, бывший затем командующим артиллерией французской армии. *Иностранка-графиня* упоминается Брантомом в «Жизнеописаниях галантных дам», но без имени.

С. 336. ...книги *Круглого Стола*, то есть романы «Рыцари Круглого Стола» — см. примеч. к с. 182.

Новелла пятидесятая

С. 337. *Кремона* — город в Италии, входивший в герцогство Миланское.

ДЕНЬ ШЕСТОЙ

Новелла пятьдесят первая

С. 342. *Герцог Урбинский* — Франческо-Мариа дела Ровере, племянник папы Юлия II, прозванный Римским префектом, так как одно время он командовал папскими войсками; его жена — Элеонора-Ипполита Гонзаго, сестра герцога Мантуанского; их сын — Гвидобальдо дела Ровере, впоследствии тоже герцог Урбинский.

С. 344. *Ривольта* — город близ Милана; имеется в виду взятие Ривольты войсками Людовика XII во время захвата Миланского герцогства в 1509 г.

...тот был гвельф, а сам он гибеллин...— Борьба партий гвельфов и гибеллинов, раздиравшая Италию в XII в., продолжалась и позже — до подчинения Италии испанско-австрийской монархии при императоре Карле V.

Новелла пятьдесят вторая

С. 346. *Головка сахара*.— В XVI в. в Европе был известен только тростниковый сахар; привозился он главным образом с Востока и был сравнительно редок и дорог, поэтому им иногда могли расплачиваться, как деньгами. Как и в средние века, он употреблялся главным образом как лекарство и продавался в аптеках. Варенья и другие сладости в эту эпоху делались на меду; сахар вошел в быт позднее, когда европейцы перенесли культуру сахарного тростника в американские колонии.

Тирельер — местечко в нескольких километрах от города Алансона.

...он пошел на ту улочку, куда люди обычно ходили за нуждой.— В эту эпоху уборные были далеко не в каждом доме, и в городах, в том числе и в Париже, были улочки, служившие общественными уборными.

Новелла пятьдесят третья

С. 349. *Госпожа де Нефшатель* — Жанна, дочь графа де Нефшателя и вдова герцога де Лонгвиля.

Бельост — по-видимому, один из итальянских принцев, живший при дворе Франциска I.

Новелла пятьдесят пятая

С. 357. ...решил, что, если он умилостивит господа каким-нибудь даром...— Эта фраза в изданиях Боэстюо и Грюже из осторожности перед церковной цензурой была заменена фразой «думал замолить свой грех, если он раздаст все нищим, не заботясь о том, что его жена и дети померли бы с голоду после его смерти».

С. 360. ...о ком Вергилий сказал Данте...— У Данте («Божественная комедия», Ад, песня III, стих 51, перевод М. Л. Лозинского) эти слова Вергилия относятся к душам равнодушных, которых не принимает ни рай, ни ад.

Новелла пятьдесят шестая

С. 361. *Товий* — герой библейской Книги Товит.

Новелла пятьдесят седьмая

С. 366. *Сеньер де Монморанси*.— Речь идет о Гильоме де Монморанси, отце известного Анна де Монморанси, занимавшего должность

коннетабля (главнокомандующего) при Франциске I; Гильом де Монморанси действительно ездил в Англию в 1482 г. по поручению Людовика XI для переговоров о перемирии с английским королем.

Новелла пятьдесят восьмая

С. 370. *Принцесса Маргарита* — дочь Франциска I, покровительствовала ученым и поэтам; в 1559 г. выдана замуж за герцога Савойского. *Герцогиня де Монпансье* — Жаклина де Лонгви, жена Луи Бурбона, герцога де Монпансье.

Новелла пятьдесят девятая

Первые комментаторы «Гептамерона» (Леру де Лэнси и Поль Лакруа) считали героиней этой новеллы и предыдущей Маргариту Наваррскую, но современные исследователи вполне обоснованно отвергают это предположение.

Новелла шестидесятая

С. 380. *Королева Клод* — дочь Людовика XII, жена Франциска I.

ДЕНЬ СЕДЬМОЙ

Вступление

С. 384. *...услышала и та, к которой они были обращены.* — То есть Парламента.

Новелла шестьдесят первая

С. 384. *Отэн (Autun)* — один из самых старинных городов Франции, в XVI в. известный большим количеством церквей. *Каноник* — священник, член капитула (собора духовенства) этого города. Каноники обычно имели богатые бенефиции. Во многих городах право стать членом капитула — каноником — имели только дворяне.

С. 385. *Архидиакон* — в католической церкви — помощник епископа по управлению епархией и надзирающий за духовенством.

С. 388. *...королева Клод... проезжала в это время через город Отэн...* — Королева Клод, Луиза и герцогиня Алансонская (то есть сама Маргарита) были в Отэне в 1515 и в 1522 гг.

С. 389. *Цепи Святого Петра.* — По преданию, апостол Петр был заключен преследователями в тюрьму, но ангел снял с него цепи.

Новелла шестьдесят вторая

С. 390. ...жила одна дама королевской крови.— По-видимому, сама королева Наваррская.

С. 392. ...как уверяет царь Давид...— Имеется в виду начальный стих 31-го псалма: «Блажен, кому отпущены беззакония и чьи грехи покрыты»; этот псалом находится среди сорока девяти псалмов, переведенных Клеманом Маро французскими стихами, которые были очень популярны не только в среде протестантов; по свидетельству современников, дамы при дворе распевали их на мотивы известных песен.

Лукреция.— См. примеч. к с. 307.

Новелла шестьдесят третья

С. 393. ...один дворянин, которого король назначил... парижским прево...— Жан де ла Барр — приближенный Франциска I, назначенный парижским прево в 1526 г. (см. примеч. к с. 38). Король, упоминаемый здесь, — Франциск I.

С. 395. ...если бы он все это сделал только из любви к жене...— То есть на самом деле главным мотивом отказа молодого человека была его возвышенная любовь к даме, чьим поклонником он был.

С. 396. ...второго Святого Лаврентия...— В житии Святого Лаврентия рассказывалось, что язычники положили его на решетку, под которой был разведен костер.

Новелла шестьдесят четвертая

С. 401. ...она предлагала ему ад...— По учению католической церкви, загробные муки грешников могут быть временными (если человек был грешен, но успел раскаяться перед смертью) — тогда душа отправлялась в чистилище; в ад попадали грешники нераскаившиеся.

Новелла шестьдесят пятая

С. 402. ...она отдала все, что имела.— В Евангелии от Марка (глава 12) рассказывается, что Христос, увидев, как бедная вдова положила два гроша в сокровищницу храма, в которую богатые клали много денег, сказал, что она положила больше всех, так как положила все, что имела.

Новелла шестьдесят шестая

С. 403. Принцесса Наваррская — Жанна д'Альбре, дочь королевы Маргариты и Генриха Наваррского; после того как ее первый брак с герцогом Клевским, заключенный, когда она еще была девочкой, по настоянию Франциска I, был им же расторгнут, ее выдали замуж в

1548 г. за Антуана Бурбона (от этого брака родился будущий Генрих IV).

Протонотарий — церковный чиновник.

Новелла шестьдесят седьмая

С. 405. *Роберваль... отправился в плавание к берегам Канады...*— Франциск I поддерживал поездки французских мореплавателей к берегам Северной Америки (экспедиции Жана Картье в Канаду в 1534 и 1536 гг.). Успех первых поездок Картье привел к организации третьей экспедиции, в которой вместе с Картье принял участие пикардский дворянин Жан де ла Рок, сеньер де Роберваль, выступивший с предложением колонизации Канады, что и явилось главной целью этой экспедиции. Экспедиция имела место в 1542—1544 гг.; она окончилась неудачно, и проекты колонизации Канады были оставлены до начала XVII в. История, образующая сюжет новеллы, рассказана также (с незначительными отклонениями в деталях) в книгах географа конца XVI в. Андре Теве.

С. 407. *...об осуждении божьем...*— Имеется в виду библейская легенда об осуждении богом Адама и Евы, отведавших запретный плод от дерева познания добра и зла, и изгнанных за то из рая. (Книга Бытие, 3, 14).

«Я насадил...» — цитата из Первого послания Павла к коринфянам (3, 6).

С. 408. *...он отдает должное женщинам, которые подвизались с ним в благовествовании.*— Послание Павла к филиппийцам (4, 3).

Новелла шестьдесят восьмая

С. 408. *Город По* — старая столица Беарна, одна из резиденций Маргариты.

С. 409. *...и то на страстной неделе...*— На страстной неделе верующим вообще полагалось соблюдать полное воздержание, так что эта шутливая фраза означает, что муж совсем не жил с женой.

Новелла шестьдесят девятая

Эта новелла с некоторыми незначительными изменениями пересказывает семнадцатую новеллу сборника «Сто новых новелл» (советник, просеивающий муку). Как и в других случаях, Маргарита сделала героем новеллы своего современника, а в качестве места действия назвала свой собственный замок Одо (около Тарба в Бигорре, по дороге в Котерэ); в этом замке она часто жила и здесь же умерла 20 декабря 1549 г. Королевский конюший Карло — как предполагают, Карло ди Сен-Северино, из знатной итальянской семьи, перешедший на службу к королю Карлу VIII.

Новелла семидесятая

Эта новелла представляет собой прозаическую переработку старинной французской повести в стихах XII в. «*La châtelaine de Vergy*». Маргарита пользовалась скорее всего текстом самой старой повести (как можно заключить и по словам Парламанты о «старинном языке») или, может быть, какой-нибудь не дошедшей до нас ее прозаической переработкой, сделанной в XV в. (как полагал Гастон Парис).

С. 421. *Angustiae sunt mihi undique* — Книга пророка Даниила (13, 22).

С. 423. *Аржили и Вержье* — в современной области Кот д'Ор, в двух соседних кантонах.

С. 428. ...то, что случилось с языком богача, попавшего в ад! — Имеется в виду приглаго о богатом и Лазаре.

Иксион.— В греческой мифологии рассказывается, что Иксион за оскорбление Зевса был низвергнут им в Тартар, где должен был мучиться, привязанный к колесу, окруженному змеями; Маргарита, очевидно, спутала казнь Иксиона с казнью прикованного к скале Прометей, которому орел выклевывал печень.

С. 433. *De profundis* — заупокойная молитва.

ДЕНЬ ВОСЬМОЙ

Новелла семьдесят первая

С. 435. *Жрецы Дианы* (богини, считавшейся покровительницей охоты) — те, для кого работал шорник, изготавливающий седла для сеньеров-охотников.

Новелла семьдесят вторая

С. 440. ...о дочерях Лота...— В Библии рассказывается об истреблении богом нечестивых городов Содома и Гоморры, откуда бог вывел только Лота с его семьей (Книга Бытие, 19, 31).

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>А. Михайлов.</i> Книга новелл королевы Наваррской	3
--	---

ГЕПТАМЕРОН

ВСТУПЛЕНИЕ	22
----------------------	----

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

О том, какие проделки совершали женщины, чтобы обмануть мужчин, и мужчины — чтобы обмануть женщин

<i>Новелла первая.</i> Жена алансонского прокурора Сент-Эньяна взяла себе в любовники епископа Сейского и молодого человека — сына военного губернатора, который по ее наущению убит ее мужем, прибегнувшим к помощи колдуна, а потом понесшим за все наказание	32
<i>Новелла вторая.</i> Жена амбуазского погонщика мулов отказалась удовлетворить низменные желания своего слуги и предпочла умереть	39
<i>Новелла третья.</i> Королева Неаполитанская, жена короля Альфонса, отомстила мужу своему, взявшему себе в любовницы жену одного дворянина, тем, что, сама вступила с этим дворянином в любовную связь	43
<i>Новелла четвертая.</i> Дерзкая попытка одного дворянина овладеть знатнейшей дамой Фландрии и постигшая его неудача	49
<i>Новелла пятая.</i> О том, как лодчица из Кулона вырвалась из рук двух монахов-францисканцев	56
<i>Новелла шестая.</i> О том, как жене старого камердинера герцога Алансонского удалось спрятать любовника от мужа, кривого на один глаз	60

- Новелла седьмая.* Парижский купец спасает честь молодой девушки, перенеся свои любезности на ее мать 62
- Новелла восьмая.* Борне, который спал с собственной женой, будучи уверен, что спит со служанкой, умудрился сам наставить себе рога, но так, что жена его ничего об этом не знала 65
- Новелла девятая.* Дворянин из Дофинэ умирает от тоски, не дождавшись утешения от девушки, которая богаче и знатнее его и которую он любит 71
- Новелла десятая.* История любви Амадура и Флориды, которая постригается в монахини, после того как ее возлюбленный умирает 77

ДЕНЬ ВТОРОЙ

О том, что каждому пришло на ум

- Вступление* 107
- Новелла одиннадцатая.* Приключения госпожи де Ронсекс в Туарском мужском монастыре 108
- Новелла двенадцатая.* Брат одной молодой девушки мстит Лоренцо Медичи, герцогу Флорентийскому, который хочет соблазнить его сестру 110
- Новелла тринадцатая.* Капитан галер, влюбленный в одну даму, дарит ей драгоценный алмаз, который та отсылает его жене 117
- Новелла четырнадцатая.* Сеньер Бониве обманывает друга своего, итальянского дворянина, и отбивает у него любовницу, которая не жалеет об этом 128
- Новелла пятнадцатая.* Девушка из знатного рода, покинутая своим мужем, небогатым придворным Франциска I, мстит ему, взяв себе любовника 135
- Новелла шестнадцатая.* Вдова некоего миланского графа, несмотря на то, что она обещала оставаться верной памяти мужа, отдается французскому дворянину, домогавшемуся в течение трех лет ее взаимности 148
- Новелла семнадцатая.* Великодушный поступок Франциска I в отношении графа Вильгельма, замышлявшего его убить 153
- Новелла восемнадцатая.* Долгое испытание, которому одна красавица подвергает влюбленного в нее студента 156
- Новелла девятнадцатая.* История Полины, которая постриглась в монахини, после того как ее возлюбленный, не получив разрешения на ней жениться, удалился в монастырь обсервантов 161
- Новелла двадцатая.* Влюбленный, которого долгое время дурачили, исцеляется от своей страсти, увидев любимую женщину в объятиях конюха 170

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

*О дамах, которые искали только добродетельной любви,
и о лицемерии и коварстве монахов*

- Вступление* 175
- Новелла двадцать первая.* Роландина, которой отец не позволяет выйти замуж, дает обещание стать женой бастарда из знатного рода и остается верна ему до самой его смерти, после чего выходит замуж за дворянина, принадлежащего к тому же роду, что и она 176
- Новелла двадцать вторая.* Приор монастыря Сен-Мартен-де-Шан тщетно преследует монахиню Марию Эроз 193
- Новелла двадцать третья.* Один дворянин из Перигора, чрезмерно доверившийся монаху-францисканцу, погибает из-за этого сам и губит жену и ребенка 204
- Новелла двадцать четвертая.* История любви королевы Кастильской и Элизора, который, не выдержав слишком долгого ожидания, становится отшельником 211
- Новелла двадцать пятая.* Любовные похождения молодого принца с женою одного парижского адвоката 219
- Новелла двадцать шестая.* Советы одной благоразумной дамы удерживают сеньера д'Аванна от опасностей, которым его подвергает любовь к знатной даме, живущей в городе Памплоне 224
- Новелла двадцать седьмая.* Жена камердинера некоей принцессы избавляется от назойливых домогательств секретаря этой принцессы, приехавшего к ним в гости 237
- Новелла двадцать восьмая.* Гасконский купец Бернар дю Га, будучи уверен, что обманул секретаря королевы Наваррской, в действительности обманут сам 239
- Новелла двадцать девятая.* О том, как один священник из Каррели, застигнутый с женою работника, находит выход из затруднительного положения 242
- Новелла тридцатая.* Кровосмесительная связь одного молодого человека с собственной матерью и дочерью 244

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

*О добродетели и терпении дам, способных долгое время ожидать,
и о благоразумии, которое проявляли мужья в отношении жен*

- Вступление* 250
- Новелла тридцать первая.* В наказание за жестокость монаха-францисканца, влюбленного в жену одного дворянина, францисканский монастырь сжигают со всеми, кто в нем находился 251
- Новелла тридцать вторая.* Бернаж, посланник Карла VIII, мирит одного немецкого дворянина с женой 256

<i>Новелла тридцать третья. Лицемерие священника, соблаз- нившего собственную сестру</i>	261
<i>Новелла тридцать четвертая. Ужас двух монахов, вооб- разивших, что хозяин дома, где они остановились, решил их за- резать, в то время как речь шла о поросятах</i>	264
<i>Новелла тридцать пятая. Некая дама из Пампелуны, счи- тавшая, что любовь к монаху никак не может ей повредить, из- бавлена своим мужем от опасностей, которым она себя подвер- гала</i>	268
<i>Новелла тридцать шестая. Председатель суда в Гренобле мстит писцу, соблазнившему его жену, а потом отравляет из- менницу салатом</i>	274
<i>Новелла тридцать седьмая. Госпожа де Луэ устраивает пожар, в то время как муж ее спит со служанкой, и этим воз- вращает себе его расположение</i>	279
<i>Новелла тридцать восьмая. Одна горожанка из Тура добротой своей заставляет вернуться к себе мужа, проводив- шего время в обществе мызыницы</i>	283
<i>Новелла тридцать девятая. О том, как сеньер Гриньоль изгнал из своего дома мнимое привидение</i>	285
<i>Новелла сороковая. Граф Жосбелен убивает мужа своей сестры, а ее самоё заточает в замок</i>	287

ДЕНЬ ПЯТЫЙ

*О добродетели девушек и женщин, которые честь свою ставят
выше, чем наслаждение, о тех, кто поступает как раз наоборот,
и о простодушии некоторых иных*

<i>Вступление</i>	295
<i>Новелла сорок первая. О том, как монах-францисканец был наказан за необычную епитимью, которую он хотел наложить на одну девушку</i>	296
<i>Новелла сорок вторая. Молодой принц, не добившись ми- лостей от молодой девушки из Турени, проникается к ней боль- шим уважением и достойным образом выдает ее замуж за од- ного из своих слуг</i>	300
<i>Новелла сорок третья. Некая дама по имени Жамбика, ко- торая предавалась любви с одним дворянином, не знавшим, кто она, была узнана им и отомстила ему за это</i>	309
<i>Новелла сорок четвертая. За то, что францисканец не скрыл от него правду, господин де Седан вознаграждает его двумя поросятами вместо одного</i>	315
<i>Новелла сорок пятая. Обойщик из Тура устраивает «избие- ние младенцев» на особый лад со своей служанкой, а потом и с женой</i>	317
<i>Новелла сорок шестая. Францисканца де Вале пихают но- гой в живот, после чего он вознаграждает себя за все с до- черью одной благочестивой женщины</i>	321

- Новелла сорок седьмая.* Дворянин из Перша решает отомстить своему другу, заподозрившему, что тот соблазнил его жену, и действительно наставляет ему рога 325
- Новелла сорок восьмая.* О том, как были наказаны два монаха-францисканца из Перигора, один из которых занял в свадебную ночь место молодого мужа в постели 328
- Новелла сорок девятая.* Одна графиня-иностранка, любовница короля Карла, удаивала своих милостей еще троих молодых людей — Астильона, Дюрасье и Вальнебона, — которые решают ей отомстить 331
- Новелла пятидесятая.* История Джованни Пьетро, крестового дворянина, умершего в ту самую минуту, когда та, кого он любил, соизволила дать ему долгожданное свидание . . . 337

ДЕНЬ ШЕСТОЙ

О том, как мужчины обманывают женщин, женщины — мужчин и женщины — женщин, подстрекаемые скупостью, коварством и жадной мести

- Вступление* 341
- Новелла пятьдесят первая.* Герцог Урбинский приказывает повесить девушку, с помощью которой его сын передавал записки своей возлюбленной — сестре аббата де Фарса 342
- Новелла пятьдесят вторая.* Забавная шутка, которую сыграл слуга алансонского аптекаря с сеньором Тирельером и адвокатом Антуаном Башере 346
- Новелла пятьдесят третья.* Приключения госпожи де Нефшатель, которая была помолвлена с сеньором де Шериотцем и за которой хотелось поухаживать князю Бельосту 349
- Новелла пятьдесят четвертая.* Жена Тогаса узнает по положению двух теней на стене, что муж собирается ей изменить со служанкой 355
- Новелла пятьдесят пятая.* Хитрость вдовы купца из Сарагосы, которая для того, чтобы исполнить волю покойного, продает лошадь вместе с кошкой 357
- Новелла пятьдесят шестая.* О том, как старый монах-францисканец из Падуи женит своего младшего брата на дочери одной благочестивой дамы, а сам завладевает приданым 360
- Новелла пятьдесят седьмая.* Английский лорд в знак верности даме, которую он любил, носит на груди ее перчатку, украшенную драгоценными камнями 366
- Новелла пятьдесят восьмая.* О том, как стараниями той, кого он любил, один дворянин был одурочен и принят за вора 369

- Новелла пятьдесят девятая.* О том, как та же самая дама посоветовала одной из своих служанок снизойти к ее мужу и как тот, после того как жена застала их вдвоем, раскаялся и с тех пор стал исполнять все ее прихоти 372
- Новелла шестидесятая.* Некий парижанин, который, полагая, что жена его умерла, женится вторично, вынужден через пятнадцать лет вернуться к своей первой жене, которая сошлась с одним из певчих капеллы Людовика XII 378

ДЕНЬ СЕДЬМОЙ

*О тех, кто поступал так, как ему не следовало поступать,
и делал то, чего не хотел делать*

- Вступление* 383
- Новелла шестьдесят первая.* Муж соглашается помириться с женой, которая пятнадцать лет прожила с каноником из Отэна 384
- Новелла шестьдесят вторая.* О том, как одна дама, рассказывая от третьего лица о происшествии, случившемся с ней самой, безвозвратно себя скомпрометировала 390
- Новелла шестьдесят третья.* Один женатый дворянин отказался принять участие в веселых похождениях, затеянных, чтобы доставить удовольствие королю, благодаря чему жена прониклась к нему большим уважением 393
- Новелла шестьдесят четвертая.* Один валенсийский дворянин, доведенный до отчаяния, принимает монашество и остается глух к призывам той, кого он любил 397
- Новелла шестьдесят пятая.* Ошибка одной старушки, молившейся возле гробницы в соборе Святого Иоанна в Лионе 401
- Новелла шестьдесят шестая.* Старая камеристка, будучи убеждена, что застала протонотария с любовницей, осыпает оскорблениями герцога и герцогиню Вандомских 403
- Новелла шестьдесят седьмая.* Приключения мужа и жены, спутников Роберваля, на необитаемом острове 405
- Новелла шестьдесят восьмая.* Жена аптекаря из города По решила без его согласия испробовать на нем средство, рекомендованное им одной из ее подруг, к которой охладел муж 408
- Новелла шестьдесят девятая.* Жена королевского конюшего Карло видит, что ее муж переоделся в платье служанки и просеивает зерно 411
- Новелла семидесятая.* История госпожи дю Вержье 414

ДЕНЬ ВОСЬМОЙ

О самых великих безумствах и о подлинных происшествиях,
услышать о которых полезно всякому

<i>Вступление</i>	434
<i>Новелла семьдесят первая.</i> О том, как умирающая жена шорника из Амбуаза неожиданно исцелилась, увидав, что муж ее ласкает служанку	435
<i>Новелла семьдесят вторая.</i> Читая молитву над покойником, монах соблазняет монахиню, и та признается в своем грехе герцогине Алансонской	437
<i>Комментарии</i>	442

Маргарита Наваррская
М25 Гептамерон/Пер. с фр. Алексея Шадрина; Вступ.
статья А. Михайлова; Комм. Э. Гуковской.— Л.: Ху-
дож. лит., 1982.— 472 с., 1 л. портр.

«Гептамерон» — знаменитый сборник новелл, написанных королевой Маргаритой Наваррской (1492—1549).

М 4703000000-079
028(01)-82 без объявл.

ББК 84.4Фр

МАРГАРИТА НАВАРРСКАЯ
ГЕПТАМЕРОН

Редактор Н. Сеткова
Художественный редактор
В. Куприянов
Технический редактор
Н. Литвина
Корректор И. Каган

ИБ № 2716

Сдано в набор 09.03.82. Подписано в печать 26.08.82. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Гарнитура «Академическая». Печать высокая, 24,78 + вкл. 0,05 = 24,83 усл. печ. л. 25,25 усл. кр.-отт. 28,79 + 1 гкл. = 28,84 уч.-изд. л. Тираж 50 000 экз. Изд. № ЛУ1—31. Заказ № 237. Цена 2 р. 60 к. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература», Ленинградское отделение. 191186, Ленинград, Д-186, Невский пр., 28. Отпечатано в Ленинградской типографии № 6 ордена Трудового Красного Знамени Ленинградского объединения «Техническая книга» им. Евгении Соколовой Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 193144, Ленинград, ул. Моисеенко, 10, с матриц Ленинградской типографии № 2 головного предприятия ордена Трудового Красного Знамени Ленинградского объединения «Техническая книга» им. Евгении Соколовой Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 198952, г. Ленинград, А-52, Измайловский проспект, 29.